

801-18
2313

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

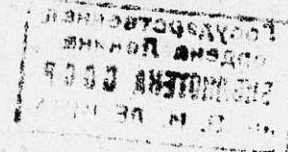
R 7
96

Личныя и служебныя воспоминанія

П. П. Карцова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1831 — 1876 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Бол. Подъяческая, № 39.
1888.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

63086-48

2007077801

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1830—1834.

Вступленіе.—Дѣтство.—Бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Въ Михайловскомъ дворцѣ.—Определеніе въ корпусъ.—Начало кадетскихъ воспоминаній.—Торжественное открытіе Новгородскаго корпуса.—Графъ Аракчеевъ.—Великій князь Михаилъ Павловичъ.

Почему вы не печатаете вашихъ воспоминаній? спросилъ меня одинъ изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ.

— Потому, — отвѣчалъ я ему и говорю вамъ, — снисходительный, или быть можетъ строгій читатель, что человѣку, вступающему во вторую половину седьмага десятка годовъ жизни, въ настоящее время какъ-то тяжело вспоминать то, что уже невозможно и надъ чѣмъ такъ незаслуженно и такъ безнаказанно издѣвались. Хотя въ моемъ минувшемъ были и тернія, но они не только не измѣняютъ общаго пріятнаго воспоминанія о прошломъ, но напротивъ, способствуютъ его рельефности.

Я уже вижу недовольныя мины тѣхъ поклонниковъ новизны, которые въ первыхъ строкахъ моихъ заподозрѣваютъ меня въ намѣреніи восхвалять „доброе старое время“.

Успокойтесь, — вы ошибаетесь.

Если я рѣшаюсь печатать мои записки изъ прошлаго, то единственно съ надеждою, что, быть можетъ, мой правдивый рассказъ измѣнитъ взгляды на пережитый мною періодъ тѣхъ, кто не близко зналъ его, или зналъ по умышленно извращеннымъ повѣствованіямъ ненавистниковъ минувшаго. Мнѣ кажется, что теперь наступило время, когда можно снять со мною Изъ Прошлаго.

гаго завѣсу, скрывавшую истину, въ угоду тѣмъ испорченнымъ шестидесятью годами личностямъ, которыя породили столько зла на Руси.

Не панегирикъ моимъ современникамъ намѣренъ я отдать на судъ читателей, а то, что пережито мною вмѣстѣ съ ними, что испытано и пережито было въ годы юности, зрѣлости и старости. Радости и огорченія, заботы и безпечность, успѣхи и неудачи,—все пойдетъ въ перемежку, но съ полною правдивостію и безъ всякаго лицепріятія. Называть лицъ еще дѣйствующихъ мы конечно не будемъ. Пусть читатель самъ узнаетъ ихъ изъ разсказа о совершавшемся.

Писать въ 67 лѣтъ о томъ, что было испытано въ 15,—дѣло не легкое. Впечатлѣніе, вынесенное о событіи совершившемся передъ глазами мальчика, можетъ быть совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое возбуждало бы то же событие, если-бы оно произошло на глазахъ старика.—Говорятъ, что юность воспріимчивѣе зрѣлости, что и хорошее и дурное сильнѣе дѣйствуютъ на ей убѣжденія. Намъ кажется, что все зависитъ отъ того какъ ведутъ и направляютъ юность. Насъ вели, воспитывали и учили иначе, чѣмъ ведутъ и учатъ нашихъ дѣтей и внуковъ. Поэтому они иначе смотрятъ и будутъ смотреть на многое, чѣмъ смотрѣли ихъ отцы и дѣды. Вопросъ въ томъ: чьи взгляды вѣрнѣе и честнѣе? Къ сожалѣнію, намъ извѣстно, что ихъ взгляды были и до сихъ поръ бываютъ умышленно направлены въ сторону отрицанія чего либо хорошаго въ прошломъ. Оно было представлено передъ ними совершенно въ извращенномъ видѣ; имъ выбирали изъ него одно дурное, умалчивая о хорошемъ. При этомъ большею частію не щадили ни лицъ, ни фактовъ; на первыхъ клеветали безъ зазрѣнія совѣсти, а факты искажали, какъ хотѣли, лишь бы выставить ихъ соотвѣтственно своей цѣли.

Почему такъ велось воспитаніе и направленіе юношества послѣ 50-хъ годовъ, и почему допускалось такъ вести его,—этого мы касаться не будемъ; но надѣмся, что настанетъ время, когда и это будетъ выведено на свѣтъ Божій, точно также, какъ для насъ настала пора говорить о нашемъ времени. Дай только Богъ, чтобы наши дѣти и внуки сказали о томъ какъ ихъ портили, съ тою же откровенностію, такъ же правдиво, какъ говорится о прошломъ въ этихъ запискахъ.

Да не скроетъ, напимѣрь, бывшій гимназистъ того, какъ его учитель словесности доказывалъ своему классу, состоявшему изъ 14-лѣтнихъ мальчиковъ, что незаконное прижитіе дѣтей не есть преступленіе, а только удовлетвореніе естественныхъ стремленій, и что никто не можетъ сказать про себя съ увѣренностію, что онъ законный сынъ. Да не скроютъ бывшія институтки того, что, подъ видомъ братьевъ, къ нимъ приходили студенты и приносили сочиненія Ренана и Дарвина, чего онѣ не думали даже скрывать отъ своихъ воспитательницъ. Такихъ фактовъ не сотни, а тысячи! Когда это будетъ раскрыто и признано всѣми какъ ядъ, которымъ отравляли юношество въ теченіи 30 лѣтъ, тогда только нынѣшнее поколѣніе увидитъ предшествовавшее ему время въ настоящемъ его свѣтѣ. Но покуда это совершится, да еще и совершится ли, обязанность всякаго благомыслящаго человѣка оказывать содѣйствіе къ разсѣянію того нравственнаго мрака, который заслоняетъ свѣтлыя черты минувшаго. Имѣя это въ виду, приступаю къ моимъ воспоминаніямъ.

Принадлежа къ весьма небогатой помѣщичьей семьѣ, я до 12 лѣтъ росъ въ ея средѣ, не зная ничего, кромѣ трехъ или четырехъ нашихъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей. Несмотря на ограниченность средствъ, доходившую иногда до нужды, сестрѣ, моимъ двумъ братьямъ и мнѣ, все-таки, давалось то образованіе, при которомъ было возможно опредѣлить сестру въ институтъ, а насъ, мальчугановъ, въ кадетскій корпусъ. Опредѣлять здороваго сына въ гимназію считалось тогда нѣсколько страннымъ. Старшаго брата отвезли въ корпусъ еще при жизни отца, умершаго въ началѣ 1880 года. Я, по десятому году, остался старшимъ при матери. При крайнемъ разстройствѣ заложеннаго имѣнія, мать находила возможность нанимать для насъ гувернантку, швейцарку Фавръ, за 300 р. ассигнаціями. Занятія съ нею ограничивались французскимъ и нѣмецкимъ чтеніемъ; русскимъ же языкомъ и Священною Исторіею занималась съ нами мать. Все это проходило весьма поверхностно, но за то все, что касалось домашняго хозяйства и религіозной обрядности, практиковалось съ усердіемъ. Намъ не дозволялось пропускать ни одной воскресной обѣдни, несмотря что

перковъ находилась за рѣкою, въ верстѣ отъ нашего дома. Въ кануны большихъ праздниковъ мы съ нетерпѣніемъ ожидали всенощной, справляемой обыкновенно на дому. Въ одиннадцать лѣтъ, безъ всякаго ученія, я могъ сказать наизусть все, что поется и читается при этихъ службахъ. Въ отношеніи другихъ сторонъ деревенской жизни, я всегда зналъ цѣны разныхъ сортовъ хлѣба, понималъ толкъ въ обработкѣ поля, смѣло ѣздилъ верхомъ, зналъ поименно всѣхъ работниковъ и крестьянъ дальнихъ деревень, умѣлъ самъ заложить лошадей въ сани или въ телѣжку, умѣлъ перевезти въ челнокъ за рѣку прохожаго, помогать матери вести хозяйственные записи, а когда ей бывало не поздоровится, то, при продажѣ хлѣба, повѣрялъ его отпускъ, что приходилось дѣлать иногда зимою, въ 3 или 4 часа ночи. Упоминаю о всѣхъ этихъ мелочахъ единственно для того, чтобы показать разницу, какъ проходилъ дѣтскій возрастъ въ помѣщичьемъ быту въ тѣ времена, безъ всякихъ гувернеровъ и репетиторовъ, и какъ проходить онъ теперь.

Ни той тяжелой родительской власти, которую такъ осуждали потомъ педагоги новыхъ школъ, ни особенно строгихъ наказаній мы не знали; но за то не знали и того, какъ возможно оказать неуваженіе отцу или матери, не послушаться ихъ, или осуждать ихъ взгляды и требованія. Все это явилось продуктами шестидесятыхъ годовъ. Теперь, въ домашней жизни дѣтей, мы видимъ или заботу о нихъ, доходящую до изнѣженности, или предоставленіе полной, безнадзорной свободы. То вы видите 10—12-лѣтняго мальчика, одѣтаго куклой, гуляющимъ подъ надзоромъ гувернантки—француженки, или гувернера—англичанина; то вамъ встрѣчаются 15-ти-лѣтніе юноши съ папирсами въ зубахъ, въ сообществѣ хохлатыхъ товарищей и подростковъ самаго ухарскаго пошиба, самаго разнообразнаго происхожденія. То же самое повторяется и въ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, съ тою разницею, что тамъ подобное направленіе и всякаго рода шарлатанства были обращены въ систему. Намъ въ дѣтствѣ никогда не приходилось не только испытывать, но и слышать, чтобы за деньги, ничего не дѣлая и не зная, можно было выдержать экзаменъ и поступить въ училище;—теперь же въ этомъ не сомнѣвается 10-ти-лѣтній мальчикъ. На-дняхъ одного богатенькаго юношу

спросили его бывшіе товарищи-гимназисты: „Какъ ты, могъ поступить вольноопредѣляющимся, когда самъ сознавался, что ничего не знаешь“?—Онъ отвѣчалъ мимикой: опустилъ руку въ карманъ и стукнулъ ею по столу. Есть даже заведенія, имѣющія во всей Россіи репутацію снисходительныхъ. Вы, напримѣръ, горюете, что куда ни возили сына, нигдѣ онъ не выдержалъ конкуренціи. „Отчего же вы—отвѣтятъ вамъ—не отдадите его туда-то (имя заведенія), тамъ навѣрное примутъ, постарайтесь только, чтобы экзаменовалъ такой-то. Эти *такіе-то* большею частію занимаются приготовленіемъ къ экзаменамъ, т. е. берутъ громадныя деньги, ни къ чему не готовятъ, но ругаются за поступленіе. Все это нѣсколько лѣтъ творилось гласно и извѣстно было всѣмъ, какъ учащимъ, такъ и учащимся.

Въ наше время, правда, требовали отъ 10—12-лѣтняго мальчика только самаго элементарнаго знанія грамотности, но за то мы не были посвящены въ тонкости подкуповъ. Наши наставники и учителя были грубѣе нынѣшнихъ, можетъ быть были менѣе учены, но ни словомъ, ни дѣломъ не учили насъ ничему противному религіи и нравственности. Они не обращали грамматики въ филологію и законовѣдѣнія въ философію, преподавали проще, но съ заботою о томъ, чтобы мы усвоили преподаваемое. Сравнивая требуемое въ то время, съ тѣмъ, что требуется теперь въ заведеніяхъ, невольно дѣлается жалко дѣтей, или бьющихся до изнуренія ради выдержанія экзамена, или ничего не дѣлающихъ, въ расчетѣ на то, что для полного кармана все возможно.

Изъ всѣхъ годовъ моего дѣтства, самымъ для меня памятнымъ остался 1831 годъ, когда, имѣя всего 10 лѣтъ, я былъ близкимъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ бунта въ военныхъ поселеніяхъ. Это былъ годъ польской компаніи, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ „холернаго“. Тогда холера считалась дотога заразительною, что письма и газеты приходили исколотыми и окуренными, а при всякомъ въѣздѣ и выѣздѣ, даже незначительной деревни, день и ночь курились костры, покрытые кучами навоза. Бывшіе при нихъ, изъ очередныхъ мѣстныхъ жителей, сторожа заставляли всякаго проходящаго нѣсколько разъ пройти подъ дымомъ курева. Въ военныхъ поселеніяхъ, отъ которыхъ наша деревня, какъ и другія помѣщичьи имѣнія, отдѣлялись на протяженіи 100 верстъ рѣкою

Ловатю, мѣры противъ заноса эпидеміи соблюдались съ особенною строгостью.

Необходимо сказать, что всѣ военныя поселенія отличались тогда поразительнымъ наружнымъ благоустройствомъ. Какихъ трудовъ и жертвъ стоило его достиженіе,—это вопросъ, о которомъ писалось слишкомъ много, для того, чтобы повторять это. Основатель поселеній, графъ Аракчеевъ, въ то время уже сошелъ со сцены, но все имъ заведенное не только поддерживалось, но и улучшалось. Въ Старорусскомъ отдѣлѣ далеко впрочемъ не было тѣхъ стѣснительныхъ формальностей въ частной жизни поселянъ, которыя существовали въ Новгородскомъ. Въ первомъ поселяне жили въ обыкновенныхъ избахъ, вели домашній обиходъ по общепринятымъ въ крестьянскомъ быту обычаямъ, но въ другихъ отношеніяхъ вполне подчинялись военнымъ порядкамъ и дисциплинѣ. Даже количество засѣва, способъ обработки полей, уборка хлѣбовъ и отправленіе всякаго рода повинностей,—происходило по опредѣленнымъ правиламъ и въ извѣстные сроки.

Несмотря на то, что со времени обращенія государственныхъ крестьянъ Новгородскаго и Старорусскаго уѣздовъ въ военныхъ поселянъ прошло тогда всего 10 лѣтъ, казалось, что народъ уже совершенно свыкъ съ своимъ новымъ положеніемъ. Все мужское населеніе, до 60 лѣтъ, имѣло опредѣленную форму одежды. Она состояла изъ кафтана съ стоячимъ воротникомъ и погонами, изъ панталонъ сѣраго сукна и такой же фуражки съ козырькомъ. На пагонахъ былъ номеръ округа, а на околышкѣ шапки—номеръ волости. Поверхъ кафтана надѣвался сѣрый кушакъ, въ родѣ теперешняго. Носить бороды дозволялось только старикамъ послѣ 60 лѣтъ, прочіе обязаны были брить ихъ. Молодое поколѣніе, т. е. парни отъ 18 лѣтъ, если они были не единственными сыновьями и работниками семьи, состояли рядовыми въ поселенныхъ батальонахъ тѣхъ гренадерскихъ полковъ, которые квартировали въ округѣ.

Всѣхъ округовъ было 12, изъ которыхъ одинъ назывался артиллерійскимъ. Округами управляли штабъ-офицеры; волостями, носившими также названіе ротъ,—капитаны, имѣвшіе подъ своимъ начальствомъ двухъ офицеровъ младшихъ чиновъ. Управление было комитетское; въ немъ предсѣдатель-

ствовалъ командиръ округа, а членами были: одинъ изъ начальниковъ волости, аудиторъ, докторъ, священникъ и адъютантъ, какъ дѣлопроизводитель. Отъ комитета исходили всѣ распоряженія и приказанія, въ немъ же совершались судъ и расправа за всякаго рода проступки.

Кто не видалъ наружнаго устройства военныхъ поселеній, тотъ не можетъ судить о томъ, до какого совершенства было оно доведено. Не только дороги между округами и волостями, но даже изъ одной деревни въ другую и полевые, находились въ превосходномъ состояніи и походили на дороги парковъ. Всѣ онѣ были обсажены деревьями; мостики, канавы—все одинаковой формы. Ни въ одной деревнѣ нельзя было найти ни одной покривившейся, крытой соломой, или курной избы. Передъ домами требовалась чистота, вдоль улицъ шли аллеи. Поля обрабатывались не только тщательно, но и красиво, въ видѣ широкихъ, низкихъ грядъ; у каждой полосы была, на стойкѣ, однообразной формы, дощечка съ именемъ ея хозяина. Даже заборы между домами и изгороди, отдѣлявшія поля, были однообразнаго вида и вышины. Лѣтомъ, послѣ cadaго сильнаго дождя, а зимою послѣ мятели, на другой же день, все населеніе высылалось для исправленія и расчистки дорогъ. Однимъ словомъ, военныя поселенія казались уголкомъ какъ бы другаго государства. Пала ли у постлянина лошадь, сгорѣла ли изба, побил ли градомъ его полосу, онъ не оставался безпомощнымъ: ему тотчасъ же, по представленію волостнаго командира, выдавали изъ комитета деньги, или зерно изъ запаснаго магазина. Лучшіе хозяева носили званіе унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Это были преимущественно личности, отбывшія свою службу въ строю и возвратившіяся на родину. Они несли всѣ общественныя и служебныя должности, отвѣчали не только за наружный порядокъ, но и за обработку пашни, за своевременный выходъ на работы и за ихъ качество. Начало посѣва, жнива, сѣнокосъ—все дѣлалось по приказанію, до полученія котораго никто не смѣлъ приступить къ работѣ, никто не смѣлъ и опаздывать выходомъ въ поле.

Въ такомъ положеніи засталъ военныя поселенія 1831 годъ.

Теперь все это можетъ казаться тяжкимъ и непростительнымъ стѣсненіемъ личной свободы; но если взвѣсить результаты, то выходило, что ни особеннаго пьянства, ни воровства,

ни уголовныхъ преступлений, сдѣлавшихся въ настоящее время непрерывными, въ военныхъ поселеніяхъ не существовало. Они не знали ни падежей, ни неурожаевъ, ни опустошительныхъ пожаровъ.

О распорядкахъ и различныхъ прихотяхъ Аракчеева, о которыхъ такъ много писалось потомъ, въ Старорусскихъ округахъ знали только по слухамъ. Полагаю даже, что половина анекдотовъ, въ родѣ жареной курицы, переносимой изъ дома въ домъ по мѣрѣ обхода Аракчеева, выдумана тѣми, кто поддѣлывался подъ вкусъ и взгляды редакторовъ тѣхъ журналовъ, въ которыхъ рассказчики анекдотовъ помѣщали свои записки. Вѣдь есть же такіе редакторы и издатели, которые съ наслажденіемъ помѣщаютъ подробности, доходящія до сальностей, о томъ, какъ сѣкли учителя семинаристовъ, забывая, что изъ среды этихъ сѣченыхъ выходили такіа свѣтила нашей іерархіи, какъ Инокентій, Филаретъ и Макарій.

Въ тѣхъ округахъ военныхъ поселеній, вблизи которыхъ прошла дѣтская жизнь моя, ни о какихъ выдающихся злоупотребленіяхъ слышно не было. Безъ мелкихъ, присущихъ всякому времени и всякой администраціи, нарушеній, конечно, не обходилось, но ни о растратѣ общественныхъ суммъ, ни о поощреніи разврата, ни объ оправданіи сознающихся преступниковъ, ни о произвольномъ обложеніи населенія, что дѣлаетъ теперь земство, ни о чемъ подобномъ и слуха не было.

Въ ноябрѣ 1830 года началось возстаніе въ Польшѣ. Стоявшіе въ военныхъ поселеніяхъ, полки Гренадерскаго корпуса были немедленно двинуты къ границѣ. Тогда мобилизаціи не требовалось, потому что войска содержались постоянно въ такомъ состояніи, что могли выступить на войну черезъ 24 часа по полученіи приказанія. Такъ случилось и съ 5-мъ карабинерныхъ полкомъ (нынѣ Астраханскій гренадерскій), стоявшимъ въ 50 верстахъ отъ Старой-Руссы, въ деревнѣ Перегино, гдѣ былъ штабъ 12-го округа военного поселенія. Сколько помнится, полки вышли въ походъ въ двухъ батальонномъ составѣ, третьи же, такъ называемые поселенные батальоны, состоявшіе изъ мѣстныхъ жителей, остались каждый въ своемъ округѣ. Изъ нихъ весною была сформирована сводная дивизія, подъ начальствомъ генерала Леонтьева; штабъ ея находился въ Старой-Руссѣ.

Лѣто 1831 года было необыкновенно жаркое, такъ что въ первыхъ числахъ іюля жнива и сѣнокосъ начинались одновременно. Въ воздухѣ постоянно держалась какая-то мгла; часовъ съ 3-хъ дня солнечный дискъ представлялъ рѣзко очерченный желто-красноватый кругъ безъ лучей. Въ народѣ говорили, что это не къ добру, а старики увѣряли, будто-бы то же самое было „передъ французомъ“.

Хотя въ старорусскихъ округахъ холера не появлялась, но какъ она уже обнаружилась около Новгорода, то начальство поселеній принимало противъ нея всевозможныя мѣры, между которыми было не мало очень странныхъ, порождавшихъ толки и ропотъ въ народѣ. Напримѣръ, въ каждой деревнѣ приказано было заготовить извѣстное число гробовъ, а на кладбищахъ вырыть нѣсколько могилъ, дабы, съ появленіемъ эпидеміи, умершіе погребались немедленно. Въ избахъ велѣно было имѣть въ готовности чистое бѣлье для покойниковъ и т. д. Все это исполнялось съ скрытымъ неудовольствіемъ, и не могло не повліять на общее настроеніе поселянъ. Это впервые было замѣтно въ воскресенье 12-го іюля, по выходѣ изъ церкви. Въ другое время, по окончаніи службы, народъ расходился невдругъ, образовывались на паперти группы, слышался говоръ; одни подходили къ священнику, другіе къ сосѣднему помѣщику. Въ этотъ же разъ всѣ молча уходили въ свои дома и деревни. Помню, что въ тотъ же день вечеромъ, мнѣ съ матушкой приходилось проходить черезъ погостъ, гдѣ мы встрѣтили только священника, отца Іоанна Парвова, задумчиво стоявшаго у колодца. Ни обычныхъ въ праздничные дни хороводовъ, ни пѣсенъ, ни даже игръ ребятишекъ не было.

Слѣдующій день, 13-е іюля, былъ необыкновенно знойный. Такъ какъ полевые уборки были въ полномъ разгарѣ, то въ нашей усадьбѣ, рѣшительно всѣ, кромѣ 70-ти лѣтняго старика, Димитрія, бывшаго слуги моего дѣда, никого не оставалось. Матушка и всѣ дѣти занимались на балконѣ чисткою ягодъ для варенья. За садомъ, на версту, шло вспаханное поле, за нимъ рѣка съ крутымъ противоположнымъ берегомъ. На немъ-то и была наша приходская церковь, на краю поселеннаго большаго села Коломны. Около трехъ часовъ дня, нѣсколько поселянъ, появившись на берегу, начали что-то кричать внизъ, женщинамъ занимавшимся у рѣки стиркою. Бросивъ

работу, онѣ поспѣшно взбирались въ гору. Въ то же время нѣсколько группъ поселянъ, одна за другою, почти бѣгомъ направились берегомъ къ сосѣднимъ деревнямъ. Все это казалось намъ необыкновеннымъ, особенно когда увидѣли, что кто-то бѣжитъ полемъ, по направленію къ нашему саду. Издали трудно было различить кто это, но по мѣрѣ приближенія мы узнали священника Парвова. Не постигая причины подобной поспѣшности, матушка послала къ нему навстрѣчу Димитрія. Но пока его отыскивали, пока онъ, пройдя садъ, вышелъ въ поле, мы видѣли, что на нашу сторону успѣли перейти въ бродѣ нѣсколько поселянъ. Они, имѣя въ рукахъ кто палку, кто грабли, кто топоръ, гнались за священникомъ. Вскорѣ эту толпу опередилъ верховой. Съ огромною дубиною въ рукѣ, онъ подскакалъ къ священнику въ тотъ самый моментъ, когда нашъ посланный сошелся съ нимъ. Сильнымъ ударомъ дубиною по головѣ, отецъ Іоаннъ былъ сбитъ съ ногъ. Тотчасъ подоспѣли другіе, и не прошло пяти минутъ, какъ несчастный былъ избитъ до полусмерти: голова его пробита, рука сломана, лицо представляло одно окровавленное пятно. Все это произошло въ 100 шагахъ отъ нашего сада, на нашихъ глазахъ. Матушка моя была до того испугана происшедшимъ, что всѣхъ насъ поставила возлѣ себя на колѣни и заставила молиться. Изъ толпы намъ кричали: „Счастье ваше, что попъ не добѣжалъ до дома; а то мы не оставили бы бревна на бревнѣ“.

Этимъ далеко не кончились истязанія отца Парвова. Обмотавъ ноги веревкою, его потащили по полю, такъ что онъ бился головою о камни и кочки; потомъ перевели на ту сторону рѣки, и у разграбленного его дома, били камнями, допрашивая послѣ cadaго удара, гдѣ у него спрятанъ ядъ и зачѣмъ онъ наканунѣ сыпалъ его въ колодезь.

Нужно замѣтить, что священникъ Парвовъ, какъ человѣкъ умный и пріятный въ обществѣ, былъ любимъ всѣми офицерами и сосѣдними помѣщиками, что не вполнѣ нравилось поселянамъ. Хотя они и ничего не имѣли противъ него особеннаго, но считали его, какъ члена комитета, участникомъ всѣхъ распоряженій начальства. Въ описанный день, онъ, ничего не предвидя, переѣхалъ на нашу сторону рѣки, удить рыбу, что составляло его любимое занятіе. Услыша шумъ въ селѣ, онъ

хотѣлъ возвратиться, но жена одного изъ пречетниковъ крикнула ему съ того берега: „Спасайтесь, домъ грабятъ и ищутъ васъ“.

По какому поводу и по чьему наущенію сдѣланы были описанныя истязанія надъ священникомъ, при самомъ строгомъ разслѣдованіи, ничего опредѣленнаго не выяснилось. Дня черезъ три сдѣлалось только извѣстнымъ, что въ ночь на 13-е іюля, въ Старой Руссѣ, произошелъ бунтъ въ военно-рабочемъ баталіонѣ, гдѣ убили почти всѣхъ офицеровъ. Войска въ это время въ городѣ не было, потому что всѣ посланные баталіоны находились въ лагерѣ подъ Княжнимъ дворомъ, до котораго было два перехода. Какимъ образомъ случившееся ночью въ Старой Руссѣ, могло быть по утру узнано за 50 верстъ и принято за сигналъ къ мятежу, на пространствѣ нѣсколькихъ округовъ,—не объяснимо. Ни телеграфовъ, ни почтоваго тракта въ этихъ мѣстностяхъ не было, между тѣмъ вѣсть о случившемся въ рабочемъ баталіонѣ, какъ молнія, прошла въ округа и 13-го іюля, почти въ одинъ и тотъ же часъ, совершены страшныя убійства въ Перегинѣ, въ Великомъ селѣ, въ Коростынѣ и въ Залучи, не смотря на то, что разстояніе между этими штабами было отъ 30 до 70 верстъ.

Мнѣ подробно извѣстно лишь то, что происходило въ первомъ изъ этихъ селъ, а потому скажу только о Перегинѣ. Случившееся въ другихъ пунктахъ имѣло совершенно тотъ же характеръ.

Начальникомъ 12-го округа былъ подполковникъ Кржево-лоцкій, человѣкъ семейный и гостепріимный. 13 іюля, по случаю именинъ, у него обѣдали почти всѣ офицеры округа, аудиторъ, докторъ,—всего человѣкъ болѣе 12-ти. Въ концѣ обѣда нѣсколько поселянъ заглянули въ открытыя со стороны сада окна, не снимая шапокъ. Одинъ изъ офицеровъ всталъ, чтобы узнать зачѣмъ они въ саду; но только что онъ высунулся изъ окна, какъ ударъ топоромъ раздвоилъ ему голову. Это было сигналомъ. Пораженные ужасомъ, хозяева и гости едва успѣли вскрикнуть, какъ человѣкъ 20 вскочило въ окна, другіе вбѣжали со двора, и началось общее избіеніе. Офицеры всѣ до единого были тутъ же убиты. Избитые—докторъ Шестаковъ съ женою, хозяйка дома, ея дочь и жена капитана Войнеловичъ, оставлены были живыми для допросовъ. Шестакова цѣлымъ ка-

галомъ повели въ аптеку, гдѣ заставили пить всевозможныя лекарства, въ доказательство того, что „въ нихъ нѣтъ ходеры“.

Цѣлую ночь и послѣдующій день продолжались неистовства надъ тѣми, кого не нашли въ штабѣ. Ихъ искали по деревнямъ, въ лѣсахъ и оврагахъ; кого находили—подвергали всевозможнымъ мученіямъ. Одну изъ офицерскихъ женъ, послѣ битья розгами, несмотря на послѣдніе дни беременности, привязали за косу веревкою къ лодкѣ и потянули топить въ рѣкѣ. Не найдя глубокаго мѣста, ее перевели въ бродъ и бросили на другомъ берегу. Найдя пріютъ у помѣщичьихъ крестьянъ деревни Старица, она въ слѣдующую ночь, переодѣтая въ сарафанъ и лапти, пришла къ намъ, гдѣ и была укрыта.

Какъ могла человѣческая натура дойти до описанныхъ звѣрствъ, а съ другой стороны, какъ несчастныя жертвы могли перенести эти звѣрства—понять трудно. Какъ на примѣръ, понять, что священникъ Парвовъ, послѣ того что мы описали, былъ брошенъ въ телѣгу и привезенъ для суда на волостной дворъ, въ деревню Остратово, гдѣ разъяренная толпа, подобно евреямъ на судѣ Пилата, кричала „убить, убить его“. Одинъ изъ бунтующихъ уже приставилъ заряженное ружье къ груди приговореннаго, какъ раздались новые крики: „повѣсить его“! Тогда обвязали ноги несчастнаго веревкою и повѣсили на подтокѣ избы, внизъ головой. Это совершилось уже поздно вечеромъ. Несмотря на наступившую ночь, обезумѣвшая толпа, съ криками: „пойдемъ добывать господъ“, бросилась въ другія деревни. Между тѣмъ сынъ Парвова, слѣдившій за проходившимъ, прибѣжалъ въ Остратово и умолилъ какого-то старика снять отца его. Воспользовавшись отсутствіемъ сосѣдей, старикъ этотъ снялъ священника еще съ признаками жизни, хотя кровь текла у него изъ рта, изъ ушей и даже изъ глазъ, обмылъ его, привелъ въ чувство и къ разсвѣту отвезъ въ село. Боясь держать умирающаго въ чьемъ либо домѣ, гдѣ поселяне могли отыскать его, жена и сынъ рассчитывая на то, что бунтующіе не посмѣютъ войти въ храмъ Божій, перенесли священника въ сѣни церкви. Питаясь тѣмъ, что сынъ ночью передавалъ черезъ окно, отецъ Іоаннъ двѣ недѣли прожилъ въ церкви и настолько оправился, что, когда пришли войска, могъ самъ выйти изъ заключенія. Спустя два мѣсяца онъ былъ вытребованъ въ

Новгородъ, гдѣ архіерей, во время служенія, торжественно возложилъ на него пожалованный синодомъ наперстный крестъ, а 1-го октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, онъ впервые можно сказать, послѣ своего воскресенія, служилъ въ своей церкви. Багроваго цвѣта лицо его было покрыто шрамами и отеками, но самъ онъ сдѣлался здоровѣе прежняго. Развѣ въ томъ, что человѣкъ, съ проломленною головою, съ перебитою рукою, человѣкъ избитый до того, что на немъ не было человѣческаго облика, наконецъ висѣвшій внизъ головою, выздоровѣлъ безъ всякой медицинской помощи и жилъ потомъ 20 лѣтъ,—не видѣнъ явный Промыслъ Божій?

Вотъ еще одинъ изъ эпизодовъ народнаго террора. Мѣсяца за два до бунта, изъ 2-го кадетскаго корпуса былъ произведенъ въ военныя поселенія прапорщикомъ Корецкій, юноша лѣтъ 18-ти. Три дня деньщикъ скрывалъ его въ ближайшемъ лѣсу, былъ за это битъ поселянами и все-таки не указалъ гдѣ его баринъ. Затѣмъ, предполагая, что все утихло и народъ образумился, Корецкій возвратился домой. Какой-то пастухъ, видя какъ онъ прошелъ къ деревнѣ, сказалъ объ этомъ поселянамъ, которые тотчасъ бросились къ квартирѣ Корецкаго. Онъ успѣлъ выскочить черезъ окно въ огородъ и лечь между грядами; тамъ нашли его, избили до полусмерти и, видя что несчастный юноша бѣжать уже не можетъ, вытащили на середину улицы и привязали къ периламъ мостика. Всю ночь онъ не подавалъ признака жизни, покуда свѣжесть утра не привела его въ чувство. Покрытый запекшимися кровью ранами и пылью, страдающій отъ палящаго солнца и массы мухъ, около полудня онъ имѣлъ еще силы сказать проходившей мимо него съ ведрами женщинѣ: „Голубушка, ради Христа, хоть каплю воды“. Въмѣсто того чтобы исполнить мольбу страдальца, эта мегера взяла горсть песку, засыпала имъ ротъ Корецкаго и прижала ногою. Какъ объяснить подобное варварство въ отношеніи человѣка ни къ чему непричастнаго, и никогда незнающаго этой ужасной женщины?

Такія же звѣрства происходили и въ другихъ округахъ, съ тою разницею, что тамъ нѣсколько офицеровъ успѣли скрыться, другіе приняли нѣкоторыя мѣры къ оборонѣ. Но были случаи, что начальство, своимъ нравственнымъ вліяніемъ успѣвало, кое-гдѣ, хоть на время образумить народъ. Такъ

начальникъ одного изъ округовъ, полковникъ Поссіетъ, пользовавшійся между поселянами репутаціею человѣка хотя и строгаго, но въ высшей степени честнаго и справедливаго, смѣло вышелъ къ толпѣ, собравшейся у его дома.

— Вы пришли убить меня—обратился онъ къ поселянамъ—видите, на мнѣ нѣтъ оружія; убивайте, если я сдѣлалъ зло кому либо изъ васъ.

— Нѣтъ, тобой мы, ваше высокоблагородіе, довольны, отозвался одинъ изъ толпы.

— Такъ за чѣмъ же вы хотите совершить не-христіанское дѣло, противное Богу и Царю?

— Да мы сами-то и не желали бы, да вишь вездѣ кругомъ избиваютъ начальство, значить и намъ нече отставать, загудѣло нѣсколько голосовъ.

Поссіету удалось убѣдить толпу разойтись. Не смотря на совѣты не только своихъ домашнихъ, но даже и нѣкоторыхъ стариковъ изъ поселянъ, скрыться куда-нибудь, онъ не соглашался оставить свой округъ. Черезъ нѣсколько дней, узнавъ о прибытіи въ С. Руссу генерала Леонтьева, Поссіетъ поѣхалъ къ нему за приказаніями и былъ убитъ при вѣздѣ въ городъ.

Въ артиллерійскомъ округѣ, которымъ командовалъ полковникъ Малевскій, послѣдній успѣлъ наскоро запретъ какую-то хранившуюся въ сараяхъ пушку и, захвативъ ее съ собою, вмѣстѣ съ бывшимъ у него въ гостяхъ помѣщикомъ Балкашинымъ, выѣхалъ въ коляскѣ изъ своего штаба, Залучья, въ поле. Оставивъ дома жену и двухъ взрослыхъ дочерей, онъ цѣлую недѣлю переѣзжалъ съ одной позиціи на другую. Во время этого маневрированія, толпы поселянъ нѣсколько разъ догоняли своего командира, бросались на занятый имъ пригорокъ или опушку лѣса, но достаточно было одного, хотя бы холостаго выстрѣла, чтобы преслѣдованіе прекращалось. За неимѣніемъ снарядовъ, Малевскій заряжалъ свое орудіе пескомъ и мелкими камнями, которые не убивали, но кровянили атакующихъ, что помогло потомъ открытію участниковъ бунта. Въ отмщеніе за то, что имъ не удалось схватить своего командира, поселяне нѣсколько разъ сѣкли его жену и дочерей, и одной изъ нихъ вырвали даже косу.

Изъ всѣхъ округовъ Старорусскаго удѣла, только одинъ

Медвѣдскій не принималъ участія въ бунтѣ, благодаря ловкости и распорядительности своего начальника. Верстахъ въ 30 отъ села Медвѣдя, среди болотъ и казенныхъ лѣсовъ, находились обширные казенные сѣнокосы, отдаваемые въ аренду. Какъ только округной услышалъ о начавшемся за Новгородомъ бунтѣ, онъ немедленно объявилъ по волостямъ, что получилъ Высочайшее повелѣніе заготовить возможно болѣе сѣна для идущей будто бы изъ Малороссіи въ Польшу кавалеріи, поэтому онъ скупаетъ у арендующихъ всѣ луга, по какой угодно цѣнѣ, и приказываетъ поселянамъ, не исключая и женъ ихъ, забравъ съ собою провизію, отправиться на косьбу сѣна и самъ отправляется съ ними. Цѣль этой выдумки была та, чтобы удалить поселянъ дней на 10, прервать ихъ сношенія съ сосѣдями и въ то же время занять ихъ работою. Замыселъ исполнѣлся. Покуда разгорался бунтъ и совершались звѣрства въ другихъ округахъ, медвѣдскіе поселяне, ничего не зная, усиленно работали и такимъ образомъ были спасены отъ тѣхъ тяжкихъ наказаній, которымъ подверглись потомъ ихъ сосѣди, за свои ужасныя преступленія. Мало этого, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ освободить Медвѣдскій округъ отъ всѣхъ тѣхъ налоговъ и повинностей, которыя должны были нести другіе, и оставить ему все, чѣмъ пользовались военныя поселенія до бунта.

Такое исключительное положеніе одного округа дало впоследствии поводъ къ слѣдующему факту. Когда, въ 60-хъ годахъ, военные поселяне были обращены въ удѣльныхъ крестьянъ, Медвѣдскій округъ былъ тоже обращенъ въ удѣлы. Это показалось его населенію величайшею несправедливостію. На всѣ подаваемые имъ прошенія, объ оставленіи въ прежнемъ положеніи, удѣльное начальство отвѣчало отказомъ. Тогда населеніе отправило съ тою же цѣлью депутацію въ Петербургъ, которую, конечно, до дворца не допустили, а возвратили на мѣсто жительства, со строгимъ подтвержденіемъ не повторять впредь ничего подобнаго. Но населеніе не унялось и на слѣдующій годъ ходяки были отправлены вторично. Ихъ возвратили, продержавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Видя, что надо покориться, населеніе, сдѣлавшись удѣльнымъ, ради утѣшенія себя и въ память данныхъ Императоромъ Николаемъ милостей, опредѣлило: поставить ему въ селѣ Медвѣдѣ памят-

никъ. На собранныя 25 тысячъ рублей былъ заказанъ бронзовый монументъ, изображающій Императора, въ натуральный его ростъ, въ шинели, спущенной съ одного плеча, и въ фуражкѣ. Этотъ памятникъ, на гранитномъ пьедесталѣ, украшаетъ и теперь площадь села, у церкви.

Причины описанныхъ звѣрствъ и злодѣяній, совершенныхъ одновременно на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ верстъ, населеніемъ, до того времени вполне покорнымъ, до сихъ поръ остаются гадательными. Одни полагали, что мятежъ былъ послѣдствіемъ обращенія свободнаго населенія въ военныхъ поселенцевъ, съ подчиненіемъ ихъ военной дисциплинѣ и строгостямъ графа Аракчеева. Если бы это было единственною причиною бунта, то почему же онъ не возгорѣлся въ то время, когда обращеніе совершалось, а 10 лѣтъ спустя, когда Аракчеевъ не имѣлъ уже ни какого вліянія. Другіе говорили, что причиною мятежа были безразсудныя мѣры противъ холеры. Но раздраженіе, произведенное ими, могло вспыхнуть при появленіи эпидеміи, какъ это произошло въ Петербургѣ, — въ Старорусскихъ же округахъ не было ни одного холернаго случая.

Наконецъ существовало мнѣніе, что подстрекателями къ мятежу были высланные поляками эмиссары, которые возбуждали народъ разсказами о его притѣсненіяхъ и лживыми надеждами о полной свободѣ въ будущемъ; однако никто изъ подобныхъ эмиссаровъ не былъ взятъ или уличенъ въ подстрекательствѣ.

Когда первый чадъ отъ невинно пролитой крови сталъ проходить и жертвы мятежа были, большею частью безъ христіанскаго обряда, похоронены ихъ убійцами, на все населеніе напалъ какой-то неопредѣленный страхъ. Народъ какъ бы понималъ, что совершено нѣчто чудовищное. Поселяне не могли оставаться на ночь въ домахъ. Каждый вечеръ, съ женами и съ дѣтьми, они уходили за р. Ловать, въ помѣщичьи лѣса, а утромъ возвращались въ свои деревни. На вопросъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ, женщины отвѣчали, что ихъ мужьямъ по ночамъ слышатся стоны со стороны кладбищъ. Нѣсколько опомнясь, бунтовавшіе поняли, что вовсе безъ начальства оставаться нельзя. На 6-й день убійствъ, они собрались на волостныя сходки, для выбора старшинъ и тысяцкихъ. Тогда же

обнаружились и первые признаки раскаянія, такъ какъ на сходкахъ уже говорилось о выборѣ депутатовъ, для отправленія ихъ въ Петербургъ, просить прошенія у Государя.

Въ отдаленныхъ отъ Старой Руссы округахъ мятежъ не возобновлялся. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ даже не были тронуты семейства тѣхъ офицеровъ Гренадерскаго корпуса, которые, уходя въ польскую компанію, оставили ихъ въ мѣстахъ квартированія. Жизнь этихъ семействъ, во все время бунта, была ужасна. Они ежеминутно ждали той же участи, которая постигла семьи поселенныхъ офицеровъ. Не смѣя выйти изъ дома, не смѣя послать за провизіей, чтобы не напомнить о своемъ существованіи, они по нѣскольку дней голодали, сидѣли попрятавшись на чердакахъ и въ подполицахъ.

Выше было сказано, что въ Польшу ушли только дѣйствующіе баталіоны гренадерскихъ полковъ, резервные же находились въ лагерномъ сборѣ, при Княземъ дворѣ. Какъ только вспыхнулъ мятежъ, послѣдовало распоряженіе выступить изъ лагеря въ Старую Руссу, занять ее 4-мя баталіонами, прочіе же направить по одному въ каждый штабъ поселенныхъ округовъ. Просимъ читателя вспомнить, что эти баталіоны состояли изъ рекрутъ, взятыхъ отъ мѣстныхъ жителей. Только унтеръ-офицеры и челоѣкъ по 15 въ каждой ротѣ были изъ старыхъ солдатъ, преимущественно уроженцевъ окрестныхъ деревень, остальное составляла молодежь: сыновья, племянники и братья поселенцевъ. Съ войсками такого состава усмирять край было несовсѣмъ надежно; но другихъ войскъ подъ рукою не было.

До Старой Руссы отрядъ генерала Леонтьева дошелъ благополучно. На слѣдующій день баталіоны, назначенные въ штабы, отправились своими дорогами, а четыре, съ артиллерійскою батареею, размѣстились биваками на площадяхъ города. Орудія были выставлены впереди моста, на шоссе, ведущемъ въ Новгородъ. Вскорѣ получено было свѣдѣніе, что громадная толпа поселенцевъ приближаются къ предмѣстьямъ. Вмѣсто того, чтобы выслать имъ настрѣчу нѣсколько ротъ, генералъ Леонтьевъ рѣшился оставаться въ оборонительномъ положеніи. Это ободрило мятежниковъ; они подходили все ближе и ближе и наконецъ заняли окраины города. На утро толпа тысячъ въ 10, съ топорами и кольями, была уже въ шагахъ пятистахъ

отъ орудій. Баталіоны стали въ ружье. По лицамъ нижнихъ чиновъ офицеры видѣли, что настроеніе ихъ духа мѣняется; многіе смотрѣли невесело и угрюмо. Командовавшій батареєю капитанъ обратился къ Леонтьеву съ просьбою, дать залпъ изъ орудій, хотя черезъ головы мятежниковъ. Робкій генералъ нашелъ подобную мѣру ненужною, говоря, что это только ободритъ толпу, а проливать кровь народа онъ не рѣшается. Черезъ полчаса толпы были настолько близко, что солдаты могли узнавать въ ней родныхъ; нѣкоторые даже переговаривались съ нимъ. Положеніе офицеровъ становилось критическимъ. Капитанъ вновь умолялъ генерала дозволить дать хоть одинъ выстрѣлъ картечью, представляя, что черезъ 5 минутъ будетъ уже поздно и все погибнетъ. Ему снова было отказано.

„Если такъ—отвѣтилъ командующій батареєю, то я все беру на себя“, и, подскочивъ къ орудіямъ, скомандовалъ „взводъ пли!“

Вмѣсто исполненія, нумера стоявшія съ пальниками, бросили ихъ на мостовую и затоптали фитиль. Взводный командиръ бросился на одного изъ нихъ, желая самъ произвести выстрѣлъ, но получилъ пальникомъ ударъ по головѣ. Видя и понявъ это, поселяне ринулись на мостъ, солдаты передали имъ ружья, выдали начальниковъ, и началось общее избіеніе офицеровъ. Нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ обратились къ своимъ частямъ съ напоминаніемъ о присягѣ, но при первыхъ же словахъ были заколоты. Въ баталіонѣ, стоявшемъ у гауптвахты, капитанъ Колонтаровъ успѣлъ накинуть на себя шинель одного изъ унтеръ-офицеровъ, надѣлъ аммуницію и, взявъ ружье, сталъ на часы. Нѣсколько минутъ онъ оставался неузнаннымъ; но одинъ изъ молодыхъ солдатъ, указывая на него землякамъ-поселянамъ, сказалъ: „Гляди братцы, какой рекрутикъ! Это нашъ капитанъ“. Колонтаровъ былъ тутъ же изуродованъ до того, что деньщикъ его, только по мѣткѣ на бѣлѣ могъ узнать его трупъ. Ночью, втиснувъ въ мѣшокъ, онъ привезъ его молодой капитаншѣ, остававшейся въ своемъ имѣніи, неподалеку отъ лагеря.

Нерѣшительный Леонтьевъ не избѣгъ общей участи. Хотя онъ успѣлъ на дрожкахъ ускакать отъ моста, но нѣсколько верховыхъ нагнали его у гостинаго двора и тутъ же изрубили топорами.

Въ этотъ же день, одинъ изъ поселянъ, при разграбленіи

квартиры Леонтьева, надѣлъ его мундиръ, ордена и ленту, сѣлъ на лошадь генерала и, имѣя въ рукахъ листъ бумаги, свернутый въ трубку, разѣжалъ по деревнямъ, кричалъ народу, что присланъ Государемъ съ приказаніемъ уничтожить дворянство.

Такъ кончилось второе дѣйствіе ужасной драмы—бунта въ военныхъ поселеніяхъ. Эпилогъ ея, какъ увидимъ ниже, вполне ей соотвѣтствовалъ.

Баталіоны, направленные изъ Старой Руссы прямо въ округу, не посрамили себя подобно оставленнымъ въ городѣ. Благодаря силѣ воли, энергіи и знанію народнаго духа ихъ командировъ, они не только не приняли участія въ бунтѣ, но, напротивъ, удержали занятые ими районы въ полномъ повиновеніи.

Баталіономъ 5 карабинернаго полка командовалъ полковникъ Толмачевъ. Во время трехдневнаго похода, отъ Старой Руссы до штаба 12 округа Перегино, онъ велъ баталіонъ такимъ способомъ: не доходя до деревни, посылалъ въ нее трехъ расторопныхъ унтеръ-офицеровъ объявить жителямъ, чтобы къ мѣсту привала было немедленно доставлено столько-то пудовъ хлѣба и разной провизіи, съ предвареніемъ, что если приказаніе не будетъ моментально исполнено, то деревня будетъ сожжена, что въ двухъ мѣстахъ и было сдѣлано съ нѣсколькими домами. Если въ деревнѣ оказывались офицерскія семейства, то онѣ присоединялись къ баталіону, для чего брались подводы. Для того, чтобы молодые солдаты не могли входить въ сношенія съ жителями, мѣсто биваковъ окружала цѣпь аванпостовъ, причемъ въ каждой парѣ былъ одинъ изъ старослужащихъ. Какъ послѣдніе, такъ и всѣ унтеръ-офицеры имѣли ружья заряженными, а у тѣхъ молодыхъ солдатъ, которые были уроженцами 12 округа, были вынуты кремни изъ курковъ. Если жители какой либо деревни оказывались скрывшимися въ лѣса, какъ это и случалось, то она отдавалась въ полное распоряженіе баталіона, причемъ солдатамъ предоставлялось брать въ свою пользу все, что они найдутъ, съ строгимъ приказаніемъ, по прошествіи часа, по сбору, явиться на свое мѣсто. Поразительно то, что это не только не ослабило порядка, но напротивъ, баталіонъ съ каждымъ днемъ дѣлался надежнѣе.

Проходя деревню Остратово, Толмачевъ узналъ о мученической смерти Корецкого. Женщина, засыпавшая его ротъ пескомъ, была на томъ же мѣстѣ наказана розгами, такъ, что уже не встала, и домъ ея разрушенъ.

Толмачевъ довелъ свой баталіонъ до штаба не имѣя ни одного бѣглаго. Въ Перегінѣ онъ расположился бивакомъ на площади, со всѣми предосторожностями военного времени. Туда было свезено до 18 семействъ убитыхъ и бывшихъ въ походѣ офицеровъ. Съ нихъ сняты были показанія о всемъ, что они видѣли и испытали; это послужило путеводною нитью для первыхъ дѣйствій слѣдственныхъ и судебныхъ комиссій. Со стороны поселянъ не было даже попытокъ къ возобновленію буйства, напротивъ, всѣ приказанія исполнялись чрезвычайно точно и быстро. Тѣ самые люди, которые недѣлю назадъ были какъ разъяренные звѣри, сдѣлались вполне покорными. Видя, что новаго мятежа опасаться нечего, Толмачевъ отдѣлилъ небольшія команды въ ближайшія имѣнія, для охраны помѣщиковъ.

Подобная мѣра была далеко не лишнею, потому что поселяне, въ первые дни своихъ неистовствъ, старались перенести возмущеніе въ помѣщичьи имѣнія. Видя, что на нашей сторонѣ крестьяне работаютъ на прибрежномъ полѣ, они, не разъ, изъ за-рѣки кричали имъ: „Чего вы работаете на своихъ баръ. Видите, какъ мы расправились съ начальствомъ; бейте и вы господъ, тогда избавитесь отъ барщины и оброковъ“. Было нѣсколько такихъ дней, что можно было серьезно опасаться за спокойствіе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Проявлялось уже нѣкоторое неуваженіе: крестьяне являлись въ село пьяными, нѣкоторые не снимали шапокъ передъ господами. Однажды, старый нашъ слуга Димитрій посовѣтовалъ моей матери, на ночь, припрятывать меня, какъ старшаго въ семьѣ, потому—говорилъ онъ,—что въ народѣ болтаютъ, будто приказано убивать все мужское дворянское поколѣніе. Вслѣдствіе подобныхъ слуховъ, пишущій эти воспоминанія провелъ три ночи въ пустой картофельной ямѣ, вмѣстѣ съ своимъ сверстникомъ, сыномъ Димитрія. Такое сомнительное настроеніе помѣщичьихъ крестьянъ длилось не болѣе 3-хъ—4-хъ дней, но нигдѣ викарихъ безпорядковъ не было. Не доказываетъ ли это, что далеко не вездѣ помѣщичья власть была такъ тяжела, какъ это потомъ доказывали. Одна рѣка отдѣляла военныхъ

поселенія отъ Демянскаго и Холмскаго уѣздовъ; тамъ всевозможныя неистовства и полная анархія, а на помѣщичьей сторонѣ—тихо и спокойно.

Въ половинѣ августа прошла вѣсть, что въ Старую Руссу прибылъ графъ Орловъ и съ нимъ нѣсколько судебныхъ комиссій, для производства суда и расправы надъ бунтовщиками. Вслѣдъ за этимъ въ округа вступило нѣсколько казачьихъ полковъ. Рослые и сильные сыны Урала, недовольные тѣмъ, что ихъ потревожили изъ-за поселянъ, возненавидѣли ихъ и на каждомъ вымещали свою досаду. Въ числѣ имѣній, въ которыя даны были въ видѣ охраны по 3 казака, было и наше. Они должны были сопровождать насъ во всѣхъ поѣздкахъ. Бывало, завидитъ только казакъ поселянина, не свернувшего заранее въ сторону, какъ уже летитъ впередъ отпустить встрѣчнику десятокъ нагаекъ.

Расправа съ виновниками мятежа была сурова до жестокости. Положимъ, что нѣтъ кары, которая могла бы равняться съ ужасами дѣланными поселянами; но если законъ требовалъ казни виновныхъ, то лучше было прямо казнить ихъ, чѣмъ примѣнять наказанія, которыхъ почти никто выносить не могъ и умиралъ подъ ударами. Къ такимъ наказаніямъ были приговорены всѣ непосредственные участники убійствъ и истязаній; виновные въ грабежѣ, послѣ тяжкаго тѣлеснаго наказанія, ссылались на каторжныя работы, для чего достаточно было, чтобы въ домѣ виновнаго нашли чашку или платокъ, принадлежавшій офицеру. Затѣмъ почти третья часть населенія тѣхъ деревень, которыя участвовали въ бунтѣ, была, послѣ прогнація сквозъ строй, сослана въ Сибирь. До самой зимы длилась кровавая расправа, послѣ чего военные поселенія были переименованы въ округа пахатныхъ солдатъ.

Описанныя событія произвели столь сильныя на меня впечатлѣнія, что я, забывъ многое, что было потомъ, до сихъ поръ, спустя слишкомъ 50 лѣтъ, совершенно ясно помню каждый эпизодъ.

Черезъ три года я былъ опредѣленъ въ корпусъ. Скажу объ этомъ опредѣленіи для того, чтобы указать какъ въ тѣ времена было доступно, безъ всякихъ протекцій, обращаться къ высокопоставленнымъ лицамъ и какъ онѣ относились къ просителямъ.

Чтобы быть принятому въ кадетскій корпусъ, слѣдовало попасть въ кандидаты, для чего надо было подать прошеніе главному директору корпусовъ, которымъ былъ тогда генералъ Демидовъ. Для этого матушка повезла меня въ Петербургъ. Бѣдной помѣщицѣ, никогда не выѣзжавшей изъ деревни, это казалось необыкновеннымъ событіемъ. Пять дней ѣхали мы 350 верстъ, отъ нашей деревни до столицы, на своихъ лошадяхъ. Брать почтовыхъ казалось матушкѣ роскошью, хотя поѣздка на домашнихъ вѣроятно обошлась не менѣе. Минувя впечатлѣнія, испытанныя мною въ пути, перехожу къ факту моего зачисленія въ кадеты. Демидовъ принималъ просителей только отъ 6 до 7 часовъ утра. Помню какъ матушка подняла меня въ 4 часа ночи (это было въ февралѣ), и какъ мы, не найдя извозчика, пробирались съ нею отъ Покрова въ 1 линію Васильевского острова, въ мятель, черезъ Неву. Въ опредѣленный часъ Демидовъ вышелъ и, взглянувъ на поданное прошеніе, проговорилъ скороговоркою:

„Многіе, матушка-сударыня, многіе просятъ; не знаю, посмотримъ, увѣдомимъ васъ, а теперь ничего не могу сказать-съ. Отнесите прошеніе ваше въ дежурство, мнѣ доложить“.

Что такое дежурство, гдѣ оно, конечно ни я, ни моя мать, не имѣли никакого понятія, но, по указанію бывшаго въ приемной офицера, нашли его въ томъ же зданіи. Тамъ какой-то добрый человѣкъ посовѣтовалъ матушкѣ, для ускоренія дѣла, подать просьбу прямо великому князю Михаилу Павловичу, и научилъ какъ сдѣлать это. Въ одно изъ воскресеній пробрались мы къ Михайловскому дворцу, думая на полѣздѣ дожидаться выѣзда его высочества къ разводу; но насъ впустили въ большія сѣни парадной лѣстницы. Въ нишахъ, по ея сторонамъ, суетились офицеры разныхъ корпусовъ, кадеты и снаряжавшіе ихъ служители. Директора и другіе начальники наскоро осматривали одѣваемыхъ въ полную форму кадетъ. Это были ординарцы, каждое воскресенье представляемые великому князю. Черезъ полчаса подошелъ къ матушкѣ какой-то полковникъ и, нѣсколько заикаясь, спросилъ ее: „Вамъ, сударыня, что угодно!“ Это былъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, котораго я видѣлъ тогда впервые и къ которому питалъ потомъ неизмѣнную благодарность и уваженіе. Узнавъ въ чемъ дѣло,

онъ сказалъ: „Потрудитесь стать вотъ здѣсь, чтобы великій князь васъ увидѣлъ, и тогда подайте ваше прошеніе“.

Ординарцевъ увели въ залъ, направо отъ входа; мы остались у лѣстницы. Вскорѣ они успѣшно возвращались одинъ за другимъ, одни съ радостными, другіе съ печальными лицами. Снимая съ нихъ ранцы и аммуницію, служителя съ виднымъ участіемъ разпрашивали ихъ о чемъ-то; я слышалъ только часто повторяемый вопросъ—„благополучно-ли?“ За кадетами выходили ихъ начальники, тоже съ различными отпечатками на ихъ лицахъ. Минутъ черезъ 10 появился великій князь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ и генераловъ. Его высочество увидѣлъ насъ, когда ему подавали шинель. Ростовцевъ что-то сказалъ Михаилу Павловичу, и онъ подошелъ къ намъ. Я впился въ него глазами и вытянулся; мнѣ страшно хотѣлось попасть въ корпусъ. Передавъ адъютанту взятое отъ матушки прошеніе, великій князь спросилъ ее: откуда она, много ли у нея дѣтей, живъ ли нашъ отецъ, въ какой корпусъ она желаетъ опредѣлить меня?—затѣмъ, указывая на Ростовцева, прибавилъ: „Вы черезъ него получите отвѣтъ“. Кто этотъ онъ и гдѣ потомъ найти его—намъ добродушно объяснилъ дворцовый швейцаръ, тутъ же записавшій нашъ адресъ. Черезъ три дня матушка получила увѣдомленіе, что великій князь приказалъ зачислить меня кандидатомъ Павловскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ уже 4 года находился старшій мой братъ. Я радовался какъ можетъ радоваться десяти-лѣтній мальчикъ.

Вотъ какъ въ то время доступно было всякому обращаться прямо къ брату Императора; какъ сочувственно относились къ просителямъ приближенные къ нему лица, какъ подобная манера обращенія распространялась даже на нисшую дворцовую прислугу. Не угодно теперь, при выхваляемомъ распространеніи просвѣщенія и свободы, въ неопредѣленные для приѣма, разъ въ недѣлю часы, добратся не только до министра, но до какого нибудь вице-директора департамента. Чего стоятъ эти назначаемые разъ въ недѣлю приѣмы бѣднымъ просителямъ, пріѣзжающимъ изъ провинціи! Живетъ иной недѣлю, ждетъ назначеннаго дня, является,—и весьма часто слышитъ возгласъ швейцара—„приѣма нѣтъ; его высокопревосходительство уѣхали за городъ“; или, „его превосходительство нездоровы“, или „вице-директоръ въ совѣтъ“, и т. д. И вотъ пріѣзжій проживается

еще недѣлю, а иногда двѣ и три. Да и самое принятіе просьбы рѣдко обезпечиваетъ ея исполненіе. Много мыстарствъ, справокъ и запросовъ приходится испытать ей, прежде чѣмъ вамъ скажутъ „да“ или „нѣтъ“.

Радостными возвратились мы въ деревню; я даже съ нѣкоторою гордостью, что буду кадетомъ, что мнѣ дадутъ ружье, что и мнѣ предстоитъ носить красивый мундиръ, киверъ и аммуницію.

Спустя 2 года, кто-то изъ сосѣдей прислалъ матушкѣ газету, въ которой былъ напечатанъ списокъ кандидатовъ, зачисленныхъ въ корпусъ. Въ числѣ таковыхъ значился и я. Не обративъ вниманія на заголовокъ списка, было рѣшено, что я принять въ Павловскій корпусъ. Живо собрались мы въ дорогу, добрались прежнимъ порядкомъ до Петербурга, гдѣ на другой же день я былъ представленъ директору К. О. Клингенбергу. Почтенный старикъ обласкалъ меня, далъ наставленіе вести себя и учиться какъ старшій братъ, и велѣлъ адъютанту отвести меня въ младшую роту. Оказалось, что я вовсе не подлежу приему въ Павловскій корпусъ, а переведенъ и назначенъ во вновь учрежденный Новгородскій. Вышло, что мы совершенно напрасно сдѣлали лишнихъ 200 верстъ, такъ какъ открываемый корпусъ находился всего въ 28 верстахъ отъ Новгорода.

Внутренній бытъ, приемы воспитанія и способъ преподаванія въ кадетскихъ корпусъ—все это было много разъ описано. Одни хвалили, другіе—безъ разбора бранили ихъ. Но всѣ эти описанія касались преимущественно старыхъ, столичныхъ корпусовъ; о провинціальныхъ говорили мало, а потому я скажу о кадетской жизни настолько подробно, чтобы читатели узнали, сколько въ ней было поучительнаго, насколько взгляды на военное воспитаніе были тогда правильнѣе нынѣшнихъ, насколько воспитатели и наставники наши были къ намъ сердечнѣе. Тогда главною цѣлью было привязать кадета къ мѣсту воспитанія, вселить въ него любовь и преданность къ военному званію, вкоренить неизмѣнную любовь къ Царю и родинѣ, а затѣмъ дать образованіе, соотвѣтствующее тогдашнему развитію военнаго дѣла. Теперь послѣднее сдѣлалось первымъ, и все остальное—какъ бы придаточнымъ, подъ тѣмъ предло-

гомъ, что это дѣло родителей, заведеніе же,—говорять, обязано дать только образованіе. Но что могутъ сдѣлать родители, если ихъ 12-ти-лѣтній сынъ, какъ бы онъ ни былъ нравственъ дома, въ теченіи 6 лѣтъ пребыванія въ томъ или другомъ заведеніи, не будетъ имѣть должнаго надзора, не будетъ видѣть въ своихъ наставникахъ примѣра уваженія къ религіи, къ авторитету родительской власти, не получитъ привязанности и любви къ военному званію.

Поступивъ въ Новгородскій корпусъ, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ его оффиціального и торжественнаго открытія. Во время этого акта, самое большое впечатлѣніе произвели на кадета великій князь Михаилъ Павловичъ и графъ Аракчеевъ. Большая часть поступившихъ видѣли ихъ впервые. Мощная, нѣсколько сутуловатая фигура Его высочества, показалась мальчикамъ громадною, но на столько симпатичною и доброю, что мы не могли понять, почему начальство съ такимъ страхомъ ожидало его пріѣзда. Если онъ, проходя бывало по фронту или по спальнямъ, останавливался передъ кадетомъ съ нахмуренными бровями, или придавалъ строгое выраженіе лицу, то дѣтскій инстинктъ всегда понималъ, что это дѣлается шутя. Кадетъ иногда невольно улыбался, но чаще, желая показать, что во фронтѣ ничѣмъ нельзя ни развлечь, ни разсмѣшить его, прямо и смѣло смотрѣлъ въ глаза Великому князю, что особенно ему нравилось.

Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ наканунѣ открытія корпуса, вечеромъ, когда мы были у всенощной. По возвращеніи изъ церкви, насъ поставили въ камерахъ, у кроватей. Обойдя спальни, Великій князь приказалъ всѣмъ подойти къ нему и сталъ шутить съ нами. На всякій его вопросъ 70 дѣтскихъ голосовъ отвѣчали разомъ; всѣ тѣснились, всякому хотѣлось быть ближе къ нему. Вдругъ онъ крикнулъ: „Смирно!“ и какъ бы командуя прибавилъ: „вали меня“. Мы схватили его, кто за руки, кто за ноги; бывшіе подальше кинулись какъ бы на приступъ. Испуганное начальство отшатнулось, говоря: „тише, тише, осторожнѣе“. Повалить было не трудно, потому что Его высочество видимо поддавался; но когда пришлось поднимать, то онъ нарочно противился, чтобы мы возились подолѣе. Поднявшись, Великій князь сказалъ:

„Сегодня я позволяю вамъ возиться со мною, но завтра у васъ будетъ гость, старикъ серьезный, онъ шутить не любитъ; прошу, чтобы все было чинно“.

На другой день Михаилъ Павловичъ вошелъ въ церковь вмѣстѣ съ графомъ Аракчеевымъ. Послѣдній появился въ мундирѣ своего гренадерскаго полка, безъ ленты и звѣздъ; на немъ не было ни одного ордена, ни одной медали и только портретъ Императора Александра I-го, на шеѣ, украшалъ скромный армейскій мундиръ его. При подобномъ событіи, какъ открытіе корпуса, не могло обойтись безъ рѣчей. Чтобы показать въ какомъ духѣ онѣ говорились въ то время, приведу двѣ выдержки.

„Да поучаются юные питомцы — говорилъ священникъ открываемаго корпуса, — прежде всего благочестію и навикнуть страху Божію, который есть начало всякой премудрости; да видятъ они въ своихъ наставникахъ примѣръ усердія, добра и правды, и, утвердись въ нихъ, сдѣлаются достойными сынами Вѣры, Престола и Отечества“.

Такъ какъ Новгородскій корпусъ былъ основанъ для воспитанія дворянъ преимущественно Новгородской, Псковской и Тверской губерніи, то инспекторъ нашъ, добрейшій Михаилъ Николаевичъ Божеряновъ, указывая на это, сказалъ:

„Братья ваши, дѣти родственниковъ и близкихъ вашихъ, а впослѣдствіе ваши собственныя дѣти и дѣти дѣтей вашихъ, здѣсь же получаютъ свое образованіе. Вы должны служить имъ образцами всего хорошаго; они будутъ вашими судьями; ни одно дѣяніе ваше, ни доброе, ни злое, не укроется отъ дѣтей и внуковъ вашихъ. Помните, что Государь ожидаетъ отъ васъ преданности за благодѣянія: благодѣянія неизчислимы, — неограничена должна быть и преданность. Россія ожидаетъ видѣть васъ храбрыми воинами и добрыми гражданами; высокій начальникъ вашъ ожидаетъ отъ васъ сыновней любви за любовь отеческую, русское дворянство ожидаетъ отъ васъ русской чести, а мы — воспитатели — довѣрія за довѣренность“.

Много торжественныхъ открытій разныхъ заведеній, много краснорѣчивыхъ рѣчей довелось мнѣ слышать потомъ, но большею частію онѣ отзывались официальною холодностію, говорились какъ бы по обязанности, по общему шаблону. Отъ того ли, что приходилось слушать ихъ уже въ годы зрѣлости, когда и душа и сердце успѣли окрѣпнуть въ превратностяхъ

жизни, но никогда не производили онѣ на меня того впечатлѣнія, какое произведено было вышеприведенными словами священника и инспектора.

Въ тотъ же день къ столу великаго князя было приглашено 12 кадетъ, въ число которыхъ назначили и меня. Упоминаю объ этомъ потому, что за этимъ обѣдомъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ слѣдующаго эпизода.

Его высочество очень много говорилъ съ Аракчеевымъ, сидѣвшимъ противъ него; между прочимъ, онъ обратился къ графу со словами:

— Я прошу васъ, какъ близкаго сосѣда ¹⁾, почаще навѣщать корпусъ; и пожалуйста требуйте, чтобы кадетъ какъ можно лучше кормили.

— Опасаюсь, ваше высочество, — отвѣчалъ Аракчеевъ своимъ гнусавымъ тономъ, — понравятся ли мои посѣщенія. Когда я управлялъ баталіонами военныхъ кантонистовъ, то ихъ кормили очень хорошо, потому что у меня было такое обыкновеніе: какъ щи дурны, я и велю выворотить котелъ на эконома.

Его высочество обратилъ эту фразу въ шутку; а мы, кадеты, твердо ее запомнили и частенько напоминали нашему эконому.

Не могу не отступить отъ хронологическаго порядка моего разсказа, чтобы, говоря о Великомъ князѣ, не высказать чѣмъ былъ Михаилъ Павловичъ для насъ, кадетъ, и для войскъ, не только тѣхъ, которыми командовалъ, но и для всей арміи вообще. Теперь едва ли кто можетъ правильно судить объ этомъ. Только старые служивые Николаевского времени, свидѣтели его благодѣяній и благотворнаго вліянія на войска, могутъ предостеречь молодое поколѣніе отъ довѣрія къ тѣмъ личностямъ, которыя, въ угоду распушенности, пускаютъ въ ходъ всевозможныя выдумки о покойномъ Великомъ князѣ. Не понимая смысла его строгости и взглядовъ на дисциплину, говорятъ на примѣръ, будто онъ былъ того мнѣнія, что война портитъ армію и глумились надъ этимъ. Да развѣ это не вѣрно, въ отношеніи внутренняго порядка и дисциплины, что безъ сомнѣнія и подразумѣвалъ Михаилъ Павловичъ. Не только у

¹⁾ Аракчеевъ жилъ въ своемъ Грузинскомъ имѣніи, въ 70 верстахъ отъ корпуса.

насть, но и во всѣхъ европейскихъ арміяхъ, послѣ каждой войны увеличивается число проступковъ, принимаются мѣры къ возстановленію порядка, учащаются взысканія. Осуждая безъ разбора все, что касалось прежнихъ уставовъ, прежнихъ взглядовъ и требованій, поборники новыхъ теченій все, что осуждали, взваливали на Михаила Павловича. Не смѣя гласно и печатно судить о немъ, они весьма ясными намеками затрогивали его память, тогда какъ слѣдовало благоговѣть передъ нею. Бывши братомъ Императора, онъ былъ первый труженикъ изъ всѣхъ его подданныхъ, всякую минуту готовый принять на себя ропотъ толпы, лишь бы этотъ ропотъ смѣнился восторгомъ въ отношеніи къ Государю. Досадно и горько слушать, когда иногда и теперь, люди уже въ чинахъ, не только не знавшіе Михаила Павловича и не помнящіе его, судятъ о немъ, какъ попугаи со словъ тѣхъ, которые съ умысломъ перетолковывали все, что имъ дѣлалось изъ преданности и любви къ службѣ и долгу.

Зная, что въ воспоминаніяхъ моихъ мнѣ придется еще не разъ коснуться личности Великаго князя, скажемъ здѣсь лишь о томъ, что обрисовываетъ его отношенія къ кадетской жизни.

Авторы преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, всѣми силами своего іезуитскаго краснорѣчія и учености, старались привести общественное мнѣніе къ убѣжденію, что все, что было въ корпусахъ при Михаилѣ Павловичѣ, никуда не годилось, представляло рутину и противорѣчило педагогическимъ началамъ. Жажущіе нововведеній повѣрили этому, но, слава Богу, не надолго. Достаточно было шестнадцати лѣтъ, чтобы понять, чѣмъ новаторы хотѣли замѣнить то, что изгоняли.

Желающіе уразумѣть, чѣмъ былъ Михаилъ Павловичъ для военно-учебныхъ заведеній, какъ онъ любилъ кадетъ и какъ заботился о нихъ, пусть прочтутъ его приказы, его распоряженія. Тамъ они найдутъ не мало примѣровъ, подобныхъ слѣдующему. Однажды, пробѣгая копіи съ приказовъ по корпусу, Великій князь замѣтилъ, что нѣсколько кадетъ, узнавъ, что матери ихъ товарища не на что возвратиться домой, собрали между собою, что могли, а въ другой разъ сдѣлали складчину для бѣднаго товарища, отправляемаго по болѣзни

на родину,—прислалъ обоимъ отъ себя вдвое больше и приказалъ благодарить кадетъ за ихъ товарищескія чувства.

Въ одно изъ посѣщеній своихъ Новгородскаго корпуса, Великій князь приказалъ пригласить къ себѣ на квартиру весь старшій классъ и человѣкъ по 10 изъ прочихъ классовъ, къ вечернему чаю. Цѣль этого, какъ потомъ оказалось, была — поближе узнать кадетъ и испытать ихъ развитіе. Онъ приказалъ намъ нисколько не стѣсняться, идти, кто желаетъ, въ садъ, разсматривать гравюры и вообще дѣлать, кто что хочетъ. Сначала мы конфузились, но потомъ, когда разнесли чай, все оживилось, начался говоръ. Его высочество сидѣлъ у круглаго стола, съ генераломъ Набоковымъ и все время говорилъ съ тѣми изъ насъ, кто былъ ближе. Тѣмъ, кто казался позастѣнчивѣе, онъ задавалъ вопросы въ такомъ родѣ:

— Слыхалъ-ли ты что-нибудь о Димитріѣ Донскомъ? Расскажи-ка намъ, что ты о немъ знаешь?

Мы изъ любопытства окружали рассказчика, и вдругъ кто-нибудь изъ маленькихъ получалъ новый вопросъ:

— Какъ ты думаешь, вездѣ-ли теперь вечеръ? или: Отчего лѣтомъ тепло, а зимою холодно?

Отвѣты большею частью были удачные, что видимо радовало Михаила Павловича. Конечно, къ нему старался быть поближе тотъ, кто больше на себя надѣялся. Это не укрывалось отъ Великаго князя; одному, желавшему отвѣчать за остановившагося товарища, онъ сказалъ: „Я вижу, ты боекъ; поди-ка лучше пить чай“, и вслѣдъ затѣмъ онъ подзывалъ къ себѣ того, кто былъ подальше.

Такого же рода испытанія производилъ въ другой комнатѣ Я. И. Ростовцевъ. Всякому вопросу онъ умѣлъ придать шуточную форму, что нравилось кадетамъ, толпою окружавшимъ его.

Такія, чуждыя оффиціальности, отношенія Великаго князя къ кадетамъ не могли не запечатлѣться въ юныхъ сердцахъ на всю жизнь. Но въ то же время мы видѣли и испытывали какъ Михаилъ Павловичъ рѣзко разграничивалъ службу отъ дружбы. На службѣ онъ былъ безпощаденъ даже къ кадетамъ, и дѣлалъ это для того, чтобы собственнымъ примѣромъ указать, готовящимся вступить въ ряды арміи юношамъ, какъ они должны понимать службу.

Среди этой строгости и того подчасъ суроваго обращенія, которое приходится намъ испытывать, наше воспитаніе было вѣрено людямъ избраннымъ. Возьмемъ хоть перваго директора Новгородскаго корпуса генерала Бородина. Суровый по наружности, онъ держалъ себя съ кадетами большею частью серьезно, и не смотря на это, мы были къ нему привязаны и любили его. Слѣдующія строки его прощальнаго приказа, когда онъ больной уѣзжалъ лечиться, доказываютъ, сколько въ этомъ человѣкѣ было сердечности:

„По чувствамъ моимъ къ вамъ, — писалъ онъ, — которыя легче сознавать, чѣмъ высказывать, тяжело мнѣ разстаться съ вами. Простите, дѣти, что я не въ состояніи придти поблагодарить васъ, побесѣдовать съ вами, быть можетъ въ послѣдній разъ. Чувствую, что я не могъ бы перенести прискорбное для меня разставанье съ вами. Примите прощанье заочное. Умоляю васъ, друзья мои, дорогіе моему сердцу кадеты! Будьте всегда честными и благородными, какъ были при мнѣ; принимайте сердцемъ и исполняйте въ точности все вамъ внушаемое; будьте прилежны, будьте честны не по одной наружности, но по искренности вашихъ душевныхъ чувствъ, по сознанію чистой совѣсти. Помните, что съ юности вы должны приучать себя къ неуклонному исполненію своихъ обязанностей, къ порядку, повиновенію и дисциплинѣ. Только при этомъ вы будете полезны себѣ и Отечеству и сдѣлаетесь вѣрными и достойными слугами своего Государя.“

Пусть кто-либо укажетъ намъ приказъ, котораго нибудь изъ директоровъ послѣдняго 25-лѣтія, подобный, по своей задушевности, приведенному.

Направленіе и взгляды директора не могли не перейти на его помощниковъ, нашихъ воспитателей — офицеровъ. Это были по преимуществу люди простые, далеко не ученые, не академики, но взятые изъ строя, люди посредственнаго образованія, вполне нравственные, чуждые интриги и тѣхъ блестящихъ наружныхъ качествъ, подъ которыми часто прикрито не мало яда, отравляющаго доверчивую юность. Многіе изъ нихъ были оригиналами, имѣли свои странности, свои смѣшныя стороны. Мы, прежніе кадеты, встрѣчаясь между собою, любимъ вспоминать ихъ, но никто не укажетъ на что-либо, съ ихъ стороны вредное и противунравственное.

Переименовывать этихъ достойныхъ тружениковъ, которыхъ мы доставили не мало хлопотъ, а иногда и огорченій, своими шалостями, и очерчивать характеристику каждаго изъ нихъ, было бы слишкомъ долго и не интересно для читателей, не знавшихъ ихъ. Пусть скажутъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ общихъ чертахъ, тѣ изъ товарищей-кадетъ, которые въ свое время доставили намъ свои замѣтки о совмѣстной корпусной жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1834 — 1842.

Первые дни корпусной жизни.—Офицеры и учителя и характеристика нѣкоторыхъ.—Кадетскія развлеченія.—Учителя тогда и потомъ.—Первый смотръ В. К. Михаила Павловича.—Переводъ изъ корпуса въ Дворянскій полкъ.—Командиръ его генералъ Пущинъ.—Его характеристика и система управленія.—Преобразование Дворянскаго полка.—Я. И. Ростовцевъ.—Значеніе для кадетъ Петергофскаго лагеря.—Присяга выпускныхъ прежде и теперь.—Прощанье Михаила Павловича съ отправляемыми на службу.—Его наставленіе для образованія кадетъ.

Изъ числа бывшихъ моихъ корпусныхъ товарищей—сверстниковъ нѣкоторые въ Петербургѣ, другіе разсѣяны по всему обширному пространству Русской земли; но большая часть, отдавъ долгъ родинѣ своею службою за ихъ воспитаніе, переселилась въ горнія. Изъ числа оставшихся, кое-кто, ежегодно, въ день открытія корпуса, собирается въ товарищескій кружокъ, вспомнить то время, которое они въ юности провели вмѣстѣ, подъ сѣнью роднаго заведенія. Въ одно изъ подобныхъ собраній родилась мысль записать, покуда еще не измѣнила память, то, что наиболѣе рельефно указываетъ, какъ на достоинства, такъ и на недостатки воспитательной системы, существовавшей 50 лѣтъ назадъ. Приведу выдержки изъ этихъ записокъ, для того, чтобы читатели сами видѣли, чего было больше—достоинства или недостатковъ, и сравнили бы минувшее съ настоящимъ.

Вступленіе въ корпусныя стѣны, пишетъ одинъ изъ нихъ,—сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе. Доброе, родственное отношеніе ротнаго командира Брянова, просторъ, чистота, всѣ удобства, сытный столъ—скоро заставили забыть разлуку съ родными. Первую ночь заснулъ я такъ сладко, какъ не спалъ и дома, несмотря на соломенный тюфякъ, который давали всѣмъ новичкамъ, въ видѣ испытанія, и черезъ 3 дня замѣ-

няли волосатымъ. На утро ни повѣстка, ни заря не разбудили меня; я проснулся лишь тогда, когда сосѣдь сдернулъ съ меня одѣяло. Капитанъ Бряновъ былъ уже тутъ. Послѣ прощѣтой всѣми, въ строю, молитвы, поклонились ему, потомъ подходили по одиночкѣ здороваться, и всякій цѣловалъ его. Одного, бывало, погладить, другого щипнуть за щеку, третьего щелкнуть по носу. Когда я, какъ-то дико и неловко, подошелъ къ нему, онъ ласково сказалъ мнѣ:

„Если будешь прилеженъ и хорошъ, и тебѣ будетъ хорошо, а если станешь худо вести себя, я братъ „поддамъ“ (это значило „высѣку“).“

Время потекло потомъ какъ заведенные часы. Лѣтомъ—утромъ и послѣ обѣда ученіе на плацу, гимнастика въ саду, гулянье, городки и бары, чистый воздухъ—все это развивало и укрѣпляло наши организмы. Все шло безпечально; но одинъ казусъ чуть не далъ ротному командиру случая *поддать* мнѣ. Передъ отправленіемъ въ корпусъ, петербургскіе кадеты предупреждали меня, что новичка испытываютъ, щиплютъ, толкаютъ, чтобы убѣдиться не пойдетъ ли жаловаться. Въ такомъ случаѣ, говорили они, надо самому отвѣчать тѣмъ же. Разъ кто-то налетѣлъ на меня сзади, далъ подзатыльника и пустился бѣжать подъ защиту дежурнаго офицера; я за нимъ и, на глазахъ офицера, далъ врагу затрепину. Дежурный возмущился такою дерзостью, схватилъ меня за ухо и хотѣлъ поставить на колѣни, но я воспротивился, находя, что стоять на колѣняхъ постыднѣе розогъ. Глупое молодечество; но тогда это было геройство. Вечеромъ пришелъ Бряновъ; ему уже было сообщено о происшествіи; онъ потребовалъ меня къ себѣ и говоритъ очень спокойно:

„Ну, братъ, теперь славно поддамъ; пойдемъ.“

Спустились внизъ, гдѣ были въ подвальномъ этажѣ карцеры, подъ надзоромъ сторожа, солдата Оомки. Ротный приказалъ подать розги. Я, не знаю почему, неособенно испугался. Капитанъ началъ указывать виновность моего ослушанія и нарушенія дисциплины. Я молчалъ и искоса поглядывалъ на розги. Желаніе выйти изъ неудобнаго положенія надоумѣло меня сказать, что меня подучили петербургскіе кадеты никогда не жаловаться, а давать сдачу. Бряновъ самъ былъ изъ ка-

Изъ Прошлаго.

детъ и смягчился: „Ну, смотри, въ другой разъ не вывернешься, иди“,—сказалъ онъ.

Надо добавить нѣсколько словъ и о Оомкѣ. Кто изъ кадетъ, новгородцевъ, не помнитъ его? Оомка находился въ неотгороженной части карцеровъ; тутъ онъ жилъ и работалъ. Единственнымъ его занятіемъ было производство нюхательнаго табаку. Бывало, сидитъ на полу и длиннымъ пестомъ растираетъ въ горшкѣ махорку. Мелкая пыль забивается въ глаза, въ носъ и горло, арестованный чихаетъ, кашляетъ, бранится,—ничто не помогаетъ; Оомка себѣ третъ да третъ. Славный былъ солдатъ; мы любили его.

Съ августа начинались классы: Я былъ нѣсколько подготовленъ и попалъ въ старшій изъ двухъ открытыхъ. Законъ Божій преподавалъ батюшка Малиновскій; почтенная и уважаемая личность! Разъ на исповѣди одинъ мальчуганъ покался ему, что называлъ его козломъ.

„Какой я козелъ! какой я козелъ!“ раскричался батюшка...

— „Вотъ постой-ка здѣсь возлѣ престола часокъ на колѣняхъ, козленокъ, такъ не будешь говорить глупостей“; а все-таки никому не пожаловался.

Наступила зима длинная, скучная: ни поиграть, ни побѣгать вволю. Впрочемъ доброе начальство старалось давать развлеченія, о которыхъ скажу ниже. Заѣзжали фокусники съ учеными собаками, показывали туманные картины въ манежѣ; разъ приѣзжалъ и циркъ. Богатая корпусная бібліотека была къ нашимъ услугамъ, но читать позволялось не все. „Ледяной домъ“ Лажечникова попросить и не думай. Самыми любимыми нашими авторами были: Загоскинъ, Зотовъ, Булгаринъ. Когда стали мы постарше, позволяли читать и другихъ, но съ разборомъ, только то, что совѣтовалъ учитель словесности Орнатскій. По вечерамъ кадеты любили собираться кучками, возлѣ дежурныхъ дядекъ. Это были боевые, старые ветераны 12-го года, или участники штурма Варшавы и Варны. Съ какимъ, бывало, восторгомъ, затаивъ дыханіе, слушаемъ мы ихъ рассказы о сраженіяхъ, о Кутузовѣ, Багратионѣ, Ермоловѣ; сердце такъ и замираетъ, и думалось тогда: вотъ самъ буду офицеромъ, доведется быть въ сраженіяхъ, буду отличаться какъ и тѣ, про кого рассказывалъ дядька. Эти простые люди сослужили намъ службу, вселяя въ насъ воинственность.

Въ 1836 году намъ выдали ружья. До сихъ поръ помню общую радость. Съ какимъ жаромъ принялись мы за ружейные приемы. Учителями были унтеръ-офицеры учебнаго полка, которому мы обязаны тѣмъ, что новгородцы всѣ считались отличными строевиками. Кромѣ времени для фронта, бывало, какъ прибѣжишь изъ класса послѣ обѣда, схватишь ружье и давай передъ зеркаломъ, а то такъ на тѣнь, доводить себя. Все это не мѣшало намъ учиться. Иной поступалъ не зная французской и нѣмецкой азбуки, а черезъ три мѣсяца читалъ и понималъ кое-что. Чистописаніе шло плохо у учителя Грабе. Чудакъ онъ былъ, но мы любили его за то, что хоть отшлепаетъ линейкой, но сора изъ избы не вынесетъ, не пожалуется.

Офицеры и учителя не отдѣлялись отъ насъ: кто присоединялся къ играмъ, кто пѣлъ въ хорѣ, кто участвовалъ въ спектакляхъ. Сближеніе не имѣло никакого вреднаго вліянія на дисциплину, а только заставляло любить и тѣхъ, которые насъ сѣкли.

Послѣ Святой начинались экзамены. Съ какимъ страхомъ подходишь, бывало къ столу и протягиваешь руку за билетомъ, думая, подходя:—ахъ, еслибы такой-то! Но и къ этому привыкаешь; со втораго, третьяго экзамена страхъ проходить, какъ и все въ жизни, какъ и самая жизнь.

Какъ вспомнишь мѣсто, въ 28-ми верстахъ отъ Новгорода, гдѣ находился нашъ корпусъ, то досихъ поръ дивишься, какимъ образомъ уживались въ немъ наши учителя, люди образованные, шедшіе за умѣренное вознагражденіе въ пустыню. Нужно было много любви къ наукѣ и къ намъ—дѣтямъ, чтобы отрѣшиться отъ міра и такъ закабалить себя. И что это были за дивные люди, свято исполнявшіе свой долгъ! Возьмемъ для примѣра нѣкоторыхъ изъ нихъ, начиная хоть съ высоко нами чтимаго Каменскаго, преподававшего математику, ученика Нѣжинскаго лицѣя, близко извѣстнаго знаменитому Остроградскому. Онъ былъ настроенія нѣсколько мистическаго и часто говаривалъ о какомъ-то таинственномъ значеніи алгебраическихъ формулъ и геометрическихъ фигуръ. Не любилъ, напримѣръ, чтобы на его дорогѣ лежали палочки треугольникомъ.

„Обойду—говорить—лишнюю версту, но не буду попираť божественную фигуру“.

Однажды, увлекшись доказательством божественности своей науки, онъ подтвердилъ слова свои тѣмъ, что и всевидящее Око изображаютъ въ треугольникѣ.

„А отчего-же, Викторъ Ивановичъ,—спрашиваетъ его одинъ изъ кадетъ, конечно желая поддразнить учителя, — въ деревняхъ на свинью надѣваютъ треугольникъ“?

Каменскій хотѣлъ-было разсердиться и строго взглянуть на шалуна; но потомъ спокойно отвѣтилъ:

„Не всегда, братецъ; вотъ, напримѣръ, на тебѣ я не вижу треугольника“.

Помню, какъ онъ спросилъ одного изъ кадетъ, который забылъ что-то изъ прошлогодняго курса: „Скажи пожалуйста, ты для кого учишься,—для балла или для себя“?

— Для балла, Викторъ Ивановичъ,—отвѣчалъ кадетъ.

„Спасибо, открытая ты душа, не солгалъ—продолжалъ Каменскій, приятно будетъ съ тобой и въ жизни встрѣтиться“.

Учитель географіи, капитанъ Нейманъ, былъ очень строгъ, но за-то въ знаніи его предмета мы были доведены до совершенства: бывало начертить, съ мельчайшими подробностями, какое угодно государство правильно, чисто, красиво — намъ ни почемъ. Уроки Неймана мы называли разводомъ съ церемоніею, потому что онъ разводилъ всѣхъ, кого—къ большимъ доскамъ, кого съ грифельными по разнымъ угламъ, чтобы не счерчивали, кого къ окнамъ; а чуть заглянулъ въ чужую доску—въ корридоръ. Мы чертимъ, а онъ ходитъ да покрикиваетъ: „черти и рассказывай, черти и рассказывай“. Метода Неймана была тогда нововведеніемъ, но потомъ упрочилась и была принята повсемѣстно, благодаря его послѣдователямъ и ученикамъ.

Назову еще учителей: русскаго языка—Орнатскаго, французскаго и нѣмецкаго—Нюккера и Юргенса:

Сорокъ-пять лѣтъ прошло, какъ я оставилъ корпусную скамью и въ послѣдній разъ слышалъ лекцію Орнатскаго, а между тѣмъ эта замѣчательная личность представляется мнѣ до сихъ поръ, столь же честною и свѣтлою, какою она была въ дѣтскіе и юношескіе мои годы. Не буду говорить о его способѣ преподаванія; это составляетъ второстепенность въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на насъ, и съ тою духовною пользою, которую онъ

приносилъ намъ. Огорчить его кадеты считали преступленіемъ; онъ огорчался не столько лѣнностью или вѣтренностью, сколько тѣмъ, что носило хотя признакъ нечестности, іезуитства и лживости. Мы любили его безпредѣльно.

Нюккеръ и Юргенсъ были едва ли не единственными учителями, достигавшими того, что ученики ихъ, начавъ съ азбуки, при выпускѣ изъ корпуса, не только всѣ могли понимать прочитанное, но многіе довольно бѣгло и правильно объяснялись.

Однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій кадетъ моего времени, т. е. второй половины 30-хъ годовъ, были устраиваемые ими спектакли. Сначала они были совершенно домашними, но потомъ развились до того, что смотрѣть ихъ пріѣзжали офицеры полковъ, стоявшихъ въ Бронницѣ и другихъ окрестностяхъ, а также и многіе изъ помѣщиковъ. Главными распорядителями этихъ спектаклей были: Капитанъ Араловъ и учитель танцованія Шелковниковъ. Первою игранною піесю была „Сентябрьская ночь“, Каратыгина, а лучшими актерами были: Дуве, Ушаковъ, Вельяшевъ, и Польшманъ. Живое помню послѣдняго въ женскихъ роляхъ, вмѣстѣ съ Цвѣцинскимъ; они были очень красивы даже барышнями, а теперь одного нѣтъ уже на свѣтѣ, а другой дѣдушка. Какъ исполнялись роли—припомнить трудно, но тогда вѣроятно исполненіе нравилось, такъ какъ представленія повторялись довольно часто.

Кромѣ театральныхъ представленій, по зимамъ, во время Святокъ и масляной, устраивались балы, даже костюмированные. Этого рода удовольствія были не только развлеченіями, но отчасти и поощреніемъ, потому что на балы допускали не всѣхъ, а только лучшихъ по классамъ и поведенію. Для первыхъ учениковъ костюмы брали на прокатъ, на счетъ корпуса, прочіе платили сами. Кадеты являлись одѣтыми испанцами, маркизами, арлекинами, цыганами и т. д. Нѣкоторые ухитрялись маскироваться мѣстными средствами, доставая кое-что у офицеровъ и учителей, охотно принимавшихъ на себя заботу угодить хорошему ученику своего класса.

Вспоминая тѣ патріархальныя, семейныя отношенія, которыя связывали въ наше время кадета съ офицеромъ и учителемъ, невольно сравниваешь минувшее съ настоящимъ, о которомъ слышишь отъ сыновей и внуковъ. Основаніемъ педа-

гогии того времени была любовь къ правдѣ, къ труду и къ ближнему. Отсюда вытекали и на этомъ основывались качества ума и сердца воспитываемыхъ.

Вотъ что говорить по этому поводу одинъ прежній кадетъ, мой товарищъ, бывшій потомъ учителемъ.

„Бывши 12 лѣтъ преподавателемъ въ разныхъ кадетскихъ корпусахъ, я старался подражать прежнимъ моимъ наставникамъ; но чувствую, что былъ далекъ отъ этихъ образцовъ, потому что преподавалъ уже не той средѣ, въ которой учился самъ. Учителя, коллеги мои въ шестидесятыхъ годахъ, ничѣмъ не походили на учившихъ насъ. Ученики мои не были кадетами моего времени, а юношами, отличавшимися рѣзкостью манеръ и суждений, страстью къ показанію товара лицомъ, завистью къ товарищамъ и эгоизмомъ. Это были ни дѣти, ни взрослые, но уже мечтавшіе о самостоятельности и равенствѣ. Наставники ихъ, мои сослуживцы, отличались холодною къ воспитанникамъ и ремесленнымъ трудомъ по найму. Связи душевной и нравственной съ кадетомъ уже не было: всюду интриги, происки, желаніе себѣ выгодъ на счетъ другаго. Это не были пастыри добрые, знавшіе овецъ своихъ. Качества учителей перешли и на учениковъ. Корысть, лицемеріе и лицепріятіе все поглотило. Эти свойства смѣло выступили на сцену безъ маски, но въ костюмахъ свѣтскаго приличія, фальшиваго прогресса и либеральничанья. Не то было, когда я учился самъ“.

Не все сразу и систематически припоминается черезъ 50 лѣтъ; а потому, да простятъ мнѣ читатели, если я возвращаюсь по нѣскольку разъ къ одной и той же личности. Такъ, напримеръ, и въ этой главѣ не могу не вспомнить вновь о Великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ. Выше было описано какъ онъ относился къ кадетамъ внѣ строя; здѣсь же опишу первый фронтальный смотръ, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать. Дѣлаю это опять-таки, чтобы показать разницу между тогдашними и нынѣшними взглядами на подготовку кадетъ къ службѣ въ войскахъ. То о чемъ буду говорить, происходило въ 1837 году. Въ августѣ мѣсяцѣ сдѣлалось официально извѣстнымъ, что въ началѣ сентября Михаилъ Павловичъ произведетъ смотръ кадетскому баталіону. Стараніе показаться молодцами такому знатоку и строгому судѣ—было непомѣр-

ное. При содѣйствіи стоявшаго близъ корпуса учебнаго полка, начались дѣятельныя приготовленія: шили на весь корпусъ новые мундиры, адъютантъ корпуса неумоимо занимался съ линейными унтеръ-офицерами, полковой капельмейстеръ Емельяновъ, когда-то учившій барабаннымъ боямъ самого Великаго князя, ежедневно занимался съ барабанщиками; баталіонныя ученія производились утромъ и вечеромъ; готовили ординарцевъ. Историкъ корпуса передаетъ ихъ подготовленіе такимъ образомъ:

„Вспоминая какъ насъ готовили, многое кажется теперь страннымъ, а въ то время казалось необходимымъ. Ординарцамъ было выдано для умыванья особое душистое мыло; передъ каждою репетиціею ихъ поили сливками, а за три дня до пріѣзда Великаго князя, изъ боязни, чтобы они не охрипли, давали гогель-могель“. Репетиціи смотра сильно нравились намъ, потому что на каждое ученіе являлась полковая музыка.

„Какъ только грянетъ она,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ мой товарищъ З....—мы такъ и растемъ, такъ и рвемся, а баталіонный только покрикиваетъ: „не горячиться, покойно“.

Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ ночь съ 9 на 10 сентября. Говорили, будто Князь пріѣхалъ не въ духѣ и не принялъ почетнаго караула. Баталіону приказано было быть готовымъ на слѣдующій день къ 12 часамъ. Вставши, кадеты одѣлись прямо въ мундиры, напились сбитня и не торопясь построились для осмотра. Когда роты трогались, чтобы идти на плацъ,—всякій перекрестился. Въ это время ординарцы были уже на квартирѣ Его Высочества. Ровно въ 12 часовъ Великій князь вышелъ въ залъ, въ мундирѣ 2 кадетскаго корпуса *), сердитымъ взглядомъ окинулъ собравшихся къ его выходу генераловъ, и довольно сурово сказалъ директору корпуса: „Вы не по формѣ одѣты, извольте переодѣться“. Потомъ, взглянувъ на ординарца, кивнулъ головою; это значило—„подходи“. Все было исполнено такъ, какъ заранѣе указалъ Я. И. Ростовцевъ. Представленіе кончилось благополуч-

*) Когда Михаилъ Павловичъ появлялся на кадетскіе смотры въ этомъ мундирѣ, а на полковые смотры въ мундирѣ Л. гв. Волынскаго полка, то это служило примѣтою предстоящей неудачи.

но. Великій князь похвалилъ кадета *). За ними должны были подходить ординарцы учебнаго полка. Не успѣлъ унтеръ-офицеръ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ Его Высочество крикнулъ: „Это что за кривлянье! Терпѣть не могу этихъ учебныхъ вывертовъ“. Михаилъ Павловичъ не любилъ учебныхъ полковъ и называлъ ихъ—„Клейнмихельская гвардія“.

Не смотря на неблагопріятное расположеніе духа Великаго князя, начало смотра было вполне удачно; но какъ только начались построения, нѣкоторые офицеры ошиблись. Первымъ попался тотъ самый капитанъ Нейманъ, преподаватель географіи, о которомъ я уже упоминалъ. У него было принято за правило, чтобы кадеты, чертя на доскѣ, говорили: „ѣду отъ города такого-то—до рѣки такой-то“, или „ѣду отъ мыса такого-то—до залива такого-то“. За сдѣланную ошибку, Михаилъ Павловичъ приказалъ Нейману идти за фронтъ. Онъ мѣрнымъ шагомъ отправляется за взводъ и слышитъ шепотъ кадетъ: „ѣду, ѣду—вотъ и поѣхалъ“. Вслѣдъ за этимъ ошибается прикомандированный поручикъ Бѣляевъ. Замѣтя это, Великій князь спрашиваетъ:

— „Откуда вы его взяли?“

— Изъ Бутырскаго полка, отвѣчаетъ директоръ.

— „Отправить его въ Бутырскій же полкъ на гауптвахту“, приказываетъ Его Высочество.

Наконецъ, при церемоніальномъ маршѣ, поручикъ Деллинсгаузенъ проходитъ не въ тактъ музыки. Михаилъ Павловичъ вызываетъ его передъ колонну и самъ командуетъ ему; „Тихимъ шагомъ—маршъ“. Музыка играетъ; Деллинсгаузенъ старается и какъ только поравнялся съ гауптвахтой, Великій князь командуетъ ему; „На пра-во“. Такъ тихимъ шагомъ и пошелъ поручикъ подъ арестъ.

Этимъ и кончилось дурное расположеніе духа Михаила Павловича. За обѣдомъ и обходя камеры, онъ шутилъ съ кадетами, говоря: „А что, задалъ я вамъ страху?“ Отъѣзжая, онъ приказалъ не взыскивать съ Бѣлева и освободить Деллинсгаузена. Все это въ настоящее время кажется страннымъ и подвергается осужденію; но если вникнуть въ значеніе подоб-

*) Ординарцемъ былъ пишущій эти воспоминанія, а вѣстовымъ—кадетъ Владиміръ Зарубаевъ 1-й.

ныхъ смотровъ, то нельзя не видѣть въ нихъ громадной пользы. Относясь столь серьезно къ ошибкамъ офицеровъ, Великій князь этимъ самымъ показывалъ кадету, какая точность и исполнительность, какое твердое знаніе обязанностей требуется строевою службою. Кадетъ—мальчикъ или юноша, воспріимчиво принималъ впечатлѣнія подобныхъ смотровъ и, готовясь быть офицеромъ, учился понимать, что исполнительность и отвѣтственность составляютъ душу военной службы.

Въ разгаръ Милютинскихъ преобразованій не разъ приходилось слышать осужденіе кадетскому воспитанію временъ Михаила Павловича. Больно слышать это кадетскому сердцу, которое съ дѣтскихъ лѣтъ питало безпредѣльную любовь и преданность къ Царю. Съ годами, при корпусномъ воспитаніи, эти чувства развивались все болѣе и болѣе. Едва-ли кто изъ насъ, кадетъ прежняго режима, въ силахъ описать то впечатлѣніе, которое производилъ на насъ величественный видъ Императора Николая Павловича. Идеальный, очаровательный по наружности, по голосу, онъ приковывалъ къ себѣ наши сердца. Чувствовалось, что нѣтъ ничего невозможнаго, на что бы каждый изъ насъ не рѣшился для него. Чувствовалось, что и онъ любилъ насъ. Да, было время, которое теперь мало кто помнитъ и немногіе понимаютъ.

До переформированія губернскихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, они имѣли, какъ теперь, только общіе классы, а потому прошедшіе въ нихъ опредѣленный курсъ были отправляемы на два года въ спеціальные классы Дворянскаго полка. Переводъ изъ корпуса, въ которомъ прошли лучшіе юношескіе годы, составлялъ замѣчательную эпоху кадетской жизни. Онъ былъ и радостенъ и грустенъ. Радостенъ потому, что приближалъ къ выпуску въ офицеры, грустенъ отъ того, что сопровождался разлукою съ роднымъ корпусомъ, съ учителями и офицерами, къ которымъ мы привыкли, которые знали насъ и которыхъ знали мы; но радость брала верхъ надъ грустью.

Юное воображеніе искало новизны и свѣжихъ впечатлѣній; оно уносило все помыслы въ будущее, не позволяло обдумывать и оцѣнивать прошедшее. Только впоследствии, окунувшись въ жизнь и испытавъ ея превратности, возрождались воспоминанія о минувшемъ, а при переходѣ къ возмужалости,

съ каждымъ годомъ яснѣе и яснѣе обрисовывались тѣ образцы для примѣра, которые мы имѣли въ бывшихъ начальникахъ. Кадетъ потомъ убѣждался, что даже и тѣ человѣческіе недостатки начальства, которые осуждались имъ и казались не-сносными, не заключали въ себѣ ничего вреднаго для его будущности. По мѣрѣ укрѣпленія этого убѣжденія, возрастали въ кадетѣ привязанность и любовь къ своему корпусу.

Чтобы показать какимъ способомъ, при отсутствіи въ то время желѣзныхъ дорогъ, перевозили кадетъ изъ провинціи въ столицу, опишу отправленіе моего выпуска въ Дворянскій полкъ.

Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ мы провели въ своихъ ротахъ; насъ не отдѣляли отъ товарищей до послѣдней минуты; фельдфебеля и унтеръ-офицеры исполняли свои обязанности съ тою же точностью, какъ будто имъ предстояло еще долго отвѣчать за свои отдѣленія и десятки. Въ день отъѣзда, 12-го большихъ, троечныхъ телѣгъ стояли у подъѣзда. Служители суетливо укладывали на двѣ изъ нихъ тюки съ новымъ обмундированіемъ, кадеты тискали свои ящички и связки съ тетрадями. Директоръ, всѣ офицеры и учителя, даже многіе изъ дамъ, пришли смотрѣть на отъѣздъ отправляемыхъ; а когда началось прощанье, весь корпусъ окружалъ поѣздъ. Прощальные поцѣлуи, всевозможныя пожеланія, просьбы и обѣщанія писать,—все слилось въ общій гулъ, затихавшій по мѣрѣ того, какъ телѣги одна за другой трогались отъ подъѣзда; но и потомъ маханье платками и шапками продолжилась до тѣхъ поръ, пока шоссе пылъ не закрыла пустившихся рысью повозокъ.

Въ Новгородѣ, куда должны были прибыть изъ Петербурга наемныя кареты, назначена была дневка, во время которой пріѣхали изъ корпуса, для послѣдняго прощанья, почти всѣ офицеры и учителя. Нужно отдать полную справедливость заботливости начальства о нашемъ продовольствіи въ пути: на всѣхъ покормкахъ и ночлегахъ, ѣхавшимъ впереди помощникомъ эконома, приготовлялся обѣдъ.

На слѣдующій день, простившись съ провожающими, мы, размѣстившись въ 9-ти каретахъ, тронулись въ дальнѣйшій путь. На проѣздъ 180 верстъ употреблено трое сутокъ, которыхъ можно было назвать прогулкою. Московское шоссе въ то время

было необыкновенно оживлено. Почтовые кареты, дилижансы всевозможныхъ компаній и обществъ, множество проѣзжихъ въ каретахъ и коляскахъ, фельдъегеря, почти сплошная вереница обозовъ,—все это то встрѣчало, то обгоняло другъ друга и все было для насъ новизною. Погода стояла отличная. На половинѣ перегона, сопровождавшій насъ офицеръ позволялъ желающимъ выйти изъ каретъ и, куда лошади, въ видѣ отдыха, шли шагомъ, пройти версты двѣ пѣшкомъ. На ночлегахъ мы размѣщались въ двухъ большихъ постоялыхъ дворахъ, спали въ повалку на сѣновалахъ, что тоже составляло небывалую особенность.

Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ болѣе возрастало любопытство скорѣе увидѣть его. Никому въ то время не приходило на мысль, что съ этимъ приближеніемъ начинается удаленіе отъ беззаботныхъ дѣтскихъ лѣтъ, проведенныхъ въ мирномъ уединеніи корпуса, что многимъ придется потомъ пожалѣть о томъ, зачѣмъ они прошли такъ скоро и безвозвратно. Никто изъ насъ, въ минуту своего перваго въѣзда въ столицу, не остановился на мысли, что для каждого начнется новая жизнь, въ кругу новыхъ лицъ, новыхъ порядковъ и требованій,—жизнь сопряженная съ новыми трудами, заботами и отвѣтственностью.

Приближаясь къ пересѣченію шоссе съ царскосельскою желѣзною дорогою, наши кареты остановились у опущенной заставы. Мы подбѣжали къ полотну посмотрѣть на невиданное прохожденіе поѣзда. Поровнявшись съ нами, машинистъ, вѣроятно догадавшись, что мы провинціалы, нарочно далъ сильный свистокъ. Точно облитые водою, въ одинъ мигъ мы бросились отъ дороги, и только добѣжавъ до своихъ каретъ, опомнились отъ страха. Въ тотъ-же день вечеромъ мы вышли изъ экипажей у подъѣзда Дворянскаго полка.

Надо замѣтить, что изъ желанія-ли возбудить въ воспитанникахъ стараніе къ занятіямъ, или изъ манеры застрашивать будущимъ, въ корпусѣ насъ сильно пугали Дворянскимъ полкомъ и въ особенности его командиромъ, генераломъ Пушинымъ. На дѣлѣ оказалось противное тому, что говорили. Онъ принялъ насъ необыкновенно внимательно и даже ласково. Въ первый же вечеръ мы всѣ были приведены на его квартиру и представлены его семейству. Чуждое всякой офіціальности

Всѣмъ чинамъ
1880
АКТИВЪ
АВГУСТЪ 1880

обращение генерала, любезность его супруги, такъ умѣвшей въ каждомъ словѣ, въ каждомъ вопросѣ выразить доброту и участие, съ перваго раза показали намъ, что насъ желаютъ приблизить. На слѣдующій день насъ распредѣлили поротно. Ни той суровости обращенія, ни того солдатства, о которомъ носились слухи, ни въ чемъ замѣчено не было. Напротивъ, съ каждымъ днемъ мы чувствовали, что положеніе каждого изъ насъ будетъ зависѣть отъ того, какъ кто поставитъ себя.

Черезъ два дня по пріѣздѣ начались экзамены, на которые пріѣзжали директора и учителя разныхъ корпусовъ. Промежутковъ для приготовленій не было; каждый день приходилось сдавать какой-либо предметъ, а иногда и два въ день. Видимо было, что начальникъ штаба Ростовцевъ обставлялъ экзамены строго, желая похвастать передъ столичными корпусами губернскимъ. Въ числѣ экзаменаторовъ была личность, поражавшая насъ громадностью роста и тѣмъ, что во фракѣ экзаменовала изъ Закона Божія. Черезъ два мѣсяца эта личность уже служила обѣдно въ полковой церкви. Это былъ знаменитый въ послѣдствіи членъ снуда, Іоаннъ Васильевичъ Рождественскій, занявшій мѣсто законоучителя Дворянскаго полка. Мы страстно полюбили его, и память о немъ, о его дивныхъ проповѣдяхъ, о его прямоствѣ и участіи къ каждому изъ насъ сохранились на всю жизнь. Удачный экзаменъ и то, что прибывшіе кадеты нисколько не дичились новаго начальства, не конфузились новыхъ учителей, держали себя просто, проявляли въ своихъ отвѣтахъ и манерахъ много естественности, отзывавшейся чѣмъ-то семейнымъ, было причиною общаго къ намъ расположенія.

Вспоминая какъ удачно прошли наши экзамены въ Петербургѣ, снова вспоминаются учителя корпуса, которые далеко не были орлами своихъ предметовъ, а результаты оказались отличными. Не доказываетъ ли это, что для первоначальнаго образованія юношества, добрая воля, усердіе и честное отношеніе къ дѣлу, гораздо важнѣе глубокой учености.

Въ 1840 году совершилось окончательное преобразование Дворянскаго полка. Въ немъ были уже кадеты Новгородскаго, Полоцкаго, а потомъ Орловскаго, Тамбовскаго и Полтавскаго корпусовъ. Съ открытіемъ остальныхъ губернскихъ корпусовъ

Дворянскій полкъ потерялъ бы свою самостоятельность и его роты назывались бы по имени того корпуса, изъ кадетъ котораго состояли. Но какъ нѣкоторые корпуса долго не открывались, то начальство полка, видя, что губернскіе кадеты, въ научныхъ успѣхахъ, дѣлаются преобладающимъ элементомъ, сравнительно съ собственными его воспитанниками, нашло предлогъ упразднить названіе ротъ по корпусамъ. Оно представило, что кадеты слишкомъ ревностно удерживаютъ свой отличительный провинціализмъ и свой *esprit de corps*.

Хотя въ моихъ воспоминаніяхъ, я по возможности удерживаюсь отъ критическаго разбора той или другой мѣры, разъ что она одобрена правительствомъ, но здѣсь замѣчу, что вышеприведенные доводы не имѣли основанія. Само начальство Дворянскаго полка, при всякомъ удобномъ случаѣ, выставило кадета въ примѣръ своимъ воспитанникамъ, а тотъ *esprit de corps*, котораго опасались, ни разу не обнаружился чѣмъ либо дурнымъ, напротивъ—приносилъ видимую пользу, поддерживая соревнованіе. Новгородцы старались перещеголять Полочанъ, Полочане—Орловцевъ, Полтавцы тѣхъ и другихъ. Никогда прежде изъ Дворянскаго полка не выходило въ гвардію больше чѣмъ въ 1842 году. Несмотря на это, черезъ годъ состоялось распоряженіе: переводимыхъ въ полкъ кадетъ въ отдѣльныхъ ротахъ не имѣть, а распредѣлять по всему полку, съ тѣмъ, чтобы они носили общую его форму.

Выше было упомянуто о командирѣ Дворянскаго полка Н. Н. Пущинѣ. Объ этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ личности, существовало два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Одни считали его деспотомъ, челоукомъ безмѣрно строгимъ и грубымъ. Другіе находили въ немъ всевозможныя качества. Бывъ въ его время воспитанникомъ Дворянскаго полка и къ нему близокъ и послѣ выпуска, я имѣлъ полную возможность узнать его и могу свидѣтельствовать, что рѣдко встрѣчалъ челоука правдивѣе, прямодушнѣе и честнѣе его. Многіе изъ его порицателей въ первые годы ихъ службы, въ послѣдствіи отзывались о немъ какъ о примѣрномъ директорѣ, и питали глубокое къ нему уваженіе. При серьезномъ, многостороннемъ образованіи, которымъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, Пущинъ обладалъ твердымъ, можно сказать, рыцарскимъ характеромъ. Выпущенный въ 1811 году

изъ Пажескаго корпуса въ гвардейскій Литовскій полкъ, онъ участвовалъ съ нимъ въ Отечественной войнѣ и въ заграничныхъ походахъ слѣдующихъ годовъ. По возвращеніи изъ Франціи, вся дальнѣйшая его служба, до польскаго возмущенія, проведена была въ Варшавѣ. Знвшіе его тамъ свидѣтельствовали, что это былъ примѣрный служака, дивный товарищъ и увлекательный собесѣдникъ. Все свое содержаніе и небольшія собственныя средства онъ употреблялъ на наемъ себѣ учителей иностранныхъ языковъ, не исключая и итальянскаго, и на покупку книгъ. Отказывая себѣ въ необходимомъ, онъ нисколько не стыдился питаться щами и кашею изъ ротнаго котла, внося за нихъ въ артель опредѣленную плату, и въ то же время бывалъ въ обществѣ, выписывалъ газеты, не уклонялся отъ товарищескихъ увеселеній. Стойкость его правилъ и ихъ благородство не допускали ни малѣйшей съ его стороны уступчивости тамъ, гдѣ дѣло касалось нарушенія справедливости, корпоративности и благородства принциповъ. Когда онъ былъ уже ротнымъ командиромъ, съ нимъ произошелъ несчастный случай, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ всей арміи,—случай, на столько рѣзкій и замѣчательный, что нельзя не остановиться на немъ.

Въ Литовскомъ полку былъ полковникъ Верпаховскій, пользовавшійся общимъ нерасположеніемъ за свою придиричливость и несдержанность въ обращеніи съ офицерами. При одномъ изъ подобныхъ случаевъ, Пуцинъ не выдержалъ, и, послѣ ученя, вступилъ съ Верпаховскимъ въ объясненія. Это послужило послѣднему поводомъ на первомъ же ученіи дѣлать Пуцину крупныя замѣчанія и отдать приказанія наказать нѣсколько лучшихъ, ни въ чемъ не виноватыхъ солдатъ его роты. Пуцинъ отвѣтилъ, что баталіонный командиръ можетъ взыскать съ него, но не имѣетъ права приказывать наказать тѣхъ, кто не виноватъ, а потому онъ подобнаго приказанія не исполнитъ. Вслѣдствіе поданнаго Верпаховскимъ рапорта, это дошло до Великаго князя Константина Павловича. Взглянувъ на дѣло какъ на нарушеніе дисциплины, Его Высочество приказалъ сначала посадить Пуцина подъ арестъ; но, зная его за отличнаго офицера, потребовалъ потомъ къ себѣ. При объясненіи Великій князь настаивалъ, чтобы Пуцинъ просилъ у Верпаховскаго извиненія въ присутствіи

офицеровъ. Пуцинъ отвѣчалъ, что не признаетъ себя виновнымъ; что заступиться за невинныхъ людей своей роты считаетъ долгомъ и не считаетъ своего поступка нарушеніемъ дисциплины, а потому извиняться передъ Верпаховскимъ не можетъ. Великій князь вспыхнулъ и сталъ все болѣе и болѣе горячиться. По обыкновенію, онъ говорилъ скоро, а при этомъ брызгалъ слюною. Подойдя совѣмъ близко къ Пуцину, онъ такъ раскричался, что слюна попала послѣднему на мундиръ. Тогда Пуцинъ, отступая отъ Константина Павловича, замѣтилъ, что надо быть осторожнѣе и что оплеваннаго мундира носить не будетъ. Это окончательно раздражило Великаго князя, и Пуцинъ былъ преданъ суду. Во время ареста его, Константинъ Павловичъ нѣсколько разъ присылалъ на гауптвахту своихъ приближенныхъ передать арестованному, какъ бы отъ ихъ имени, будто бы они навѣрное знаютъ, что если онъ извинится передъ Верпаховскимъ, то Великій князь все забудетъ и прикажетъ потушить дѣло. Пуцинъ остался непреклоненъ, за что и былъ разжалованъ въ рядовые, съ переводомъ въ армейскій полкъ, расположенный въ городѣ Лидѣ.

Обратившись изъ гвардейскаго капитана въ армейскаго солдата, Пуцинъ не допускалъ, чтобы для него дѣлали исключенія, отказался отъ предложенія нѣсколькихъ офицеровъ жить съ ними, а живя въ общей солдатской казармѣ, требовалъ, чтобы его наряжали на всѣ работы и посылали бы по очереди въ караулъ. Прошло полтора года подобной жизни; на скорое прощеніе не было никакой надежды. Между тѣмъ, на слѣдующее лѣто предстоялъ сборъ войскъ у Бреста, для Высочайшаго смотра. Константинъ Павловичъ, узнавъ какъ рыцарски переносилъ Пуцинъ постигшее его несчастіе, воспользовался предстоящимъ смотромъ, и послѣ парада, при объѣздѣ войскъ, указалъ на него Императору Александру I-му, прося простить разжалованнаго. Ходатайство Великаго князя было уважено; Пуцинъ не только былъ прощенъ, но переведенъ въ прежній полкъ капитаномъ. Подобное событіе не могло не повліять на характеръ челоѣка въ высшей степени воспримчиваго.

Послѣ польской компаніи Литовскій полкъ, а съ нимъ и Пуцинъ, находился въ Ораніенбаумѣ. Въ это время онъ былъ уже полковникомъ и женатъ. Многіе изъ ветерановъ, бывшихъ

офицеровъ полка, свидѣтельствуютъ, что нигдѣ нельзя было встрѣтить большаго гостепріимства и пріятнѣе провести время, какъ у Пущина. Вскорѣ ему пришлось перемѣнить строевую карьеру на воспитательную.

Великій князь Михаилъ Павловичъ пожелалъ преобразовать Дворянскій полкъ въ заведеніе, которое стало бы во всѣхъ отношеніяхъ въ уровень съ прочими кадетскими корпусами. Для исполненія этой мѣры искали человѣка, извѣстнаго своею энергіею, силою воли и твердостью характера. Выборъ палъ на Пущина.

Надо знать, чѣмъ былъ Дворянскій полкъ до Пущина и въ какомъ состояніи онъ засталъ его, чтобы судить, чего стоило ему преобразование этого заведенія. Наполненный преимущественно недорослями изъ бѣдныхъ дворянъ, чуждыми самаго начального образованія и воспитанія, полкъ помѣщался на Петербургской сторонѣ, въ ветхихъ деревянныхъ казармахъ. Многіе поступали въ него 20-ти лѣтъ отъ роду, уже нравственно испорченными, но не знавшими азбуки. Поведеніе ихъ заставляло обывателей сосѣднихъ улицъ бояться выходить вечеромъ за ворота. Въ отношеніи научнаго образованія, даже при выпускномъ экзаменѣ, отъ этихъ господъ требовались только начальныя дѣйствія ариметики и русская грамота. Чтобы быть произведеннымъ въ офицеры, нужно было только знать фронтовую службу и считаться строевикомъ. Отъ этого лѣнивые кадеты прочихъ корпусовъ старались перейти въ Дворянскій полкъ, для чего стоило только сдѣлать какой-нибудь выходящій изъ ряда проступокъ.

Генералу Пущину было указано преобразовать полкъ, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами строгости; другими словами—обновить заведеніе по всѣмъ частямъ управленія, а также по части физическаго и нравственнаго воспитанія. Сдѣлать это, не имѣя подготовленныхъ помощниковъ, измѣнить духъ воспитанниковъ, хотя нѣсколько облагородить ихъ и заставить чему-либо учиться—было не легко. Какъ при всякомъ преобразованіи, конечно, не обошлось безъ сопротивленій, безъ проступковъ, требовавшихъ серьезныхъ взысканій. Но Пущинъ шелъ къ цѣли, не боясь ни ропота воспитанниковъ, ни происковъ завистниковъ, ни распускаемыхъ о немъ слуховъ, какъ о человѣкѣ грубомъ и жестокомъ. Тѣ же самыя личности, ко-

торыя содѣйствовали распространенію подобнаго мнѣнія, потомъ отдавали ему справедливость, называли человѣкомъ сердечнымъ и никого не погубившимъ напрасно.

Не будемъ перечислять всѣхъ заслугъ Пущина по преобразованію Дворянскаго полка, но скажемъ, что черезъ 5 лѣтъ это заведеніе совершенно переродилось. Внутренній порядокъ, одежда, столъ, все это уже ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ корпусовъ; введено было обученіе танцамъ, пѣнію, гимнастикѣ и фехтованью; обращено было особенное вниманіе на обученіе иностраннымъ языкамъ. Если Пущинъ былъ неумолимъ въ отношеніи дурныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ, то въ то же время дѣлалъ всевозможное для прочихъ. Едва ли кадеты другихъ корпусовъ пользовались такими частыми и разнообразными удовольствіями, какія доставлялись воспитанникамъ Дворянскаго полка. Лучшихъ по успѣхамъ, отличавшихся порядочностью, онъ часто приглашалъ къ себѣ, вводилъ въ свое семейство, гдѣ они были принимаемы какъ друзья и близкіе знакомые. Система его управленія полкомъ была основана на вкорененіи строгаго порядка, благоговѣнія къ постановленіямъ Церкви, сыновней преданности къ Престолу, безкорыстной любви къ военному званію, къ сознанію долга и желанія образованія. Все, что въ этомъ человѣкѣ было суроваго и рѣзкаго, не принадлежало ему, — онъ заставлялъ себя казаться такимъ только на службѣ.

Личнымъ примѣромъ и частыми бесѣдами съ старшими воспитанниками, онъ училъ насъ службѣ, которую требовалъ неотступно. Быть при немъ фельдфебелемъ или унтеръ-офицеромъ, значило, уже въ стѣнахъ заведенія, усвоить главные основы военнаго воспитанія — исполнительность и отвѣтственность. Пишущій эти строки былъ имъ посаженъ подъ арестъ за то, что на воспитанникѣ его отдѣленія былъ дурно пригнанъ киверъ. Если выпущенные изъ Дворянскаго полка во время командованія Пущина пользовались потомъ репутаціею дѣльныхъ офицеровъ, то этимъ обязаны исключительно ему. Прощаясь съ выпускаемыми, передъ отправленіемъ въ полки, онъ говорилъ намъ: „Не думайте, что вамъ придется служить только съ людьми умными, образованными и справедливыми. Умѣйте служить со всякимъ и со злымъ, и съ ограниченнымъ, и съ пристрастнымъ. Если бы на службѣ приходилось встрѣчать только

добрыхъ и справедливыхъ, то она была бы раемъ. Умѣйте безропотно переносить и труды и лишеныя, а главное — берегите офицерское достоинство и честь вашего мундира“.

По выпускѣ въ офицеры многіе обращались къ Пушкину за совѣтами и помощью, и никогда никто не получалъ отказа. При случайныхъ поѣздкахъ его въ провинцію, встрѣчая офицера, первую его заботою было узнать, нѣтъ ли въ городѣ кого-либо изъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка. Однажды онъ, съ многочисленнымъ своимъ семействомъ, возвращался изъ за границы. Въ Пултускѣ онъ узналъ, что въ квартировавшемъ тамъ полку находится, бывший въ Дворянскомъ полку, майоръ Адамовъ, обремененный семействомъ и крайне нуждающійся. Черезъ полчаса сынъ майора сидѣлъ уже въ каретѣ генерала; по прибытіи-же въ Петербургъ для него были наняты учителя, а потомъ Пушкинъ опредѣлилъ его въ заведеніе.

Труды, огорченія, усиленные умственные занятія въ молодости и испытанныя, въ первые годы командованія Дворянскимъ полкомъ непріятности, не могли не подкосить здоровья Пушкина. Въ 1847 году онъ сдалъ полкъ, долго лечился за границею и въ слѣдующемъ году скончался. Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, среди многихъ бывшихъ своихъ питомцевъ. Сослуживцы и воспитанники поставили ему памятникъ, на одной сторонѣ котораго написано: „Признательность и уваженіе подчиненныхъ и воспитанниковъ“, а на другой — „Вѣчная память воспитателю полезному и добродѣтельному“.

Вѣчная память и другой личности, о которой тоже существовало фальшиво сложившееся мнѣніе, распространенное тѣми, кто ради осужденія прошлаго, не щадилъ никого изъ его дѣятелей. Милостію новаторовъ 60-хъ годовъ пользовались только тѣ изъ высокостоящихъ, которые казались державшими ихъ сторону. Подъ этой другой личностію я разумѣю Якова Ивановича Ростовцева. При исключительномъ довѣріи Великаго князя Михаила Павловича, онъ поставилъ кадетскіе корпуса на ту степень умственного образованія и наружнаго блеска, которая въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ поражала европейскихъ туристовъ и писателей. Всѣ лучшіе профессора того времени были имъ приглашены къ преподаванію; матеріальное же устройство корпусовъ ни прежде, ни

послѣ Ростовцева не представляло той стройности и щеголеватости, какія были при немъ. Въ началѣ минувшаго царствованія онъ былъ призванъ къ новой государственной дѣятельности, по упраздненію крѣпостной зависимости. Покойный Императоръ приблизилъ его къ себѣ и съ тѣхъ поръ завистники, сначала подъ сурдинку, а послѣ его смерти гласно, стали называть его дѣйствія, въ военно-учебной сферѣ, шарлатанствомъ, а затѣмъ корифеи новаго направленія съ энергіею стали ломать все, что было сдѣлано Михаиломъ Павловичемъ и Ростовцевымъ. Подъ видомъ упрощенія системы управленія и введенія педагогическихъ началъ, преобразователи уничтожали именно то, что возвышало корпуса, давало имъ значеніе въ обществѣ, заставляло кадета гордиться своимъ званіемъ, вводило и поддерживало въ арміи духъ товарищества.

Возьмемъ для примѣра и сравненія съ настоящимъ два событія изъ жизни прежнихъ корпусовъ, и опишемъ ихъ, для того, чтобы читатели видѣли разницу между тѣмъ, что было, и что произошло потомъ.

Измѣняя воспитаніе юношества, готовившагося по возрастѣ быть офицерами, корпуса преобразовали въ военные гимназій. Всѣ атрибуты строевой подготовки были отброшены, въ томъ числѣ былъ упраздненъ и Петергофскій лагерь. Послѣднее, людямъ, не думавшимъ о послѣдствіяхъ, казалось вполне логичнымъ и послѣдовательнымъ.

Чѣмъ былъ Петергофскій лагерь 35 лѣтъ назадъ и какое онъ имѣлъ моральное значеніе для будущаго офицерства — знаютъ только кадеты Николаевского времени. Подъ видомъ дѣтскихъ забавъ, принаровленныхъ къ кадетскому быту, корпуса выходили въ лагерь въ составѣ 6 полныхъ баталіоновъ, 1 эскадрона и батареи артиллерійскаго училища. 1-й баталіонъ состоялъ изъ ротъ: Пажескаго корпуса, школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и Инженернаго училища; 2 и 3 баталіоны принадлежали Дворянскому полку. Эти три баталіона составляли 1-й полкъ; 2-й формировался изъ баталіоновъ 1-го, 2-го и Павловскаго кадетскаго корпусовъ. Выступленія въ лагерь мы ожидали съ нетерпѣніемъ, какъ праздника. Оно совершалось всегда въ присутствіи Императора, къ нему готовились заранѣе, для чего, раза два или три, лагерный отрядъ соби-
рали на репетицію, на плацъ 1-го корпуса. Иногда послѣднюю

изъ нихъ Михайлъ Павловичъ производилъ лично. То, что 12-ти-лѣтніе мальчишки, въ ранцахъ и съ ружьями, фигурировали въ строю, потомъ возводили въ примѣръ чуть не варварства; это было ни что иное какъ шипѣніе, безсильной тогда, но сильной потомъ, злобы. Во-первыхъ маленькихъ, а также слабыхъ силами кадетъ отправляли въ Петергофъ на пароходѣ; во-вторыхъ, тѣхъ, которымъ было трудно нести пустой, едва не игрушечнаго размѣра ранецъ и такое же ружье 6-ти-фунтоваго вѣса, — везли до сборнаго пункта въ большихъ каретахъ, имѣвшихся при каждомъ баталіонѣ. Спросите этихъ бывшихъ 12-ти-лѣтнихъ, а теперь посѣдѣлыхъ мужей и старцевъ, какъ они гордились тѣмъ, что ихъ ставили въ строй на смотръ Государя, и какъ плакали тѣ, которыхъ по слабости отправляли на пароходѣ. Бывшимъ гимназистамъ не понять этого.

Для церемоніальнаго выступленія, отрядъ, въ послѣднихъ числахъ іюня, къ 6 часамъ вечера, собирался у Нарвской заставы и строился развернутымъ фронтомъ, правымъ флангомъ къ триумфальнымъ воротамъ. Императоръ Николай Павловичъ, окруженный блестящей свитой, объѣзжалъ строй шагомъ, окидывая своимъ неподражаемымъ взглядомъ cadaго. Этотъ взглядъ, какъ электрическая искра шелъ прямо къ сердцу того, на кого онъ падалъ. Послѣ объѣзда батальоны проходили мимо Государя въ колоннѣ по отдѣленіямъ, затѣмъ, пройдя версты три отъ заставы, отрядъ останавливался, по уставнымъ правиламъ высылали авангардъ и арріергардъ, вызывали передъ баталіоны пѣсенниковъ — и отрядъ трогался. Государь, обыкновенно, раза два обгонялъ баталіоны и пропускалъ ихъ мимо себя. Вся дорога до Стрѣльны представляла при этомъ особенное оживленіе. Не говоря о жившихъ на шоссе дачникахъ, многіе пріѣзжали изъ ближайшихъ окрестностей, такъ, что отрядъ шелъ между стоявшей шпалерами публикой. У Краснаго кабачка, гдѣ ожидалъ приготовленный чай, дѣлали привалъ, а на ночлегъ 1-й полкъ останавливался у Сергіевскаго монастыря, второй — въ Лиговѣ. На слѣдующее утро происходило вступленіе въ Петергофъ, въ присутствіи всей Императорской Фамиліи.

Жизнь кадетъ въ лагерѣ представляла ежедневныя доказательства милостиваго вниманія Царской Семьи. Не проходило дня, чтобы кто-либо изъ ея членовъ не пріѣзжалъ въ лагерь.

Куда бы Государь, Императрица и Великіе князья не принимали прогулку, всегда заѣзжали къ кадетамъ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ имъ разрѣшался входить въ Александрію, куда не допускались даже корпусные офицеры. Не доказывало ли это, что Николай Павловичъ считалъ кадетъ какъ бы своими дѣтьми, а мы смотрѣли на это какъ на особое довѣріе. Гуляющихъ близъ дворца онъ подзывалъ къ себѣ, говорилъ, шутилъ съ ними и частенько приказывалъ даже Великимъ князьямъ угощать фруктами и конфектами. 2-го іюля обыкновенно давалъ разводъ баталіонъ 1-го кадетскаго корпуса, въ рядахъ котораго нерѣдко стояли рядовыми Великіе князья. Подобный разводъ, какъ единственный въ году, привлекалъ вниманіе всего Двора и громадное стеченіе публики. Участвовавшимъ въ немъ давали каждому серебряный рубль. Кадеты хранили его какъ драгоценную память о незабвенныхъ дняхъ Петергофскаго лагеря. За нѣсколько дней до выступленія происходилъ такъ называемый штурмъ каскадовъ, что у дворца, противъ фонтановъ. Для этого кадетъ приводили туда во вседневной одеждѣ, безъ ружей, ставили въ баталіонныхъ колоннахъ: 1-й полкъ противъ праваго, 2-й противъ лѣваго каскада. Государь, со всѣмъ своимъ семействомъ, находился на верху, гдѣ разбивали шатры, въ которыхъ на столахъ раскладывали призы для тѣхъ трехъ изъ cadaго заведенія, которые взбѣгали первыми. Они получали подарки изъ рукъ Императрицы, или которой либо изъ Великихъ княженъ. Въ это время фонтаны пускались во всю ихъ силу, такъ что вскакивать на высокія ступени лѣстницъ, преодолевая при этомъ сильное паденіе воды, было нелегко. Но не столько это затрудняло ловкихъ гимнастовъ, сколько то, что задніе ряды, ринувшись по сигналу впередъ, прижимали переднихъ къ первому уступу. Смѣтливые и болѣе опытные, предвидя это, вскакивали на плечи товарищей и затѣмъ уже брали ступень за ступенью. Въ школѣ подпрапорщиковъ юнкеръ Герздорфъ, а въ Дворянскомъ полку воспитанникъ Приклонскій, были такой толщины, что Императрица награждала ихъ и за то, что они взбирались послѣдними. Подарки состояли изъ малахитовыхъ, яшмовыхъ и сердоликовыхъ вещей Петергофской гранильной фабрики.

Выступленія изъ лагеря, соединяемое съ маневрами, происходило въ первыхъ числахъ августа, тоже въ присутствіи

Государя. Маневръ начинался обыкновенно отъ Александрии и кончался у Стрѣльны. Онъ составлялъ вторичный экзаменъ фронтowych лагерныхъ занятій кадетъ. Первымъ испытаніемъ былъ смотръ линейнаго ученія, на плацу, позади лагеря. Оба экзамена имѣли серьезное значеніе, потому что Николай Павловичъ требовалъ и знанія устава и стройности движеній. Большею частію онъ оставался доволенъ, но случалось и иначе. Такъ, въ 1841 году, Государь сильно разгнѣвался за то, что кадеты дурно примѣнялись къ мѣстности, а одинъ изъ выпускныхъ, командуя полувзводомъ, провелъ его передъ орудіями. За это производство въ офицеры было отложено на мѣсяцъ, и назначенныхъ къ нему ежедневно водили учиться примѣненію къ мѣстности на Крестовскій островъ.

Обыкновенно производство объявлялось на другой день по выступленіи изъ лагеря, на привалѣ, гдѣ Я. И. Ростовцевъ лично раздавалъ выпускнымъ Высочайшій приказъ.

Вообще 6 недѣль ежегодно проводимыя кадетами въ Петергофѣ, на глазахъ Царской Семьи, сильно укрѣпляли въ сердцахъ будущихъ офицеровъ арміи и преданность Престолу, и готовность жертвовать за Государя самою жизнью. Въ этой преданности и самопожертвованіи таится залогъ побѣдъ, и онѣ имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ всевозможныя знанія и специальности, что и отзывалось при Севастополѣ.

Другое, тоже упраздненное торжество, имѣвшее неоспоримое значеніе, составлялъ день присяги произведенныхъ. Конечно и теперь выпускаемые въ офицеры присягаютъ; но кто знаетъ объ этомъ за стѣнами заведенія, изъ котораго они выходятъ? Ни остающіеся товарищи, ни учителя и прочій служебный персоналъ не присутствуютъ при этомъ. Произведенные, къ извѣстному часу, соберутся въ церковь, присягнуть и разѣдутся. Такъ ли слѣдовало бы прощаться съ мѣстомъ воспитанія? Въ наше время это былъ актъ торжественный для корпуса, назидательный для остающихся и достопамятный для выходящихъ. Въ этотъ день весь корпусъ выводился въ церковный парадъ, со знаменемъ. Въ 10 часовъ въ корпусной церкви начиналась литургія, къ которой приглашалось начальство, директора и ближайшіе родные выходившихъ. Послѣдніе, собравшись въ одной изъ залъ, входили въ церковь съ директоромъ и становились по срединѣ храма, противъ алтаря, по

старшинству частей, въ которыя выпущены. По окончаніи литургіи, совершалась панихида по всѣмъ бывшимъ питомцамъ заведенія, павшимъ въ сраженіяхъ; затѣмъ происходилъ обрядъ присяги, въ присутствіи всѣхъ кадетъ, офицеровъ, учителей и приглашенныхъ. Въ заключеніе же церковнаго священнодѣйствія, служили напутственный молебенъ, въ концѣ котораго законоучитель говорилъ прощальное слово. Кто слышалъ его сказаннымъ покойнымъ отцомъ Іоанномъ Рождественскимъ, тотъ несомнѣнно помнитъ неизгладимое впечатлѣніе его дивныхъ рѣчей въ день присяги. Сорокъ шесть лѣтъ прошло съ того времени, а я будто еще вижу, что когда онъ закончилъ даваемые намъ наставленія словами: „а теперь простимся радостно, хотя бы и навсегда“,—какъ всѣ мы, со слезами на глазахъ, бросились цѣловать его.

Изъ церкви всѣ переходили въ манежъ. Тамъ кадеты, подъ звуки музыки, проходили мимо присягнувшихъ церемониальнымъ маршемъ, послѣ котораго тутъ же происходила раздача наградъ лучшимъ ученикамъ всѣхъ классовъ за минувшій учебный годъ. Потомъ кадеты, составивъ ружья и снявъ аммуницію, шли въ залъ, а за ними, уже какъ гости, входили въ него произведенные. Корпусъ въ послѣдній разъ угощалъ ихъ и провозглашалъ ихъ здоровье. По окончаніи обѣда, долго шло прощанье съ учителями, офицерами и товарищами. Все это оставляло неизгладимое впечатлѣніе, и кадетъ навсегда уносилъ съ собою память о родномъ корпусѣ и о бывшихъ своихъ воспитателяхъ. Если для иного корпусная жизнь и приносила огорченія, а подчасъ и горе, то при подобномъ разставаньи все забывалось, все прощалось.

Спрашивается, для чего, съ какою цѣлью, надо было упразднить торжественность акта присяги и замѣнять его нынѣшнимъ официально-холоднымъ, глядя на который, такъ и кажется, что и воспитывавшіеся и воспитавшіе надобно другъ другу. Впрочемъ, окончательно разорвать связь между кадетомъ и корпусомъ реформаторамъ не удалось. Какъ только учредили военныя гимназіи, кадеты ввели обычай, въ дни учрежденія корпусовъ, собираться въ товарищескіе кружки, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ потребность проститься съ своими воспитателями выражается тѣмъ, что выпускные даютъ сами имъ обѣды, но уже внѣ стѣнъ заведенія.

Казалось бы, что теперь, когда воскресло имя кадета, было бы полезно воскресить и тѣ обычаи, которые, имѣя нравственное значеніе, скрѣпляли духовную связь кадета съ корпусомъ.

Оканчивая воспоминанія мои о кадетской жизни, не могу не обратиться вновь къ свѣтлой личности Великаго князя Михаила Павловича. Въ числѣ оставшихся послѣ его кончины бумагъ, найденъ былъ документъ, писанный собственною его рукою, слѣдующаго содержанія:

„Дѣти! отпуская васъ на службу, я обращаюсь къ вамъ не какъ вашъ начальникъ, но какъ отецъ, васъ душевно любящій, который слѣдилъ за вами съ юныхъ вашихъ лѣтъ, который радовался вашимъ успѣхамъ, вашему постепенному развитію. Теперь вы выходите на поприще жизни, жизни военной, и я прощаюсь съ вами! Внемлите моему совѣту: не забывайте никогда Бога, родителей вашихъ, которымъ обязаны жизнію, а нравственнымъ существованіемъ вы обязаны Государю Императору и его постояннымъ къ вамъ милостямъ. Онъ съ младенчества васъ призрѣлъ. Онъ васъ возлелѣялъ и, наконецъ, снабдилъ васъ всѣмъ нужнымъ для новаго вашего поприща. Чѣмъ вы заслужите иначе столь великія beneficia, какъ не щадя себя, ни въ какомъ случаѣ, для его службы. Не забывайте, что въ Россіи, въ нашей славной Россіи, священныя имена Государя и Отечества нераздѣльны; эта нераздѣльность наша сила, передъ которою непріатели наши всегда сокрушаются и крамолѣ не будетъ мѣста. Военная служба, сія благороднѣйшая служба, сколько славы представляетъ она вамъ въ будущности! Слава на полѣ битвы для благородной души сколько имѣетъ отрады; и если участь присудила кому пасть, то остается память, осѣняющая пораженнаго; но это-ли только слава военного? Ежечасное самопожертвованіе, постоянство и терпѣніе въ трудахъ, безъ ропота, безъ усталости,—сколь они почтенны! Достойный офицеръ обязанъ прежде всего повиноваться начальникамъ и наблюдать неукоснительно за исполненіемъ ихъ приказаній. Повинованіе сіе должно быть искренне и безусловно. Помните всегда, что настоящая честь военного человѣка состоитъ въ благородномъ поведеніи, а потому избѣгайте всякаго соблазна и не забывайте слова Спасителя: „не введи насъ во искуше-

ніе“. Примите, дѣти, сіи наставленія друга; будьте увѣрены, что вблизи и издалека онъ всегда будетъ слѣдить за вами, во всѣхъ вашихъ нуждахъ, и если вамъ будетъ нуженъ добрый совѣтъ, обращайтесь всегда къ нему, какъ къ вѣрному пристанищу. Прощайте, да благословитъ васъ Господь Богъ и да подкрѣпитъ на дѣла великія. За Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ“.

Во время существованія корпусовъ, экземпляръ прощанья Великаго князя Михаила Павловича съ кадетами выдавался каждому при выпускѣ въ офицеры; но и это, съ обращеніемъ въ военныя гимназіи, прекратилось.

Послѣднимъ фактомъ заботливости Великаго князя о кадетскихъ корпусахъ было, изданное имъ въ 1848 году. „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“. Достаточно привести изъ него нижеслѣдующія строки, чтобы судить, на чемъ было тогда основано воспитаніе будущихъ офицеровъ русской арміи: „Христіанинъ, вѣрно-подданный, русскій, добрый сынъ, надежный товарищъ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ—вотъ качества, съ которыми воспитанникъ военно-учебнаго заведенія долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды Императорскихъ армій, съ чистымъ желаніемъ отплатить Государю за его beneficia честною службою, честною жизнію и честною смертію“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1842 — 1853.

Производство въ офицеры.—Представленіе на службу.—Разводы и ученія того времени.—Выходки генерала Арбузова.—Липранди, какъ командира полка.—Великій князь Михаилъ Павловичъ зачисляется въ нашъ полкъ.—Нечаянный выстрѣлъ.—Счастье спасаетъ отъ несчастья.—Походъ 1849 года въ Литву.—Прѣздъ Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Павловича.—Пожалованіе новыхъ знаменъ. На юбилей коронованія въ Москвѣ.—Эпизодъ въ Петергофѣ.

И такъ я офицеръ, и офицеръ гвардейскій.

Въ настоящее время всякій выпускаемый вѣроятно спрашиваетъ себя: на какія средства я обмундируюсь и буду жить?

Представьте себѣ, читатель,—мнѣ подобный вопросъ ни разу не приходилъ въ голову. Положимъ, я зналъ, что меня обмундируютъ на казенный счетъ, какъ и другихъ, и то, что останется отъ отпускаемыхъ на это 300 руб. для входящихъ въ гвардію, мнѣ выдадутъ. Но что же могло остаться, если сдѣлаютъ все необходимое? Вообразите, все сдѣлали и мнѣ выдали еще съ чѣмъ-то сорокъ рублей на руки. Эти деньги, вмѣстѣ съ тремя стами рублей ассигнаціями, полученными изъ дома, составляли весь капиталъ, съ которымъ надо было прожить 4 мѣсяца, до перваго полученія жалованья. Казалось бы, что есть отъ чего призадуматься, а между тѣмъ я былъ счастливъ, какъ никогда впослѣдствіи. Снаряжая, 30 лѣтъ спустя, сыновей на службу, все это вспомнилось мнѣ, и я поневолѣ сравнилъ настоящее съ минувшимъ. Новые обычаи, оправдываемые требованіями такъ называемыхъ приличій, доводимыхъ изъ глупаго подражанія для прихотей, причиняютъ теперь много дурнаго. Теперь служащій безъ собственныхъ средствъ, или ведетъ жизнь затворника, несетъ на себѣ отпечатокъ отчужденія не только отъ свѣта, но и отъ товарищей;—или, очертя голову, дѣлаетъ долги. Хорошо, если въ первомъ случаѣ

юноша выдержитъ искусь и перенесетъ нужду твердо,—тогда онъ спасенъ; во второмъ—онъ навѣрное погибаетъ, и весьма часто тянетъ за собою добряковъ, легковѣрныхъ товарищей-поручителей.

Первое, съ чего начинается служба вновь произведеннаго,—это представленіе полковому командиру. Я зналъ впередъ, что мой командиръ человѣкъ строгій, требовательный; но я не боялся этого. Выслушавъ обычную форму словеснаго моего представленія, генералъ окинулъ меня съ ногъ до головы взглядомъ, потомъ попробовалъ просунуть палецъ за мой воротникъ, и, когда это оказалось невозможнымъ, замѣтилъ:

— Въ такомъ тѣсномъ мундирѣ служить нельзя; извольте передѣлать, иначе вы поневолѣ на дежурствѣ, или въ караулѣ разстегнетесь; а попробуйте сдѣлать это,—такъ безъ взысканія не останетесь; можете идти.

Вотъ такъ участіе, подумалъ я, идя отъ генерала въ канцелярію. На вопросъ знакомаго мнѣ адъютанта, о чемъ говорилъ со мной полковой командиръ, я передалъ все слово въ слово. Видя, что первый шагъ на службѣ произвелъ на меня не радостное впечатлѣніе, адъютантъ успокоивалъ меня, говоря, что такова манера генерала, но что онъ человѣкъ добрый, справедливый и умѣющій цѣнить службу. Хотя Ребиндеръ всего годъ командовалъ при мнѣ полкомъ, но я не разъ убѣдился въ этомъ. Въ строю онъ былъ очень строгъ и при распеканіи не стѣснялся въ выраженіяхъ. Помню первую его репетицію развода на дворѣ бывшихъ Московскихъ казармъ, гдѣ теперь внутренній скверъ. При прохоженіи карауловъ одинъ изъ офицеровъ прошелъ передъ взводомъ не въ ногу.

— На три дежурства,—крикнулъ Ребиндеръ, а другой разъ этимъ не отдѣлаетесь и я такъ взыщу, что долго не забудете.

Другая репетиція происходила въ манежѣ, въ раннее октябрьское утро. Подпоручикъ Игельстромъ, любившій пошутиться, забылъ дома полусаблю, что ему кто-то замѣтилъ уже въ манежѣ. Онъ бросился въ ближайшій магазинъ офицерскихъ вещей, гдѣ въ торопяхъ схватилъ первую, которую ему подали, и радостный, что успѣлъ возвратиться ранѣе пріѣзда генерала, поскорѣе сталъ за 1-й взводъ. Начинается ученіе. При первомъ ружейномъ приѣмѣ генералъ приказываетъ от-

ставить; берутъ на плечо вторично,—опять отставить, въ третій разъ,—то же самое. Наконецъ Ребиндеръ быстро идетъ къ 1-му взводу говоря: „Кто это у васъ при всякомъ приѣмѣ качаетъ солтаномъ?“ Оказалось, что Игельстромъ, силясь обнажить свою новую полусаблю, никакъ не можетъ этого сдѣлать и невольно шевелить головою. Генераль вызываетъ его къ себѣ. И вотъ мы видимъ, что Игельстромъ, выступая изъ-за праваго фланга на середину манежа, все время усиленно старается вытащить оружіе изъ ноженъ, но тщетно. Не доходя же шаговъ 5 до полковаго командира, дѣлаетъ послѣднее усиліе, и у него въ рукахъ вмѣсто лезвія деревяшка. Ребиндеръ не могъ удержаться и смѣясь говоритъ:

— Прекрасный воинъ! Извольте съ этимъ мечемъ оставаться при мнѣ.

Такъ онъ все ученье и простоялъ передъ баталіономъ, съ обнаженною деревяшкою.

Вообще Ребиндеръ былъ уважаемъ въ полку тѣми, кто зналъ и любилъ службу; а солдаты, не смотря на всю строгость, любили его: „За нимъ можно служить какъ за каменною стѣною“,—говорили они.

Какъ теперь помню такой эпизодъ. Стоялъ я въ караулѣ въ Госуд. Банкѣ. Тамъ офицерская комната отдѣлялась отъ солдатской тонкой перегородкой, такъ что всякое слово было слышно. Послѣ караула предстоялъ смотръ Государя. На репетиціи великій князь Михаилъ Павловичъ сердился и распекалъ, а Ребиндеръ, послѣ его отъѣзда, поблагодарилъ нижнихъ чиновъ. Ночью, слышу я, ведутъ солдаты такой разговоръ:

— Какъ думаешь, похвалить Царя? спрашиваетъ одинъ.

— А какъ Богъ дастъ. Князь-то вишь сказалъ, что плохо.

— Небось, сойдетъ,—вмѣшался третій.

— А ты почему знаешь?

— Да вѣдь лысый похвалилъ,—отвѣчалъ онъ. (Солдаты между собою называли Ребиндера „лысый“).

— Ну такъ чтожъ?

— А ужъ коли лысый сказалъ, что хорошо, такъ хорошо и будетъ. И дѣйствительно, при немъ полкъ не имѣлъ соперниковъ въ строевомъ отношеніи.

Въ сороковыхъ годахъ разводы были трехъ видовъ: 1) По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ такіе же, какъ и впослѣд-

ствіи, въ присутствіи Государя. 2) Въ будни, въ теченіи осени по одному разу каждому изъ батальоновъ гвардіи, съ ученьемъ. 3) Обоимъ отдѣленіямъ, т. е. двумъ батальонамъ, заступающимъ въ караулъ вмѣстѣ, изъ которыхъ одинъ занималъ посты по эту сторону Невы, а другой за Невую. Тогда карауловъ было множество, такъ что однихъ офицерскихъ насчитывалось до 20.

Разводы съ ученьемъ были такимъ строгимъ испытаніемъ строеваго образованія, выдержать которое безъ прорухъ считалось счастьемъ. Ихъ большею частью дѣлалъ Михаилъ Павловичъ, но иногда, невзначай, приѣзжалъ и Государь. Послѣ осмотра стойки въ различныхъ положеніяхъ, одежды, ружейныхъ приѣмовъ, чистоты оружія, начиналось батальонное ученье, съ строгимъ требованіемъ стройности всѣхъ движеній и построеній, которыя были тогда очень сложны. Камнемъ преткновенія для офицеровъ была пальба полувзводами съ фланговъ полубаталіоновъ. Сбиться съ очереди, при малѣйшей несноровкѣ, было легко, а разъ ктонибудь затушилъ команду или поторопился, начиналась непоправимая путаница. Однажды на подобный разводъ 2-го нашего батальона приѣхалъ Государь. Ученье кончилось безъ задоренки, и всѣ думали, что уже начнется церемоніальный маршъ, сдать который, послѣ такого испытанія, считалось ни почемъ. Вдругъ Николай Павловичъ приказываетъ одной ротѣ раздѣться до-гола, другой надѣть шинели, третьей снять сапоги, четвертой мундиры. Всѣ присутствовавшіе ахнули, думая: одни, расположенные къ полку—со страхомъ, другіе, завидующіе ему,—съ радостью,—ну какъ окажется на комънибудь грязная рубаша, нечистое тѣло, или разорванная шинель. Но ничего подобнаго не оказалось, хотя въ моей ротѣ и могло бы оказаться. Покуда Государь и начальство было у 1-й роты, я спѣшилъ осмотрѣть свою и, съ ужасомъ, вижу въ средней шеренгѣ солдата грязнаго какъ трубочистъ.

— Это что! указываю я фельдфебелю,—убрать его!

Самъ же спѣшу на свое мѣсто, со страхомъ ожидая что-то будетъ, потому что сознавалъ полную невозможность спрятать виновнаго; наконецъ если его и уберутъ, то окажется пустой рядъ. Случилось же это потому, что передъ самымъ выходомъ изъ казармъ одинъ изъ солдатъ заболѣлъ, и, вмѣсто него, фельдфебель велѣлъ взять хлѣбопека. Иду я по фронту за на-

чальствомъ и думаю, вотъ сейчасъ разразится гроза; Государь быть можетъ и сдѣлаетъ видъ, что не замѣтилъ,—это бывало и въ болѣе важныхъ случаяхъ, но Великій князь не спуститъ. Къ великому удивленію, ни хлѣбопека, ни пустаго ряда не оказалось. Какъ это случилось—понять было трудно; только, при разборѣ дѣла, я потомъ узналъ, что замарашку тиснули подъ шинели, сложенные за фронтомъ, въ нишахъ оконъ, а вмѣсто него поставили изъ замка унтеръ-офицера, что безъ мундира было не замѣтно.

Критики всего прошлаго выведутъ заключеніе, что строгости не отстраняютъ неисправностей и что скрытіе неряшливаго составляетъ обманъ. Отвѣчу: одинъ особенный случай, между двумястами людей, есть исключеніе, и желательно было бы убѣдиться, сколько окажется теперь такихъ исключеній, если бы любой ротъ приказалъ на смотру снять мундиры. Сoglасенъ, что скрытіе виновного составляетъ фальшь, но оставленіе его въ строю было бы равнодушіемъ къ могущему послѣдовать гнѣву Государя. Умышленную выставку своей неисправности можетъ быть кто-либо и принять бы за идеальную честность, но большинство назвало бы идеальною глупостью.

Разводы въ два баталіона дѣлались только по возвращеніи изъ лагеря, въ августѣ и сентябрѣ, когда Государь и Великій князь уѣзжали осматривать войска, въ различныхъ мѣстахъ ихъ сборовъ. Эти разводы дѣлались на Инженерной площади, или генераль-губернаторомъ, или старшимъ изъ гвардейскихъ генераловъ. Чаше другихъ эта роль выпадала на генераль-адъютанта Арбузова, бывшаго начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи. Онъ былъ, или лучше сказать, представлялся большимъ оригиналомъ, прикидывался простачкомъ, дѣлалъ выходки, которыя расходились по городу въ видѣ анекдотовъ.

Вотъ сохранившіяся въ моей памяти.

Осенью 1842 года Государь былъ въ отсутствіи, а потому нашъ полковой праздникъ праздновался домашнимъ образомъ. На данный офицерами обѣдъ былъ приглашенъ и Арбузовъ, какъ начальникъ дивизіи. По окончаніи обычныхъ тостовъ, онъ увидѣлъ проходившаго по залѣ квартирмистра и говорить ему:

— Мошковъ! Въ городѣ рассказываютъ, что я отапливаю мой домъ полковыми дровами, такъ ты, братецъ, пожалуйста не забывай этого.

Дѣлая разводъ Арбузовъ замѣтилъ, что сынъ его не взялъ должную дистанцію, и при всѣхъ кричитъ ему:

— Г. Арбузовъ! Какая у тебя дистанція? а еще диванъ на пружинахъ просить.

Случалось, что выходки этого генерала бывали слишкомъ безцеремонны. Оставшись однажды недовольнымъ однимъ изъ баталіоновъ, онъ отпускаетъ баталіонному командиру такую фразу:

— Да вы, полковникъ, просто... да нѣтъ, не вы, а я глупъ, что оставляю васъ батальоннымъ командиромъ.

Другой разъ Арбузовъ замѣтилъ, что бывшій въ строю флигель-адъютантъ небрежно командуетъ, ходитъ кое-какъ и мало обращаетъ вниманія на его замѣчанія. Онъ во всеуслышаніе говорить ему:

— Что вы, сударь мой, важничаете! Вы думаете, что вы флигель-адъютантъ,—я самъ былъ флигель-адъютантъ, да куда негодный.

Обычай дѣлать постоянно разводы съ церемоніею отнималъ отъ войскъ не мало времени, потому что требовалъ всегда двѣ или три репетиціи. Но такъ какъ въ то время предметомъ всѣхъ занятій былъ исключительно строй, то разводы и ихъ репетиціи способствовали этой пѣли и держали полкъ въ постоянной готовности выдерживать самые строгіе смотры. Благодаря тому направленію, которое дано было нашему полку такими командирами какъ Шиповъ и Ребиндеръ, онъ долго сохранялъ ихъ традиціи, и даже преемникъ послѣдняго—Липранди, не любившій строя, не могъ окончательно повредить фронтовой репутаціи полка.

Первые пять лѣтъ службы я провелъ подъ командою Липранди и вынесъ о немъ такое впечатлѣніе. Это былъ человекъ очень умный, лично вполне безкорыстный, слылъ хозяиномъ, но никогда не былъ имъ, и никогда не умѣлъ заставить, кого бы слѣдовало, дѣйствовать съ тѣмъ безкорыстіемъ, которымъ отличался самъ. Какъ личность замѣчательно хитрая и какъ офицеръ, совершенно не любившій строя, онъ понималъ, что для того, чтобы заставить говорить о себѣ, надо придумать что-

либо особенное, новое, и потому возсталъ противъ старыхъ обычаевъ хозяйства, чѣмъ сразу прикрылъ свою фронтальную неспособность. Съ перваго года своего командованія полкомъ онъ началъ подавать записки: о необходимости составить положеніе о ротномъ хозяйствѣ на иныхъ началахъ, объ уничиженіи артельного способа довольствія, основаннаго на вычетахъ изъ получаемыхъ нижними чинами денегъ. Въ то же время онъ старался доказать, что все, что практиковалось до него, никуда не годится; что надо во всемъ больше гласности; что всякая въ полку экономія вредна, потому что, будто бы, ея быть не можетъ, если все отпускаемое доходитъ до солдата; наконецъ, что если его предположенія осуществляются, то онъ проведетъ въ казарму воду, освѣтитъ ихъ газомъ и т. д. Все это нравилось. О Липранди заговорили въ городѣ, какъ о необыкновенномъ полковомъ командирѣ, какъ о гонителѣ зла и о новаторѣ по части хозяйства. Но изъ всего этого вышло больше разговора и шума, чѣмъ дѣла. Ротное хозяйство дѣйствительно получило инныя основанія, но все прочее осталось какъ было.

Въ продолженіи 5-ти-лѣтняго командованія Липранди, внутренний порядокъ въ полку видимо опустился. Не было мѣсяца, чтобы Великій князь за что-либо не сердился. То онъ встрѣчалъ нижнихъ чиновъ въ безпорядкѣ, то казармы оказывались дурно отопленными, то обнаруживалъ неисправность карауловъ, что прежде считалось рѣдкостью. Наконецъ, полкъ, всегда отличавшійся изысканнымъ щегольствомъ, былъ найденъ Его высочествомъ, на репетиціи парада полковаго праздника, въ столь дурно сшитыхъ мундирахъ, что Михаилъ Павловичъ спросилъ Липранди: „Не повивальная ли бабка завѣдуетъ у васъ шпальнею“?

Что касается строевой части, по которой полкъ всегда считался передовымъ, то и она постепенно слабѣла. Къ несчастію, и составъ батальонныхъ командировъ того времени былъ подходящимъ къ полковому. Кто знавалъ и помнитъ Ив. Ив. Челищева (по прозванію Jean de Paris), полковниковъ Дюгамеля и Тутолмина, тотъ конечно согласится, что они были прекрасные люди; но первый и третій не болѣе какъ жуиры, отличные товарищи, забавные собесѣдники, но никакъ не руководители батальоновъ. Сергѣй Осиповичъ Дюгамель былъ чловѣкъ

очень умный и начитанный, но флегматикъ, до-нельзя разсѣянный, ставившій свой комфортъ выше служебныхъ требованій. Нелюбовь къ строю доходила у Липранди до того, что на полковыхъ ученьяхъ у него не доставало терпѣнія объѣхать весь полкъ. Доѣдетъ, бывало, до знамени 1-го батальона и поворачиваетъ передъ серединою полка. Отъ этого остряки солдаты говорили: „Вотъ, о здоровьи хлопочетъ, а самъ на насъ и смотрѣть не хочетъ“.

Все это привело къ тому, что на одномъ изъ бригадныхъ смотровъ, Императоръ Николай Павловичъ былъ настолько недоволенъ происходившими въ полку ошибками, что приказалъ увести полкъ съ плаца, что не бывало ни прежде, ни послѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ видѣлъ и зналъ гдѣ причины ослабленія порядка и строя, но снисходилъ къ Липранди, какъ къ чловѣку имѣвшему боевую репутацію, со времени штурма Варшавы, а потому пользовавшемуся особымъ вниманіемъ Государя и симпатіями городского общества. Много было труда его преемнику, чтобы возратить полку то, что было утрачено въ 5 лѣтъ, и поставить все на ту же степень внутреннего порядка и строевой исправности, которыми полкъ отличался при Ребиндерѣ и впоследствии при генералахъ Гильденштуббе и Бистромѣ. Бывшій командиръ Преображенскаго полка, Жерковъ, бывало, говаривалъ: „Стало быть Семеновскій полкъ хорошъ, если Липранди и въ 5 лѣтъ его не испортилъ“.

Въ 1844 году, 8 ноября, Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ шефомъ 2-й грендерской роты нашего полка и получилъ его мундиръ. Въ то же утро узнавъ объ этомъ, мы немедленно отправились въ Михайловскій дворецъ. Его высочество принималъ насъ запросто, выйдя въ нашемъ сюртукѣ, безъ эполетъ. Черезъ 10 дней происходило официальное представленіе всего полка въ манежѣ, куда Михаилъ Павловичъ прибылъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. Первый, обходя всѣ роты, вспоминалъ многое изъ времени своего командованія 1-ю бригадою, называлъ прежнихъ, не только офицеровъ, но и солдатъ. Былъ при этомъ и старый семеновецъ, А. В. Жерковъ, когда-то командовавшій 3-ю грендерскою ротою. Онъ обладалъ такою памятью, что черезъ 20 лѣтъ называлъ по порядку ранжира

всѣхъ людей своей роты. Въ концѣ осмотра, Великій князь подозвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и сказалъ имъ:

„Государю Императору угодно было оказать мнѣ новую милость, давъ мундиръ вашего полка, и тѣмъ включилъ въ ваши ряды. Со слезами благодарности, принялъ я этотъ знакъ его благоволенія, а теперь торжественно заявляю, что обязанъ этимъ вашей службѣ. Большой награды я ожидать и желать не могъ. Всѣмъ вамъ, и особенно тѣмъ, кто здѣсь постарше, известно, какъ я всегда любилъ и уважалъ вашъ полкъ. Теперь, принадлежа ему, прошу васъ приложить общее стараніе сдѣлаться еще болѣе достойными милостей Государя. Я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ вы будете, отъ перваго до послѣдняго, моими усердными помощниками“.

При разсказахъ о минувшемъ, мнѣ невольно такъ и представляются саркастическія улыбки проповѣдниковъ новыхъ теченій. Читая мои воспоминанія, они навѣрное думаютъ: вотъ чѣмъ они увлекались? Да, вамъ не понять ни нашихъ увлеченій, ни нашихъ восторговъ, потому что они были безразсчетны и чистосердечны. Осуждая насъ, вы забываете, что родились 30 годами позже насъ, а въ эти 30 лѣтъ все измѣнилось; но къ лучшему ли?—это еще вопросъ. Теперь прежнія требованія и многое, на чемъ зиждилась наша служба, считаются лишними; но кто поручится, что не окажется лишнимъ все то, что проводятъ теперь. Сдѣлай, на примѣръ, аэростатику ожидаемые отъ нея успѣхи, и все надъ чѣмъ теперь такъ хлопочутъ, всѣ системы обученія разсыпятся прахомъ. Надо надѣяться, что то поколѣніе, которое доживетъ до этого, не будетъ глумиться надъ вводителемъ теперешнихъ началъ, какъ глумятся они надъ тѣмъ, чему учили и что требовали отъ ихъ отцовъ.

Говоря о разводахъ, нельзя пройти молчаніемъ о томъ, какая исправность требовалась прежде отъ караульной службы и въ чемъ она состояла. При этомъ я считаю недостойнымъ опровергать мнѣніе тѣхъ, у которыхъ достаетъ нахальства увѣрять, что прежде все вниманіе обращали на одну наружную исправность, а не на сущность караульной службы.

Въ 40-хъ годахъ, караулы Петербурга, въ смыслѣ трудности ихъ содержанія, дѣлились офицерами на тяжелые и легкіе. Къ первымъ принадлежали всѣ тѣ, мимо которыхъ начальство и особенно Михаилъ Павловичъ, могли проѣзжать часто. Но

ихъ считали тяжелыми только любившіе понѣжиться. Знающему уставъ и не лѣнящемуся почаще провѣрять карауль, самая бойкая гауптвахта, въ родѣ Арсенала или Сената, давала случай сдѣлаться извѣстнымъ Великому князю и попасть въ мнѣніи начальства въ число исправныхъ. На подобныхъ постахъ офицеру приходилось не сходить съ платформы до наступленія темноты, потому что не проходило и 5 минутъ, чтобы не проѣзжалъ кто либо изъ генераловъ, а тогда всѣмъ генераламъ вызывали въ ружье. Михаилъ Павловичъ любилъ проѣзжать мимо карауловъ, когда его менѣе всего ожидали. Иногда это бывало раннимъ утромъ, иногда онъ являлся въ карауль ночью, ѣхавши отъ Государя, или съ какого либо бала. Это порождало много случаевъ, похожихъ на анекдоты. Разъ онъ засталъ караульнаго офицера крѣпко спящимъ въ креслѣ, но въ полной исправности, даже съ надѣтыми перчатками. Не приказывая будить его, Великій князь увидѣлъ на столѣ листъ, разрисованный карандашемъ бумаги. Рисунокъ представлялъ башню городской думы и на ней, въ каррикатурѣ, оберъ-полицеймейстера Кокошкина, вокругъ котораго, въ видѣ амуровъ, носились въ воздухѣ будочники. Внизу была надпись:

„Volez, volez, mais ne m'oubliez pas!“

Михаилъ Павловичъ взялъ рисунокъ съ собою, а на утро приказалъ полковому командиру посовѣтывать офицеру, никогда не оставлять своихъ рисунковъ открытыми.

Тѣ караулы, которые считались легкими, въ сущности были самыми опасными. Ихъ отдаленность представляла караульному офицеру много соблазновъ дать себѣ облегченіе, въ родѣ снятія шарфа, или желанія провести ночь попокойнѣ, на устроенной изъ стульевъ постели и т. п. Великій князь, хотя рѣдко, но мѣтко посѣщалъ ихъ, и результатъ выходилъ иногда чувствительный.—Вообще внезапность посѣщенія карауловъ требовала постоянной бдительности и исправности. Многіе полагаютъ, что послѣдняя ограничивалась одною наружностью, въ ущербъ существенныхъ цѣлей и обязанностей постовъ. Это совершенно невѣрно. То и другое шло рука объ руку, и если за нарушеніе наружной исправности взыскивали строго, то за существенное нарушеніе правилъ—тяжко. Въ теченіи первыхъ 20 лѣтъ службы, я ни разу не слышалъ, чтобы гдѣ либо обокрали денежный ящикъ, чтобы часовой ушелъ

съ своего поста, или совершилъ кражу того, что охраняетъ. Теперь же, просматривая отчеты военно-судебнаго вѣдомства, подобные случаи повторяются по нѣсколько разъ въ годъ. Оправдывая это, обыкновенно говорятъ, что теперь только кажется будто преступлений больше, отъ того, что все передается гласности, тогда какъ прежде многое скрывали. Мелочи и обыденные случаи дѣйствительно не оглашались посредствомъ болтовни и сплетенъ корреспондентовъ, но нарушение главныхъ основаній службы, проступки противъ дисциплины, противъ особыхъ обязанностей карауловъ,—все это предавалось такой гласности, о которой знала вся русская армія, отъ Петербурга до Тифлиса и отъ Камчатки до Варшавы. Въ то время не увольняли офицера отъ службы келейно, не писали глухо, что онъ виноватъ противъ такихъ-то статей закона, а объявляли прямо, что онъ сдѣлалъ то-то, и наказывается такъ-то. Если считать гласностію то, что въ 60-хъ годахъ газетчики, раздувая мелочи, а иногда и выдумывая ихъ, писали на военныхъ что вздумается, то такой гласности конечно не было, потому что всякій кропатель ложной вѣсти зналъ, что сплетня не пройдетъ даромъ. Я до сихъ поръ помню, какое впечатлѣніе производилъ на насъ одинъ слухъ о томъ, что кто либо переводился въ армію тѣмъ же чиномъ. Для объявленія объ этомъ, всѣмъ офицерамъ, послѣднихъ трехъ-четырехъ выпусковъ, смотря по лѣтамъ службы виновнаго, предписывалось явиться въ полной формѣ въ залъ 1-го кадетскаго корпуса, куда собирались всѣ командиры частей и директора корпусовъ. Передъ подобное собраніе приводили виновнаго, и всѣмъ громогласно читали приказъ по гвардейскому корпусу, о причинахъ перевода. Дисциплинарныя взысканія, т. е. аресты случались часто не потому, что офицеры служили хуже, а отъ того, что ни одно отступленіе отъ требованій не оставалось незамѣченнымъ и безнаказаннымъ. Настоящее поколѣніе военнослужащихъ исподоволь отвыкло отъ этого и дошло наконецъ до того, что ему кажется страннымъ, если, напримѣръ, начальникъ посадить подъ арестъ неисправно дежурящаго, или ведущаго свой взводъ въ беспорядкѣ. Намъ и въ голову не приходило претендовать на это. Виноватъ—и наказанъ.

Къ числу случаевъ, вызванныхъ посѣщеніемъ Михаиломъ

Павловичемъ карауловъ, принадлежить одинъ, бывшій лично со мною.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней апрѣля, когда свѣтло почти во всю ночь, я стоялъ въ караулѣ на Петровской площади. Часовъ въ 7 вечера, Великій князь проѣзжаетъ мимо монумента Петра, на Англійскую набережную. Я отдаю честь и затѣмъ иду писать рапортъ о его проѣздѣ командиру полка, начальнику дивизіи и самому Великому князю. Тогда таковъ былъ порядокъ. Не успѣлъ я отправить донесенія, какъ снова звонокъ,—и Михаилъ Павловичъ, пѣшкомъ, показывается изъ-подъ арки Галерной улицы. Я снова отдалъ честь; онъ, пристально оглядѣвъ меня, повернулъ къ Конно-гвардейскому манежу, а коляска за нимъ.—Наступило время вечерней зари: караулъ въ ружье, все исполняется по уставу, вдругъ, на полныхъ рысяхъ, несется коляска отъ Исаакія, и въ ней Великій князь. Остановясь у барьера платформы, онъ слѣдилъ какъ я команду „на молитву“, какъ люди держатъ кивера, а барабанщикъ читаетъ „Отче нашъ“, какъ рапортуетъ мнѣ старшій унтеръ-офицеръ. Князь смотритъ на все это—и ни слова. Наконецъ, вызвавъ смѣну и провѣря расчетъ, я иду рапортовать ему. „Не надо“, говоритъ его высочество и уѣзжаетъ къ Морской, оставляя меня въ недоумѣніи, что значить тройное посѣщеніе имъ моего караула, въ продолженіи двухъ часовъ.

На слѣдующее утро, послѣ смѣны, захожу въ полковую канцелярію.

Тамъ адъютантъ передаетъ, что полковой командиръ требуетъ меня къ себѣ. Отправляюсь, и чтоже?—Липранди встрѣчаетъ меня словами:

— Скажите, вы о двухъ головахъ, что-ли?

Я удивленно смотрю на него и молчу.

— Какъ вы осмѣлились вчера, бывши въ караулѣ, явиться въ Большой театръ?

— Я васъ не понимаю, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я.

— Пожалуста безъ увертокъ. Вы мнѣ присылаете рапорты о проѣздѣ Великаго князя, а между тѣмъ тотъ же Великій князь, видѣлъ васъ въ театрѣ, въ крайнемъ креслѣ 4-го ряда.

— Его высочество не могъ видѣть меня въ театрѣ, потому

что я былъ безотлучно при караулѣ и три раза отдавалъ ему честь; можете опросить людей.

— Вы даете мнѣ слово, что говорите правду?—спрашиваетъ генераль.

— Если это необходимо, то даю,—было моимъ отвѣтомъ.

— Хорошо, я доложу Его высочеству.

Что за чудеса, подумалъ я, и покойный отправляюсь домой. — Подъ вечеръ снова записка — немедленно прибыть къ Липранди. Являюсь. Онъ налетаетъ на меня уже съ явнымъ озлобленіемъ:

— Я никакъ не думалъ, подпоручикъ, что въ моемъ полку найдется офицеръ, который, давъ честное слово, оказался бы обманувшимъ меня.

— Ваше превосходительство можете сердиться сколько угодно, но я еще разъ повторяю вамъ, что изъ караула не отлучался.

— Неправда!—кричитъ генераль. Великій князь два раза уѣзжалъ изъ ложи прямо на гауптвахту; онъ удивляется, какимъ образомъ вы всякій разъ успѣвали возвращаться на гауптвахту прежде него.

— У меня нѣтъ рысаковъ, и мнѣ прискорбно слышать, что вы можете думать, что-бы я рѣшился на подобный поступокъ.

— Хорошо, продолжаетъ Липранди, видя мое волненіе. Теперь я васъ спрашиваю не какъ полковой командиръ офицера, а какъ товарищъ — русскаго дворянина; скажите правду, сознайтесь, а я вамъ обещаю упросить Великаго князя пощадить васъ.

— А я прошу васъ произвести слѣдствіе, но болѣе не спрашивать меня.

Пожавъ плечами, Липранди отпустилъ меня. Между тѣмъ въ полку уже всѣ знали объ этомъ и разговоры о розыскахъ не прерывались въ дежурной комнатѣ. Среди ихъ оживленія входитъ подпоручикъ Кожинъ и объявляетъ, что Михаилъ Павловичъ, только что встрѣтивъ его на Милліонной, подозвалъ къ себѣ и спросилъ былъ ли онъ въ такой-то день въ Большомъ театрѣ; когда же онъ отвѣтилъ, что былъ, то приказалъ отправиться въ полкъ и передать полковому командиру, чтобы тотъ немедленно прибылъ въ Михайловскій дворецъ. Я такъ этому обрадовался, что побѣжалъ къ генералу вмѣстѣ съ Кожинымъ.

Липранди сидѣлъ надувшись и сердито взглянулъ на меня; но когда я, не дожидаясь вопроса, объявилъ, что Великій князь перемѣшалъ насъ, а Кожинъ передалъ о своей встрѣчѣ, то обрадованный Липранди, немедля ни минуты, поѣхалъ во дворецъ. Вечеромъ мы оба получили записки прибыть на слѣдующее утро къ его высочеству, въ обычный часъ приема представляющихся. На лѣвомъ флангѣ ихъ шеренги помѣстились мы въ полной парадной формѣ. Принявъ всѣхъ, Михаилъ Павловичъ остановился передъ нами, пристально вглядываясь въ каждого и затѣмъ, улынувшись, говорить:

— „Вольно же вамъ быть такъ похожими другъ на друга.“ Этими и кончилась эта путаница, три дня такъ тревожившая и меня и Липранди.

Какъ ни былъ строгъ Великій князь Михаилъ Павловичъ но я не могу припомнить ни одного случая, чтобы онъ сдѣлалъ кого либо несчастнымъ. Если и бывало, что онъ вглядывалъ на чью либо служебную неисправность преувеличенно и, подъ впечатлѣніемъ гнѣва, опредѣлялъ взысканіе, то самъ же потомъ первый хлопоталъ о вознагражденіи. На обыкновенныя свои взысканія онъ смотрѣлъ какъ на необходимость учить молодежь службѣ. На одномъ изъ ученій, онъ приказалъ посадить подъ арестъ одного изъ лучшихъ ротныхъ командировъ. Такъ какъ смотръ вообще былъ хорошъ, то генераль Гильденштуббе просилъ Его высочество оставить провинившагося, какъ исправнаго служаку, безъ взысканій.

„Я знаю, что онъ отличный офицеръ—отвѣчалъ Михаилъ Павловичъ, а все-таки подтянуть не мѣшаетъ. Отъ этого мое мнѣніе о немъ нисколько не измѣнится, а вина не останется безъ взысканія.“

Другой разъ изъ оконъ Зимняго дворца, Великій князь увидалъ, что знамя относилось съ однимъ ассистентомъ вмѣсто двухъ. За это командиръ взвода, относившаго знамя, отсидѣлъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, а отлучившійся ассистентъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію, но черезъ два года Михаилъ Павловичъ лично просилъ Государя возвратить его, съ прежнимъ старшинствомъ.

Во всякомъ положеніи и званіи счастье играетъ не малую роль въ жизни, а въ военной службѣ въ особенности. Говорю

это по поводу бывшего со мной эпизода, который могъ бы кончиться весьма плачевно, если бы не особенное счастье.

Я былъ изъ старшихъ поручиковъ, значить въ томъ положеніи, когда приходится, по болѣзни или временному отсутствію кого-либо изъ ротныхъ командировъ, временно командовать то тою, то другою ротою. Такое положеніе у насъ называли „быть затычкою“. Во время лагеря, читаю я однажды въ приказѣ, что командиръ 5 роты увольняется на три дня въ отпускъ, а я назначаюсь командующимъ этою ротою. На слѣдующій день предстояла стрѣльба въ цѣль въ присутствіи Государя. Утромъ потребовали въ штабъ адъютантовъ, тянуть жребій, какимъ ротамъ быть на стрѣльбѣ, и въ нашемъ полку выпало 5-й. Въ 6 часовъ вечера я былъ съ нею на Военномъ полѣ. Тогда не стрѣляли далѣе 300 шаговъ. Когда на эту дистанцію отстрѣляли 1-е взводы ротъ, вторые приказано было придвинуть для стрѣльбы на 250 шаговъ и зарядить тамъ ружья. Покуда я переводилъ 2-й взводъ впередъ, Государь съ громадною свитою, началъ съ праваго фланга осмотръ мишеней. Въ то самое время, когда онъ былъ противъ нашей мишени, одинъ изъ моихъ солдатъ при надѣваніи капсюля, выпустилъ изъ руки курокъ. Раздался выстрѣлъ и пуля со свистомъ пронеслась надъ свитою. Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ видъ, что ничего неслыхалъ, но вслѣдъ за выстрѣломъ два адъютанта понеслись отъ свиты ко мнѣ. Это были: отъ Наслѣдника—капитанъ Паткуль и отъ Михаила Павловича—князь Волконскій. Посыпались вопросы: которая рота, кто командуетъ, съ какого года на службѣ виновный, какой онъ уроженецъ? Ну, думаю—все пропало. Просидѣть мѣсяца два на гауптвахтѣ было бы счастьемъ, а то навѣрное улечу тѣмъ же чиномъ въ армію. Покуда шла стрѣльба 2-хъ взводовъ, Государь находился за Измайловскою ротою, а Наслѣдникъ, подѣхалъ къ отстрѣлявшему взводу роты Московскаго полка, приказалъ первой шеренгѣ повернуться кругомъ и открыть сумы. Оказалось, что у солдатъ осталось въ нихъ по нѣсколько лишнихъ патроновъ, тогда какъ приказано было взять только по два. Его высочество такъ разсердился и такъ громко высказывалъ свое неудовольствіе, что Николай Павловичъ, услыша его голосъ, поскакалъ къ нему, а за нимъ и вся свита. Командиръ Преображенскаго полка Катенинъ, подѣхавъ къ генералу Гильденштуббе, спрашиваетъ, что случилось, и оба

остаются въ недоумѣніи, чувствуя, что произошло нѣчто особенное. Вслѣдъ за этимъ, возвращаясь крупнымъ галопомъ къ правому флангу, Государь громко говоритъ имъ:

„Безпримѣрный случай! Командиръ гвардейскаго полка будетъ подъ арестомъ“.

Тогда Московскимъ полкомъ командовалъ генералъ Кушелевъ; конечно онъ лично не былъ виновенъ въ обманѣ, а его подчиненные; но въ наше время за все отвѣчали и виновные и ихъ начальники. Тотчасъ же во всѣ стрѣлявшія роты были назначены лица свиты, повѣрять небыло-ли и другими полками выпущено болѣе двухъ пуль. Мою роту осматривалъ адъютантъ Наслѣдника князь Голицынъ. Это я только и помню; все остальное для меня не существовало, до того я былъ убитъ случившемся со мною. Среди ожиданій чѣмъ кончится моя участь, въ полночь, полковой командиръ потребовалъ меня къ себѣ. Я засталъ его въ баракѣ, сидящимъ у стола, подперши голову обѣими руками. Долго онъ молчалъ, а я стоялъ какъ прикованный. Наконецъ, вытянувшись во весь свой громадный ростъ и ударяя рукою о столъ, Гильденштуббе, сквозь слезы, говоритъ:

— Вотъ какъ, поручикъ, послѣ 30 лѣтъ службы, можно потерять всю карьеру.

Я молчу; онъ ходитъ по кабинету и какъ бы говоря съ собою, произноситъ: „Что бы было если бы эта несчастная пуля попала въ кого либо изъ свиты? А вѣдь мало-ли въ кого могла она попасть,—страшно подумать“!

Наконецъ, нѣсколько успокоясь, генералъ обращается ко мнѣ:

— Расскажите подробно, какъ это было?

Я рассказалъ, объяснивъ, что виновный—старый солдатъ, мастеровой, рѣдко бывающій въ строю.

— Взыскали вы съ него?—спрашиваетъ генералъ.

— Нѣтъ еще, но приказалъ наблюдать за нимъ, чтобы онъ со страху чего-либо не сдѣлалъ надъ собою.

— И не взыскивайте, покуда не взыщутъ съ насъ обоихъ.

Видимо, что Гильденштуббе призвалъ меня для того, чтобы не быть одному и съ кѣмъ-либо подѣлиться мыслями.

Взысканія ни съ кого не послѣдовало. Подъ впечатлѣніемъ происшедшаго въ Московскомъ полку, случившееся въ

моей ротѣ было забыто. Дня три ждалъ я неминуемой бѣды, а потомъ усердно помолился, что она миновала.

Служба въ полку при Гильденштуббе была совершенною противоположностью того, что было при Липранди. Первый, выйдя изъ школы Великаго князя Константина Павловича, былъ требователенъ до педантизма, входилъ во всѣ мелочи ротнаго управленія, обходилъ казармы по ночамъ, требовалъ щегольства въ одеждѣ, не пропуская на улицѣ мимо себя ни одного человѣка не оглядѣвъ его, дѣлалъ одионочные смотры каждую третью года. Все это, особенно послѣ Липранди, было очень тяжело для ротныхъ командировъ. Бывало, считаешь счастливымъ тотъ день, когда фельдфебель доложитъ, что полковой командиръ ничего не замѣтилъ. При всемъ этомъ, надо сказать, что тотъ изъ офицеровъ, кто покомандовалъ у Гильденштуббе ротой, прошелъ хорошую школу. Конечно, какъ всякій, и онъ имѣлъ свои недостатки. Укажу на два главные: первый — командованіе черезъ фельдфебелей, которыхъ требовалъ ежедневно и имъ, а не ротнымъ командирамъ, отдавалъ приказанія; второй — лицепріятіе; къ однимъ онъ постоянно благоволилъ, а другихъ распекалъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Въ командованіе Гильденштуббе было три выдающіяся обстоятельства: это походъ полка въ 1849 году въ Западный край, командированіе 1-го баталіона въ Москву на 25-ти-лѣтіе коронованія Императора Николая и пожалованіе полку, въ полутораста-лѣтній юбилей, новыхъ знаменъ.

Черезъ годъ по принятіи полка, Гильденштуббе пришлось вести его, по случаю войны съ венграми, въ Литву. Въ концѣ апрѣля объ этомъ носились слухи, а 28-го числа, по окончаніи ученія 1-й бригадѣ, Государь сказалъ полкамъ:

„Вамъ назначенъ походъ. Можетъ быть придется быть въ дѣлѣ; тогда, я увѣренъ, вы и тамъ будете такими же молодцами, какъ и здѣсь“.

Могучее „ура“ разнеслось по рядамъ. Черезъ два дня происходилъ майскій парадъ. Отъѣзжая съ плаца, Государь, остановившись противъ нашего полка, сказалъ: „Спасибо, ребята! Отпуская васъ въ походъ, я такъ въ васъ увѣренъ, что если бы увидалъ собственными глазами, что вы оплошали, то себѣ бы не повѣрилъ“.

Про походъ Семеновцевъ, въ 1849 г., въ Литву, говорили, что они шли отъ Петербурга до Вильны церемоніальнымъ маршемъ. Это красное словцо, пущенное въ ходъ завистниками, нуждается въ поясненіи. Гильденштуббе требовалъ только указаннаго въ уставѣ, но требовалъ неотступно и постоянно. Находясь безотлучно при полку, онъ на каждомъ переходѣ объѣзжалъ роты, пропускалъ ихъ, требовалъ отъ солдатъ безусловной опрятности и бодрости. Неряшливымъ сильно доставалось; но тѣмъ ротамъ, которыя въ концѣ хотя бы 25-ти-верстнаго перехода шли стройно, молодцовато, дозволялось нѣсколько дней идти совсѣмъ свободно, не собираясь въ ряды и при его объѣздѣ. Это только въ первые дни похода было трудновато, а потомъ всѣ такъ втянулись, что казалось исполнѣ естественнымъ и обычнымъ. Помню такой случай: иду я, уже въ концѣ октября, съ ротой по шоссе; на встрѣчу карета, изъ которой выходитъ сѣдой генералъ. Я велѣлъ ударить фельдмаршъ; рота живо собралась въ отдѣленія и прошла мимо генерала. Ея видъ и бодрость солдатъ настолько удивили его, что онъ просилъ меня остановить роту, обошелъ, подробно осмотрѣлъ одежду и стойку людей. Спросивъ много-ли мы прошли и узнавъ, что уже 17 верстъ, генералъ сказалъ:

— Благодарю васъ, поручикъ! Вы мнѣ, старику, доставили большое удовольствіе видѣть примѣрный порядокъ въ походѣ, да еще при осеннемъ ненастьи.—Это былъ Н. Н. Муравьевъ, впоследствии Карескій.

Походъ, о которомъ говорю, ясно доказывалъ, что въ военной службѣ все зависитъ отъ того, кто стоитъ во главѣ части. Въ то время, когда про Семеновцевъ говорили, что ихъ вели 700 верстъ церемоніальнымъ маршемъ, мы видѣли роты другаго полка, шедшими въ изумительномъ безпорядкѣ, въ разбродъ, растянувшимися на версту. Даже на каретѣ командира полка офицеры стояли на подножкахъ, сидѣли на козлахъ и на запяткахъ. Навѣрно можно сказать, что для нихъ походъ былъ гораздо труднѣе, чѣмъ для насъ, — такъ мы втянулись въ порядокъ.

Пройдя Вильно, полкъ нашъ былъ расквартированъ въ Опшмянскомъ уѣздѣ. Мнѣ съ ротой пришлось стоять въ 60 верстахъ отъ полковаго штаба, по гродненскому почтовому тракту, на станціи Вороново. Черезъ нѣсколько дней по на-

шемъ водвореніи въ мѣстечкѣ, станціонный смотритель получилъ предписаніе приготовить лошадей для проѣздовъ Его Высочества Наслѣдника, а затѣмъ и великаго князя Михаила Павловича. Проѣздъ перваго былъ назначенъ на 15 іюля. Къ 9-ти часамъ вечера я, съ моими офицерами, отправился къ станціонному дому, гдѣ, на случай, что Его Высочеству угодно будетъ спросить чаю, приготовили нашу походную сервировку; но оказалось, что для чая была остановка, не доѣзжая до насъ, въ мѣстечкѣ Солечникахъ.

Послѣ 9 часовъ я отпустилъ ординарцевъ, приготовленныхъ на случай проѣзда до вечерней зари. Не смотря на темноту поздней ночи, почтовый дворъ былъ полонъ народа, собравшагося изъ окрестныхъ деревень. Станціонный смотритель хлопоталъ съ ямщиками; еврей — содержатель станціи — спрашивалъ каждого изъ насъ, хорошо ли онъ развѣсилъ въ комнатахъ картинки; десятскіе, тоже изъ евреевъ, отгоняли мальчишекъ отъ выведенныхъ къ стойкамъ лошадей, и всѣ поглядывали, не видать ли высланнаго на предшествовавшую станцію передоваго. Около полуночи передовой съ крикомъ „Великій Ксенжъ ѣдѣ“, подскочилъ къ крыльцу, соскочилъ съ лошади и повалился на землю, притворяясь, будто онъ отъ усталости не можетъ вымолвить ни слова. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ тычковъ смотрителя, на вопросъ, сколько лошадей запряжено подъ экипажъ Его Высочества? пробормоталъ „осемь“, просидѣвъ же съ полминуты, сказалъ „семь“; а минуты двѣ спустя крикнулъ „шесть“, вскочилъ и скрылся въ темнотѣ. Каждое изъ этихъ показаній производило необыкновенную суету въ почтовой командѣ, непривыкшей къ проѣзду Высочайшихъ Особъ по этому тракту. Какъ только отблескъ передоваго факела показался у въѣзда въ селеніе, толпа загудѣла: „ѣдѣ, ѣдѣ!“ Чтобы унять ее, пришлось принять надъ нею командную власть, иначе крики могли потревожить Наслѣдника, если бы онъ спалъ. Вмѣстѣ съ Цесаревичемъ, который дѣйствительно почивалъ, былъ въ коляскѣ его адъютантъ, графъ А. В. Адлербергъ. Суета перепряжки разбудила Его Высочество, и онъ спросилъ: „Какая это станція?“ Я назвалъ селеніе. „А кто отвѣчаетъ мнѣ?“ спросилъ Наслѣдникъ. Тогда я назвалъ и себя. Послѣ этого послѣдовали вопросы: „Какъ расположена рота? Какъ мы дошли до

квартиръ? Много ли больныхъ?“ Затѣмъ Его Высочеству угодно было вспомнить, какъ онъ, два года назадъ, видѣлъ меня въ Киссенгенѣ и въ эту самую ночь возвратился на воды изъ поѣздки въ Берлинъ. Въ это время лошади были готовы и, съ словами Цесаревича „до свиданія“, экипажъ скрылся въ темнотѣ.

Черезъ четыре дня послѣдовалъ проѣздъ Великаго князя Михаила Павловича, — проѣздъ знаменательный, при которомъ мы въ послѣдній разъ видѣли его высочество. Его ожидали въ полдень, но я съ офицерами, ординарцами и нижними чинами роты, стоявшими въ ближайшихъ деревняхъ, былъ у станціоннаго дома въ 11 часовъ. Къ этому времени подѣхалъ и баталіонный мой командиръ, полковникъ графъ Ребиндеръ, а громадная толпа народа наполняла площадь съ ранняго утра. Ровно въ 12 часовъ Михаилъ Павловичъ, въ коляскѣ, вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Толстымъ, подѣхалъ къ станціи. Выходя изъ экипажа, онъ сказалъ, что не ожидалъ видѣть здѣсь Семеновцевъ, полагая, что эта станція уже въ районѣ Егерскаго полка. По принятіи ординарцевъ, которыми остался исполнѣ доволенъ, Великій князь обратился къ офицерамъ съ словами:

— Ну, что вы здѣсь подѣлываете?

Мы отвѣтили, что стараемся проводить время большею частью между собою, занимаемся рыбною ловлею, охотимся, гуляемъ. Обходя выстроенныхъ возлѣ станціи нижнихъ чиновъ, Михаилъ Павловичъ разспрашивалъ о размѣщеніи роты, о походѣ, о занятіяхъ. Говорилъ о томъ, что мы, вѣроятно, стоимъ въ Литвѣ зиму, что вовсе насъ не порадовало. Обративъ вниманіе на массу евреевъ, окружавшихъ экипажи, великій князь спросилъ, устроили ли мы хоть одну жидовскую свадьбу, и узнавъ, что еще не довелось, продолжалъ:

— Это презабавная штука. Въ 1821 году, когда я съ 1-ю бригадою стоялъ въ глухую осень въ Свенцянахъ, то отъ скуки часто занимался этимъ. Бывало дашь 25 рублей и на другой день свадьба готова.

Взглянувъ еще разъ на роту, его высочество сказалъ:

— Какъ все это молодо, — ни одного знакомаго изъ старыхъ сослуживцевъ, а прежде я зналъ многихъ въ этой ротѣ.

По другую сторону станціи стояло нѣсколько помѣщиковъ,

нарочно приѣхавшихъ изъ окрестностей. Замѣтя ихъ, Михаилъ Павловичъ спросилъ меня, каковы наши отношенія къ владѣльцу виднѣвшейся за озеромъ мызы, которому и принадлежало и мѣстечко? Я отвѣчалъ, что мы живемъ мирно, а имѣніе принадлежитъ пану Развадовскому и прибавилъ, что онъ находится въ числѣ собравшейся публики.

— Представь его мнѣ—сказалъ Великій князь и, обратясь къ генералу Толстому, прибавилъ:

— Неужели это тотъ Развадовскій, который былъ адъютантомъ въ Литовскомъ полку и за дуэль былъ разжалованъ?

Я въ это время подошелъ къ Развадовскому, предупредилъ его о желаніи его высочества говорить съ нимъ, и представилъ его.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, Михаилъ Павловичъ, видимо съ намѣреніемъ, чтобы всѣ слышали, громко сказалъ ему:

— Очень радъ, что ваши постояльцы довольны вами; надѣюсь, что и вы будете довольны ими. Затѣмъ, отходя къ экипажу, обратясь ко мнѣ тихо, прибавилъ: „Однако, ты не очень полагайся на угодливость пановъ, будь съ ними себѣ на умѣ“.

Между тѣмъ время летѣло, лошади давно были заложены, настала минута отъѣзда. Милостиво и ласково простясь съ нижними чинами, Великій князь началъ садиться въ коляску, причемъ графъ Ребендеръ и я помогали ему.

— Видите — говоритъ онъ при этомъ — старъ сталъ, да и хворъ! Ну, прощайте! Вижу, что у васъ все хорошо. Живите съ Богомъ и помни, что я говорилъ, причемъ взглянулъ на меня, а затѣмъ сказалъ ямщику: „Рушай!“

Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ незабвеннаго начальника и истиннаго отца офицера и солдата.

Грустными и какъ бы осиротѣвшими остались мы на площади, взглянули другъ на друга и точно какое-то тяжелое предчувствіе легло на душу. Каждый изъ насъ замѣтилъ въ Великомъ князѣ большую переменъ противъ того, какимъ мы видѣли его провожавшимъ полкъ при выступленіи; хотя намъ и было извѣстно, что, по уходѣ гвардіи, онъ былъ боленъ, но никто не могъ предполагать, чтобы эта болѣзнь такъ измѣнила его и была предшественницею другой, чрезъ шесть недѣль прекратившей драгоцѣнные дни его.

Спустя два мѣсяца я былъ въ числѣ командированныхъ для встрѣчи тѣла усопшаго Великаго князя въ Вилькомірѣ. Послѣ официальной панихиды, вечеромъ, съ однимъ изъ товарищей мы пошли въ церковь, еще разъ поклониться праху Михаила Павловича. Генералъ Толстой и полковникъ Горемыкинъ были дежурными у гроба. Первый, увидя меня, передалъ, что по выѣздѣ изъ Воронова, покойный Великій князь, на слѣдующей станціи, вспомнивъ о представленныхъ ему мною ординарцахъ, приказалъ выдать имъ по 5 руб. На другое утро я получилъ эти деньги отъ Толстаго и, возвратясь въ Вильно, выдалъ ординарцамъ Щегловитому и Матвѣеву. Нужно было видѣть, какъ была принята всею ротою эта загробная награда.

„Помяни его Господи! Вотъ онъ, отецъ нашъ, и передъ смертью не забылъ солдатскую службу“, — говорили нижніе чины. Черезъ два дня я узналъ, что часть выданныхъ денегъ была употреблена ими на панихиду, за упокой души Великаго князя.

По поводу стоянки въ Вороновѣ, приведу нѣзначительный, но характеризующій солдата описываемаго времени эпизодъ, рассказанный мнѣ паномъ Развадовскимъ.

На одной изъ рыбныхъ ловель, Развадовскій расхваливалъ расторопность моего унтеръ-офицера Петрова (онъ былъ страстный рыболовъ).

— А вы очень полюбили его, замѣтилъ я.

— Да, теперь мы друзья, а сначала онъ напугалъ меня.

— Какимъ образомъ?—спросилъ я.

— Вѣдь вы прислали его квартирьеромъ?

— Ну такъ что же?

— Наканунѣ прихода роты—продолжалъ панъ—я былъ по хозяйству въ полѣ. Возвратясь домой, вижу, что жена въ какомъ-то страхѣ и предупреждаетъ, чтобы я входилъ тише, потому что въ кабинетѣ меня ждетъ гвардеецъ. Вхожу и вижу громаднаго мужчину, при оружіи; каска въ рукахъ, а самъ, растянувшись на диванѣ, спитъ богатырскимъ сномъ. Изъ его повелительнаго тона жена и прислуга заключили, что это долженъ быть офицеръ, а потому я не рѣшился будить его. Долго всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ. Съ приближеніемъ обѣденнаго времени, я приказалъ поставить приборъ для гроз-

наго гостя. Наконецъ онъ проснулся, протеръ глаза и, увидя меня передъ собою, протягиваетъ мнѣ руку, говоря:

— А, панъ здравствуй! Изволь-ка пошевеливаться, да проворнѣй очищай домъ, здѣсь будетъ квартира нашего капитана; мебель, смотри, подбери получше.

Я испугался; называю его ясновельможнымъ паномъ, упрашиваю избавить мой домъ отъ постоя, доказывая, что ротному командиру гораздо удобнѣе стоять въ мѣстечкѣ. Петровъ и слышать не хочетъ.

Нечего отговариваться, кричитъ онъ. Ты вѣрно не знаешь, что такое гвардія! Да понимаешь ли ты, что Великій князь знаетъ въ ней всякаго солдата, что за ослушаніе тебѣ бѣда будетъ и проч.

На мой вопросъ, съ кѣмъ я имѣю честь говорить и какой у него чинъ, Петровъ отвѣчалъ:

— До моего чина тебѣ дѣла нѣтъ, а исполняй что велятъ.

Чтобы какъ нибудь умаслить его, я предложилъ прежде пообѣдать, а затѣмъ заняться квартирою. Двѣ-три рюмки старой вудки и стаканъ венгерскаго—продолжалъ Раздовскій,—сдѣлали свое дѣло и смягчили Петрова на столько, что послѣ обѣда, онъ, вмѣстѣ со мною, пошелъ въ мѣстечко, гдѣ мы и выбрали для васъ квартиру, но все-таки мебель для нее онъ взялъ отъ меня.

Когда я разспрашивалъ потомъ Петрова, зачѣмъ онъ заставлялъ Развадовскаго очищать для меня домъ, то получилъ такой отвѣтъ:

— Съ ними, ваше высокоблагородіе, иначе не возможно. Я сначала хотѣлъ занять домъ, гдѣ вы теперь изволите квартировать, но староста сказалъ, что этотъ домъ пана и что онъ строго запретилъ отводить его. Хорошо же, говорю я старостѣ, твой панъ самъ будетъ просить меня, чтобы въ этомъ домѣ стоялъ капитанъ. Вотъ я почему пугнулъ г. Развадовскаго.

Мнѣ оставалось только сказать Петрову—спасибо.

По поводу описываемаго похода, является потребность сказать о бывшемъ однополчанинѣ моемъ Складери. Онъ былъ лихой товарищъ, добрый и умный малый, не всегда исправный по службѣ, за что ему и доставалось; но солдаты любили его. Въ походѣ поротно, для того чтобы Гильденштауббе рѣже

видѣлъ его роту, а слѣдовательно и рѣже бы распекалъ его, Складери выступалъ съ ночлега въ 2 часа утра и приходилъ на слѣдующій день, не попадая на глаза командира. Послѣдній, не видя нѣсколько дней 2-й роты и догадываясь о причинѣ, приказалъ никому не выступать ранѣе 4-хъ часовъ, но Складери ухитрился и послѣ этого кончать переходъ прежде чѣмъ генералъ догонялъ его роту. Служа потомъ въ арміи, Складери оказалъ блистательную храбрость, отличился при Ольтеницѣ, былъ тамъ страшно израненъ, выздоровѣлъ, получилъ Якутскій полкъ и, во время осады Севастополя, въ бою на Черной, палъ впереди полка, получивъ нѣсколько смертельныхъ ранъ. Умирая на перевязочномъ пунктѣ, для того, чтобы подчиненные и товарищи не видѣли его страданій, онъ приказалъ покрыть себя распущеннымъ знаменемъ, и подъ нимъ испустилъ духъ.

22 августа 1850 года исполнилось 150 лѣтъ со времени наименованія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ гвардіею. Въ этотъ день Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ имъ новыя знамена. Для приготовленія къ торжественному ихъ освященію, полкъ, вмѣсто обычной стоянки близъ Царскаго Села, прямо изъ лагеря былъ приведенъ въ Петербургъ. 20 числа репетицію парада производилъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, а 21-го, къ полудню, всѣ офицеры названныхъ полковъ, а также Московскаго и Литовскаго, какъ происходящихъ отъ Преображенскаго, прибыли въ Георгіевскій залъ Зимняго дворца. Тамъ, на 16 столахъ, поставленныхъ въ 4 ряда и покрытыхъ краснымъ сукномъ, лежали древки и полотна знаменъ, а также все необходимое для ихъ прибавки. Въ 12 часовъ вошелъ Государь съ Великими князьями, сопровождаемый громадной свитой. Начавъ прибавку съ 1 баталіона Преображенскаго полка, Императоръ перешелъ къ 1 Семеновскому, потомъ къ Московскому и Литовскому, затѣмъ ко 2-мъ баталіонамъ и т. д. Развернувъ полотно 1-го Семеновскаго баталіона и увидавъ надпись „за Кульмъ“, Николай Павловичъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

„Надѣюсь, господа, что къ этой надписи прибавится современемъ не менѣе славная, за которую если не мнѣ, то вотъ кому (при этомъ онъ указалъ на Наслѣдника и его сыновей),
Изъ Прошлаго.

придется благодарить васъ. Подобную благодарность полкъ вашъ постоянно заслуживалъ, и я увѣренъ, что заслужить и въ будущемъ“.

Во время прибавки знамени 2-го баталіона, при наворачиваніи мѣста для гвоздя, шило, соскочивъ съ древка, оцарапало Государю руку. Капля выступившей крови успѣла упасть на полотно. Передавая потомъ это знамя знаменику, Николай Павловичъ сказалъ:

— „Береги это знамя,—на немъ Царская кровь“!

По окончаніи церемоніи, Императоръ приказалъ нести за нимъ все знамена въ Портретную галлерею. Тамъ каждое знамя, Царскою рукою, было положено къ подножію портрета Императора Александра I.

На слѣдующее утро, передъ Александровскою колонною, стояли два богатые шатра: одинъ для духовенства, другой для лицъ Императорской Фамиліи. Послѣ объѣзда полковъ, Государь принялъ на себя командованіе I-мъ баталіономъ Преображенскаго полка, въ ряды котораго впервые былъ поставленъ 7-ми-лѣтній сынъ Цесаревича, великій князь Николай Александровичъ. Обрядъ освященія совершился по уставу и день закончился большимъ параднымъ объѣдомъ во дворцѣ. На утро была получена бумага, что Императоръ жалуетъ полку старыя знамена, какъ свидѣтелей Бородина, Кульма и Париха, для храненія ихъ на вѣчныя времена въ полковой церкви.

Въ августѣ 1851 года праздновалось 25-ти-лѣтіе дня коронаціи Императора Николая. Для этого былъ направленъ изъ Петербурга въ Москву гвардейскій отрядъ, составленный изъ первыхъ баталіоновъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и изъ первыхъ полуэскадроновъ Кавалергардовъ и Конной гвардіи, подъ командою генералъ-адъютанта Катенина. Нашъ баталіонъ былъ усиленъ до полного комплекта выборными людьми изъ всего полка, снабженъ двойнымъ новымъ обмундированіемъ, однимъ словомъ — снаряженъ щегольски. Командовалъ имъ полковникъ баронъ Бистромъ, сдѣланный за первый же разводъ на Кремлевской площади флигель-адъютантомъ. Названные гвардейскія части впервые были направлены въ Москву по желѣзной дорогѣ, не вполнѣ еще оконченной и не открытой для публики. Выступленіе наше проис-

ходило въ присутствіи Императора Николая Павловича, безъ всякихъ предварительныхъ репетицій. Въ то время не было ни правилъ для перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, ни офицеровъ генеральнаго штаба завѣдывающихъ передвиженіемъ, ни пресловутыхъ комендантовъ станцій, которыхъ иногда отыскать трудно. Несмотря на это, посадка была исполнена при Государѣ, въ дримѣрномъ порядкѣ, въ продолженіи 5-ти минутъ. Передъ посадкою происходило въ Высочайшемъ присутствіи молебствіе и освященіе дороги. Его Величество оставался на платформѣ, покуда баталіонъ, при звукахъ народнаго гимна, не скрылся изъ вида.

Въ одномъ съ нами вагонѣ ѣхали камеръ-пажи того же времени, теперь занимающіе видныя должности на разныхъ поприщахъ службы, напр. баронъ Фредериксъ, Графъ Протасовъ-Бахметьевъ, Маркусъ и другіе.

Желѣзная дорога доканчивалась. Офицеры путей сообщеній и машинисты еще не были вполнѣ знакомы ни съ подъемами, ни съ силою паровозовъ, такъ что у послѣднихъ иногда не доставало паровъ. Мы должны были выходить изъ вагоновъ и тогда нижніе чины помогали локомотиву подымать поѣздъ по подъему.

Императорская Фамилія ѣхала въ Москву тоже въ первый разъ по желѣзной дорогѣ. При ея проѣздѣ былъ случай, о которомъ все говорили. Государю вздумалось подробно осмотрѣть устройство одного моста. Для этого онъ приказалъ остановить поѣздъ, со всею свитою спустился къ рѣкѣ, чтобы видѣть конструкцію моста снизу. Затѣмъ, разспросивъ обо всемъ графа Клейнмихеля и строителей, Его Величество возвратился въ вагоны; но поѣздъ, взойдя на мостъ, сталъ останавливаться и, несмотря на усиленную работу локомотива, не подавался впередъ, хотя колеса быстро вертѣлись. Оказалось, что подрядчикъ черезъ-чуръ поусердствовалъ и, подновляя окраску обшивки, передъ самымъ приходомъ царскаго поѣзда, густо окрасилъ и рельсы. Чрезъ это колеса крутились по маслу, но не имѣя тренія, оставались на мѣстѣ. Пришлось ждать, покуда рельсы посыпали пескомъ.

По приѣздѣ въ Москву, баталіонъ нашъ размѣстился въ Покровскихъ казармахъ, а намъ, офицерамъ, былъ нанятъ отъ города, по близости, отлично меблированный домъ Шалашни-

ковыхъ. Двѣ недѣли, проведенныя нами въ Москвѣ, были рядомъ торжествъ, парадовъ и праздниковъ. Не говоря объ отпускѣ солдатамъ отличной пищи отъ города, не проходило дня, чтобы въ казармы не являлись прикащики купцовъ, просить позволенія угостить нижнихъ чиновъ пирогами, пряниками или яблоками, отъ имени ихъ хозяевъ. Тогдашній генераль-губернаторъ, графъ Закревскій, старался доставить офицерамъ всевозможныя удовольствія: обѣды, балы, спектакли, то у него, то въ дворянскомъ собраніи, то у губернскаго предводителя Черткова, смѣнялись одно другимъ.

Въ описываемое время мнѣ удалось въ первый разъ видѣсь ветерана отечественной войны А. П. Ермолова. Я считалъ необходимымъ представиться ему потому, что составляя тогда исторію Семеновскаго полка, находилъ полезнымъ переговорить съ нимъ о времени, когда онъ былъ начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи. Ему видимо было пріятно вспомнить о прошломъ, и онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго, но когда я хотѣлъ узнать его взглядъ на событіе, случившееся въ Семеновскомъ полку въ 1820 году, при полковникѣ Шварцѣ, то Ермоловъ сказалъ слѣдующее: „меня въ то время не было въ Петербургѣ, а если бы я былъ на лицѣ, то конечно не допустилъ бы Васильчикова сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ съ славнымъ полкомъ. Ему видно было мало примѣра съ Криднеромъ и захотѣлось снова поддержать нѣмца“. О Шварцѣ Алексѣй Петровичъ отзывался съ презрѣніемъ *).

Въ день годовщины коронаціи мнѣ довелось стоять съ ротою на караулѣ, на главной гауптвахтѣ въ Кремлѣ. Императорская Чета шествовала въ Успенскій соборъ, по устроенному мимо караула помосту, среди несмѣтныхъ массъ народа, наполнявшаго не только Кремль, но и окружающія его улицы и площади. Никогда я не забуду того момента, когда Государь, возвратясь на Красное крыльцо, кланялся на три стороны народу. Ни звона Ивановскихъ колоколовъ, ни пушечныхъ выстрѣловъ, ничего не было слышно отъ того „ура“, которое

*) Криднеръ командовалъ Семеновскимъ полкомъ въ 1812 году и лишился его вслѣдствіе несприятностей съ офицерами, при чемъ Ермоловъ, какъ врагъ нѣмцевъ, не только не поддержалъ его, но напротивъ, содѣйствовалъ его паденію.

огласило Москву въ эту минуту. Я видѣлъ какъ народъ подымалъ надъ собой младенцевъ, въ знакъ того, что онъ готовъ отдать за Царя и себя, и дѣтей своихъ.

На всѣхъ торжественныхъ приемахъ и празднествахъ гвардейскій отрядъ имѣлъ своимъ представителемъ Александра Андреевича Катенина. Говоря о немъ, нельзя не вспомнить о необыкновенной его находчивости при отвѣтахъ. Какъ командиръ Преображенскаго полка, онъ пользовался особою привилегіею имѣть ежедневно личный доступъ къ Государю. Обыкновенно онъ былъ принимаемъ по утру, въ уборной. Однажды, одѣваясь, стоя у зеркала, Николай Павловичъ спросилъ входящаго Катенина:

— „Катенинъ! Что бы ты сдѣлалъ, если бы я былъ рекрутомъ твоего полка?“

— „Я поставилъ бы васъ на часы къ русскому Царю“, — отвѣтилъ Катенинъ.

Въ противоположность ему, былъ съ нами штабъ-офицеръ изъ нѣмцевъ, отличавшійся тѣмъ, что, говоря о чемъ-либо публично, всегда отпускалъ, бывало, такую фразу, что такъ и срѣжетъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, графъ Закревскій, вмѣстѣ съ Катенинымъ, пріѣхалъ въ Покровскія казармы, проститься съ баталіономъ. Провожая его до коляски, офицеры шепнули своему штабъ-офицеру, что не мѣшало бы ему, отъ ихъ имени, выразить генераль-губернатору благодарность, за оказанное вниманіе и радушный пріемъ. Когда Закревскій уже сѣлъ въ коляску, а Катенинъ стоялъ съ другой стороны на подножкѣ, держась рукою за козлы, нашъ ораторъ повелъ свою благодарственную рѣчь такъ:

— „Ваше сіятельство! Вы были внимательны... мы—солдаты, и я, и офицеры... все чувствуемъ... благодаримъ... отъ мала до велика... и будемъ всегда помнить, однимъ словомъ вашему сіятельству *вѣчная память!*“

„Пошелъ!“ сказалъ Катенинъ кучеру, а мы, вакъ облитые водою, остались на крыльцѣ. Вотъ такъ отблагодарилъ!—подумалъ каждый.

На обратномъ пути гвардейскій отрядъ остановился на 6 часовъ, въ полномъ составѣ, въ Вышнемъ-Волочкѣ, гдѣ городской голова далъ обѣдъ офицерамъ обоихъ баталіоновъ. Во время построики Николаевской дороги, многіе изъ офицеровъ

путей-сообщений женились на купеческих дочках ближайших городов, поэтому въ числѣ приглашенныхъ было не мало строителей съ ихъ супругами. Замѣтивъ это, Катенинъ, во время обѣда, послѣ официальныхъ тостовъ, провозгласилъ:

„За здоровье общества офицеровъ путей-сообщенія, окончившихъ великое государственное предприятие“.

Я сидѣлъ рядомъ съ тѣмъ, кто отпустилъ вѣчную память Закревскому; послѣ провозглашенія Катенинымъ тоста, наклонясь ко мнѣ, онъ говоритъ:

„Вы слышите что онъ сказалъ? Что за краснорѣчіе! Знаете ли, что когда онъ говоритъ, я не только слушаю, но даже смотрю ему въ ротъ, такъ онъ говоритъ!“

Нашъ отъѣздъ изъ Москвы былъ новымъ доказательствомъ ея радушія. Одинъ изъ купцовъ просилъ дозволенія генералъ-губернатора угостить баталіонъ передъ выѣздомъ. Когда мы пришли на путевой дворъ желѣзной дороги, то тамъ уже были накрыты столы для нижнихъ чиновъ, а офицеровъ пригласили на роскошный завтракъ въ вокзалъ. Послѣ нѣсколькихъ тостовъ, хозяинъ угощенія такъ расходился, что, обращаясь къ графу Закревскому, сказалъ:

— Позвольте, ваше сіятельство, остаться имъ еще на денекъ; мы бы показали, что можетъ сдѣлать Москва для царской гвардіи.

Войдя въ вагонъ, каждый изъ офицеровъ нашелъ на своемъ мѣстѣ нарядную корзинку, съ надписью его чина и фамиліи. Въ корзинкѣ были: пара жареныхъ рябчиковъ, страсбургскій пирогъ, нѣсколько пирожковъ, персики, бутылка шампанскаго и столовый приборъ. Такая предусмотрительность была кстати, потому что по дорогѣ не вездѣ еще были устроены буфеты.

Возвращаясь къ характеристикѣ А. И. Гильденштуббе, подъ ближайшимъ начальствомъ котораго мнѣ довелось служить два раза, совершенно при различныхъ положеніяхъ и условіяхъ. Онъ командовалъ нашимъ полкомъ одновременно съ Катенинымъ, стоявшимъ во главѣ Преображенскаго. Насколько послѣдній былъ счастливъ, на столько заслуги первого, какъ командира полка, оставались въ тѣни, чему большею частію онъ самъ былъ виною. Бывало на бригадныхъ ученьяхъ, хотя и не его полкъ въ первой линіи, Катенинъ такъ и вѣется возлѣ Государя, а Гильденштуббе, какъ мону-

ментъ, ни за что не тронется съ мѣста, указаннаго полковому командиру въ уставѣ. Въ характерѣ этого человѣка была какая-то необъяснимая робость и частенько, изъ-за своихъ оригинальныхъ принциповъ, онъ не только вредилъ себѣ, но и полку. Насколько, бывши уже въ большихъ чинахъ и въ роли старшаго начальника, онъ былъ чваненъ и важенъ передъ младшими, на столько, въ присутствіи стоявшихъ выше его—робокъ и податливъ. Онъ ступшевывался при всякомъ, кто только имѣлъ значеніе въ министерствѣ, хотя былъ и младшій по чину. Угодить таковому, даже въ ущербъ собственнаго значенія, или въ невыгоду своихъ подчиненныхъ, было его правиломъ. Зная въ теченіи 30 лѣтъ его личные взгляды на многое, помня его требованія и убѣжденія, какъ командира полка, потомъ тяжело было испытывать, какъ такой честный человѣкъ, молча подчиняется противному своимъ убѣжденіямъ и, затаивъ въ себѣ прежнее, притворяется, что признаетъ пользу новаго.

Однажды, боязнь показаться навязчивымъ и сдѣлать что-либо могущее не понравиться выше, вовлекла его въ большой промахъ. При выступленіи маневрами въ лагерь, нашему полку было назначено перейти изъ Петербурга на Бабій гонъ (3 версты за Петергофомъ) двумя переходами, съ ночлегомъ въ Стрѣльнѣ. Тамъ жилъ на своей дачѣ графъ Орловъ. Бывъ у Государя, послѣдній передалъ, что Семеновскій полкъ ночуетъ въ Стрѣльнѣ. Это напомнило Николаю Павловичу, что полкъ на слѣдующій день будетъ проходить черезъ Петергофъ, при чемъ онъ предположилъ осмотрѣть его и приказалъ коменданту Корсакову, когда будутъ проходить черезъ заставу квартирны, передать черезъ нихъ, чтобы полкъ остановился у заставы и ему дали бы знать объ этомъ. Гильденштуббе же, желая избавиться нареканія въ навязчивости, посылая квартирныхъ, приказалъ бывшему съ ними офицеру обойти заставу не расписываясь, а полку назначилъ выступленіе съ такимъ расчетомъ, чтобы пройти мимо Александріи и черезъ Петергофъ въ 4 часа утра, тихо и безъ музыки, дабы не беспокоить Императрицу. Такимъ образомъ мы чуть не крадучись прошли по спящему городу, прямо на Бабій-гонъ. Тамъ отдано было приказаніе офицерамъ, въ ожиданіи пріѣзда кого-либо изъ лицъ Царской фамиліи, никуда не отлучаться. Цѣлый день мы были, какъ говорится, на чеку, но никто не пріѣзжалъ.

Часу въ 6-мъ, видимъ, несется фельдъегерь съ повелѣніемъ, — полковому командиру немедленно прибыть къ Государю въ Александрію. Минуты черезъ три Гильденштуббе уже летѣлъ на рыскахъ къ Петергофу, а полковой адъютантъ поспѣшилъ сообщить офицерамъ, что генералъ вѣроятно приглашенъ къ вечернему чаю. Въ то время, малѣйшее вниманіе лицъ Императорской Фамиліи, не только къ командиру, но къ кому либо изъ офицеровъ, мы принимали за милость ко всему полку. Похаживая по деревнѣ, ждемъ мы съ нетерпѣніемъ, что привезетъ нашъ генералъ новаго изъ дворца. Но онъ возвратился гораздо скорѣе, чѣмъ могъ длиться чай, и мрачный, не обращая ни на кого вниманія, выходитъ изъ коляски и запирается въ своей квартирѣ, не принимая даже рапорта дежурнаго. Что произошло, оставалось для насъ долго тайною, даже и послѣ того, что Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, черезъ день, въ Красномъ селѣ, отозвавъ командира въ сторону, что-то очень серьезно выговаривалъ ему. Только сдавъ полкъ, спустя 12 лѣтъ, бывши за границею, Гильденштуббе, вспоминая прошлое, лично рассказалъ мнѣ слѣдующее:

— Когда, пріѣхавъ въ Александрію—говорилъ онъ—я вошелъ на половину Государя,—камердинеръ, не докладывая, отворилъ мнѣ дверь въ кабинетъ. Николай Павловичъ стоялъ спиною ко входу, у окна, выходящаго къ морю, и минуты три не обращалъ на меня вниманія. Наконецъ обернулся и, не подходя, держа руки за полами сюртука, говорить:

„Позвольте васъ спросить, по какому праву вы не удостоили явиться къ вашему шефу съ рапортомъ, проходя Петергофъ“?

— Можете вообразить, что я почувствовалъ въ эту минуту — говорилъ мнѣ Гильденштуббе, но все-таки осмѣлился отвѣтить, что полкъ вступалъ очень рано и я боялся обезпокоить Государя.

„Очень жаль,—продолжалъ Николай Павловичъ, что вы, дослужившись до генеральскаго чина, не знаете, что для меня нѣтъ безпокойства тамъ, гдѣ дѣло касается службы, и что я всегда радъ лишній разъ видѣть мои войска. Принимая коменданта, я спрашиваю вступили-ли ваши квартирьеры? онъ отвѣчаетъ, что ничего не знаетъ, значитъ—не было исполнено и правило устава. Затѣмъ два раза посылаю на заставу спро-

сить не проходилъ ли полкъ, и наконецъ узнаю, что вы прокрались съ полкомъ черезъ городъ, чуть не ночью“.

Я хотѣлъ сказать, что виноватъ, но Государь не далъ мнѣ вымолвить этого слова, говоря:

„Это еще не все. Теперь вы стоите въ имѣніи моей жены. Всякій благовоспитанный полковой командиръ, проходя имѣніе помѣщика, считаетъ обязанностію сдѣлать ему визитъ,—это правило вѣжливости; но вы не сдѣлали и этого. Императрица желала сегодня принять вашихъ офицеровъ, для чего былъ назначенъ вечерній чай на ея собственной дачѣ; но какъ вамъ не угодно было явиться ни ко мнѣ, ни къ Императрицѣ, то я отмѣнилъ, и вашимъ офицерамъ остается поблагодарить васъ за это. Можете отправляться“.

Гильденштуббе закончилъ этотъ рассказъ словами:

— Не понимаю, какъ со мною тогда же не сдѣлалось удара.

Послѣ этого эпизода, въ полку было принято называть сильную распечку „вечернимъ чаемъ“. Бывало, если кто возвращался отъ того же Гильденштуббе невеселымъ, то товарищи спрашивали: „что, пилъ чай“?

„Пилъ“! отвѣчаетъ встрѣченный, махнувъ рукою.

ГЛАВА IV.

1854—1857.

Первый литературный трудъ. — Описание событія 1820 года. — Лѣто 1854 года въ Петергофѣ. — Англо-французскій флотъ у Кронштадта. — Походъ въ Литву. — Бѣдствія отъ тифа. — Извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича. — Новые лица и новые взгляды. Развитие стрѣльцоваго дѣла. — Учебные карабинерные полки. — Упраздненіе кантонистскихъ заведеній. — Сформированіе гвардейскихъ стрѣльцовыхъ баталіоновъ. — Въ Москвѣ на коронаціи. — Командованіе графа А. С. Строгонова. — Причины его отставки. — Переходъ на службу въ армію.

По возвращеніи изъ похода 1849 года, мнѣ впервые пришла мысль, въ свободное отъ службы время, заняться собраніемъ матеріаловъ для исторіи полка, въ которомъ уже прошли первыя 7 лѣтъ моей службы. Досадно было видѣть, что полкъ, прожившій полтора вѣка, не имѣетъ въ своей библіотекѣ ничего, что бы говорило о его славномъ прошедшемъ, кромѣ ничтожной таблицы Сипягина, напечатанной въ видѣ картинки, на которой, исключая фамилій полковыхъ командировъ, да сухихъ цифръ о числительности штатовъ, ничего не было. Но какъ приступить къ такому трудному дѣлу, какъ приняться за него? Къ счастью, я встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны полковаго командира, предоставившаго въ мое распоряженіе полковой архивъ. Онъ оказался на чердакѣ, набитомъ до крыши срытыми въ кучу старыми книгами и бумагами. Онѣ слежались до того, что покрылись плѣсенью, такъ какъ зимою чердакъ заносило черезъ выбитыя стекла снѣгомъ; переплеты книгъ были попорчены мышами. По счастливой случайности, первую взятою мною въ руки книгою былъ списокъ чиновъ полка за 1692 годъ. Это меня ободрило и указало на возможность найти въ архивѣ много полезнаго и

интереснаго. По моему ходатайству, полковой командиръ разрѣшилъ перенести дѣла во флигель своей квартиры и, для приведенія его въ порядокъ, въ помощь мнѣ назначилъ аудитора.

Много надо было терпѣнія и труда, чтобы выучиться читать старыя рукописи, писанныя подъ славянскими титлами. Иногда приходилось биться часа 2—3, чтобы разобрать страницу. Свидѣтелями моихъ стараній были товарищи мои Миша Корсаковъ, бывшій генераль-губернаторъ Восточной Сибири, Дитмаръ 2, Кованько и Буссе. Многие изъ офицеровъ, судя по тому, что никому изъ предпринимающихъ то же дѣло, не доставало терпѣнія продолжать его, предсказывали неудачу; но я былъ счастливѣе. Черезъ мѣсяцъ я могъ просматривать въ день страницъ по пятисотъ, а затѣмъ специалистъ архивнаго дѣла, А. В. Висковатовъ, удивлялся какъ скоро я пріобрѣлъ навыкъ читать старинныя рукописи и даже разбирать почеркъ Петра I. Зная, что Висковатову принадлежитъ починъ въ составленіи исторіи полковъ и что онъ пишетъ хронику русской арміи, я надѣялся получить отъ него данныя и для моего труда, но ошибся въ расчетѣ. По скупости-ли, или изъ расчета самому предпринять ту же работу, онъ ничего не сообщил мнѣ пригоднаго. Впослѣдствіи оказалось, что почтенному историку хотѣлось, чтобы всѣ желающіе составлять исторіи полковъ были въ его распоряженіи, дабы онъ руководилъ ими, чтобы они занимались по его указаніямъ и по его программамъ, — однимъ словомъ, ему хотѣлось, чтобы другіе работали, а онъ получалъ бы благодарности.

Болѣе всего помогли мнѣ занятія въ Публичной библіотекѣ; чѣмъ успѣшнѣе подвигалась работа, тѣмъ она становилась пріятнѣе и увлекательнѣе. Въ ноябрѣ 1852 года, 1-я часть исторіи полка, заключавшая въ себѣ Петровскій періодъ, была готова и представлена въ рукописи, черезъ Государя Наслѣдника, Императору Николаю Павловичу. Со страхомъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ я результата. Предоставляю всякому судить о моемъ удивленіи и восторгѣ, когда, не болѣе какъ черезъ 2 недѣли, я узналъ, что Государь удостоилъ самъ прочесть мою рукопись, сдѣлалъ на ней своеручныя помѣтки, приказалъ напечатать 800 экзempl. въ мою пользу на казенный счетъ и пожаловалъ мнѣ перстень въ 500 р. Видѣть свой первый

литературный трудъ въ печати, въ формѣ изящно изданной книги, составляло большую радость. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы нынѣшнее поколѣніе знало, какъ внимательно относились тогда, и кто же—Государь Императоръ, къ посильному труду строевого офицера, не имѣвшего ни связей, ни протекцій.

Недостатокъ данныхъ, для описанія позднѣйшихъ событій, заставилъ просить о командированіи меня въ Москву, для занятій въ Главномъ архивѣ военного министерства, который помѣщался въ Кремлѣ, въ извѣстной круглой залѣ Сената. Тамъ мнѣ пришлось убѣдиться, въ какомъ блестящемъ наружномъ и безобразномъ внутреннемъ порядкѣ находились нѣкоторые отдѣлы этого архива. Напримѣръ, въ шкафахъ съ надписями „Дѣла Цесаревича“, т. е. Константина Павловича, — бумаги оказались подобранными въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣсяцамъ и числамъ. Просматривая книги 1823 и 1824 годовъ, я нашелъ, что, вслѣдъ за свѣдѣніемъ о томъ, какая пища готовилась въ ротахъ Литовскаго полка, подшито письмо Императрицы Маріи Федоровны къ Цесаревичу, на французскомъ языкѣ, по поводу отреченія его отъ престолонаслѣдія, а затѣмъ слѣдовало прошеніе ротмистра Штрандмана о пособіи. По возвращеніи изъ командировки, я лично доложилъ объ этомъ Государю Наслѣднику.

Не буду говорить о томъ, какъ мнѣ, сверхъ всякаго ожиданія, удалось подробно изложить участіе полка при Аустерлицѣ, Фридландѣ, при Бородинѣ и Кульмѣ, описать время Потемкинскаго командованія и тотъ незабвенный періодъ, когда Наслѣдникъ Престола, Александръ Павловичъ, командовалъ полкомъ, а сдѣлавшись Императоромъ, говаривалъ: „Преображенскій полкъ—это Царскій полкъ, а Семеновскій—мой“. Но не могу умолчать объ описаніи событія 20 года, извѣстнаго подъ именемъ Шварцовскаго или Семеновскаго бунта. Я недоумѣвалъ, какъ приступить къ нему. Умолчать о происшествіи, имѣвшемъ громадное вліяніе на судьбу полка, — было невозможно; изложить же его въ истинномъ свѣтѣ и правдиво, со всѣми безобразіями шварцовскаго командованія и со всею безтактностью тогдашняго начальства и особенно князя Васильчикова, — я не рѣшался, не зная, какъ смотреть Николай Павловичъ на самое событіе. Слѣдующій случай помогъ мнѣ.

Когда Государь въ 1854 году получилъ отпечатанный 2 томъ, въ кабинетѣ его находился Орловъ. Показывая ему книгу, Его Величество вспомнилъ, что графъ былъ предсѣдателемъ суда надъ офицерами.

— У тебя должны быть матеріалы этого происшествія — сказалъ ему Государь, — ты можешь передать ихъ составителю.

Въ тотъ же день былъ во дворцѣ выходъ, но я не былъ на немъ по болѣзни. Графъ Орловъ подозвалъ къ себѣ моего брата и сказалъ ему:

— По приказанію Государя, мнѣ нужно передать вашему брату нѣкоторыя дѣла изъ моего архива; заѣзжайте къ моему сыну, онъ передастъ вамъ документы.

На привезенныхъ ко мнѣ двухъ толстыхъ томахъ значилась надпись: „Изъ секретнаго архива III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи“.

Видя въ этомъ фактѣ особенное вниманіе къ моему труду и желаніе, чтобы несчастное событіе 20-го года было изложено подробно, я описалъ его съ полною правдивостію. Но прежде чѣмъ включить его въ общую рукопись 3 части, подумалъ, не лучше ли представить, въ видѣ отдѣльной тетради и спросить, въ какомъ объемѣ Государю угодно будетъ приказать ввести описаніе событія въ изданіе. Таковая тетрадь, при письмѣ Государю Цесаревичу, была представлена мною Его Величеству. Не прошло двухъ недѣль, какъ я былъ потребованъ къ Наслѣднику. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, взялъ со стола рукопись и, передавая мнѣ тетрадь, сказалъ:

„Государь находитъ, что описаніе событія 20-го года опубликовывать еще рано. Онъ не хочетъ огорчать родственниковъ тѣхъ лицъ, чьи дѣйствія подвергаются осужденію. Но можешь утѣшиться тѣмъ, что къ рѣдкой работѣ Государь былъ такъ внимателенъ, какъ къ твоей. Ты въ этой тетради найдешь цѣлыя страницы исписанныя его рукою. Пусть эта рукопись хранится въ твоёмъ семействѣ, какъ драгоценный памятникъ, покуда наступитъ время, когда ее можно будетъ напечатать“.

Время это наступило скоро; но лучше бы не наступало оно, потому что вся рукопись 3-й части, представленная уже послѣ кончины Николая Павловича, была затеряна во дворцѣ и осталась не напечатанною. Къ счастью у меня сохранились

черновыя, что дало возможность помѣстить описаніе событія 1820 года на страницахъ „Русской Старины“, въ 1883 году.

Да простятъ мнѣ читатели, что я коснулся этого частнаго дѣла, но оно слишкомъ мнѣ дорого, какъ знакъ Царскаго вниманія къ моему труду.

Наступало время Восточной войны. Гвардія встрепенулась. Осенью 1853 года, изъ всѣхъ ея полковъ было назначено по два офицера въ дунайскую армію; завидующіе товарищи устраивали имъ проводы. Изъ нашего полка были командированы: штабсъ-капитанъ Трофимовъ, поручикъ Фельдманъ 1 и подпоручикъ Зейфертъ. Весною 1853 года, генералъ Гильденштуббе сдалъ полкъ, въ превосходномъ состояніи, баталіонному командиру своего же полка барону Бистрому. Это былъ едва ли не единственный примѣръ назначенія полковника командиромъ того самаго гвардейскаго полка, въ которомъ служить. Тогда обыкновенно назначали въ эту должность генераловъ, изъ бригадныхъ командировъ арміи, или даже изъ начальниковъ корпусныхъ штабовъ.

На слѣдующій годъ, вмѣсто прискучившаго красносельскаго лагеря, мы провели лѣто въ Петергофѣ, чѣмъ были обязаны ожидаемой высадкѣ англичанъ и французовъ. Въ Петергофѣ были поставлены полки: Преображенскій и Семеновскій; Измайловскій и Егерскій занимали Ораніенбаумъ и побережья залива, до Красной горки. Стоянка въ Петергофѣ была для меня особенно пріятна. Мнѣ, съ офицерами моей роты, отвели верхній этажъ очень хорошей дачи, близъ Царицына острова; внизу жили мои родные. Императорская Фамилія, въ этотъ годъ, переѣхала въ Александрію ранѣе обыкновеннаго, а потому и городъ рано наполнился дачниками. Одни спѣшили воспользоваться началомъ весны, другіе, — что бы поскорѣ увидѣть издали непріятельскій флотъ, уже находившійся у Алландскихъ острововъ. Общая увѣренность въ недосыгаемости Кронштадта была такъ велика, что никому и въ голову не приходила возможность его атаки союзниками. Вообще настроеніе всѣхъ классовъ населенія было тогда крайне воинственное. Во всѣхъ слояхъ общества только и говорили о военныхъ приготовленияхъ, объ образовавшейся противъ насъ коалиціи, о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ союзниковъ. Между тѣмъ вѣсти, приходившія изъ арміи, дѣйствовавшей на Дунаѣ, были не всегда

утѣшительны; но и въ неудачахъ выказывалась доблесть нашихъ войскъ и особенно самоотверженность офицеровъ. Огромная въ нихъ потеря вызвала необходимость облечь ихъ въ солдатскія шинели, такъ какъ форма опредѣленная для боя, слишкомъ выдѣляла ихъ изъ общаго вида строя. Хотя Николай Павловичъ и не любилъ нововведеній, но это измѣненіе формы, сближающее офицера съ солдатомъ, было ему по сердцу, и онъ не разъ появлялся на прогулкахъ въ солдатской шинели Семеновскаго полка ¹⁾. Болѣе всего занимало общественное мнѣніе то, гдѣ высадутся союзники въ Черномъ морѣ, потому что ихъ высадка въ Добруджѣ, кромѣ потерь отъ сильной холеры, ничего имъ не доставила, но было извѣстно, что они сосредоточиваютъ громадный флотъ у Варны.

Я имѣлъ тогда случай часто встрѣчать лицо, близко стоявшее къ военному министру князю Долгорукову, а потому зналъ, что въ высшихъ военныхъ кружкахъ предположенія о мѣстѣ высадки расходились на два. Одни указывали на Крымъ, другіе на Поти. Последнее потому казалось вѣроятнѣе, что рѣшительнымъ движеніемъ на Тифлисъ, союзники могли бы отрѣзать Закавказье и произвести неминуемое возстаніе въ горахъ.

Однажды этому близко-стоявшему къ министру лицу былъ сдѣланъ вопросъ:

— Что имѣетъ князь Меншиковъ для отраженія высадки въ Крыму?

— У него 16 дивизія и нѣсколько резервныхъ баталіоновъ, такъ что всего, съ таможенною и карантинною стражею, да съ разными инвалидными командами, наберется тысячъ 25— было отвѣтомъ.

— Почѣму же Государь не приказываетъ усилить войска на югѣ?

— А потому, что тѣ, кто были бы обязаны дать Государю совѣтъ, оставили его работать одного за всѣхъ. Они только заботятся о соблюденіи формальностей и у нихъ на все одинъ отвѣтъ: „какъ прикажете“. Напримѣръ, на дняхъ Государь со-

¹⁾ На смертномъ одрѣ Императоръ Николай былъ покрытъ такою же шинелью.

ставилъ примѣрное распредѣленіе войскъ, на случай разрыва съ Австріей, набросавъ свой планъ на бумагѣ такимъ образомъ: 1 дивизію—въ Кишиневѣ, 2, 3 и 4—въ Кременцѣ, 5 и 6 въ Дубнѣ и т. д., и приказалъ сообщить это росписание князю Горчакову въ Бухарестъ. Когда князь Долгоруковъ передавалъ бумагу для немедленнаго исполненія, ему возразили, что придерживатья нумеровъ дивизій не возможно и что Государь вѣроятно имѣлъ въ виду число дивизій въ извѣстномъ пунктѣ, а не нумера ихъ, иначе пришлось бы перемѣнять, напримѣръ, 1-ю дивизію изъ Риги въ Кишиневъ, а 15-ю изъ Кишинева въ Ригу.

— Это не наше дѣло, отвѣчалъ министр. Мы должны буквально исполнить Высочайшее повелѣніе, а если князь Горчаковъ найдетъ неудобства, то напишетъ; тогда я доложу Государю, и окажется, что не мы встрѣтили затрудненіе исполнить его волю.

Вмѣсто ожидаемыхъ въ Финскомъ заливѣ военныхъ дѣйствій, мы провели лѣто среди дачныхъ удовольствій. Занятія въ полку были крайне умѣренны, благодаря тому, что на глазахъ Государя, нашему, черезъ-чуръ ретивому новому командиру, не очень-то было удобно утробивать ими. Разъ онъ назначилъ какую-то репетицію въ праздничный день, но Николай Павловичъ, встрѣтя, во время прогулки, солдатъ съ ружьями, остановилъ кабриолетъ у квартиры командира, вызвалъ его и послалъ къ Наслѣднику, доложить о подобномъ съ его стороны нарушеніи правилъ.

Когда громадный англо-французскій флотъ остановился въ почтительномъ отдаленіи отъ Кронштадта, на высотѣ Красной горки, то эта деревня, по вечерамъ, подобно пресловутому Петербургскому пуанту, сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ всего Петергофскаго и дачнаго общества. Туда ѣздили цѣлыми семействами пить чай, устраивали прогулки, собирались слушать музыку и смотрѣть на незваныхъ гостей. Въ бинокль можно было видѣть не только каждый корабль, но и людей на немъ, а иногда доносились съ судовъ и звуки вечерней зари. Императоръ Николай Павловичъ, съ прочими членами Царской Фамиліи, предпринималъ туда же послѣбобѣденныя прогулки.

Про пребываніе союзной армады въ виду Кронштадта можно было сказать, что „глазъ видить, да зубъ не ѣмъ“.

Къ осени отношенія къ Австріи сдѣлались до того натянутыми, что явилась необходимость выставить на ея границахъ особую армію. Вслѣдствіе этого, гвардейскіе полки были развернуты до шестибатальоннаго состава и раздѣлены на дѣйствующие и резервные. Первымъ, въ началѣ сентября, былъ назначенъ походъ въ западныя губерніи.

Нашъ полкъ выступилъ изъ Петергофа 4 сентября. Выступление происходило въ присутствіи Императора, котораго мы видѣли при этомъ въ послѣдній разъ. Не смотря на осеннее время года, походъ въ Литву, при постоянно ясной погодѣ, казался прогулкою. До конца октября мы простояли на широкихъ квартирахъ въ Свѣнцянскомъ уѣздѣ, откуда совершенно неожиданно были двинуты черезъ Вильну въ Гродненскую губернію. Впервые мнѣ довелось тогда самостоятельно распоряжаться походомъ моей роты, которая стояла верстахъ въ 40 отъ полковаго штаба. Въ предписаніи о выступленіи было глухо сказано, что рота черезъ день должна быть въ Вильнѣ, слѣдовательно въ 36 часовъ надо было пройти 110 верстъ, такъ какъ отъ Свѣнцянъ до Вильны около 70. Первый опытъ форсированнаго марша убѣдилъ меня, какъ важно вести часть такъ, чтобы люди имѣли 5-ти часовой отдыхъ, отъ 10-ти часовъ вечера до 3 утра.

Отъ Вильны погода рѣзко измѣнилась. До Гродно и далѣе пришлось идти среди постоянныхъ мятелей, по сугробамъ и заносамъ. Такъ мы, можно сказать, добрались до Тыкоцина, гдѣ полкъ былъ остановленъ на продолжительное время. Всѣмъ намъ было памятно это болотное гнѣздо.

Еще въ Свѣнцянахъ, между лазаретною прислугою полка, появилось два случая тифозной горячки. Вмѣсто того, чтобы оставить заболѣвшихъ въ городской больницѣ, полковой командиръ велѣлъ везти ихъ за полкомъ. Это положило начало эпидеміи, до того быстро разпространившейся, что при выступленіи изъ Гродно, за полкомъ тянулся на подводахъ транспортъ съ 80 тифозными. Съ этимъ запасомъ заразы полкъ вступилъ въ Тыкоцинъ, расположенный у болотъ, раздѣленныхъ рукавами Нарева. Моя рота, къ счастью была остановлена въ верстахъ 25 недоходя полковаго штаба, въ мѣстечкѣ Ясеновкѣ; это было причиною, что болѣзнь коснулась ея гораздо позже другихъ частей полка. Трудно себѣ представить, что въ теченіи декабря

и января мѣсяцевъ происходило въ Тыкоцинѣ. Въ отведенныхъ подъ лазареты домахъ не только не доставало кроватей, но не было мѣста на полу, такъ что больные лежали по корридорамъ и на лѣстницахъ. Среднимъ числомъ прибывало въ день отъ 20 до 30 человѣкъ. Лазаретной прислуги не доставало на недѣлю, такъ она быстро вымирала, а потому для ея пополненія, раза три въ мѣсяцъ, требовали человѣкъ по 5 съ каждой роты. Дошло до того, что фельдфебель просилъ меня не назначать людей поименно, а по жребію, такъ какъ личное назначеніе равнялось приговору къ смерти. Всякаго посланнаго, черезъ нѣсколько дней приходилось исключать умершимъ. Помню такой случай: изъ моей роты потребовали въ лазаретъ, вмѣсто умершаго надзирателя больныхъ, лучшаго и всѣмъ извѣстнаго унтеръ-офицера Иванова. Скрѣпя сердце, я отправилъ его въ Тыкоцинѣ. Дней черезъ 10, поздно вечеромъ, деньщикъ докладываетъ мнѣ, что прибылъ изъ штаба унтеръ-офицеръ Ивановъ. Зову его и спрашиваю, почему онъ такъ скоро возвратился? Вмѣсто отвѣта этотъ примѣрный служака бросается на колѣни и говорить:

— Виновать, ваше высокоблагородіе! Дѣлайте что угодно, я бѣжалъ; не могъ выдержать, видя какъ люди умираютъ, какъ мухи.

Пришлось отправить бѣднягу обратно, арестованнымъ, и онъ заплатилъ галунами за свою вину, но черезъ полгода мнѣ удалось вновь произвести его въ унтеръ-офицеры. Дѣйствительно, трудно было, маломъ альски нервному человѣку, вынести то, что происходило въ Тыкоцинѣ. При поѣздкахъ въ штабъ полка по службѣ, я останавливался у нашего старшаго доктора В. Л. Риттера и былъ свидѣтелемъ, какъ три наши врача, отъ усиленныхъ трудовъ, доходили до того, что для поддержанія сознанія, ихъ оказывали водою. Самый младшій и любимый изъ нихъ, Гуниусъ, палъ жертвою заразы. Свирѣпствовавшій тифъ былъ какой-то необыкновенный по своимъ послѣдствіямъ и повторялся два и три раза. Однажды я зашелъ посѣтить больныхъ своей роты и вижу одного рядоваго выздоровѣвшимъ и уже одѣтымъ для отправки въ роту. Черезъ полчаса встрѣчаю Риттера, который говоритъ мнѣ:

— А я вашего Ильина оставилъ до слѣдующей выписки.

— Почему? спрашиваю я.

— Да передъ тѣмъ какъ отправлять команду, я замѣтилъ у него красноту праваго глаза.

— Охота вамъ, возразилъ я, изъ-за этакаго пустяка, задерживать человѣка среди зараженныхъ.

— Все лучше подождать, продолжалъ Риттеръ, а то эта проклятая болѣзнь, при рецидивахъ, выкидываетъ такія штуки, что и ума не приложишь.

Не успѣли мы зайти въ ближайшую цукерню и спросить кофе, какъ вбѣгаетъ фельдшеръ.

— Ваше высокоблагородіе, говоритъ онъ доктору, пожалуйте поскорѣе въ лазаретъ, у Ильина правый глазъ выпираетъ изъ лба.

У несчастнаго почти моментально образовался нарывъ за полостью глаза; на утро сдѣлалось воспаленіе мозга и черезъ два дня его не стало. Поразительно еще и то, что тифъ пожиралъ прежде всего людей самыхъ видныхъ и сильныхъ, а потомъ уже слабыхъ и хилыхъ, которые переносили его какъ-то легче. Чтобы судить о числѣ погибшихъ отъ этого бича, достаточно сказать, что, со времени выступленія изъ Петергофа, полкъ получилъ до 2000 человѣкъ на свое пополненіе и прибылъ черезъ полтора года въ Москву на коронацію въ меньшемъ числѣ, чѣмъ выступилъ изъ Петергофа.

По всей вѣроятности, въ Петербургѣ слишкомъ поздно узнали о бѣдственномъ положеніи полка, потому что приказаніе перевести его изъ Тыкоцина въ Гродну пришло только въ половинѣ февраля. Больной сильнѣйшею лихорадкою, тащился я на розвальняхъ за своею ротою въ этотъ городъ. Перемѣна мѣста стоянки благотворно подѣйствовала на здоровье людей, а въ томъ числѣ и на меня, такъ что черезъ три дня я, уже вполне оправившимся, могъ выступить съ ротою въ мѣстечко Езеры; штабъ же полка остался въ Гроднѣ.

23 февраля, недоходя новыхъ квартиръ, я послалъ унтеръ-офицера просить священника отворить церковь, чтобы сряду по приходѣ отслужить молебенъ. Добрѣйшій отецъ Адамъ, съ которымъ мы жили потомъ въ большой дружбѣ, встрѣтилъ насъ на паперти, съ крестомъ и въ облаченіи. Послѣ молебна жители угостили солдатъ водкою и пирогами, а я съ офицерами отправился на квартиру, которую мѣстный помѣщикъ Валицкій отвелъ мнѣ въ двухъ верстахъ, предоставивъ въ мое распо-

ряженіе прекрасно устроенный и меблированный домъ въ его фольваркѣ Вилляново.

Только что успѣли мы разобрать свои чемоданы и размѣститься по комнатамъ, какъ въ сумерки, на ротной лошади, кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Я сначала думалъ, что вѣрно мой фельдфебель Волошинъ прибылъ съ вечернимъ рапортомъ, какъ въ комнату быстро вошелъ дежурный унтеръ-офицеръ, съ словами:

— Ваше высокоблагородіе, пожалуйста поскорѣе въ мѣстечко; пріѣхалъ баталіонный командиръ, приказалъ собрать роту и послалъ за вами.

— Зачѣмъ, спрашиваю, что случилось?

— Не могу знать. Полковникъ пріѣхали прямо къ ротному двору, приказали барабанщику бить сборъ, а фельдфебелю вести роту въ церковь.

Надѣвая въ торопяхъ солдатскую шинель, я придумывалъ, что бы могло случиться: если большая побѣда,—то зачѣмъ не подождать утра? Если внезапное выступленіе къ австрійской границѣ, зачѣмъ же требовать роту въ церковь? Подобныя мысли были прерваны тѣмъ, что въ мѣстечкѣ, на раскатѣ, меня выбросило изъ саней. Подъѣзжая къ церкви, вижу, что она ярко освѣщена. Царскія двери открыты, священникъ въ свѣтлой ризѣ, а между тѣмъ все имѣетъ отпечатокъ таинственности; фельдфебель встрѣтившій меня на крыльцѣ, когда я пробѣгалъ мимо него, со слезами въ голосѣ, успѣлъ шепнуть мнѣ;

— Ваше высокоблагородіе, Государя нашего не стало!

Далекій отъ-чего либо подобнаго, я почти крикнулъ: Что ты за вздоръ городишь! и поспѣшилъ къ стоявшему съ опущенною головою, на клиросѣ, полковнику Клауди.

Пусть читатель поставитъ себя на мое мѣсто и пойметъ какое дѣйствіе произвели на меня слѣдующія, сказанныя вполголоса, слова баталіоннаго командира:

„Сегодня получено извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича и о вступленіи на престолъ Наслѣдника; я имѣю предписаніе привести немедленно баталіонъ къ присягѣ“.

Какъ пораженный громомъ, стоялъ я передъ Клауди. Онъ молча вынулъ предписаніе, передалъ мнѣ; я машинально прочиталъ и продолжалъ стоять какъ окаменѣлый.

— Надо объявить объ этомъ ротѣ, сказалъ полковникъ.

— Объявляйте, отвѣчалъ я,—вы старшій.

На эту сцену съ недоумѣніемъ смотрѣла безмолвная рота и вышедшій изъ Царскихъ дверей священникъ.

Только что Клауди, обратясь къ ротѣ, успѣлъ произнести:— „Ребята! Государь Императоръ Николай Павловичъ скончался“, какъ 200 человѣкъ ахнули разомъ и затѣмъ слышались отдѣльные возгласы: „Не можетъ быть“. „Не можетъ быть“.

Это видимо смутило полковника. Подумавъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Прочитайте имъ предписаніе.

Несмотря на душившую горло судорогу, сдерживая слезы, я громко прочиталъ ротѣ бумагу, а вслѣдъ за тѣмъ священникъ приступилъ къ приведенію всѣхъ насъ къ присягѣ на вѣрность Императору Александру II.

При выходѣ изъ церкви, многіе изъ солдатъ плакали и слышались фразы: „Что теперь будетъ“. „Не стало отца у солдата“.

Молча сѣлъ я съ полковникомъ въ сани и мы поѣхали въ Вилляново. Не только дорогою, но и войдя въ квартиру мы долго ни слова не могли сказать другъ другу.

Было уже 9 часовъ вечера, когда деньщикъ поставилъ на столъ самоваръ; только черезъ часъ мы замѣтили это.

Послѣ чая, далеко за полночь, проходили мы по комнатѣ, точно лишенные способности не только говорить, но и мыслить.

Гдѣ скончался Государь—въ Петербургѣ или въ отъѣздѣ? Сколько времени и чѣмъ онъ былъ боленъ? Почему гвардія не знала о его болѣзни? Не скончался ли онъ отъ насильственной смерти? Что станетъ безъ него съ Россіею? Продолжится ли война или заключать миръ? Все это перемѣшивалось, путалось, грызло сердце, туманило голову и не давало покоя. Хотя я уже присягнулъ новому Императору, но все-таки совершившееся казалось невозможнымъ и, подобно людямъ моей роты, у меня не разъ повторялось въ умѣ: „Да нѣтъ, этого быть не можетъ“.

Да и какъ было не сомнѣваться, когда въ Гроднѣ узнали о подобномъ событіи черезъ присланнаго изъ Вильны писаря. Онъ привезъ полковому командиру бумагу, за подписью начальника штаба, о томъ, чтобы: „По случаю кончины Государя Николая I-го привести всѣхъ чиновъ полка къ присягѣ Императору Александру Николаевичу“. Бумага эта была на-

писана въ такомъ тонѣ, какъ будто дѣло шло о служебномъ нарядѣ. Клауди говорилъ, что губернаторъ не хотѣлъ вѣрить подобному увѣдомленію, а архіерей долго не соглашался дозволить приводить офицеровъ къ присягѣ въ соборѣ, такъ что, собравшись въ 10 час., они должны были ожидать до 12. Потомъ едва могли убѣдить преосвященнаго дать предписаніе священникамъ приходовъ привести къ присягѣ роты, расположенныя по деревнямъ. Затѣмъ полковникъ рассказалъ мнѣ, что въ ожиданіи сбора роты и моего приѣзда въ церковь, онъ зашелъ на квартиру священника, объявить о роковомъ событіи. Бывшая при этомъ жена отца Адама зарыдала. На вопросъ—видѣла-ли она когда-либо Николая Павловича? она отвѣчала:

— Нѣтъ, я никогда не имѣла этого счастья, но знаю и помню что отцы наши, бывши священниками бѣдствовали, питались подаваніями, были слугами кзендзовъ; мы же, по милости скончавшагося Государя, получаемъ столько, что живемъ безбѣдно; дѣти наши получаютъ образованіе, а мы не имѣли его; сироты теперь призрѣны, а тогда умирали съ голоду. Судите сами, кого мы лишили!

На утро Клауди пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ, верстъ за 10, въ роту Его Величества, на фольваркъ Вердзелишки. Такъ какъ тамъ не было церкви, то Государева рота была приведена къ присягѣ на большой дорогѣ, у корчмы. Собравшись потомъ на квартирѣ у командира этой роты, Дитмара, мы долго задавали другъ другу тѣ же вопросы, что и наканунѣ, и не могли надивиться, почему мы не знали о болѣзни того, кто былъ для войскъ вторымъ Богомъ. Не ранѣе какъ черезъ недѣлю начали доходить до насъ газеты съ описаніемъ болѣзни, кончины, а потомъ и погребенія покойнаго Императора. Одновременно съ этимъ, тѣ же газеты сообщали о различныхъ преобразованіяхъ, о новыхъ формахъ и назначеніяхъ.

Съ особеннымъ интересомъ мы слѣдили за тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ перемѣна царствованія на польское общество. Первые дни оно было сдержано, не обнаруживая ни печали, ни радости, какъ бы выжидая чего-то; но не прошло и мѣсяца, какъ можно было замѣтить нѣкоторое броженіе. У моего хозяина Валицкаго начали появляться личности, которыхъ прежде не встрѣчалось и которыхъ онъ рекомендовалъ

какъ прощенныхъ эмигрантовъ, но прощены ли они дѣйствительно, или появлялись изъ-заграницы эмисарами, оставалось неизвѣстнымъ. Въ Гроднѣ нѣкоторыя изъ полекъ, и во главѣ ихъ жена губернскаго предводителя Оржешко, еще до похоронъ Государя, катались по улицамъ въ яркихъ костюмахъ. Самые осторожные изъ пановъ пытались расспрашивать насъ о характерѣ и взглядахъ воцарившагося Императора, стараясь вставить въ разговоръ льстивыя фразы о своихъ на него надеждахъ. Наши администраторы совершенно равнодушно относились къ тому, на что очень-бы слѣдовало обращать вниманіе. Они тоже какъ бы выжидали какой вѣтеръ подуетъ изъ Петербурга. Губернаторомъ въ Гроднѣ былъ тогда баронъ Ховенъ, слывшій человѣкомъ строгимъ и энергичнымъ, а между тѣмъ онъ допускалъ, что та же катавшаяся въ свѣтлыхъ туалетахъ г-жа Оржешко, 17 апрѣля, въ день рожденія Государя, явилась къ нему на раутъ, вся въ черномъ.

Подобныя вещи шокировали насъ до того, что офицеры 1-го баталіона перестали являться на приглашенія и предпочитали проводить время по деревнямъ, въ товарищескомъ кругу. собираясь то у одного, то у другаго ротнаго командира. Благодаря удобству квартиры и мѣстоположенію фольварка, это случалось чаще всего у меня. Кромѣ того, Вилиново, расположенное среди роцъ и озеръ, было замѣчательно своимъ знаменитымъ сководствомъ. Болѣе двухсотъ головъ скота, всевозможныхъ породъ, стояло въ стойлахъ фермы и въ числѣ рѣдкихъ экземпляровъ находился приплодъ отъ зубра и коровы, называвшійся зубро-кровою. Онъ соединялъ въ себѣ красоту головы швейцарскаго типа матери, имѣлъ крутую шею съ небольшою гривой, а задъ отца, но былъ гораздо злѣе зубра. Упоминаю объ этомъ потому, что подобный экземпляръ зубро-крова былъ единственный въ мірѣ. Для производства помѣси, Валицкому, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, данъ былъ зубръ изъ Бѣловежской пуши, но онъ прожилъ въ неволѣ всего 3 года.

Жизнь наша въ Езерахъ была тогда же описана однимъ изъ моихъ товарищей стихами, въ которыхъ онъ очертилъ характеристику Валицкаго и окружающихъ насъ лицъ. Изъ этой длинной юмористической поэмы, не претендующей на талант-

ливість, виписываю только то, что обрисовываетъ состояніе народа, среди котораго мы провели нѣсколько мѣсяцевъ.

Не лѣтопись намѣренъ я слагать
О сей странѣ печальной, бѣдной,
Но быть ея народный описать
Стихомъ простымъ и прозой блѣдной.

Мы бродимъ здѣсь изъ края въ край;
Въ Литвѣ ужъ годъ пріюта ищемъ.
И съ нашимъ русскимъ непелищемъ,
Давно простились, невзначай.
И вотъ, по волѣ Провидѣнья,
Въ Езери, раннею весной,
Перетерпѣвъ судьбы гоненья,
Забрались полковой семьей.
Забывъ на время жизнь отчизны,
У береговъ Езерскихъ водъ,
Въ уединенъи сельской жизни,
Мы отдохнули отъ заботъ.

Живемъ мы мирно, небогато,
Знакомствъ не ищемъ городскихъ:
Не потому-ли наша хата
Не слышитъ сплетенъ никакихъ.
Хотя въ Литвѣ насъ принимаютъ
Поляки ласково всегда,
Но въ тайнѣ ненависть питаютъ,
И злобно смотрятъ иногда.
И такъ не лучше-ль не дружиться,
Знакомства съ ними не водить?
Въ своемъ кругу повеселиться,
Къ тому-жъ не долго здѣсь намъ жить.

Но что за край! Какой народъ!
Не видно признаковъ въ немъ жизни,
Не слышенъ въ селахъ хороводъ.
По мертвымъ точно правятъ тризны!
Здѣсь рабство, бѣдность обитаютъ,
И гладъ, и моръ гнѣздо свиваютъ,
И даже Божескій законъ
Едва-ль народу здѣсь знакомъ.

Но гдѣ-жъ ты прежняя Литва?
И гдѣ твои златыя нивы,
Зачѣмъ теперь ты такъ мертва?

Вѣдь православья силы живы.
Куда умчались тѣ дни,
Когда красавицы твои,
Стройны, какъ вешнія былинки,
Подъ звуки бубна и волынки.
Передъ веселою толпой,
Свой танецъ бѣшено плясали
И, словно силой неземной,
Сердца къ веселью призывали.
Увы! теперь рука жидка
Тебя клеймитъ своимъ позоромъ,
И беспощадная нужда
Разитъ тебя какъ небо — громомъ!
Ни православія свѣтило,
Ни слово пастырей честныхъ,
Ни русского царя кормило,
Не возрождаетъ силъ твоихъ.
Все зло Литвы въ ея панахъ,
Не признающихъ православья;
Они народу бичъ и страхъ,
Они враги самодержавья.

Изъ происшедшихъ въ первые мѣсяцы новаго царствованія назначеній, для насъ имѣли особое значеніе два: графа Ридигера — главнокомандующимъ гвардейскими и гренадерскими корпусами, и командира Преображенскаго полка, графа Баранова, вмѣсто генерала Витовтова, начальникомъ штаба.

Не смотря на то, что по болѣзни и дряхлости графъ Ридигеръ рѣдко выходилъ изъ своего кабинета, его сильно боялись и не столько офицеры, сколько старшее начальство. Я только два раза видѣлъ его: впервые зимою 1856 года, когда ему былъ пожалованъ мундиръ Семеновскаго полка, и на выходѣ въ день Пасхи во дворцѣ, когда онъ далъ ошутительный урокъ вѣжливости, одному изъ зазнающихся юныхъ чиновъ Двора. Передъ возвращеніемъ Царской Фамиліи отъ вечерни, одинъ изъ молодыхъ церемоніймейстеровъ, весьма безцеремонно началъ расширять путь, отгѣсняя офицеровъ рукою, вооруженною жезломъ. Не замѣчая, что Ридигеръ слѣдилъ за нимъ и былъ близко, онъ задѣлъ и его. Тогда графъ беретъ столь важнаго господина сзади за воротникъ и отстраняетъ отъ себя, говоря: „Осторожнѣе! мальчишка!“

Чтобы нагляднѣе судить о значеніи графа Ридигера, приведу слѣдующій фактъ. На основаніи существовавшихъ въ то время правилъ, старшихъ капитановъ гвардіи производили въ полковники не тотчасъ по открытіи вакансій, а сначала, въ видѣ испытанія, назначали исправляющими должность штабъ-офицеровъ. Производство же дѣлалось послѣ полугодоваго прикомандированія, а при Михаилѣ Павловичѣ, послѣ экзамена въ командованіи, на его смотру, баталіономъ. Осенью 1855 года, меня и нѣсколькихъ другихъ откомандировали съ тою же цѣлью въ резервные полки гвардіи, гдѣ были полковничьи вакансіи. Въ новый годъ мы надѣялись быть произведенными, но, за краткостью прикомандированія, производство отложили до Пасхи. Между тѣмъ въ посту послѣдовало заключеніе мира и сокращеніе штатовъ по мирному времени. Воспользовавшись этимъ, изъ военнаго министерства послѣдовало распоряженіе, чтобы всѣхъ капитановъ, исправляющихъ штабъ-офицерскія обязанности, возвратитъ къ прежнимъ должностямъ. Тогда графъ Ридигеръ написалъ военному министру, что онъ не согласенъ на подобную несправедливость и не исполнитъ его распоряженія, до полученія отвѣта на доводы, изложенные имъ въ особомъ письмѣ Государю. Въ немъ онъ доказывалъ, что полковничій чинъ заслуженъ нами полгода назадъ, что лишать заслуженнаго, изъ-за мелочныхъ расчетовъ министерства, было бы наказаніемъ, что нами сдѣланы расходы на покупку верховыхъ лошадей и что исполненіе его просьбы о производствѣ насъ, онъ приметъ за личную ему награду. Государь приказалъ отмѣнить распоряженіе министерства и мы были произведены.

Получаемыя изъ Петербурга письма указывали, что и тамъ кончина Императора Николая произвела потрясающее впечатлѣніе. Но, и среди скорби, исканіе почестей и мѣстъ, столичныя и служебныя интриги, жажда власти — не оставались въ бездѣйствіи. Они были причиною, что память о томъ, кому годъ назадъ все преклонялось, постепенно ослабѣвала. Тѣ самыя личности, которыя смотрѣли на кончину Николая Павловича, какъ на страшное несчастіе, которыя видѣли въ немъ рыцаря чести и долга, увлеклись наступавшею распущенностью и дерзали осуждать его. Онъ-ли не любилъ Россію и войска? онъ-ли не возвелъ армию на почетнѣйшее мѣсто

въ ряду государственныхъ учреждений, а между тѣмъ находились уже лъстецы и эгоисты, посягавшіе на ея устройство. Подъ впечатлѣніемъ печатаннаго въ началѣ 60-хъ годовъ въ газетахъ, вотъ что было занесено мною въ мой дневникъ въ 1861 году.

„Душа скорбитъ, читая послѣдніе нумера нѣкоторыхъ журналовъ, а чувство благодарности къ покойному Государю заставляетъ сказать: Вѣчная тебѣ память, великій и незабвенный благодѣтель арміи! Исторія и грядущія поколѣнія оценятъ тебя только тогда, когда событія докажутъ всю посигшность и всю незрѣлость послѣдовавшихъ послѣ тебя переменъ. Но не будетъ-ли поздно? Не дорого-ли поплатятся допустившіе стать исполнителями благихъ намѣреній твоего преемника, людей неумѣвшихъ служить Россіи, понимать нужды народа и цѣли добрѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ государей“. Эти строки были написаны 27 лѣтъ назадъ.

Въ концѣ октября, по случаю откомандированія на штабъ-офицерскую вакансію, пріѣхалъ я, послѣ годоваго отсутствія, изъ Ковно въ Петербургъ. Тамъ все до того измѣнилось, какъ будто прошелъ не годъ, а лѣтъ 30. Войска были иначе одѣты, иначе держали оружіе, иначе отдавали честь. Во главѣ различныхъ управленій стояли новыя лица, съ новыми идеями и взглядами. Гвардейскимъ резервнымъ корпусомъ командовалъ князь Барятинскій; нашею пѣхотною дивизіею — генералъ изъ артиллеристовъ, бригадою — князь Паскевичъ. Ихъ требованія оказались совершенно иныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы привыкли и которыя были указаны уставами. Многое не только казалось, но было дѣйствительно страннымъ. Одинъ требовалъ чего-то свободно — кавказскаго, другой педантично-строгаго, третій розно ничего не требовалъ, а всѣ вмѣстѣ очень мало были знакомы съ строевымъ обученіемъ мирнаго времени. Не могу до сихъ поръ забыть слѣдующаго случая. Въ декабрѣ мѣсяцѣ князь Барятинскій дѣлаетъ смотръ стрѣльбы стрѣлковымъ ротамъ. По званію начальника стрѣлковъ, я представляю ихъ. Принявъ отъ меня рапортъ, князь спрашиваетъ:

— Вы охотникъ?..

Отвѣчаю, что не имѣю призванія къ этой забавѣ, и слышу такой выводъ корпуснаго командира:

— Какъ вы можете быть начальникомъ стрѣлковъ, когда вы не охотникъ.

Трудно было рѣшить, чего хотѣли новаторы и чѣмъ можно было угодить имъ. Къ счастью ихъ фантазіи длились не долго, и съ заключеніемъ мира резервное начальство было упразднено.

Съ производствомъ въ полковники, я былъ переведенъ во вновь сформировавшійся, весною 1856 года, 1-й гвардейскій стрѣлковый батальонъ.

Восточная война произвела полнѣйшій переворотъ во взглядахъ на способы обученія и на организацію войскъ. Все прежнее осуждалось, подвергалось или упраздненію, или коренному преобразованію. Наступилъ періодъ общей ломки и переработки. Къ сожалѣнію, занявшіяся ею не могли ни на чемъ остановиться, и что придумывали сегодня, завтра считали отжившимъ. Это оправдывали и называли переходнымъ положеніемъ, длившимся много лѣтъ. Охотникамъ до различныхъ нововведеній и проектовъ открылось широкое поле дѣйствій. Кто бы что ни предложилъ, все это обсуждалось, испытывалось, и кто только, не исключая князя Васильчикова и полковника Лебедева, не сочинялъ и не предлагалъ своихъ уставовъ! Цѣлыя десяти лѣтъ не могли остановиться на выборѣ системы ружей. Только что прислали въ войска образцы и заказывали на сотни тысячъ машины для одной системы, какъ браковали ее, и въ то время когда Пруссія признала свои игольчатые ружья отжившими, у насъ ввели ихъ, а черезъ годъ нашли непригодными. То же самое происходило съ снаряженіемъ кавалеріи и съ выборомъ системы артиллерійскихъ орудій и снарядовъ. Люди многолѣтняго опыта и практики, нашли себя вынужденными отступить молча на задній планъ, чтобы не мѣшать идеалистамъ, мечтателямъ и теоретикамъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей пробовали заявлять свои мнѣнія и отстаивать то, что считали неприкосновеннымъ, но это только повредило имъ, и они замолкли, считая бесполезнымъ бороться съ мельницами.

Еще за долго до Восточной войны, въ военныхъ кружкахъ много говорили о Венсенскихъ стрѣлкахъ и молва представляла ихъ такимъ совершенствомъ, до котораго намъ будто бы никогда не достигнуть. Между тѣмъ существовавшіе наши 8

стрѣлковыхъ баталіоновъ нисколько не уступали имъ, хотя и были вооружены тяжелыми литтихскими штуцерами, требовавшими продолжительнаго и довольно сложнаго заряжанія. Такими штуцерами были снабжены и небольшія штуцерныя команды въ полкахъ.

Потери, понесенныя нашими войсками въ неудачномъ Альминскомъ сраженіи, и громадная убыль людей на Севастопольскихъ бастіонахъ, были приписаны Венсенскимъ стрѣлкамъ; въ сущности же не искусство ихъ, а свойство ихъ оружія, дозволявшаго открывать огонь на дальнія разстоянія и дѣйствовать навѣсно, порождало убыль. Все это привело къ убѣжденію о необходимости увеличить число стрѣлковыхъ баталіоновъ, сколь возможно развить въ войскахъ стрѣлковое дѣло и связанныя съ нимъ отрасли образованія, — гимнастику и фехтованіе. За все это принялись у насъ, какъ за новое, съ необыкновенною горячностью. Сначала къ существовавшимъ баталіонамъ прибавили 6 резервныхъ, а потомъ учебные карабинерныя полки обратили въ стрѣлковые.

Такъ какъ теперь многіе только по наслышкѣ знаютъ, что когда-то существовали учебныя полки, то скажу о нихъ подробнѣе. Ихъ учрежденіе, организація и управленіе имѣли много особенностей. Это были какія-то исключительныя части, составлявшія принадлежность департамента военныхъ поселеній, которымъ начальствовалъ Клейнмихель. Его страсть расширять все, что попадало въ его руки, извратило первоначальную мысль и цѣль учрежденія — сдѣлать изъ учебныхъ полковъ унтеръ-офицерскія школы для арміи. Хотя они и доставляли ей ежегодно до 1000 унтеръ-офицеровъ и почти столько же музыкантовъ, но далеко не съ тѣмъ направленіемъ, какое было желательно.

Всѣхъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ было четыре. Первый стоялъ сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ новгородскихъ поселеніяхъ, 2-й — въ Москвѣ, 3-й — въ Ярославлѣ и 4-й — въ Нижнемъ Новгородѣ. Для устройства ихъ Клейнмихель ничего не жалѣлъ. Стоитъ видѣть казармы, возведенныя имъ для 1-го полка въ селѣ Медвѣдѣ (Новгородскаго уѣзда), чтобы судить какъ широко все было обставлено, и названіе „Клейнмихельская гвардія“, данное этимъ полкамъ Великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, вполне подходило къ нимъ.

Комплектовались эти полки изъ военныхъ кантонистовъ, мальчиками отъ 13 до 17-ти лѣтъ. Сначала они поступали въ не-ранжированный баталіонъ полка, а по достиженіи 18 лѣтъ, или переводились въ строй дѣйствующихъ баталіоновъ, или назначались въ писаря, въ музыканты, въ мастеровые. Въ не-ранжированныхъ баталіонахъ мальчиковъ водили въ классы, учили мастерствамъ и фронту. Изъ нихъ выходили иногда замѣчательные каллиграфисты, писаря и чертежники. На все это не жалѣлось денегъ, нанимались учителя, отводились широкія помѣщенія. Контингентъ комплектованія былъ крайне бойкій, большею частью способный, но плутоватый, падкій на всякія шалости. Офицерами въ этихъ полкахъ были преимущественно выслужившіеся изъ фельдфебелей, люди исключительно только способные къ фронту, который доводили до идеальности, но закоренѣлые въ старыхъ взглядахъ и преданіяхъ; изъ нихъ могли бы выйти хорошіе дядьки для молодежи, еслибы Клейнмихель требовалъ отъ учебныхъ полковъ, какъ отъ будущихъ унтеръ-офицеровъ, чего-либо, кромѣ ружистики и маршировки. Командирами полковъ избирались тѣ изъ гвардейскихъ полковниковъ, которые отличались энергіею и строевою опытностью. Къ каждому изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ было прикомандировано по нѣсколько тысячъ солдатскихъ дѣтей, жившихъ у отцовъ или матерей, въ сосѣднихъ губерніяхъ. Эти тысячи кантонистовъ должны были получать изъ полковъ провіантъ. Понятно, что половина его оставалась въ экономіи полка, потому что только ближайшіе къ полковому штабу являлись за полученіемъ провіанта натурою; прочіе съ трудомъ присылали за сотни верстъ свои расчетныя книжки, и имъ выдавали деньги, конечно, по цѣнамъ гораздо низшимъ, сравнительно съ тѣмъ, что получалъ полкъ за свою экономію.

Вообще экономическіе доходы учебныхъ полковъ были таковы, что одинъ изъ ихъ командировъ, въ 1851 году, сказалъ мнѣ о себѣ: „Если есть рай на землѣ, то я теперь въ раю“. Вѣроятно ни одинъ корпусный командиръ не имѣлъ такихъ квартиръ, какія имѣли командиры учебныхъ полковъ. Мнѣ довелось близко знать и видѣть ихъ обстановку. Все, что только возможно было придумать для удобствъ и спокойствія, все было имъ доставлено. Напримѣръ, въ 1-мъ полку хозяйство командирскаго дома можно было уподобить хозяйству помѣ-

щьяго имѣнія въ 3 тысячи душъ. Тамъ были: и птичій дворъ, и отдѣльный огородъ и садъ съ оранжереею, и даже съ банею.

Въ каждомъ полку, по окончаніи лагеря, формировалась, изъ лучшихъ людей, выпускная рота въ 250 человекъ, для приготовленія ихъ въ унтеръ-офицеры арміи. Другая выпускная команда готовила 100 барабанщиковъ и горнистовъ и музыкантскій хоръ. Цѣлый годъ, изо дня въ день, шло самое горячее ихъ обученіе, избранными офицерами и учителями. Къ концу лагеря ихъ доводили до совершенства; обмундировывали въ форму полковъ, въ которые они предназначались, и, послѣ смотра, отправляли въ мѣста служенія.

Общее начальствованіе всѣми 4-мя полками сосредоточивалось въ лицѣ особеннаго инспектора учебныхъ полковъ, которымъ былъ генералъ Фроловъ, извѣстный своимъ гигантскимъ ростомъ и силою. Смотры Фролова длились обыкновенно въ каждомъ полку по недѣлямъ; онъ перебиралъ каждого человека отдѣльно, по всѣмъ отраслямъ службы и унтеръ-офицерскихъ обязанностей. Нельзя сказать, чтобы всѣ выпущенные изъ учебныхъ полковъ, въ нравственномъ отношеніи, соответствовали унтеръ-офицерскому званію, но все-таки они были самыми развитыми и лучшими учителями. Долго спустя по упраздненіи этихъ полковъ, приходилось убѣждаться, что самые дѣльные и полезные фельдфебеля арміи были изъ учебныхъ. Положительно можно сказать, что еслибы эти полки были ведены съ инымъ нравственнымъ направленіемъ, безъ увлеченія наружными отличіями въ ущербъ внутреннихъ достоинствъ, безъ склонности показывать товаръ лицомъ, хотя бы и съ обманомъ, то они могли бы быть вполне полезны. Съ тѣми средствами и удобствами, которыя они получали при Клейнмихелѣ, изъ нихъ могли бы выйти дѣйствительно образцовыя унтеръ-офицерскія школы. Какъ на оригинальную особенность надо указать еще на то, что командирамъ учебныхъ полковъ было разрѣшено отдавать кантонистовъ во всевозможныя мастерства, неимѣвшія никакихъ отношеній къ военному быту, напримѣръ: въ рѣзчики, каретники, граверы, часовщики, даже въ дамскіе портные. Мастерскія полковъ походили на фабрики изъ огромныхъ залъ, и чего только не производили они! Тотъ, кому удавалось прокомандовать учебнымъ полкомъ 7 или 8

лѣтъ, считалъ себя обезпеченнымъ надолго, и отъ его хозяйственныхъ способностей и оборотовъ зависѣло, въ одно и то же время, и содержать полкъ въ отличномъ положеніи, и составить себѣ запасъ на дальнѣйшую службу.

Жаждавшіе нововведеній и зараженные страстью къ ломкѣ, нацпи необходимымъ закрыть батальоны военныхъ кантонистовъ и потомъ совершенно упразднить это сословіе, т. е. не считать солдатскихъ дѣтей въ военномъ званіи и обязанными служить. Что система воспитанія этихъ дѣтей имѣла много дурнаго,—объ этомъ никто спорить не будетъ; но что кантонистскія заведенія въ тоже время приносили пользу военному вѣдомству и стоили гораздо менѣе того, что тратится теперь на замѣнившее ихъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Если счесть стоимость нынѣшнихъ писарскихъ классовъ, фельдшерскихъ школъ, техническихъ училищъ, плату за наемъ писарей, наборщиковъ, телеграфистовъ, чертежниковъ, литографчиковъ, граверовъ, музыкантовъ, оружейниковъ и т. д., содержимыхъ по вольному найму, на значительныхъ окладахъ, то все это стоитъ гораздо дороже. Говорили, что кантонистское званіе портило мальчиковъ до того, что самое слово *кантонистъ* считалось синонимомъ всевозможныхъ пороковъ. Предположимъ, что 5-я часть оказывалась дѣйствительно испорченою, за то $\frac{4}{5}$ приносили пользу, выходили въ люди, уменьшали пролетаріатъ. А развѣ теперь слово *солдатскій сынъ* не считается олицетвореніемъ безнравственности, въ которой за ничтожными исключеніями, погрязаетъ вся масса этого сословія, брошеннаго на произволъ судьбы, растущаго безъ всякаго надзора и призрѣнія, тогда какъ прежде солдатскія дѣти все-таки оберегались отъ порчи. Обратите вниманіе на судебную статистику и вы увидите, что почти нѣтъ дѣла у мирового судьи, нѣтъ процесса, въ которомъ, въ числѣ виновныхъ, не было бы солдатскаго сына.

Черезъ 15 лѣтъ по упраздненіи кантонистовъ, военное вѣдомство увидѣло, что сдѣлало ошибку и, побуждаемое чувствомъ человѣколюбія, пришло къ необходимости допустить то, что само же уничтожило, но только подъ инымъ названіемъ и въ меньшемъ размѣрѣ. Во всѣхъ гвардейскихъ и въ нѣкоторыхъ армейскихъ полкахъ прежнія школы кантонистовъ возстановлены, подъ названіемъ школъ солдат-

скихъ дѣтей. Не указываетъ ли это на то, что слѣдовало только устранить недостатки, существовавшіе въ кантонистскихъ батальонахъ, но не уничтожать этихъ заведеній? Спросите любого полковаго командира, у котораго есть школа, и онъ отвѣтитъ, что она даетъ ему прекрасное средство комплектовать писарей, фельдшеровъ, пѣвчихъ и музыкантовъ. Эти люди, отслужив обязательныя 6 лѣтъ за свое воспитаніе, на всю жизнь получаютъ возможность безбѣднаго существованія, избавляются отъ бродяжничества, отъ заработка куска хлѣба поденною работою, отъ фабричнаго растлѣнія. Сдѣлавшись грамотными, насколько это необходимо для ихъ дѣла, они обращаются въ полезныхъ гражданъ. Мы знаемъ людей почтенныхъ, въ высшей степени честныхъ тружениковъ, достигшихъ значительныхъ чиновъ и званій, безъ ученыхъ степеней и безъ аттестатовъ зрѣлости, а между тѣмъ получившихъ первоначальное воспитаніе и образованіе въ батальонахъ военныхъ кантонистовъ.

Да проститъ мнѣ читатель, что я такъ часто отвлекаюсь отъ моихъ воспоминаній и высказываю мои мысли и сужденія о предметахъ, меня не касавшихся. Но человѣку, посвятившему всю свою жизнь военному дѣлу, невозможно воздержаться, чтобы не высказать иногда своихъ убѣжденій. Все какъ-то думается, что взятыя изъ многолѣтней служебной опытности, онѣ, если не теперь, то хотя въ будущемъ принесутъ пользу.

Я остановился на переходѣ моемъ во вновь формировавшийся 1-й гвардейскій стрѣлковый батальонъ. Это случилось по представленію графа Э. Т. Баранова, на котораго было возложено первоначальное завѣдываніе гвардейскими стрѣлковыми батальонами. Первый разъ вошелъ я тогда въ сношенія съ этимъ замѣчательно пріятнымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Призвавъ меня, онъ сказалъ: „Государю угодно, сформированіемъ гвардейскихъ батальоновъ, дать новое направленіе стрѣлковому дѣлу и поднять формируемыя части до того уровня, который онѣ должны имѣть по своей цѣли. Поэтому первыми командирами этихъ батальоновъ Его Величество назначаетъ старшихъ своихъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ графа Строганова—1-мъ и князя Барятинскаго—2-мъ. Я избираю васъ младшимъ штабъ-офицеромъ къ Строганову и надѣюсь,

что вы будете его усерднымъ помощникомъ. Онъ съ прапорщичьяго чина въ свитѣ и, вѣроятно, отсталъ отъ строя; хозяйственная часть ему тоже не знакома; но это отличный человекъ, съ которымъ вы навѣрное сойдетесь. Помогите ему въ дѣлѣ формированія, въ выборѣ людей и особенно офицеровъ. Онъ никого не знаетъ въ полкахъ, вы же знаете многихъ. Что же касается Преображенскаго полка, то я тамъ всѣхъ знаю и выберу самъ“.

Не буду описывать хода формированія батальона, первоначальнаго его состава и службы; но не могу не коснуться нѣкоторыхъ фактовъ, характеризующихъ личности и распоряженія того времени.

Гвардейскіе стрѣлковые батальоны, въ первые годы по формированіи, были поставлены въ исключительное, привилегированное положеніе. Въ ихъ составъ поступили по выбору лучшіе люди изъ резервныхъ полковъ гвардіи; эти батальоны болѣе года не были подчинены ни дивизіямъ, ни стрѣлковому штабу; ихъ капитаны производились въ полковники не по общей линіи, а по своему батальону; имъ не было ни въ чемъ отказа, дано два комплекта ружей и для помѣщенія 1-го батальона не стѣснились вывести, 40 лѣтъ стоявшій въ центрѣ города, полкъ, отдавъ всѣ его казармы одному батальону. Младшимъ штабъ-офицерамъ, черезъ годъ или два по производствѣ, давали полки или батальоны. Вакансіи открывались такъ быстро, что въ первые три года въ 1-й батальонъ было выпущено изъ камеръ-пажей и изъ школы подпрапорщиковъ 26 человекъ. Хотя черезъ 2 года насъ подчинили начальникамъ дивизій, но куда графъ Барановъ былъ начальникомъ штаба гвардіи, онъ не переставалъ слѣдить за батальонами. Полки завидовали стрѣлкамъ, и эта зависть имѣла основаніе.

Графъ Строгановъ и князь Барятинскій, другъ передъ другомъ, старались похвастать устройствомъ своихъ батальоновъ и затрачивали на нихъ большія деньги. Для перваго, какъ очень богатаго, это было не трудно; но второму хотя было и тяжело, но онъ не отставалъ. Разъ, ѣхавши со мною въ Красное Село для раздѣла лагерной земли, Барятинскій просилъ меня сдерживать Строганова.

„Скажите графу, говорилъ князь, что ему меня не подвести, хотя онъ и во сто разъ богаче меня. Я вѣдь не уступлю, по-

тому что для меня 30 тысячъ лишняго долга разницы не составитъ“.

Дѣйствительно, Строгановскимъ затѣямъ конца не было. Не говоря о затратахъ имъ 25 тысячъ на лагерныя постройки въ Москвѣ, во время коронаціи, гдѣ мы простояли всего два мѣсяца, онъ фантазировалъ до того, что перевозилъ изъ Лигова въ Красное громадныя старыя деревья, которыя сряду засыхали и до вступленія въ лагерь ихъ пришлось вырубить, а каждое, съ покупкою и перевозкою, обходилось до 50 руб. Конечно батальонъ и особенно офицеры были многимъ обязаны Строганову, но большая часть его затратъ была непроизводительна. Богатство, знатность рода и званіе флигель-адъютанта, вселили въ него такую самоувѣренность и самонадѣянность, что онъ считалъ возможнымъ все, чего пожелаетъ. Ему, напримеръ, хотѣлось имѣть для батальона особые штаты, одѣть его въ форму венсенскихъ стрѣлковъ, не посылать его въ караулы, вооружить заграничными ружьями, и когда это не удавалось, онъ раздражался, сказывался больнымъ, или уѣзжалъ охотиться въ порховское свое имѣніе, а мнѣ приходилось работать за него и его же успокоивать. Благихъ намѣреній у него была масса, но ни практичности, ни умѣнья примѣняться къ обстоятельствамъ.

Когда избирался цвѣтъ сукна для мундирныхъ отворотовъ, Государю было угодно, чтобы они были малиновые и именно того оттѣнка, какой имѣлъ конно-егерскій полкъ бывшихъ польскихъ войскъ, шефомъ котораго онъ былъ какъ Наслѣдникъ престола. Въ этомъ мундирѣ, бывши 10 лѣтъ, Александръ Николаевичъ присутствовалъ въ Варшавѣ на коронаціи Императора Николая, какъ Царя Польскаго. Долго не могли найти сукна этой тѣни, наконецъ удалось. Появленіе насъ въ новой формѣ, на выходѣ въ первый день Пасхи, съ невиданными публикою малиновыми отворотами, возбудило любопытство гражданскихъ и придворныхъ чиновъ. Одни спрашивали откуда мы и какой это полкъ, другіе принимали насъ за иностранцевъ.

По возвращеніи изъ Москвы, куда Строгановъ просилъ меня съѣздить для осмотра строившагося лагеря, я не могъ не высказать ему, что считаю затраты его на двухмѣсячный лагерь слишкомъ большими.

„Я хочу показать, отвѣчалъ графъ, что ничего не жалѣю для части, которою команду“.

Затѣмъ онъ прибавилъ:

„Передайте офицерамъ, чтобы никто изъ нихъ не беспокоился брать въ Москву свое хозяйство. Я прошу всѣхъ постоянно обѣдать и ужинать у меня. Когда же мнѣ самому нельзя будетъ находиться за столомъ, то прошу васъ быть за меня хозяиномъ“.

Это избавило насъ отъ значительныхъ издержекъ. Для офицерской столовой Строгановъ заказалъ особое серебро, посуду, бѣлье съ шифрами баталіона. По возвращеніи съ коронаціи, онъ подарилъ ихъ обществу офицеровъ, что послужило для устройства общей офицерской артели, которая такимъ образомъ основалась первою въ гвардіи.

Императорская Фамилія прибыла въ Петровский дворецъ 14-го августа. Въ тотъ же день вечеромъ, въ круглой его залѣ, происходила прибавка знаменъ, которыя Государю угодно было пожаловать гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ, ко дню своего коронованія. Эта церемонія имѣла свою особенность. Императрица Марія Александровна, возвращаясь съ прогулки, проходила черезъ залъ, гдѣ происходила прибавка. По предложенію Государя, она своеручно вбила гвоздь въ древно и, такимъ образомъ, знамя 1-го гвардейскаго стрѣлковаго баталіона единственное въ русской арміи, въ прибавкѣ котораго покойная Императрица принимала личное участіе. На слѣдующій день происходило торжественное его освѣщеніе, въ присутствіи всей Царской Фамиліи, множества иностранныхъ принцевъ, чрезвычайныхъ пословъ и военныхъ агентовъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Послѣ дневнаго празднованія, въ сумерки, когда лагерь начиналъ освѣщаться иллюминаціею, раздался вызовъ дневальными всѣхъ на линію, что означало прибытіе кого-либо изъ Царской Фамиліи. Едва только успѣли мы выбѣжать изъ столовой, гдѣ шелъ еще послѣ-обѣденный кутежъ, какъ въ баталіонномъ интервалѣ остановился шарабанъ, въ которомъ находились: Императрица съ великою княжною, а противъ нихъ Государь и принцъ Александръ Дармштадтскій. Государь разспросилъ какъ мы празднуемъ, обратилъ вниманіе на приготовляемую иллюминацію и, окруженный офицерами, шагомъ проѣхалъ къ баракамъ 2-го бата-

ліона, гдѣ празднованіе было въ полномъ разгарѣ. Князь Барятинскій, какъ былъ въ сюртукѣ, безъ галстука и фуражки, застегиваясь, подбѣжалъ къ экипажу.

— У тебя празднованіе, кажется, уже кончается? сказалъ ему Государь.

— Нѣтъ, Ваше Величество, только-что начинается, отвѣтилъ Барятинскій.

— Ну, по тебѣ этого не замѣтно, улыбаясь прибавилъ Императоръ.

— Къ разсвѣту пройдетъ — и мы будемъ на парадѣ какъ слѣдуетъ, проговорилъ князь вслѣдъ отъѣзжающимъ.

Коронаціоннымъ торжествамъ 1856 года много мѣшала почти постоянно ненастная погода. Она была особенно чувствительна для войскъ, потому что чрезъ это всѣ военные церемоніи и парады утрачивали значительную часть своего блеска. Отдаленность Ходынскаго лагеря отъ Кремля удерживала многихъ отъ присутствія на балахъ, даваемыхъ послами, такъ что не всѣ получавшіе приглашенія пользовались ими. Даже роскошные приемы графа Морни и Эстергази не возбуждали приманки, развѣ что, для большей части офицерства приходилось тащиться 6 или 7 верстъ, въ глухую сентябрьскую ночь, по грязи и оврагамъ. Къ особо выдающимся празднествамъ нужно отнести обѣдъ, данный 4 сентября московскимъ купечествомъ, офицерамъ собранныхъ подъ Москвою войскъ. Кромѣ двухъ тысячъ офицеровъ, къ нему были приглашены фельдфебелъ, по 1 унтеръ-офицеру и по 2 рядовыхъ съ каждой роты, что составило съ 10 дивизій до 3-хъ тысячъ человекъ.

По окончаніи коронаціонныхъ торжествъ, въ половинѣ октября, мы возвратились въ Петербургъ, гдѣ начались обычные зимнія занятія. Они дали случай убѣдиться, какъ ошибочно поступаютъ, давая отдѣльныя части людямъ, хотя и самымъ благонамѣреннымъ, но мало опытнымъ и практичнымъ. Ни громкое имя, ни деньги, никогда не замѣняютъ знанія людей и службы. Положеніе мое при Строгановѣ было крайне затруднительное: надо было работать такъ, чтобы онъ воображалъ, что работаетъ самъ, а я только исполняю его указанія. Я видѣлъ, что желая какихъ-то особенностей, онъ не имѣетъ опредѣленной цѣли; воображаетъ, что въ дѣлѣ образованія стрѣлка можно ни о чемъ не заботиться, кромѣ стрѣльбы; что внутренній порядокъ

будетъ упроченъ, если онъ заведетъ на свой счетъ желѣзныя кровати, красивыя одѣяла и лампы; что хозяйство пойдетъ отлично потому, что онъ купилъ прекрасныхъ лошадей, а между тѣмъ ихъ скверно кормятъ. Сначала я пробовалъ указывать ему на ошибочность его взглядовъ, на необходимость надзора и контроля, но видѣлъ, что это только волнуетъ его. Строевыя зимнія занятія были предоставлены полному произволу ротныхъ командировъ, взятыхъ изъ разныхъ полковъ и новичковъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ только назначался какой-либо парадъ или разводъ, Строгоновъ сердился, говоря, что онъ не брался дѣлать изъ баталіона маршировщиковъ, сказывался больнымъ, и мнѣ приходилось принимать въ чужомъ пиру похмѣлье. Когда смотръ сходилъ удачно, Государь обыкновенно говорилъ: „Поѣзжай къ Строгонову и скажи, что я вполне доволенъ“. Если же было что замѣтить, то замѣчалось мнѣ. То же самое повторялось и графомъ Барановымъ. Попадался ли стрѣлокъ въ полицію, встрѣчался ли неисправнымъ на улицѣ, случался ли промахъ въ караулѣ,—графъ Барановъ требовалъ меня. Однимъ словомъ я былъ „козломъ очищенія“.

Приближалась весна 1857 года, а съ нею и обычные въ то время Царскіе смотры по-бригадно. Зная, что сдать такой смотръ не то что пройти церемоніальнымъ маршемъ, я предвидѣлъ, что не обойдется безъ чего-либо серьезнаго, представлялъ Строгонову, что надо провѣрить ротныя ученія и заняться баталіоннымъ; но графъ, послѣ перваго же объ этомъ разговора, объявилъ мнѣ, что по его докладу, о необходимости посвятить весеннее время стрѣльбѣ, смотра не будетъ, приказалъ прекратить приготовленія и переѣхалъ на дачу. Когда, въ концѣ одного изъ ученій, Государь вызвалъ баталіонъ по тревогѣ и похвалилъ за церемоніальный маршъ, то Строгоновъ вполне успокоился и сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы толковали о необходимости готовиться къ смотру; теперь надѣюсь убѣдились, что его не будетъ.

Но не далѣе какъ черезъ три дня получено было приказаніе, что 30-го мая Государь произведетъ ученіе полкамъ Измайловскому и Егерскому, вмѣстѣ съ 1-мъ гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіономъ. Я отправился на Каменный островъ, условиться съ Строгоновымъ, чѣмъ заниматься въ оставшіеся три дня до смотра. Рѣшено было, что я буду производить ученіе

по утрамъ, а онъ послѣ обѣда. Но и въ этотъ разъ, какъ часто бывало, графъ не исполнилъ условія, явился на плацъ поздно, находилъ все прекраснымъ, за все хвалилъ, не видѣлъ ошибокъ и уѣзжалъ, приказывая выдать людямъ по чаркѣ.

Чего надо было ожидать, то и случилось. Ученіе при Государѣ сопровождалось такими ошибками, что не смотря на все его терпѣніе, кончилось полнѣйшимъ фіаско. Приказано было увести баталіонъ съ плаца и учить на дворѣ казармъ. Строгоновъ, выслушавъ гнѣвъ Государя, пріѣзжаетъ въ свой казарменный кабинетъ, куда собираетъ офицеровъ. Только-что онъ началъ высказывать имъ свое огорченіе, какъ камердинеръ докладываетъ, что графъ Барановъ прислалъ за мною коляску. Прибывъ въ штабъ, пришлось обождать, потому что у начальника штаба былъ корпусный командиръ. Во время выжиданія, входитъ въ приемную Строгоновъ и обращается ко мнѣ съ фразою:

— Я болѣе не остаюсь баталіоннымъ командиромъ.

— Зачѣмъ такъ говорить, графъ,—отвѣчалъ я.—Неужели одна поправимая неудача можетъ заставить васъ предпринять такое рѣшеніе?

— Пусть поправляютъ другіе,—продолжалъ онъ,—я не для того принималъ баталіонъ, чтобы соперничать съ полками по фронту и не намѣренъ выслушивать дерзости.

Строгоновъ увѣрялъ, будто Государь на плацу сказалъ ему, что онъ привелъ срамить свой баталіонъ; но кого я ни спрашивалъ, никто не слыхалъ такого выраженія, а всѣ единогласно говорили, что Государь высказалъ свое неудовольствіе въ такихъ словахъ:

— Вамъ, г. баталіонный командиръ, стыдно приводить баталіонъ на смотръ незнающимъ сигналовъ. Если я требую этого отъ полковъ, то стрѣлкамъ надо знать сигналы, хотя бы ихъ подняли ночью.

Выходя изъ кабинета начальника штаба, генераль Плутинъ обратился къ намъ съ улыбкою.

— Что, стрѣлки! Не все васъ гладить по головкѣ, иногда надо и противъ шерсти.

Когда мы вошли въ кабинетъ, графъ Барановъ сказалъ мнѣ:

— Расскажите по порядку, какія были на ученьи ошибки, отчего они происходили и кто виновать въ нихъ.

Я не успѣлъ кончить разборъ ученья, какъ Строгоновъ перебилъ меня, говоря:

— Если мнѣ разъ было сказано, что ученья не будетъ, то не слѣдовало его и дѣлать.

Графъ Барановъ сталъ возражать ему; между ними возникъ горячій споръ. Не желая присутствовать при этомъ, я всталъ и отошелъ въ сторону; но начальникъ штаба вновь обратился ко мнѣ:

— Извольте составить, и сегодня же прислать мнѣ записку, въ которой подробно изложите ходъ ученья и объясните причины ошибокъ; я доложу записку Государю. Затѣмъ, обращаясь къ Строгонову, онъ продолжалъ: — вотъ еще что, Государь приказалъ, чтобы генералъ Гильденштуббе сегодня вечеромъ сдѣлалъ ученье баталіону.

— Я не буду на этомъ ученьи, — проговорилъ Строгоновъ, — потому что при всемъ моемъ уваженіи къ Гильденштуббе, не выйду передъ прогнанный съ плаца баталіонъ.

Чтобы не быть свидѣтелемъ новаго спора, я, подъ предлогомъ полученія приказаній отъ начальника дивизіи на счетъ вечерняго ученья, вышелъ, оставивъ Строгонова у графа Баранова.

На слѣдующій день вечеромъ я былъ снова потребованъ имъ и узналъ, что моя записка уже доложена Государю, что Гильденштуббе съ похвалою отозвался о вчерашнемъ ученьи, и что 4-го іюня баталіону назначается вторичный смотръ. Между тѣмъ, въ ночь, баталіонный адъютантъ князь Щербатовъ получилъ отъ Строгонова записку: приготовить для него прошеніе объ отставкѣ. Это произвело сенсацию между офицерами. Они въ полномъ составѣ отправились на дачу Строгонова, просить его не оставлять баталіона. Графъ видимо уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта, но объявилъ, что онъ боленъ и не можетъ представлять баталіона на вторичномъ смотрѣ, почему и просить меня замѣнить его.

Для производства ученья, Государь нарочно приѣхалъ изъ Царскаго Села. Когда я подъѣхалъ съ рапортомъ, — онъ спросилъ:

— А гдѣ Строгоновъ?

— Онъ нездоровъ, — отвѣчалъ я.

Объѣхавъ ряды, Государь подозвалъ къ себѣ ротныхъ командировъ.

— Въ четвергъ, — сказалъ Его Величество, — ученье шло неудачно. Этому отчасти виновать и я, потому что только наканунѣ просмотрѣлъ вашъ уставъ. Надѣюсь, что сегодня будетъ лучше. Я начну съ того, что разведу баталіонъ по ротно въ двѣ линіи, сдѣлаю наступленіе съ нѣсколькими усиленіями цѣпи, затѣмъ перемѣню фронтъ налѣво и буду отступать перекатными цѣпями; кончу же атакою вала.

Едва-ли это не единственный случай, чтобы Государь, передъ началомъ ученья одному баталіону, предварялъ о томъ, что ему угодно будетъ смотрѣть.

Ученье шло отлично. Государь нѣсколько разъ благодарилъ офицеровъ и стрѣлковъ. Садясь въ коляску онъ сказалъ мнѣ:

„Побѣждай къ Строгонову и передай ему, что я вполне доволенъ баталіономъ и жалѣю, что онъ не полюбился на сегодняшнее ученье“.

Прямо съ плаца я поѣхалъ къ графу, у котораго засталъ командира 2-го баталіона князя Барятинскаго, прибывшаго прямо съ ученья, и генералъ-адъютанта князя Паскевича. Входя въ кабинетъ, я прежде всего заявилъ, что присланъ Государемъ. Всѣ встали. На повторенное слово въ слово приказаніе Его Величества, Строгоновъ отвѣтилъ: „Радуюсь за васъ и за баталіонъ, который не мнѣ, а вамъ обязанъ полученными похвалами“.

Къ этой фразѣ, князь Паскевичъ, опускался въ кресло, добавилъ:

„*Pourtant ça doit vous flatter, mon cher*“.

Почти прошла недѣля покуда рѣшалось остается-ли Строгоновъ, или уходить. Это было время различныхъ предположеній и всевозможныхъ толковъ о томъ, кто будетъ назначенъ на его мѣсто. Вѣрнымъ изъ нихъ было только то, что при первомъ докладѣ прошенія объ отставкѣ, Государь выразилъ желаніе, чтобы Строгоновъ, какъ старшій флигель-адъютантъ Императора Николая Павловича, остался. Военный министръ Сухозанетъ поручилъ передать подобное желаніе Государя своему товарищу, князю Васильчикову. Послѣдній, бывъ въ родствѣ съ Строгоновымъ, раздѣляя взгляды своего зятя и не

менѣе его самолюбивый, ничего не сдѣлалъ, да вѣроятно и не желалъ склонить Строгонова взять прошеніе обратно.

Переговоры кончились тѣмъ, что 11 іюня состоялся приказъ объ увольненіи его отъ службы и о назначеніи на его мѣсто флигель-адъютанта князя Шаховскаго, до прибытія котораго мнѣ было предписано принять баталіонъ на законномъ основаніи и быть временно-командующимъ имъ.

Казалось-бы, что заботы Строгонова о бытѣ нижнихъ чиновъ и частныя на это затраты должны были, при разставаніи съ подобнымъ командиромъ, возбудить въ стрѣлкахъ особое о немъ сожалѣніе. Къ удивленію, этого замѣчено не было; напротивъ, равнодушное ихъ отношеніе къ его уходу изъ баталіона подтвердило, что русскій солдатъ гораздо болѣе привязывается къ строгому, но знающему службу командиру, нежели къ слабому и балующему его. На вопросъ мой, сдѣланный одному изъ стрѣлковъ, о причинѣ холодности солдатъ, выразившейся при прощаніи съ ними графа, онъ отвѣчалъ: „Ихъ сіятельство точно были добры, да только по службѣ съ ними плохо; съ ними никакъ не знаешь хорошо или худо сойдеть смотръ“.

Весь лагерь 1857 года я командовалъ 1-мъ гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіономъ и представлялъ его на 8 различныхъ Высочайшихъ смотрахъ. Благодаря отличному составу офицеровъ и ихъ довѣрію къ моимъ требованіямъ, все смотрѣніе прошло прекрасно. Несмотря на то, что баталіонъ въ это время былъ подъ тройнымъ начальствомъ: дивизіи, начальника штаба гвардіи и штаба стрѣлковыхъ баталіоновъ, мнѣ удавалось угождать имъ. Впрочемъ, послѣдній какъ-то робко входилъ въ свою роль; эта робость и впослѣдствіи не покидала его. Когда случалось, бывало, испрашивать отъ него самое простое категорическое приказаніе, на примѣръ, въ родѣ того какъ поставить баталіонъ, въ колоннѣ или развернутымъ фронтомъ, то объясненіе длилось полчаса, начиналось чуть не со временъ изобрѣтенія пороха и все-таки положительнаго отвѣта на вопросъ не получалось, а приходилось дѣлать по своему усмотрѣнію. Такая нерѣшительность, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было только сказать да или нѣтъ, часто ставили стрѣлковые баталіоны въ весьма затруднительное и неопредѣленное положеніе.

Помогать графу Строгонову и трудиться за него я могъ, потому что видѣлъ въ немъ высшей степени честнаго и благонамѣреннаго человѣка; преемника же его я вовсе не зналъ и наконецъ мнѣ хотѣлось выйти изъ роли работника для другихъ. Поэтому, при первомъ посѣщеніи лагеря Герцогомъ, я просилъ его дать мнѣ стрѣлковый баталіонъ въ арміи. Черезъ недѣлю его начальникъ штаба передалъ мнѣ, что я получаю 15 стрѣлковый баталіонъ, состоявшій въ Аккерманѣ; но черезъ три дня мнѣ было объявлено, что Герцогъ желаетъ, чтобы я принялъ 3 баталіонъ, такъ какъ онъ очень разстроенъ и въ немъ баталіонный и два ротныхъ командира подъ слѣдствіемъ. Дѣло о нихъ находилось въ штабѣ; мнѣ было предложено ознакомиться съ нимъ, но при этомъ заявлено, что оно весьма секретное. Забавенъ былъ способъ этого знакомства. Въ кабинетѣ начальника штаба мнѣ указали на столъ, положили на него объемистый томъ бумагъ и заперли двери на ключъ. Я воображалъ, что прочту что нибудь ужасное, и что же оказалось?—Два ротные командира подали доносъ на баталіоннаго, одинъ въ томъ—что съ него неправильно взяли деньги за не сданный провіантъ, а другой настроилъ нѣсколько страницъ разныхъ клеветъ и сплетенъ.

Хотя приказъ о назначеніи меня командиромъ 3 стрѣлковаго баталіона состоялся въ іюнѣ, но я продолжалъ командовать 1-мъ гвардейскимъ до сентября. Въ послѣдній разъ я былъ съ нимъ въ строю, при встрѣчѣ невѣсты Великаго князя Михаила Николаевича, принцессы Баденской. Въ половинѣ сентября я оставилъ Петербургъ и съ этого времени началась моя армейская служба.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1857 — 1860.

Первое знакомство съ армейскою службою. — Какъ прежде сдавали и принимали части войскъ — Проѣздъ черезъ Гродно. — Принятіе баталіона. — Его общество — Г. Волковыскъ. — Рѣдкій еврей. — Чего тогда желали литовскіе помѣщики. — Смотры начальства. — Оригинальность и странности корпуснаго командира. — Положеніе православнаго духовенства и церквей въ Литвѣ. — Новое назначеніе. — Сдача баталіона. — Мой преемникъ. — Переѣздъ изъ Волковыска въ с. Медвѣдь. — Солдаты-дворяне. — Новый начальникъ — Красносельскіе лагеря. — Эпизодъ на маневрахъ. — Поѣздки въ Петербургъ. — Разговоры съ министромъ. — Частная и общественная жизнь въ мѣстѣ стоянки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1857 года началось первое мое знакомство съ армейскою службою и армейскою жизнью. Послѣ 15-ти-лѣтней постоянной жизни въ Петербургѣ, пришлось разстаться съ нимъ, съ сдѣланными въ немъ связями и знакомствами, съ бывшими корпусными товарищами, оставшимися въ гвардіи, и наконецъ съ родными. Въ это же время совершилась перемѣна и въ личной судьбѣ моей, — я женился и долженъ былъ отправиться Гродненской губерніи въ городъ Волковыскъ, гдѣ квартировалъ полученный мною 3-й стрѣлковый баталіонъ. Въ то время варшавская желѣзная дорога только строилась, такъ что пришлось совершать переѣздъ на почтовыхъ.

Ожиданіе новой служебной дѣятельности, предстоявшее знакомство съ невѣдомымъ тогда для меня армейскимъ бытомъ, особенности провинціальной жизни, — все это вмѣстѣ сильно занимало и заботило меня; но болѣе всего беспокоило то: какъ-то придется принять баталіонъ и какую личность встрѣчу въ бывшемъ его командирѣ, что въ тѣ времена имѣло большое значеніе. Тогда сдача и приемъ части составляли не

легкое дѣло, прямо зависѣвшее отъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій принимающаго и сдающаго.

Тридцать лѣтъ назадъ командованіе и хозяйство части всецѣло довѣрялись ея командиру, который былъ полнымъ и самовластнымъ ея распорядителемъ и отвѣтчикомъ за ея благосостояніе. Ни завѣдывающихъ хозяйствомъ, ни хозяйственныхъ комитетовъ тогда не было. Всѣ приходы поступали къ командиру и всѣ расходы зависѣли отъ его усмотрѣнія; всѣ остатки, образующіеся отъ его оборотливости и распорядительности, могли быть имъ употребляемы на что угодно; но всѣ недостатки и неисправности онъ былъ обязанъ пополнять и исправлять изъ добываемыхъ имъ средствъ. Люди распорядительные, опытные, знающіе хозяйство, составляли себѣ обезпеченіе и въ то же время содержали часть въ примѣрномъ устройствѣ; тотъ же, кто, даже при полномъ безкорыстіи, не былъ одаренъ знаніемъ хозяйства и опытностью, не только не скоплялъ запаса на случай сдачи, но при придирчивости пріемщика приплачивалъ ему большія деньги. Такая система командованія имѣла свои дурныя и хорошія стороны. Она могла быть вполнѣ охарактеризована словами: „дѣлай, какъ хочешь, но чтобы все было хорошо и исправно“. Зная это, всякій, рассчитывавшій быть когда-либо командиромъ части, старался выучиться хозяйству заранѣе и ознакомиться со всеміи его подробностями, бывши въ младшихъ чинахъ. Безъ этого сдающій не могъ бы отстаивать своихъ интересовъ, а принимающій отличить качество вещей и ихъ недостатки. Нерѣдко случалось, что скупость перваго и жадность втораго порождали несогласія, затягивали пріемъ части на мѣсяцы и, не смотря на назначеніе въ этомъ случаѣ посредника, были примѣры, что вновь назначенный командиромъ отказывался отъ полка или баталіона именно потому, что сдающій не соглашался заплатить ему ту сумму, въ которую принимающій оцѣнивалъ найденные недостатки и неисправности. Чтобы устранить подобную неблаговидность, впоследствии, во многихъ частяхъ, приказано было имѣть въ казенныхъ ящикахъ опредѣленную сумму, образуемую изъ экономіи отъ казенныхъ отпусковъ, на обезпеченіе сдачи части въ исправности.

Во вновь сформированныхъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, по

недавности ихъ существованія, такого обезпеченія не было, а потому мнѣ пришлось самому опредѣлять недостатки; но зналъ, что предстоитъ принимать баталіонъ отъ человѣка совершенно безвинно состоявшаго подъ слѣдствіемъ, такъ сказать, убитаго горемъ, я заранѣе рѣшился быть сколь возможно снисходительнымъ. Мнѣ думалось, что если чего-либо и не досмотрю, или ошибусь въ чемъ-либо, то со-временемъ все это, при должномъ надзорѣ, можетъ быть пополнено и исправлено.

Для тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ предстоитъ командовать частью, считаю необходимымъ замѣтить, что быть дѣйствительнымъ хозяиномъ далеко не такъ легко, какъ это кажется. Надо знать толкъ въ лошадахъ, въ сапожномъ товарѣ, въ холстахъ, въ сукнахъ; надо умѣть отличить малѣйшую примѣсь въ мукѣ, дурное сѣно отъ хорошаго и т. д. до мелочей всевозможнаго рода. Безъ этого всякій обманъ, всякое нерадѣніе мелкихъ хозяйственныхъ чиновъ останутся неузнанными и безнаказанными. Кромѣ того, надо знать всѣ тонкости, всѣ увертки тѣхъ, кто снабжаетъ часть всякаго рода довольствіемъ. Въ настоящее время командиръ части поставленъ совсѣмъ въ другое положеніе, чѣмъ прежде; его личные интересы отстранены отъ интересовъ казны. Онъ отвѣтственъ только тогда, когда ущербъ происходитъ отъ его непосредственныхъ распоряженій. Многое, что прежде приходилось заводить и содержать на экономическіе остатки, теперь обезпечено отпускомъ въ натурѣ или деньгами. Однимъ словомъ, все считается предусмотрѣннымъ и обезпеченнымъ. Но теорія не всегда согласуется съ практикой. Хозяйство можетъ быть обезпечено только тогда, если командиръ части понимаетъ его; но если онъ полагаетъ, что это не его дѣло, такъ какъ для каждой отрасли есть свои спеціальные дѣятели, и предоставить имъ полную самостоятельность, самъ же только будетъ подписывать требованія и отчеты, то не успѣетъ и оглянуться, какъ исправное на бумагѣ окажется непригоднымъ къ дѣлу. Если сравнить то, что стоитъ теперь извѣстная часть войскъ правительству, съ тѣмъ, что она стоила 30 лѣтъ назадъ, при прежней системѣ хозяйственной отвѣтственности, то окажется значительная перерасходка. Происходить это не столько отъ общей на все дороговизны,

сколько отъ безотвѣтственности и безнадзорности за бережливостью. Когда командиръ и его подчиненные знаютъ, что всякій недосмотръ и всякая беззаботность отзовутся на ихъ личномъ интересѣ, то приложить все свое знаніе и всю свою дѣятельность къ тому, чтобы оградить его. Будетъ совершенно другое, если незнаніе и нерадѣніе прикрываются широкими казенными отпусками.

Благодаря корпусному воспитанію прежняго времени и началу службы въ полку, гдѣ хозяйство было доведено до полного благоустройства, я могъ приступить къ приему баталіона безъ затрудненій. Но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, остановлюсь на проѣздѣ черезъ Гродно. Тамъ находился штабъ дивизіи, къ составу которой принадлежалъ мой батальонъ, а начальникомъ ея былъ генералъ баронъ К. К. Врангель, извѣстный въ военной средѣ подъ названіемъ Баязетскаго ¹⁾. Это была достойнѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ личность. Рѣдко можно было встрѣтить, да я и не встрѣчалъ, начальника болѣе дѣльнаго, знающаго, симпатичнаго и добраго. Принимая прапорщика и генерала, онъ имѣлъ даръ, сохраняя начальническій тонъ и тактъ, принять такъ, что оба уходили очарованные имъ. Въ то же время ни одна вина подчиненнаго не проходила у него незамѣченной. Желая представиться ему и ознакомиться съ его служебными взглядами, а также узнать отъ него о батальонѣ, я провелъ въ Гроднѣ нѣсколько дней. Не заставъ въ первый пріѣздъ генерала дома и узнавъ, что онъ скоро возвратится, я вступилъ въ разговоръ съ его ординарцемъ. Это былъ унтеръ-офицеръ Новоингерманландскаго полка, только-что возвратившагося со смотровъ, происходившихъ въ Варшавѣ. Разпросы мои вращались около общаго солдатскаго быта и были вызваны желаніемъ узнать степень развитія армейскаго унтеръ-офицера. Приведу отвѣтъ на мой вопросъ:

— Остался ли Государь доволенъ смотрами и маневрами?

Сначала послѣдовалъ стереотипный отвѣтъ—„не могу знать“, но когда я замѣтилъ, что унтеръ-офицеру стыдно не знать остались-ли полкомъ довольны или нѣтъ, то онъ высказался такъ:

¹⁾ Это названіе было присвоено ему за взятіе въ 1854 г. Баязета.

„Отъ другихъ полковъ слышно было, что хвалили, а нашъ былъ въ резервѣ. Покойный Государь Николай Павловичъ, бывало объѣдетъ всякій батальонъ, такъ солдаты все и знали, что онъ скажетъ, а въ этотъ разъ мы послѣ смотра издали видѣли, какъ Его Величество сѣли въ коляску и уѣхали. Начальство потомъ хвалило и благодарило отъ себя“.

Баронъ Врангель долго и подробно говорилъ со мною о батальонѣ, которымъ мнѣ предстояло командовать. Онъ отзывался о немъ какъ о новой, только что сформированной, далеко еще неокончательно устроенной части, но предвѣрялъ, что дѣло о доносахъ на бывшаго командира далеко не такъ важно, какъ взглянули на это въ стрѣлковомъ штабѣ.

Кстати замѣтимъ, что несчастная привычка, нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, давать значеніе доносамъ и безыменнымъ письмамъ развиваетъ фискальство, нисколько не прекращая злоупотребленій, еслибы они и были. Сколько вопіющихъ несправедливостей порождаетъ потворство доносамъ! Самый честный и безкорыстный командиръ не гарантированъ, чтобы между его подчиненными не нашлось человѣка, который, за сдѣланныя съ него взысканія, не вздумалъ бы мстить своему начальнику и безнаказанно клеветать на него. Назначающіе по доносу дознаніе или слѣдствіе, обыкновенно оправдываютъ свое распоряженіе тѣмъ, что если ничего не окажется, то не будетъ послѣдствій. А развѣ одно то, что надъ представителемъ части производится слѣдствіе, не оскорбляетъ его достоинства, не вліяетъ на его подчиненныхъ и не производитъ нравственного огорченія? Еслибы доносъ и оказался ложнымъ, какъ большею частью и бываетъ, то сдѣланнаго оскорбленія ни что не сниметъ. Сколько было примѣровъ, что почтенные и достойные люди, вслѣдствіе пристрастныхъ по доносамъ дознаній, попадая подъ опалу, лишались мѣстъ, бѣдствовали, теряли здоровье, а потомъ оказывалось, что они ни въ чемъ неповинны, но поправить сдѣланнаго имъ зла было уже невозможно.

Прибывъ въ Волковыскъ и ознакомившись съ дѣломъ на мѣстѣ, я самъ убѣдился въ этомъ, и потому принялъ мѣры къ немедленному удаленію изъ баталіона авторовъ доноса.

За ихъ выбытіемъ, общество офицеровъ состояло изъ молодыхъ людей, очень усердныхъ и довольно представительныхъ. Оно было пополнено и много выиграло выпускомъ въ

баталіонъ въ томъ же году изъ кадетскихъ корпусовъ нѣсколькихъ, вмѣсто гвардіи, прямо поручиками. Старше этого чина въ баталіонѣ не оказалось никого, такъ что пришлось дать двѣ роты только что выпущеннымъ, но я въ этомъ не раскаявался. Вотъ доказательство, что кадетскіе корпуса давали тогда арміи вполне подготовленныхъ и полезныхъ офицеровъ. Назову между таковыми поручиковъ Обырна, Обезерскаго и Шалевича. Это были вполне образованные и благовоспитанные юноши. Къ сожалѣнію, впоследствии двое первыхъ пошли въ академію и, черезъ 5 лѣтъ, оказались причастными къ польскому возстанію. Обырнъ успѣлъ бѣжать за-границу, а Обезерскій, по возвращеніи изъ ссылки, появился въ Варшавѣ въ самомъ жалкомъ положеніи.

Волковыскъ, переполненный жидами городишко, не представлялъ собою ничего привлекательнаго. Общества въ немъ не было рѣшительно никакого, а потому мы проводили свободное время исключительно въ своей военной средѣ. Семейными между офицерами были только маіоръ и докторъ. Квартиру мнѣ удалось получить очень небольшую, но симпатичную, изъ отдѣльнаго домика въ саду, отлично устроенномъ какимъ-то старичкомъ, страстнымъ любителемъ ботаники. Вскорѣ этотъ домикъ сдѣлался сборнымъ пунктомъ для офицеровъ. Изъ непринадлежащихъ же батальону лицъ, единственнымъ посѣтителемъ былъ молодой докторъ Маркевичъ, бывший студентъ московскаго университета, кончившій специальное образованіе въ Вѣнѣ. Это была исключительная между поляками, крайне симпатичная и чуждая фанатизма, личность. Онъ такъ свылся съ офицерскимъ составомъ, что какъ-бы принадлежалъ ему. Въ окрестности было впрочемъ два-три помѣщика, не чуждавшіеся русскихъ. Таковыми оказались Ельскій и Пилецкій, бывший много лѣтъ главнымъ докторомъ друженицкихъ минеральныхъ водъ.

Прибывъ изъ гвардіи, гдѣ всѣ нововведенія по образованію войскъ были уже въ полномъ ходу, мнѣ хотѣлось ввести ихъ въ баталіонъ, куда, какъ и вообще въ армію, доходили только слухи о томъ, что предпринималось въ Петербургѣ. Молодой составъ офицеровъ сильно помогъ этому. Я встрѣтилъ въ немъ полную готовность вести баталіонъ въ новомъ направленіи. Но сначала предстояло со многимъ ознакомить самихъ офицеровъ

Изъ Прошлаго.

теоретически, т. е. бесѣдовать съ ними въ видѣ чтенія лекцій. Во всемъ городѣ единственною комнатою, въ которой могли помѣститься человекъ 20, была корчма еврея Галлая. Едва-ли происходившія въ ней собранія были не первообразами зимнихъ офицерскихъ занятій и лекцій, вошедшихъ въ такую моду въ настоящее время. Къ свѣдѣніямъ по стрѣлковой части я примѣшивалъ и другія, напримѣръ: о веденіи ротнаго хозяйства, о нравственномъ воспитаніи солдата, о вліяніи на него личнаго примѣра офицера. Любознательность-ли, или то, что офицеры видѣли въ нашихъ бесѣдахъ развлеченія, такъ какъ другихъ не было, только собранія для лекцій очень имъ нравились и посѣщались ими безъ всякихъ принужденій.

О личности вышеназваннаго еврея Галлая стоитъ сказать нѣсколько словъ. Много лѣтъ пришлось мнѣ потомъ провести среди еврейскаго племени, но подобнаго нравственнаго типа встрѣтить не доводилось. Это былъ 60-лѣтній старикъ, державшій лучшую лавку и довольно чистый заѣзжій домъ. Всѣ когда-либо квартировавшія въ Волковыскѣ войска имѣли его своимъ поставщикомъ, не только по части продовольствія, но и снабженія мастерскихъ необходимыми матеріалами. Имѣя множество аттестатовъ отъ начальниковъ дивизій и корпусныхъ командировъ, Галлай доставлялъ въ роты, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, лучшіе продукты, а офицеры находили въ его лавкѣ все, что угодно, отъ папирозъ Спиглазова, до настоящихъ гаванскихъ сигаръ и отъ вяземскихъ пряниковъ—до конфетъ отъ Балле. Черезъ него же можно было, въ самый короткий срокъ, выписывать все, не только изъ Варшавы, но и изъ Парижа. Ежедневно вечеромъ онъ являлся къ командиру части за приказаніемъ и какъ бы съ рапортомъ о всѣхъ слухахъ, толкахъ и происшествіяхъ, дѣлалъ предложенія о выгодныхъ покупкахъ или продажахъ по случаю. Все это дѣлалось безъ малѣйшей навязчивости, тихо и спокойно.

Однажды, возвратясь домой, я нахожу на письменномъ столѣ условіе о закупкѣ мною, у какого-то шляхтича, 500 пудовъ садоваго сѣна, по баснословно дешевой цѣнѣ—7 коп. за пудъ. Спрашиваю деньщика откуда эта бумага? Отвѣчаетъ: „Галлай принесъ“. Между тѣмъ я не видѣлъ никакого шляхтича и ни съ кѣмъ не говорилъ о сѣнѣ.

Вечеромъ, по обычаю, голова Галлая просовывается изъ тихо отворенной двери кабинета.

— Это ты принесъ какое-то условіе,—спрашиваю я.

— Если ненужно я возьму, отвѣчаетъ старикъ, протягивая руку за бумагою.

— Не въ томъ дѣло—говорю ему—а я не понимаю, что она значить и сѣно мнѣ теперь не нужно.

— А то значить—продолжаетъ онъ—что не тогда покупаютъ, когда вещь необходима и не отъ того, кому нѣтъ нужды продать. Ко мнѣ пришелъ шляхтичъ занимать деньги; я ему и говорю, что безъ залога не дамъ. Онъ хотѣлъ оставить чашы.— Не надо часовъ, а запродай ты мнѣ сѣно съ твоего огорода—говорю я. Онъ даже обрадовался и, запросивъ 15 к., охотно сошелся на 7. Мнѣ самому сѣно не нужно, но я знаю, что баталіону придется зимою платить за него по 2 злота; вотъ я и написалъ условіе, что онъ запродастъ его пану полковнику.

На мое спасибо онъ добавилъ:

— Да вы не подумайте, что я не соблюлъ своей выгоды. Вы заплатите 7, но 2 изъ нихъ шляхтичъ отдаетъ мнѣ,—это мой процентъ.

Когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, баталіону пришлось выступить изъ Волковыска, я призвалъ старика и зная, что всѣ офицеры болѣе или менѣе должны ему, спрашиваю:

— Ну, что Галлай, офицеры расплачиваются съ тобою?

— Кто расплачивается понемножку, а кто и нѣтъ.

— Какъ же ты поступишь съ тѣми, кто не расплатится?

— Жаловаться не буду. Господа все хорошіе; не теперь—такъ потомъ приплюнуть, а если кто и не вышлетъ, такъ Галлай отъ этого не раззорится. Богъ съ ними! А вотъ что не хорошо: г. Соколовъ говоритъ мнѣ—„Галлай, пенензы у меня не ма, а вотъ возьми это въ 30 рубляхъ, и снимаетъ со стѣны образъ въ золотой ризѣ“. Я отвѣтилъ ему: „Пане поручникъ!—Галлай этого не сдѣлаетъ. Можетъ этимъ образомъ васъ благословилъ отецъ, а вы цѣните его благословеніе въ 30 р. Пусть пропадутъ они, а я такого не сдѣлаю“, и ушелъ отъ него.

Все это я привелъ какъ доказательство того, что и между евреями, хотя рѣдко, но встрѣчаются прекрасныя личности, а продолжительное пребываніе между ними убѣдило меня, что на

благодарность еврея можно рассчитывать гораздо вѣрнѣе, чѣмъ на благодарность поляка. Въ этомъ и читатели убѣдятся изъ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаній.

Какъ во время бытности моей въ Литвѣ въ 1849 и 1855 годахъ, такъ и проживя въ ней годъ въ описываемое время, я убѣдился, что поляки-помѣщики сами желаютъ, чтобы ими управляли съ твердостью, настойчиво, безъ колебаній. Когда въ 1857 году, до нихъ начали доходить слухи объ осуществившихся потомъ реформахъ, они поняли, что прежняя система управления Польшею и Литвою измѣняется, и многіе изъ пановъ, въ минуты откровенности, выражали боязнъ, какъ бы отступленія отъ прежнихъ постановленій не привели къ дурнымъ послѣдствіямъ. Рассказывая объ оваціяхъ, происходившихъ въ Вильнѣ, по случаю проѣзда Государя, помѣщики какъ бы предчувствовали, что имъ не слѣдовало ни радоваться, ни придавать особеннаго значенія. Они сами сознавали недостатки польскаго характера, способнаго увлекаться въ какую угодно сторону. Дѣйствительно, не прошло трехъ лѣтъ, какъ восторги обратились въ анти-правительственныя демонстраціи. Само собою разумѣется, что сожалѣнія свои о перемѣнахъ въ либеральномъ направленіи, каждый изъ пановъ высказывалъ глазъ на глазъ съ русскимъ, опасаясь сосѣда; но было все-таки отрадно слышать, какъ нѣкоторые говорили: „При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ намъ было лучше и покойнѣе, всякій зналъ чего правительство желаетъ, что можно и чего нельзя“.

Очень можетъ быть, что многое говорилось съ цѣлью казаться благонамѣреннымъ и преданнымъ Россіи. Тогда я еще вѣрилъ нѣкоторымъ изъ поляковъ; впоследствии же убѣдился, что въ политическомъ смыслѣ никому изъ нихъ вѣрить не мыслимо. Въ Варшавѣ было у меня два знакомыхъ поляка, помѣщикъ и докторъ, неразлучные друзья между собою. Въ самый разгаръ беспорядковъ, сидятъ они у меня въ кабинетѣ и нещадно бранятъ виновниковъ возстанія. Какъ только одинъ вышелъ, другой, оглядываясь, тихо говорить мнѣ:

— Вы не очень довѣряйтесь доктору, онъ говоритъ одно, а самъ вполнѣ на сторонѣ возстанія.

Не прошло 10-ти минутъ, какъ помѣщика пригласили къ

чаю, а возвратившійся въ кабинетъ докторъ обратился ко мнѣ, почти шепотомъ:

— Я вамъ совѣтую быть поосторожнѣе; онъ прикидывается преданнымъ русскимъ для того, чтобы что-либо отъ васъ вывѣдать и передать куда слѣдуетъ.

„Вотъ такъ друзья!“ подумалъ я, выслушавъ обоихъ.

Несмотря на то, что расположеніе баталіона въ Волковыскѣ было не изъ удобныхъ, такъ какъ казармъ не было и роты стояли по окрестнымъ деревнямъ, въ теченіи года, для образованія людей сдѣлано было очень много. Этому болѣе всего способствовало то, что четыре лѣтніе мѣсяца проведены были въ отдѣльномъ лагерѣ, возлѣ города. Тамъ можно было оставаться полнымъ господиномъ своего времени, никто не отрывалъ людей отъ занятій, которыя велись систематически, безъ суеты и торопливости. Просторнымъ для стрѣльбы мѣстомъ роты распоряжались безъ помѣхи, не думая, что придетъ очередь другихъ и ихъ прогонять, какъ обыкновенно бываетъ въ большихъ лагеряхъ, гдѣ и въ 3 года не сдѣлаешь того, что достигается въ отдѣльномъ лагерѣ въ 4 мѣсяца. Къ сожалѣнію, недолго пришлось мнѣ пользоваться подобнымъ удобствомъ; въ серединѣ лѣта я получилъ предвареніе, что вскорѣ буду назначенъ командиромъ 1-го учебнаго стрѣлковаго баталіона, расположеннаго въ селѣ Медвѣдѣ Новгородской губерніи.

Въ продолженіи одиннадцати-мѣсячнаго командованія 3-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, мнѣ довелось три раза представлять его на смотры: — два раза начальнику дивизіи барону Врангелю и разъ корпусному командиру Лабинцеву. Оба пріѣзда перваго доставляли истинное удовольствіе, потому что я видѣлъ полное ко мнѣ довѣріе и, кромѣ того, взгляды начальника дивизіи на командованіе частью вполнѣ совпадали съ моими. Отъ него я могъ многое заимствовать и многому научиться. Послѣ 15 лѣтъ службы въ гвардіи, гдѣ, кромѣ начальства своего полка, войска не имѣютъ никакихъ отношеній къ кому-либо, попасть въ армію, гдѣ приходится быть въ ежедневномъ соприкосновеніи со всевозможными вѣдомствами и ихъ представителями, это дѣло не легкое и вести его, безъ опытнаго руководителя, было бы трудно.

Для вторичнаго смотра баронъ Врангель прибылъ въ Вол-

ковыскъ, въ концѣ іюня, вмѣстѣ съ тремя полковыми командирами своей дивизіи. Сначала я отнесъ пріѣздъ гостей, съ которыми не былъ вовсе знакомъ, тому, что сряду послѣ смотровъ предстоялъ баталіонный праздникъ; но оказалось, что начальникъ дивизіи пригласилъ полковыхъ командировъ для того, чтобы наглядно ознакомить ихъ съ принятыми мною приемами обученія стрѣльбѣ, гимнастикѣ и фехтованію, предметами, тогда еще новыми для арміи. Все это было показано имъ во всей подробности. Для гимнастическихъ упражненій у меня былъ выстроенъ обширный городокъ, со всевозможными приспособленіями: съ полевымъ укрѣпленіемъ, съ рвами, каменными стѣнками для штурмовъ. Но ничто такъ не удивило пріѣзжихъ, какъ заведеніе, въ теченіи 6 мѣсяцевъ, безъ всякаго отпуска отъ казны, музыкантскаго хора въ 25 чело-вѣкъ, начавшихъ учиться въ январѣ, а въ іюнѣ уже сносно игравшихъ марши, вальсы и 2—3 піесы изъ оперъ. Когда полковые командиры усомнились, точно-ли всѣ музыканты изъ стрѣлковъ и нѣтъ-ли между горнистами переодѣтыхъ въ мундиры странствующихъ богемцевъ, то баронъ Врангель очень ловко наказалъ ихъ за подобное недоверіе.

— Чѣмъ подозрѣвать, что васъ обманываютъ, — сказалъ онъ полковнику Трубникову, разспрашивавшему каждого музыканта, — что бы вамъ, господа командиры, стоило помочь баталіону и прислать ему въ подарокъ по три музыканта; ваши громадныя хоры отъ этого не разстроятся.

Такъ какъ это было сказано въ концѣ обѣда то, подъ праздничнымъ впечатлѣніемъ, всѣ охотно согласились, а черезъ двѣ недѣли въ баталіонъ прибыли 12 опытныхъ музыкантовъ съ инструментами, что составило пріятный и цѣнный подарокъ.

Вскорѣ послѣ этого предстоялъ смотръ корпуснаго командира. Баронъ Врангель предварилъ меня, что генералъ Лабинцевъ врагъ нововведеній, всегда торопится кончать смотры, и, ознакомивъ съ странностями этого кавказскаго героя, просилъ непремѣнно настоять, чтобы онъ смотрѣлъ стрѣльбу и гимнастику.

За нѣсколько дней до пріѣзда корпуснаго командира былъ полученъ его маршрутъ и приказаніе выставить отъ баталіона на подставы три четверки, тогда какъ въ немъ полагалось

по штату всего 8 лошадей. Въ одно изъ первыхъ чиселъ іюля, въ 4 часа ночи, меня разбудили извѣстіемъ, что пріехалъ корпусный; но вслѣдъ затѣмъ прибѣжалъ ординарецъ сказать, чтобы я прибылъ къ 8 часамъ, а возвратившійся кучеръ рассказалъ, что Лабинцевъ пріѣхалъ, не только безъ адъютанта, но даже безъ деньщика, а только съ писаремъ, который оказался до того пьянымъ, что не могъ сойти съ козелъ и мой кучеръ долженъ былъ ставить самоваръ, чтобы напоить корпуснаго командира чаемъ. Въ 8 часовъ, въ полной формѣ, отправился я представиться ему; сознаюсь, что входилъ не безъ волненія, потому что молва рекомендовала Лабинцева чело-вѣкомъ взбалмошнымъ, несдержаннымъ, способнымъ за малѣйшіе пустяки наговорить грубостей. Кромѣ того былъ слухъ, что онъ не жалуетъ командировъ изъ гвардіи. Многое изъ того, что говорили, оказалось выдуманнымъ. По крайней мѣрѣ въ отношеніи меня онъ былъ совершенно инымъ, но все-таки чело-вѣкомъ съ большими причудами. Началось съ того, что онъ вышелъ ко мнѣ въ рубашкѣ, обтираясь полотенцемъ и не давъ проговорить обычную при представленіяхъ фразу, перебилъ словами:

— Слышалъ, полковникъ, про васъ, много слышалъ; радъ, что вы попали ко мнѣ въ корпусъ, а то часто даютъ намъ франтиковъ, бѣлоручекъ: солдата не знаетъ, армейской нужды не понимаетъ, воображаетъ себя не вѣсть чѣмъ, — вотъ и возись съ нимъ.

Я молчу.

— Ну-съ, что же вы мнѣ покажете и когда?

— Что будетъ угодно и когда прикажете.

— Да вы эти обычныя фразы откиньте въ сторону. Приказывать не хитро, да надо знать, можно ли исполнить то, что приказывается, а я вѣдь не знаю: далеко ли вашъ лагерь, гдѣ ваше стрѣльбище. Вы мнѣ сами показывайте, а я буду смотрѣть.

Старикъ говорилъ это съ такимъ добродушіемъ и такъ просто, что я самъ, отбросивъ оффиціальнѣйшій тонъ, продолжалъ говорить съ нимъ совершенно свободно и предложилъ покуда роты будутъ собираться на учебное поле, осмотрѣть мастерскія, лазаретъ, цейхгаузъ, затѣмъ произвести ин-

спекторскій смотръ и объѣхать лагерь, а послѣ объѣда смотрѣть стрѣльбу.

— На слѣдующій день,—говорю я,—не угодно ли произвести испытаніе грамотности, сдѣлать ученіе съ маневромъ, видѣть гимнастику и фехтовку.

— Ой, ой, сколько вы наговорили,—возразилъ генералъ;—нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, отпустите меня сегодня. Я бы и остался на завтра, да тороплюсь въ Вильну. Тамъ, видите-ли, батенька, у меня остался сынишко, славный мальчуганъ, но такой бѣдовый, матери въ грошъ не ставитъ, умный такой; онъ безъ меня тамъ что-нибудь натворитъ, пожалуй, и мать отколотитъ.

„Нечего сказать, умный, славный“, подумалъ я.

Несмотря на быстрый обходъ мастерскихъ, лазарета и пейхгауза, изъ нѣсколькихъ вопросовъ казначею, доктору и мастеровымъ было видно, что Лабинцевъ отлично знаетъ хозяйство и потребности армейской части. Инспекторскій смотръ его былъ соблюденіемъ одной формальности и состоялъ только въ опросѣ людей, да и это было сдѣлано крайне оригинально. Приказавъ задней шеренгѣ отступить шаговъ на 10, а передней повернуться къ ней лицомъ, не вызвавъ въ сторону унтеръ-офицеровъ, корпусный вошелъ въ улицу, образованную шеренгами, и, заложивъ руки назадъ, ни на кого не смотря, быстро пошелъ съ лѣваго фланга къ правому, бормоча обычные вопросы: „роздано-ли жалованье, довольны-ли пищею, получается-ли провіантъ, нѣтъ-ли претензій?“ Никто этихъ вопросовъ не могъ разслышать, потому что они произносились скороговоркою, подрядъ, но все-таки по фронту шелъ гулъ и слышались громкіе отвѣты: „получали, довольны, не имѣемъ“. Въ ротахъ знали, что чѣмъ громче отвѣтять, тѣмъ корпусный будетъ доволенъ. Дѣлалъ-ли Лабинцевъ подобный опросъ изъ лѣности, или былъ того мнѣнія, что какъ ни опрашивай солдата въ массѣ, онъ въ присутствіи товарищей никогда почти не выскажется, — рѣшить трудно; но ясно только то, что отъ подобныхъ инспектированій никакой пользы быть не можетъ.

Дойдя до праваго фланга, Лабинцевъ остановился и, пристально оглядѣвъ музыкантовъ, обратился ко мнѣ:

— Скажите, полковникъ, вѣдь вы ничего не получили на покупку инструментовъ?

— Ничего,—отвѣчаю я.

— На какія же средства вы ихъ приобрѣли и нанимаете учителя?

— На экономическія средства баталіона.

— Но у васъ есть другіе расходы на многое, чего казна не отпускаетъ. Почему же вы не просите, чтобы вамъ возвратили затрату?

— Я не считаю себя въ правѣ, потому что музыкантовъ по штату въ стрѣлковыхъ баталіонахъ не полагается.

— Знаю-съ, но дѣло это весьма полезное. Извольте подать мнѣ счетъ, что вамъ стоило заведеніе хора; я сдѣлаю представленіе, чтобы деньги были возвращены баталіону.

Добрый старикъ не предвидѣлъ, что его представленіе будетъ потомъ поводомъ непріятныхъ для меня объясненій. Какъ на смотрѣ, такъ пріѣхавъ ко мнѣ объѣдать, корпусный командиръ былъ въ такомъ изношенномъ и затасканномъ мундирѣ, смотря на который можно было потерять аппетитъ.

По окончаніи стрѣльбы, произведенной двумя ротамъ, я предложилъ Лабинцеву взглянуть на гимнастику. Онъ долго отпѣкивался; но когда я доложилъ, что на это потребуется не болѣе получаса и что не стрѣлявшія роты ждутъ его у городка, находящагося по пути къ городу, то согласился. Стрѣлки, раздѣленные на партіи по числу машинъ, по сигналу начали свое дѣло. Въ одномъ мѣстѣ они подымались по канатамъ и шестамъ вверхъ, въ другомъ—прыгали въ ширину и черезъ лошадь, въ третьемъ—штурмовали стѣнки; одни переносили товарищей черезъ рвы, другіе обѣгали въ данное время арену. Лабинцевъ угрюмо посматривалъ на все молча и, простоявъ минутъ 10, велѣлъ остановить упражненія. Всѣ ожидали, что-то онъ скажетъ.

— Все это, батенька мой, пустяки,—заговорилъ старикъ.—Мы на Кавказѣ безъ всякихъ вашихъ гимнастикъ брали такіе скалы, что у васъ шапка свалилась бы, если бы взглянули на верхушку. По моему, все это нѣмецкія штучки, которымъ русскому человѣку учиться нечего. Нашъ мужичекъ съ дѣтства всякую гимнастику проходитъ.

„Вотъ такъ оцѣнилъ! — подумалъ я. — Мы старались,

строили, учили, солдаты изъ кожи лѣзли показать свою ловкость и силу, а онъ говорить — все это пустяки! А въ сущности не правъ-ли старикъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ, и съ этою мыслью я отвезъ его на квартиру, откуда онъ черезъ полчаса уѣхалъ въ Вильну. Больше мы съ нимъ не встрѣчались въ жизни; но много я слышалъ о немъ оригинальнаго, начиная съ женитьбы.

Пригласилъ его въ Варшавѣ, въ Саксонскомъ саду, дочь бѣднаго учителя. Узнавъ гдѣ онъ живетъ, Лабинцевъ дѣлаетъ ему визитъ. Скромный учитель не можетъ понять, что означаетъ посѣщеніе полнаго генерала и корпуснаго командира и не знаетъ, о чемъ говорить съ нимъ. Просидѣвъ четверть часа, генералъ встаетъ, хозяинъ провожаетъ его; посѣтитель надѣлъ уже шинель и собираясь надѣвать калоши, вдругъ вспоминаетъ за чѣмъ онъ пришелъ.

— Извините, — говорить онъ учителю, — я и забылъ, что пришелъ къ вамъ по дѣлу. Я хочу жениться на вашей дочери; скажите мнѣ прямо: согласны вы отдать ее за меня или нѣтъ? Если не согласны, такъ я и уйду; а если согласны, то вернемся въ комнаты и потолкуемъ.

Какъ ни былъ учитель пораженъ подобною манерою сватовства, но все-таки пригласилъ 65-ти-лѣтняго жениха снять шинель и вернуться.

Свадьба состоялась; но баронъ Врангель и другіе близкіе къ Лабинцеву говорили, что незавидны были ея послѣдствія. Старикъ былъ скупъ до безобразія. Нарядя молодую жену для выѣздовъ, онъ дома не зналъ предѣла скряжничеству. Его передняя освѣщалась салнымъ огаркомъ; въ кабинетѣ, гдѣ онъ принималъ начальниковъ дивизій, стояла кровать его сына, со всѣми ночными принадлежностями; отрепанный деньщикъ нерѣдко прерывалъ совѣщаніе генераловъ словами: „Пожалуйте денегъ на селедку“, и Лабинцевъ при всѣхъ вынималъ изъ стола мѣдный пятакъ.

По прибытіи въ Волковыскъ, я былъ удивленъ, увидя въ уѣздномъ городѣ церковь построенную на выгонѣ, въ видѣ барака, изъ хвороста обмазаннаго глиною. Но и подобною церковью православное населеніе было обязано русскому солдату. Въ 1855 году тамъ квартировалъ уланскій полкъ. Въ городѣ не оказалось или, вѣрнѣе, не хотѣли отвести дома, въ

которомъ можно бы было поставить походную церковь; поэтому полкъ своими средствами устроилъ баракъ, который, по уходѣ полка, былъ обращенъ въ приходскую церковь. Грустно было видѣть подобное равнодушіе властей къ первой религіозной потребности. Изъ разспросовъ мѣстнаго священника оказалось, что уже нѣсколько лѣтъ какъ постройка церкви утверждена, составлены планы, ассигнованы были деньги, объявлены торги на постройку и подрядчикомъ явился, конечно, еврей; что лѣтъ пять назадъ было даже приступлено къ заготовкѣ матеріала, но на этомъ и остановились. Городское управленіе, состоящее исключительно изъ евреевъ и католиковъ, затѣяло переписку о томъ, что постройка церкви на площади, стѣснить въ базарные дни торговлю. Благодаря польскому вліянію, дѣло, подѣ различными предлогами, затянулось, и, черезъ 12 лѣтъ по утвержденіи плана, на избранномъ для храма мѣстѣ, мы видѣли только груды камней и десятка два бревенъ, на которыхъ играли жиденята. Чѣмъ это кончилось — неизвѣстно. Можетъ быть и теперь православное населеніе Волковыска молится въ балаганѣ изъ хвороста.

Вообще, положеніе церквей и православнаго духовенства въ Литвѣ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, находилось въ самомъ плачевномъ состояніи. Священники не смѣли ни въ чемъ противорѣчить пану-помѣщику и мѣстному ксендзу. Самое отправленіе церковной службы производило тяжелое впечатлѣніе. Въ мѣстечкахъ, гдѣ не было войскъ, въ самые большіе праздники можно было видѣть въ церкви только двухъ-трехъ старухъ, да солдата-калѣку. Все прочее, по названію православное населеніе, наполняло костелы. Тамъ, гдѣ священникъ предпринималъ что-либо для привлеченія народа въ храмъ, полякъ-помѣщикъ дѣлалъ ему всякія каверзы, жаловался, что русскій попъ отрываетъ крестьянъ отъ работъ и пропагандируетъ неповиновеніе помѣщикамъ. Въмѣсто заступы, со стороны начальства и администраціи, священникъ получалъ репутацію челоуѣка безпокойнаго, иногда переводился въ бѣднѣйшій приходъ, или требовался за 300 верстъ для объясненій въ консисторію, что всегда стоило ему денегъ. Между тѣмъ, при малѣйшемъ желаніи поддержать православіе, было бы не трудно утвердить его, сдѣлать господствующимъ въ

краѣ. Тамъ, гдѣ стояли войска, помѣщики и ксендзы держали себя осторожнѣе, особенно если видѣли, что начальство относится къ мѣстному священнику сочувственно и готово поддерживать его. Въ бытность въ Литвѣ съ гвардіею, можно было не разъ убѣдиться въ этомъ. Стоило только объявить, что въ церкви будутъ пѣть солдаты, или что священникъ будетъ въ новомъ, пожертвованномъ офицерами облаченіи, какъ храмъ наполнялся молящимися. Даже звонъ, исполняемый по-россійски, а не католическимъ качаніемъ колокола, привлекалъ молящихся. Всѣ эти мелочи указывали народу, что мы не боимся гласно заявлять православные обычаи, не прячемся. Но стоило баталіону выйдти изъ села или города, какъ священникъ опять попадалъ подъ гнетъ ксендза и пана.

Въ первый же годъ службы моей въ арміи, мнѣ пришлось испытать всѣ тѣ столкновения съ мѣстными властями, всѣ непріятности, которыя, къ сожалѣнію, достаются на долю войскъ, стоящихъ въ провинціи. Все, что распорядительные комитеты, или квартирныя комиссіи, по закону обязаны давать войскамъ, приходилось выпрашивать какъ одолженіе, жаловаться, писать губернатору, просить заступничества начальства, или протекціи свыше. Эта ли неурядица, или другія соображенія были причиною, что, среди разгара лѣтнихъ занятій и заботъ о лучшемъ устройствѣ баталіона, получено было увѣдомленіе, что онъ осенью переводится въ мѣстечко Стравеники, Ковенской губерніи. Такое распоряженіе обезкуражило всѣхъ; оно уничтожало всѣ труды и заботы объ устройствѣ баталіона. Я вооружился противъ этого всѣми мѣрами, писалъ письма въ Вильну корпусному командиру, въ Варшаву, въ Петербургъ, представляя всѣ послѣдствія будущей стоянки, и мнѣ удалось отдѣлаться отъ нея; вмѣсто Стравеникъ баталіону назначили Сувалки. Я хлопоталъ не для себя, потому что въ это время уже состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи меня командиромъ 1-го учебнаго стрѣлковаго баталіона. На полученное объ этомъ предвареніе, я не считалъ себя въ правѣ отказываться, потому что новое назначеніе, какъ было видно изъ отзыва стрѣлковаго штаба, основывалось на лестномъ о мнѣ мнѣніи Герцога, сближало меня съ Петербургомъ и давало возможность ежегодно представлять свою часть Государю.

Изъ благодарной памяти къ бывшимъ начальникамъ, но вовсе не изъ хвастовства, заявляю, что неожиданное мое перемѣщеніе вызвало крайнее ихъ сожалѣніе. Начальникъ корпуснаго штаба писалъ мнѣ: „Неожиданное для корпуснаго командира и для меня назначеніе ваше огорчило насъ обоихъ. Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ рассчитывалъ на васъ, какъ на лучшаго будущаго командира полка въ его корпусѣ, я же просто скорблю, что мы лишились васъ“ *). Письмо же достойнѣйшаго К. К. Врангеля было еще сердечнѣе. Въ немъ было сказано: „Возвратясь вчера изъ поѣздки въ Динабургъ, я былъ пораженъ вѣстью новаго вашего назначенія. Правда, я считалъ васъ у себя въ дивизіи гостемъ, но все-таки предполагалъ служить съ вами долѣе, чѣмъ случилось, и говорю не притворно, что расстаюсь съ вами съ грустью. Сожалѣю искренно, что баталіонъ лишается въ васъ командира, котораго никто замѣнить не можетъ. Самъ же я теряю сотрудника и сослуживца, раковыхъ мало находилъ въ продолженіе своей долготѣйшей службы. Это не комплементы, которыхъ я говорить не умѣю, но голосъ искреннаго моего чувства“ **). Письма эти и подобныя имъ, я сохраняю и горжусь ими.

Преемникомъ моимъ былъ назначенъ маіоръ, съ крайне оригинальными взглядами и убѣжденіями. Онъ долженъ былъ пріѣхать съ крайняго юга, и потому мнѣ пришлось ждать его болѣе мѣсяца. Наконецъ узнаю, что онъ прибылъ, и немедленно посылаю адъютанта и казначея представиться новому командиру. Какое онъ на нихъ сдѣлалъ впечатлѣніе — я не знаю, но когда онъ самъ явился ко мнѣ, какъ къ старшему, то, при первомъ же разговорѣ съ нимъ, я понялъ, что баталіонъ переходитъ не въ завидныя руки.

Между разговоромъ объ офицерахъ онъ спрашиваетъ:

— Скажите пожалуйста, казначей и квартирмейстеръ здѣсь не изъ писарей?

— Вашъ вопросъ удивляетъ меня, отвѣчаю я, — вы ихъ видѣли, развѣ они походятъ на писарей?

— А жаль, продолжаетъ мой преемникъ, — эти люди опытные; они хоть себя не забудутъ, да и о командирѣ позаботятся.

*) Письмо ген.-маіора Минквица, отъ 20 іюля 1858 г.

**) Письмо ген.-лейтенанта барона Врангеля, отъ 7 іюля того же года.

Черезъ недѣлю по сдачѣ, баталіонъ долженъ былъ выступить въ Сувалки, я же, вслѣдствіе болѣзни жены, оставался еще три недѣли въ Волковыскѣ. Такъ какъ, при проходѣ черезъ Гродно, начальникъ дивизіи могъ смотрѣть баталіонъ, то я считъ долгомъ служебной вѣжливости быть при этомъ и поѣхалъ въ Гродно. Баронъ Врангель пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ на встрѣчу баталіону, которому наканунѣ было послано приказаніе къ 11 часамъ быть у заставы. Приѣхавъ минутами пятью позже, мы тамъ никого не нашли; но видимъ, что версты за полторы, на возвышеніи, показываются спѣшнѣя роты. Врангель послалъ адъютанта сказать, чтобы баталіонъ остановили въ походной колоннѣ, самъ же, выждавъ минуты 20, поѣхалъ шагомъ. Но и при этомъ мы нашли на мѣстѣ только три роты, а четвертая виднѣлась вдали. Дождавшись ее, баронъ приказываетъ выравнивать строй. Оказывается, что баталіонный командиръ не знаетъ какъ приступить къ этому: мечется съ фланга на флангъ, суетитъ офицеровъ, кричитъ и не можетъ ничего сдѣлать. Прохождение по отдѣленіямъ было плачевное. Выразивъ свое неудовольствіе, начальникъ дивизіи, садясь въ коляску, говоритъ мнѣ:

— Надо имѣть особое умѣнье такъ изгладить то, чѣмъ я такъ восхищался два мѣсяца назадъ. Развѣ не прискорбны подобныя явленія?

Встрѣтивъ потомъ въ городѣ одного изъ ротныхъ командировъ, я спрашиваю:

— Объясните мнѣ, какая причина тому, что я видѣлъ при вступленіи. Я положительно не узналъ баталіона.

Съ волненіемъ въ голосъ онъ отвѣчалъ:

— Мы не виноваты, полковникъ. Что же намъ было дѣлать, когда, съ самаго выступленія изъ Волковыска, мы не только не видали баталіоннаго командира, но даже не получали ни одного приказа. О томъ, что начальникъ дивизіи будетъ встрѣчать насъ, мы узнали только сегодня и то по слухамъ, другъ отъ друга.

Не ясно ли это доказываетъ, какъ въ военной службѣ все зависитъ отъ личности командира, какъ важенъ его выборъ и какъ легко, самую благоустроенную и выученную часть, разстроить въ самое короткое время.

Потомъ оказалось, что мой преемникъ такъ отрекомендовалъ

себя въ Сувалкахъ, что черезъ годъ лишился баталіона. Всѣ лучшіе офицеры ушли отъ него, и пять изъ нихъ перешли ко мнѣ въ 1-й учебный батальонъ.

Только въ первыхъ числахъ октября я могъ выѣхать, съ оправившеюся отъ болѣзни женою, изъ Волковыска. Мнѣ хотѣлось заѣхать въ Сувалки, чтобы тѣмъ же оплатить офицерамъ за обѣдъ, который они дали мнѣ по сдачѣ баталіона. Дабы пробраться изъ Гродны въ Сувалки предстояло сдѣлать 70 верстъ проселкомъ и изъ нихъ 30 сплошнымъ лѣсомъ, про который говорили, что въ немъ, особенно въ осеннія ночи, не совсѣмъ безопасно. Почтового тракта не было, — потому пришлось нанять въ Гроднѣ евреевъ и ѣхать съ покормкою на серединѣ дороги. Жена съ новорожденнымъ ребенкомъ помѣстилась въ каретѣ, я же, съ перешедшимъ ко мнѣ адъютантомъ баталіона, барономъ Иксулемъ, въ коляскѣ. Надежда проѣхать лѣсъ засвѣтло оказалась напрасною; мы въѣхали въ него когда уже начинало смеркаться. Черезъ часъ пошелъ дождь и наступила непроницаемая темнота. Дорога чѣмъ дальше, тѣмъ становилась хуже: пни, корни громадныхъ деревьевъ затрудняли до того, что пришлось все время ѣхать шагомъ, подъ ежеминутнымъ страхомъ опрокинуться или сломать экипажъ. Среди этихъ ощущений, при мракѣ и завываніи вѣтра въ дремучемъ лѣсу, вдругъ слышимъ крики: „Стой, стой!“ и нѣсколько человѣкъ съ фонарями окружаютъ остановившуюся карету. Иксуль, схватясь за револьверъ, выскочилъ изъ коляски и побѣждалъ впередъ, но услыша знакомые голоса, называвшіе жену мою по имени, крикнулъ мнѣ: „Это наши выѣхали на встрѣчу!“ Оказалось, что нѣсколько офицеровъ баталіона, зная, что въ этотъ вечеръ я долженъ приѣхать въ Сувалки, выѣхали верстъ за 12 и ждали насъ въ самомъ дурномъ мѣстѣ, у спуска съ горы къ плохому мосту черезъ рѣчку. Подобное вниманіе не могло не тронуть меня. Двое, съ фонарями въ рукахъ, поѣхали впереди, прочіе верхами возлѣ экипажа. Черезъ полчаса мы выѣхали на шоссе. Трудно выразить ту радость, которую испытываетъ путникъ, когда, въ глухую октябрьскую ночь, изъ дремучаго лѣса, съ адской дороги, выбирается на шоссе.

Въ Сувалкахъ, благодаря старанію офицеровъ, намъ была отведена отъ города прекрасная, можно сказать роскошная, квартира. На слѣдующій день, въ залѣ мѣстнаго клуба, я далъ

офицерамъ обѣдѣ. Взаимныя изъясненія благодарностей и сказанныя рѣчи вызвали съ ихъ стороны демонстрацію, которая могла бы имѣть недобрыя для меня послѣдствія, но, къ счастью, о ней едва ли узнали, а можетъ быть и не хотѣли придавать значенія естественному увлеченію молодежи. Желали ли офицеры показать моему преемнику на сколько они не довольны имъ, или изъ дѣйствительной признательности ко мнѣ, но они на подъѣздѣ клуба силою посадили меня на кресло и, предшествуемые хоромъ музыки, отнесли по самой людной улицѣ на квартиру. Подобное шествіе не могло не возбудить общаго любопытства публики, вызванной музыкою къ окнамъ, на балконы и на подъѣзды домовъ. Поляки, какъ охотники до демонстрацій, не зная кого и почему такъ чествуютъ, аплодировали, махали платками. Не смотря на полное мое сопротивленіе, избавиться отъ этой продѣлки не было никакой возможности. Потомъ мнѣ думалось: а что если кто-либо, изъ желанія повредить мнѣ, или показать свою полицейскую исправность, донесетъ объ этомъ, какъ о нарушеніи общественнаго спокойствія, или о демонстраціи офицеровъ противъ новаго командира? Вѣдь всякое самое невинное увлеченіе, самый добродушный поступокъ, можно перетолковать какъ угодно; но все обошлось безъ послѣдствій.

На слѣдующій день нѣсколько офицеровъ снова провожали насъ до первой станціи, а затѣмъ черезъ три дня, 17 октября, въ ясный осенній день, мы приѣхали въ то самое село Медвѣдь, о которомъ я упоминалъ въ 1-й главѣ моихъ воспоминаній. Такимъ образомъ, послѣ годовой жизни въ провинціи, я снова приблизился къ Петербургу, и если не прямо, то косвенно поступалъ подъ гвардейское начальство, такъ какъ новый мой батальонъ долженъ былъ ходить въ красносельскій лагерь.

Изъ годичной моей службы въ арміи я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе: тамъ начальство гораздо сердечнѣе относится къ положенію части и къ каждому изъ офицеровъ; тамъ командиръ полка или отдѣльнаго батальона встрѣчаетъ въ начальствѣ больше участія, а потому и значеніе его выше; впрочемъ, проведя всего годъ, да еще въ стрѣлковомъ батальонѣ, гдѣ составъ офицеровъ болѣе или менѣе избранный, еще нельзя было вполне судить объ армейской службѣ. Впослѣдствіи мнѣ уда-

лось узнать ее глубже, а потому въ своемъ мѣстѣ я еще возвращусь къ этому предмету.

Село Медвѣдь рѣзко дѣлится на двѣ разнохарактерныя части: меньшую составляютъ обывательскіе дома и погостъ, большая — представляетъ собою отдѣльный военный городокъ, состоящій изъ множества значительной величины казенныхъ зданій, прочно построенныхъ еще при Аракчеевѣ. Эти постройки до сихъ поръ стоятъ въ полной цѣлости, тогда какъ казармы, возведенныя впослѣдствіи, уже требовали безпрестанныхъ поправокъ, а теперь, говорятъ, приходятъ въ ветхость. Подъѣзжая къ Медвѣдю со стороны Пскова, съ крутой горы вы видите на другой сторонѣ рѣки Мшаги массу небѣленныхъ каменныхъ зданій. Въ нихъ, безъ стѣсненія, могли бы помѣститься два полка, со всѣми заведеніями и офицерскими квартирами, но тогда стояли всего три батальона, причемъ всѣ строенія предполагавшагося къ переводу туда кадетскаго корпуса, съ директорскимъ домомъ и новыя казармы оставались пустыми. Въ селѣ было не мало каменныхъ домовъ, со всевозможными лавками, въ которыхъ можно было найти все необходимое для жизни.

Мнѣ предстояло принять часть опять отъ человѣка, лишившагося ее по особому случаю. Въ батальонѣ, въ числѣ рядовыхъ, находились 175 человѣкъ дворянъ. Это были по преимуществу сыновья выслужившихся въ офицеры солдатъ, которые, дослуживши до извѣстнаго чина, получали дворянство. Они начинали воспитаніе въ батальонахъ военныхъ кантонистовъ, откуда, за лѣность и дурное поведеніе, выписывались въ учебныя полки, преобразованныя въ стрѣлковые батальоны. Предмѣстникъ мой, получая частыя жалобы на ихъ непокорное поведеніе, нашелъ несправедливымъ изъятіе этихъ дворянъ отъ работы, исполняемыхъ прочими нижними чинами. Полагая, что неунизительный для дворянина трудъ воздержитъ этихъ сорванцовъ отъ проступковъ, онъ приказалъ назначить ихъ для разрытія стрѣлковаго вала и устройства новаго на другомъ мѣстѣ. Но изъ 175 человѣкъ пошло на работу только 11, прочіе, не смотря на всѣ увѣщанія и внушенія, отказались. Три дня имъ дано было на размышленіе объ ихъ поступкѣ, какъ о явномъ ослушаніи и нарушеніи дисциплины, съ тѣмъ, чтобы тѣ, которые одумаются, сами присоединились къ работавшимъ.

Почти все так и поступили, но 7 человек не хотели покориться, говоря, что они ни под каким видом не уступят требованию начальства. Командир батальона, в виду, того, что при значительном числе нижних чинов из дворян, дух непокорности мог бы вновь развиться и что только примечное и быстрое наказание может остановить зло, высылка этих семерых розгами и сам донес об этом, как о необыкновенном происшествии, на Высочайшее имя. Вот причины, почему повелено было заменить его другим, и батальон перешел в мои руки.

Командование 1-м учебным стрелковым батальоном, в течении 2 1/2 лет, придало мне много опытности. Хотя в продолжении их и пришлось испытать не мало хлопот и затруднений, но все-таки это была весьма полезная школа для жизни и службы. Состав офицеров представлял два совершенно различные кружка. Младшие офицеры, из бывших кадет, занимали штабные должности: адъютанта, казначея, квартирмейстера; старшие, командовавшие ротами, все были из выслужившихся фельдфебелей, люди пожилые, хорошие служаки в смысле исполнительности и строя, но уже несоответствовавшие тем требованиям, которым должен был удовлетворять стрелковый батальон, да еще учебный, имевший целью готовить унтер-офицеров для армии. Когда состав младших офицеров был пополнен, переводом нескольких из бывшего моего батальона, старые ротные командиры сами поняли, что новое дело им не по силам. Одни по собственному желанию оставили службу, другие просили о переводе их в пехоту.

По обновлении офицерского состава, вести образование стрелков было легко, тем более, что состав нижних чинов, почти из мальчиков-кантонистов, от 18 до 21 года, представлял самый пригодный материал. Что касается поведения этих головорезов, то с этим сначала пришлось порядочно повозиться. Но когда они увидели несколько примечных выисканий по суду и исключения в армию ранее срока, с потерю прежней службы, то при строгом внутреннем порядке нравственность быстро поправилась. Много помогло этому и возбуждение в юношах самолюбия, поощрение хороших, заботливость о их быте, развитие понятий о чести. Молодые

ротные командиры принялись за дело с любовью; бывшие кантонисты увидели, что система обмана показанием товара лицом исчезает, что все делается гласно и оценивается справедливо. Им льстило и то, что офицеры, при всей серьезности отношений, обращались с ними не побурбонски. Стрельба сознательная и вновь введенная гимнастика и фехтование понравились им больше строевых требований. Результатом этого было то, что серьезные проступки прекратились, и тем же стрелки, которых местные жители годь назад боялись как огня, мало-по-малу приобрели общее расположение.

Ближайший начальник учебных стрелковых батальонов своим знанием стрелкового дела и полною к нему любовью, много облегчал командование, в смысле образования. При всей своей строгости и педантичности требований, часто выражаемых в тяжелой форме, молодые офицеры, прошедшие через учебные стрелковые батальоны, приобретали и знание, и опытность по своей специальности. Смотры этого генерала, и опытность по своей специальности. Смотры этого генерала, длившиеся иногда больше недели, делались два, а иногда и три раза в год. Выдерживать их было не легко, вследствие их излишней и бесполезной мелочности. Одна проверка сумм, редко превышавших 6 или 7 тысяч, длилась несколько часов, причем офицеры, облеченные в полную парадную форму, все время стояли. Тому, кто знал благородство характера и оригинальность начальства, легче было переносить подобное, но другие видели в этом недовольство. Весьма было жалко, что столь полезный в образовательном отношении деятель был совершенно не сведущ в войсковом хозяйстве, о котором имел самые превратные понятия и часто, из упрямства и желания показать будто он все знает, заявлял такие требования, которые прямо уличали его в противном. Так однажды он официально запросил: в какую книгу записаны на приход деньги пожертвованные офицерами на устройство ротных библиотек, тогда как ему был представлен о них отчет. Он не довольствовался этим и продолжал запрашивать, по какой книге он значится на приход? Как ему ни доказывали, что частное пожертвование на предмет не входящий в штаты и табели, не может быть заносимо в казенные книги, он не верил и только тогда прекратил переписку, когда официальным же рапортом

его просили дать предписание: куда прикажетъ внести пожертвованія? Оригинальность его понятій о хозяйствѣ еще болѣе обнаружилась, когда мнѣ пришлось сдавать батальонъ.— Желая, чтобы моя часть была устроена въ лагерѣ не хуже другихъ, я возвелъ для нея, въ первый же годъ, безъ всякаго отпуска отъ казны, всѣ лагерныя постройки, по образцу гвардейскихъ батальоновъ, что стоило болѣе 4-хъ тысячъ. Черезъ два года, въ тотъ же лагерь, долженъ былъ вступить другой батальонъ, не употребившій ни копѣйки на лагерное устройство. Я потребовалъ, чтобы моему батальону была возвращена половина сдѣланныхъ имъ затратъ, въ противномъ случаѣ заявилъ, что перенесу половину построекъ въ полученный мною полкъ. Генераль заупрямился, возбудилъ переписку, жаловался новому моему начальству, и конечно остался не причемъ.

Ежегодный походъ батальона изъ Медвѣдя въ Красное село давалъ возможность представлять его Государю и отдѣльно и вмѣстѣ съ другими частями. При первомъ же смотрѣ было замѣтно, что у Его Величества еще сохранилось нѣкоторое предубѣжденіе противъ бывшихъ учебныхъ полковъ. Дѣлая замѣчаніе о неправильности бѣглаго шага, онъ сказалъ мнѣ:

„Прошу вывести эти учебныя замашки и сноровки“.

Дней черезъ 10, встрѣтя возвращавшійся съ ученія батальонъ, Государь приказалъ остановить его, пропустилъ мимо себя бѣгомъ, и остался доволенъ, хотя вся перемена въ обученіи состояла въ томъ, что былъ только увеличенъ размѣръ шага. Въ слѣдующемъ 1859 году всѣ смотры прошли отлично. На маневрахъ батальонъ всегда назначался въ авангардъ и часто придавался къ головной кавалерійской части, въ которую обыкновенно входилъ конвой Государя. Видя учебныхъ стрѣлковъ впереди, неотстававшими отъ кавалеріи, Его Величество хвалилъ ихъ выносливость и смѣтливость, за что не разъ говаривалъ „это мои скороходы“. Но, въ концѣ лагеря 1860 года, эти скороходы заслужили сильный гнѣвъ Царя. Были большіе маневры, начинавшіеся авангарднымъ дѣломъ близъ Гатчины. Батальонъ на ночь занималъ аванпосты по рѣчкѣ Пудости, противъ находившейся въ полуверстѣ деревни. На слѣдующій день начало дѣйствій было назначено въ 6 часовъ утра. Часовъ въ 7, Великій князь Николай Николаевичъ, командовав-

шій нашею стороною, пріѣхавъ къ мосту на рѣчкѣ, потребовалъ меня къ себѣ:

„Такъ какъ непріятель долго не начинаетъ наступленія,—сказалъ онъ,—то спугни его. Прикажи, по знаку, который дамъ отсюда платкомъ, твоей цѣпи перейти рѣчку, подняться къ деревнѣ, дать нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ возвратиться на свою позицію; но переправы, ни подъ какимъ видомъ, не уступать, а я пришло на подмогу саперный батальонъ“.

Давъ условный знакъ, Великій князь уѣхалъ. Стрѣлки живо перешли рѣчку въ бродѣ, подбѣжали на выстрѣлъ къ деревнѣ, занятой Финляндскимъ полкомъ, дали залпъ и возвратились за рѣчку. Полкъ въ это время еще не надѣвалъ аммуниціи, но живо собрался и двинулся впередъ. Мѣстность, занятая батальономъ у самой рѣки, представляла болотистый берегъ, покрытый такими сплошными кустами, чрезъ которые трудно было пробраться даже по одиночкѣ. Черезъ двѣ минуты поднялась сильнѣйшая пальба. Всю долину рѣки затянуло сплошнымъ дымомъ; то въ одномъ, то другомъ мѣстѣ слышны были крики ура! Проѣхать къ рѣкѣ верхомъ, чтобы узнать что тамъ творится, не было никакой возможности. Пробовавшие это вязли по грудь лошади и возвращались; между тѣмъ, съ праваго фланга прислали сказать, что держаться долѣе нельзя и что стрѣлковый батальонъ Императорской Фамиліи сильно напираетъ, несмотря на то, что саперный уже прибылъ поддержать находившуюся тамъ роту. Видя, что ружейная трескотня, барабанный вой и крики не уменьшаются, я приказалъ отступать. Но было уже поздно: обѣ стороны пришли въ азартъ, въ кустахъ произошла свалка. Когда роты выбрались на поляну, мнѣ подали 7 изогнутыхъ шомполовъ, которыми, вѣроятно безъ умысла, а второпяхъ, стрѣляли въ нашу цѣпь съ противоположной стороны, и подвели стрѣлка, у котораго ранецъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ проколотъ штыками. При первой остановкѣ, къ батальону подѣхалъ начальникъ штаба, графъ Барановъ и, съ явнымъ неудовольствіемъ, началъ высказывать, что на мой батальонъ жалуются за драку, что на противной сторонѣ есть раненные, и что Государь крайне недоволенъ. Я отвѣтилъ, что теперь ничего не могу сказать о томъ, что происходило, что мои стрѣлки были обороняющи-

мися, слѣдовательно не они, а на нихъ нападали, и что у меня есть доказательство, что въ нихъ стрѣляли шомполами.

Подъ вечеръ, на бивакъ батальона пріѣхалъ полковникъ Рейбницъ, назначенный по Высочайшему повелѣнію произвести слѣдствіе. До поздней ночи собирались и записывались показанія съ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Хотя никто не считалъ себя виноватыми, но одна мысль, что Государь, всегда такъ лестно отзывавшійся о батальонѣ, недоволенъ имъ, сильно всѣхъ огорчала.—На утро батальону предстояло, пройдя версты 4 впередъ, прикрыть построенныя на высотахъ батареи. Во время этого передвиженія, Великій князь Николай Николаевичъ обгоняетъ насъ, подзываетъ меня и говоритъ, что въ батальонѣ Императорской Фамиліи одинъ изъ раненыхъ штыкомъ въ горло, ночью умеръ, и что Государь сильно разгнѣвался. Когда я рассказалъ какъ было дѣло, и какъ противная сторона не исполнила извѣстнаго маневреннаго правила остановиться въ 50 шагахъ отъ цѣпи обороняющихся, то Его Высочество сказалъ:

— Государю доложено, что всему виною твой батальонъ и потому будь готовъ на сильную распечку.

Хотя стрѣлки и не слышали этой фразы, но предчувствовали, что предстоитъ гроза, и какъ только завидѣли на возвышеніи у батареи свиту Государя, сами собою подтянулись такъ, что по кочкамъ и ямамъ, шли стройнѣе, чѣмъ ходятъ въ манежѣ. Государь, отдѣляясь отъ свиты, одинъ, крупнымъ галопомъ подскакиваетъ къ батальону, и съ крайне гнѣвнымъ выраженіемъ на лицѣ, приказываетъ мнѣ: „Останови батальонъ“. Затѣмъ, въѣхавъ внутрь колонны, сталъ такъ сильно выражалъ свое неудовольствіе, какъ никогда ни прежде, ни послѣ мнѣ не приходилось слышать и видѣть его такъ сердящимся.

— Уведи ихъ прочь! — сказалъ онъ мнѣ, отъѣзжая къ батарее.

Я повелъ батальонъ на ту позицію, гдѣ онъ ночевалъ, и занялъ ее для обороны. Когда передовыя части, отступая приблизились и Государь вновь увидалъ разсыпанныхъ въ цѣпи стрѣлковъ, то издали крикнулъ:

— Я сказалъ, чтобъ ихъ убрали съ глазъ моихъ.

Только военный читатель пойметъ, что я переживалъ

въ это утро. Единственно, что еще поддерживало меня, это надежда, что Великій князь Николай Николаевичъ, зная подробности и то, что онъ же приказалъ ни въ какомъ случаѣ не уступать переправы, доложить Государю истину. Судя по дальнѣйшему, кажется, такъ и случилось.

Отведя батальонъ въ глубокій резервъ, я поставилъ его совершенно отдѣльно, въ лѣсу, такъ чтобы не только Царь, но и никто не видалъ его. Видимо было, что и офицеры и нижніе чины упали духомъ, тѣмъ болѣе, что въ теченіи ночи намъ не прислали ни диспозиціи, ни какихъ приказаній; мы были какъ бы исключенными изъ списковъ. При дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, приходилось только держаться подальше назадъ, за серединою боевыхъ линій. Выйдя на открытое военное поле, мы увидѣли, что высоты правѣе деревни Раскино заняты огромною батареею, и что на ея флангѣ большая группа всадниковъ; одинъ изъ нихъ отдѣлился и несется къ батальону.

— „Государь приказалъ,—сказалъ подскакавшій флигель-адъютантъ—вести батальонъ къ батарее“.

Это было уже началомъ прощенія. Полагаю, что никогда никакой стрѣлковый батальонъ не бѣжалъ въ колоннѣ такъ чисто и стройно, какъ въ этотъ разъ учебный, а бѣжать пришлось болѣе версты. Перестроясь на бѣгу-же поротно, стрѣлки заняли интервалы между орудіями, которыя въ этотъ моментъ атаковала кирасирская дивизія, и открыли дружные залпы. Это было очень эффектно и видимо понравилось, но Государь все таки не поздоровался съ батальономъ.

По окончаніи маневра, у царскаго валика, происходилъ разборъ дѣйствій, послѣ чего командиры батальоновъ: Сапернаго, Императорской Фамиліи, а равно и я, были вызваны впередъ. Государь строго началъ высказывать, каждому по очереди, свое неудовольствіе за описанное столкновеніе. Бѣдному Гарднеру, съ котораго началось, досталось больше всѣхъ, хотя саперы подошли къ концу свалки; выговоръ Давыдову былъ уже легче, такъ сказать тономъ ниже, а когда дошла очередь до меня, то замѣчанія имѣли уже видъ похвалы. Государь, совершенно спокойнымъ тономъ, сказалъ мнѣ:

— А что касается твоего батальона, то меня особенно удивляетъ, что это случилось именно въ немъ. Я два лагеря видѣлъ въ батальонѣ примѣрный порядокъ; стрѣлки твои вездѣ

представлялись отлично; за их смѣтливость и быстроту я называлъ ихъ моими скороходами. Надѣюсь, что впередъ ничего подобнаго не случится. Передай это твоимъ офицерамъ.

У меня отлегло отъ сердца и точно тяжелый камень свалился съ плечъ. Дальнѣйшій разборъ описаннаго происшествія привелъ къ оригинальному результату. Оконченное слѣдствіе было представлено командиру гвардейскаго корпуса, генералу Плаутину, который положилъ на немъ такую резолюцію: „ротныхъ командировъ, всѣхъ трехъ батальоновъ, арестовать на 3 дня каждого“. Штабъ гвардіи сообщилъ объ этомъ въ батальоны Императорской Фамиліи и Саперный, а какъ мой не входилъ въ составъ корпуса, то о немъ написали Герцогу. Сочтено ли было не совѣмъ ловкимъ, что взысканіе съ подчиненныхъ Его Высочеству было опредѣлено, не спрося его мнѣнія, или въ штабѣ инспектора забыли сообщить мнѣ резолюцію, осталось неизвѣстнымъ. Зимой я сдалъ батальонъ, и только черезъ годъ, придя опять въ лагерь, офицеры случайно враждовавшихъ частей, изъ разговоровъ между собою узнали, что одни отсидѣли подъ арестомъ, а другіе нѣтъ. Такимъ образомъ, сама судьба наказала тѣхъ, которые наступали и заступились за оборонявшихся, а саперы понесли въ чужомъ пиру похмѣлье.

Изъ Медвѣдя мнѣ довольно часто приходилось ѣздить въ Петербургъ, что не представляло особеннаго затрудненія. Можно было ѣхать черезъ Лугу, въ то время уже соединенную желѣзною дорогою съ столицею, и черезъ Новгородъ, откуда въ лѣтнее время сообщеніе пароходомъ было весьма удобно. При подобныхъ поѣздкахъ мнѣ два раза случилось имѣть объясненія съ бывшимъ въ то время военнымъ министромъ Сухозанетомъ. Такъ какъ они обрисовываютъ его взгляды, то я и даю имъ мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Первый разъ, увидя меня, онъ вспомнилъ о ходатайствѣ Лабинцева возвратить мнѣ деньги, затраченныя на музыкатскій хоръ 3 стрѣлковаго батальона, о чемъ упомянуто выше.

— Скажите мнѣ, полковникъ, обратился ко мнѣ министръ, на какія средства вы завели музыку въ вашемъ стрѣлковомъ батальонѣ?

— На средства, — отвѣтилъ я, — доставляемыя экономическими остатками батальоннаго хозяйства.

— Прекрасно! Значитъ, если были остатки, то отпускалось лишнее.

— Напротивъ, не отпускалось на многое, что было необходимо, и что приходилось заводить на хозяйственные обороты.

— Напримѣръ, назовите.

— Не отпускалось на фехтовальныя маски, на рапиры, на устройство гимнастическаго городка, на рабочій обозъ и т. д.

— Но чтобы завести все это и еще музыку, вамъ, значитъ, надо было обрѣзать отъ того, что по закону должно быть отпущено въ роты или устроено?

— Вѣроятно, отвѣчалъ я, корпусный командиръ и начальникъ дивизіи, подробно инспектировавшіе батальонъ, доносили вашему высокопревосходительству, что нашли его вполне устроеннымъ. Экономія зависитъ не столько отъ отпусковъ, сколько отъ надзора за сбереженіемъ и расходами, отъ умѣнья во-время купить и продать. Образовавшуюся экономію я не присвоилъ, а употребилъ на дѣло полезное, и по моему необходимому. Я находилъ, что для офицеровъ, стоящихъ въ глухомъ городкѣ, гдѣ нѣтъ ни общества, никакихъ развлеченій, гораздо полезнѣе послушать музыку, хотя бы самую посредственную, чѣмъ проводить вечера съ арфянками, въ цукерняхъ и трактирахъ.

— Все это вѣрно, — сказалъ министръ, — но для насъ важенъ принципъ. Разъ, что въ отдѣльномъ батальонѣ музыки не полагается, я не могу допускать исключеній. Вы экономическіе остатки употребите на музыку, а другой потянется за вами, музыку-то заведетъ, а то, что она стоила, все-таки вытянетъ изъ батальонныхъ средствъ и положить въ карманъ.

Мнѣ хотѣлось сказать, что для отстраненія этого, у васъ есть вѣрныя средства въ надзорѣ начальства и контролѣ штабовъ, но зная, что старика не убѣдишь, ограничился отвѣтомъ, что я не просилъ и не прошу возврата затраченныхъ на инструменты денегъ, и при сдачѣ подарилъ ихъ батальону.

Передъ слѣдующимъ лагеремъ, батальонъ долго не получалъ годовыхъ вещей и сапожнаго товара. Хотя по закону командиръ части, въ случаѣ неполученія вещей до 1 марта, обязанъ доносить объ этомъ на Высочайшее имя, но зная, что перепискою ничего не сдѣлаешь, я поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ ускореніи дѣла. Представляясь дежурному ге-

нералу Герштенцвейгу, надо было указать на причину приезда. На это онъ отвѣтилъ:

— Самое лучшее, доложите объ этомъ прямо военному министру. Кстати онъ теперь здѣсь въ моемъ кабинетѣ и сейчасъ выйдетъ. Скажите ему все откровенно.

Сухозанетъ подошелъ ко мнѣ съ фразой:

— Вѣроятно пріѣхали навѣстить родныхъ?

— Я пріѣхалъ, отвѣчалъ я,—доложить вашему высокопревосходительству, что батальонъ черезъ мѣсяцъ долженъ выступить въ лагерь, а у нижнихъ чиновъ нѣтъ сапогъ.

— Это что значитъ? строго спросилъ онъ.

— Сколько я ни писалъ въ московскую комиссаріатскую комиссію, довольствующую батальонъ, все напрасно,—она даже не отвѣчаетъ на мои требованія.

— Хорошо-съ, вотъ я за нее вамъ отвѣчу. Затѣмъ, обратясь къ генералу Герштенцвейгу, министръ продолжалъ: Телеграфируйте сейчасъ-же въ Москву, чтобы черезъ 24 часа сапожный товаръ и всѣ годовыя вещи для батальона были отправлены въ Медвѣдь на почтовыхъ, на счетъ управляющаго комиссіею. (Сколько помнится, имъ былъ нѣкто Поливановъ).

Если бы почаще повторялись подобныя распоряженія, не было бы надобности ни жаловаться, ни выпрашивать того, что полагается войскамъ по закону. Такія мѣры и взгляды высшаго начальства, какъ вышеприведенный, чрезвычайно ободрительно дѣйствуютъ на командировъ частей и увеличиваютъ ихъ значеніе. Прикажи тогда министръ запросить управляющаго комиссаріатскою комиссіею, почему вещи не доставлены, и какъ строго ни предпиши выслать ихъ, послѣдній навѣрное нашелъ бы десятокъ причинъ къ оправданію, отписался бы, и вещи пришли бы черезъ мѣсяцъ. Теперь-же, возвратясь черезъ недѣлю изъ Петербурга въ Медвѣдь, я уже засталъ тамъ пришедшій изъ Москвы, на четырехъ почтовыхъ тройкахъ, транспортъ съ вещами.

Частная жизнь въ Медвѣдѣ, не смотря, что это не болѣе какъ село, была чрезвычайно пріятна. Этому прежде всего способствовало просторное до роскоши помѣщеніе. Всѣ офицеры имѣли прекрасныя квартиры. Для каждого ротнаго командира, рядомъ съ казармою его роты, былъ отдѣльный домъ. Въ одной его половинѣ помѣщались младшіе офицеры, въ другой ихъ

командиръ. Батальонному командиру былъ предоставленъ двухъ-этажный домъ, со всевозможными удобствами. Только садъ отдѣлялъ его отъ другого, на томъ-же бульварѣ, гдѣ помѣщались штабные чины. Батальонъ имѣлъ такой лазаретъ, который былъ несравненно лучше полковыхъ лазаретовъ въ столицѣ. Подъ него былъ отведенъ средній этажъ зданія, предназначавшагося для кадетскаго корпуса. Въ другомъ его крылѣ было устроено мною офицерское собраніе, до того удобное, что въ немъ находилась сцена для спектаклей и большой залъ для танцевальныхъ вечеровъ, съ уборными и буфетами. Манежъ, не уступающій своими размѣрами Михайловскому въ Петербургѣ, прекрасно устроенная церковь, стрѣльбище возлѣ самыхъ казармъ; въ каждой ротѣ своя громадная столовая и такой же залъ для занятій, гимнастическія машины въ каждой казармѣ; тотчасъ за нею, вплоть до рѣки, громадный ротный огородъ, прекрасныя конюшни, гауптвахта и при ней пожарные инструменты, отдѣльныя зданія для мастерскихъ,—все это было въ полномъ распоряженіи батальона и представляло для него идеальное размѣщеніе. Тогда всѣ зданія старательно поддерживались; теперь-же, этотъ прекрасный военный городокъ, по рассказамъ недавно бывшихъ въ немъ, находится въ запущеніи. Каменные заборы обвалились, въ прежнихъ садахъ ходитъ скотъ, мостъ на псковскомъ шоссе обратился въ развалину, дороги между зданіями, походившія на дорожки парка, перепорчены, аллеи вырублены.

Всѣ три баталіона, квартировавшіе въ Медвѣдѣ, несмотря на его отдаленность отъ городовъ, жили очень весело. Въ каждомъ изъ офицерскихъ собраній два раза въ мѣсяцъ значались семейные вечера. Независимо отъ этого, въ общемъ клубѣ, устроенномъ, какъ выше замѣчено, въ зданіи корпуса, въ теченіи зимы давалось три бала и нѣсколько спектаклей. Для того, чтобы подобными общественными удовольствіями могли пользоваться пріѣзжавшіе изъ окрестностей помѣщики и офицеры квартировавшей въ 20 верстахъ, въ посадѣ Сольцы, резервной артиллерійской бригады, я устроилъ въ одномъ изъ зданій нѣчто въ родѣ меблированныхъ комнатъ, гдѣ пріѣзжіе могли имѣть бесплатно удобный ночлегъ и получать чай и обѣдъ изъ офицерской столовой, за ту же цѣну, во что они обходились своимъ офицерамъ.

Какое влияніе имѣло общество офицеровъ 1-го учебнаго стрѣлковаго баталіона, переименованнаго въ 1860-мъ году во 2-й резервный, на общественную жизнь, не только въ мѣстѣ квартированія, но и въ окрестностяхъ, можно видѣть изъ статьи, помѣщенной въ 13 номерѣ того-же года новгородскихъ губернскихъ вѣдомостей. Тамъ было напечатано слѣдующее:

„Доброе желаніе, твердая воля, заботливость и труды почти одного человѣка сгруппировали насъ въ одинъ кружокъ, устроили общественныя удовольствія, соединили ихъ съ видимою, несомнѣнною пользою. При 1 учебномъ стрѣлковомъ баталіонѣ нынѣшнею зимою устроенъ клубъ, дважды въ недѣлю открытый для обычныхъ посѣщеній и одинъ разъ для семейныхъ вечеровъ. Несмотря на значительное число членовъ, доходящее до 70, карточныхъ столовъ открывается въ клубѣ весьма мало, одинъ или два. Большая часть посѣтителей занимается чтеніемъ газетъ, журналовъ и книгъ, пожертвованныхъ командиромъ баталіона, а въ дни семейныхъ вечеровъ бесѣдами и танцами. Вѣсьма доступная годовая плата, умеренныя цѣны на предметы потребленія, принятая за прачистоту дамскихъ туалетовъ, отсутствіе всякой натянутости въ обращеніи, напротивъ: искренность и взаимное радушіе — дѣлаютъ посѣщеніе офицерскаго клуба для всѣхъ пріятнымъ. Доходы съ клуба употребляются на устройство библіотеки, на нихъ же устраиваются раза три въ зиму балы, посѣщаемые окрестными помѣщиками и ихъ семействами, пріѣзжающими на нихъ, а главное на спектакли, изъ Новгорода, Пскова и Старой-Русы.

„Устройствомъ всего этого мы обязаны командиру 1 учебнаго стрѣлковаго баталіона. Нельзя не удивляться энергіи и неутомимости, съ которыми, при служебныхъ трудахъ и при ограниченности средствъ, предпринимаются столь полезныя удовольствія и въ особенности спектакли, доставляющіе истинное наслажденіе всѣмъ посѣщающимъ ихъ, наслажденіе тѣмъ болѣе высокое и отрадное, что всѣ сборы поступаютъ на благотвореніе. Такъ, первый спектакль этой зимы давался въ пользу осиротѣвшаго семейства, состоящаго изъ матери и 7 дѣтей, оставшихся безъ всякихъ средствъ. Слѣдующее представленіе давалось на устройство библіотекъ въ каждой ротѣ.

„Такъ проводимъ мы свободное отъ занятій время, благодаря обществу стрѣлковыхъ офицеровъ и распорядительности ихъ командира. Мы не можемъ не питать къ ихъ искусству и трудамъ, къ ихъ радушію и прекраснымъ цѣлямъ душевной признательности“. (Подписано — Обыватель Бѣлавинъ).

Между тѣмъ Медвѣдь, какъ мѣсто стоянки, считалось не только глубокою провинціею, но запустѣлымъ селомъ, лежащимъ въ 60 верстахъ отъ ближайшаго города; но и тамъ, какъ видно изъ приведеннаго, при желаніи и распорядительности, не только жило пріятно и весело, но и служебное дѣло достигало прекрасныхъ результатовъ.

Два съ половиною года тамъ проведенные, вспоминаются и теперь, какъ лучшіе годы жизни и службы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1860—1862 гг.

Какъ иногда составляются служебныя репутаціи.—Назначеніе полковымъ командиромъ.—Балъ во Псковѣ.—Нѣчто о ремонтѣ зданій.—Комитетское управленіе полками.—Пріемъ полка.—Переѣздъ въ Нарву.—Разговоръ съ дежурнымъ генераломъ.—Первый годъ командованія.—Отстаиваніе полковыхъ интересовъ.—Объявленіе перемѣщенія въ Варшаву.—Сборы къ нему.—Смотръ и завтракъ въ Гатчинѣ.—Знаменательныя слова Государя.—Переѣздъ по желѣзной дорогѣ.—Вступленіе въ Варшаву.—Обзоръ событій въ Польшѣ въ 1860 и 1861 годахъ.—Подробности безпорядковъ.—Управленіе графовъ Ламберта и Лидерса.—Смерть генерала Герштенцвейга.—Маркизъ Велепольскій.—Покушеніе на жизнь Великаго князя Константина Николаевича

Еще во время лагеря 1860 года, начальникъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, баронъ Корфъ, черезъ одного изъ своихъ друзей, предварялъ меня о желаніи своемъ хлопотать, чтобы мнѣ дали Австрійскій (Кексгольмскій гренадерскій) полкъ, командиру котораго предстояло другое назначеніе. Такъ какъ я былъ совершенно доволенъ моимъ положеніемъ въ с. Медвѣдѣ и своимъ батальономъ, и вполнѣ безразлично относился къ тому, какой изъ полковъ достанется мнѣ, то преравнодушно прочелъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ „Инвалидѣ“, что командиромъ Австрійскаго полка назначается, изъ Москвы, командиръ Самогитскаго полка, полковникъ Раль. По этому поводу ходила тогда молва, что о его назначеніи сильно хлопоталъ командиръ гренадерскаго корпуса баронъ Рамзай, основываясь на томъ, что Раль старше. Оказалось, что причина хлопотъ была иная. Когда бывшій генералъ-губернаторъ Москвы, Офросимовъ, у котораго Раль былъ когда-то адъютантомъ, поздравлялъ барона Рамзая съ тѣмъ, что одинъ изъ его полковыхъ командировъ получилъ полкъ въ гвардейскомъ корпусѣ, то баронъ отвѣтилъ:

„Да, есть съ тѣмъ поздравить,—я душевно радуюсь за Самогитскій полкъ“.

Престранно иногда слагаются служебныя репутаціи. Одинъ, обладая полнымъ знаніемъ дѣла, служить усердно, всегда на лицо, какъ говорится, тянетъ ляжку безъ перерывовъ, объ отпускахъ и не думаетъ; его всѣ любятъ, о немъ съ уваженіемъ говорятъ, но только въ мѣстныхъ административныхъ кружкахъ; онъ представляетъ свою часть въ отличномъ состояніи, но выше этого не замѣчаютъ. Другой—только считается на службѣ, но не служитъ, а благодушествуетъ въ покойныхъ должностяхъ, адъютанствуетъ или состоитъ при такомъ-то, а между тѣмъ подвигается быстро; достигнувъ чина, дающаго право на командованіе, онъ принимаетъ его съ разборомъ,—гдѣ хочетъ, гдѣ пріятнѣе; онъ смотритъ на свою часть свысока, какъ бы дѣлая честь, что принялъ ее, проживаетъ при ней сколько хочетъ и когда хочетъ, не удостоивая узнать ее и не заботясь о томъ, чтобы и она узнала его. Въ результатѣ оказывается, что о первомъ забыли, а втораго считаютъ дѣльнымъ, опытнымъ и полезнымъ; его вызываютъ на совѣщанія, гдѣ онъ не говоритъ ни слова и оттого слыветъ очень умнымъ, а главное, удобнымъ. Проходятъ годы, и смотришь, сей удобный господинъ далеко обогналъ сверстниковъ, увѣшанъ орденами, сидитъ высоко, гдѣ-то тамъ, гдѣ обсуждаются самые жизненные вопросы, а онъ въ это время думаетъ о меню обѣда въ англійскомъ клубѣ. Если бы въ его прошломъ и были пятнышки, то они плотно прикрываются авторитетомъ его чина и званія.

Въ январѣ 1860 года, за нѣсколько дней до приказа, я получилъ официальное увѣдомленіе о предстоящемъ назначеніи меня командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III-го полка, стоявшаго въ Нарвѣ. Въ этотъ разъ подобное предувѣдомленіе не сопровождалось ни особыми сожалѣніями настоящаго моего начальства, о томъ, что я оставляю стрѣлковую службу, ни предвареніемъ будущаго начальства о причинахъ передачи полка въ мои руки. Только черезъ мѣсяцъ, изъ устъ Государя я узналъ, почему выборъ палъ на меня. И такъ, мнѣ предстоитъ вновь возвратиться къ гвардейской службѣ и стать во главѣ полка,

хотя и гренадерскаго, но состоящаго въ составѣ гвардейскаго корпуса.

Не безъ сожалѣнія разставался я съ селомъ Медвѣдемъ, послѣ двухъ съ половиною годичной, пріятной въ немъ жизни. Последнимъ ея проявленіемъ была поѣздка въ Псковъ, по случаю бала, который давало тамъ дворянство Государю. Балъ этотъ былъ экстренный, потому что Его Величество нарочно пріѣзжалъ для него изъ Петербурга. Случилось это вотъ почему. Еще осенью Государь возвращался изъ-за границы, отъ Вильны впервые по строившейся, но еще не вполне готовой, желѣзной дорогѣ. Къ его проѣзду черезъ Псковъ дворянство готовило балъ; но такъ какъ Императоръ почему-то особенно спѣшилъ въ столицу, то бала въ этотъ разъ не принялъ, но обѣщалъ нарочно пріѣхать для него изъ Петербурга. Губернаторъ Муравьевъ, заѣзжавшій однажды ко мнѣ въ Медвѣдь изъ Лужскаго своего имѣнія, былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня, прося привести съ собою офицеровъ. При представленіи Государю, я былъ приглашенъ къ Высочайшему столу. Во время обѣда, Его Величество подробно разспрашивалъ меня о селѣ Медвѣдѣ, о его казармахъ и стрѣльбищѣ, объ удобствахъ стоянки вообще и о сосѣднихъ помѣщикахъ. При этомъ оказалось, что изъ всѣхъ бывшихъ военныхъ поселеній Государю не довелось быть только въ Медвѣдѣ. Вечеромъ, на балѣ, взятые мною съ собою пять офицеровъ обратили на себя вниманіе своею ловкостью и представительностью. Государь спрашивалъ у меня фамилію каждаго, гдѣ воспитывался и откуда переведенъ въ батальонъ; особенно понравились ему баронъ Икскуль и братья Чайковскіе.

— „Что у тебя вся молодежь такіе молодцы и такіе ловкіе танцоры?“—спросилъ меня Императоръ послѣ мазурки.

Здѣсь же была представлена Его Величеству жена моя.

Единственно непріятное воспоминаніе о Медвѣдѣ оставила во мнѣ возня съ инженернымъ офицеромъ Степановымъ; но гдѣ же ея не бываетъ,—разъ что часть стоитъ въ казенныхъ зданіяхъ? Степановъ былъ человекъ крайне общественный, кутила, милый въ частной жизни и несносный въ служебныхъ сношеніяхъ. Все обѣщать и ничего не дѣлать—было его правиломъ. Впрочемъ, особенно винить его было бы не совсѣмъ

справедливо. Ему самолично трудно было идти въ разрѣзъ укоренившемуся обычаю.

Странная была у этихъ господъ привычка: при ремонтѣ зданій и при производствѣ построекъ, никогда не дѣлать того, что нужно и о чемъ просить командиръ части, а непременно выдумывать и вводить въ смѣту свое. Привычка, впрочемъ, понятная. Если ремонтируется то, что нужно командиру, то онъ будетъ слѣдить за работами; разъ же что дѣлается не очень для него необходимое, ему все равно какъ бы оно ни дѣлалось и чего бы ни стоило. Просишь, напримѣръ, поправить крышу жилой казармы, или переложить печи въ офицерскихъ квартирахъ,—отказъ, нѣтъ денегъ,—а въ то же время тратятся тысячи на то, о чемъ никто не просилъ. Такъ было тогда и въ Медвѣдѣ: затрачивается 2½ тысячи на ремонтъ лазарета, который и безъ того былъ въ отличномъ состояніи; производятъ на 1,000 руб исправленій въ конюшняхъ, въ которыхъ не стоитъ ни одной лошади, а нельзя было добиться поправки дымившихъ въ кухняхъ очаговъ; отпускаютъ 500 руб. на исправленіе кузницы, на что достаточно ста рублей, а два года ведется переписка о течіи порохового погреба. Теперь, вѣроятно дѣлается иначе, такъ какъ, кажется, наконецъ пришли къ убѣжденію, что никто не сдѣлаетъ обыкновеннаго ремонта дома лучше того, кто живетъ въ немъ. Это вполне доказывается примѣромъ на тѣхъ казармахъ, которыя ремонтируются полками. Но вездѣ ли введено это? Другое дѣло ремонтъ капитальный, требующій специальныхъ знаній. Впослѣдствіи намъ еще придется возвратиться къ тѣмъ не нормальнымъ отношеніямъ, которыя существовали между войсковымъ и инженернымъ начальствомъ.

Сдавать стрѣлковый батальонъ мнѣ пришлось родному моему брату, а принимать полкъ отъ генерала Яковлева, уволеннаго въ отставку. Покуда увеличившаяся семья моя собиралась къ переселенію въ Нарву, я поѣхалъ въ Петербургъ представиться Государю и гвардейскому начальству, а оттуда принимать полкъ. Въ то время всѣ гвардейскіе полки перешли уже къ комитетской системѣ хозяйства; только два гренадерскіе полка 3-й дивизіи,—Австрійскій и Пруссійскій оставались еще въ самостоятельномъ управленіи ихъ командировъ. Быть въ

Изъ Прошлаго.

исключительномъ положеніи мнѣ не хотѣлось, что я и рѣшился высказать лично Государю, при моемъ представленіи.

— Переговори объ этомъ съ графомъ Барановымъ,— сказалъ Государь, когда я доложилъ, что было бы удобнѣе всего перейти къ новому порядку при перемѣнѣ полковаго командира.

Тогда же Императору угодно было объявить мнѣ причину, почему я избранъ командовать Пруссимъ полкомъ. Это было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

— Ты, вѣроятно, слышалъ въ какой мѣрѣ полкъ отсталъ по стрѣльбѣ отъ прочихъ полковъ. Уже прошлаго года онъ былъ изъ послѣднихъ, а нынѣшнее лѣто опустился окончательно. Ты изучилъ и понимаешь это дѣло, что доказали оба твои стрѣлковыя батальона, поэтому я и одобрилъ твое назначеніе. Отправляйся съ Богомъ въ Нарву и принимайся за работу.

Прямо изъ дворца я прошелъ къ графу Баранову, въ домъ Гвардейскаго Штаба. Выслушавъ мое желаніе о комитетскомъ управленіи, не смотря на то, что оно было ему пріятно, графъ нашелъ невозможнымъ ввести его въ моему полку.

— При комитетскомъ управленіи вамъ будетъ трудно содержать полкъ въ порядкѣ, сказалъ графъ.

— Почему же? спросилъ я.

— Потому что въ петербургскихъ полкахъ главный доходъ отъ дровяной экономіи, а въ Нарвѣ отопленіе казармъ въ рукахъ коменданта.

— Такъ нельзя ли, чтобы оно перешло къ полку?

— Этого трудно будетъ достичь, хотя я и очень бы желалъ этого. Инженерное вѣдомство и комендантъ будутъ противъ, ссылаясь на заключенные ими долгосрочные контракты. Я уже пробовалъ писать объ этомъ, и убѣдился, что безъ борьбы дѣло не обойдется, а вы знаете, какъ это непріятно.

— Если комитету нельзя будетъ содержать хозяйства въ порядкѣ, то почему же вы полагаете, что мнѣ это будетъ возможно?

— Комитеты несутъ расходъ на дополнительное содержаніе своихъ членовъ и уплачиваютъ изъ экономическихъ суммъ представительныя командиру полка.

— Но если эти представительныя нужны полковому командиру при комитетскомъ управленіи, то почему же онѣ не нужны ему же безъ комитета?

— Кто же говорить, что онѣ не нужны? Пользуйтесь ими въ той мѣрѣ, которая не приносила бы ущерба хозяйственной исправности. Однимъ словомъ, дѣлайте какъ знаете, но комитета въ вашемъ полку ввести нельзя. Другое дѣло, если удастся передать отопленіе въ его распоряженіе.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, осмотрѣвшись и ознакомясь съ дѣломъ, ходатайствовать объ этомъ.

— Представляйте, пишите,—я съ своей стороны сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

Странная логика, подумалъ я, спускаясь съ громадной лѣстницы штаба: комитету нельзя содержать полка въ исправности, а полковому командиру—должно.

Пріемъ полка пришлось дѣлать по прежнимъ правиламъ, тогда какъ хотѣлось бы избавиться отъ непріятной процедуры собирать вѣдомости о недостаткахъ, оцѣнивать ихъ, опредѣлять во что обойдется исправленіе, вести переговоры съ прежнимъ командиромъ. Какъ человѣкъ съ хорошими собственными средствами, Яковлевъ на все соглашался, что еще болѣе обязывало меня къ снисходительному пріему, такъ что я вполне предоставилъ его казначею и квартирмейстру. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ бывшему командиру офицерами, обнаружилось, что его доброта и снисходительность цѣнились молодежью, громко выражавшею свое сочувствіе; старшіе же офицеры относились къ предстоявшей разлукѣ весьма сдержанно. Это было для меня полезнымъ указаніемъ. Дальнѣйшія наблюденія во время пріемки еще яснѣе указали, съ котораго конца слѣдуетъ приниматься за исправленіе недостатковъ.

Въ одинъ изъ свободныхъ вечеровъ, я нарочно отправился въ клубъ, на танцевальный вечеръ, съ цѣлью видѣть офицеровъ въ постороннемъ обществѣ и внѣ службы, и сразу попалъ на фактъ, указывающій весьма легкомысленный и патріархальный на нее взглядъ. Одинъ изъ дежурныхъ по батальону, пралорщикъ, отплясывалъ какъ ни въ чемъ не бывало, хотя могъ рассчитывать встрѣтить въ клубѣ стараго и новаго командира. „Старый допускалъ это, а новый меня не узнаетъ“, вѣрно думалось ему,—и вотъ онъ нарушаетъ весьма серьезное правило службы. Пропустить, сдѣлать видъ, что я не помню кто дежурный, или что я не узнаю его, послѣ

того, что онъ являлся ко мнѣ утромъ, значило бы на первыхъ порахъ показать слабость. Я отправилъ юношу подъ арестъ. Это произвело толки въ городѣ и между прапорщиками, но, въ то же время, какъ я узналъ потомъ, понравилось старшимъ, серьезно смотрящимъ на службу, офицерамъ. Вообще же составъ офицерскаго общества въ полку не оставлялъ желать ничего лучшаго. Если между молодежью было нѣсколько человѣкъ вѣтрянаго и несформировавшагося характера, то и это скоро поправилось: одни ушли сами, другіе увидѣли необходимость заниматься службою. Болѣе всего удивило меня то, что болѣе половины младшихъ офицеровъ были въ командировкахъ при гвардейскихъ полкахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Причина этого заключалась въ желаніи молодежи проводить зиму въ Петербургѣ. Благодаря содѣйствію графа Баранова, я достигъ того, что черезъ мѣсяцъ почти всѣ прикомандированные были возвращены въ полкъ. Первые мѣсяцы дѣла было весьма много: водвореніе внутренняго порядка, поддержка авторитета старшихъ офицеровъ, подготовленіе полка и въ матеріальномъ и въ строевомъ отношеніи къ лагерю, — все это требовало усиленной дѣятельности. Что же касается стрѣльбы, то обученіе пришлось начать съ самыхъ элементарныхъ, подготовительныхъ упражненій и вести дѣло настолько энергически, чтобы, на предстоящихъ черезъ три мѣсяца испытаніяхъ, Государь увидѣлъ успѣхъ. Кто знаетъ стрѣлковое дѣло, тотъ пойметъ, какихъ трудовъ стоитъ поправить стрѣльбу тамъ, гдѣ не было основательной къ ней подготовки и гдѣ она запущена въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Принявъ полкъ, я возвратился черезъ Петербургъ въ Мѣдвѣдь, чтобы сдать баталіонъ и взять семью. Въ теченіи трехъ лѣтъ мнѣ пришлось сдавать уже вторую часть, и въ обоихъ случаяхъ, да и впослѣдствіи, я замѣчалъ одно и то же явленіе. Покуда командуешь частью, всѣ кажутся довольными, даже преданными, и только личности особенно безпокойныя и сварливыя проявляютъ иногда, и то рѣдко, нѣкоторыя противодѣйствія взглядамъ и требованіямъ командира. Но сегодня часть сдана — и въ ней уже двѣ партіи. Одна, безпристрастная, остается при прежнихъ убѣжденіяхъ, другая, хотя и малочисленная, начинаетъ заискивать у новаго командира и осуждать все, что дѣлалось до него. Если эта партія встрѣтитъ въ но-

вомъ командирѣ сочувствіе и потворство ея критикѣ, то она разрастается, люди слабаго характера присоединяются къ ней, и, такимъ образомъ, исподволь, престижъ прежняго командира падаетъ, а иногда подтачивается и его репутація. Если же новый командиръ, человѣкъ чуждый интриги, понимающій цѣль кажущихся недовольными прошлымъ, покажетъ сразу свою самостоятельность, то все кончается попытками мутить общество и данное ему направленіе сохранится. Говорю это не столько по опыту, сколько на основаніи наблюденій, которыя могли быть продолжительны и вѣрны, потому что, въ теченіи сорока трехъ-лѣтней строевой службы, мнѣ пришлось самому сдавать и принимать четыре отдѣльныя части и быть близкимъ свидѣтелемъ, а иногда и посредникомъ пріема и сдачи 15 полковъ въ различныхъ дивизіяхъ. Полагаю, что такой рядъ наблюденій могъ привести къ правильному заключенію.

Переѣздъ изъ Медвѣдя въ Нарву, не смотря на незначительность разстоянія въ 170 верстъ, былъ сопряженъ съ большимъ затрудненіемъ, которому я самъ былъ виною. Не желая заѣзжать въ Петербургъ, я думалъ сократить путь, и изъ Гатчины свернулъ въ Красное село, чтобы оттуда выѣхать на нарвскій трактъ къ Кипени. Казалось, что никакихъ задержекъ быть не можетъ, такъ какъ вездѣ предстояло ѣхать по шоссе. Оно такъ и было, покуда не пришлось выѣхать на военное поле у Краснаго. Это было въ концѣ марта; повсюду шоссе было сухо, но когда доѣхали до Ковелахтъ, карета врѣзалась въ такіе сугробы, что никакія усилія восьми подпрягаемыхъ лошадей не могли ее сдвинуть. По счастью, въ ближайшей деревнѣ можно было нанять нѣсколько крестьянскихъ саней; на нихъ я усадилъ жену съ маленькими дѣтьми и, бросивъ экипажи въ полѣ, къ вечеру привезъ въ Красное, думая найти тамъ на ночь пріютъ въ гостинницѣ. Оказалось, что въ 25-ти верстахъ отъ столицы, въ селѣ, гдѣ оставляются войсками и Дворомъ десятки тысячъ, нельзя найти чистаго угла и постели. Всѣ гостинницы походили на грязные вертепы, наполненные полупьянымъ народомъ, чадомъ отъ постнаго масла, дымомъ махорки и прѣлью отъ мокрыхъ валенокъ и тулуповъ. Переходя изъ дома въ домъ, я неожиданно встрѣтилъ офицера моего полка, Щербинскаго, который объявляетъ, что выѣхалъ встрѣтить меня и предложить отъ имени своего дяди, красно-

сельскаго коменданта, помѣститься въ его квартирѣ, такъ какъ генералъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Черезъ 5 минутъ мы очутились въ теплыхъ, уютныхъ комнатахъ; самоваръ, постели—все было заранѣе приготовлено и, вмѣсто предстоявшихъ мученій отъ угара, грязи и сырости, мы провели ночь, какъ въ лучшемъ отелѣ столицы. Два мои экипажа были вытаснены и доставлены только къ утру, и то благодаря становому приставу, собравшему народъ, что мнѣ обошлось до 40 рублей, за 4 версты шоссе, идущаго по военному полю. Говорю объ этомъ для того, чтобы указать, что случается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ центра главнаго управленія нашими сообщеніями.

Переписка съ тѣми частями и управленіями, къ которымъ были откомандированы офицеры полка, привела меня къ не-пріятнымъ столкновеніямъ. Каждый изъ командированныхъ старался, разными протекціями, отдѣлаться отъ моихъ настоятельныхъ требованій, о возвращеніи въ свой полкъ. Гвардейскимъ же полкамъ тоже было гораздо удобнѣе, на-сколько возможно, облегчить караульную службу своихъ офицеровъ, а потому они возражали, отписывались и медлили возвращеніемъ даже тѣхъ, возвратитъ которыхъ было предписано. Надо было вести борьбу сначала на бумагѣ, а потомъ и личными докладами графу Баранову. Это то и было причиною, что мнѣ, въ самомъ началѣ командованія полкомъ, такъ сказать, новичку между полковыми командирами, да еще полковнику, когда всѣ они генералы,—пришлось потомъ убѣдиться, что нѣкоторые изъ нихъ, безъ всякаго другаго повода, затаили вражду, не разъ потомъ выходившую наружу. Такъ часто бываетъ въ жизни, что наживаешь себѣ недруговъ за то, что честно отстаиваешь интересы своей части и службы. Грустный выводъ, но приходится признать его и искать утѣшенія въ спокойствіи собственной совѣсти.

По тому же поводу была у меня тогда же переписка съ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Суворовымъ. Онъ обратился ко мнѣ частнымъ письмомъ, чтобы я оставилъ въ прикомандированіи къ кадетскому корпусу одного изъ поручиковъ, которому по старшинству слѣдовало принять роту. Я отвѣтилъ, что, при всемъ желаніи сдѣлать угодное князю, не могу допустить исключенія для его протезе, такъ

какъ это послужило бы примѣромъ несправедливости. Годъ спустя встрѣчаю я Суворова во дворцѣ Великаго князя Константина Николаевича, подхожу къ нему и извиняюсь, что не могъ исполнить его просьбы.

„И хорошо сдѣлали, отвѣчаетъ онъ. Мало-ли о чемъ просить! Иной до того пристанетъ, что не отвязаться, ну и дашь ему письмо, чтобы отсталъ“.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Петербургъ, по службѣ, я долженъ былъ обратиться къ дежурному генералу, генералъ-адъютанту Герштенцвейгу, съ просьбою о переводѣ въ полкъ офицера изъ бывшаго моего стрѣлковаго баталіона. Это былъ первый случай, что мнѣ привелось продолжительно говорить съ Герштенцвейгомъ.

Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами, генералъ предложилъ обождать, покуда приметъ всѣхъ представлявшихся, а затѣмъ пригласилъ меня въ кабинетъ. Указывая на кресло у письменнаго стола, онъ началъ съ вопроса:

— Скажите мнѣ, полковникъ, какое ваше мнѣніе о комитетскихъ управленіяхъ полками?

— Позвольте мнѣ, отвѣчалъ я, прежде узнать, спрашиваете ли вы меня официально, какъ полковаго командира, или какъ частнаго человѣка!

— Нѣтъ, мы говоримъ совершенно частно, и я потому спрашиваю васъ объ этомъ, что мнѣ говорили, будто бы вы, представляясь Государю, просили о введеніи въ вашемъ полку комитетскаго управленія.

— Совершенно вѣрно. Я сдѣлалъ это для того, чтобы никто не могъ подумать, что принимая полкъ въ гвардейскомъ корпусѣ, гдѣ введено новое управленіе хозяйствомъ, я хочу пользоваться тѣми доходами, которые въ прочихъ полкахъ подлежатъ контролю комитетовъ.

— Стало быть вы находите комитеты полезными?

— Полезными въ гвардіи, но покуда совершенно невозможными въ арміи, гдѣ нѣтъ источниковъ въ родѣ экономіи отъ отопленія, дохода отъ находящихся при казармахъ лавокъ, отъ огородовъ и проч.

— И что же, вамъ разрѣшили ввести комитетское управленіе полковымъ хозяйствомъ?

— Нѣтъ, графъ Барановъ находитъ, что при настоящемъ

положеніи полка, казармы котораго отапливаются комендантомъ, комитетъ не будетъ имѣть средствъ содержать матеріальную часть въ порядкѣ.

— Вотъ то-то и есть. Развѣ подобные взгляды справедливы? Гдѣ есть средства, тамъ ихъ отнимаютъ отъ командира, а гдѣ ихъ нѣтъ—тамъ распоряжайся какъ знаешь. Комитету разрѣшаютъ строить полку столько мундировъ, сколько его члены сочтутъ нужнымъ, переводя изъ срока въ срокъ; а если это сдѣлаетъ полковой командиръ, то его могутъ отдать подъ судъ. Гдѣ же справедливость? Кромѣ того,—поборники комитетовъ проповѣдуютъ, что сшитый солдату новый мундиръ долженъ быть ему выданъ въ носку 1-го января, а 31-го декабря обращался бы въ его собственность. Развѣ это мыслимо? Развѣ можно допустить, чтобы войска представлялись Императору, да еще въ присутствіи иностранцевъ, въ поношенной одеждѣ? Пусть бы графъ Барановъ сперва достигъ того, чтобы Государь привыкъ въ концѣ года видѣть полки въ мундирахъ годовой носки, а потомъ и вводилъ бы комитетскія управления; вѣдь ему не достичь этого, да оно было бы и неприлично. Эти господа все мечтаютъ о какихъ-то идеалахъ, забывая, что жизнь часто требуетъ совершенно противоположнаго.

— Полагаю, отвѣчалъ я, что современемъ, когда увеличатся отпуски на хозяйственные потребности и на ремонтъ вещей и когда всѣ войска получатъ казармы, комитеты будутъ имѣть свое значеніе и пользу.

— А, тогда другое дѣло, — тогда вводите что угодно; а куда этого нѣтъ, и долго еще не будетъ, нельзя однимъ давать то, чего не имѣютъ другіе, и вы увидите, что рано или поздно, все придетъ къ тому жѣ, развѣ только подъ другими формами.

Со времени этого разговора прошло 30 лѣтъ, въ теченіи которыхъ все до того измѣнилось, что сравнивать настоящее съ прошедшимъ почти невозможно; но мысль, что полезное въ столицѣ не всегда достигаетъ цѣли въ провинціи, остается вѣрною. Въ гвардіи комитетскія управления если и не дали ожидаемыхъ результатовъ, то не привели полковыхъ хозяйствъ въ упадокъ; въ арміи же, гдѣ ихъ вводили въ видѣ опыта, они дали результаты отрицательные, что и привело къ повсемѣстному закрытію комитетовъ и къ введенію новой системы хозяйства, представляющей нѣчто среднее между абсолютною

властью командира и комитетами. Пророчество Герштенцвейга сбылось: теперь мы видимъ въ полкахъ завѣдывающихъ хозяйствомъ, а полковой командиръ, подъ извѣстными условіями, является снова единственнымъ хозяиномъ полка.

Первый мой лагерь въ званіи командира полка прошелъ вполне удачно. Благодаря общему усердію моихъ помощниковъ, результаты стрѣльбы, стоявшей годъ назадъ ниже рядовъ, оказались такими, что полкъ обогналъ многихъ, а стрѣлковыя его роты, своими успѣхами, дали мнѣ возможность представить ихъ командировъ къ наградамъ внѣ правилъ, что они и получили.

Наступившая зима проведена была въ Нарвѣ весьма пріятно. Городское общество, сжившееся съ полкомъ, хотя и состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, не только не чуждалось военного, но напротивъ, принимало участіе во всѣхъ его увеселеніяхъ. На Нарвѣ, близъ моста, полкъ устраивалъ горы. Между 2-мя и 4-мя часами дня катанье съ нихъ было любимымъ препровожденіемъ времени, особенно по четвергамъ и воскресеньямъ, когда я посылалъ туда музыкантовъ. Иногда устраивались и вечернія катанья, при освѣщеніи фонариками и плошками. Между офицерами явились мастера скатыванія дамъ и спусканія саней-дилижансовъ, виѣщающихъ до 10 особъ. Самыми ловкими въ этомъ дѣлѣ были два брата Росси и Штакельбергъ.

Однимъ изъ любимыхъ препровожденій вечеровъ были любительскіе спектакли. Видно такъ уже было опредѣлены, чтобы вездѣ, гдѣ только мнѣ приходилось жить въ провинціи, вездѣ спектакли любителей пріобрѣтали бы первенство между другими удовольствіями. Происходило это отъ любви моей къ сценическому искусству, которое считаю самымъ пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени. Во-первыхъ, ничто такъ не сближаетъ общество, во-вторыхъ—избавляетъ участвующихъ отъ праздности, развиваетъ, доставляетъ средство узнать cadaго до мельчайшихъ подробностей характера и служить источниками для благотворительности. Многіе полагаютъ, что любительскіе спектакли никогда не обходятся безъ интригъ и ссоръ; но мнѣ никогда не доводилось испытать этого. Если и происходили иногда несогласія, то, взявшись умѣючи, всегда

можно было отстранить ихъ. И въ этомъ дѣлѣ все зависить отъ того, кто стоитъ во главѣ его.

Чѣмъ болѣе я вникалъ въ дѣла полка и знакомился съ его прошлымъ, тѣмъ болѣе убѣждался, какъ мои предшественники мало заботились о его интересахъ. Желая возстановить ихъ, мнѣ пришлось болѣе всего бороться съ комендантомъ, человѣкомъ крайне безпокойнымъ и неуживчивымъ. Не смотря на поддержку графа Баранова, возвратить полку право отапливать казармы не удалось, потому что инженерному вѣдомству было удобнѣе, чтобы оно находилось въ распоряженіи комендантскаго управленія.

Другимъ предметомъ нашихъ столкновеній было невыносимое положеніе офицеровъ, въ отношеніи полученія ими квартирныхъ денегъ. Казенныхъ помѣщеній не было, а квартирныя деньги давались по цѣнамъ, существовавшимъ 100 лѣтъ назадъ, т. е. по 3 рубля въ мѣсяцъ. Городская ратуша препровождала коменданту билеты на квартиры въ отдаленномъ отъ казармъ кварталѣ. Если офицеръ, по служебнымъ условіямъ, считалъ неудобнымъ пользоваться указанною квартирою въ натурѣ, то могъ получить отъ хозяина дома, на который выданъ билетъ, 3 рубля и нанять квартиру гдѣ хочетъ. Хозяева, зная что офицеру, обязанному два раза въ день ходить на занятія въ казармы, невозможно жить на окраинахъ города, предлагали взять вмѣсто 3-хъ рублей 2, или отводили ему холодный и сырой покой. Оставалось выбирать любое: или жить въ отвратительномъ помѣщеніи и два раза въ день ходить версты за двѣ въ роту, или брать что даютъ. Невыносимо было смотрѣть на подобныя отношенія офицеровъ, заставлявшія ихъ торговаться съ мѣщаниномъ или бюргеромъ. Комендантъ отстаивалъ столь неприличный и унижающій военное званіе порядокъ удовлетворенія квартирами. Не смотря на мои самыя настойчивыя представленія о его измѣненіи, нельзя было ничего сдѣлать. Изъ Петербурга отвѣчали, что Нарва пользуется особыми правами и измѣнить ихъ трудно; офицеры-же видимо притерпѣлись къ подобному порядку и не возбуждали болѣе жалобъ.

Начавшіеся, два года назадъ, безпорядки и волненія въ царствѣ Польскомъ были причиною, что въ 1862 году полкъ провелъ въ лагерѣ только половину лѣта. Еще зимою газет-

ныя корреспонденціи изъ Варшавы были наполнены описаніемъ происходившихъ тамъ демонстрацій. По смерти князя Горчакова, при кратковременныхъ управленіяхъ генераловъ Ламберта и Сухозанета, они дошли до безобразія. Еще до выступленія въ лагерь мы узнали, что новый намѣстникъ царства, графъ Лидерсъ, раненъ, во время ранней прогулки въ Саксонскомъ саду, и что вмѣсто него назначается Великій князь Константинъ Николаевичъ; но никому не приходило на мысль, чтобы подобныя событія могли имѣть какое-либо вліяніе на войска гвардейскаго корпуса. Первый мѣсяцъ лагерной стоянки прошелъ обычнымъ порядкомъ. Мы сдали удачно смотръ, который покойный Государь обыкновенно дѣлалъ загороднымъ частямъ, не участвовавшимъ въ майскомъ парадѣ, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что въ Варшавѣ сдѣлано покушеніе противъ Великаго князя и что онъ раненъ. Вслѣдъ за тѣмъ прошла молва, что въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, собирается совѣтъ, для обсужденія мѣръ, какія слѣдуетъ принять для прекращенія безпорядковъ въ Польшѣ. Никто конечно не зналъ, что происходило на этомъ совѣщаніи, но всѣ ожидали ихъ результата съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. 29-го іюня я неожиданно былъ потребованъ къ начальнику дивизіи, барону Корфу, у котораго засталъ и другихъ полковыхъ командировъ. Баронъ объявилъ намъ, что рѣшено отправить въ Варшаву 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію; что времени ея выступленія еще не назначено, но что мы черезъ нѣсколько дней выйдемъ изъ лагеря, чтобы приготовиться къ предстоявшему передвиженію въ Польшу. Понятно, что подобная неожиданность произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Никто не зналъ, дозволено ли будетъ брать съ собою семейства, идемъ ли мы навсегда, или на время, какъ поступить съ имуществомъ и проч.

Дня черезъ два Государь, послѣ смотра артиллеріи, прибылъ въ лагерь дивизіи и объѣхалъ ея полки, ожидавшіе его у палатокъ. Подъѣзжая къ моему полку, онъ обратился къ офицерамъ со слѣдующими словами:

„Я посылаю васъ въ Варшаву, для водворенія тамъ порядка. Увѣренъ, господа, что вы оправдаете мои надежды и, при извѣстной мнѣ преданности и усердіи, будете служить тамъ такъ же, какъ служили здѣсь. Я не прощаюсь съ вами,

потому что еще увижу васъ передъ выступленіемъ. Теперь же отправляйтесь въ Нарву, приготовиться къ походу“.

Затѣмъ нижнимъ чинамъ было сказано Его Величествомъ:

„Вамъ ребята, предстоитъ выступленіе въ Варшаву. Посылаю васъ туда какъ отборное мое войско. Помните, что вы мои гренадеры, и потому надѣюсь, что поддержите древнюю славу русскихъ гренадеръ“.

Въ первой половинѣ іюля полкъ возвратился въ Нарву, гдѣ вскорѣ получилъ увѣдомленіе, что отправленіе его въ Варшаву состоитъ не ранѣе конца сентября, слѣдовательно для сборовъ и распродажи ненужнаго оставалось два мѣсяца. Не смотря на это, многое касающееся офицерскихъ и солдатскихъ семействъ осталось неразъясненнымъ до самаго выступленія. Всего важнѣе было узнать, какъ поступить съ излишнимъ собственнымъ полковымъ имуществомъ и обозомъ. О многомъ приходилось запрашивать штабы, писать посланному впередъ въ Варшаву офицеру, насчетъ предстоящаго размѣщенія полка, устройства офицеровъ, о хозяйственныхъ заведеніяхъ и т. д. Получаемые отъ него отвѣты были не очень-то утѣшительны. Многіе изъ насъ взглянули на отправленіе въ Варшаву какъ на военный походъ, а потому сначала предполагали оставить семейства и имущество на мѣстѣ, но когда баронъ Корфъ, ѣздившій къ Великому князю, передалъ желаніе Константина Николаевича, чтобы мы прибыли съ семействами, то это указало, что мы ѣдемъ въ Польшу надолго и что тамъ до вооруженнаго возстанія еще не дошло. Между тѣмъ, многіе уже успѣли за безцѣнокъ распродать имущество. Произошло это отъ того, что полку не сообщили въ какомъ размѣрѣ будетъ разрѣшено перевезти тяжести; говорили только, что желѣзная дорога будетъ строго руководствоваться вѣдомостью, доставленною ей изъ штаба. На дѣлѣ же потомъ оказалось, что никакихъ тяжестей не вѣшали, экипажей и лошадей не считали и давали сколько угодно платформъ и вагоновъ. Вышло, что полкъ перевезъ все сполна, не исключая даже столба для колокола у лагернаго церковнаго намета, а офицеры остались безъ необходимаго и понесли большіе убытки отъ распродажи того, что потомъ пришлось заводить вновь за большія деньги, потому что въ польскихъ магазинахъ считали патріотизмомъ брать съ русскихъ вчетверо. Нижніе чины были въ этомъ слу-

чаѣ смѣлѣе и смѣтливѣе. По присущей имъ привычкѣ, они тискали въ свои мѣшки и ящики что попало.

— Ты зачѣмъ уложилъ въ сундукъ кирпичину?—спрашиваетъ ротный командиръ своего солдата.

— Да такого кирпича для чистки, ваше благородіе, въ Аршавѣ, надо полагать, не найдешь,—отвѣчаетъ солдатикъ.

Промежутокъ времени между лагеремъ и выступленіемъ можно было назвать отдыхомъ. Занятія производились изрѣдка, большая часть времени проходила въ различныхъ работахъ по укладкѣ и уборкѣ имущества, да и много людей было въ расходѣ: 1-я рота, въ усиленномъ составѣ, ходила въ Новгородъ, на открытіе памятника тысячелѣтія Россіи; не мало было въ командировкахъ для сдачи обоза въ Петербургъ и для устройства помѣщенія въ Варшавѣ. Съ послѣдними былъ назначенъ мною поручикъ Даудель, занимающій теперь видный и самостоятельный постъ въ министерствѣ финансовъ.

Чѣмъ ближе приближалось время выступленія, тѣмъ оно шло скорѣе и тѣмъ болѣе чувствовалась въ офицерскомъ обществѣ предстоящая разлука съ Нарвою. Полкъ простоялъ въ этомъ городѣ со времени кампаніи 1831 г., т. е. болѣе 30 лѣтъ. Многіе изъ офицеровъ были уроженцами Эстляндіи, другіе имѣли женами уроженокъ Нарвы. Тѣ и другіе должны были разлучиться съ ближайшими родными, всѣ остальные—съ добрыми знакомыми. Нижніе чины тоже вполне свыкли съ мѣстными жителями и особенно съ крестьянами Гдовскаго уѣзда, гдѣ, по зимамъ, нѣсколько ротъ квартировало у обывателей. Расположеніе ихъ къ своимъ постояльцамъ доходило до того, что обыкновенно, къ дню возвращенія изъ лагеря, множество крестьянскихъ подводъ собиралось у выѣзда изъ предмѣстья, чтобы везти своихъ постояльцевъ къ себѣ, не смотря на то, что деревни, въ которыхъ размѣщались роты, были въ 50 и 70-ти верстахъ отъ Нарвы. Препятствовать этому, отчасти нарушающему походную службу мирнаго времени обычаю, я не находилъ нужнымъ, такъ какъ онъ скрѣплялъ добрыя отношенія хозяевъ съ нижними чинами.

За нѣсколько дней до выступленія, жители города давали офицерамъ прощальный обѣдъ въ мѣстномъ клубѣ. Подъ впечатлѣніемъ предстоящей разлуки, онъ шелъ вначалѣ нѣсколько грустно, но потомъ, какъ обыкновенно, послѣ нѣсколькихъ

тостовъ, благодарственныхъ и прощальныхъ рѣчей, и гости и хозяева развеселились.

Грустиѣ другихъ было провожать полкъ старымъ его ветеранамъ, представителемъ которыхъ былъ отставной генералъ Копьевъ, прослужившій въ полку болѣе 40 лѣтъ, вышедшій въ отставку лѣтъ 10 назадъ и поселившійся навсегда въ Нарвѣ. Не проходило ни одного смотра, ни одного офицерскаго собранія, чтобы Копьевъ не присутствовалъ на нихъ. Даже на домашнихъ баталіонныхъ и полковыхъ ученьяхъ всегда, бывало, видишь этого почтеннаго 67-лѣтняго старика наблюдающимъ издали, за каждымъ движеніемъ и командою; и какъ только кончалось ученье,—онъ уже въ кругу офицеровъ возвращается съ ними въ городъ: одному говоритъ, что онъ тамъ-то ошибся, другого распекаетъ, что тихо командовалъ. При этомъ дружески доставалось не только молодымъ прапорщикамъ, но и ротнымъ командирамъ. Неудачный смотръ волновалъ его такъ, какъ будто онъ еще самъ командуетъ своимъ прежнимъ баталіономъ, въ которомъ до сихъ поръ зналъ всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. Всѣ въ городѣ знали и уважали Копьева и въ каждомъ семействѣ встрѣчали дорогимъ гостемъ. Услужливость его не имѣла предѣла. Когда я принялъ полкъ, старикъ немедленно явился ко мнѣ, считая это какъ бы служебнымъ долгомъ. Онъ былъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что, получая всего 600 рублей пенсіи, не только имѣлъ приличной обстановки квартиру, но разъ въ зиму приглашалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ дамъ,—и тогда радушію и угощеніямъ не было конца; офицеры же постоянно бывали у него. Когда въ полку бывало производство, или получались награды, Копьевъ узнавалъ объ этомъ однимъ изъ первыхъ и радовался такъ, какъ будто всѣ награды, взятые вмѣстѣ, даны ему одному. Подобную привязанность къ полку онъ сохранилъ до послѣднихъ дней жизни. Какъ только полкъ ушелъ изъ Нарвы, онъ немедленно переселился въ Петербургъ. „Не могу жить въ Нарвѣ, писалъ онъ мнѣ,—безъ родного полка, и если бы не старость и не чашотка въ карманѣ, переѣхалъ бы въ Варшаву, хоть сторожемъ при полковой церкви. Здѣсь все мнѣ стало противно, не смотря, что нѣмцы добры ко мнѣ по прежнему. Думаю перебраться въ Питеръ“.

20-го сентября, послѣ напутственнаго молебствія, полкъ

выступилъ изъ Нарвы въ Гатчину, гдѣ ему было назначено грузиться на желѣзную дорогу. До Ямбурга насъ провожали многіе изъ жителей, а нѣкоторые пріѣзжали проститься въ Гатчину. Благодаря любезности тамошняго коменданта, генерала Богговута, мы нашли тамъ, заранѣе отведенныя, прекрасныя квартиры. 28 и 29 числа были употреблены на нагрузку тяжестей и обозовъ, а 30 предстоялъ Высочайшій смотръ, для котораго Государь нарочно пріѣхалъ изъ Царскаго Села, чтобы проститься съ полкомъ. Въ 12 часовъ оба батальона, въ полной походной формѣ, построенные на дворцовой площади, въ колоннахъ, ожидали прибытія Императора. Онъ пріѣхалъ только съ дежурнымъ генералъ-адъютантомъ; ни военнаго министра, ни другихъ лицъ свиты не было. По окончаніи смотра, всѣ офицеры были приглашены во дворецъ къ завтраку, во время котораго возлѣ Государя были указаны мѣста: мнѣ, какъ полковому командиру, съ правой стороны, и старшему полковнику Корфу—съ лѣвой. Противъ сидѣли: генералъ Плаутинъ, графъ Барановъ и начальникъ дивизіи. Въ теченіи всего завтрака разговоръ шелъ о Варшавѣ и о происходившихъ въ ней за послѣднее время событіяхъ. Государь видимо желалъ ознакомиться насъ съ его личнымъ взглядомъ на совершившееся тамъ и съ тѣмъ, чего онъ желаетъ. Слова его имѣли особенное значеніе и потому врѣзались въ моей памяти такъ, что я, почти слово въ слово, могу повторить ихъ.

„Поляки—говорилъ Государь—вполнѣ доказали свою неблагодарность. Все, что для нихъ было сдѣлано, даже и то, что я далъ имъ въ намѣстники моего брата, не понято ими. Въ настоящее время въ Варшавѣ спокойно; но если они задумаютъ что либо серьезное, то я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, и надѣюсь, что вы исполните свой долгъ какъ слѣдуетъ“.

Я осмѣлился спросить Государя, справедливы-ли слухи, будто поляки заявляютъ претензію на Литву и Подолію? Его Величество, съ ироническою улыбкою продолжалъ:

— „Какъ-же! сюда являлся съ этими нелѣпыми заявленіями графъ Замойскій. Онъ даже говорилъ, что подобное желаніе Польши оправдывается обѣщаніями Императора Александра I и будто бы объ этомъ существуетъ документъ за его подписью. На это я отвѣтилъ ему, что о существованіи подобнаго документа мнѣ не извѣстно; но если-бы онъ и былъ, то мнѣ остается

сожалѣть объ этомъ, потому что мой дядя не имѣлъ права дарить полякамъ то, что составляетъ древнее достояніе Россіи. Точно также и теперь они добиваются невозможнаго, того, чего не имѣетъ еще Россія. Неужели они думаютъ, что я когда либо соглашусь дать имъ какія-либо права и учрежденія, прежде чѣмъ ихъ получить Россія? Чѣмъ же они заслужили это? Можетъ быть многое, что я желалъ-бы осуществить, составляетъ любимыя мои мечты; но это невозможно. Нельзя забѣгать впередъ вѣка и народнаго развитія“.

Послѣ нѣкотораго перерыва, разговоръ вновь принялъ то же направленіе.

„Въ заключеніе данной мною аудіенціи—продолжалъ Государь—я сказалъ Замойскому, что ему неловко возвращаться въ Варшаву, послѣ того, что онъ такъ неудачно выполнилъ возложенное на него порученіе. Я прикажу—сказалъ я ему—дать вамъ заграничный паспортъ. Отправляйтесь куда вамъ угодно; но еще разъ повторяю, что возвращаться въ Польшу или въ Россію вамъ будетъ не совсѣмъ удобно“.

Послѣ завтрака Императоръ еще нѣкоторое время оставался въ кругу офицеровъ. Всѣ прочія лица стояли въ отдаленіи. „Берегите брата,—сказалъ Онъ, прощаясь съ нами. Въ случаѣ если Польша возьмется за оружіе, докажите имъ, что вы потомки Суворовскихъ гренадеръ; но я желалъ бы, чтобы дѣло не дошло до кровопролитія“.

При задуманныхъ и самыхъ восторженныхъ крикахъ „ура“, проводили офицеры Государя до внутреннихъ покоевъ, а затѣмъ всѣ, имѣвшіе верховыхъ лошадей, сопровождали его до станціи желѣзной дороги. Тамъ, черезъ спущенное окно вагона, онъ сказалъ намъ:

— „Я бы желалъ лично быть при вашемъ отъѣздѣ, но तो роюсь въ Царское. Императрица очень беспокоится за нашего маленькаго сына Павла, который нездоровъ. Еще разъ прощайте, помните мои слова, и да благословитъ васъ Богъ“. Когда вагонъ тронулся, Государь перекрестилъ насъ.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, я съ 1-мъ эшелономъ выѣхалъ изъ Гатчины. Ранѣе этого, часа за три, отправлялся поѣздъ съ обозомъ. Желая осмотрѣть нагрузку и установку повозокъ, я обошелъ весь поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути. Вечеръ былъ морозный и свѣтлый. Возвращаясь, слышу

въ одной изъ провіантскихъ телѣгъ на послѣдней платформѣ какой-то неопредѣленный пискъ. Думая, что кто-либо изъ солдатъ затискалъ подъ брезентъ ротную собаченку, я приказалъ ее вытащить.

— Здѣсь, ваше превосходительство, не собака, а человѣкъ, говоритъ сопровождавшій меня унтеръ-офицеръ, заправляя подъ брезентъ руку,—я держу кого-то за ногу.

Когда развязали и открыли брезентъ, подъ нимъ оказался даже не человѣкъ, а баба съ ребенкомъ.

Потомъ обнаружилось, что подобнымъ способомъ перебралось въ Варшаву нѣсколько солдатскихъ женъ, кто между ящиками, кто въ пустой капустной бочкѣ, кто между колесами повозокъ, обстановленныхъ тюками. Происходило это отъ того, что солдатскимъ семьямъ было воспрещено слѣдовать съ мужьями, но разрѣшалось перевезти ихъ въ послѣдствіи, на собственный счетъ нижнихъ чиновъ; конечно не многіе изъ нихъ въ состояніи были заплатить пассажирскую плату за 1000 верстъ. Въ результатѣ-же вышло, что мѣсяца черезъ два, почти всѣ солдатскія жены полка очутились въ Варшавѣ, вѣроятно такимъ же удобнымъ способомъ, какъ и баба, вытасченная изъ-подъ брезента.

Мы ѣхали отъ Гатчины до Варшавы трое сутокъ; но дорога не казалась утомительною. Въ распоряженіе полка каждому эшелону дано было по вагону 1 и 2 классовъ, такъ что офицерскія семейства размѣстились совершенно свободно. Чѣмъ дальше отъѣзжали мы отъ Петербурга, тѣмъ дорога оказывалась менѣе достроенною: сносные буфеты были только въ Псковѣ и въ Вильнѣ, на прочихъ станціяхъ ихъ замѣняли конурки, въ которыхъ, кромѣ чая, колбасы и водки, ничего не было. Въ Вильнѣ полкъ имѣлъ остановку часовъ на 5. Это дало возможность воспользоваться любезностью почтеннаго, бывшаго моего начальника, К. К. Врангеля, приславшаго экипажъ за моимъ семействомъ и доставившаго ему полное гостепріимство, въ домѣ своего зятя, полковника Деллинсгаузена.

3-го октября, въ прекрасный осенній день, часовъ въ 10 утра, полкъ прибылъ къ Варшавѣ.

На станціи насъ встрѣтилъ начальникъ штаба, генераль Минквицъ, вручившій мнѣ приказъ о томъ, что я назначаюсь на-

Изъ Прошлаго.

чальникомъ 1-го военного отдѣла города и объявившій, что Великій князь Константинъ Николаевичъ будетъ лично встрѣчать полкъ. Въ чемъ состоятъ мои обязанности, какъ начальника отдѣла, какія мои права, какія отношенія къ жителямъ и къ полиціи—оставалось для меня неизвѣстнымъ, а между тѣмъ чувствовалось, что съ этой минуты, на основаніи военного положенія, въ которомъ находилась Варшава, я уже былъ ответственнымъ лицомъ за спокойствіе ввѣреннаго мнѣ отдѣла. Покуда полкъ оправлялся съ дороги и строился близъ вокзала, начали приѣзжать генералы, обязанные присутствовать при смотре главкома. Въ числѣ ихъ были старые мои знакомые В. С. Семека, В. Л. Соболевскій—бывшіе семейные, графъ Комаровскій, сослуживецъ по 1-му гвардейскому стрѣлковому баталіону и другіе.

Послѣ объѣзда строя помощникомъ главкома, генералъ-адъютантомъ барономъ Рамзаемъ, съ которымъ мнѣ пришлось тогда впервые стать въ служебныя отношенія и въ которомъ сразу можно было замѣтить челоука опыта, съ вѣрнымъ строевымъ взглядомъ,—по длинной дамбѣ отъ Вислы показался экипажъ намѣстника, съ конвоемъ кубанцевъ. Великій князь подѣхалъ къ полку вмѣстѣ съ великой княгиней Александрой Іосифовной. Послѣ объѣзда, баталіоны прошли мимо ихъ высочествъ по отдѣленіямъ. Похваливъ людей, намѣстникъ сказалъ мнѣ:

— Государь телеграфировалъ, что, при выступленіи, онъ нашелъ Прусскій полкъ лучшимъ въ дивизіи. Мнѣ пріятно будетъ донести ему, что и при вступленіи я вижу его въ отличномъ состояніи.

Вступленіе въ Варшаву не производило и тѣни того впечатлѣнія, которое чувствуется, входя въ большіе города вообще. Народу на улицахъ было много, но видимо, что всякій шелъ не обращая на насъ никакого вниманія. Только толпы мальчишекъ и жиденятъ прыгали и кривлялись передъ барабанщиками. Угрюмые или дерзко вызывающіе взгляды мужчинъ, злобныя или насмѣшливыя лица женщинъ, любопытно-осторожныя фізіономіи евреевъ,—вотъ что представлялось намъ, когда полкъ проходилъ по улицамъ польской столицы. Звуки исполняемыхъ оркестромъ маршей никого не вызывали на балконы и къ окнамъ; напротивъ, они запирались, какъ

только музыка долетала до ихъ хозяевъ. Около двухъ часовъ дня, 1-й батальонъ полка вступилъ въ цитадель, 2-й—въ Сапежинскія и Сераковскія казармы, гдѣ была и моя квартира.

Прежде чѣмъ говорить о нашей жизни въ Варшавѣ, въ тяжелую годину происходившаго въ Польшѣ возстанія, считаю необходимымъ ознакомить читателей съ его причинами, а для этого необходимо оглянуться назадъ. Только картина событій, совершившихся въ 1860 и 1861 годахъ, дастъ понятіе о томъ, что выпало на нашу долю впоследствии.

Въ продолженіи 25-ти-лѣтняго управленія краемъ князя Паскевича, постоянный надзоръ, отсутствіе малѣйшаго послабления и предусмотрительность имѣли результатомъ, что у поляковъ не было даже мысли о попыткѣ къ возстанію. Въ то время, когда въ 1846 году въ сосѣдней Галиціи все было въ огнѣ и въ крови, когда въ 1848 году во Франціи, въ Австріи и Пруссіи происходили революціи, наконецъ, когда въ 1854 году, вся Европа была противъ Россіи,—въ Польшѣ все было спокойно. Не смотря на то, что она была управляема польскими чиновниками, никому изъ нихъ и въ голову не приходило что-либо замышлять противъ правительства, шедшаго по твердой системѣ, съ полнымъ знаніемъ польскаго характера. Со смертью Паскевича, преемникъ его, князь Горчаковъ, по слабости воли, или изъ желанія приобрѣсти популярность, началъ ухаживать за магнатами и шляхтою. Видя это заискиваніе, польское дворянство воспользовалось случаемъ приобрѣсти вліяніе на дѣла, для чего сначала образовало изъ своей среды агрономическое общество. Для пяти тысячъ его членовъ агрономія служила только предлогомъ для того, чтобы, съ разрѣшенія правительства, собираться и произносить политическія рѣчи о единствѣ, свободѣ и братствѣ, и безнадзорно составлять планы для будущаго. Боязнь раздражить шляхту удерживала власти, изъ угоды намѣстнику, отъ мѣръ, которыя наминали-бы ей, что въ краѣ существуетъ русское правительство, могущее разомъ разсѣять ея мечты и бредни. Съ 1858 года, мало по малу, заправлявшіе властью начали ея уничтоженіе и въ 1860 дошло до того, что русская власть сама наложила на себя руки. Поляки, до страсти любящіе титулы, чины и ордена, при Паскевичѣ служили для нихъ и ожидали ихъ какъ манны небесной. Они были, если не совсѣмъ пре-

данные, то все-таки усердные слуги,—кто изъ за средствъ къ жизни, кто за чины, кто за мундиръ и крестикъ. Вдругъ само правительство уничтожаетъ всѣ чины въ Польшѣ,—и тѣ же самые чиновники, годъ назадъ ревностные помощники русской власти, дѣлаются ея врагами, подписываютъ адреса, участвуютъ въ демонстраціяхъ. Кто-же какъ не преемники Паскевича подготовили матеріалъ для возстанія?

Первые четыре года управленія князя Горчакова возстаніе созрѣвало въ департаментахъ и канцеляріяхъ, и ждало только случая выйти, въ видѣ демонстраціи, на улицу, но выйти такъ, чтобы главные вожаки и предводители остались въ сторонѣ. Уже къ началу 1860 года многое было готово. Отцы и матери уже выучили дѣтей пѣть революціонные гимны, ненавидѣть москалей, мечтать о воскресеніи отчизны. Для первой попытки проявить это въ осязательной формѣ, воспользовались похоронами вдовы коменданта укрѣпленія Воли, убитого въ 1831 году. Ее хоронили на мѣстѣ боя, обращеннаго въ кладбище, гдѣ школьники, во время этихъ похоронъ, публично издѣвались надъ могилами русскихъ. Съ этихъ поръ агрономическое общество, съ своимъ предсѣдателемъ Замоискимъ, стало во главѣ беспорядковъ и начало приучать населеніе къ своимъ распоряженіямъ, обявывая его считать ихъ выше правительственныхъ. Общая распушенность дошла до крайнихъ предѣловъ. За объявленіе мальчишки выговора, заставляли директора училища публично извиняться предъ виновнымъ. Школьники дѣлали все, что вздумаютъ, шумѣли въ театрахъ, устраивали сходки, били стекла, сочиняли подметныя пасквили и прокламаціи. На это приказано было смотрѣть сквозь пальцы, какъ на дѣтскія шалости. И вотъ эти шалости дошли до того, что даже во время пребыванія Государя, его ложу обливаютъ скипидаромъ; ни одна польская дама не является на балъ, данный въ его честь намѣстникомъ, а представитель польской аристократіи и италмейстеръ русского Двора, графъ Потоцкій, осмѣлился проявить явную дерзость. Онъ за годъ пригласилъ Государя на охоту, въ свое богатое помѣстье Виляново и, живя въ немъ, въ 8-ми верстахъ отъ Варшавы, не пріѣхалъ даже представиться, хотя Императоръ нѣсколько разъ спрашивалъ о немъ. Спустя-же недѣлю, онъ почти ежедневно охотился въ Виляновѣ съ своими пріятелями.

Князь Горчаковъ не только не принималъ никакихъ мѣръ противъ возрастающихъ беспорядковъ, но даже не слушалъ, когда ему докладывали о нихъ. Въ годовщину возстанія 1830 года, академики, школьники и толпы рабочихъ пѣли у костеловъ революціонные гимны, а реальная гимназія, въ полномъ составѣ, служила панихиду по убитымъ въ эту кампанію. За день до годовщины Гроховскаго сраженія, на всѣхъ площадяхъ и улицахъ были наклеены воззванія къ народу, собираться 13 февраля на „Старое мѣсто“ и идти мимо замка къ агрономическому обществу, чтобы просить его членовъ подать адресъ о дарованіи конституціи. Бывшій тогда оберъ-полицеймейстеромъ, полковникъ Треповъ, думалъ остановить эту демонстрацію, явился на Старое мѣсто, гдѣ безстрашно вошелъ въ толпу. Мастеровые, видя его энергію, начали-было расходиться, но академики и ученики школъ, съ палками, съ зажженными факелами и значками съ польскимъ орломъ, направились къ замку. Прискакавшій эскадронъ жандармовъ преградилъ имъ дорогу, но не употребилъ оружія, не смотря на то, что бунтующіе били лошадей и бросали камни. Къ утру слѣдующаго дня былъ распушенъ слухъ, что на Старомъ мѣстѣ были убитые. Варшава немедленно облеклась въ трауръ, и начались оскорбленія офицеровъ и тѣхъ русскихъ дамъ, которыя не надѣли траура. Все это творилось среди бѣлаго дня и проходило безнаказанно. Вчерашнія демонстраціи повторились и 14-го числа. Толпы народа, имѣя во главѣ тѣхъ же подстрекателей, несшихъ портретъ арестованнаго сапожника Колинскаго, не смотря на останавливающихъ ихъ казаковъ, успѣли дойти до костела Бернардиновъ, изъ котораго выносили тѣло умершаго чиновника. Кто-то крикнулъ: „Хоронятъ жертву, павшую вчера за отечество“! Въ казаковъ моментально полетѣли комья грязи и камни; они отбивались нагайками, но вскорѣ получили приказаніе отступить. Въ это время генералъ Заболоцкій случайно проходилъ изъ замка въ Примасовскій палацъ. Увидѣвъ раненыхъ казаковъ, онъ взялъ изъ палаца роту солдатъ и повелъ ее переулкомъ на Краковское предмѣстье, чтобы пресѣчь толпѣ путь къ агрономическому обществу. Толпа съ криками, будто казаки изломали крестъ, который несли передъ гробомъ, начала бросать въ солдатъ камни, а изъ домовъ ихъ обливали помоями. Получивъ ударъ камнемъ въ плечо и голову, Забо-

лоцкий не выдержалъ и приказалъ главному полувзводу дать залпъ. Пять человѣкъ было убито и 15 ранено. Народъ схватилъ ихъ и разбѣжался.

Когда въ замкѣ слышали выстрѣлы, князь Горчаковъ до того растерялся, что приказалъ немедленно убрать роту и казаковъ съ площади. Видя это, толпа съ криками: „убиваютъ нашихъ братьевъ!“ бросилась съ начала къ агрономическому обществу, а оттуда, съ его членами, въ Европейскую гостиницу, гдѣ въ большой залѣ были уже положены, для общаго поклоненія, тѣла убитыхъ. Здѣсь, среди притворныхъ рыданій, произносились самыя возмутительныя рѣчи, исполненныя всевозможныхъ ругательствъ противъ правительства. Тутъ-же составлялся адресъ Государю, и избрана была депутація для представленія его намѣстнику.

Князь Горчаковъ не только принялъ депутацію, не только выслушалъ самыя нахальныя ея требованія, но согласился на слѣдующее: 1) Похоронить убитыхъ со всевозможными почестями; 2) учредить временное управленіе городомъ, съ передачею его во власть делегатовъ, и съ тѣмъ, чтобы полиція и войска не показывались на улицахъ; 3) дозволить депутаціи ѣхать въ Петербургъ; 4) вмѣсто полковника Трепова назначить оберъ-полиціймейстеромъ маркиза Паулуччи и немедленно освободить всѣхъ арестованныхъ.

Съ этого момента русская правительственная власть могла считаться упраздненной. Ея замѣнила диктаторская власть Андрея Замойскаго, безъ согласія котораго уже ничего не предпринималось намѣстникомъ.

„Не приведи Богъ,—говоритъ очевидецъ этихъ событій,—русскаго человѣка видѣть другой разъ въ жизни зрѣлище, унижающее до такой степени имя русское“.

Трудно даже понять, чтобы власть, опирающаяся на сотысячную армію, съ 4-мя крѣпостями, и на преданное правительству крестьянское населеніе, могла упасть до такой степени. Но это еще не все. По полученіи отвѣтнаго на адресъ рескрипта отъ Государя, князь Горчаковъ потребовалъ къ себѣ депутацію, и когда прочелъ ей полученный отвѣтъ, то Замойскій осмѣлился сказать ему:

„Мы принимаемъ эти уступки, но онѣ для насъ недостаточны“.

— Примите ихъ на время, а тамъ увидимъ,—проговорилъ растерявшійся старецъ.

Особенно не понравилось полякамъ слѣдующее мѣсто рескрипта:

„Я прочелъ представленный вами адресъ. Я долженъ бы былъ считать его за ничто и какъ-бы до меня недошедшимъ, потому что нѣсколько лицъ, подъ предлогомъ безпорядковъ, произведенныхъ на улицѣ, осмѣлились присвоить себѣ право, по собственному произволу, осуждать и останавливать правительственныя распоряженія. Но я хочу видѣть въ этомъ только увлеченіе“.

На это въ польскомъ клубѣ, гдѣ засѣдалъ Паулуччи съ 24-мя членами делегаціи, управлявшей Варшавою, кричали: „Не нѣсколько лицъ, а весь польскій народъ скромно и благородно (sic) заявляетъ передъ Европой, какъ тягостно для него русское иго“.

Совершившееся въ Варшавѣ быстро перенеслось въ провинцію: въ Люблинѣ, въ Кѣльцахъ, въ Радомѣ, въ Калишѣ и Плоцкѣ повторялось то же самое.

Вслѣдствіе настояній изъ Петербурга, намѣстникъ наконецъ рѣшился, 6 апрѣля 1861 года, объявить о закрытіи агрономическаго общества. На другой же день, какъ-бы въ отмстку за это, поляки сняли съ зданія земскаго кредитнаго общества государственный гербъ и замѣнили его польскимъ орломъ. Совершивъ ругательство надъ эмблемою правительственной власти, толпы направились къ дому Замойскаго, вызвали его на балконъ, апплодировали его рѣчи и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ замку. Тамъ караульная рота вышла на площадь Сигизмунда. Самъ намѣстникъ на конѣ, окруженный своимъ штабомъ, выѣхалъ уговаривать народъ разойтись. Раздался смѣхъ и свистки: „Мы на своей землѣ—кричали ему изъ толпы; отправляйся самъ домой, а мы не отступимъ, пока не уберешь солдатъ“.—Уѣхалъ намѣстникъ, отошла и рота. Народъ съ хохотомъ разбрелся по улицамъ.

На слѣдующій день повторилось то же самое, только въ большихъ размѣрахъ. Два раза рота выходила изъ воротъ замка на площадь, два раза жандармамъ приказано было атаковать толпу рысцой, не смѣя обнажать сабель; три раза били въ барабанъ, а чиновникъ полиціи предлагалъ разой-

тись. На всю эту комедию князь Горчаковъ смотрѣлъ изъ окна своего кабинета и на всѣ просьбы о рѣшительныхъ мѣрахъ отвѣчалъ отказомъ, даже и тогда, когда въ войска сдѣланъ былъ выстрѣлъ. Но взводъ, стоявшій противъ Сенаторской улицы, отвѣтилъ на него залпомъ. Толпа ринулась назадъ, мокая платки въ крови раненыхъ. Въ этотъ самый моментъ изъ Бернардинскаго костела показась процессія, а другая выступила изъ улицы Фрета, съ пѣніемъ: „Спаси насъ, Боже, отъ поганныхъ“. На роту и жандармовъ посыпались камни, а чернь съ криками напирала на нихъ, пустивъ въ ходъ палки и зонтики. Наконецъ генералу Хрулеву удалось уговорить намѣстника дать письменное приказаніе дѣйствовать оружіемъ. Тогда одновременно грянуло 4 залпа по улицамъ: Краковскому предмѣстью, Сенаторской, Фрета и Свянтоянской, и данъ сигналъ для общей тревоги. Взвились ракеты, раздались выстрѣлы изъ орудій цитадели, но толпы уже бросились ранѣ ихъ по разнымъ направленіямъ, такъ что черезъ 5 минутъ на полверсты отъ замка не было ни одного человѣка и только вызванные по тревогѣ полки и батареи спѣшили на назначенные имъ пункты. Куда дѣвались делегаты, агитаторы, ксендзы съ крестами и школьники,—всѣ исчезли. Революція съ улицы спряталась въ дома, гдѣ работала съ тѣхъ поръ тайно, подготавливая убійцъ изъ-за угла и собирая „офяры“, для вооруженнаго возстанія. Съ нимъ-то и пришлось намъ раздѣлываться, но уже не въ Варшавѣ, а въ лѣсахъ и тущахъ.

Но прежде чѣмъ говорить объ этой расправѣ, отвѣтимъ на вопросъ: почему такъ долго длилось терпѣніе правительства и почему оно не пресѣкло безпорядковъ въ самомъ ихъ началѣ?

Отвѣтимъ на это со словъ человѣка, основательно изучившаго польскій вопросъ, и повергавшаго свои выводы на Высочайшее воззрѣніе, слѣдовательно все, что говорилось имъ, раздѣлялось самимъ Государемъ.

Первою мыслию Императора Александра II, относительно Польши, было прощеніе и забвеніе прошлыхъ ея грѣховъ, расширеніе ея правъ, развитіе въ самостоятельномъ направленіи ея государственныхъ и земскихъ учреждений,—словомъ, поляки могли ожидать отъ него полной автономіи. Послѣдовалъ рядъ реформъ; эмигранты, получившіе прощеніе, возвратились на родину и тотчасъ же начали свою подпольную ра-

боту. Герценъ съ своимъ „Колоколомъ“ явился къ нимъ на подмогу, и революціонная пропаганда стала проникать не только въ коренную Польшу и въ ополченный Западный край, но даже въ коренную Россію, гдѣ успѣху происковъ способствовалъ наплывъ моднаго въ то время псевдо-либерализма. Поляки вездѣ искали и вербовали разными путями себѣ сочувственниковъ. Клерикалы и магнаты, Чарторижскій и Замоискій, стали во главѣ движенія, работая въ его пользу деньгами и связями. Такимъ образомъ искра была заброшена, стоило только раздуть ее. Нужно было подготовить общество и вкоренить въ немъ убѣжденіе, что только революція можетъ дать Польшѣ всѣ блага, а для этого надо было прежде всего перепортить молодежь, прикрыть свои замыслы уличными безпорядками и принудить правительство къ репрессивнымъ мѣрамъ, чтобы прокричать передъ Европой, о неслыханномъ варварствѣ и жестокостяхъ русскихъ. Вотъ повода-то къ этому и не желало дать правительство, а потому, надѣясь не образумятся ли поляки сами, оно было терпѣливо до слабости.

Послабленія молодому поколѣнію и его испорченность дошли до крайнихъ предѣловъ. Сыновья чиновниковъ участвовали въ кошачьихъ концертахъ, даваемыхъ ихъ отцамъ, которыхъ величали въ глаза „zdrajcamі ojzysnu“ (злѣдѣями отечества) и даже приговаривали ихъ къ смертной казни. Недоростки сдѣлались законодателями. Государь не зналъ и половины того, что совершалось. Его успокаивали, донося будто бы все ограничивается продѣлками школьниковъ и городской черни, что нѣтъ ничего серьезнаго. Вдали отъ событій, зная о нихъ только изъ донесеній, Императоръ вѣрилъ, что Польша можетъ успокоиться, если убѣдится въ его добрыхъ намѣреніяхъ. Въ этомъ духѣ онъ и отвѣчалъ на дѣлаемые представленія, хотя иногда и требовалъ большей рѣшительности.

По смерти князя Горчакова, намѣстникомъ царства былъ назначенъ генераль-адъютантъ графъ Ламбертъ. Назначенія его никто не ожидалъ, да и предвидѣть его было трудно. Относительно еще весьма молодой, только что сдавшій полкъ генералъ, католикъ, человѣкъ весьма образованный и гуманный, Ламбертъ обладалъ всѣмъ, кромѣ того, что нужно было въ то время для Польши, а именно: силы воли, настойчивости и твердости характера, да еще крѣпкихъ нервовъ. Выжи-

дая и приглядываясь къ новому начальнику края и къ его мѣрамъ, поляки въ началѣ его управленія какъ-будто притихли. Явно враждебныхъ выходокъ не было, манифестаціи ограничивались духовными процессіями, пѣніемъ гимновъ и трауромъ. Какъ-бы въ награду за это, графъ Ламбертъ сталъ хлопотать о замѣнѣ немногихъ, остававшихся еще при должностяхъ русскихъ чиновниковъ и губернаторовъ поляками, объ учрежденіи въ Варшавѣ отдѣльнаго государственнаго совѣта, о преобразованіи полиціи и снятіи военнаго положенія. Достаточно было слуховъ объ этомъ, чтобы подпольная работа усилилась.

Съ временемъ назначенія Ламберта совпала смерть варшавскаго генералъ-губернатора Панютина. Въмѣсто него былъ назначенъ дежурный генералъ и директоръ инспекторскаго департамента генералъ-адъютантъ Герштенцвейгъ. Это была личность совершенно иныхъ взглядовъ на средства противодѣйствія крамолѣ, чѣмъ Ламбертъ. Вскорѣ новому генералъ-губернатору удалось напасть на нить обширнаго, администрованного заговора, имѣвшаго цѣлью вооруженное возстаніе. Нѣсколько арестовъ дали возможность узнать имена всѣхъ руководителей и агентовъ подпольнаго правительства, принявшаго громкое названіе „народоваго ржонда“; узнаны были мѣста, гдѣ заготавливается оружіе, гдѣ его склады. Герштенцвейгъ, послѣ многихъ усилій, успѣлъ убѣдить намѣстника дать разрѣшеніе арестовать заговорщиковъ, и въ одну ночь ихъ было доставлено въ цитадель до трехъ сотъ человѣкъ. „По мѣрѣ того какъ приводили и привозили ихъ,—говорилъ мнѣ комендантъ цитадели Ермоловъ, сердце радовалось, потому что я видѣлъ между ними всѣхъ корифеевъ и вожаковъ бывшихъ беспорядковъ, многихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ за самыхъ ярыхъ противниковъ правительства. Узнавъ объ этомъ арестованіи—продолжалъ комендантъ, всѣ русскіе и здравомыслящіе поляки обрадовались, думая, что насталъ конецъ тому убійственному напряженію, въ которомъ всѣ находилась уже 3 года, конецъ тѣмъ оскорбленіямъ, которыя мы переносили“.

Не прошло и двухъ дней, какъ графъ Ламбертъ, не предвара Герштенцвейга, приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ. Подобный поступокъ намѣстника не могъ не оскорбить честнаго и преданнаго долгу генералъ-губернатора. Думая до-

биться отмѣны пагубнаго приказанія, Герштенцвейгъ бросился въ замокъ, но встрѣтилъ отказъ. Тогда между нимъ и Ламбертомъ, глазъ на глазъ, въ запертomъ на ключъ кабинетѣ, произошла бурная сцена. Въ чемъ именно состояла она—никто знать не могъ, но прибывшіе съ утренними рапортами, комендантъ князь Бебутовъ и другія лица говорили потомъ, что долго слышали въ кабинетѣ горячій споръ, то затихавшій, то доходившій до криковъ, наконецъ все затихло, щелкнулъ дверной замокъ, и Герштенцвейгъ, блѣдный какъ полотно, прошелъ черезъ пріемную, тихо сказавъ начальнику жандармскаго округа Куцинскому: „все потеряно, я умываю руки“.

Такимъ образомъ, въ то время когда произносившій эти слова уже мысленно обрекалъ себя на жертву за свою честь и преданность долгу,—въ это самое время изъ цитадели выпускали на свободу членовъ „народоваго ржонда“, будущихъ „довудцевъ бандъ“, кинжалистовъ, жандармовъ-вѣшателей, убійцъ, посягавшихъ потомъ на жизнь двухъ намѣстниковъ.—Черезъ два часа Герштенцвейгъ пустилъ въ себя пулю и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Бывшій въ этотъ день дежурнымъ при немъ адъютантъ рассказывалъ, что генералъ возвратился изъ замка совершенно спокойный, приказалъ принять за него просителей, потомъ снова позвалъ его, говорилъ, что усталъ и ложится отдохнуть, о чемъ просилъ предварить семейство, дабы никто не входилъ къ нему, и наконецъ сказалъ: „возьмите мою коляску и можете ѣхать домой“. Адъютантъ, желая просмотрѣть поданныя прошенія и помѣтитъ ихъ, нѣсколько замѣшкался. Вдругъ онъ слышитъ какъ бы отдаленный глухой выстрѣлъ и вслѣдъ затѣмъ въ кабинетѣ что-то стукнуло, точно нѣчто твердое упало на полъ. Вбѣжавъ въ кабинетъ онъ увидѣлъ Герштенцвейга стоящимъ у окна, безъ галстука, и на полу небольшой револьверъ.

„Это нечаянно,—твердо проговорилъ онъ, держа окровавленный платокъ у головы,—это пройдетъ; дайте мнѣ полотенце“.

Исполнивъ это, адъютантъ бросился за докторами, но всѣ ихъ старанія не могли спасти это вѣрнаго и честнаго слуги Государя.

Управленіе графа Ламберта длилось всего нѣсколько мѣся-

цевъ, но и ихъ было достаточно для того, чтобы не улучшить, а ухудшить положеніе русскаго дѣла въ царствѣ. При Горчаковѣ поляки потѣшались уличными беспорядками, пуская ихъ, какъ говорится, во всю; при Ламбертѣ имъ данъ былъ полный просторъ организовать будущее возстаніе, приготовить для него средства, вести пропаганду за границею и приобрести тамъ сочувствіе. Разстроенное здоровье заставило графа просить увольненія. Изъ Варшавы онъ уѣхалъ сначала въ Италию, а потомъ на островъ Мадеру, откуда уже не возвращался. Послѣ Ламберта должность намѣстника временно исправлялъ военный министръ Сухозанетъ, а потомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Лидерсъ. Человѣкъ чисто военный, исполнѣ вѣряющій въ мощь русской силы, онъ смотрѣлъ на польскія продѣлки съ безпечноію барина, сознававшего, что стоитъ ему мигнуть — и всѣ эти диктаторы, члены ржонда и пропаганды полетятъ кувыркомъ. Поэтому онъ жилъ въ Варшавѣ, среди военнаго общества, очень весело, съ сознаніемъ своей силы и съ полнымъ презрѣніемъ къ польской справѣ. При немъ были возобновлены слѣдующія мѣры: 1) запрещены сборища на улицахъ; 2) приказано при сопротивленіи употреблять оружіе; 3) въ губернскіе города назначены особые воинскіе начальники, съ большими полномочіями; 4) закрытъ польскій ресурсъ (клубъ); 5) воспрещено вечеромъ выходить на улицу безъ фонаря; 6) всѣ кофейни, шинки, огрудки и вообще публичныя заведенія приказано закрывать въ 8 ч. вечера; 7) запрещено носить трауръ, чамарки, конфедератки, кунтуши, бѣлые орлы, сломанные крестики и проч., а въ магазинахъ выставлать траурныя принадлежности; 8) закрыты оружейные магазины и мастерскія и 9) закрыта городская почта. — Чтобы прекратить все еще случавшіяся въ костелахъ манифестаціи, приказано арестовывать поющихъ тамъ революціонные гимны. Въ отвѣтъ на это, католическое духовенство закрыло церкви, а заграничная печать на всѣ лады повторяла крики поляковъ, что русскіе оскверняютъ храмы и оскорбляютъ ихъ религію.

Въ то время какъ первые мѣсяцы 1862 года проходили въ Варшавѣ безъ нарушенія вышепоименованныхъ мѣръ, въ Петербургѣ работалъ для Польши, одинъ изъ хитрѣйшихъ ея людей, маркизъ Велепольскій. Заручившись всевозможными

знакомствами и связями, онъ такъ ловко умѣлъ провести свой взглядъ на совершавшіяся въ Варшавѣ событія въ высшія сферы столицы, что многія, изъ вліятельныхъ лицъ того времени, готовы были оправдывать поляковъ, находить въ ихъ вопросѣ много весьма натуральнаго, вытекающаго изъ историческаго хода жизни и проч. Узнавъ о предстоящемъ назначеніи вмѣсто раненаго въ Саксонскомъ саду Лидерса, Великаго князя Константина Николаевича, Велепольскій увѣрялъ, что стоитъ его высочеству ступить на польскую землю, какъ вся Польша будетъ у его ногъ. Рѣдкое умѣнье представить будущее въ розовомъ цвѣтѣ, чего только и желали, привело Велепольскаго къ тому, что онъ возвратился въ Варшаву съ титуломъ начальника гражданскаго управленія царства. Послѣдствія показали, что маркизъ только мягко стлалъ, но спать на его обѣщаніяхъ было жестко. Слѣдствіе по дѣлу покушенія на жизнь Великаго князя показало, что Польша не только не была у его ногъ, но уже при выходѣ его изъ вагона существовалъ умыселъ убить его; преступникъ потомъ сознался, что не привелъ тогда въ исполненіе своего намѣренія только потому, что его высочество шелъ вмѣстѣ съ Великой княгиней.

Маркизъ Велепольскій оказался въ Варшавѣ совершенно инымъ, чѣмъ старался казаться въ Петербургѣ. Получивъ то, чего добивался, изъ человѣка заискивающаго онъ обратился въ крайне надменнаго. Онъ вообще былъ несимпатиченъ по своей физіономіи и наружности; но когда къ этому присоединилось чванство и отсутствіе той вѣжливости, которая составляетъ достоинство людей высшихъ официальныхъ сферъ, то производимое имъ впечатлѣніе было далеко не въ его пользу. Въ отношеніи вновь прибывшихъ въ Варшаву старшихъ войскыхъ начальниковъ Велепольскій держалъ себя чѣмъ-то вродѣ представителя иностранной державы. На сдѣланные ему полковыми командирами визиты, которыхъ, строго судя, они могли и не дѣлать, онъ не отвѣтилъ, а вмѣсто того прислалъ имъ, какъ какой нибудь посланникъ, извѣщенія на французскомъ языкѣ, что онъ бываетъ дома по понедѣльникамъ, отъ 9 часовъ вечера. Весьма понятно, что послѣ этого на его рауты являлись только тѣ космополиты, для которыхъ безразлично, гдѣ бы ни было, лишь бы провести вечеръ въ обществѣ. По-

томъ не разъ намъ случалось видѣть Велепольскаго въ замкѣ, говорящимъ съ почтенными генералами, а иногда и повыше съ кѣмъ, съ заложеными подъ фалды фрака или всунутыми въ карманы шароваръ руками. Можетъ быть маркизъ стѣснялся отдавать визиты потому, что ѣздилъ постоянно съ конвоемъ жандармовъ. По этому поводу произошелъ такой случай. Одинъ изъ только прибывшихъ молодыхъ офицеровъ, выйдя при разѣѣздѣ на дворъ замка, видитъ карету, окруженную жандармами; и спрашиваетъ одного изъ нихъ:

— Чья эта карета?

— Изъ Брюловскаго дворца, ваше-благородіе, — отвѣчаетъ жандармъ.

— Зачѣмъ вы ее конвоируете?

— Доподлинно не знаемъ; должно статься къ допросу возимъ. — Другой жандармъ прибавляетъ къ этому:

— Да вотъ ужъ который мѣсяцъ возимъ, допрашиваютъ, допрашиваютъ, а все рѣшенія не выходятъ.

Только въ концѣ управленія Велепольскимъ гражданскою частью, поляки поняли, что имъ не слѣдовало вооружаться противъ него, такъ какъ цѣль ихъ была одна и та же, съ тою разницею, что то, чего они хотѣли добиться разомъ и съ шумомъ, онъ достигъ бы, съ большею прочностію, исподоволь. Хотя въ началѣ дѣятельности маркиза и было сдѣлано противъ него покушеніе, но потомъ напрасно такъ заботливо охраняли его; никто бы его не тронулъ. Когда Велепольскій, въ Августѣ 1863 года, отправлялся за границу, то данный ему экстренный поѣздъ конвоировалъ цѣлый баталіонъ. На вопросъ начальника: „благополучно ли маркизъ доставленъ до границы?“ — баталіонный командиръ отвѣчалъ:

— Вышло, что не мы его конвоировали, а онъ насъ. На всѣхъ станціяхъ, выйдя изъ вагона, онъ преспокойно разгуливалъ по платформѣ среди пановъ и шляхты; съѣхавшихся изъ окрестностей поклониться ему. Однимъ онъ жалъ руки, съ другими, отойдя въ сторону, шептался, третьихъ бралъ съ собою въ вагонъ, до слѣдующей станціи.

Придя въ Варшаву, мы нашли ее по наружности довольно покойною, но видимо чѣмъ-то озабоченною и какъ будто что-то замышлявшую. Всѣмъ было извѣстно о существованіи подземнаго революціоннаго правительства, распространившаго ни-

ти по всему царству. Почти ежедневно подкидывались прокламаціи возлѣ казармъ, появлялись между газетами рестораноу и цукеренъ, всовывались незамѣтно въ карманы офицерскихъ пальто. Громадное большинство польскаго общества было подвліяніемъ революціоннаго центрального комитета. Было пущено въ ходъ множество разныхъ нелѣпостей объ измѣнѣ въ войскахъ, постоянно оскорбляемыхъ въ предшествовавшіе годы. Польскій вопросъ какъ будто бы начиналъ интересовать Европу, а лондонская печать Герцена и компаніи представляла распадѣніе Россіи неизбежнымъ, бросая грязью въ лучшихъ ея дѣятелей. Не проходило дня, чтобы наши солдаты не представляли начальству находимыя ими повсюду прокламаціи. Вотъ что писалъ по этому поводу одинъ изъ свидѣтелей происходившаго въ Варшавѣ, въ своихъ замѣткахъ:

„Нельзя не удивляться уживчивости русскаго человѣка съ кѣмъ угодно, даже съ поляками. Взгляните на нашего солдата, стоящаго въ деревнѣ или въ мѣстечкѣ какой либо польской губерніи. Мѣсяца черезъ два по приходѣ изъ Россіи, они уже кое-какъ „муваютъ по польску“, услуживаютъ хозяину и хозяйкѣ, работаютъ для нихъ, нянчатъ дѣтей. Но скажите этому солдату: „Полякъ бунтуетъ противъ Царя“ — и конецъ всякой дружбѣ. Тогда уже придется того-же солдата удерживать, чтобы онъ не черезъ-чуръ поусердствовалъ, вразумляя своихъ хозяевъ штыкомъ или прикладомъ, что бунтовать нельзя“.

Однажды солдатъ поднялъ прокламацію и принесъ ее офицеру.

— Чтожъ ты читалъ эту грамотку? спрашиваетъ офицеръ.

— Читалъ, ваше благородіе.

— Что-жъ тутъ написано?

— Писано, чтобы мы васъ не слушали.

— Ну такъ что-же?

— Да кабы мы, ваше благородіе, васъ не слушали, такъ давно бы всѣхъ ляховъ передушили.

Подметныя воззванія, одно другаго нелѣпѣе, имѣли цѣлью не одно совращеніе войскъ съ пути долга и вѣрности престолу, но въ нихъ велась рѣчь о полной самостоятельности Польши, съ конституціею въ предѣлахъ 1792 года. Требованія эти выражались съ нахальствомъ и находили поддержку не только въ иностранной печати, но и въ средѣ французскаго, англійскаго

и австрійскаго правительствъ, которыя въ своихъ нотахъ уже начинали пѣть въ тонъ польской подпольной справѣ.

Среди полного разгара агитаторской дѣятельности „народнаго ржонда“, снабженный обширными уполномочіями на льготы, реформы и привилегіи, прибылъ въ Варшаву Великій князь Константинъ Николаевичъ, и на другой же день по прибытіи былъ встрѣченъ выстрѣломъ. Покушеніе было произведено 22 іюня, при выѣздѣ изъ театра, когда онъ садился въ коляску. Совершилъ его подкупленный подмастерье портнаго. Подойдя къ экипажу, съ той стороны гдѣ садился его высочество, злодѣй протянулъ руку съ прошеніемъ. Великій князь нагнулся, чтобы взять бумагу, какъ раздался выстрѣлъ изъ прикрытаго прошеніемъ револьвера. Къ счастью, Константинъ Николаевичъ былъ въ эполетахъ. Пуля, пробивая кисти, изменила направленіе и, скользя по ключицѣ, ранила ее, но не пробила кости.

Такимъ образомъ братъ Императора, присланный показать полякамъ его великодушіе, преисполненный самыхъ благихъ намѣреній, первымъ пролилъ свою кровь за русское дѣло. Какъ потомъ за то же дѣло потекла кровь присланныхъ въ Польшу войскъ, — будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ моихъ воспоминаній.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1862—1863.

Первые дни въ Варшавѣ.—Пріемъ частныхъ приставовъ.—Осмотръ полковыхъ помѣщеній Великимъ Княземъ.—Спускъ лодки.—Мѣры предосторожности.—Рауты въ замкѣ.—Полиція того времени.—Рекрутскій наборъ въ городѣ и въ губерніяхъ.—Начало вооруженнаго возстанія.—Тревога въ Кѣльцахъ.—Генераль Ченгеры.—Ночное нападеніе въ Бондзентинѣ.—Плѣнъ русскаго офицера у Лангевича.—Освобожденіе.—Экспедиція полковника барона Корфа.—Тайна его самоубійства.—Фальшивыя тревоги въ Варшавѣ.—Весеннія экспедиціи и плѣнные.—Начало преобразованій въ арміи.—Пріѣзжіе изъ Петербурга.—Новый способъ инспектированія.—Графъ Бергъ, помощникъ главнокомандующаго.—Эпизодъ изъ его жизни.

Въ предшествовавшей главѣ было упомянуто, какъ непривѣтливо встрѣтила Варшава вступившую въ нее 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію. Впрочемъ мы ничего другаго и не ожидали, да и не приняли бы, послѣ всего, что было сдѣлано поляками въ послѣдніе три года; но мы въ правѣ были ожидать, что будетъ, по крайней мѣрѣ, приложено побольше заботы, хотя къ сносному размѣщенію офицеровъ. Тѣснота, неудобства и неисправность помѣщеній доходили до того, что оставалось удивляться, какимъ образомъ армейскія войска могли переносить ихъ, не протестуя. Только благодаря участію Великаго князя Константина Николаевича и его вниманію къ прибывшимъ полкамъ, они получили необходимое; и то въ декабрѣ мѣсяцѣ нижніе чины обѣдали еще на дворѣ.

Чтобы не отступать отъ принятаго мною порядка излагать разсказываемое въ хронологическомъ порядкѣ, начинаю съ первыхъ дней нашего пребыванія въ Варшавѣ.

Немедленно по прибытіи надо было явиться помощнику

Изъ Прошлаго.

главнокомандующаго, коменданту и въ штабъ округа. Не бывши до того въ Варшавѣ, пришлось долго разыскивать ихъ, такъ какъ ни я, ни мой кучеръ не знали города и польскаго языка; тѣ же изъ проходящихъ, къ которымъ мы обращались по-русски, съ видимымъ озлобленіемъ отворачивались, не обращая вниманія на наши вопросы, а стоявшіе на каждомъ перекресткѣ полиціанты, оказались крайне безтолковыми. Исполнивъ формальность, т. е. повсюду расписавшись, я возвратился на квартиру, гдѣ засталъ трехъ циркуловыхъ (частныхъ приставовъ) тѣхъ частей, которыя входили во ввѣренный мнѣ 1-й военный отдѣлъ города. Онъ состоялъ изъ самой населенной, тѣсной и грязной мѣстности, начиная отъ Сенаторской улицы до цитадели—на востокъ, и отъ Наливокъ до Вислы—на сѣверъ. Старое мѣсто (рынокъ) окруженное высокими, мрачными домами, узкія, едва пропускавшія свѣтъ улицы, съ массою еще болѣе узкихъ переулковъ, идущихъ къ Вислѣ,—все это представляло грязный лабиринтъ, кишачій всякаго рода народомъ, наполненный мелкими лавченками и самаго низшаго сорта увеселительными домами. Веселье въ нихъ, по распоряженію подпольныхъ властей, не допускалось, но за то парилъ самый гнусный развратъ. Главные блюстители надзора за порядкомъ въ этомъ районѣ и явились ко мнѣ въ лицѣ частныхъ приставовъ, носившихъ названіе циркуловыхъ. Двое изъ нихъ были люди среднихъ лѣтъ, третій—сѣдой старикъ, типъ стараго служиваго, съ Станиславомъ и Анной въ петличкѣ. Его угрюмый взглядъ представлялъ совершенный контрастъ съ веселыми и плутоватыми фізіономіями его коллегъ. Спросивъ ихъ фамиліи и кто какимъ циркуломъ управляетъ, я задалъ имъ общій вопросъ: все ли у нихъ въ настоящую минуту благополучно?—Всѣ трое сначала промолчали, но два первые, переглянувшись, почти въ одно время проговорили:

— Неразуметь, пане генерале, по-русску, отвѣчали польскіе чиновники русской службы.

Пристально оглядѣвъ ихъ, я сказалъ;

— А я не разумѣю по-польски и предворяю васъ, что если вы еще разъ попытуете не понимать меня, то я приму мѣры, чтобы на ваши мѣста были назначены такіе, которые понимаютъ по *русску*. Это вы поняли?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Больше, покуда не выучитесь, — продолжалъ я — мнѣ разговаривать съ вами нечего, да и некогда; можете идти. А вы — прибавилъ я, обращаясь къ старику, — подождите:

Оставшись вдвоемъ, я спросилъ его о прежней службѣ, и узнавъ, что онъ былъ лично извѣстенъ князю Паскевичу, спросилъ:

— Въ какой мѣрѣ можно рассчитывать на спокойствіе вашего циркула и какой въ настоящую минуту духъ народонаселенія вообще?

— Ваше превосходительство, — отвѣчалъ старикъ ясно и отчетливо по русски, хотя съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, — нехорошо теперь.

— Отчего же и въ чемъ именно нехорошо?

— Волю дали всякому хлопцу, всякому лобусу (оборванцу). Ничего бы не было, если-бы въ тотъ часъ, якъ пана полковника Трепова на Старомъ мѣстѣ зашибли, велѣли бы человѣкъ 50 на площади козакамъ нагайками высѣчь. Мувать — „революцію зробимъ“. Какая-то была революція? Сапожническая она была! а теперь, какъ всѣ къ ней пристали, да силу взяли, стала шляхетская; теперь ничего не подѣлаешь.

— Ну, это вздоръ, подѣлаемъ. А вамъ надо смотрѣть въ оба чтобы не произошло вновь уличныхъ безпорядковъ, чтобы все, что приказывается начальствомъ, исполнялось;

— Слушаю, буду смотрѣть, проговорилъ старикъ уныло.

— Но ручаетесь ли вы, что безпорядки не повторятся?

— Какъ я могу ручаться, — уже дрожащимъ голосомъ продолжалъ онъ. Я 20 лѣтъ служилъ нашему Цессаржи (Императору), при князѣ Паскевичѣ, и тогда за все бы поручился, а теперь (въ эту минуту у него выступили слезы) за родного сына не поручусь. Былъ у меня единый сынъ, добрый хлопецъ, и того matka да ксендзъ съ толку сбили, изъ гимназій ушелъ за-границу. Если за дѣтей нельзя ручаться, то какъ я поручусь за другихъ.

Мнѣ стало жалъ бѣднягу. Отпуская его, я приказалъ давать мнѣ знать при первомъ признакѣ волненія или скопленія народа.

При всемъ желаніи скорѣе ознакомиться съ Варшавой, это было довольно трудно, потому что все, маломальски свободное время уходило на устройство полка, да и отлучаться изъ сво-

его отдѣла было неудобно, тѣмъ болѣе, что въ немъ находился замокъ, въ которомъ жилъ Великій князь. Хотя тамъ, кромѣ караульной роты, былъ размѣщенъ баталіонъ Волынскаго полка и былъ отдѣльный комендантъ, я, какъ начальникъ отдѣла, все-таки несъ бы нравственную отвѣтственность, если бы что случилось. Только недѣли черезъ двѣ я рѣшился впервые посѣтить русскій клубъ, пріютившійся въ одномъ изъ небольшихъ домовъ на Краковскомъ предмѣстьи. Объ этомъ клубѣ скажу впоследствии.

Вскорѣ по водвореніи полка въ Сапежинскихъ и Сераковскихъ казармахъ, Великій князь посѣтилъ ихъ, пріѣхавъ въ находившуюся противъ католическую духовную академію. О посѣщеніи его знали заранѣе, а потому я съ офицерами ожидалъ Его Высочества на подъѣздѣ академіи. Здѣсь мнѣ впервые пришлось встрѣтиться и познакомиться, съ назначеннымъ изъ Петербурга на епископское мѣсто въ Варшаву, патеромъ Фелинскимъ, на котораго возлагались особенныя надежды, въ смыслѣ ослабленія фанатизма и благотворнаго вліянія на политическое настроеніе польскаго духовенства. Въ первое время, вліяніе это нѣсколько и обнаружилось тѣмъ, что запертые, со времени арестованія поющихъ революціонные гимны, костелы были открыты и богослуженіе въ нихъ возобновилось. Отрекомендовавшись другъ другу, у насъ завязался съ вышедшимъ на подъѣздъ Фелинскимъ разговоръ, который онъ велъ на самомъ чистомъ русскомъ языкѣ.

— Вы, генералъ, недавно прибыли въ Варшаву?—спрашиваетъ епископъ.

— Всего дней десять, съ гвардейскою дивизіею.

— Какъ это хорошо, что сюда прислали гвардію; можно надѣяться, что съ ея приходомъ, всѣ здѣшнія глупости прекратятся.

— Да, если только гвардія не будетъ поставлена въ то пассивное положеніе, въ которомъ находилась здѣсь армія.

— О, это теперь немыслимо. Поляки кажется сами поняли, что своимъ поведеніемъ дѣлали зло самимъ себѣ. Я такъ благодаренъ Его Высочеству, что онъ согласился посѣтить духовную академію. Пусть эти взбалмошныя головы видятъ, что на нихъ обращено вниманіе. Я надѣюсь, что они поймутъ

и оцѣнять это. — Въ это время показался экипажъ Великаго Князя.

Я нарочно привелъ дословно разговоръ съ Фелинскимъ, чтобы читатели видѣли, до чего можетъ дойти лицемеріе и іезуитство ксендза. Впоследствии оказалось, что Фелинскій, разыгрывая роль преданнаго правительству, былъ однимъ изъ коварныхъ враговъ его, и заплатилъ самую черною неблагодарностью за сдѣланное ему довѣріе. Потомъ я почти каждый четвергъ и воскресенье видѣлъ его на раутахъ въ замкѣ, гдѣ ему было оказываемо, даже Великою княгинею, исключительное вниманіе и почетъ; но не прошло и полгода, какъ, вслѣдъ за казнью ксендза Конарскаго, Фелинскій наложилъ церковный трауръ, запретилъ всякій звонъ въ костелахъ и написалъ дерзкое письмо Намѣстнику, за что и былъ отправленъ на жительство въ Ярославль.

По выходѣ изъ академіи, Великій князь обошелъ и осмотрѣлъ во всей подробности всѣ полковыя помѣщенія. Переходя, въ сопровожденіи офицеровъ, изъ Сапежинскихъ казармъ въ Сераковскія, мы видимъ двухъ рослыхъ, смѣло идущихъ на встрѣчу господъ, одѣтыхъ въ короткія пальто, и въ высокіе сапоги. За нѣсколько шаговъ, они остановились и, прижавшись спинами къ дому, какъ бы выжидали насъ, при чемъ, не снимая шляпъ, довольно нахально смотрѣли на приближающуюся группу. Великій князь шелъ впереди, я лѣвѣе его. Оглянувшись на слѣдовавшихъ за нами офицеровъ, вижу, что они, переглядываясь, указываютъ на незнакомцевъ и въ то же время показываютъ имъ знаками, чтобы сняли шляпы. Тѣ, какъ бы не видя этого, остаются въ прежнихъ позахъ, держа правыя руки въ карманахъ пальто. Кто припомнитъ раненіе графа Лидерса и покушеніе Ярошинскаго, — тотъ пойметъ почему мы приближались къ этимъ господамъ, съ мыслию — какъ бы не случилось чего либо подобнаго. Нѣсколько офицеровъ увеличили шагъ и, дѣлая видъ, что желаютъ лучше слышать то, что говоритъ Великій князь, шедшій серединою улицы, заслонили его собою. Его Высочество, какъ бы ничего не замѣчая (что и могло быть), продолжалъ спрашивать меня о размѣщеніи полка. Что имѣли въ помыслахъ эти люди, сказать трудно, и кто знаетъ, не были ли они удержаны отъ какого либо намѣренія тѣмъ, что Намѣстникъ шелъ въ со-

провожденіи человѣкъ тридцати офицеровъ, готовыхъ на все.

Осматривая казармы, Великій князь былъ удивленъ, что моя квартира была болѣе похожа на казематъ, нежели на помѣщеніе полковаго командира. Онъ тутъ же приказалъ, сопровождавшему его начальнику инженеровъ, перестроить смежный домъ, гдѣ находилось управленіе полицейскаго циркула, передѣлавъ его подъ офицерскія квартиры. Благодаря этому, черезъ полгода, я имѣлъ превосходное помѣщеніе, устроенное во всемъ согласно съ моими указаніями. Вообще надо сказать, что все, что только возможно было сдѣлать изъ казармъ стариннаго устройства, все было сдѣлано и къ веснѣ помѣщенія войскъ были неузнаваемы.

Мѣсяца черезъ два по переселеніи 3-й дивизіи въ Варшаву, въ нее вступили л.-гв. уланскій Его Величества и Гродненскій гусарскій полки, съ гвардейскою конною батареею, а затѣмъ—2-й гвардейскій стрѣлковый баталіонъ и рота гвардейскаго экипажа, для службы по рѣкѣ Вислѣ. Все это вмѣстѣ составило отдѣльный гвардейскій отрядъ, начальникомъ котораго былъ назначенъ начальникъ 3-й дивизіи, генералъ-адъютантъ баронъ Корфъ. Этотъ почтенный и доброй души генералъ былъ не чуждъ нѣкоторыхъ слабостей, изъ которыхъ выходили иногда презабавные эпизоды. Получивъ подъ команду частицы всѣхъ родовъ войскъ, онъ вообразилъ себя и кавалеристомъ, и артиллеристомъ, и морякомъ. Особенно занимало его то, что ему подчинили роту гвардейскаго экипажа, которою тогда командовалъ капитанъ-лейтенантъ Небольсинъ. Для этой роты устроена была возлѣ цитадели небольшая пристань и мастерская, гдѣ строили лодку. Когда она была готова, Корфъ назначилъ церемоніальный спускъ ея на воду, въ своемъ присутствіи. Какъ это ни казалось страннымъ, но Небольсинъ одѣлъ свою команду въ парадную форму и ждетъ генерала. Послѣ принятія рапорта, баронъ весьма серьезно и съ важнымъ видомъ спрашиваетъ:

— Какъ вода?

— Вода, ваше превосходительство, ничего.

— Какъ ничего, что это значитъ—ничего? еще серьезнѣе вопрошаетъ генералъ. Я васъ спрашиваю какъ вода?

— Вода очень хороша, хотя нѣсколько мутна, отвѣчаетъ Небольсинъ.

— Да что вы шутите, что-ли? возвышая голосъ, говоритъ баронъ. Я васъ спрашиваю морскимъ терминомъ, какъ обыкновенно слѣдуетъ адмиралу, и вы должны сказать какъ вода высока, опредѣляя футами и дюймами, дабы я могъ судить можетъ ли судно, не ударяясь о дно, всплыть, а вы мнѣ отвѣчаете—вода мутна.

Небольсинъ назвалъ высоту воды.

— Ну то-то-же.

Затѣмъ лѣхотный адмиралъ воскликнулъ: „Здорово, молодцы моряки“, и получивъ громкій отвѣтъ, еще громче командовалъ:

„Руби канатъ“.

Хотя каната не оказалось, и матросы, отбивъ подпорки, на рукахъ стащили лодку на воду, но почтенный Павелъ Ивановичъ былъ очень доволенъ, что изображалъ адмирала, и первымъ крикнулъ ура! когда поставили флагъ. Шутники рассказывали потомъ, будто Корфъ очень сѣтовалъ, что ему, какъ главному начальнику варшавской флотиліи, не было дано морскаго мундира.

Не менѣе забавный случай произошелъ въ одной изъ ротъ, при посѣщеніи барономъ Корфомъ Повонзковскихъ казармъ. Любя толковать съ солдатами, онъ въ этотъ разъ давалъ имъ такое наставленіе:

„Будьте, ребята, какъ можно осторожнѣе съ поляками, когда бываете въ городѣ, особенно съ поляками. Другой, угощая, отравить готовъ, а польки прикинутся ласковыми съ вами, да вы не поддавайтесь; онѣ нарочно станутъ соблазнять васъ, чтобы заразить дурною болѣзнію. Чѣмъ у насъ будетъ больше въ лазаретахъ — тѣмъ имъ лучше. Это они дѣлаютъ изъ патріотизма — слышите?“

— Слушаемъ, ваше превосходительство.

— Вы, братцы, понимаете, что такое патріотизмъ?

— Понимаемъ, ваше превосходительство.

— Что же это такое?

— Дурная болѣзнь, ваше превосходительство!

Это приводится не какъ придуманное ради анекдота, но какъ фактъ, которому еще есть свидѣтели.

Какъ правившій обязанности генералъ-губернатора города и начальника гарнизона, баронъ Корфъ сильно увлекался все-

возможными мѣрами предосторожности противъ того, чтобы въ Варшавѣ не произошло вооруженнаго возстанія. Можетъ быть это увлеченіе происходило отъ того, что всѣ другіе правительственные органы, какъ-то: полиція и жандармы того времени были вполне равнодушны, да впрочемъ и причинъ особенно беспокоиться не было. Варшава, по наружности, казалась совершенно покойною. Трудно было полякамъ и предпринять что-либо, когда военное положеніе, строго исполняемое, связывало ихъ по рукамъ и по ногамъ. На улицахъ запрещено было останавливаться даже троимъ; съ 7 часовъ вечера всѣ выходящіе изъ домовъ должны были идти съ фонарями, а послѣ 10 часовъ никто не смѣлъ выходить за ворота, не имѣя особаго на это билета отъ начальника гарнизона, или отъ управленія оберъ-полиціеймейстера; всѣ ворота приказано было имѣть постоянно запертыми и при калиткѣ—особаго сторожа. Несмотря на это, опасаясь чего-то, войска держались въ постоянномъ напряженіи. Это было тѣмъ досаднѣе, что поляки, пользуясь этимъ, умышленно подкидывали и разсылали безыменныя письма, съ извѣщеніями, что завтра будутъ подожжены такіа-то казармы, что послѣзавтра назначается общее возстаніе, что тогда-то замокъ или мостъ черезъ Вислу будетъ взорванъ. Всему этому начальникъ гарнизона вѣрилъ, придавая значеніе, усиливая и безъ того тяжелую службу войскъ.

Не проходило почти дня, чтобы, въ 10 ч. утра или въ 7 вечера, баронъ Корфъ не требовалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ командировъ, для объявленія имъ того или другаго слуха и, сообразно съ нимъ, не приказывалъ бы принимать новыя мѣры. Ежедневно разсылалась въ полки особая секретная диспозиція для сбора войскъ по тревогѣ. Не смотря на то, что на площадяхъ были устроены теплые бараки для нѣсколькихъ ротъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ день и ночь бивакировали особые караулы, отъ всѣхъ полковъ наряжались многочисленные патрули, обязанные отъ вечерней до утренней зари обходить, по данному маршруту, всѣ улицы и переулки своего участка. Они состояли изъ 8 и болѣе человекъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ. По возвращеніи однихъ тотчасъ посылались другіе, такъ что отъ полка выходило разомъ въ обходъ улицъ болѣе роты. Забудьте, что это дѣлалось въ городѣ, гдѣ всѣ ворота на запорѣ, гдѣ съ 10 часовъ вечера ни одной души, кромѣ военныхъ, нѣтъ

на улицѣ, гдѣ на каждомъ перекресткѣ полиціанты. Мало этого: въ дни, когда поляки распускали слухъ о какой-либо угрозѣ, патрулямъ было приказано, приближаясь къ углу улицы, взводить курки, дабы они успѣли дать залпъ при нападеніи изъ-за угла. Вѣроятно, наши секреты подъ Плевной и на балканскихъ высяхъ стояли съ меньшею боязнію внезапнаго нападенія, чѣмъ мы, оберегая запертыхъ въ домахъ варшавскихъ обывателей. Наши казармы были обставлены часовыми у всѣхъ воротъ, у всѣхъ выходовъ на внутренній дворъ, на всѣхъ углахъ зданія; иногда же, цѣлыя недѣли, только половина людей въ ротахъ спала раздѣвшись, а другая ложилась обутою, имѣя ружье у бока. Выносить подобное положеніе, зная что даже при князѣ Горчаковѣ достаточно было залпа одного отдѣленія, чтобы вся польская храбрость ушла въ пятки, было крайне тяжело. Можно быть въ нравственномъ напряженіи нѣсколько дней, но ждать чего-то восемь мѣсяцевъ ежечасно, чувствуя свою силу, — хуже всякой войны. Тамъ нервы напряжены за день или за два передъ сраженіемъ, или во время самаго боя, но разъ онъ совершился—человѣкъ отдыхаетъ, спокойный духомъ, а тутъ его постоянно пугаютъ чѣмъ-то воображаемымъ. Всѣ эти подкидыванія разнаго рода стращаній, въ родѣ того, что при сборѣ по тревогѣ улицы будутъ посыпаны остроконечными рогулками, дѣлались съ цѣлью истомить войска. Хорошо, что въ это время въ Варшавѣ ничего не случилось; но если бы произошла хотя малѣйшая вспышка, то было бы страшно трудно удержать солдатъ отъ жестокостей,—до того накалилось у нихъ на душѣ, отъ напряженныхъ нервовъ и бессонныхъ ночей.

„Эхъ, хоть бы попробовали поганые побунтовать, ужъ мы бы потѣшились“,—говорили солдаты между собою. Но поляки только пугали, а были заняты другимъ. Они работали для будущаго, ковали косы, отливали пули и точили ножи, но не въ Варшавѣ, а на казенныхъ заводахъ и на фабрикахъ разныхъ Замойскихъ, Блѣховъ и Кроненберговъ.

Диспозиціи, отдаваемые для сбора войскъ по тревогѣ, считались секретными, а потому, изъ боязни, чтобы поляки не узнали, ихъ измѣняли ежедневно. Странно было полагать, чтобы то, что пишется въ штабѣ десяткомъ писарей, или литографируется въ полкахъ, могло быть секретомъ, а между тѣмъ безпрерывныя измѣненія маршрутовъ и мѣстъ сбора, до того сби-

вали всѣхъ, что роты, разбросанныя по разнымъ частямъ города, не зная ни названія переулковъ и ихъ направленія, ни гдѣ находится новый сборный пунктъ, при дѣйствительной тревогѣ навѣрное-бы перепутались. Къ счастью, настоящей тревоги не было, но были двѣ фальшивыя, о которыхъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Впослѣдствіи многіе оправдывали увлеченіе предосторожностями, тѣмъ, что можетъ быть, благодаря имъ, въ Варшавѣ ничего не случилось, не дошло до кровопролитія въ стѣнахъ города. Но спрашивается, развѣ недостаточно было и десятой доли той ночной службы, которую несли войска, чтобы затупить всякую вспышку въ самомъ началѣ? Поляки очень хорошо понимали съ кѣмъ имѣютъ дѣло и чувствовали, что всякая уличная ихъ продѣлка, вмѣсто прежнихъ комедій, кончилась бы для нихъ драмою.

Совершенно противоположное, описанной боязни въ служебной сферѣ, происходило въ частной жизни тѣхъ русскихъ, которыхъ мы застали въ Варшавѣ. Хотя ихъ было немного, но все-таки достаточно, чтобы наполнять по вечерамъ небольшое помѣщеніе русскаго клуба. Мы, пришлецы, исподволь пристроились къ его постояннымъ посѣтителямъ изъ старожиловъ, изъ чиновниковъ различныхъ управленій и военныхъ, занимавшихъ съ давнихъ поръ различныя штабныя должности. Кромѣ того, членами клуба было нѣсколько лицъ, нигдѣ не служившихъ, жившихъ въ Варшавѣ по привычкѣ, или по семейнымъ связямъ. Все это были люди, видѣвшіе и порядки временъ Паскевича, и безпорядки временъ его преемниковъ. Ихъ ничто не удивляло, даже и то, что во время одного изъ клубныхъ обѣдовъ прибѣжали сказать о только что совершенномъ убійствѣ чиновника-поляка, заподозрѣннаго въ измѣнѣ. Это было первое при насъ убійство, совершенное съ политическою цѣлью. Мы были поражены случившимся, тогда какъ давнишніе члены клуба почти не обратили на него вниманія, точно какъ будто подобное происшествіе, среди бѣлаго дня, вещь обыкновенная. „Погодите, привыкните“, говорили они тѣмъ изъ насъ, которые удивлялись ихъ равнодушію. И дѣйствительно мы потомъ привыкли, какъ привыкаетъ человѣкъ ко всему. Помню, какое впечатлѣніе произвела первая казнь, когда изъ казарменныхъ квартиръ офицеры увидѣли висѣлицу:

окна запирались, спускали шторы; тѣ кому приходилось быть по службѣ при повѣшеніи, дня два потомъ не могли ничего ѣсть; но не прошло и года, какъ на подобное же зрѣлище смотрѣли въ бинокли, съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ смотрятъ на театральную сцену.

Въ теченіи всей зимы 1862—63 года, старшіе чины полковъ и управленій и по нѣскольку офицеровъ каждой части, еженедѣльно, по воскресеньямъ и четвергамъ, а также тѣ изъ дамъ, которыя были представлены Великой княгинѣ, приглашались на рауты въ замокъ. Приглашались туда также жены высшихъ польскихъ чиновниковъ: сенаторовъ, управляющихъ правительственными комиссіями и членовъ совѣта, но являлись на приглашенія только русскія дамы; природной польки не довелось видѣть въ замкѣ ни одной. Вообще дамское общество на раутахъ было крайне малочисленно. Двѣ фрейлины великой княгини, г-жи Лазарева съ двумя дочерьми, Набокова, Ухтомская, изъ городскихъ—госпожи Феньшау и Андро съ дочерьми, да 5—6 полковыхъ дамъ,—вотъ и всѣ. Въ кавалерахъ конечно недостатка не было. Независимо отъ того, что на этихъ собраніяхъ узнавались всѣ новости дня, что тамъ мы, встрѣчаясь другъ съ другомъ и съ начальствомъ, могли обмѣниваться мыслями и взглядами на событія, а иногда получать рѣшеніе служебныхъ вопросовъ,—рауты представляли еще тотъ интересъ, что на нихъ мы встрѣчали иногда личностей, извѣстныхъ своимъ прошедшимъ, въ родѣ бывшего оберъ-полиціймейстера Абрамовича, или правителя канцеляріи при Паскевичѣ—Козачковскаго. Интересныхъ своимъ настоящимъ или будущимъ являлось конечно болѣе. Когда же, по случаю возстанія, начались постоянныя присылки изъ Петербурга новыхъ дѣятелей, всѣхъ ихъ можно было встрѣтить на раутѣ, узнать отъ нихъ послѣднія новости, взгляды столичныхъ кружковъ на происходящее въ Польшѣ, новыя назначенія, слухи изъ-за границы и т. д.

Пройдемся теперь съ читателемъ по заламъ замка во время раута и бросимъ взглядъ на его посѣтителей.

Съ 9 часовъ вечера залы начинаютъ наполняться младшими изъ приглашенныхъ. Приглашенія писались на французскомъ языкѣ, вѣроятно для того, чтобы поляки не могли отговариваться, что не понимаютъ ихъ. Проходя рядъ ярко освѣщен-

ныхъ комнатъ, вы видите у каждой двери двухъ придворныхъ лакеевъ; но если спросите котораго-нибудь изъ нихъ о чемъ-либо по-русски, онъ вамъ отвѣтитъ по-польски, что не понимаетъ. Это шокируетъ васъ, но что же дѣлать! Въ двухъ первыхъ аванзалахъ нѣсколько офицеровъ стоятъ группами, тихо разговаривая между собою. Вниманіе ихъ обращено на сѣдаго, небольшого роста, но довольно плотнаго генерала, сидящаго въ отдаленіи,—это и есть *Абрамовичъ*,—живая, но молчаливая хроника всего совершавшагося за послѣднія 30 лѣтъ въ Польшѣ. Вглядитесь въ его пронизательный взглядъ, и вы поймете, что онъ и теперь, наблюдая за происходящимъ, знаетъ все, что творится въ стѣнахъ и за стѣнами Варшавы. Къ нему рѣдко кто подходилъ, но въ настоящую минуту съ нимъ говоритъ генералъ *Ермоловъ*, комендантъ цитадели, саперъ Николаевского времени, человѣкъ прямой, правдивый, не затрудняющійся говорить правду прямо въ лицо всякому, не разбирая, нравится ли это или нѣтъ. Онъ благоговѣлъ передъ памятью Императора Николая, зналъ многія черты изъ его жизни и любилъ говорить о нихъ ¹⁾. Въ слѣдующей, такъ на-

¹⁾ Приведемъ два случая, сообщенные намъ Ермоловымъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, присутствуя на церковномъ парадѣ въ лагерной церкви, Николай Павловичъ замѣтилъ, въ заднихъ рядахъ, генерала, особенно усердно молящагося, но одѣтаго не такъ щеголевато, какъ другіе. Онъ тутъ же приказалъ узнать кто онъ, и когда оказалось, что это бригадный командиръ, то подозвалъ къ себѣ Паскевича, спросилъ какъ служить замѣченный и почему онъ въ поношенномъ мундирѣ? Фельдмаршалъ отвѣтилъ, что генералъ, о которомъ идетъ рѣчь, отличный служивый, но человѣкъ бѣдный, обремененный громаднымъ семействомъ.—„Передай ему, сказалъ на это Государь, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ, а потому я прикажу выдавать ему по 2 тысячи въ годъ пособія.“

Вотъ другой случай: На смотрѣ кавалеріи, собранной подъ Вознесенскомъ, Николай Павловичъ остался особенно доволенъ бригадою генерала Величко. По окончаніи смотра, благодаря его при собраніи всѣхъ начальниковъ, Государь спросилъ: „Сколько у тебя дѣтей!“ Величко такъ былъ удивленъ неожиданностію вопроса, что отвѣчалъ: „шесть, Ваше Величество“,—тогда какъ ихъ было у него восемь. „Ну, такъ ты служи—продолжалъ Императоръ,—а я самъ позабочусь о твоихъ семьѣ“. Затѣмъ, обратясь къ князю Чернышеву, сказалъ: „Сыновей принять въ кадеты, а дочерей моими пансіонерками въ институты“.

зываемой Желтой гостиной, собираются старшіе чины. Они группируются вдоль наружной стѣны, у оконъ, а противъ нихъ уже нѣсколько придворныхъ и городскихъ дамъ привѣтствуютъ одна другую. По ихъ улыбкамъ и рукопожатіямъ, онѣ кажутся такъ близкими и такими дружными между собою; но не поддавайтесь подобному впечатлѣнію, потому что маменьки на сторонѣ готовы загрызть другъ друга за дочекъ, а дочки защищать ту изъ подругъ, которая красивѣе.

Въ группѣ генераловъ мы видимъ довольно плотную фигуру, въ мундирѣ генеральнаго штаба,—это *Чернышкінъ*, помощникъ начальника штаба, извѣстный острякъ, занимательный собесѣдникъ въ кругу товарищей и большой поклонникъ вдовушки Клико. Отъ него порядочно достается тѣмъ, кого онъ не любитъ. Не смотря на природную лѣность и любовь къ ресторану, онъ самый полезный изъ чиновъ штаба, способный въ часъ сдѣлать больше, чѣмъ его начальникъ въ сутки. Вотъ онъ, высокій господинъ, съ массою иностранныхъ звѣздъ на мундирѣ, всегда стоящій возлѣ двери, изъ которой послѣдуетъ выходъ Ихъ Высочествъ. Это генералъ *Миньвинъ*, великій почитатель генеалогіи, знающій наизусть *Almanach de Gotha* и родословную всѣхъ остзейскихъ бароновъ. Возлѣ него вы рѣдко услышите русскую рѣчь, поэтому и на раутахъ онъ говоритъ только съ земляками, а если кто либо и пожелаетъ, воспользовавшись встрѣчею, спросить его о служебномъ дѣлѣ, то увидитъ на его лицѣ отраженіе явнаго неудовольствія. Не подходите къ нему и тогда, когда онъ говоритъ съ прусскимъ консуломъ *Рейхенбахомъ*. Вы думаете, что дѣло идетъ о политикѣ,—ошибаетесь: они толкуютъ о томъ, когда бы сойтись покушать устрицъ у Стѣпковскаго. Почему—спросите вы, такъ оживилась молодежь въ сосѣдней комнатѣ? Это навѣрное вошелъ князь *Бебутовъ*, комендантъ, никогда не посѣщавшій ни одной гауптвахты, любимецъ прапорщиковъ и корнетовъ, покровитель балета, знающій всѣ любовныя интрижки города. Какъ относился комендантъ къ своей обязанности, доказываетъ слѣдующее: послѣ завтрака, онъ ежедневно появлялся съ двумя-тремя пріятелями въ средней аллеѣ Саксонскаго сада. Сидѣвшіе на скамейкахъ офицеры, вставая отдавали ему честь, но онъ дѣлая видъ, что не замѣчаетъ, бормочетъ: „Козырай, братъ, козырай, а я все-таки не вижу“, и залажа руки за

спину проходилъ мимо. Бебутовъ обыкновенно является на раутъ вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, старикомъ *Фундуклеемъ*, засѣдающимъ въ сенатѣ, но больше извѣстнымъ своимъ богатствомъ и скупостью, да изрѣдка даваемыми обѣдами и балами. А вотъ и генералъ-живчикъ, покуда председатель какой-то комисіи, а впослѣдствіи варшавскій гражданскій губернаторъ *Рожновъ*. Ухаживалъ онъ за актрисой Бакаловичъ, но въ то же время тѣмъ же дѣломъ занимался и другой генералъ, помоложе его:

— Иду я—говорилъ Рожновъ про самого себя,—мимо ея квартиры, часовъ въ 11 утра, вижу у подъѣзда карета,—это меня заинтересовало.

— Чей это экипажъ? спрашиваю толстаго кучера.

— Генерала Рожнова,—отвѣчалъ бородачъ не задумавшись.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и говорю:

— А давно, голубчикъ, ты служишь у меня?

— Вотъ, господа, какіе бываютъ пріятели, — закончилъ добродушный старикъ рассказъ про самого себя.

Но вотъ входитъ громадная фигура во фракѣ. Она съ угрюмымъ видомъ проходитъ чрезъ залы, не обращая ни на кого вниманія, и едва отвѣчаетъ кивкомъ головы на поклоны лично знакомыхъ. Это знаменитый маркизъ *Велепольскій*. Онъ настолько важенъ, что является на рауты послѣ выхода хозяевъ и не всегда отзывался на приглашеніе. Войдя въ гостиную, онъ отходитъ въ сторону и, заложивъ руки въ карманы, ни къ кому не подходитъ. За то къ нему тотчасъ пристраиваются тѣ изъ служащихъ поляковъ, которые явились на раутъ; но и съ ними онъ держитъ себя юпитеромъ. Совершенною противоположность по обращенію и манерамъ представляетъ нашъ знакомый епископъ *Фелинскій*. Онъ всѣмъ весьма любезно кланяется, на устахъ его пріятная улыбка, онъ жметъ руку подходящимъ къ нему, особенно дамамъ, видимо старающимся быть съ нимъ предупредительными.

Взгляните теперь на высокаго, сѣдаго, такъ стройно держащаго себя генералъ-адъютанта, медленнымъ шагомъ, съ важностью входящаго въ гостиную. Это баронъ П. И. Корфъ, котораго всѣ знаютъ и всѣ любятъ, потому что онъ одинаково привѣтливъ съ военными и статскими, съ поляками и русскими. Знатокъ исключительно строеваго дѣла, онъ, къ сожа-

лѣнію, считаетъ себя знатокомъ всего, не исключая и прекраснаго пола, что нерѣдко заставляло его быть не всегда справедливымъ, особенно когда ему приходилось рѣшать дѣла поляковъ.

Ровно въ 9½ часовъ Ихъ Высочества выходили изъ внутреннихъ покоевъ, тѣмъ и открывался раутъ, длившійся обыкновенно часа два, и затѣмъ всѣ разъѣзжались. Особенный интересъ представляли они, когда началось возстаніе, потому что тогда, къ обыкновенному составу приглашаемыхъ присоединялись возвращавшіеся въ Варшаву изъ отрядовъ начальники экспедицій, отъ которыхъ можно было узнать происходившее въ провинціи.

Послѣдніе три мѣсяца 1862 года прошли безъ нарушенія спокойствія не только въ Варшавѣ, но и въ губерніяхъ. Носились слухи, что поляки готовятся къ чему-то серьезному, что въ городахъ уже появились эмиссары, что есть положительные свѣдѣнія, будто на казенныхъ желѣзныхъ заводахъ заготовлены склады оружія; но этому одни вѣрили, другіе нѣтъ, потому что не хотѣли вѣрить. Положительно было извѣстно только то, что въ январѣ мѣсяцѣ будетъ произведенъ наборъ рекрутъ. Исходъ его очень занималъ и общественное мнѣніе и высшихъ правительственныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ днемъ усиливались слухи, будто значительная часть конскриптовъ, внесенныхъ въ очередные списки, скрылась неизвѣстно куда, и что наборъ не можетъ совершиться безъ серьезныхъ безпорядковъ. Особенно опасались ихъ въ Варшавѣ, опасались до того, что согласились на нелѣпое предложеніе Велепольскаго, произвести наборъ по обычаю временъ Цесаревича Константина, давно забытому. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы держать день набора въ величайшемъ секретѣ и затѣмъ неожиданно, въ извѣстный часъ ночи, схватить людей, внесенныхъ въ списки. Не говоря о неблаговидности подобной мѣры, она была одинаково тягостна какъ для тѣхъ, которыхъ подвергали ей, такъ и тѣмъ, которые приводили ее въ исполненіе.

2-го января 1863 года, всѣ начальники военныхъ отдѣловъ, всѣ полковые командиры и полиціимейстеры, были рано утромъ собраны къ барону Корфу, который объявилъ намъ, что въ полночь, на 3 число, назначается рекрутскій наборъ, о чемъ далъ письменныя распоряженія и личныя указанія. По воз-

вращеніи въ казармы, каждый изъ насъ долженъ былъ, съ величайшимъ секретомъ, отдать соотвѣтствующія приказанія, состоявшія изъ слѣдующихъ мѣръ: 1) За часъ до полуночи, въ каждый циркуль должна прибыть рота и 10 казаковъ, для охраны и для конвоирования конскриптовъ въ цитадель. 2) Для сопровожденія полицейскихъ, которые будутъ брать конскриптовъ изъ домовъ, назначить подъ командою офицера 25 лучшихъ рядовыхъ, при 2-хъ унтеръ-офицерахъ въ каждую часть. 3) Всѣ подлежащіе набору, кого-бы изъ нихъ, гдѣ и въ какомъ положеніи ни застали, должны быть взяты и доставлены въ циркуль, гдѣ помѣщать ихъ въ особыхъ комнатахъ и, по накопленіи, отправлять партіями отъ 10 до 25 человѣкъ, подъ конвоемъ, въ цитадель. 4) Всѣмъ войскамъ, во время продолженія набора, не отлучаться изъ казармъ и быть въ полной готовности къ выходу по тревогѣ. Все это было исполнено въ точности, и не было не только ни одного случая сопротивленія, но даже попытки скрыться. Взятые безпрекословно шли за полиціантами.

Въ какой мѣрѣ наши власти опасались набора, доказывается тѣмъ, что Велепольскій, баронъ Корфъ, начальникъ штаба, комендантъ и оберъ-полицімейстеръ всю ночь провели въ замкѣ, куда всякій часъ присылались съ офицерами донесенія, о благополучномъ ходѣ набора и о числѣ конскриптовъ, сданныхъ въ цитадель.

Производившіе арестованія говорили потомъ, что имъ приходилось быть свидѣтелями и смѣшныхъ и сильно драматическихъ сценъ. Въ одномъ домѣ брали новобрачнаго, среди свадебнаго веселья, въ другомъ—жениха разлучали съ невѣстой, въ третьемъ—отрывали сына отъ одра умирающей матери. По приводѣ въ циркуль, одни, поднятые среди сна, другіе взятые въ нетрезвомъ видѣ, третьи испуганные до лихорадки, представляли престранное смѣшеніе. Про нихъ вполнѣ можно было сказать словами Пушкина:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній

Тутъ были простые мастеровые—въ лѣтнихъ нанковыхъ сюртукахъ, были еврей-оборванцы и евреи въ ентовыхъ шубахъ, были зажиточные нѣмчики польскаго происхожденія, лакеи и кучера въ ливреяхъ, писцы, поденъщики, актеры, музыканты,

повара, художники—все что угодно. Бóльшая ихъ половина шла въ рекруты совершенно равнодушно; многіе даже заявляли, что напрасно ихъ брали съ конвойными, и не мало было примѣровъ, что тѣ, кого не заставляли дома и считали скрывшимися, узнавъ что за ними приходили, подъ утро добровольно являлись въ циркуль, съ просьбою отправить ихъ въ цитадель.

3-го числа всѣ начальники отдѣловъ, въ 10 часовъ утра, прибыли въ замокъ, для личнаго доклада о происходившемъ. Видимо было, какъ радовалось начальство, что все кончилось благополучно, но странно было то, что свѣдѣнія, представляемыя намѣстнику юнымъ оберъ-полицімейстеромъ, сильно расходились съ тѣми, которыя были представлены начальниками отдѣловъ. Полиція почему-то считала, что было взято меньше, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности.

Вообще полиція описываемаго времени была въ самомъ неудовлетворительномъ, даже въ политическомъ смыслѣ, состояніи. Составленная почти исключительно изъ нижнихъ чиновъ уроженцевъ края, управляемая польскими чиновниками, подъ главнымъ начальствомъ, переведеннаго изъ гвардейскихъ штабсъ-ротмистровъ, подполковника, облеченнаго въ званіе оберъ-полицімейстера, она съ трудомъ годилась только для наружнаго порядка. Слѣдить за подозрительными личностями, знать чѣмъ онѣ занимаются, гдѣ происходятъ ихъ совѣщанія и т. д. отъ всего этого полиція какъ бы отворачивалась. Чему же иначе приписать то, что подпольное правительство народоваго ржонда преспокойно засѣдало въ Варшавѣ, издавало свои распоряженія, печатало прокламаціи, которыя почти ежедневно появлялись на столахъ пукеренъ и трактировъ. Всѣ знали, что существуетъ даже особый начальникъ города, съ собственною полиціею, имѣвшею свои посты на улицахъ. Были случаи, что ея агенты, одѣтые въ казенную полицейскую форму, стояли на самыхъ людныхъ улицахъ. Одинъ изъ таковыхъ оказалъ явное содѣйствіе убійству, совершенному въ 8 часовъ утра на Медовой улицѣ. Какъ подобранъ былъ составъ канцеляріи полицейскаго управленія, лучше всего указываетъ слѣдующій фактъ. Оберъ-полицімейстеру было словесно сообщено, что по вечерамъ, члены революціоннаго правительства собираются въ такой-то улицѣ и въ такомъ-то домѣ. Желая лично накрыть засѣдающихъ, но, забывъ названіе улицы, онъ посылаетъ въ свою канцелярію

узнать въ какой именно улицѣ домъ подъ даннымъ номеромъ; потомъ приказываетъ заложить коляску, увеличиваетъ свой конвой, и летитъ съ полною увѣренностью захватить корифеевъ польской sprawy въ полномъ составѣ. Но представьте, читатель, его разочарованіе: онъ входитъ въ ярко освѣщенный залъ и находитъ только покрытый зеленымъ сукномъ столъ и на немъ нѣсколько недопитыхъ стакановъ чая и дымящіяся окурки сигаръ. Птички улетѣли. Ясно, что изъ канцеляріи имъ успѣли дать знать, что о домѣ наводили справку¹⁾.

Вообще, въ описываемое время, тайная, такъ сказать, пассивная революція въ странѣ, взяла снова перевѣсъ надъ правительственной властью, потому, что вся гражданская администрація состояла изъ лицъ мѣстнаго происхожденія, преданныхъ дѣлу повстанія, а дисциплина революціонной партіи была такова, что никто не дерзалъ противиться ея распоряженіямъ. Чиновники присутственныхъ мѣстъ сообщали центральному комитету официальные документы, доводили до его свѣдѣнія о всѣхъ задуманныхъ мѣрахъ и такимъ образомъ парализировали дѣятельность правительства.

Рекрутскій наборъ въ губерніяхъ долженъ былъ происходить нѣсколькими днями позже чѣмъ въ Варшавѣ. Тамъ онъ совершался далеко не такъ благополучно. Значительная часть конскриптовъ скрылась, какъ оказалось потомъ, въ лѣса и въ мѣстечки, незанятыя войсками, гдѣ, заранѣе назначенными организаторами, вооружалась изъ приготовленныхъ складовъ и формировала банды. Довудцами (начальниками) шаякъ назначались прибывшіе изъ-за границы эмигранты, бѣжавшіе изъ войскъ офицеры—поляки и нѣкоторые, бывшіе прежде военными, помѣщики. Интереснѣе всего то, что подготовленіе къ вооруженному возстанію не было тайною; о нихъ носилась молва, получались и официальные свѣдѣнія, но имъ не вѣрили. Такъ, напримѣръ, покойный генералъ Ченгеры рассказывалъ, что онъ 3-го января нарочно ѣздилъ изъ Кѣльцы въ Радомъ, доложить начальнику отдѣла, генералу Ушакову, о полученныхъ имъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, явно указывавшихъ на предстоявшее возстаніе. Въмѣсто принятія какихъ-либо мѣръ, начальникъ отдѣла отнесся къ сообщенію иронически, увѣряя

¹⁾ Оберъ-Полиціѣмейстера Варшавы 1862 и 63 г. не слѣдуетъ смѣшивать съ его пріемникомъ.

Ченгеры, что все вздоръ, что это не болѣе какъ извѣстныя польскія страханья; отговорилъ его отъ намѣренія ѣхать въ Варшаву. „Тамъ всѣ такъ благодушествуютъ послѣ удачнаго набора,—говорилъ Ушаковъ почтенному Ченгеры,—что надъ вами только посмѣются. Лучше пообѣдайте у меня, вечеромъ устроимъ партію, а завтра возвращайтесь съ Богомъ въ Кѣльцы“. Впослѣдствіи оказалось, что поляки, зная о поѣздкѣ Ченгеры въ Радомъ, ждали его въ лѣсу, съ намѣреніемъ захватить; но были удержаны однимъ изъ агентовъ ржонда, который боялся, что подобный фактъ, ранѣе срока назначеннаго для общаго возстанія и нападенія на войска, обнаружитъ тайну ихъ намѣреній.

Между тѣмъ какъ въ Варшавѣ занимались приготовленіями къ отправкѣ рекрутскихъ партій въ Россію и начинали уже радоваться общему затишью, рано утромъ, 11 января, всѣ командиры полковъ были потребованы къ барону Корффу. Являемся и застаемъ въ кабинетѣ весь его штабъ и генерала путей сообщенія Кербиза, завѣдывавшаго тогда желѣзною дорогою отъ Варшавы до Вильны. Корффъ ходитъ по кабинету въ сильномъ волненіи; всѣ другіе имѣютъ видъ какъ бы сконфуженный.

— Господа,—говоритъ намъ баронъ,—перчатка брошена! Поляки взяли за оружіе и, въ нѣсколькихъ пунктахъ, самымъ предательскимъ образомъ, въ ночь съ 9-го на 10-е число, напали на отдѣльно стоявшія роты. Теперь съ ними церемониться нечего.

Наконецъ-то! подумалось намъ.

— Что особенно непріятно, продолжалъ баронъ, это нерывъ сообщенія съ Петербургомъ. Вотъ генералъ,—при этомъ онъ указалъ на Кербиза,—докладываетъ, что еще вчера онъ отправилъ поѣздъ въ Вильно и ничего не замѣтилъ между служащими; что начальникъ станціи, человекъ казавшійся вполне благонадежнымъ, увѣрялъ его въ полномъ спокойствіи на линіи, а сегодня ночью, взявъ со станціи всѣ локомотивы и вагоны, уѣхалъ съ своими помощниками на станцію Лапы.

Надо было обладать большою наивною или быть участникомъ заговора, чтобы вѣрить благонадежности польскихъ желѣзнодорожниковъ. Впрочемъ, въ то время, точно у всѣхъ, обязанныхъ слышать и видѣть, были завязаны глаза и уши. Стоило обратить вниманіе на происходившее за нѣсколько дней до

возстанія на варшавскихъ улицахъ, чтобы замѣтить нѣчто особенное. То мы видѣли верховыхъ, одѣтыхъ въ высокіе сапоги и чекмени, рысью ѣдущихъ въ городъ или изъ города; то попадались молодые люди, ѣдущіе по два и по три въ бричкахъ, закутанные въ клеенчатые плащи съ капюшонами; то встрѣчались парни съ мѣшками и котомками, идущіе къ заставамъ. Войдя въ цукерню, видишь, бывало, что поляки, сидя вокругъ столиковъ, о чемъ-то шепчутся, или иронически перемигиваются насчетъ вошедшаго офицера. Въ театрѣ они говорятъ другъ съ другомъ на ухо; вдругъ одинъ вскочить среди дѣйствія, уйдетъ, черезъ минуту возвращается, что-то наскоро сообщаетъ двумъ-тремъ и всѣ быстро уходятъ. Все это не трудно было замѣтить всякому постороннему человѣку. Офицеры все это видѣли, говорили объ этомъ между собою, но передавали свои наблюденія только товарищамъ, потому что знали, какъ недовѣрчиво и равнодушно относились выше ко всему, что не имѣло примирительнаго характера.

Вообще нельзя было не удивляться многому, что творилось тогда въ Варшавѣ. Въ параллель наружнымъ строгостямъ военного положенія, лицами, обязанными слѣдить не за мелочными нарушеніями, а за умышленнымъ потворствомъ полякамъ, дѣлались явныя упущенія. Тому же генералу, который завѣдывалъ желѣзными дорогами, безнаказанно прошло совершенное его подчиненными. Баронъ Корфъ самъ говорилъ намъ, что Кербизъ наканунѣ увѣрялъ его, что ручается за своихъ начальниковъ станцій и движенія и просилъ быть спокойнымъ за сообщенія съ Петербургомъ, а на другой день явился съ докладомъ объ ихъ измѣнѣ, какъ будто она могла быть сдѣлана помимо равнодушія начальства къ тому, что предпринималось: „Дѣлайте, дескать, что хотите, а я скажу, что вы вполне надежны“. Такова была тактика большей части поляковъ и ополчившихся, стоявшихъ при различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ; первые дѣлали это умышенно, вторые изъ боязни мести или изъ опасенія стать въ разрѣзъ снисходительности общей системы управленія краемъ.

Приказавъ усилить осторожность въ казармахъ, удвоить патрули и быть во всякую минуту на все готовыми, баронъ Корфъ отпустилъ насъ. Вѣсть о возстаніи произвела въ полкахъ общее возбужденіе; всѣ какъ-бы обрадовались, что на-

конецъ врагъ обнаружился и развязалъ намъ руки. Всѣмъ казалось, будто тяжелый камень свалился съ плечъ, и что мы изъ оборонительнаго положенія переходимъ въ наступательное.

Общее возстаніе вспыхнуло въ ночь съ 9 на 10 января. Въ различныхъ пунктахъ царства Польскаго, но особенно энергично въ Радомской и Люблинской губерніяхъ, шайки мятежниковъ напали ночью на отдѣльно стоявшія роты и произвели звѣрскія убійства. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ротные командиры были поосторожнѣе и распорядительнѣе, нападеніе не удалось, или имѣло весьма малый успѣхъ; тамъ же, гдѣ они были въ отсутствіи, или не довѣряли возможности возстанія и не приняли мѣръ, роты лишились нѣсколькихъ офицеровъ и солдатъ, зарѣзанными во время сна. Описывать всѣ эпизоды этой ужасной ночи невозможно, да и не всѣ они были подробно извѣстны; скажемъ о происходившемъ въ Кѣльцахъ и окрестностяхъ, какъ о наиболѣе рельефномъ, по которому читатель можетъ судить объ общемъ характерѣ начала возстанія.

Возвратясь изъ Радома, Ченгеры принялъ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы поляки не могли прервать сообщенія Кѣльцъ со штабомъ дивизіи и съ прочими ея частями. Подъ его начальствомъ были тогда сосредоточены въ Кѣльцахъ: 6 ротъ Смоленскаго полка, артиллерійская батарея, 2 эскадрона драгунъ и 2 сотни казаковъ; прочія части этихъ полковъ охраняли шоссе на сѣверъ къ Радому и на югъ къ Мѣхову. Ченгеры вообще отличался необыкновеннымъ гостепріимствомъ, а въ описываемые безпокойные и скорбные дни, домъ его былъ постоянно открытъ не только для офицеровъ Смоленскаго полка, которымъ онъ прежде командовалъ, но для всѣхъ военныхъ. Его любили и уважали не только русскіе, но и многіе изъ поляковъ, изъ которыхъ нѣкоторые передъ возстаніемъ бывали у него въ домѣ. Характера онъ былъ весьма добраго, но до крайности вспыльчиваго.

Желая показать полякамъ, что у него достаточно войска для подавленія малѣйшей вспышки съ ихъ стороны, Ченгеры 6-го января сдѣлалъ на городской площади торжественное водосвятіе и парадъ съ пушечною салютаціею, а 9-го числа назначилъ у себя танцевальный вечеръ, на который пригласилъ всѣхъ командировъ загородныхъ ротъ, съ тѣмъ, чтобы

дать имъ наставленія и снабдить деньгами на экстренныя надобности, такъ какъ, въ виду видимаго броженія въ краѣ, они могли быть надолго отдѣлены отъ полковаго штаба.

Весело проведенъ былъ вечеръ 9-го января военнымъ обществомъ въ Кѣльцахъ, въ то время какъ въ 22 верстахъ, въ мѣстечкѣ Бондзентинѣ, разыгрывалась кровавая драма.

На слѣдующее утро Ченгеры принималъ своихъ ротныхъ командировъ, передъ ихъ разѣздомъ изъ полковаго штаба. Послѣднимъ вышелъ отъ него командиръ 2-й стрѣлковой роты капитанъ Краевичъ и прямо изъ квартиры полковаго командира отправился на свой ротный дворъ въ Бондзентинъ; но не прошло и получаса, какъ онъ вновь вбѣгаетъ къ генералу и докладываетъ, что въ 3-хъ верстахъ отъ Кѣльцъ встрѣтилъ свою роту, конвоирующую транспортъ съ убитыми и ранеными; что ночью мятежники напали на нее, убили офицера и 20 солдатъ, сожгли цейхгаузъ, что рота отступила и черезъ нѣсколько минутъ войдетъ въ городъ. Достаточно было бы и десятой доли сказаннаго, чтобы Ченгеры пришелъ въ ярость. Онъ моментально бросается къ выходящему на площадь балкону, ногою вышибаетъ его двойныя двери, не смотря на сильный морозъ выскакиваетъ въ одномъ сюртукѣ, безъ шапки, и кричитъ находившемуся на бывшей подъ балкономъ гауптвахтѣ барабанщику: „Бей тревогу!“

Черезъ площадь, противъ квартиры Ченгеры, жилъ командиръ батареи полковникъ Шпилютовъ; онъ видѣлъ черезъ окно эту сцену и не могъ понять что случилось. Черезъ нѣсколько минутъ войска со всѣхъ сторонъ сбѣжались на площадь. Блѣдный, взбѣшенный входитъ Ченгеры въ образовавшееся каре и объявляетъ, что совершилось безпримѣрное злодѣяніе; что поляки, какъ разбойники, осмѣлились напасть на русскихъ солдатъ; что онъ именемъ павшихъ товарищей требуетъ отмщенія. Во время этой рѣчи вступаетъ на площадь пострадавшая рота и между ея рядами тянутся повозки съ ранеными и тѣлами убитыхъ.

Вслѣдъ за послѣдними словами Ченгеры, подходитъ къ нему полякъ, близкій его знакомый, находившійся наканунѣ у него на вечерѣ, и, приподымая шапку, говоритъ:

— Что то все значе, пане генерале?

— А вотъ что значе,—крикнулъ Ченгеры, и въ тотъ же мо-

ментъ даетъ пану такую затрещину въ ухо, что тотъ, роняя шапку, отпатывается на сажень въ сторону и, какъ пуля, исчезаетъ съ площади.

— Мерзавецъ! — кричитъ ему вслѣдъ взбѣшенный генералъ,—все зналъ, каналья, заранѣе, а еще смѣетъ спрашивать: что то значе?

Видъ вступившаго на площадь кортежа произвелъ тяжкое впечатлѣніе на войска: 20 обезображенныхъ труповъ, такое же число охающихъ раненыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ съ отрѣзаннымъ языкомъ ¹⁾,—все это порождало невольное ожесточеніе, а Ченгеры своими проклятіями и бранью еще разжигалъ его. Онъ тутъ же формируетъ отрядъ изъ двухъ ротъ, съ двумя орудіями и двумя сотнями, назначаетъ начальникомъ его командира пострадавшей роты капитана Краевича, приказываетъ ему взять съ собою оставшихся людей этой роты и, обращаясь къ командируемымъ для наказанія Бондзентина, говоритъ имъ:

— Бей, ребята, руби, рѣжь всѣхъ, чтобы отъ проклятаго гнѣзда не осталось и камня на камнѣ.

Могло бы совершиться нѣчто ужасное, если бы, сохранявшій хладнокровіе Шпилютовъ, не уговорилъ Ченгеры не назначать Краевича начальникомъ отряда. Дѣйствительно, было неосмотрительно посылать въ Бондзентинъ офицера, надъ людьми котораго совершены звѣрства. Страшное отмщеніе могло пасть на все народонаселеніе мѣстечка и одинаково коснуться виновныхъ и невинныхъ.

Прибавлю еще нѣсколько штриховъ въ характеристикѣ почтеннаго Ченгеры. Венгерецъ по происхожденію, католикъ по религіи, солдатъ въ душѣ, онъ отлично понималъ польскій характеръ и всегда умѣлъ отличить, кто изъ поляковъ добровольно и сознательно присоединялся къ возстанію и кто былъ вовлеченъ въ него по безхарактерности и молодости. Отъ этого онъ являлся то бичемъ первыхъ, то снисходительнымъ судьей вторыхъ. Во время экспедицій энергія его не знала предѣловъ.

¹⁾ Рядовой, надъ которымъ совершено было подобное звѣрство, боясь что кто нибудь ночью можетъ украсть его ружье, пряталъ его на чердакѣ. Напавши на спящаго, поляки требовали, чтобы онъ указалъ гдѣ оно спрятано. Не смотря на истязаніе, онъ ни за что несогласался выдать оружіе, за что они и рѣшили отрѣзать ему языкъ.

онъ леталъ съ одного конца Радомской губерніи въ другой, и никто не зналъ гдѣ онъ и куда бросится; сегодня онъ на югѣ у Олькуша, завтра на сѣверѣ—у Конска. Неразлучный спутникъ его въ поискахъ за повстанцами, полковникъ Шпилютовъ, былъ не разъ свидѣтелемъ забавныхъ послѣдствій вспыльчивости Ченгеры. Однажды ѣдутъ они вмѣстѣ передъ пѣхотною колонною, а впереди эскадронъ драгунъ. Вдругъ послѣдній пошелъ рысью, скрылся за возвышеніемъ, а затѣмъ послышались выстрѣлы. „Ченгеры стегнулъ коня ногойкою, говорилъ Шпилютовъ — я за нимъ; пѣхота конечно отстала версты на двѣ. Передъ вѣздомъ въ опушку, я замѣчаю ему, что безразсудно вѣзжать въ лѣсъ однимъ. Въ это время какой-то повстанецъ выбѣгаетъ на поляну; увидя двухъ начальниковъ, безъ всякаго конвоя, онъ ошалѣваетъ, но потомъ цѣлится. Ченгеры бросается къ нему и кричитъ скачущему за нимъ горнисту: „чего глядишь, дуракъ, бери его“. Повстанецъ такъ былъ озадаченъ этимъ, что, опустивъ ружье, сдался горнисту, а Ченгеры помчался черезъ лѣсъ догонять драгунъ“.

Другой разъ, рассказывалъ Шпилютовъ, ночью, ѣдемъ мы позади отряда, на фурманкѣ, и оба дремлемъ. Вдругъ колонна, встрѣтивъ нѣсколько пустыхъ подводъ, остановилась. „Что такое?“ спрашиваетъ проснувшійся Ченгеры. Бывшій въ разѣздѣ урядникъ докладываетъ, что встрѣченные подводы только что отвезли на ближайшій фольварокъ начальника банды съ его штабомъ и карауломъ. „Скачи туда со взводомъ,—приказываетъ Ченгеры уряднику, и бери всѣхъ живьемъ,“ а сидѣвшему на козлахъ фурштату кричитъ: „валяй за казаками“. Скачемъ мы сквернымъ проселкомъ, по камнямъ и рытвинамъ—продолжалъ свой рассказъ Шпилютовъ; я едва сажу, держась за края повозки; а онъ всякую минуту кричитъ возницѣ „пошелъ скорѣй“, сопровождая приказанія тычкомъ въ шею. На разсвѣтѣ вѣзжаемъ во дворъ фольварка и видимъ чело-вѣкъ 15 поляковъ, поставленныхъ въ шеренгу. По ихъ лицамъ и одеждѣ было видно, что это народъ привилегированный. Ченгеры выскакиваетъ изъ брички и кричитъ казакамъ „валяй ихъ ногойками!“ Казаки не заставили повторять приказаніе. „А ты чего не помогаешь?“ обращается онъ къ артиллеристу, державшему мою верховую лошадь, — „дуй и ты“. Начался вальсъ: каждый казакъ, взявъ лѣвою рукою лѣвую руку

повстанца, отпускаетъ ему удары, а Ченгеры приговариваетъ: „Это вамъ, мерзавцы, задатокъ, а расплата будетъ впереди“.

Замѣчательно, что когда черезъ два года Ченгеры, получивъ другое назначеніе, уѣзжалъ изъ Кѣльцъ, то окрестные помѣщики и чиновники-поляки, въ числѣ болѣе ста чело-вѣкъ, дали ему обѣдъ, отдѣльно отъ военного общества, прощались съ нимъ съ полнымъ сожалѣніемъ, а крестьяне, гминные войты и солтысы, верхами провожали его до первой станціи.

Желая узнать подробности о происходящемъ въ Кѣльцахъ, а главное притянуть въ Радомъ часть кавалеріи, которой тамъ не было, генераль Ушаковъ послалъ къ Ченгеры, состоявшаго при немъ офицера Полоцкаго полка поручика Лускино; но какъ проѣздъ считался несовсѣмъ безопаснымъ, то командированному дали двухъ стрѣлковъ. Подѣзжая къ Суходневу ¹⁾. Лускино замѣтилъ, что за нимъ скачутъ два верховыхъ, вооруженныхъ саблями и револьверами. Одинъ изъ стрѣлковъ далъ по нимъ выстрѣлъ, на который послѣдовало два отвѣта изъ шоссейной канавы. Приказавъ ямщику ударить по лоша-дямъ, поручикъ понялъ, что его ожидаетъ что-то недоброе. Какъ только тройка остановилась у почтовой станціи, ее со всѣхъ сторонъ окружили выбѣжавшіе изъ-за строеній мятеж-ники. Всякое сопротивленіе было бы бесполезно. Лускино и два его спутника оказались плѣнными. Дальнѣйшій рассказъ этого эпизода я веду со словъ Лускино, бывшего потомъ офи-церомъ моего штаба.

Шайка, захватившая его вмѣстѣ съ двумя стрѣлками, была боковымъ отрядомъ большой банды Лангевича, формировав-шейся въ Илженскихъ и Опатовскихъ лѣсахъ. Въ тотъ же день плѣнныхъ отвели въ мѣстечко Вонхоцкъ, главную квар-тиру знаменитаго доводца, гдѣ и арестовали: Лускино, при квартирѣ какого-то пана въ венгеркѣ, называвшаго себя комен-дантомъ, а нижнихъ чиновъ—отдѣльно. На слѣдующее утро Лангевичъ потребовалъ Лускино къ себѣ. Въ присутствіи нѣ-сколькихъ лицъ своей свиты, вооруженныхъ саблями, револь-верами и кинжалами, онъ сдѣлалъ плѣнному нѣсколько во-просовъ. Какъ уроженецъ Литвы, поручикъ отвѣчалъ ему на

¹⁾ Большое селеніе, центръ казенныхъ горныхъ заводовъ, въ 20 верстахъ отъ Кѣльцъ.

чистомъ польскомъ языкѣ. Узнавъ, что Лускино католикъ, Лангевичъ началъ уговаривать его перейти къ повстанцамъ, доказывая, что литвинъ непростительно сражаться противъ поляковъ. Получивъ подобающіе отвѣты и просьбу не склонять его къ поступку противному чести и присягѣ, начальникъ банды объявилъ, что онъ готовъ дать поручику свободу, если онъ дастъ слово не участвовать въ дѣлахъ съ повстанцами, но что нижніе чины во всякомъ случаѣ останутся плѣнными.

— Дать подобное обязательство, — отвѣчалъ Лускино, — равносильно измѣнѣ; кромѣ того, я не считаю возможнымъ воспользоваться свободою, разъ что ввѣренные мнѣ стрѣлки остаются въ плѣну; мой долгъ раздѣлить ихъ участь.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжалъ Лангевичъ, — какъ поступить съ вами, будетъ зависѣть отъ военнаго совѣта.

Плѣннаго снова отвели къ коменданту. Когда послѣдній куда-либо уходилъ, въ комнату Лускино вводили часового. Однимъ изъ таковыхъ оказался кузнецъ, мальчикъ лѣтъ 16-ти, постоянно подковывавшій въ Радомѣ верховую лошадь поручика. Оставшись съ нимъ глазъ-на-глазъ, часовой этотъ откровенно сознавался, что взять въ банду силою, и очень былъ бы радъ вырваться изъ нея. Тотъ же часовой передалъ охраняемому имъ плѣннику, что въ бандѣ есть слухъ „на утро разстрѣлать пана поручика, а жолнержевъ (солдатъ) его повѣсить, для чего уже строить висѣлицу“. Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвело это на плѣннаго. Вечеромъ онъ вновь былъ потребованъ къ Лангевичу, и шелъ къ нему съ полною увѣренностію, что его ведутъ для объявленія приговора; но оказалось, что онъ приглашенъ на чай, въ общество лицъ свиты доводца. Здѣсь Лускино былъ представленъ адъютанту Лангевича, знаменитой дѣвицѣ Пустовойтовой, дочери русскаго генерала и бывшей воспитанницѣ Варшавскаго института. Одѣтая въ гусарскую куртку съ короткою юбкою и въ высокіе сапоги со шпорами, разливая чай, она разыгрывала роль хозяйки. „Мнѣ было не до чая, — говорилъ мнѣ Лускино, — я не зналъ чему приписать приглашеніе, тѣмъ болѣе, что Лангевичъ относился ко мнѣ внимательно, чего нельзя было сказать о его свитѣ“. Адъютантъ-дѣвица тоже не преминула вернуть нѣсколько шпилекъ и

намековъ, на примѣръ: видѣлъ ли я, какъ вѣшаютъ, и какую смерть предпочелъ бы, если бы мнѣ предоставили выборъ?

— Послѣ чая, — продолжалъ Лускино, — меня снова отвели подъ арестъ. Всю ночь я проходилъ по комнатѣ, мысленно подготавливая себя къ смерти; но передъ разсвѣтомъ усталость взяла свое, я сѣлъ на диванъ и невольно задремалъ. Вдругъ часовой будить меня; мнѣ вообразилось, что за мною пришли, чтобы вести на казнь. Очнувшись, слышу возлѣ дома бѣготню, конскій топотъ, а затѣмъ три отдаленные выстрѣла, вслѣдъ за которыми часовой бросается передо мной на колѣни, съ крикомъ: „ратуйте, пане поручнику, ратуйте!“ (т. е. спасите меня). Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты выбѣгаетъ опалѣлый комендантъ и, не обращая на насъ вниманія, удираетъ. Между тѣмъ шумъ усиливается, выстрѣлы, приближаясь, слышатся громче. Только тогда я понялъ, что банда атакована нашимъ отрядомъ и что настаетъ часъ моего спасенія.

Не прошло пяти минутъ, какъ нѣсколько пуль ударили въ стѣну дома, и одна выбила стекло окна, у котораго стоялъ Лускино. Опасаясь, чтобы солдаты, разгораясь, не приняли его за переодѣтаго повстанца, онъ, прижавшись спиною къ стѣнѣ, вытянутою рукою выставилъ въ окно свою фуражку съ кокардою, и махалъ ею. Два сапера заглянули въ окно, и такимъ образомъ плѣнный, а съ нимъ вмѣстѣ и оба конвоировавшіе его стрѣлка были спасены. Повстанцы такъ храбро бѣжали, что забыли о нихъ; Лускино же, забравъ оставленные комендантомъ бумаги, въ томъ числѣ и различныя предписанія Лангевича въ другія банды, черезъ два дня, вмѣстѣ съ отрядомъ, возвратился въ Радомъ.

Обратимся теперь къ происходившему въ Варшавѣ.

Прежде чѣмъ было возобновлено сообщеніе съ Петербургомъ, куда пришлось посылать телеграммы черезъ Берлинъ, прусское правительство, самымъ ощутительнымъ образомъ, выразило желаніе содѣйствовать водворенію спокойствія въ Польшѣ. На третій же день послѣ нападеній на войска, по повелѣнію короля Вильгельма, прибыли въ Варшаву, черезъ Торнъ и Плоцкъ, въ распоряженіе Намѣстника: генераль Альвенслебенъ, флигель-адъютантъ полковникъ Тресковъ и капитанъ генеральнаго штаба Верди-де-Вернуа, Первый немедленно отпра-

вился съ особымъ порученіемъ въ Петербургъ, а послѣдніе остались при Его Высочествѣ. Вскорѣ они совершенно вошли въ наше военное общество, а въ послѣдствіи сдѣлались какъ бы членами полковой семьи Пруссаго полка, особенно Верди, знавшій потомъ всѣхъ его офицеровъ и принимавшій близко все, что въ немъ происходило. Не только смотры начальства и полковой праздникъ, но обычные семейные вечера были постоянно имъ посѣщаемы. Въ настоящее время, послѣ отличій сдѣланныхъ въ двухъ компаніяхъ, Верди начальствуетъ дивизіею и пользуется европейскою извѣстностію, какъ замѣчательный военный писатель.

По полученіи донесеній отъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, о произведенныхъ повсемѣстно нападеніяхъ, приказано было стянуть войска въ главные пункты, съ цѣлью направлять изъ нихъ, для уничтоженія бандъ, подвижныя колонны и самостоятельные летучіе отряды; но лѣсныя дебри помогали мятежникамъ укрываться отъ преслѣдованій, а захватываемыя у крестьянъ подводныя служили имъ средствомъ для быстрыхъ передвиженій. Въ случаѣ же настиженія, шайки разбѣгались, разсѣявались по окрестностямъ, условясь заранѣе о сборномъ пунктѣ, а до сбора производили безчинства и насилія по деревнямъ и мѣстечкамъ и захватывали силою молодежь въ банду. Не имѣя возможности преслѣдовать мелкія партіи по всѣмъ направлениямъ, наши отряды возвращались въ свои штабъ-квартиры, а дня черезъ два, при появленіи гдѣ либо новаго скопища, снова выступали. Подобныя безпрестанныя погони крайне утомляли войска.

Прусскому полку пришлось принять участіе въ одной изъ первыхъ экспедицій, направленныхъ изъ Варшавы. Въ послѣднихъ числахъ января 1863 года, получены были свѣдѣнія, что большія мятежническія банды, ограбивъ наши таможи на границѣ Галиціи, собрались между расходящимися вѣтвями варшавско-вѣнской дороги и что въ деревнѣ Ойцовѣ главная квартира революціоннаго ржонда, куда прибыла масса выходцевъ изъ Венгріи. Говорили, будто бы численность скопища простирается до 6 тысячъ и что въ Домброво прибыли извѣстные эмигранты Высоцкій и Мирославскій.

4-го февраля я получилъ изъ замка, отъ начальника штаба генерала Минквица, записку такого содержанія: „Его Высочество приказалъ командиру С.-Петербургскаго гренадерскаго

короля Фридриха-Вильгельма III полка немедленно прибыть къ нему, для полученія приказаній“. Приѣхавъ во дворецъ, я засталъ въ пріемной слѣдующихъ лицъ: генераль баронъ Корфъ ходилъ по комнатѣ, толкуя о чемъ-то съ комендантомъ княземъ Бебутовымъ; у оконъ налѣво, маркизъ Велепольскій, статсъ-секретарь Энохъ и чиновникъ канцеляріи Заборовскій, составляли отдѣльную группу, а противъ входной двери, у камина, стоялъ только-что прибывшій изъ Петербурга, генераль-адъютантъ графъ А. В. Адлербергъ, генераль свиты графъ Толь и завѣдывавшій гофмаршальскою частью Тенгоборскій. Баронъ Корфъ объявилъ мнѣ, что три роты моего полка, съ ротою Кексгольмскаго, назначаются, подъ моимъ начальствомъ, въ экспедицію, дней на шесть, къ сторонѣ Ченстохова. Только-что онъ успѣлъ сказать это, какъ изъ небольшой двери справа вышелъ Великій князь. Увидя насъ, онъ обратился къ барону Корфу со словами:

— Вы, вѣроятно, говорите съ нимъ насчетъ экспедиціи?

— Точно такъ. Генераль самъ изберетъ роты, которыя отправятся съ нимъ сегодня же, и сообщить ваши приказанія въ Австрійскій полкъ.

— Да вы кого назначаете начальникомъ отряда, неужели его? — спросилъ Его Высочество.

Здѣсь необходимо замѣтить, что въ это время у меня былъ тяжело боленъ двухлѣтній сынъ Георгій, и Великій князь зналъ это.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Его Высочество продолжалъ:

— Какъ можно; у него опасно боленъ ребенокъ, оставьте его при семьѣ. И затѣмъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— Кто у тебя въ полку надежный штабъ-офицеръ?

— Полковникъ баронъ Корфъ ¹⁾, отвѣчалъ я, — онъ былъ на Дунаѣ и въ Севастополѣ.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжай въ полкъ, сдѣлай всѣ распоряженія и, затѣмъ, привези ко мнѣ Корфа, я хочу самъ ознакомить его съ обстоятельствами, при которыхъ ему предстоитъ

¹⁾ Полковникъ Корфъ былъ только однофамилецъ начальника дивизіи, генераль-адъютанта барона Корфа, и очень не любилъ, чтобы его считали родственникомъ послѣдняго.

дѣйствовать. Сдѣлай это поскорѣе, потому что отрядъ къ 5 часамъ долженъ быть у Вѣнскаго вокзала.

Возвратясь въ казармы, я назначилъ роты, написалъ въ Австрійскій полкъ о повелѣніи главнокомандующаго и потребовалъ къ себѣ Корфа. На бѣду его не оказалось дома. Прошло часа полтора, пока разосланные за нимъ въ разные концы города офицеры разыскивали его. Неожданность видимо подѣйствовала на полковника; онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный, нѣсколько растерявшійся. Впрочемъ, разсѣянность была всегдашнимъ его недостаткомъ. Теперь, по прошествіи 25-ти лѣтъ со времени описываемыхъ событій, я охотно сознаюсь, что поступилъ необдуманно, назвавъ Корфа способнымъ для важной, самостоятельной командировки. Не прощалъ и до сихъ поръ не прощаю себѣ и то, что согласился на желаніе Великаго князя избавить меня отъ экспедиціи; но тогда вниманіе его къ моей семьѣ до того меня тронуло, что я не считалъ себя въ правѣ возражать на это. Я долженъ былъ вспомнить, что полковникъ Корфъ, при всѣхъ своихъ служебныхъ достоинствахъ, при всемъ своемъ образованіи, полученномъ въ Дерптскомъ университетѣ, былъ человѣкъ крайне нервный, что на него находили иногда дни меланхоліи и что онъ смотрѣлъ на поляковъ, какъ на заблуждающуюся, но заслуживающую сожалѣнія націю. Все это могло бы быть взвѣшено мною только при спокойномъ обсужденіи вопроса, при полномъ хладнокровіи, которое мы тогда не всегда имѣли. Первымъ побужденіемъ моимъ, называя Корфа, было дать ему, какъ испытанному въ бою и завѣдомо храброму офицеру, новый случай къ отличію. Говорю объ этомъ для того, чтобы читателямъ было яснѣе послѣдующее.

Къ чести офицеровъ моего, до сихъ поръ дорогого для меня, полка, въ которомъ теперь остался всего одинъ офицеръ времени моего командованія, скажу, что всѣ они рвались другъ передъ другомъ въ экспедицію. Въ помощь командира отряда я назначилъ начальника стрѣлковъ, подполковника Росси. Полковой штабъ-лекаръ Шахтингеръ самъ вызвался идти съ Корфомъ, адъютантомъ его былъ подпоручикъ Гофманъ ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время онъ служитъ главнымъ инженеромъ Николаевской желѣзной дороги.

По прибытіи въ замокъ, насъ встрѣтилъ генералъ Корфъ. Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ полковнику, что предстоящая экспедиція весьма важна и что отъ нея можетъ зависѣть исходъ мятежа. Великій князь самъ ввелъ насъ въ кабинетъ, раскрылъ большую подробную карту, приказалъ сѣсть вокругъ стола и въ слѣдующихъ словахъ объяснилъ цѣль экспедиціи:

„Въ настоящее время во всемъ царствѣ нѣтъ значительныхъ скопищъ, исключая разбросанныхъ бандъ по 100 и по 200 человѣкъ, около Буга и въ Плоцкомъ отдѣлѣ. Только къ югу отъ Ченстохова, вотъ здѣсь (показывая на картѣ), въ углу, гдѣ сходятся австро-прусская граница, собралась большая шайка. По полученнымъ свѣдѣніямъ, это наилучше вооруженное и организованное скопище, потому, что владѣя краковскою линіею, оно получаетъ изъ Галиціи все, что нужно. Тамъ много заграничныхъ выходцевъ, особенно венгровъ. Вотъ эту-то шайку и необходимо разсѣять. Для этого я назначаю два отряда: одинъ—южный, подъ командою полковника князя Багратіона, изъ трехъ ротъ Смоленскаго полка, изъ 7-го стрѣлковаго баталіона и 4-хъ орудій, съ эскадрономъ драгунъ и двумя сотнями. Багратіонъ долженъ 5-го числа прійти въ Мѣховъ, чтобы вечеромъ быть въ Олькушѣ.

„Другая, сѣверная колонна будетъ, Корфъ, подъ вашею командою. Съ вами пойдутъ отсюда 4 роты, въ Ченстоховѣ вы получите еще 4, а можетъ быть и 6, возьмете 6 орудій изъ стоящей тамъ батареи и сотню или двѣ казаковъ. Съ этимъ отрядомъ выступайте завтра утромъ изъ Ченстохова и вечеромъ прибудьте въ Жарки“.

Тутъ Его Высочество взялъ циркуль, вымѣрилъ по картѣ разстояніе; оказалось 25 верстъ, а затѣмъ продолжалъ.

„Хотя я и прочелъ сегодня въ иностранныхъ газетахъ, что Жарки заняты мятежниками, но тамъ ихъ много быть не можетъ, и потому вы ихъ выбьете, и переночуете тамъ. 6-го числа вы перейдете въ Огородзинецъ. Въ этотъ вечеръ Багратіонъ будетъ въ Олькушахъ, значить—между вами будетъ верстъ 20. Тотчасъ по приходѣ пошлите къ нему сильные развѣзды, войдите съ нимъ въ сношенія и условьтесь о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Цѣль вашего движенія на Домброво должна состоять въ томъ, чтобы разбивъ мятежниковъ, не дать имъ уйти въ Австрію, а отбро-

силь въ Пруссію. Я получилъ сегодня депешу отъ короля, что у него приготовлено на границѣ 3 батальона. Въ случаѣ необходимости, вы даже можете вступить въ Пруссію, но не вдавайтесь въ нее болѣе одного перехода.

„Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Я не вдаюсь въ подробности, чтобы не стѣснять вашихъ распоряженій, которыя должны быть самостоятельны. Очень можетъ быть, что придя даже въ Ченстоховъ, по собраніи свѣдѣній, вы измѣните свой маршрутъ и вообще будете дѣйствовать по обстоятельствамъ, совершенно иначе, чѣмъ я предполагаю. Я высказалъ только мою цѣль, а выполненіе предоставляю вашему усмотрѣнію“.

Послѣ этого Великій князь всталъ и, прощаясь со мною и съ полковникомъ Корфомъ, прибавилъ: „Душевно желаю всякаго успѣха“.

До срока, назначеннаго для посадки отряда, оставалось часа три. Въ этотъ промежутокъ времени надо было успѣть смѣнить одну изъ выступающихъ ротъ съ караула, привести двѣ стрѣлковые роты за три версты изъ Повонзковскихъ баражовъ въ казармы, уложить обозъ, закупить продукты. Благодаря распорядительности квартирмистра и ротныхъ командировъ, къ 4 часамъ все было готово. Обходя роты отряда, собравшіяся во дворѣ Сапезинскихъ казармъ, я далъ имъ назначеніе и отправилъ къ вѣнскому дебаркадеру. Оказалось, что на желѣзной дорогѣ, куда съ утра было послано приказаніе, ничего не приготовлено. Это лучше всего показывало, что значило оставлять желѣзныя дороги въ польскихъ рукахъ. Управляющій дорогою, начальникъ станціи, начальникъ движенія, не смотря на присутствіе генераль-адъютанта Корфа и оберъ-полицеймейстера, ходили какъ посторонніе зрители. На каждой фizioноміи служащихъ было написано не только равнодушіе, но какъ бы пренебреженіе къ приказаніямъ и требованіямъ властей. Пришлось ждать часа 3, покуда составляли поѣздъ.

Въ это время принесли изъ штаба конвертъ, на имя командира Полоцкаго полка Островскаго, который полковникъ Корфъ долженъ былъ вручить ему въ Ченстоховѣ. Тогда же появился въ вокзалѣ офицеръ генеральнаго штаба, полякъ родомъ; онъ ни къ кому не подошелъ, не счелъ нужнымъ явиться начальнику отряда и только въ вагонѣ заявилъ, что назначенъ

исправляющимъ должность его начальника штаба. Это не могло не произвести дурнаго впечатлѣнія на Корфа. Передъ отходомъ поѣзда, я собралъ офицеровъ и просилъ ихъ во время дѣла беречь полковника, такъ какъ видѣлъ его взволнованнымъ, и былъ увѣренъ, что онъ при первой перестрѣлкѣ бросится впередъ, подъ пули. Только въ 9 часовъ подали вагоны; роты живо уѣхали. Изъ предосторожности, на случай предательства, я приказалъ поставить на локомотивъ, по сторонамъ машиниста, двухъ стрѣлковъ съ заряженными ружьями. Кромѣ того, въ двухъ верстахъ впереди поѣзда посланъ былъ передовой локомотивъ, съ горнистомъ и офицеромъ, для извѣщенія объ опасности.

Послѣ полуночи, во время остановки въ Петраковѣ, узнали, что роты, которыя должны были присоединиться въ Ченстоховѣ, выступили оттуда. Это уже измѣняло приказанія, полученные въ Варшавѣ; но еще болѣе удивило Корфа то, что, по прибытіи въ 8 ч. утра въ Ченстоховъ, тамъ ничего не знали о назначеніи въ экспедицію 6-ти орудій и казачьихъ сотенъ, а также никто не могъ сказать, въ какомъ направленіи пошли полоцкія роты, съ полковникомъ Островскимъ. Чтобы исполнить приказаніе Великаго князя, надо было немедленно, по присоединеніи орудій, трогаться далѣе. О приготовленіи для нижнихъ чиновъ пищи нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что предстоящій 25-ти-верстный переходъ до Жарокъ шелъ проселкомъ, по очень гористой мѣстности. Вслѣдствіе гололедицы, подъемы и спуски сильно затрудняли обозъ и артиллерію. Черезъ это отрядъ, среди непроницаемой темноты и изморози, до крайности утомленный, не имѣя 30 часовъ пищи, едва къ 10 часамъ вечера добрался до Жарокъ. Хотя тамъ и узнали, что полоцкія роты въ мѣстечкѣ, но гдѣ полковникъ Островскій—пришлось разыскивать цѣлый часъ. Офицеръ генеральнаго штаба, ни слова не сказавъ полковнику Корфу, уѣхалъ впередъ. Онъ оказался потомъ у Островскаго, тоже поляка.

Необходимо замѣтить, что во время севастопольской обороны, Корфъ, бывши командированъ въ дѣйствующую армію, находился въ полку Островскаго, такъ что они были старыми знакомыми, но все-таки Корфъ счелъ долгомъ явиться ему, какъ старшему въ чинѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ знать,

что содержится въ конвертѣ, который ему предстояло вручить командиру Полоцкаго полка, а потому вопросъ, кто начальникъ отряда—Корфъ или Островскій, какъ старшій, затемнялся и путаница отношеній уже начиналась. Когда же послѣдній прочелъ переданную ему бумагу, то, видимо измѣнившись въ лицѣ, обратясь къ сидѣвшему возлѣ него офицеру генеральнаго штаба, сказалъ:

— Начальникомъ отряда назначенъ полковникъ Корфъ, поэтому я отмѣняю всѣ сдѣланныя мною распоряженія. Затѣмъ съ тономъ видимаго оскорбленія прибавилъ:

— Въ предписаніи говорится, чтобы я передалъ мои роты барону, а самъ возвратился бы въ Ченстоховъ и оставался бы при штабѣ полка; но я этого не сдѣлаю.

— А я, возразилъ Корфъ, не могу командовать отрядомъ, разъ что вы старше. Вспомните, что 8 лѣтъ назадъ вы уже были моимъ начальникомъ.

— Да, но то было время, а теперь другое. Во всякомъ случаѣ я назадъ не поѣду и объявляю, что съ готовностію поступаю подъ команду младшаго. У такого человѣка и офицера, какъ вы баронъ, я готовъ быть за рядоваго.

Достаточно было этихъ словъ, чтобы Корфъ видѣлъ въ нихъ, со стороны Островскаго, порывъ великодушія, воспользоваться которымъ считалъ неблагороднымъ. Между ними завязался споръ; каждый настаивалъ на своемъ. Между тѣмъ отрядъ стоялъ на улицѣ, ожидая приказанія куда идти для ночлега. Ночь была холодная, люди сильно зябли. Препинанія начальниковъ кончились тѣмъ, что рѣшили разъяснить дѣло, по смыслу приказаній Великаго князя вполнѣ ясное, по утру, а теперь развести роты по квартирамъ, которыя правящій должностъ начальника штаба назначилъ за 4 версты отъ Жарокъ, причемъ для офицеровъ указалъ стоявшій еще 2 версты дальше пивной заводъ. Такимъ образомъ нижніе чины были поставлены врознь отъ своихъ начальниковъ. Въ броварню отправились только Корфъ, два брата Росси, Гофманъ, докторъ и еще два младшихъ офицера, ротные-же командиры и всѣ прочіе офицеры не хотѣли оставить своихъ людей. Трудно себѣ представить съ какою цѣлью можно было распорядиться такимъ образомъ въ военное время, да еще въ районѣ дѣйствій и почему Корфъ согласился на это. Въ послѣднемъ уже видно было, что

онъ совершенно отрѣшился отъ какой-либо инициативы и предоставилъ порученному ему дѣлу идти путемъ случайностей.

Только въ полночь добрались роты до деревни, а штабъ отряда до броварни. Въ послѣдней, въ одной комнатѣ помѣстились младшіе офицеры, въ другой—оба штабъ-офицера и докторъ. Покуда офицеры размѣщались, деньщики ихъ разбирали чемоданы и раздували самоваръ. Корфъ, не снимая оружія, задумчиво ходилъ по комнатѣ. Одинъ изъ офицеровъ предложилъ ему стаканъ чаю; сначала онъ отказался, но потомъ присѣлъ къ столу и отпилъ половину. Въ это время ему подали записку, привезенную казакомъ изъ Жарокъ. Прочтя, онъ всталъ, отошелъ къ другому столу, чтобы написать отвѣтъ, но потомъ скомкалъ полученную записку и сунулъ въ карманъ пальто. Затѣмъ, быстро взявъ фуражку, обращаясь къ подполковнику Росси, сказалъ:

„Бумаги и деньги у меня подъ подушкой; я выйду пройтись на воздухъ.“—Никто тогда не обратилъ вниманія на эти слова; всѣ были уставши, спѣшили кончить чай, чтобы отдохнуть. Не прошло четверти часа, какъ вбѣгаетъ караульный унтеръ-офицеръ съ словами:

— Ваше высокоблагородіе! Часовой у воротъ видѣлъ, что полковникъ прошли по дорогѣ вправо, къ полю, а теперь тамъ былъ выстрѣлъ.

Всѣ вскочили кто какъ былъ, схватили фонари и бросились по шоссе, направо отъ воротъ. Шагахъ въ полтораста отъ дома, они увидали Корфа полулежащимъ на кучѣ щебня, съ прострѣленнымъ вискомъ; въ правой рукѣ былъ револьверъ. Въ карманѣ его пальто нашли записку, писанную офицеромъ генеральнаго штаба, оставшимся при Островскомъ въ Жаркахъ. Она была слѣдующаго содержанія:

„Завтра въ 9 часовъ утра отряду быть готову къ выступленію. Ранцы можно везти на подводахъ.“

Это писалъ младшій старшему, подчиненный—начальнику! Спрашивается, что это—совѣтъ или приказаніе? Кто же начальникъ—Корфъ или Островскій? Куда и зачѣмъ идти отряду? Все какъ-бы умышленно сложилось такъ, чтобы всѣ сбились съ толку. Гдѣ-же диспозиція на слѣдующій день, какія свѣдѣнія изъ развѣздовъ, гдѣ непріятель?—никто ничего не зналъ и не понималъ.

Хотя одинъ изъ офицеровъ и писалъ о случившемся такъ: „Рыцарь въ душѣ, Корфъ унесъ съ собою въ могилу тайну заставившую его разстаться съ жизнію“; но всякій близко знавшій его характеръ и душевное настроеніе, понималъ, что самоубійство это было только оффиціальною тайною, а истинною его причиною была борьба между долгомъ и убѣжденіемъ; — послѣднее взяло верхъ — и Корфа не стало. По долгу службы онъ обязанъ былъ отстранить всякое вмѣшательство Островскаго, удалить его изъ отряда, если-бы онъ и не хотѣлъ уѣхать; онъ могъ даже отстранить отъ исправленія должности офицера генеральнаго штаба, такъ неприлично дѣйствовавшего въ отношеніи своего начальника, и затѣмъ буквально слѣдовать указаніямъ Великаго князя. По убѣжденію онъ не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы заставить себя быть начальникомъ старшаго и не уважить въ немъ человѣка оскорбленнаго. Онъ взглянулъ на отреченіе Островскаго отъ старшинства, какъ на приносимую ради его жертву, принять которую считалъ для себя унижительнымъ. Наконецъ, кто знаетъ, не заподозрили ли онъ, что оба поляка ведутъ противъ него интригу, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ неудачи, все свалить на него, что бросило-бы тѣнь на войска гвардіи? Все это могло прійти въ голову человѣку нервному и до крайности возбужденному.

Въ Варшавѣ нѣсколько дней не было извѣстій изъ отрядовъ, на которые возлагалось столько надеждъ. Великій князь нѣсколько разъ спрашивалъ меня, нѣтъ-ли какихъ либо свѣдѣній въ полку? Подобная неизвѣстность, не предвѣщая ничего хорошаго, очень всѣхъ тревожила. Наконецъ прибывшій изъ отряда поручикъ Росси 2-й сообщилъ горестную вѣсть, о совершившемся. Тѣло полковника Корфа было привезено въ Варшаву и со всѣми военными почестями предано землѣ, на Вольскомъ кладбищѣ, гдѣ офицеры поставили ему памятникъ. Замѣчательно, что его похороны были едва ли не единственныя, на которыхъ присутствовали поляки. Причина этого была та, что при первомъ извѣстии о самоубійствѣ Корфа, въ Варшавѣ былъ пущенъ слухъ, что онъ потому посягнулъ на свою жизнь, что не хотѣлъ драться противъ повстанцевъ.

Распускать разныя нелѣпости, съ цѣлью держать войска въ постоянномъ напряженіи, входило въ програму польской sprawy. Даже и тогда, когда поляки взяли за оружіе, они

пускали молву, что скоро произойдетъ нѣчто въ родѣ Вареломеевской ночи, или что всѣмъ бандамъ приказано обложить Варшаву и взять ее штурмомъ. Къ несчастію, вѣрили этому, принимали мѣры, посылали сильные разѣзды вокругъ города, а иногда даже окружали его аванпостами. Воображеніе, настроенное постоянными ожиданіями чего-то, было однажды причиною ночной тревоги. Вспоминая теперь объ этомъ дѣлается смѣшно, а тогда было досадно.

Однажды, въ 2 часа ночи, человѣкъ будить меня, говоря: „тревога“! Спрашиваю, были ли ракеты и сигнальные выстрѣлы изъ цитадели? Отвѣчаетъ, что еще не было, но что роты уже выстраиваются. Тогда, торопясь одѣться, посылаю ординарца спросить часовыхъ у воротъ, не знаютъ ли они почему тревога. Получаю такой отвѣтъ: „часовые говорятъ, что мимо ихъ проскакалъ казакъ, крикнувшій имъ, что на *Гороховое поле* *идетъ* *войска* *двадцать тысячъ* *подступило*“. Что за чушь, думаю, — Гроховское поле за Вислою; но все-таки, спѣшу въ казармы. Не смотря на февраль, ночь была тихая, шелъ теплый дождикъ; вдали, на Повонзкахъ, трубятъ тревогу, отъ Волынскихъ казармъ доносятся раскаты барабана. Между тѣмъ въ городѣ совершенная тишина, при которой еще слышнѣе раздаются стукъ колесъ, отъ несущихся на рысяхъ на сборные пункты орудій. Не видя и тѣни какого-либо движенія на улицахъ, я не повелъ полка изъ казармъ, но послалъ въ замокъ адъютанта, доложить Великому князю, что полкъ готовъ, но я до приказанія не тронусь, потому что нигдѣ нѣтъ даже признака нарушенія тишины. Адъютантъ возвратился съ приказаніемъ распустить роты, и рассказывалъ, что во дворцѣ уже все было на ногахъ, площадь была полна войскъ и Великій князь выѣзжалъ къ нимъ. По разслѣдованіи оказалось, что къ одной изъ заставъ пріѣзжалъ изъ разѣздовъ казакъ, сказать, что вдали черезъ шоссе перебѣгаютъ какіе-то люди. Караульный унтеръ-офицеръ послалъ вѣстового предупредить объ этомъ въ ближайшія казармы, а посланный пріобѣжалъ, объявляя, что поляки идутъ на заставу. „Тревога“! крикнули въ казармѣ; барабанщикъ забилъ и отъ одного полка къ другому пошла потѣха.

Другая тревога, впрочемъ, вскорѣ прекращенная, была днемъ, изъ-за того, что какой-то солдатъ стащилъ на рынкѣ

у еврейки селедку. Жидовка закричала „гвалтъ“, солдатъ—бѣжать, сбивая встрѣчныхъ и крича „тревога“; тѣ въ свою очередь кричать „москали бьютъ“; народъ бросился съ рынка, по улицамъ запираютъ лавки, уволенные въ городъ солдаты несутся въ свои казармы, однимъ словомъ—общая кутерьма. Къ счастью, нигдѣ не ударили въ барабаны, и кончилось только тѣмъ, что нѣкоторыя роты начали выстраиваться, но тотчасъ же были распущены.

Подробно описывать всѣ экспедиціи противъ повстанцевъ, значило бы писать исторію усмиренія польскаго возстанія. Поэтому я расскажу только о тѣхъ, въ которыхъ принималъ личное участіе; и при этомъ воспоминанія мои коснутся болѣе бытовой, чѣмъ военной стороны этого предмета.

Весенніе мѣсяцы 1863 года прошли почти въ безпрестанныхъ снаряженіяхъ изъ Варшавы небольшихъ отрядовъ въ экспедиціи, противъ появлявшихся бандъ. То же самое дѣлалось во всѣхъ военныхъ отдѣлахъ царства: изъ Плоцка, Калиша, Радома, Петрокова, Кѣльць и Люблина подвижныя колонны двигались по разнымъ направленіямъ, въ предѣлахъ приписанныхъ къ этимъ городамъ раіоновъ. Большею частью мятежники убѣгали, прятались въ лѣса; когда удавалось настичь или отыскать ихъ, они несли всегда пораженія, что, впрочемъ, не оказывало особеннаго вліянія на возстаніе, которое сверхъ ожиданій не утихало. Причина этого заключалась въ поддержкѣ его заграницею, особенно Австріею, видимо протежировавшею эмиграціи въ царство. Спустить разнаго рода сбродъ подъ наши пули было для нея весьма выгодно. При этомъ она очищала свои арсеналы и склады въ Краковѣ и Лембергѣ отъ разнаго хлама, выставляя его на базарахъ для распродажи идущимъ въ Польшу повстанцамъ. Ржавыя, негодныя ружья, тесаки, фляжки, ранцы, и прочая гнившая въ складахъ дрянь выгодно, распродавалась съ аукціона. Насколько это было честно, со стороны находящагося въ наружной дружбѣ съ Россіею государства,—это было для нея вопросъ посторонній, разъ что было прибыльно для дыряваго кармана и въ смыслѣ очистки населенія отъ праздношатающихся искателей приключеній. Тѣ изъ послѣднихъ, которые уцѣлѣли отъ русскаго штыка, на русскія-же деньги были отправляемы, смотря по степени виновности, въ Сибирь или внутрь Россіи. Въ го-

родскихъ тюрьмахъ Польши оставались, изъ взятыхъ въ плѣнъ, только главные зачинщики и начальники паекъ, вся-же масса сдававшихся сотнями препровождалась въ Варшаву и оттуда цѣлыми поѣздами въ Петербургъ. Конвоированіе поѣздовъ съ плѣнными возлагалось, поочереді, на роты гвардейскаго варшавскаго отряда. Подобныя командировки ожидались ротными командирами съ нетерпѣніемъ, потому что доставляли офицерамъ случай побывать въ Петербургѣ, повидаться съ родными и, кромѣ того, представиться Государю, который при каждомъ разводѣ смотрѣлъ прибывающія изъ Варшавы части. Какъ прибытіе плѣнныхъ въ Варшаву, такъ и ихъ отправленіе далѣе, происходило почти всегда неожиданно. Обыкновенно часа за два получалось приказаніе приготовить въ казармахъ того или другаго полка помѣщеніе и пищу человѣкъ на 200 и назначить роту для дальнѣйшаго конвоирования. Экстренность распоряженій производила невольную суету: то не оказывалось дома ротнаго командира, то адъютантъ по службѣ въ какомъ нибудь штабѣ, то квартирмейстеръ уѣхалъ за приѣмкою.

Не мало затрудненій представлялъ для армейскихъ офицеровъ, конвоировавшихъ плѣнныхъ изъ губерній, проводъ ихъ черезъ Варшаву. Многіе не знали о приказаніи вести ихъ, съ желѣзной дороги въ цитадель, околицами. Народъ, собираясь толпами, не разъ препятствовалъ проводу. Были даже случаи, что въ конвойныхъ кидали камнями, такъ что приходилось укрываться въ ближайшія казармы. За подобные случаи, бѣдные начальники партій подвергались аресту. Казалось-бы, что, вмѣсто боязни толпы, слѣдовало показать ей силу власти и, принявъ мѣры противъ скопищъ, вести плѣнныхъ съ барабаннымъ боемъ по самымъ люднымъ улицамъ, дабы всѣ видѣли, не изъ реляцій, которымъ поляки не вѣрили, а во-очію, результаты наносимыхъ повстанцамъ пораженій.

Много питали возстаніе надежды на заступничество Франціи и Англіи, дипломатическія сношенія которыхъ съ нашимъ правительствомъ имѣли въ то время характеръ вмѣшательства въ польскую смуту. Иностраннымъ газетамъ, всегда готовымъ печатать какой угодно вздоръ о Россіи, стоило только намекнуть на что-либо похожее на заступничество, какъ поляки, вѣря всякой нелѣпицѣ, подымали носы и усиливали свои надежды. Однажды, очень серьезный и далеко не молодой полякъ спро-

силъ меня: правда-ли говорятъ въ городѣ, что вспомогательный 60-ти тысячный корпусъ французскихъ войскъ перешелъ границу и занялъ Ловичъ? Кажется большаго вздора нельзя было придумать, а между тѣмъ и ему вѣрили.

Твердость отвѣтныхъ, полныхъ достоинства, нотъ князя Горчакова хотя и остановила пылъ французскихъ и англійскихъ политиковъ, но все-таки наше правительство, съ первымъ извѣстіемъ о вооруженномъ возстаніи, приняло мѣры къ скорѣйшему его подавленію, для чего постоянно усиливало войска, направляя въ царство Польское и въ Литву цѣлыя дивизіи. Въ Варшавскій округъ были направлены 2 и 3 гренадерскія и 10 пѣхотная дивизіи.

Но оставивъ на время борьбу съ возстаніемъ, вспомнимъ, что 1863 и ему предшествовавшіе года были началомъ тѣхъ преобразованій въ военномъ вѣдомствѣ, которыя шли потомъ въ прогрессивной пропорціи, похожей на ломку всего прежняго. Много было писано противъ этой ломки и еще болѣе въ ея защиту, и обѣ стороны сильно увлекались. Въ осужденіяхъ былъ пересолъ, въ доказательствахъ необходимости измѣненій:—натяжки, обобщеніе частныхъ фактовъ, какая-то злоба ко всему, что было прежде, какое-то гоненіе на всѣхъ, кто только подозрѣвался не вполне сочувствовавшимъ новизнѣ. Здраваго, хладнокровнаго отношенія обѣихъ сторонъ къ дѣлу не было. Хвалить нововводимое, восторгаться имъ, можно было сколько угодно; но разбирать его, или сказать слово въ защиту прежняго,—было опасно; если-же кто и рисковалъ этимъ, то ему, иногда косвенно, а иногда и прямо, довольно осязательно давали чувствовать, что это запомнится, и помнилось долго. А между тѣмъ сколько ошибались при этомъ; сколько считали врагами реформъ, когда они были только противъ торопливости, беспощадности и безразборчивости къ старому. Они только желали, чтобы имъ дали время оглядѣться, вводить новое прочно, безъ скачковъ, безъ порывовъ; они хотѣли только сдерживать напоръ волны, такъ грозно подымавшейся, съ тѣмъ, чтобы она, заливая дурное, не смыла и хорошаго. Кто знаетъ, не помогъ-ли ихъ посильный отпоръ дѣлу нововводителей тѣмъ, что ихъ порывы не поколебали всего сразу, иначе могъ-бы произойти пробѣлъ, во время котораго старое оказалось-бы уничтоженнымъ, а новое неосуществившимся. Въ

этомъ родѣ кое-что и случалось. Напримѣръ, одной артиллерійской бригадѣ, стоявшей близъ границы, приказано было сдать снаряды и принять новые, для орудій вводимой системы, но орудій не выслали, чрезъ что батареи 4 мѣсяца находились въ такомъ положеніи, что если-бы имъ пришлось дѣйствовать, то не могли-бы сдѣлать ни одного выстрѣла. Это привожу для примѣра, а такихъ примѣровъ было не мало.

Первымъ серьезнымъ нововведеніемъ, объявленнымъ во время польскаго мятежа, было уничтоженіе въ войскахъ тѣлеснаго наказанія. Всѣ, кто тогда стоялъ близко къ солдату и несъ за него отвѣтственность, отнеслись къ этой мѣрѣ сочувственно; но въ то же время не только думали, но говорили другъ другу: „жаль, что не во-время“; заявлять же это официально боялись. Они знали, что заявляющаго назовутъ отсталымъ, поборникомъ кулачной расправы, ретроградомъ и т. д. Нужно замѣтить, что въ то время не только между полковыми, но и между ротными командирами было уже весьма много такихъ, которые пользовались правомъ наказывать тѣлесно, только при крайней необходимости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило заглянуть въ штрафные журналы. Важно было не самое наказаніе, а право начальника примѣнять его, и сознаніе солдата, что его наказать могутъ. Уничтоживъ и то и другое разомъ, безъ подготовки, гуманисты торжествовали, глумились надъ тѣми, которые опасались безпорядковъ, радовались успѣху своего дѣла, а того и не подозрѣвали, что это успѣхъ кажущійся, бумажный. Въ войскахъ гласно, по распоряженію начальства, тѣлесныя наказанія прекратились; но нижніе чины сами поняли невозможность сразу управиться съ тѣми изъ ихъ среды, на которыхъ не дѣйствуютъ никакія другія мѣры взысканія, а между тѣмъ ихъ проступки требовали немедленнаго наказаній, иначе могли имѣть пагубныя послѣдствія. Это вызвало то, что нижніе чины, помимо командира, собственнымъ судомъ приговаривали неисправимаго пьяницу или воришку къ наказанію розгами, и сами, по товарищески, приводили это въ исполненіе, по домашнему, не вынося сора изъ избы. Ближайшіе начальники смотрѣли на это сквозь пальцы, очень довольные тѣмъ, что избавились отъ непріятной обязанности присутствовать при подобной расправѣ.

Во время минувшей войны подобныя расправы практикова-

лись повсюду. Если бы въ военное время за всё проступки, которые по уставу подлежатъ судебному преслѣдованію, предавали нижнихъ чиновъ суду, то за каждою частью шелъ бы взводъ арестованныхъ, и сотни самыхъ полезныхъ для боя людей, вмѣсто того, чтобы быть въ цѣпи, находились бы въ тыловыхъ судебныхъ комиссіяхъ. Несомнѣнно, что изъ числа бывшихъ на войнѣ командировъ частей найдется теперь не мало такихъ, которые станутъ оспаривать сказанное; но они сдѣлаютъ это или по невѣдѣнію о томъ, что происходило за ихъ спиною, или по недостатку рѣшимости высказать истину, что въ военное время судебное разбирательство непримѣнимо и другого суда, кромѣ суда начальника, быть не можетъ, конечно исключая случаевъ важныхъ нарушеній дисциплины или измѣны. Мы знали многихъ начальниковъ, горою стоявшихъ за идею новаторовъ, которые въ мирное время проповѣдывали гуманность; но когда глазъ на глазъ задавали имъ вопросъ: многихъ ли они предали во время войны суду?—то получили отвѣтъ—„ни одного“.—„Чѣмъ же вы замѣняли судъ надъ провинившимся?“ спрашивали ихъ.—Они, шепотомъ, отвѣчали намъ: „нагайкою...“

Сильно ошибется тотъ, кто взглянетъ на сказанное мною, какъ на слова адвоката, безусловно отстаивающаго тѣлесное наказаніе. Напротивъ, гораздо прежде его уничтоженія, я допускалъ примѣненіе его только въ крайности. Но эту мѣру слѣдовало провести иначе и во-время, а не сразу перерубать канатъ, сдерживавшій преступленія; слѣдовало уничтожить произвольное, по единоличному опредѣленію младшихъ начальниковъ наказаніе, но оставить за старшими, начиная съ полковаго командира, право разрѣшать его. Черезъ огульное уничтоженіе этого права вышло то, что молодого солдата, только что поступившаго въ службу, не можетъ приказать наказать безъ суда корпусный командиръ, а солдата заслуженнаго, дѣлавшаго компанію, сряду по выходѣ въ запасъ, волостной старшина можетъ сѣчь сколько ему угодно.

Но обратимся къ прерванному разсказу. Нѣкоторые изъ посылаемыхъ изъ Варшавы экспедицій не достигали цѣли, потому что баронъ Корфъ стѣснялъ начальниковъ отрядовъ своими инструкціями, не удаляться отъ Варшавы далѣе известнаго пункта, или возвратиться въ нее къ известному сроку.

Все это происходило отъ той же боязни, чтобы поляки не предприняли чего либо въ городѣ. Много курьезнаго и досаднаго представляла эта боязь, какъ бы чѣмъ-нибудь не раздражить жителей, особенно если предстояли какіе-либо католическіе праздники. Напримѣръ, въ праздникъ „Божьяго тѣла“, когда изъ костеловъ дѣлаются, въ теченіи трехъ дней, крестные ходы къ устраиваемымъ на улицахъ алтарямъ, ежедневно наряжали цѣлый баталіонъ на усиленіе караула въ замкѣ, и дѣлали это секретно. Баталіону приказывалось идти въ 4 часа утра, когда городъ еще спитъ, чтобы никто не увидѣлъ; располагали его на заднемъ дворѣ замка, запирали въ улицы ворота и людямъ запрещено было выглядывать. Въ такомъ положеніи баталіонъ оставался до вечера, а назадъ вели его не по улицамъ, а берегомъ Вислы, точно стыдились того, что дѣлали.

Что касается инструкцій, даваемыхъ начальникамъ экспедицій, то никогда не забуду я разсказа графа Берга, прибывшаго весною 1863 года, для исправленія, вмѣсто генерала Рамзая, должности помощника главнокомандующаго. Однажды я при немъ докладывалъ Великому князю о результатѣ моей экспедиціи. Когда я сказалъ, что повстанцы ушли за Бугъ, графъ спросилъ меня, почему я ихъ не преслѣдовалъ? Я отвѣтилъ, что въ данномъ мнѣ предписаніи было указано, чтобы я возвратился къ назначенному сроку. При докладѣ Бергъ не возразилъ на это, но, выйдя потомъ въ другую комнату, отозвавъ меня въ сторону, сказалъ:

„Вотъ что я скажу вамъ, генералъ: когда въ 1823 году я былъ начальникомъ экспедиціи, посланной въ киргизскія степи, то въ Оренбургѣ мнѣ тоже дали кипу инструкцій и предписаній; но когда мнѣ предстояло дѣйствовать, то я убѣдился, что придумываемое и составляемое въ штабахъ и кабинетахъ никуда не годится въ полѣ. Тогда я разорвалъ всё инструкціи и поступалъ сообразно съ обстоятельствами. За это я получилъ чинъ и званіе флигель-адъютанта“.

Другой разъ мнѣ былъ высказанъ графомъ Бергомъ тоже мѣткій совѣтъ. Я спросилъ его, когда онъ былъ уже намѣстникомъ, почему, при обширности его занятій, онъ не проситъ о назначеніи себѣ помощника?

„Никогда не просите помощника, отвѣтилъ онъ. Назначеніе его равносильно приказанію укладывать чемоданы. Вотъ вамъ

примѣръ: въ мартѣ я былъ назначенъ сюда помощникомъ, а въ августѣ главнокомандующій уѣхалъ отсюда“.

Но о графѣ Бергѣ мнѣ предстоитъ говорить впереди еще многое, поэтому, не останавливаясь на этой замѣчательной личности, продолжаю.

Чѣмъ болѣе развивалось вооруженное возстаніе, тѣмъ чаще появлялись въ Варшавѣ лица, присылаемые изъ Петербурга въ распоряженіе намѣстника; но никто изъ нихъ, исключая генерала графа Толя, не оставался при немъ на продолжительное время. Всѣ они, сдѣлавъ два или три поиска, возвращались въ столицу. Только графъ Толь болѣе 6 мѣсяцевъ завѣдывалъ желѣзною дорогою отъ Варшавы до станціи Лапы и войсками по этой линіи расположенными. Это былъ чрезвычайно дѣятельный и распорядительный генералъ. Сегодня онъ на линіи, завтра на нѣсколько часовъ въ Варшавѣ и въ тотъ же день гдѣ-нибудь на поискахъ, въ островскихъ лѣсахъ. Какъ ни старались повстанцы прервать сообщеніе по желѣзной дорогѣ, но никакъ не могли достигъ этого, такъ бдительно охранялась она. Только одинъ разъ имъ удалось устроить засаду для поѣзда, на которомъ Толь ѣхалъ въ Варшаву. Они сняли два-три рельса, нѣсколько вагоновъ опрокинули, но графъ и тутъ не растерялся: его незначительный конвой отбилъ нападеніе, быстро исправилъ дорогу и черезъ два часа Толь явился къ намѣстнику. Не придавая важности случившемуся, онъ, по полученіи приказаній, полетѣлъ обратно въ Лапы. Никто не могъ такъ цѣнить энергіи этого генерала, какъ начальники отрядовъ, ходившихъ въ экспедиціи по направленію въ Бугу. Стоило, бывало, сообщить ему какое либо свѣдѣніе о появленіи шайки или попросить содѣйствія, какъ схвативъ роту съ ближайшей станціи, Толь является на подмогу, а къ ночи былъ опять на мѣстѣ. Онъ такъ наметалъ бывшія подъ его начальствомъ войска, что для нихъ было нипочемъ сдѣлать часа въ 4 двадцать пять верстъ и въ тотъ же день возвратиться на линію.

Выше я сказалъ, что 1863 годъ былъ началомъ преобразованій въ войскахъ. Приведу случай, доказывающій, какъ нѣкоторыя весьма почтенныя и достойныя лица, сразу увлекались новымъ направленіемъ. Если-бы ближайшіе, частные начальники не сдерживали этого увлеченія личными распоряженіями

и своимъ нравственнымъ вліяніемъ на молодыхъ офицеровъ то многое не прошло бы такъ спокойно какъ это случалось. Приѣзжаетъ въ Варшаву инспектировать войска одинъ изъ членовъ военного совѣта, бывшій кавказецъ, человѣкъ весьма добрый и симпатичный. Опрашивая офицеровъ не имѣютъ-ли они претензій, онъ вступилъ съ ними въ разговоръ о томъ, хороши ли ихъ квартиры, добросовѣстно ли ихъ ремонтируютъ, не дуетъ ли изъ оконъ и проч. Офицеры отвѣчали отрывочно: „довольны, хорошо“, но большая часть молчала. Инспектирующій видимо недоволенъ и начинаетъ разспрашивать каждого по одиночкѣ, въ такомъ родѣ:

— Вы живете въ казармахъ?

— Точно такъ.

— Сколько комнатъ вы занимаете?

— Одну.

— А гдѣ же помѣщается вашъ деньщикъ?

— Съ другими деньщиками, въ томъ-же корридорѣ.

— Развѣ это удобно для васъ?

Офицеръ молчитъ; инспекторъ обращается къ другому.

— Когда исправляли вашу квартиру?

— Не знаю; я получилъ ее недавно.

— Чисто она окрашена, печи не дымятъ?

— Не совсѣмъ чисто; случается, что при вѣтрѣ дымятъ.

— Почему же вы мнѣ не заявляете объ этомъ?

Офицеръ не отвѣчаетъ, вслѣдствіе чего говорится длинная рѣчь о томъ, что теперь требуется полная откровенность, что правительство желаетъ улучшеній, что прежніе порядки отжили свое время и т. д. Не отвѣчаетъ же офицеръ, понимая, что изъ его заявленія только возникла бы бесполезная и не-пріятная переписка, которая длилась бы гораздо долѣе, чѣмъ офицеру придется жить на занимаемой имъ квартирѣ, потому что роты и батальоны перемѣщались въ Варшавѣ, по различнымъ причинамъ, непрерывно, располагаясь то въ монастыряхъ, то въ общественныхъ зданіяхъ, смотря по тому, гдѣ было необходимѣе имѣть ихъ подъ рукою. Независимо отъ этого, можно-ли было требовать ежегодной окраски квартиръ, когда въ тѣхъ же казармахъ были нужды болѣе существенныя? Можно-ли было думать о мелочахъ, когда, вслѣдствіе скопленія войскъ, по тѣснотѣ и недостатку помѣщеній, сол-

даты ѣли щи на дворѣ, часто подѣждемъ и снѣгомъ? Какъ не сказать, что это было время увлеченій, если инспекторъ, очень хорошо понимавшій, что въ военной службѣ частенько приходится довольствоваться тѣмъ, что есть, задаетъ подобные вопросы. Что-же-бы вышло, если бы всякій прапорщикъ подавалъ рапорты о тѣхъ неудобствахъ, которыя онъ испытываетъ?

Въ другомъ полку, тотъ же инспектирующій, осматривая солдатское бѣлье, нашелъ, что рубашки коротки и холстъ толстъ. Ротный командиръ отвѣчаетъ, что на холстѣ клеймо приемной комиссіи, слѣдовательно полкъ браковать его не въ правѣ, а рубашки утвержденной длины. Генералъ разсердился за возраженіе, приказалъ взыскать, и тутъ же, при нижнихъ чинахъ, распространился о томъ какъ необходимо, чтобы солдату было отпускаемо все сполна, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался, чтобы, прежде чѣмъ съ него взыскивать за неопрятность, начальство заботилось бы о качествахъ отпускаемыхъ матеріаловъ. Это говорилось точно новость, никому неизвѣстная, точно объ этомъ прежде не думали и не заботились. Если бы нижніе чины сами не были увѣрены въ этой заботѣ, то въ людяхъ съ порочными наклонностями и слабыми характерами, при малѣйшемъ, иногда неизбежномъ, замедленіи выдачъ, могъ бы зародиться ропотъ, или претензіи. Къ счастью, этому было мало примѣровъ только потому, что ближайшіе начальники, благодаря прежнимъ традиціямъ, пользовались и авторитетомъ, и довѣріемъ.

Чѣмъ болѣе наполнялась варшавская цитадель корифеями возстанія и чѣмъ многочисленнѣе становились партіи отправляемыхъ въ Россію плѣнныхъ, тѣмъ болѣе было у начальниковъ военныхъ отдѣловъ города дѣла и возни съ докучливыми просительницами. Рѣдкій часъ дня проходилъ, чтобы ихъ не являлось по нѣскольку, то съ жалобами на недопускъ проститься съ родными, то на неправильное отправленіе мужа, сына или племянника, въ числѣ плѣнныхъ. Приходилось выслушивать цѣлые рассказы о невинности ссылаемаго и просьбы объ облегченіи участи арестованнаго. При врожденномъ притворствѣ и при томъ умѣньи облекать всякій поступокъ политическаго характера въ драматическую форму, часто весьма трудно было отличить истину отъ лицемѣрной фальши, но и оставаться безчувственнымъ къ семейному горю было не легко.

Выслушивая сопровождаемые обыкновенно рыданіями, а иногда и истериками, рассказы, надо было ежеминутно повторять себѣ „не вѣрь, все это ложь и притворство“,—надо было притупить въ себѣ всякое чувство состраданія и сохранить равнодушіе, чтобы не попасться въ ловушку, что разъ и случилось со мною.

Является ко мнѣ докторъ-окулистъ, пользовавшій моего сына, съ просьбою спасти его брата, гимназиста, бѣжавшаго въ Австрію, поступившаго въ банду и затѣмъ взятаго въ плѣнъ, причемъ онъ назвался чужимъ именемъ и австрійскимъ подданнымъ. Повѣривъ тому, что мальчикъ былъ увлеченъ, я ходатайствовалъ о немъ и его отдали на поруки брата. Юноша былъ спасенъ. Братъ же его, докторъ, слѣдовательно человѣкъ образованный, встрѣчая меня потомъ много разъ въ городѣ и въ Саксонскомъ саду, всякій разъ отворачивался, дѣлая видъ, что не узнаетъ меня. Впослѣдствіи оказалось, что тотъ, за кого я ходатайствовалъ, вовсе не гимназистъ, а студентъ, очень серьезно замѣшанный въ революціонной пропагандѣ.

Закончу настоящую главу эпизодомъ изъ моей личной, семейной жизни. Я бы не коснулся его, какъ не представляющаго ничего интереснаго для посторонняго читателя, если бы это не имѣло отношенія къ будущему. Въ маѣ мѣсяцѣ произошло увеличеніе моей семьи. Великая княгиня, всегда милостивая къ моей женѣ, выразила желаніе быть крестной матерью новорожденной моей дочери, и когда я спросилъ кого ей угодно имѣть кумомъ, то назвала шефа моего полка, короля Прусскаго. Зная, что для подобной съ моей стороны просьбы нужно предварительное Высочайшее разрѣшеніе, я старался отклонить желаніе Ея Высочества, приводя, что теперь не такое время, чтобы беспокоить Государя частнымъ дѣломъ, но потомъ, обдумавъ, что Великая княгиня можетъ заявить королю о своемъ желаніи помимо меня, безъ всякихъ на это разрѣшеній, передалъ ей эту мысль. Въ тотъ же день послана была депеша въ Берлинъ, а на слѣдующій—мнѣ былъ сообщенъ отвѣтъ, что король съ удовольствіемъ принимаетъ предложеніе быть крестнымъ отцомъ моей дочери. При слѣдующей моей командировкѣ въ Берлинъ, это обстоятельство имѣло уже нѣкоторое, не безынтересное значеніе.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

1863 г.

Командировка въ Берлинъ.—Представленіе королю.—Визиты.—Празднества и закладка памятника.—Обѣдъ въ замкѣ.—Новый шефъ.—Осмотръ казармъ.—На придворномъ концертѣ.—Смотръ полку Александра I.—Рѣчи на обѣдѣ.—Находчивость русскаго солдата.—Парадъ кавалеріи.—Интимный вечеръ у принца Фридриха-Карла.—Обѣдъ у фельдмаршала Врангеля. О рѣчи Императора Николая своему полку.—Поѣздка въ Шпандау.—Въ стрѣлковой школѣ.—Въ ложѣ короля.—Поѣздка въ Потсдамъ.—Русская колонія и церковь.—Выѣздъ изъ Берлина.

5-го марта 1863 года предстояла закладка монумента шефу моего полка, королю Фридриху Вильгельму III и празднованіе 50-ти лѣтней годовщины учрежденія ордена Желѣзнаго креста. По этому случаю повелѣно было, для присутствія на этихъ празднествахъ, назначить депутаціи: изъ Варшавы—отъ Прусскаго полка и изъ Петербурга—изъ кавалеровъ означеннаго ордена, въ лицѣ генералъ-адъютанта Кноринга, фельдфебеля и музыканта гвардейскаго экипажа, какъ единственныхъ, оставшихся на службѣ съ Кульмскимъ крестомъ. 3-го марта, вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ Таубе, командиромъ 1-й роты капитаномъ Фрейманомъ, подпоручикомъ Гофманомъ, фельдфебелемъ, унтеръ-офицеромъ и рядовымъ 1-й роты, я выѣхалъ изъ Варшавы. Нашъ поѣздъ, какъ и всѣ поѣзда въ то время, былъ конвоируемый полуротою. До границы мы доѣхали благополучно, хотя и считали возможною какую либо выходку со стороны желѣзнодорожниковъ, или попытку со стороны повстанцевъ, частенько стрѣлявшихъ изъ-зазасадъ по вагонамъ. По переѣздѣ границы насъ поражаало различіе существовавшее между тѣмъ, что дѣлалось у насъ, въ Александровѣ, и происходившимъ за 4 версты, на первой прусской стан-

ціи. У насъ жандармъ, входя въ вагоны отбирать паспорта, робко говоритъ: „прóшу, панове, пассы“; тамъ, такой же жандармъ—пруссакъ, обращается къ тѣмъ же пассажирамъ, почти командуя: *Ihre Pässe, meine Herren!* (ваши паспорта, господа). У насъ въ таможенномъ залѣ, при осмотрѣ багажа, всѣ чиновники и служители говорятъ по польски, тамъ вы не услышите другой фразы кромѣ нѣмецкой.

Въ Торнѣ, гдѣ поѣздъ стоялъ довольно долго, нѣмцы узнали, что проѣзжаетъ русская депутація. Покуда мы пили чай, нѣсколько почтенныхъ бюргеровъ вступили съ нами въ разговоръ, спрашивали о цѣли нашей поѣздки въ Берлинъ и, узнавъ ее, выражали радость, говоря, что видятъ въ нашей командировкѣ знакъ старой связи между нашею и прусскою арміями. Нѣсколько молодыхъ людей прислушивались къ разговору, но не рѣшались при старшихъ вмѣшиваться въ него; а затѣмъ тѣ и другіе проводили насъ до вагоновъ, со всевозможными пожеланіями. Между тѣмъ, на платформѣ, около нашихъ солдатъ собралась большая группа народа: одни съ любопытствомъ осматривали ихъ, другіе ухитрялись на польско-нѣмецкомъ діалектѣ заговаривать, третьи угощали пивомъ, или предлагали сигары.

На слѣдующій день, часу въ 6-мъ утра, мы были въ Берлинѣ. Не смотря на раннее время, дебаркадеръ былъ полонъ публикою. Не успѣлъ я сдѣлать трехъ шаговъ отъ вагона, какъ слышу громко, вопросительно произносимые мой чинъ и фамилію. Я отозвался; передо мною явился въ полной формѣ офицеръ, отпрапоровавшій, приложивъ руку къ каскѣ:

„По повелѣнію его величества короля, капитанъ 2-го гвардейскаго полка Эркертъ назначенъ состоять при вашемъ превосходительствѣ и при русской депутаціи“.

Отрекомендовавшись, я представилъ нашему будущему чичероне моихъ трехъ офицеровъ, послѣ чего Эркертъ спросилъ у насъ багажные билеты и, передавъ бывшему при немъ вѣстовому, объявилъ, что нашихъ солдатъ встрѣчаетъ фельдфебель, нѣсколько говорящій по-русски, и что насъ ожидаютъ у подѣзда придворные экипажи.

Размѣстясь въ щегольскихъ коляскахъ, черезъ нѣсколько минутъ, мы подѣхали къ прекрасной Британской гостинницѣ. Несмотря на 6-й часъ утра, входъ и лѣстницы были парадно

освѣщены; почтенный хозяинъ отеля, старикъ Крюгеръ, во фракѣ, съ орденами, и въ бѣломъ галстукѣ, встрѣтилъ насъ со всѣми своими кельнерами у лѣстницы и самъ проводилъ въ приготовленныя комнаты. Каждый изъ офицеровъ получилъ въ бель-этажѣ спальню и кабинетъ, у меня же была еще гостиная и, кромѣ того, общій большой залъ для всѣхъ. Нижніе чины наши были помѣщены въ номерахъ верхняго этажа. Въ залѣ насъ ожидалъ чай и кофе. Какъ только мы вошли въ него, подъ его окнами, хоръ музыкантовъ грянулъ нашъ гимнъ „Боже Царя храни“, а потомъ исполнилъ нѣсколько маршей. Это было привѣтствіе нашей депутаціи, со стороны уланскаго полка императора Александра II.—Мы никакъ не ожидали подобнаго вниманія, какъ и вообще той изысканной предупредительности и любезности, которыя были намъ оказаны съ первыхъ минутъ нашего приѣзда и во все время моего десятидневнаго пребыванія въ Берлинѣ.

Черезъ часъ по приѣздѣ, мнѣ подали конвертъ отъ генераль-адъютанта графа Н. В. Адлерберга, состоявшаго въ то время при королѣ прусскомъ. Онъ извѣщалъ, что его величество въ тотъ-же день, въ 12 часовъ, принимаетъ депутацію въ собственномъ дворцѣ. Прибывъ туда за полчаса до назначеннаго времени, мы должны были ждать, потому что король находился на смотру всѣхъ девятихъ ротъ гвардейскихъ полковъ. Состоявшій при насъ капитанъ Эркертъ, какъ-бы извиняясь, что намъ приходится ждать, объяснилъ, что подобные смотры производятся ежегодно въ началѣ марта, съ цѣлью видѣть какъ подготовлены къ общему строю молодые солдаты, поступившіе на службу 1 октября.

Дворецъ короля снаружи имѣетъ видъ хорошаго частнаго дома скромныхъ размѣровъ; онъ находится въ началѣ улицы „Подъ Липами“, противъ монумента Фридриха Великаго. За нѣсколько минутъ до возвращенія его величества изъ манежа, начали приѣзжать принцы, генералы и лица свиты. Никто изъ нихъ не въѣзжалъ на подъѣздъ дворца, но всѣ останавливались не доѣзжая, выходили изъ экипажей и безъ шинели, не смотря на чувствительный холодъ, входили на него. При этомъ никто ни мало не стѣснялся тѣмъ, что вносилъ въ зало грязь на своихъ испачканныхъ сапогахъ. Это происходило не отъ небрежности, или отъ недостатка уваженія къ мѣсту, куда они собра-

лись, но считалось извѣстнымъ военнымъ шикомъ. Ко времени приѣзда короля насъ ввели въ его большой кабинетъ, куда вошли только: наследный принцъ, братья его величества Карлъ и Альбертъ и старшіе изъ генераловъ. Король вышелъ въ той формѣ какъ былъ на смотру, и прямо подошелъ къ намъ; каждый изъ насъ долженъ былъ самъ назвать свой чинъ, фамилію и должность. Ставъ затѣмъ передъ нами, Вильгельмъ I обратился къ намъ съ словами, выразившими мысль, что онъ крайне благодаренъ Государю Императору за то, что онъ вспомнилъ о предстоящемъ празднествѣ прусской арміи и прислалъ депутаціи, какъ отъ кавалеровъ ордена Желѣзнаго Креста, такъ и отъ полка имени его родителя; что онъ видитъ въ этомъ не только личное къ нему расположеніе, но и выраженіе тѣхъ-же самыхъ чувствъ, которыя, 50 лѣтъ назадъ, соединяли оба народа узами взаимной дружбы и довѣрія.

Во время нашего представленія доложили, что несутъ знамена, присланныя въ Берлинъ изъ армейскихъ полковъ. Выходя на подъѣздъ для ихъ встрѣчи, король просилъ насъ слѣдовать за нимъ. Покуда подносили штандарты, его величество пояснилъ намъ, что онъ приказалъ доставить въ Берлинъ знамена всѣхъ тѣхъ полковъ, которые участвовали въ кампаніяхъ 1813 и 14 годовъ.

„Я дѣлаю это для того—продолжалъ король—чтобы мой народъ и моя армія помнили и чтили-бы славныя дѣянія своихъ отцовъ и дѣдовъ, и видѣли-бы, какъ ихъ государь цѣнитъ заслуги героевъ достопамятной эпохи. Завтра вы увидите ея представителей; я пригласилъ на закладку монумента моему отцу всѣхъ ветерановъ великой войны и очень радъ, что при этомъ будутъ представители русской арміи“.

Послѣ этого, въ комнатахъ 2-го этажа, мы были представлены королевѣ. Ея величество разспрашивала меня о Великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ и о Великой княгинѣ, интересовалась нѣкоторыми подробностями о полкѣ, вспоминала, что Императрица Александра Θεодоровна особенно любила его. Съ каждымъ изъ офицеровъ королева говорила особо.

Изъ дворца мы отправились представляться прочимъ членамъ королевской фамиліи: наследному принцу, братьямъ и племянникамъ короля, фельдмаршалу барону Врангелю, бывшему тогда генераль-губернаторомъ Берлина. Почтенный

старикъ принялъ насъ въ высшей степени радушно, говорилъ съ нами о русскихъ войскахъ съ тѣмъ чувствомъ, которое не могло быть поддѣльнымъ и выражало полное знаніе имъ духа русской арміи. Введя насъ въ кабинетъ, онъ подвелъ меня къ своему письменному столу и, указывая на акварельные портреты Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Оеодоровны, сказалъ:

„Вотъ тѣ, съ кѣмъ я никогда не расстаюсь, и которые всегда въ моемъ сердцѣ. Она подарила мнѣ этотъ портретъ, когда, выходя замужъ, уѣзжала въ Россію. Это была не женщина, а ангелъ. Ему-же (при этомъ онъ указалъ на маску, снятую съ Николая Павловича послѣ смерти) я ежедневно молюсь, потому что это былъ Монархъ и человѣкъ, какихъ больше нѣтъ“.

Послѣ Врангеля мы были у военного министра, генерала Роона, у президента министерства Бисмарка, у коменданта, у министра двора, у нашего посла Убри и у генерала Мантейфеля, управлявшаго военнымъ кабинетомъ короля. Всѣ они на другой, а нѣкоторые и въ тотъ-же день, отдали намъ визиты.

Братья короля, принцы Карлъ и Альбертъ, немного говорили по-русски. Независимо близкаго родства съ нашимъ Государемъ, они видимо симпатизировали всѣму русскому, особенно послѣдній. Онъ иначе не выѣзжалъ какъ русскою закладкою, съ кучеромъ въ русскомъ армякѣ и шляпѣ, а на маневрахъ его экипажи закладывались четверками въ рядъ. При каждомъ съ нами свиданіи, братья короля привѣтливымъ обращеніемъ до того приблизили насъ къ себѣ, что мы смотрѣли на нихъ какъ-бы на лицъ нашего Царскаго Дома. Далеко не то было со стороны молодаго поколѣнія принцевъ, исключая впрочемъ принца Фридриха-Карла, но и въ его обращеніи и разспросахъ о нашихъ войскахъ видна была скорѣе любознательность, чѣмъ участіе. То же самое можно сказать и о многихъ генералахъ. Чѣмъ кто изъ нихъ былъ старше годами, тѣмъ охотнѣе и ближе знакомился съ нами, тѣмъ менѣе это знакомство отзывалось сухою вѣжливостью. Видимо было, что старое поколѣніе еще сохранило прежнія чувства благодарности къ русскимъ, за ту помощь, которая была оказана русской арміи въ тяжкую для нея наполеоновскую эпоху. Фельдмаршалъ Врангель былъ представителемъ этой довольно

еще многочисленной, въ описываемое время, партіи. Это былъ типъ служаки старой школы; типъ нѣсколько оригинальный, но достойный уваженія. Не смотря на свои 80 лѣтъ, онъ никогда не носилъ шинели и въ самое ненастное зимнее время, въ одномъ сюртукѣ, ходилъ по улицамъ. Народъ иначе не называлъ его какъ „папа Врангель“. При одномъ изъ нашихъ послѣдующихъ свиданій я спросилъ его: „Какая причина его особенной популярности въ народѣ?“—онъ отвѣтилъ:

„Берлинцы народъ благодарный; они не забыли какъ въ 1848 году я угощалъ ихъ картечью и тѣмъ спасъ отъ анархіи; вотъ они за это и любятъ меня“.

Не смотря на разнообразіе и обиліе испытанныхъ въ первый день нашего пребыванія въ Берлинѣ ощущеній и на физическую усталость, вечеромъ мы были въ театрѣ „Викторія“, въ отведенныхъ отъ двора ложахъ. Тамъ въ этотъ вечеръ давали большой военный концертъ, состоявшій изъ нарочно написанныхъ кантатъ, изъ чтенія патріотическихъ стихотвореній и изъ живыхъ картинъ, напоминавшихъ царствованіе Фридриха-Вильгельма III. Публика состояла исключительно изъ военныхъ и ветерановъ, съѣхавшихся на завтрашнее торжество. При появленіи королевской фамиліи, восторгъ зрителей дошелъ до того, что концертъ на нѣсколько минутъ былъ прерванъ.

Слѣдующій день, 5 марта, былъ еще полнѣе различными для насъ новизнами и ощущеніями; это былъ день закладки монумента. Но не эта, въ сущности, не представлявшая ничего особеннаго и такъ часто случающаяся церемонія, привлекла наше вниманіе. Гораздо знаменательнѣе было празднованіе въ тотъ-же день пятидесятилѣтія учрежденія ордена Желѣзнаго Креста. Съ ранняго утра Берлинъ былъ убранъ флагами гигантскихъ размѣровъ, коврами, транспарантами, представлявшими эпизоды минувшихъ войнъ, бюстами и портретами царствующаго короля и его отца, учредителя ордена. Улицы, по которымъ должны были идти ветераны, покрылись сплошными массами народа, собравшагося не изъ одного любопытства, но по душевному влеченію видѣть героевъ. Какъ-то чувствовалось, что какъ въ украшеніяхъ пути этого шествія, такъ и въ стеченіи публики, не было ничего оффиціальнаго, приказаннаго; напротивъ, все отзывалось сердечностью патріотизма.

Въ 10 часовъ утра процессія тронулась вдоль улицы „Подъ Липами“, отъ Бранденбургскихъ воротъ къ площади замка, противъ котораго закладывался монументъ. Впереди всѣхъ, на бѣломъ конѣ, въ кирасирскомъ мундирѣ и золотомъ шпакѣ, ѣхалъ фельдмаршалъ Врангель. Появленіе его, по всей улицѣ, въ версту длиною, сопровождалось оглушительными криками восторга. На балконахъ и у открытыхъ оконъ дамы махали платками, народъ—шляпами, всѣ кричали: „lebe hoch! bravo, rara Wrangel“. Старикъ, по временамъ, подымалъ каску и дѣлалъ рукою привѣтъ народу. За нимъ шли 1,200 ветерановъ, по шести въ рядъ, въ мундирахъ тѣхъ самыхъ полковъ, въ которыхъ они служили 50 лѣтъ назадъ ¹⁾. Ихъ длинная колонна была раздѣлена на 4 отряда, по числу корпусовъ того времени. Передъ каждымъ отдѣленіемъ шелъ герольдъ, несшій, на длинномъ позолоченномъ древкѣ, въ лавровомъ вѣнкѣ, надпись фамиліи корпуснаго командира; за герольдомъ слѣдовалъ хоръ музыкантовъ, игравшій марши 13 и 14 года, и затѣмъ ветераны, служившіе въ этомъ корпусѣ. Впереди былъ корпусъ Йорка, потомъ Бюлова, Блюхера и, наконецъ, Клейста. Особенно умилительное впечатлѣніе производило то, что между представителями давно минувшихъ славныхъ лѣтъ, мы видѣли и ихъ сыновей. Въ одномъ мѣстѣ, дряхлаго старика-генерала поддерживалъ молодой солдатикъ, состоящій на службѣ; въ другомъ—безногаго инвалида-солдата велъ его сынъ—генералъ настоящаго времени, въ третьемъ—два кадета везли въ креслахъ израненаго дядю или родственника.

Къ 11 часамъ мы были на площади, у мѣста закладки и присоединились къ депутаціямъ отъ полковъ прусской арміи. Меня, съ моими офицерами, помѣстили правѣ королевскаго павильона, а нашего фельдфебеля поставили часовымъ у основанія монумента; противъ него, другимъ часовымъ, стоялъ старшій изъ унтеръ-офицеровъ лейбъ-регимента. Покуда войска (по одной ротѣ съ cadaго гвардейскаго полка) вступали на площадь, я обошелъ ряды ветерановъ. Нѣкоторые изъ нихъ, узнавъ отъ сопровождавшаго насъ капитана Эркерта,

¹⁾ Тѣ изъ инвалидовъ, которые не имѣли средствъ спить себѣ форму прежняго времени, были обмундированы на казенный счетъ.

что я командиръ полка имени короля, которому они служили, безцеремонно жали мою руку. Нашлись и такіе, которые бывали съ полкомъ въ однихъ отрядахъ и сражались вмѣстѣ. Вообще слова—„русскій генералъ“ вызывали на ихъ лицахъ видимое удовольствіе и воспоминаніе о дняхъ молодости, объ общихъ радостяхъ и лишеніяхъ.

Въ 12 часовъ послѣдовалъ выходъ королевской фамиліи, изъ главныхъ воротъ замка, къ павильону у мѣста закладки, по устроеннымъ черезъ площадь мосткамъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. По прочтеніи манифеста начался церковный обрядъ, послѣ котораго совершился самый процессъ закладки. Отъ лицъ королевской фамиліи и старшаго генералитета, молотокъ перешелъ ко мнѣ и къ моимъ офицерамъ. Затѣмъ король обошелъ депутаціи, строй ветерановъ и войска, которыя были потомъ пропущены церемоніальнымъ маршемъ.

Въ 3 часа происходилъ въ замкѣ обѣдъ на 2 тысячи особъ. Мы приѣхали туда, когда въ залѣ были еще немногіе изъ приглашенныхъ, между которыми я увидѣлъ довольно рослаго бѣлокурого полковника въ кирасирской формѣ, издали до того похожей на нашу, что я принялъ его за прибывшаго изъ Петербурга конно-гвардейца.

— Вы, генералъ, изъ Варшавы? спросилъ онъ, подойдя ко мнѣ, чистымъ русскимъ языкомъ.

Въ отвѣтъ я назвалъ себя и свою должность.

— Удивляетесь, что я говорю по-русски?—продолжалъ незнакомецъ,—я былъ нѣкоторое время посланникомъ въ Петербургъ и всегда радъ случаю имѣть практику; я—Бисмаркъ.

Дѣлая наканунѣ визиты, мы не застали его, потому эта встрѣча была первою, когда я увидѣлъ человѣка, имя котораго тогда только начинало приобрѣтать извѣстность. Разговоръ нашъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ, подошедшимъ австрійскимъ эрцгерцогомъ. Между тѣмъ залы начали быстро наполняться; за столомъ мнѣ указали мѣсто между генералами, противъ особъ королевской фамиліи, а моимъ офицерамъ—между соотвѣтствующими чинами другихъ иностранныхъ депутацій. Во время этого обѣда было предложено только два тоста: одинъ—самимъ королемъ—за армію и за представителей эпохи освобожденія Пруссіи, и другой, фельдмаршаломъ Врангелемъ—за короля. По окончаніи обѣда члены королев-

ской фамилии и прибывшие на торжество иностранные принцы обходили линии столовъ, при чемъ всѣ приглашенные оставались у мѣстъ, которыя занимали. Ни одна изъ принцессъ не прошла мимо меня, не спросивъ что-либо о великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ; особенно же долго говорила принцеса Мекленбургъ-Шверинская, поручившая передать Ея Высочеству, что она питаетъ къ ней тѣ же чувства любви и дружбы, которыя связывали ихъ прежде. Нѣкоторые изъ подобныхъ вопросовъ, по правдѣ сказать, досадовали меня, потому что участіе выражалось съ какимъ-то сожалѣніемъ, что Великому князю и его супругѣ приходится переживать въ Варшавѣ трудныя минуты, что имъ вѣроятно скучно тамъ, такъ какъ польское общество имъ манкируетъ и т. д. „Какое вамъ дѣло,—думалось мнѣ,—разспрашивать о томъ, что составляетъ нашу собственную заботу; вѣдь никто не проситъ ни вашего участія, ни вашихъ сожалѣній“.

При возвращеніи изъ замка произошелъ слѣдующій случай. На поворотѣ въ улицу, отъ скопленія экипажей, карета, въ которой я сидѣлъ съ Эркертомъ, пріостановилась. Въ это время какой-то уличникъ изъ толпы, вставивъ въ открытое окно кареты кулакъ, погрозилъ имъ, проговорилъ: „Verschwundene Oestreicher“ (проклятые австрійцы). Я такъ былъ озадаченъ этой выходкой, что даже не разслышалъ словъ; но Эркертъ, повторивъ ихъ, объяснилъ, что насъ приняли за австрійцевъ, и что въ настоящее время народъ такъ раздраженъ противъ Австріи, за ея интриги на франкфуртскомъ сеймѣ, что не можетъ видѣть тѣхъ, кто носитъ вмѣсто каски кепи и принимаетъ всѣхъ иностранцевъ, въ подобномъ головномъ уборѣ, за австрійцевъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, намъ были присланы двѣ логи на парадный спектакль въ королевской оперѣ. Давали нарочно написанный для этого дня прологъ, въ которомъ, передъ изображеніемъ заложенного утромъ памятника, читались стихи, обращенные къ памяти Вильгельма III, проходили черезъ сцену процессіи, участвующіе въ которыхъ изображали различныя провинціи и народности Пруссіи, клали вѣнки къ подножію памятника, произносили хвалебные монологи и т. д. За прологомъ давали 1 актъ оперы „Лагерь въ Силезіи“ и, наконецъ,

представлено было нѣсколько живыхъ картинъ, изображавшихъ эпизоды изъ войны 13 и 14 годовъ.

На слѣдующій день, въ 9 час. утра, король прислалъ ко мнѣ флигель-адъютанта полковника Гогенлое, съ извѣстіемъ, что Государь назначилъ его величество шефомъ нашего полка, и что онъ желаетъ видѣть депутацію въ 12 ч. во дворцѣ, чтобы представиться чинамъ полка. Эта новость очень насъ обрадовала. Въ назначенный часъ я, съ моими офицерами и нижними чинами, былъ во дворцѣ. Насъ провели въ комнату, гдѣ столы, зеркальныя рамы, каминъ и стѣнныя украшенія были изъ русскаго малахита; все это были подарки Императора Николая Павловича. Король вышелъ къ намъ въ мундирѣ Калужскаго полка, котораго онъ съ давнихъ временъ былъ шефомъ¹⁾. Я подошелъ съ почетнымъ рапортомъ и подалъ полный, по-нѣмецки написанный, списокъ офицеровъ.

„Назначеніе меня—сказалъ намъ его величество—шефомъ полка, носящимъ имя моего отца на вѣчныя времена, считаю знакомъ особенной ко мнѣ пріязни вашего Императора, моего искренняго друга и племянника. Чтобы показать ему мою признательность, я сегодня же прошу его быть шефомъ моего кирасирскаго, имени Императора Николая, полка. Я еще вчера получилъ увѣдомленіе о моемъ новомъ назначеніи, но не хотѣлъ объявить объ этомъ, чтобы не смѣшивать національнаго торжества съ личнымъ моимъ праздникомъ“.

Въ отвѣтъ на это я высказалъ его величеству, что полкъ считаетъ за счастье имѣть его во главѣ своихъ рядовъ, что мы видимъ въ этомъ назначеніи новую къ намъ милость Государя, и что полкъ постарается съ тою же честью служить при новомъ шефѣ, какъ служилъ при его родителяхъ.

Затѣмъ король разспрашивалъ насъ про стоянку полка въ Нарвѣ, про настоящее его положеніе въ Варшавѣ, интересовался много ли въ полку переведенныхъ съ Кавказа, сколько

¹⁾ Вильгельмъ I былъ назначенъ шефомъ Калужскаго пѣхотнаго полка въ 1813 году, имѣя 18 л. онъ роду и чинъ поручика. Во время одного изъ сраженій онъ былъ посланъ съ приказаніемъ къ генералу, командовавшему отрядомъ, въ составъ котораго входила русская бригада. Молодой принцъ подскакалъ къ ней въ то время, когда одинъ изъ ея полковъ, именно Калужскій, шелъ въ атаку. Передавъ приказаніе, онъ присоединился къ полку и вмѣстѣ съ нимъ бросился на непріятеля.

ежегодно поступает рекрутъ. Съ нижними чинами онъ ска- залъ нѣсколько словъ по-русски, спрашивая ихъ: „съ кото- раго года въ службѣ, какой губерніи, нравится ли Берлинъ, гдѣ лучше въ Нарвѣ или въ Варшавѣ“.

Въ 5 часовъ былъ обѣдъ, данный исключительно по слу- чаю шефства. Кромѣ нашей депутаціи, къ нему были пригла- шены чины русскаго посольства и тѣ изъ прусскихъ генера- ловъ, которые имѣли высшіе русскіе ордена.

Вечеръ описываемаго дня былъ, подобно предшествовав- шему и почти всѣмъ предстоявшимъ, проведенъ въ театрѣ. Въ этотъ разъ давали балетъ „Фликъ и Флокъ“, въ которомъ, въ теченіи цѣлаго акта, движущаяся задняя декорация изобра- жала различныя столицы европейскихъ государствъ. Когда дошла очередь до Россіи, то появился видъ Петербурга, сня- тый съ Троицкаго моста на Зимній дворецъ и биржу, раздѣ- ленные Невую. Во время пріостановки этой картины, на сценѣ была весьма плохо исполнена русская пляска. вмѣсто парня вышелъ бородатый кучеръ въ длинномъ армякѣ, съ шляпою невиданнаго фасона. Во время одного изъ антрактовъ, дежур- ный камергеръ передалъ мнѣ, что его величество, разъ на- всегда, приглашаетъ меня въ большую королевскую ложу.

Такъ какъ утро 7 марта оставалось свободнымъ отъ при- глашеній и службы, то я воспользовался имъ, чтобы хотя нѣ- сколько ознакомиться съ внутренними порядками и бытомъ прусскихъ войскъ. Съ этою цѣлью мы съ вечера сговорились съ Эркертомъ, часовъ въ 9 утра, поѣхать въ казармы 2-го гвар- дейскаго полка, въ которомъ онъ командовалъ ротою. Про- силъ-ли онъ заранѣе разрѣшенія командира полка показать мнѣ казармы, или взялъ это на себя,—не знаю, но несомнѣнно, что король узналъ объ этомъ, потому что потомъ спраши- валъ меня и доставилъ мнѣ случай видѣть, въ большемъ размѣрѣ, не только устройство, но и разнаго вида обученіе, войскъ. Насъ никто не встрѣтилъ, кромѣ дежурнаго по ротѣ и я не видѣлъ на занятіи не только полковаго, но и баталіоннаго командира. Въ ротѣ Эркерта происходили обыкновенныя утреннія занятія. Въ широкомъ корридорѣ одинъ изъ офицеровъ обучалъ шеренту молодыхъ солдатъ, прочіе занимались гимнастикой на дворѣ. Какъ только офицеръ уви- дѣлъ входящаго капитана, скомандовалъ „смирно“, и, ставъ на

флангъ, отдалъ ему честь. Въ то время у насъ еще не было вве- дено подобнаго правила въ уставъ, но, бывши въ младшихъ чи- нахъ, мы сами собою исполняли то же самое. Полагаю, что не столько важно облеченіе правилъ военной вѣжливости въ законъ, какъ наблюденіе за ея исполненіемъ; иначе, что ни пиши, все останется мертвою буквою. Полюбопытствовавъ видѣть книгу прусскаго устава, я убѣдился, что онъ написанъ въ томъ же духѣ, какъ были изданы наши уставы 40-хъ годовъ, безъ вся- кихъ разсужденій и наставленій, краткими параграфами, какъ и что дѣлать.

При обходѣ помѣщеній роты, болѣе всего поражалъ про- сторъ, удобство и порядокъ; не было громаднхъ залъ на цѣ- лые взводы, но по сторонамъ широкаго и свѣтлаго корридора шли небольшія комнаты, не болѣе какъ человѣкъ на 12. Посреди комнаты большой круглый столъ, обитый клеенкой и окружен- ный 12-ю табуретами. По стѣнамъ, между кроватями, прибиты висячіе шкафики для каждаго. Распредѣленіе кому съ кѣмъ жить предоставляется соглашенію нижнихъ чиновъ, утверж- даемому ротнымъ командиромъ; ни ранжиръ, ни другія усло- вія въ расчетъ не принимаются, но происхождение и нрав- ственность играютъ при этомъ первую роль. Отъ этого въ ротѣ образуется нѣчто въ родѣ мелкихъ артелей или корпорацій; на примѣръ: люди образованныхъ классовъ живутъ отдѣльно отъ взятыхъ изъ крестьянъ, сыновья комерсантовъ—отдѣльно отъ привлеченныхъ на службу изъ фабричныхъ и мастеровыхъ. Черезъ это никто другъ другу не мѣшаетъ, понятія и интересы не смѣшиваются; всякій, состоя на службѣ, въ свободное время, возвращается въ той же средѣ людей, къ которой привыкъ съ дѣтства, не отвлекаясь отъ интересовъ родной семьи и ея тра- дицій. Людямъ съ средствами разрѣшается улучшать свои по- мѣщенія; такъ я видѣлъ въ комнатѣ, занятой бывшими сту- дентами и сыновьями купцовъ, нѣсколько лампъ вмѣсто одной казенной, зеркало, стулья вмѣсто табуретовъ, на столѣ лежали газеты и журналы. Подобныя отступленія нисколько не шли въ разрѣзъ съ самымъ строгимъ соблюденіемъ чистоты, по- рядка и подчиненія введеннымъ правиламъ. За это отвѣчаютъ старшіе въ комнатахъ, обязанные во всякое время знать кто изъ живущихъ съ ними, гдѣ и почему находится. Если стар- шій въ отсутствіи, то всегда есть замѣняющій его. Черезъ это

ни одинъ человѣкъ никогда не остается безъ начальствующаго надъ нимъ. Я заставлялъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ на лицо, вмѣсто двѣнадцати, были 6 человѣкъ, и, какъ только мы входили, очередной по старшинству подходилъ ко мнѣ съ рапортомъ. Вотъ гдѣ начало той подчиненности, исполнительности и отвѣтственности, которыя такъ вкоренились въ прусской арміи.

Насколько прусскіе солдаты лучше и удобнѣе помѣщены чѣмъ наши, настолько они ѣдятъ хуже нашихъ. Приготовленная въ этотъ день пища была жидка и весьма не вкусна. Разницу въ продовольствіи замѣтили и бывшіе съ нами нижніе чины. Гуляя по городу, съ приставленнымъ къ нимъ фельдфебелемъ ландвера, они заходили то въ тѣ, то въ другія казармы. Я однажды спросилъ одного изъ нихъ, понравилось ли ему какъ живутъ прусскіе солдаты? Онъ отвѣтилъ:

— Живутъ-то они, ваше превосходительство, не худо, а ужъ ѣдятъ куда плоше нашего; кабы нашихъ посадить хоть на недѣлю на такой супъ, такъ у всѣхъ бы животы подвело.

Не имѣя въ этотъ день ни отъ кого приглашенія на обѣдъ, мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе, нашего любезнаго чичероне Эркerta, отобѣдать въ офицерской столовой его полка. Собственно обѣдъ, какъ и наши подобные, былъ очень простъ; но помѣщеніе, сервировка, видъ и одежда прислуги, состоящей изъ солдатъ, одѣтыхъ въ красивыя ливреи, все было прекрасно. Вообще въ Пруссіи отводится для офицерскихъ собраній въ казармахъ широкое помѣщеніе, со всѣми удобствами. Напримѣръ, во 2-мъ гвардейскомъ полку мы видѣли: огромный столовый залъ, въ которомъ можетъ обѣдать человѣкъ семьдесятъ, двѣ большія комнаты для бібліотеки, эстаминетъ для куренья, залъ для игры въ карты, домино и шахматы, читальню съ множествомъ газетъ и военныхъ журналовъ, биллиардную, комнату для буфета и просторную переднюю. Все это освѣщается газомъ и прекрасно меблировано.

Вечеромъ мы были на придворномъ концертѣ, въ кругломъ залѣ дворца. Его можно было назвать скорѣе музыкальнымъ вечеромъ, потому что, сверхъ лицъ королевской фамиліи, приглашенныхъ было немного. Пѣнію извѣстныхъ артистокъ Лукки и Арто аккомпанировалъ хоръ придворной капеллы, а на роялѣ — знаменитый Мейерберъ, старичекъ съ еврейскимъ

типомъ лица, въ завитомъ парикѣ, со множествомъ всевозможныхъ крестовъ и звѣздъ на фракѣ, имѣвшій тогда на видъ лѣтъ 65. Здѣсь мы неожиданно встрѣтили принцессу Марію Максимилиановну Лейхтенбергскую, ѣхавшую изъ Петербурга, сряду послѣ замужества, въ Баденъ. Увидѣвъ русскіе мундиры, она видимо обрадовалась и, говоря со мною, упомянула, что ей очень тяжело навсегда оставлять родину. Во время исполненія послѣдняго номера программы, королева, черезъ принца Альберта, подозвала меня къ себѣ.

— Я хочу сдѣлать вамъ сюрпризъ—сказала она; вы услышите сейчасъ музыку, которая навѣрно будетъ для васъ пріятна и которую я очень люблю.

По данному знаку, хоръ капеллы превосходно исполнилъ седьмую херувимскую Бортнянскаго.

Возвратясь въ отель, я нашелъ увѣдомленіе отъ генерала Мантейфеля о томъ, что его величеству угодно, чтобы я завтра подробно осмотрѣлъ полкъ Императора Александра I-го. Называясь гвардейско-гренадерскимъ, онъ занимаетъ въ прусской гвардіи положеніе параллельное съ моимъ Прусскимъ полкомъ.

8-го марта, въ 9 часовъ утра, мы подѣхали къ манежу полка, расположенному возлѣ его казармъ. При входѣ я былъ встрѣченъ начальникомъ дивизіи и бригаднымъ командиромъ, что нѣсколько удивило и отчасти шокировало меня, тѣмъ болѣе, что и на лицахъ этихъ почтенныхъ и старыхъ годами генераловъ было замѣтно, что имъ не доставляло особеннаго удовольствія встрѣчать, въ то время еще относительно молодого, иностраннаго генераль-маіора. Чтобы избавить и себя и ихъ отъ стѣсняющаго положенія, я убѣдилъ обоихъ предоставить полковому командиру самому показать мнѣ то, что онъ желаетъ. Тогда начальникъ дивизіи, тономъ приказанія, передалъ полковнику Альвенслебену (однофамильцу пріѣзжавшаго въ Варшаву генерала), чтобы онъ показалъ мнѣ шереножное и ротное ученье, церемоніальный маршъ, гимнастику и т. д. и затѣмъ, вмѣстѣ съ бригаднымъ, уѣхалъ изъ манежа. Изъ видѣннаго мною можно было вывести заключеніе, что строевое обученіе идетъ у пруссаковъ совершенно также, какъ у насъ, съ тою разницею, что въ отношеніяхъ офицеровъ между собою сильно проглядываетъ врожденная нѣмцамъ педантичность. Я не слыхалъ, во время двухъ-часоваго пребыванія въ манежѣ,

ни одной фразы, сказанной капитаномъ поручику обыкновеннымъ тономъ; всякое слово отзывалось рѣзкимъ, повелительнымъ приказаніемъ. Съ другой стороны, принимающій приказаніе офицеръ держитъ себя, передъ отдающимъ его, до того натянутымъ, что нашъ солдатъ, говорящій съ начальникомъ, походилъ бы тамъ на человѣка, небрежно относящагося къ словамъ старшаго. На лицахъ младшихъ офицеровъ, которымъ что либо говорилъ ротный командиръ, выражалась какая-то подобострастность; они вытягивались при этомъ въ струнку, все время держали руку у козырька, какъ-то таращились, потомъ поворачивались по-солдатски и отходили на свое мѣсто, маршируя съ носка. Изъ разговоровъ моихъ съ нѣкоторыми изъ нихъ я потомъ заключилъ, что это ничто иное какъ укоренившаяся мода, производящая на иностранца то же непріятное впечатлѣніе, какое производитъ неумѣстная развязность и фатовство большей части французскихъ офицеровъ. Здѣсь излишняя деревянность, тамъ—какое-то кривлянье. Разница съ нашими приемами обученія состоитъ въ томъ, что у пруссаковъ ружейные приемы дѣлаютъ гораздо чаще, командуются, хотя бы маленькой шеренгѣ, съ крикомъ, какъ будто цѣлому полку; сигналы совершенно тѣ же что у насъ, но съ измѣненнымъ значеніемъ, напримѣръ то, что у насъ означало перемѣну цѣпи, — у нихъ наступленіе.

Изъ манежа мы проѣхали за городъ, гдѣ на сосѣднемъ полѣ, двѣ заранѣе посланныя туда роты, производили разсыпной строй, а особая піонерная команда, по 10 человѣкъ съ каждой роты (въ родѣ нашихъ саперныхъ командъ), въ теченіи 9 минутъ устроила мостъ черезъ ровъ, въ 4 сажени, изъ ранѣе подвезенныхъ бревенъ, досокъ и кольевъ и въ 28 минутъ разбила и насыпала ложементъ на два полувзвода. Хотя и пришлось хвалить за такое проворство, но мы очень хорошо понимали, что все это дѣло показное, нѣсколько разъ продѣланное и подготовленное для смотровъ: колья заранѣе были заострены, каждый человѣкъ зналъ, что гдѣ лежитъ и за что кому браться. Чтобы пруссаки не думали потомъ, что они насъ обошли, я высказалъ мое мнѣніе о подобномъ показаніи товара лицомъ Эркерту.

По окончаніи осмотра, полковой командиръ, отъ имени своихъ офицеровъ, пригласилъ насъ въ казармы на обѣдъ.

Узнавъ, что до него остается полчаса времени, я выразилъ желаніе, съ цѣлью ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ, взглянуть на полковую канцелярію. Вдвоемъ съ полковымъ адъютантомъ, мы поднялись въ верхній этажъ казарменнаго флигеля. Въмѣсто анфилады комнатъ нашихъ канцелярій, здѣшняя состояла всего изъ двухъ: одна въ два окна, другая въ одно, подъ которымъ стоялъ телеграфный станокъ. Большой письменный столъ посрединѣ первой комнаты, нѣсколько шкафовъ у стѣнъ, по столику передъ каждымъ окошкомъ для полагаемыхъ по штату только двухъ писарей, причемъ одинъ и телеграфистъ,—вотъ все помѣщеніе и составъ полковой канцеляріи. Видя это, я полагалъ, что тамъ не ведется ни списковъ, ни входящаго и исходящаго журналовъ и потому просилъ показать мнѣ книгу приказовъ и послужные списки офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Оказалось, что приказы пишутся прямо набѣло, своеручно полковымъ адъютантомъ, что послужной списокъ помѣщается на печатномъ бланкѣ, въ четвертку обыкновеннаго листа бумаги, что есть и алфавитъ полка, и штрафной журналъ, и журналы входящій и исходящій. Все это, по упрочившемуся порядку, приведено въ такія сжатые формы и пишется такимъ мелкимъ и умѣстистнымъ шрифтомъ, что выше и ниже написаннаго, не только нѣтъ полей, но нельзя приписать ни одной строчки.

Во время моихъ разспросовъ полковаго адъютанта, вошелъ офицеръ съ докладомъ, что пріѣхалъ военный министръ, и что меня просятъ въ столовую. Войдя въ ярко освѣщенный и убранный растеніями залъ, я догадался, что намъ дается официальный обѣдъ. Кромѣ всѣхъ офицеровъ полка, въ мундирахъ, тамъ были: военный министръ генералъ Роонъ, начальникъ штаба гвардіи, начальникъ дивизіи, бригадный командиръ и личный лейбъ-медикъ короля. Присутствіе послѣдняго было объяснено тѣмъ, что онъ когда-то состоялъ старшимъ врачомъ этого полка, но вѣрнѣе предположить, что онъ былъ присланъ для того, чтобы немедленно передать происшедшее на обѣдѣ. Все это было для насъ неожиданностію.

Не буду описывать: ни роскошной обстановки, ни обилія яствъ и винъ, ни отличнаго оркестра, игравшаго во время обѣда, но перехожу прямо къ болѣе интересному, — къ тѣмъ рѣчамъ, которыя говорились передъ тостами. Первый изъ нихъ

былъ предложенъ военнымъ министромъ за нашего Государя, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Каждому прусскому офицеру извѣстны узы дружбы, связывающія насъ съ русскою арміею. Каждый изъ насъ, отъ короля до солдата, раздѣляетъ эти чувства. Въ томъ, что русскому Императору угодно было, къ достопамятному для нашего отечества дню, прислать къ намъ дорогихъ и уважаемыхъ гостей, мы видимъ знакъ его вниманія и любви. Предлагаю тостъ за здравіе и долгоденствіе Императора Всероссійскаго“.

На это я отвѣчалъ:

„Хотя въ русской арміи есть много лицъ, болѣе меня достойныхъ быть ея представителями, но какъ особый случай и милость моего Государя дали мнѣ возможность находиться въ Берлинѣ въ столь торжественные дни, то позвольте мнѣ выразить передъ вами, что мы высоко цѣнимъ сдѣланное намъ отличие, быть представителями нашей арміи въ вашей средѣ. Время, когда вашъ полкъ и полкъ, которымъ я имѣю честь командовать, получили свои названія, соединило обѣ арміи чувствами взаимнаго уваженія и любви. Дай Богъ, чтобы эти чувства остались вѣчными и недоступными ни для какихъ политическихъ интересовъ. Въ то достославное время, оба полка сражались вмѣстѣ, за общее дѣло, подъ знаменитымъ девизомъ вашимъ: „Mit Gott für König und Vaterland!“ (Съ Богомъ — за Короля и Отечество). Теперь же, когда вашъ король принялъ шефство нашего полка, мы соединяемся новыми узами съ вами и съ вашею арміею. Да здравствуетъ ея верховный вожь, мой августѣйшій шефъ и вашъ державный повелитель, Вильгельмъ I!“

Послѣ этого, полковникъ Альвенслебенъ произнесъ большую рѣчь, имѣвшую военно-политическій отгѣнокъ. Онъ доказывалъ, что въ настоящее, трудное для Пруссіи, время, преданность офицеровъ своему долгу и ихъ любовь къ монарху можетъ оказать великія заслуги отечеству, при чемъ совѣтовалъ слѣдовать примѣру русскихъ офицеровъ, самопожертвованіе которыхъ и вѣрность престолу признаны всѣми. Такое содержаніе рѣчи оправдывалось тѣмъ, что въ то время палата депутатовъ вела явную борьбу съ правительствомъ и два года сряду отказывала ему въ средствахъ на содержаніе арміи. Правительство

было вынуждено распускать палату, что производило сильное волненіе умовъ, а чрезъ это народные представители и войска представляли двѣ враждебныя силы.

Военный министръ энергично отвѣчалъ Альвенслебену, какъ бы отъ имени короля. Онъ заявилъ, что его величество вполнѣ надѣется на свои войска, и провелъ параллель между направленіемъ прусской и русской армій, въ отношеніи ихъ преданности своимъ государямъ и сознанія долга. Въ заключеніе своей рѣчи генералъ Роонъ сказалъ: „Доколѣ прусскіе офицеры будутъ помнить слова Императора Николая, сказанныя имъ кирасирскому имени его полку въ Потсдамѣ, до тѣхъ поръ они останутся твердымъ оплотомъ престола. Слова эти должны быть евангеліемъ прусской арміи“ *).

Послѣ этого шли тосты: за русскую армію, за мой полкъ, за братство обѣихъ армій. Выразивъ благодарность отъ имени своего полка, я отвѣчалъ тостомъ за прусскую армію и за полкъ Императора Александра I. Все это, вмѣстѣ взятое, содѣйствовало общему оживленію и энтузіазму, съ которымъ присутствовавшіе принимали всякую здравицу. Въ концѣ обѣда я увидѣлъ, что съ дальняго конца стола, гдѣ сидѣли прибывшіе со мною изъ Варшавы нижніе чины депутаціи, направляется ко мнѣ, съ бокаломъ въ рукѣ унтеръ-офицеръ Васильевъ, а за нимъ — состоящій при нихъ фельдфебель ландвера. Не совѣмъ твердая походка и блиставшіе глаза Васильева указывали, что онъ порядочно выпилъ. Зная его охотникомъ этого дѣла, я опасался, не вышло бы чего либо неловкаго. Между тѣмъ фельдфебель, подойдя къ министру, доложилъ, что русскіе солдаты желаютъ выпить за его здоровье. Генералъ Роонъ уже протянулъ руку, чтобы чокнуться съ Васильевымъ, но послѣдній, прежде чѣмъ приблизить свой бокалъ, обратился ко мнѣ и громко сказалъ:

— Осмѣливаюсь просить ваше превосходительство, передать военному министру, что, по одному слову начальства, русскій солдатъ готовъ не только пить, но и умереть вмѣстѣ съ прусскимъ, за нашего Государя и за *ихмя* короля.

Я немедленно передалъ сказанное по-французски. Это воз-

*) Ниже я привожу эти слова, съ разсказа современника, о посѣщеніи Императоромъ Николаемъ Берлина.

будило общій восторгъ. Министръ обнялъ и поцѣловалъ Вассильева, офицеры сошли съ мѣстъ и, наперерывъ, кто обнималъ его, кто жалъ его руку, кто благодарилъ меня*).

Обѣдъ кончился въ 8 часовъ, такъ что я, перемѣнивъ форму, опоздалъ къ началу спектакля, а между тѣмъ показаться въ театрѣ было необходимо, потому что съ того вечера, какъ король предложилъ мнѣ мѣсто въ большой придворной ложѣ, я еще ни разу не воспользовался этимъ приглашеніемъ. Спутники мои такъ были угощены на описанномъ обѣдѣ, что отказались отъ оперы и я отправился вдвоемъ съ Эркертъ.

9 (21) марта, утромъ, происходилъ общій парадъ всей стоявшей въ Берлинѣ кавалеріи. Для этого она была выстроена, въ пѣшемъ строю, развернутымъ фронтомъ, вдоль средняго бульвара улицы „Подъ Липами“. Полки проходили церемониальнымъ маршемъ, повзводно. Подобный парадъ дѣлается королемъ ежегодно, съ цѣлью видѣть подготовку молодыхъ солдатъ кавалеріи къ пѣшему строю. Полки равнялись довольно чисто; особенно хорошо прошли уланы, но что поражало насъ—такъ это офицерство. Они парадировали, до того усердно, вытягивая носки и хлопая ногами, до того напрягали колѣни и всю свою фигуру, что на многихъ невозможно было смотрѣть безъ смѣха. Даже офицеры аристократическаго лейбъ-режима (то, что у насъ кавалергарды) не были исключеніемъ. Такое каррикатурное стараніе, безобразившее самыхъ видныхъ и красивыхъ молодыхъ людей, было тоже ничто иное какъ шикъ, отъ котораго отказался бы каждый изъ нихъ, еслибы увидѣлъ свою фигуру въ зеркало. Послѣ парада мы завтракали у короля, а обѣдали въ этотъ день у принца Алберта. На этотъ обѣдъ, кромѣ нашей депутаціи, были приглашены только лица, находившіяся минувшею осенью съ его высочествомъ на Кавказѣ. Разговоръ шелъ преимущественно объ этомъ путешествіи и о кавказской арміи. Обхожденіе съ нами обоихъ братьевъ короля, Карла и Алберта, было въ высшей степени симпатичное. Несмотря на почтенные годы, они были до того ласковы, что говоря съ ними, исчезало всякое стѣсненіе, невольно про-

*) Припоминая сказанное, невольно думается:—какъ все это измѣнилось, сравнительно съ настоящими отношеніями обѣихъ націй.

являющееся, когда приходится думать о важности лица, съ которымъ говоришь, и о требованіяхъ этикета.

Еще утромъ этого дня, капитанъ Эркертъ передалъ мнѣ, что принцъ Фридрихъ-Карлъ, въ то время командиръ 3-го корпуса, проситъ меня, въ 8 часовъ вечера къ себѣ, запросто, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Такое приглашеніе нѣсколько удивило меня, тѣмъ болѣе, что я получилъ его одинъ, безъ сопровождавшихъ меня офицеровъ и даже безъ сопутствія неразлучнаго нашего спутника Эркерта. Благодаря ему, я уже былъ предваренъ, что Фридрихъ-Карлъ преданъ военному дѣлу до страсти; что онъ не любитъ общества, не находитъ удовольствія ни на балахъ, ни въ театрахъ и врагъ женщинъ. Въ наказаніе за это, судьба послала ему 3-хъ дочерей подрядъ и тогда ни одного еще сына, что сердило его. Бывъ введенъ въ кабинетъ принца безъ предварительнаго доклада, я засталъ тамъ 3-хъ офицеровъ, принадлежащихъ штабу его корпуса. Его высочество пригласилъ меня сѣсть съ нимъ на отоманку, стоявшую въ небольшой альковѣ, гдѣ мы проговорили до 11 часовъ, не вставая; прочіе усѣлись за круглый столъ посреди кабинета и только изрѣдка, когда принцъ обращался къ кому либо, принимали участіе въ нашей бесѣдѣ. Видимо было, что я призванъ для того, чтобы узнать подробности о тѣхъ нововведеніяхъ, которыя тогда такъ быстро шли въ нашей арміи, одно за другимъ. Особенно интересовали принца: окружная система, стрѣлковая войска, наши лагерные сборы и положеніе варшавскаго гарнизона. Изъ дѣлаемыхъ имъ выводовъ было замѣтно, что онъ многому изъ новаго отдавалъ преимущество, но въ общемъ находилъ, что не слѣдовало упразднить того, къ чему привыкла армія и что составляетъ ея традиціи или историческія преданія. Болѣе всего ему не нравилось упраздненіе корпусовъ.

— Мы сами—говорилъ онъ, находимъ, что у насъ есть кое-что устарѣлое, но въ дѣлѣ преобразованій нужна большая осторожность. Возьмемъ для примѣра наши игольчатые ружья; онѣ имѣютъ недостатки, вмѣсто ихъ избрана другая, во всѣхъ отношеніяхъ лучшая система, но король не соглашается на перемѣну ружей, покуда армія не сдѣлаетъ кампаніи съ игольчатыми. Нѣтъ ничего хуже, какъ передъ войною перевооружать

армію, т. е. брать отъ солдата оружіе, къ которому онъ привыкъ, и давать новое.

— Но кажется, замѣтилъ я, въ настоящее время трудно ожидать близкой войны.

— Близко и далеко — понятія относительныя, возразилъ принцъ. Вы тоже, годъ назадъ, едва-ли ожидали, что вамъ придется, если не воевать съ поляками, — это было бы для нихъ много чести, то усмирять ихъ. Точно такъ и мы не знаемъ, что будетъ черезъ годъ, а тѣмъ болѣе черезъ 3 года. Это самый долгій срокъ, который я даю для мира.

Послѣдствія показали, что пророчество принца сбылось: черезъ годъ онъ уже пожиналъ лавры въ Шлезвигѣ, а черезъ три — громилъ австрійцевъ въ Богеміи.

Послѣ этого разговоръ коснулся Кавказа.

— Вы счастливѣе насъ — продолжалъ принцъ; у васъ есть постоянная и прекрасная боевая школа для офицеровъ. Кавказская армія вырабатываетъ у васъ такой боевой кадръ, который можетъ оказать большую пользу въ будущемъ. Императоръ Николай предвидѣлъ это давно, командуя туда ежегодно гвардейскихъ офицеровъ. Говорятъ, теперь этого больше не дѣлаютъ? Я подтвердилъ.

Вспомнивъ о Николаѣ Павловичѣ, принцъ сказалъ:

— Я всегда съ особенною благодарностію вспоминаю то время, когда покойный вашъ Императоръ, за первое мое боевое крещеніе, далъ мнѣ отличіе, которымъ я дорожу болѣе всего (при этомъ онъ указалъ на Георгіевскій крестъ). Я былъ тогда поручикомъ и получилъ Георгія за штурмъ барикады, во время революціи въ Баденѣ.

Около 11 часовъ послышался легкій стукъ въ дверь кабинета, изъ внутреннихъ комнатъ.

— Это сигналъ моей жены, сказалъ принцъ, напоминая, что я заговорился; мы сегодня должны показаться на одномъ балѣ, хотя я гораздо охотнѣе продолжалъ бы нашу бесѣду.

Прощаясь со мною, его высочество просилъ передать въ Варшавѣ его поклонъ Великому князю и генералу барону Рамзаю.

Капитанъ Эркертъ обыкновенно являлся къ намъ въ 9 ч. утра, но 10 марта пришелъ гораздо ранѣе, чтобы поздравить

насъ съ днемъ рожденія нашего шефа; тогда же онъ передалъ мнѣ, что генералъ Мантейфель просить меня показать ему нашихъ солдатъ въ походной формѣ, въ 10 часовъ, въ его квартирѣ. Въ то же утро получены были отъ графа Н. В. Адлерберга, при отзывѣ на мое имя, ордена, пожалованные королемъ всѣмъ чинамъ нашей депутаціи, не исключая и нижнихъ чиновъ; каждый изъ нихъ получилъ медаль, часы и 30 талеровъ (около 40 руб.). При представленіи Мантейфелю я уже былъ со звѣздой ордена короны 2 ст.; мы застали у него многихъ подковыхъ командировъ берлинскаго гарнизона. Всѣ они интересовались нашею походною формою, разсматривали ранцы, патронныя сумки, но особенно восхищались башлыками и высокими сапогами. Отъ Мантейфеля надо было спѣшить переодѣться въ парадную форму, чтобы къ часу быть во дворцѣ, поздравить шефа и благодарить его за награды. Король вышелъ впервые въ нашемъ мундирѣ и, подойдя ко мнѣ со словами „имѣю честь представиться“, — спросилъ все ли на немъ по формѣ.

Въ этотъ же день, въ 4 часа былъ для насъ обѣдъ у фельдмаршала барона Врангеля, имѣвшій скорѣе семейный, чѣмъ официальный характеръ. Кромѣ насъ были приглашены два адъютанта и близкіе родственники фельдмаршала, съ ихъ женами. Ни въ сервировкѣ, ни въ меню обѣда не было ни малѣйшей роскоши. Я сидѣлъ рядомъ съ хозяиномъ; противъ моего прибора былъ поставленъ небольшой акварельный портретъ Государя Александра Николаевича, а противъ хозяина, — такой же портретъ Императора Николая. Все, что говорилось фельдмаршаломъ, указывало на его любовь къ Россіи и на преданность нашему Царствующему Дому. Въ энергическихъ и исполненныхъ сердечности словахъ, предложены были мастинымъ хозяиномъ тосты за короля и нашего Государя, послѣ чего, обращаясь ко мнѣ, онъ произнесъ:

— Скажите вашему Императору и вашимъ товарищамъ, что кто крещенъ вмѣстѣ огнемъ и кровью, какъ мы и русскіе, того не поссорятъ никакіе парламенты; кто слышалъ слова Императора Николая, въ трудныя для Пруссіи минуты, — тотъ никогда не измѣнитъ его сыну. Скажите всѣмъ вашимъ, что куда бы ни пошла русская армія, мы всегда будемъ за нею надежнымъ резервомъ.

Послѣ этого фельдмаршалъ просилъ, чтобы никто не предлагалъ болѣе никакихъ тостовъ; но я не могъ не отвѣтить ему, и когда всталъ, онъ схватилъ меня за руку и усадилъ, такъ что пришлось говорить сидя:

— Какъ фельдмаршалъ, — сказалъ я, — вы властны повелѣвать въ бою, и всякій, зная ваше прошлое, состоя подъ вашимъ начальствомъ, пойдетъ умирать, куда вы укажете; но вы невластны запретить русскому сердцу высказать вамъ чувства глубокаго почитанія и благодарности, за вашу память о томъ, что русская армія въ былыя времена дѣлала для вашего отечества, за вашу любовь къ Россіи и ея Монарху. Позвольте же мнѣ выразить эту благодарность отъ имени всѣхъ носящихъ русскій мундиръ и поднять бокалъ за ваше здоровье!

Послѣ обѣда всѣ перешли въ залъ, наполненный всевозможными подарками и приношеніями, начиная съ королевскихъ и кончая каменно-угольною глыбою съ надписью: „Anrara Wrangel“, поднесенною рудокопами.

Выше, нѣсколько разъ, было упомянуто о словахъ Императора Николая I, произнесенныхъ передъ кирасирскимъ его имени полкомъ. О нихъ говорили: и военный министръ, и полковникъ Альвенслебенъ, сказалъ и Врангель.

Пора объяснить читателямъ, какія это слова и почему они были сказаны.

Вслѣдствіе революціи 1848 года, Императоръ Николай Павловичъ былъ крайне недоволенъ внутреннею политикою Пруссіи и, проѣзжая потомъ границу, нѣсколько разъ объѣзжалъ Берлинъ. Однажды онъ остановился въ Потсдамѣ, гдѣ произвелъ смотръ кирасирскому полку, котораго былъ шефомъ. По окончаніи смотра, вызвавъ офицеровъ передъ середину строя, онъ, съ особенною энергіею въ голосъ, сказалъ имъ:

„Я съ прискорбіемъ слѣдилъ, какъ зловредныя, анархическія идеи запада проникали въ Пруссію и породили въ ней безпорядки, стоившіе жертвъ и крови. Дай Богъ, чтобы это никогда болѣе не повторялось; но если случится что-либо подобное, то знайте, что я стану во главѣ вашего полка и скорѣе лягу передъ нимъ, чѣмъ допущу, чтобы зло коснулось

вашихъ рядовъ. Только черезъ мой трупъ нравственная зараза можетъ проникнуть въ Россію“.

Вотъ слова, которыя генералъ Роонъ, на описанномъ выше обѣдѣ, называлъ *Евангеліемъ прусской арміи*.

Узнавъ о рѣчи, сказанной Императоромъ передъ его полкомъ, городской совѣтъ города Берлина рѣшилъ: отправить въ Потсдамъ депутацію, просить Николая Павловича забыть прошлое, — другими словами — простить берлинцевъ и пріѣхать въ столицу. Въ числѣ депутатовъ былъ хозяинъ нашего отеля Крюгеръ, который передавалъ мнѣ лично, что принимая депутацію, Государь строго, почти гнѣвно высказалъ ей свое неудовольствіе за событія 1848 года, но все-таки обѣщалъ на другой день пріѣхать въ Берлинъ.

— Несмотря на мои 70 лѣтъ, — продолжалъ Крюгеръ, — я не помню, чтобы нашъ городъ когда-либо бывалъ такъ убранъ и встрѣчалъ бы кого такъ, какъ народъ встрѣчалъ тогда Императора Николая. Энтузіазмъ былъ выше всякаго описанія; восторженные крики сопровождали его повсюду и сотни тысячъ ждали на улицахъ его появленія по нѣсколько часовъ, лишь бы взглянуть на него.

Выслушавъ разсказъ старика, подумалось: „Да, времена и люди измѣнчивы“.

Въ этотъ же день, по случаю рожденія короля, мы были на большомъ раутѣ во дворцѣ. Только-что успѣли мы возвратиться, какъ входитъ ко мнѣ Эркертъ, съ запискою къ нему отъ дежурнаго флигель-адъютанта о томъ, что завтра, въ 12 часовъ дня, его величество желаетъ видѣть офицеровъ и нижнихъ чиновъ депутаціи въ различныхъ формахъ одежды. На вопросъ, въ какой формѣ быть мнѣ, какъ представляющему, Эркертъ не могъ дать положительнаго отвѣта, но, взявъ листъ почтовой бумаги, написалъ генералу Мантейфелю записку и послалъ ее съ разсылнымъ гостиницы.

— Какъ это у нихъ все просто, — замѣтилъ мой адъютантъ; строевой капитанъ пишетъ записку генералу, равному нашему начальнику главнаго штаба, да еще посылаетъ ее съ посыльнымъ.

Дѣйствительно просто, особенно если принять во вниманіе, во-первыхъ то, что это дѣлается въ 2 часа ночи, и во вторыхъ, — что генералъ-адъютантъ, занимающій высшій военный

постъ, черезъ четверть часа даетъ отвѣтъ на той же бумагѣ, безъ всякихъ занесеній въ журналы и разносныя книги. Изъ этого факта можно сдѣлать такой выводъ: здѣсь не сердятся, если офицеръ, въ экстренномъ случаѣ, обращается прямо къ тому лицу, отъ котораго зависитъ рѣшеніе служебнаго вопроса; здѣсь, обращающемуся съ дѣломъ служебнымъ, не приходится долго ждать отвѣта; здѣсь сановность лица не дѣлаетъ его недоступнымъ.

При представленіи чиновъ полковой депутаціи одѣтыми въ различныя формы, присутствовали: наслѣднѣй принцъ, командиръ гвардейскаго корпуса принцъ Августъ Виртембергскій, военный министръ, генералъ Мантейфель и еще нѣсколько генераловъ. Король, осмотрѣвъ офицерскія формы, взялъ у рядоваго запасную пару сапогъ, отошелъ къ окну, долго ее разсматривалъ, и, отдавая, сказалъ по-русски: „это очень хорошо“, но обратясь къ присутствовавшимъ прибавилъ: „aber das kostet zu viel“.

Тотчасъ по возвращеніи изъ дворца, мы, въ загородныхъ экипажахъ, отправились въ крѣпость Шпандау, находящуюся верстахъ въ 16 отъ Берлина. Поѣздка эта намъ была предложена по волѣ короля, для осмотра патроннаго завода и стрѣлковой школы; но я, кромѣ того, просилъ показать мнѣ госпиталь и казармы 4-го гвардейскаго полка. Госпиталь оказался въ весьма плохомъ состояніи: тѣснота и духота въ палатахъ и повсемѣстная неопрятность поразили насъ, тѣмъ болѣе, что казармы 4-го полка были въ образцовомъ видѣ. При осмотрѣ ротныхъ цейхгаузовъ, помѣщавшихся на просторныхъ и свѣтлыхъ чердакахъ, я съ удивленіемъ узналъ, что въ Пруссіи не всѣ нижніе чины имѣли тогда шинели; ихъ было только по 30 въ ротѣ, для выдачи наряжаемымъ въ ненастное время на службу. Это казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что казарменными принадлежностями роты были снабжены до роскоши.

Стрѣльба стрѣлковой школы далеко не соответствовала нашимъ ожиданіямъ. При насъ стрѣляли ея кадровые чины, слѣдовательно лучшіе стрѣлки и учителя арміи. Упражняясь ежедневно два раза и получая неограниченное число патроновъ, они стрѣляли при насъ на 200 шаговъ, въ соответствующіи нашимъ мишени, и дали всего 75 проц., что у насъ нерѣдко даютъ цѣлыя роты. Послѣ того стрѣляли 10 выборныхъ стрѣл-

ковъ, на 150 шаговъ, въ выскакивающія мишени; у нихъ результатъ былъ превосходный. На дистанціи далѣе 200 шаговъ намъ стрѣльбу не показали, отговариваясь тѣмъ, что они въ это время года на дальнія дистанціи не стрѣляютъ. Бывшій со мною подпоручикъ Гофманъ просилъ кого-либо изъ прусскихъ офицеровъ стрѣлять съ нимъ черезъ выстрѣлъ, но какъ желающихъ не оказалось, то онъ сдѣлалъ три выстрѣла самъ, одинъ лучше другого. Я тоже предложилъ стрѣлять кому-либо со мною, предваривъ, что болѣе двухъ лѣтъ не бралъ ружья въ руки и никогда не стрѣлялъ изъ игольчатой винтовки. Тогда начальникъ школы назначилъ, для состязанія, одного изъ поручиковъ. Выпустивъ по три пули, мы дали совершенно одинаковые результаты.

На обратномъ пути, проѣзжая черезъ Шарлотенбургъ, мы, хотѣ второпяхъ, успѣли взглянуть на дворецъ и осмотрѣть мавзолей на могилѣ короля Фридриха-Вильгельма III и его супруги, родителей Императрицы Александры Теодоровны. Возвратясь въ отель, надо было поскорѣй переодѣться и снѣшить въ театръ. Во время перваго антракта король прислалъ мнѣ, съ флигель-адъютантомъ, прочесть только-что полученную депешу о томъ, что полковникъ Ченгеры разбилъ соединенныя банды Лангевича, который бѣжалъ въ Галицію, гдѣ арестованъ и заключенъ австрійскимъ правительствомъ въ крѣпость. Въ слѣдующій антрактъ я счелъ должнымъ благодарить его величество за радостное сообщеніе. Король, увидя меня въ аванъ-ложѣ, вошелъ въ нее съ слѣдующими словами:

— Поздравляю васъ съ побѣдой, которая, вѣроятно, положитъ конецъ возстанію. Я, впрочемъ, былъ увѣренъ, что вашимъ войскамъ не трудно будетъ справиться съ мятежниками. Ну, а что же дальше?

Я молчалъ.

— Вотъ что я скажу вамъ,—продолжалъ король,—когда мой дѣдъ получилъ Силезію, то въ ней было болѣе трехъ четвертей всѣхъ землевладѣльцевъ поляковъ,—теперь тамъ всего три польскихъ помѣщика. Вотъ въ чемъ вѣрное средство противъ повторенія безпорядковъ.

Приближалось время нашего возвращенія въ Варшаву. Хотя намъ и очень хорошо было въ Берлинѣ, но усталость отъ всевозможныхъ приглашеній и осмотровъ заставляла вспоми-

нать пословицу: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“. Даже наши нижніе чины начинали скучать, хотя были содержаны совершенно по-офицерски. Возвращаясь наканунѣ изъ театра, я увидѣлъ, что рядовой Губинъ какъ-бы ждетъ меня на лѣстницѣ отеля.

— Что тебѣ? спрашиваю его.

— Осмѣлюсь, ваше превосходительство, спросить, отвѣчаетъ онъ, скоро-ли мы отсюда поѣдемъ?

— А что, развѣ здѣсь не хорошо?

— Да больно булки прискучили и дѣла нѣтъ никакого,— скучновато; поскорѣе бы въ полкъ, робко проговорилъ Губинъ.

Войдя въ комнаты, я могъ его обрадовать, потому что нашелъ въ кабинетѣ увѣдомленіе графа Н. В. Адлерберга, что нашъ отъѣздъ назначенъ 14-го марта и что завтра, 12-го, въ полдень, мы представляемся королю. За полчаса до его выхода, мы были въ знакомой малахитовой залѣ дворца. Его величество вышелъ въ сюртукъ нашего полка. Въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ онъ просилъ насъ сохранить воспоминанія о нашемъ пребываніи въ Берлинѣ, какъ онъ сохранить память о знакомствѣ съ нами. При этомъ король объявилъ, что Государь принялъ званіе шефа 6-го кирасирскаго Императора Николая I полка. Не прощаясь съ нами окончательно, его величество сказалъ, что увидитъ насъ за обѣдомъ, на что мы получили приглашеніе еще утромъ. Послѣ стола, шефъ долго говорилъ съ моими офицерами, поручилъ мнѣ передать его поклонъ Великому князю и, послѣ ухода королевы во внутренніе покои, приказалъ намъ идти за нимъ, въ смежную комнату; всѣ же присутствовавшіе остались въ столовой. Здѣсь собственно и происходило прощаніе безъ свидѣтелей. Давъ руку каждому изъ офицеровъ, король обнялъ меня, поручилъ передать полку, что онъ гордится званіемъ его шефа, и объявить его увѣренность въ томъ, что онъ всегда будетъ получать только радостныя о насъ извѣстія.

Почтенный хозяинъ нашъ, Крюгеръ, не разъ жаловался моимъ офицерамъ, что мы слишкомъ скромно живемъ въ его отелѣ, такъ какъ ни разу не дѣлали званныхъ обѣдовъ и ужиновъ, что австрійскіе и особенно французскіе офицеры, приглашаемые на празднества и маневры, доставляли ему го-

раздо болѣе выгоды, и что счетъ, который предстоитъ ему представить въ министерство двора, за время пребыванія нашей депутации, будетъ слишкомъ ничтоженъ. Чтобы потѣшить старика, я пригласилъ на сегодняшній вечеръ нѣсколькихъ изъ знакомыхъ русскихъ, находившихся въ Берлинѣ, и Эркерта, съ тремя офицерами его роты. Обрадованный Крюгеръ угостилъ насъ превосходнымъ ужиномъ, съ изысканными винами. Это былъ единственный вечеръ, который въ теченіи 10-ти дневнаго пребыванія въ Берлинѣ, мы провели дома.

Весь слѣдующій день былъ посвященъ поѣздкѣ въ Постдамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось видѣть гвардейскій стрѣлковый батальонъ; но оказалось, что онъ въ ночь выступилъ на практическую военную прогулку. Осмотръ большого и новаго дворцовъ, а также лѣтняго королевскаго замка Бабельсберга, занялъ все утро. Въ Бабельсбергѣ мы на каждомъ шагѣ встрѣчали воспоминанія о Россіи. Въ одной комнатѣ были вазы нашего фарфороваго завода, съ портретами Государя и Императрицы, въ другой—большія картины изображали парадъ на Царицыномъ лугу, Кремль, Царскосельскій дворецъ; но болѣе всего переносила наши мысли на родину—комната въ верхнемъ этажѣ, смежная съ спальнею короля. Отличаясь простою меблировкой, она вся была увѣшана картинками, представляющими виды Краснаго Села. Тутъ были: и Дудергофъ, и ставка Государя въ большомъ лагерѣ, и Царскій валикъ на военномъ полѣ.

Пообѣдавъ въ гостинницѣ, я отправился отыскивать особенно интересовавшую меня русскую колонію, устроенную въ 1814 году; она имѣла близкое отношеніе къ моему полку. Изъ документовъ того времени видно, что при возвращеніи русскихъ войскъ изъ Парижа, Пруссійскій полкъ провелъ въ Берлинѣ цѣлый мѣсяцъ, среди всевозможныхъ торжествъ, парадовъ и праздниковъ. Королю Вильгельму III однажды особенно понравились пѣсенники 7-й роты. Императоръ Александръ I, узнавъ объ этомъ, приказалъ оставить ихъ, въ числѣ 17 человекъ, навсегда въ Пруссіи. Получивъ такой подарокъ, король повелѣлъ построить для нихъ возлѣ Потсдама дома, по образцу русскихъ избъ, съ рѣзбою, типа богатыхъ деревень Тверской губерніи. Тѣмъ изъ подаренныхъ, которые имѣли въ Россіи женъ, разрѣшено было выписать семейства на счетъ казны и

такимъ образомъ образовалась Потсдамская русская колонія. Когда я теперь, ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ ея основанія, видѣлъ ее, то она представляла рядъ дачъ, въ которыхъ только средняя часть переднихъ фасадовъ сохранила подобіе русскихъ построекъ, съ боковъ же были уже флигеля совершенно нѣмецкаго вида. Тѣмъ не менѣе, надъ воротами каждаго дома была прибита, какъ въ нашихъ деревняхъ, черная доска съ надписью, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: имени домовладѣльца, его званія, какой онъ губерніи. Интервалы между домами заняты садиками и огородами; на краю колоніи, на небольшомъ возвышеніи, красовалась прекрасная, каменная церковь, похожая въ миниатюрѣ на конно-гвардейскую въ Петербургѣ. Долго шелъ я по линіи дачъ, никого не встрѣчая; наконецъ, изъ одного дома вышла женщина, къ которой я и обратился съ просьбою указать мнѣ, въ которомъ изъ домовъ я могу найти кого-либо изъ тѣхъ русскихъ, которые были оставлены при устройствѣ колоніи. Она отвѣтила, что теперь уже не осталось ни одного изъ стариковъ, что послѣдній изъ нихъ умеръ годъ назадъ, но что его сынъ можетъ мнѣ сообщить все, что нужно, и указала на его домъ, надъ которымъ я прочелъ надпись: „Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, унтеръ-офицеръ Петръ Яблочковъ“. Хозяинъ дома, что-то работавшій съ двумя мальчиками въ огородѣ, принялъ меня за нанIMATEЛЯ дачи и спросилъ на чистомъ берлинскомъ нарѣчій: что мнѣ угодно? Я отвѣтилъ ему по-русски, что желаю навѣстить соотечественниковъ и взглянуть на ихъ житье-бытье на чужбинѣ. вмѣсто отвѣта на родномъ языкѣ, Яблочковъ, чело-вѣкъ лѣтъ 40, съ совершенно русскимъ типомъ лица, но одѣтый въ толстую нѣмецкую куртку и въ фетровой шляпѣ, отвѣтилъ мнѣ, что онъ не говоритъ по-русски. Досадно было услышать это и я невольно подумалъ: почему же нѣмцы нашихъ колоній живутъ у насъ 100 лѣтъ и не только не забываютъ своего языка, но едва понимаютъ по-русски? Покоряясь необходимости, я долженъ былъ русскому чело-вѣку объяснять по-нѣмецки, что я команду полкомъ, въ которомъ служилъ его отецъ.

— Какъ же, я читалъ въ газетахъ о вашемъ приѣздѣ въ Берлинъ, отвѣчалъ Яблочковъ, приглашая меня въ комнаты. Самъ онъ съ семьею занималъ пристройку, а большой, очень

хорошо меблированный домъ отдавался въ наемъ. Въ комнатахъ насъ окружили 6 славныхъ, здоровыхъ мальчугановъ, отъ 3 до 16 лѣтъ, и одна дѣвочка, вошедшая вмѣстѣ съ полною, смуглою матерью семьи. Она тотчасъ же бойко заговорила со мною по французски. Словоохотливая болтушка рассказала, что она вывезена изъ Марсели, въ качествѣ бонны, какою-то русскою княгиней, что она очень любитъ русскихъ, что мужъ ея славный работникъ и т. д.

Зная, что въ этомъ году кончается срокъ 50-ти-лѣтней привилегіи, данной русскимъ колонистамъ, я ожидалъ сѣтованій на это и, вмѣсто того, услышалъ отъ отца столь многочисленной семьи фразу, произнесенную съ нѣкоторою гордостью:

— Все это будутъ солдаты, сказалъ Яблочковъ, указывая на сыновей, и надѣюсь, хорошіе слуги нашего великаго короля.

Не смотря на многочисленность членовъ, семья эта жила, видимо, въ достаткѣ, дѣти были просто, но чисто и тепло одѣты, вездѣ замѣтны были опрятность и порядокъ.

Я попросилъ Яблочкова проводить меня въ церковь. Онъ послалъ одного изъ сыновей предварить кистера, чтобы ее отворили. Дорогою я узналъ, что всѣ жители колоніи остались православными и что они ежегодно говѣютъ. — Ну, слава Богу, подумалось мнѣ, что хоть это сохранилось! — Церковь колоніи небольшая, но очень красивая; золоченый иконостасъ украшенъ образами превосходной живописи, ризница весьма богата, пожертвованіями особъ нашей Царской Фамиліи и многихъ русскихъ, дорогими облаченіями и утварью. Пѣвчіе церкви, дѣти колонистовъ, по словамъ кистера, поютъ очень хорошо. На ихъ нотахъ славянскія слова написаны нѣмецкими буквами. Поблагодаривъ Яблочкова, я не могъ не высказать ему, какъ грустно русскому офицеру видѣть, что отцы теперешнихъ обитателей колоніи не умѣли воспитать своихъ дѣтей въ духѣ сохраненія своей народности. Возвращаясь-же по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ, мнѣ такъ стало досадно на это, что я даже жалѣлъ, зачѣмъ былъ въ колоніи.

Послѣдній вечеръ въ Берлинѣ я провелъ у нашего посланника Убри. Въ срединѣ вечера вошелъ Бисмаркъ; простота его рѣчи и непринужденность обращенія показались мнѣ симпатичными. Разговоръ былъ общій. Говорили о театрахъ, о

Петербургѣ, о пѣніи Лукки, но ни одного намека на что-либо политическое.

Наконецъ настало 14 марта, день нашего выѣзда изъ Берлина. Все утро до самаго обѣда было проведено въ прощальныхъ визитахъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которымъ мы представлялись по приѣздѣ, а послѣ обѣда надо было сдѣлать нѣкоторыя покупки. Передъ обѣдомъ мнѣ доставили изъ посольства два громадные ящика, адресованные на имя Великаго князя изъ Парижа, съ просьбою доставить ихъ Его Высочеству. Хотя въ нихъ оказалось 4 пуда, что составляло немалую обузу при пересадкахъ, но отказаться было не ловко, хотя потомъ и оказалось, что слѣдовало-бы.

Грустно намъ было разставаться съ нашимъ милымъ чичероне Эркертомъ, человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ. Въ слѣдующія мои поѣздки за границу бывали при мнѣ другіе офицеры, но ни одного подобнаго. Не говоря о его вниманіи и предупредительности во всемъ, онъ заботился, чтобы мы нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчали затрудненій, заранее знакомилъ съ обычаями двора, съ характерами и привычками лицъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло и т. д. Видимо было, что онъ хорошо извѣстенъ при дворѣ и лично королю, который былъ къ нему всегда пріятливъ. Впослѣдствіи Эркертъ отличился въ австро-прусской войнѣ 1866 года, былъ сильно израненъ, выздоровѣлъ, но въ 1870 году, бывши уже командиромъ полка, убитъ подъ Гравелотомъ.

Передъ выѣздомъ на желѣзную дорогу происходило трогательное прощанье съ старикомъ Крюгеромъ и финансовое—съ придворными кучерами и прислугою. Сначала мы были въ затрудненіи въ какой мѣрѣ наградить ихъ за 10-ти-дневную службу, но и тутъ выручилъ Эркертъ, объявивъ, что будетъ вполне достаточно, если мы дадимъ на всѣ три экипажа, т. е. 6-ти лицамъ 90 талеровъ. У дебаркадера, при выходѣ изъ экипажей, они низко намъ кланялись, видимо довольные. Въ 11 часовъ вечера курьерскій поѣздъ помчалъ насъ къ Бромбергу. Тамъ пришлось пересѣсть на другой, идущій черезъ Торнъ въ Александрово. Не скрою, что переѣхавъ границу, какъ-то противно было снова услышать польскіе „прши и вржи“, съ ихъ „пшепрашемъ и якъ се машъ пане“. 15-го числа вечеромъ мы были въ Варшавѣ.

Представляясь на слѣдующее утро Великому князю, я далъ словесный отчетъ о моей командировкѣ и доложилъ, что привезъ присланные ему черезъ посольство два ящика. Его Высочество былъ очень удивленъ, сказавъ при этомъ, что ничего громоздскаго не выписывалъ изъ Парижа, а ожидаетъ отсюда только пару заказанныхъ пистолетовъ. Потомъ оказалось, что ящики заключали въ себѣ нѣсколько серебрянныхъ кастрюль, мисокъ, соусниковъ и блюдъ съ крышками, которыя Велепольскій, изъ боязни отравы, выписалъ себѣ на имя Великаго князя, даже не предваривъ его. Не довѣряя прислугѣ, маркизъ приказывалъ своему повару закрывать посуду съ наложеннымъ укшаньемъ, а самъ другимъ ключемъ отпиралъ ее.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1863 г.

Усиленіе войскъ въ Варшавѣ.—Обозная реформа.—Праздники на чужбинѣ.—Лѣтнія экспедиціи.—Жандармъ-вѣнатель.—Хорошо задуманное—дурно исполнено.—Дѣло въ лѣсу, у деревни Шуги.—Солдатъ-герой и фанатикъ.—Полковой праздникъ.—Командировка на маневры въ Пруссію.—Проводы Великаго князя изъ Берлина.—Парадъ 3-го корпуса.—Описаніе маневренной жизни.—Визитъ короля.—Возвращеніе въ Варшаву.

Кромѣ усиленія варшавскаго округа, направленіемъ въ него трехъ дивизій, вооруженное возстаніе вызвало распоряженіе, о приведеніи полковъ гвардейскаго отряда изъ двухъ въ трехъ-баталіонный составъ. Въ то же время получено было распоряженіе, о доставленіи къ полкамъ изъ Петербургскаго интендантства полковаго обоза, сданнаго ими передъ выступленіемъ въ Варшаву. Насколько первое, т. е. формированіе 3-хъ батальоновъ, было для полковъ пріятно, такъ какъ подвигало производство и облегчало тяжелую службу, настолько возвращеніе въ полки старыхъ повозокъ было полковымъ командирамъ не по сердцу. Нужно замѣтить, что эти повозки служили уже болѣе 30 лѣтъ, дѣлали два похода къ западной границѣ, что на нихъ отпускался половинный ремонтъ, достаточный только для возобновленія окраски, а не для капитальныхъ исправленій, которыхъ никто и не дѣлалъ. Постоянно хранимый въ сараяхъ, обозъ этотъ былъ для полковыхъ командировъ одною обузою и при сдачѣ полковъ служилъ лишь поводомъ къ пререканіямъ. При выступленіи въ Варшаву, приказаніе сдать обозъ интендантству, безъ брака, крайне всѣхъ обрадовало. Полковые командиры думали навсегда отдѣлаться отъ той громадной приплаты, которую приходилось имъ дѣ-

лать, сдавая полки. Поэтому распоряженіе о возвратѣ повозокъ было грустнымъ сюрпризомъ, тѣмъ болѣе что негодность ихъ для службы признана была всѣми.

Дабы избавиться отъ послѣдствій подобнаго распоряженія, надо было придумать что либо такое, что-бы было выгодно для казны и избавило бы полкъ отъ непроизводительнаго расхода. Достичь этого мнѣ помогло слѣдующее соображеніе. Мой полкъ, находясь много лѣтъ въ Нарвѣ, постоянно употреблялъ для всякаго рода перевозокъ и домашнихъ работъ, такъ называемыхъ, собственныхъ повозокъ колонистскаго образца, принятаго въ Остзейскомъ краѣ. Подъ названіемъ чернаго обоза, повозки эти отлично служили, были легки, укладисты и прочны. Стоила же каждая изъ нихъ въ Нарвѣ отъ 50 до 65 рублей. Наведя справку, что будетъ стоить казнѣ перевозка провіантскихъ телѣгъ цѣлой дивизіи, изъ Петербурга въ Варшаву, я узналъ, что желѣзная дорога получить за это до 9000 рублей. Раздѣливъ эту сумму на число повозокъ, полагаемыхъ на дивизію, съ ея артиллеріею и стрѣлковымъ баталіономъ, оказалось, что перевозка каждой телѣги обойдется около 100 руб. Переговоривъ съ командирами прочихъ полковъ, я составилъ записку о томъ, что мы просимъ дать намъ то, во что обойдется перевозка, и обязуемся за это, въ двухмѣсячный срокъ, построить новыя провіантскія телѣги колонистскаго образца, весь же форменный обозъ оставляемъ безвозмездно казнѣ. Записка была мною представлена барону Корфу. Сначала онъ рѣшительно отказался дать ей ходъ, говоря, что военный министръ не согласится отмѣнить свое распоряженіе; но когда всѣ полковые командиры поддержали мои доводы, то записка была представлена намѣстнику. Великій князь немедленно телеграфировалъ въ Петербургъ, о пріостановкѣ отправки обоза, приказалъ представить ему образецъ проектированной мною повозки, и найдя ее вполне практичною, велѣлъ сдѣлать представленіе объ отпускѣ въ полки ассигнованной на перевозку суммы. Получивъ деньги, мы дѣлательно принялись за постройку провіантскихъ телѣгъ колонистскаго образца; черезъ 2½ мѣсяца онѣ были готовы—и представлены въ закладкѣ главнокомандующему.

Для тѣхъ изъ военныхъ читателей, которые интересуются такимъ жизненнымъ вопросомъ, какъ войсковой обозъ, коснусь

Изъ Прошлаго.

нѣкоторыхъ подробностей этого дѣла, въ надеждѣ, что и лица не-военнаго званія не посѣтуютъ за включеніе въ мои воспоминанія тѣхъ данныхъ, которыя указываютъ, какъ часто многое изъ полезнаго не осуществляется только потому, что теоретическіе и кабинетные выводы предпочитаютъ совѣтамъ опыта. То же самое случилось и съ нашими обозами, причинившими не много горя въ минувшую войну. Построенныя въ Варшавѣ, повозки колонистскаго типа представляли слѣдующіе выгоды: 1) стоили болѣе чѣмъ вдвое дешевле введенныхъ въ 1866 году; 2) были гораздо легче и потому подвижнѣе, такъ что пара лошадей могла везти то, что въ форменномъ обозѣ везло 4 лошади; 3) чрезъ это, число подъемныхъ лошадей уменьшилось-бы въ арміи на треть, а это сократило-бы болѣе чѣмъ на миллионъ расходъ на фуражное довольствіе; 4) колонистскія повозки представляли возможность перевозить въ нихъ войска, для чего имѣли висачія на ремняхъ сидѣнья, и 5) въ случаѣ движенія по узкой гати, не допускающей поворота, онѣ могли, черезъ переносъ дышла къ задней оси, идти заднимъ ходомъ.

Въ Петербургѣ не повѣрили въ возможность строить повозки за ту цѣну, которую получили полки; не повѣрили и въ тѣ преимущества, которыя представляли онѣ. Интендантство такъ ревниво взглянуло на это, что прислало своего чиновника—доку убѣдиться, какъ онъ выразился являясь ко мнѣ, „не построили ли мы наши повозки изъ экономическихъ дровъ“. Опыты, произведенные этимъ господиномъ, на песчаномъ Повонзовскомъ полѣ, убѣдили интендантскаго спеціалиста, что не все то хорошо, что кажется таковымъ по математическимъ выкладкамъ. При немъ пара лошадей везла колонистскую повозку, по сыпучему песку, съ полною укладкою, тамъ, гдѣ четверка, запряженная въ форменную провіантскую телѣгу, безпрестанно останавливалась. Впослѣдствіи, какъ бы въ награду за полезное предложеніе, интендантство расщедрилось отпустить полкамъ на каждую повозку по 25 руб. добавочныхъ. Но ни опытъ, извлеченный варшавскими полками во время экспедицій, гдѣ колонистскія повозки безпрепятственно шли по проселкамъ, взбирались на горы, спускались, а иногда и валились въ овраги, ни простота и дешевизна ихъ устройства—ничто не побороло упрямство теоретиковъ. Черезъ годъ въ полки были высланы чертежи обоза новой кон-

струкціи, придуманной особою обозною комиссіею, а потомъ устроили въ трехъ округахъ особыя обозныя мастерскія, для постройки повозокъ. Глядя на эти чертежи, съ безчисленными дырами для оковокъ, винтовъ и болтовъ, съ такимъ сидѣньемъ для правящаго лошадью, при которомъ на всякомъ поворотѣ его ноги уходили въ одну сторону, а корпусъ въ другую, всякій, когда либо бывавшій въ походахъ, только пожималъ плечами. Отъ меня, не знаю почему, частнымъ письмомъ, военный министръ затребовалъ откровеннаго мнѣнія о конструкціи новаго обоза. Долгъ службы требовалъ, чтобы я высказалъ вполне мое убѣжденіе, и я тогда же отвѣтилъ, что, при первой войнѣ, повозки, построенныя по высланнымъ чертежамъ, будутъ обузою войскъ. Черезъ 15 лѣтъ такъ и случилось. Весь же результатъ моей откровенности былъ тотъ, что черезъ полгода меня официально увѣдомили, что мое заключеніе, препровожденное въ обозную комиссію, противъ изобрѣтеній которой оно и было написано, министръ приказалъ оставить безъ послѣдствій. Что конструкція новаго обоза не пригодна и постройка его въ обозныхъ мастерскихъ исполнялась какъ попало, доносилось министру даже лицами близкими къ нему. Извѣстный партизанъ нововведеній, генералъ Аничковъ, осматривая въ Петроковѣ новыя повозки Тобольскаго полка, доносилъ министру, что, въ случаѣ войны, полку надежнѣй идти съ старымъ обозомъ, потому что новый, простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ въ сараѣ, дотога разохся, что для передвиженія, даже безъ клади, совершенно негоденъ ¹⁾).

Въ свое время мы еще возвратимся къ тѣмъ нововведеніямъ и преобразованіямъ, которыя имѣли тѣ же послѣдствія, что и реорганизація обозовъ, а теперь обратимся къ послѣдовательности разсказа.

Грустно было впервые встрѣчать пасхальные праздники на чужбинѣ. Не смотря на то, что въ Варшавѣ, кромѣ присутствія двора Великаго князя, было до 30 тысячъ православнаго населенія, къ которому принадлежали и высшія административныя власти, наступившіе праздники далеко не имѣли той обстановки, какою они сопровождаются на родинѣ. Въ дни нашей Страстной недѣли театры оставались открытыми, на улицѣ было

¹⁾ Рапортъ генерала Аничкова № 5, 1866 г.

полное оживленіе, на Святой-же городъ имѣлъ будничнѣйшій видъ, поляки умышленно оставались въ своихъ домахъ, не являлись на гулянья, театры были закрыты, однимъ словомъ — ничто не имѣло радостнаго вида праздниковъ.

Вскорѣ по ихъ окончаніи, мнѣ пришлось дѣлать первую мою экспедицію, съ отрядомъ изъ 4-хъ ротъ моего полка и 2-хъ эскадроновъ гродненскихъ гусаръ. Мнѣ было указано обойти пространство между радомскимъ шоссе и рѣкою Вислою. Такъ какъ за всякимъ движеніемъ отрядовъ слѣдили десятки глазъ и десятки гонцовъ доносили о его направленіи, поэтому, чтобы достичь цѣли, нужны были особыя уловки. Не разъ приходилось выступать въ направленіи на югъ и, пройдя нѣсколько верстъ, круто повернуть на востокъ. Сверхъ преслѣдованія и уничтоженія банды, на насъ возлагалась, обязанность производить въ указанныхъ помѣщичьихъ домахъ, обыски и арестовывать тѣхъ изъ владѣльцевъ имѣній, которые значились въ выдаваемыхъ намъ спискахъ. Если посылаемымъ на поиски отрядамъ не всегда удавалось отыскать и настигнуть банду, то все-таки экспедиціи приносили войскамъ пользу, приучая ихъ къ усиленнымъ и быстрымъ передвиженіямъ и представляя офицерамъ случаи развивать свою находчивость и дѣйствовать самостоятельно. Непріятную сторону экспедицій представляли два обстоятельства: первое — сознаніе, что имѣешь дѣло не съ организованнымъ противникомъ, а съ шайками разнаго сброда, половина котораго, какъ набранная силою, не хотѣла бы драться; второе — производство обысковъ и арестованій, дѣло скорѣе полицейское, чѣмъ военное.

Въ одну изъ подобныхъ экспедицій, мнѣ довелось проходить черезъ мызу помѣщика Лаща, включеннаго въ списокъ подлежащихъ арестованію. Это было въ первой половинѣ мая мѣсяца. Въ прелестное весеннее утро, передъ восходомъ солнца, мы подходили къ хорошо устроенной мызѣ, гдѣ все еще спало грубокимъ сномъ. Остановивъ отрядъ, не доходя имѣнія, я отдалъ командиру эскадрона приказаніе произвести у Лаща обыскъ и арестовать его. Не зная ни степени виновности помѣщика, ни его семейнаго положенія, съ тяжелымъ чувствомъ смотрѣлъ я, отъ воротъ двора, на исполненіе моего приказанія. Черезъ двѣ-три минуты въ домъ начали подымать

сторы; прислуга, какъ бы пробужденная пожаромъ, забѣгала изъ одного флигеля въ другой, бросалась къ дому, куда было не впускали ее; нѣкоторые выбѣгали изъ дома, въ чемъ попало и тутъ же временно арестовывались. Наконецъ выходить изъ дома дама, въ бѣломъ пенюарѣ, кружевная косынка прикрываетъ ея распущенные волосы; нетвердою, но торопливою походкою приближается она ко мнѣ, и, зарыдавъ, падаетъ передо мною на колѣни. Я спѣшу поднять ее; въ это время она произноситъ:

— Что вы дѣлаете, генералъ! За что?

Я старался ее успокоить, объясняя, что арестовываю я мужа потому, что мнѣ такъ приказано, но чѣмъ вызвано подобное распоряженіе — я не знаю; старался убѣдить ее, что если ее мужъ не серьезно замѣшанъ въ возстаніи, то арестованіе его будетъ непродолжительно и есть не болѣе какъ мѣра предосторожности или предупрежденіе преступленія; наконецъ объявилъ, что съ моей стороны приняты всѣ мѣры, чтобы арестованіе было произведено безъ насилія, если только съ ихъ стороны не будетъ сопротивленія для подробнаго обыска. На просьбу дамы, о дозволеніи сопровождать мужа до заставы, я согласился. Отрядъ тронулся далѣе. Въ коляскѣ, окруженной уланскимъ конвоемъ, ѣхалъ Лащъ съ женою. Такъ какъ кромѣ него было еще нѣсколько плѣнныхъ и арестованныхъ, то на ночлегъ я приказалъ отводить Лащамъ отдѣльную квартиру, а чтобы, вступая въ Варшаву, не конфузить ихъ проѣздомъ по люднымъ улицамъ подъ конвоемъ, велѣлъ объѣхать городъ и сдаться арестованнаго въ цитадель. Два мѣсяца спустя мнѣ докладываютъ, что отставной полковникъ желаетъ меня видѣть. Входитъ сѣдой старикъ, почтеннаго вида, военной осанки. Онъ называетъ себя Лашемъ, бывшимъ начальникомъ инженерной дистанціи въ Минскѣ. Это былъ отецъ арестованнаго помѣщика, явившійся благодарить меня за способъ арестованія, причемъ объяснилъ, что я спасъ его сына отъ великаго несчастія, что теперь онъ судится только за сочувствіе къ соотчичамъ, тогда какъ прійди я съ отрядомъ недѣлю позже, то его силою заставили бы начальствовать бандою, на что онъ, подъ страхомъ смерти за ослушаніе, имѣлъ уже приказаніе революціоннаго правительства.

Исключивъ грустную картину арестованій, экспедиціи за

повстанцами, въ общемъ, имѣли много привлекательнаго и разнообразили варшавскую стоянку. Скажемъ объ этомъ, со словъ одного изъ молодыхъ участниковъ поисковъ. „Съ какимъ бывало особеннымъ удовольствіемъ приближаешься къ какому-нибудь мѣстечку, занятому полкомъ или баталіономъ, постоянно тамъ квартирующимъ. Пѣсни обыкновенно становятся громче, бубенъ гудитъ, ротный плясунъ охотнѣе выкидываетъ новыя колѣнца. Для квартирующихъ приходъ подвижной колонны былъ тоже радостнымъ событіемъ. Офицеры спрашиваютъ пришедшихъ изъ Варшавы о тамошнихъ новостяхъ, рассказываютъ о положеніи дѣлъ въ своемъ районѣ, даютъ новыя свѣдѣнія и указанія. Пока нижнихъ чиновъ разводятъ по квартирамъ, дѣлаются распоряженія объ охраненіи отряда разъѣздами; ротные командиры хлопчутъ, чтобы кашевары поскорѣе приступали къ дѣлу. Подъ вечеръ офицеры, собравшись вмѣстѣ, идутъ выкупаться, или погулять, а возвратясь усаживаются вокругъ общаго самовара, гдѣ-нибудь въ садикѣ или на лужайкѣ. Тутъ идутъ оживленные рассказы объ общихъ знакомыхъ, объ ожидаемыхъ наградахъ, о дальнѣйшемъ ходѣ экспедиціи. На слѣдующее утро, чуть забрезжило, бьютъ „сборъ“—и отрядъ выступаетъ на новый поискъ. Казаки рысцой пускаются впередъ; завидя селеніе или лѣсъ, они рассыпаются цѣпью, осматриваютъ каждый задворокъ, обнюхиваютъ каждый кустъ, каждую балку и чуть завидѣли вдали всадника или пыль отъ повозки, нѣсколько человекъ, взявъ пики на перевѣсъ, несутся туда, съ надеждою, что напали на слѣдъ банды; но большею частію надежды оказывались обманчивыми: всадникъ оказывается пастухомъ, а пыль—поднятою его стадомъ.

Въ промежуткахъ между экспедиціями жизнь наша въ Варшавѣ шла безъ особенныхъ приключеній, хотя лично для меня и не была вполне покойною. Въ ожиданіи прибавки семьи, я опасался, чтобы, при жизни въ городѣ, уличный безпорядокъ, въ родѣ брошеннаго въ окно камня или внезапная тревога не произвели испуга и его послѣдствій. Для отстраненія этого, я просилъ коменданта дать мнѣ двѣ-три комнаты въ цитадели, куда и перевезъ жену съ тремя дѣтьми, а самъ остался въ казармахъ, гдѣ между служебнымъ дѣломъ занялся устройствомъ отдѣливаемой для меня, въ перестраиваемомъ полицей-

скомъ домѣ, квартиры. Въ то время въ Варшавѣ можно было приобрести все необходимое баснословно дешево, особенно въ нѣмецкихъ и еврейскихъ магазинахъ. Поляки, истощенные возстаніемъ и обобранные „народовымъ ржондомъ“, ничего не покупали, отчего застой въ торговлѣ былъ всеобщимъ. Вслѣдствіе этого, отличная вѣнская мебель и экипажи продавались нѣмцами за половинную цѣну, лишь бы выручить необходимое для уплаты за помѣщеніе.

Въ одну изъ экспедицій въ Островскіе лѣса, мнѣ довелось ознакомиться съ особеннымъ видомъ революціоннаго террора. По мѣрѣ того какъ наши подвижныя колонны уничтожали одну банду за другою, руководители мятежа приходили къ убѣжденію, что борьба съ войсками имъ не подъ силу. Весь тотъ контингентъ, который они могли заирать изъ городовъ и мѣстечекъ, видимо изсякалъ, а сельское населеніе, не вѣря никакимъ обѣщаніямъ пановъ и видя въ возстаніи одно бѣдствіе, не шло въ банды. Чтобы принудить его, революціонеры обратились къ террору. Для этого они въ городахъ организовали кинжалистовъ, а для деревень—жандармовъ-вѣшателей, на которыхъ возложили завѣдываніе извѣстными участками населенія. Первые обязаны были убивать тѣхъ, кого намѣчали вожаки революціи, вторые—собирать съ населенія оружіе, лошадей, деньги и вѣшать тѣхъ изъ крестьянъ, кто оказывалъ содѣйствіе войскамъ, или сопротивлялся распоряженіямъ революціонной власти. Выступивъ однажды съ ночлега раннимъ іюльскимъ утромъ, на разсвѣтѣ мы вступали въ Островскіе лѣса. Не доходя съ полверсты до опушки, куда уже вошли уланы, вижу я крестьянина, торопливо вышедшаго изъ деревни и направлявшагося въ лѣсъ, на перерѣзъ нашей дороги. Идя по полю, онъ непрерывно оглядывался, какъ бы боясь, чтобы кто либо изъ деревенскихъ не увидалъ его. Проѣхавъ сажень 100 по лѣсу, вижу того же крестьянина, горячо объясняющимъ что-то окружившимъ его солдатамъ. Оказалось, что онъ проситъ защиты окрестнаго населенія отъ нѣкоего шляхтича Касперскаго, живущаго въ деревнѣ, лежащей верстахъ въ 5-ти по нашему пути. По словамъ жаловавшагося, Касперскій дѣлалъ съ населенія всякаго рода поборы: силою заставлялъ молодыхъ работниковъ идти въ банды, отбиралъ лошадей и скотъ, отправлялъ въ шайки продукты, хлѣбъ, фуражъ, теп-

лую одежду, выгонялъ въ самую рабочую пору подводы для перевозки повстанцевъ, облагалъ хозяевъ всякую недѣлю денежною податью, и троихъ, за неплатежъ, уже повѣсилъ. Ясно, что это былъ одинъ изъ жандармовъ-вѣшателей. Схватить подобнаго господина было крайне интересно, а потому я тотчасъ же послалъ въ деревню полуэскадронъ уланъ, чтобы оцѣпить ее и, главное, домъ Касперскаго. Терроръ, наведенный на окрестное населеніе, былъ такъ великъ, что жалующійся крестьянинъ на колѣняхъ умолялъ не брать его проводникомъ и отпустить, говоря, что если узнаютъ, что онъ указалъ на Касперскаго, то ему не избѣжать вѣсилы.

Когда я съ пѣхотою подходилъ къ указанной деревнѣ, шляхтичъ былъ уже арестованъ. Это произошло такимъ образомъ: Офицеръ, подсказавшій съ нѣсколькими казаками къ дому Касперскаго, войдя въ него, не нашелъ никого, кромѣ старой служанки. Въ комнатѣ, выходящей въ поле, стояла измятая, не застланная кровать, и было отворено окно. Ясно, что хозяинъ дома успѣлъ скрыться, хотя служанка и клялась, что онъ ночью уѣхалъ въ Варшаву. Между тѣмъ, оцѣплявшіе деревню уланы видѣли, что кто-то перелѣзалъ черезъ заборъ огорода и бросился въ рожь. Спѣшившіеся и конные болѣе получаса шарили во ржи, покуда наткнулись на притаившагося въ ней человѣка, въ халатѣ, безъ шапки, съ обвязанною платкомъ шею. Хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ онъ говорилъ имъ, что пріѣхалъ въ Касперскому, какъ къ родственнику, изъ Гродно, и заболѣлъ, а спрятался отъ испуга. Когда его вели по деревнѣ ко мнѣ, то изъ всѣхъ домовъ вышли смотрѣть на арестованнаго; и многія женщины, кивая головами и подмигивая тайкомъ, какъ бы подтверждали, что это тотъ самый, кого ищутъ. При первомъ допросѣ онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ и назвалъ себя Мольскимъ. Все это было мнѣ доложено, прежде чѣмъ я подъѣхалъ къ околицѣ, гдѣ среди конвойныхъ стоялъ арестованный.

Моя цѣль была не столько разбирать степень его виновности и сдѣланный имъ насилія и преступленія; сколько узнать отъ него гдѣ банды, что по роду его профессіи не могло быть ему неизвѣстно. Добиться указаній о мѣстопребываніи шакетъ я поручилъ бывшему при отрядѣ, съ ракетнымъ взводомъ, поручику конной артиллеріи Лѣсовому, хорошо знавшему поль-

скій языкъ. По приходѣ въ мѣстечко Брокъ, гдѣ мой отрядъ долженъ былъ соединиться съ колонами полковниковъ Валуева и Эммануэля и имѣть ночлегъ, я былъ все время занятъ различными распоряженіями для дальнѣйшихъ поисковъ, и увидѣлъ Лѣсоваго только подъ вечеръ.

— Ну, что,—спрашиваю я его,—какъ идетъ дѣло съ Касперскимъ?

— Не сознается,—отвѣчалъ Лѣсовой; показываетъ, какъ всѣ они, что ничего не знаетъ, никакихъ вербовокъ и поборовъ для бандъ не дѣлалъ и гдѣ повстанцы—вѣдать не вѣдаетъ. Часъ назадъ я пострадалъ его нагайками, но и это не помогло; впрочемъ, я еще не теряю надежды, авось и поддастся.

Вечеромъ я собралъ къ себѣ начальниковъ колонъ для совѣщанія. Приказанія уже были отданы и диспозиція составлена, какъ входитъ Лѣсовой съ докладомъ, что Касперскій сознался и сдѣлалъ важныя показанія, измѣняющія обстоятельства.

— Какъ же вы этого добились? спрашиваю я.

— Увѣренный, что онъ все знаетъ и только запирается, я приказалъ казакамъ снова взять его въ нагайки. Послѣ 30 ударовъ, онъ вдругъ закричалъ: „Досыть! Не хце болѣ служить поляцамъ, бендзе служить Цесаржи“.

Я потребовалъ Касперскаго къ себѣ; онъ показалъ, что въ настоящее время банды должны быть по сю сторону Нарева, потому что до 26 іюня онъ и людей, и деньги отправлялъ къ Ломжѣ, а съ 28-го ему приказано отправлять все въ Островскіе лѣса, гдѣ должны соединиться до 8 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Вавера, Ясинскаго и Гржимайлы, у деревни Щавино. Это заставило измѣнить всѣ сдѣланныя распоряженія и диспозицію движенія. На зарѣ соединенный отрядъ разошелся разными путями, съ цѣлью съ разныхъ сторонъ появиться у Щавина. Касперскаго я велѣлъ вести при авангардѣ моей колонны. Дорогою онъ указалъ въ разныхъ деревняхъ своихъ помощниковъ, такъ что къ концу перехода арестованныхъ набралось человѣкъ до 15.

Хотя выше было сказано, что при изложеніи личныхъ моихъ экспедицій я не намѣренъ вдаваться въ описаніе военныхъ дѣйствій, но здѣсь не могу не привести примѣра, какъ часто малѣйшее отступленіе начальника колонны, отъ указан-

наго въ диспозиціи, можетъ уничтожить самыя лучшія соображенія. Передъ вечеромъ, отъ встрѣченнаго авангардомъ еврея было узвано, что соединенныя банды находятся у деревни Триносы. Не имѣя времени измѣнить направленія колонны Эммануеля, двинутой на Щавинъ, я рѣшился атаковать Триносы, вмѣстѣ съ колоною полковника Валуева, приказавъ ему сдѣлать обходъ этой деревни справа; но для того, чтобы мятежники не узнали принятаго нами направленія, не выказаться изъ лѣсовъ ранѣе 2-хъ часовъ утра, дабы Эммануэль успѣлъ къ этому времени быть у Щавина. Моя колонна къ полуночи пришла къ выходу изъ лѣснаго дефиле. Я остановилъ ее на привалѣ, чтобы выждать, когда совершится обходъ правой. Что же дѣлаетъ Валуевъ! Вмѣсто того, чтобы обойти Триносы не выказываться, какъ было ему приказано, изъ лѣса, онъ посылаетъ команду охотниковъ впередъ, для осмотра впереди лежащей мѣстности. Я же, въ ожиданіи условленнаго часа, приказалъ пѣхотѣ составить ружья и уланамъ спѣшить, самъ же прилегъ у дороги на разостланный коверъ. Пользуясь теплою лѣтнею ночью, отрядъ дремалъ. Тишина въ лѣсу была мертвая; поляки и не воображали, что въ 4 верстахъ отъ ихъ восьмитысячнаго стана находятся двѣ русскія колонны, хотя въ шесть разъ меньшія численностію, но увѣренные въ несомнѣнномъ успѣхѣ. Около часа ночи, лежавшій поблизости отъ меня, фельдфебель одной изъ ротъ будить меня.

— Что такое?—спрашиваю его.

— Ваше превосходительство, сейчасъ вправо слышны были два выстрѣла, говоритъ онъ,—а вотъ еще и еще.

Я вскочилъ. Въ той-же сторонѣ, откуда слышались выстрѣлы, взвилась ракета, за нею другая. Понявъ, что у Валуева произошло что-либо неожиданное, я поднялъ отрядъ, и ускореннымъ шагомъ вывелъ его изъ лѣса, а затѣмъ повелъ бѣгомъ на Триносы. Чуть брезжило, когда роты подбѣгали къ скрывавшему эту деревню возвышенію. Смотрю, вдали видѣнъ казачій взводъ, несущійся по направленію къ намъ. Подлетѣвшій офицеръ подаетъ мнѣ записку, написанную карандашемъ. Было еще на столько темно, что безъ огня трудно было прочесть ее, поэтому я велѣлъ зажечь снопъ сжатой пшеницы. Читаю: „Банды открыты, спѣшите поскорѣе съ орудіями“. спрашиваю у офицера—далеко-ли Триносы и гдѣ пов-

станцы? Онъ отвѣчаетъ, что всего версты полторы, и указывая рукою, прибавляетъ—„вотъ здѣсь за пригорками“. Тогда я сажаю прислугу на орудія и несусь съ батареею на ближайшее возвышеніе. Взлетѣвъ на него, батарейный командиръ громко командуетъ: „Съ передковъ“. И что же мы видимъ? пустую равнину, посреди которой небольшая деревня, а въ дальней синевѣ, у лѣса, дымки рѣдкихъ выстрѣловъ и мелькающіе казаки. Я былъ раздосадованъ и раздраженъ до-нельзя. Минутъ черезъ 10 подскакиваетъ ко мнѣ Валуевъ съ словами:

— Вотъ такъ трусы, вотъ такъ дураки! Ихъ было нѣсколько тысячъ, а у меня всего 30 стрѣлковъ и двѣ сотни.

— Ну и намъ съ вами, полковникъ, не чѣмъ похвалиться. Гдѣ же теперь банды?

— Ушли, мерзавцы; вонъ туда въ лѣсъ. Я послалъ за ними полторы сотни.

Такимъ образомъ дѣло, обѣщавшее всѣ шансы успѣха, ушло изъ рукъ только потому, что Валуевъ, вмѣсто того, чтобы дожидаться двухъ часовъ, не выходя изъ лѣса, прошелъ впередъ, наткнулся на повстанскій пикетъ и вступилъ съ нимъ въ перестрѣлку. Банды моментально снялись и вразсыпную скрылись въ окружающіе равнину лѣса.

Фактъ этотъ приведенъ вовсе не для того, чтобы бросить тѣнь на человека рѣдкой храбрости и отваги. Не во-время примѣненныя къ дѣлу, онѣ-то и были причиною, что онъ рванулся впередъ раньше, чѣмъ было условлено. Черезъ четыре дня тотъ же Валуевъ, атакуя банду, врубился въ толпу косиньеровъ, былъ сильно раненъ въ голову и получилъ Георгіевскій крестъ.

Соединенныя у Триносъ банды все-таки не избѣгли поражения. Раздѣливъ свой отрядъ на нѣсколько колонъ и давъ имъ различныя направленія, я заставилъ повстанцевъ броситься внизъ по Нареву. Одна ихъ часть наткнулась на посланный изъ Варшавы отрядъ генерала Раля, другая, получивъ начальникомъ бѣжавшаго изъ Нижегородскаго полка поручика Тромбчинскаго, была разбита моего же полка майоромъ Крыловымъ, имѣвшимъ всего стрѣлковую роту штабсъ-капитана Галлера, одну роту Низовскаго полка и полъ-эскадрона уланъ. Дѣло происходило 4-го іюля. Лѣсъ, который предстояло атаковать, былъ занятъ тремя тысячами повстан-

цевъ. Чтобы дать время посланнымъ на поиски уланамъ присоединиться къ отряду, Крыловъ не сразу атаковалъ банду, но разсыпалъ стрѣлковую роту во ржи, въ 500 шагахъ отъ опушки. Мятежники, взобравшись на деревья, заняли ее въ нѣсколько ярусовъ, откуда открыли усиленную, но совершенно безвредную стрѣлбу. Наша цѣпь 2½ часа вела съ ними мѣткую перестрѣлку и пристрѣлялась до того, что была на выборъ, до тѣхъ поръ, пока у стрѣлковъ оставалось уже мало патроновъ. Тогда Крыловъ, подойдя къ командиру роты, Галлеру, сказалъ:

— Чѣмъ выпускать послѣдніе патроны и ждать, чтобы повстанцы бросились на насъ, попробуемъ предупредить ихъ.

Между тѣмъ стрѣлки слышали какъ съ деревьевъ кричали:

— На пршедь панове, на пршедь! москалей не дуже!

Галлеръ, выйдя передъ цѣпью, крикнулъ: „За мной, ребята“, и повелъ роту впередъ. Повстанцы твердо держались на опушкѣ, пока рота не подошла шаговъ на 50 и съ крикомъ „ура!“ бросилась въ штыки. Не выдержавъ, поляки начали отходить въ лѣсъ, гдѣ бой перешелъ въ рукопашную. Опушка оказалась до того усыяною трупами, что пугливая лошадь Крылова не хотѣла переступить черезъ нихъ, и ему пришлось искать мѣста гдѣ бы проѣхать. Въ это время, въ полуверстѣ влѣво, онъ увидѣлъ колонну, стройно идущую на бывшую въ резервѣ роту Низовцевъ. По близорукости онъ принялъ косиньеровъ за подходящую на помощь часть другого нашего отряда и поѣхалъ къ нимъ; но, къ счастью, въ этотъ самый моментъ, двѣ удачно пущенныя Лѣсовымъ ракеты заставили колонну остановиться, а уланы штабъ-ротмистра барона Офенберга, вмѣстѣ съ казаками Валуева, бросились на нее въ атаку, во время которой послѣдній и былъ раненъ въ голову, съ поврежденіемъ черепа. Косиньеры были уничтожены до послѣдняго.

Во время боя въ лѣсу произошелъ слѣдующій, трудно объяснимый фактъ. Къ цѣпи Прусскаго полка добровольно присоединились нѣсколько человѣкъ изъ резерва, отъ армейской роты. Въ чащѣ лѣса Галлеръ, съ десяткомъ людей, случайно отдѣлился отъ своихъ и на полянѣ наткнулся на толпу косиньеровъ человѣкъ въ 70. Армейскій солдатикъ, имя кото-

раго, къ сожалѣнію осталось неизвѣстнымъ, выбѣгаетъ впередъ, имъ на-встрѣчу, дѣлаетъ выстрѣлъ, потомъ, ставъ на одно колѣно, беретъ ружье на руку и, перекрестясь, одинъ встрѣчаетъ толпу. Поляки изрубили его въ куски, а тѣмъ временемъ Галлеръ, нѣсколько разъ кричавшій добровольно жертвовавшему собою, чтобы онъ уходилъ, успѣлъ присоединиться къ своей ротѣ. Спрашивается, былъ ли это со стороны шедшаго на явную смерть солдата сознательный порывъ спасти офицера, или онъ умышленно искалъ смерти и вѣнца мученика?

Говоря объ экспедиціяхъ не могу не рассказать эпизода, доказывающаго до какой степени поляки утратили тогда всякое понятіе о чести и достоинствѣ человѣка.

Однажды моему отряду предстояло ночевать возлѣ помѣщичьей мызы. Для выбора мѣста бивака былъ посланъ впередъ съ казаками майоръ Грессеръ. Когда я подѣзжалъ къ околицѣ, онъ доложилъ мнѣ, что пѣхота и артиллерія расположатся тутъ же, вправо отъ дороги, а уланы и казаки — за садомъ, ближе къ водою. Что же касается моего помѣщенія, то владѣлецъ мызы проситъ меня остановиться въ его домѣ, при чемъ Грессеръ указалъ на небольшого роста господина въ венгеркѣ и соломенной шляпѣ. Замѣтя что рѣчь идетъ о немъ, панъ, приподнявъ шляпу, сталъ приближаться.

— Очень вамъ благодаренъ—говорю я ему, но я не желаю стѣснять васъ, тѣмъ болѣе, что имѣю палатку и для меня гораздо удобнѣе быть на бивакѣ.

Полурусскимъ, полупольскимъ разговоромъ панъ началъ доказывать, что его домъ въ двухъ шагахъ, что на бивакѣ сыро, что всѣ отрядные начальники останавливались у него, причемъ назвалъ генераловъ: Миллеръ-Закомельскаго, Краснокутскаго и графа Крейца, что у него все приготовлено и что я крайнѣ обижу его отказомъ.

— Извольте, чтобы вы не обижались, я принимаю предложеніе, но съ условіемъ, что вамъ будетъ заплачено за все взятое для меня.

Покуда я дѣлалъ распоряженія о выставкѣ аванпостовъ и объ отправленіи разъѣздовъ, панъ ждалъ меня и самъ ввелъ въ домъ. Въ комнатѣ, указанной для спальни, вижу кровать, съ цѣлою горою подушекъ съ оборками, покрытую атласнымъ

розовымъ покрываломъ. На замѣчаніе, что все это лишнее, панъ разсыпался въ увѣреніяхъ о своей преданности и любви къ военнымъ, радовался, что мною принято приглашеніе ночевать въ его домѣ и такъ надоѣлъ этимъ, что я безъ церемоніи попросилъ его дать мнѣ возможность умыться и отдохнуть. Уходя онъ спрашиваетъ меня:

— Позвольте узнать, можно ли теперь отлучаться изъ мызы или приѣзжать въ нее? Я это спрашиваю потому, что ночью должна возвратиться изъ Варшавы моя матушка.

— Приѣзжать—отвѣчалъ я—можетъ всякій, но отсюда никто уходить не долженъ.

— Почему же? прикидываясь наивнымъ, спрашиваетъ онъ.

— Чтобы никто не далъ знать въ банды о близости отряда, о его расположеніи и силѣ.

— О, разуме, разуме, ясневельможне генерале, проговорилъ панъ, расшаркиваясь.

Какъ только онъ вышелъ, и когда я сталъ мыться, къ растворенному въ садъ окну, подбѣжалъ артиллерійскій фейерверкеръ и маня меня рукою, тихо, какъ бы боясь быть подслушанну, говоритъ мнѣ:

— Ваше превосходительство! сейчасъ здѣшній панъ прибѣжалъ въ конюшню, вскочилъ на неосѣдланную лошадь и помчался полемъ къ лѣсу: вонъ онъ еще виднѣется во ржи, пригнувшись, чтобъ не замѣтили.

Это взбѣсило меня. Выйдя на крыльцо, я крикнулъ уряднику стоявшаго на дворѣ казачьяго караула.

— Возьми человѣкъ 5 и скачи ржанымъ полемъ въ лѣсъ, догони бѣжавшаго сію минуточку помѣщика и тащи его ко мнѣ.

Вспомнивъ, что 5 человѣкъ легко могутъ быть наведены на засаду, я послалъ встѣдъ за казаками взводъ уланъ.

Промчавшись версты двѣ лѣсомъ, казаки увидѣли въ его чащѣ ветхій костелъ и возлѣ него хорошій домъ, съ высокими запертыми воротами. Замѣтя, что свѣжій слѣдъ, по которому они гнались, вдругъ пресѣкъся, казаки остановились, одинъ изъ нихъ вскочилъ на сѣдло и черезъ перекладину воротъ видитъ взмыленную лошадь, привязанную къ сараю. Бѣглець оказался у ксендза.

— Пожалуйте сейчасъ къ генералу, говоритъ ему урядникъ, схватывая за руку, когда онъ хотѣлъ выбѣжать въ сѣни.

— Какъ ты смѣешь хватать меня! я приѣхалъ къ пробоцу съ визитомъ, мнѣ надо переговорить о дѣлѣ, я черезъ четверть часа буду.

Завязался споръ, кончившійся тѣмъ, что пана взяли силою. Меня крайне интересовалъ результатъ погони. Вмѣстѣ съ бывшимъ при отрядѣ полковникомъ генеральнаго штаба, мы вышли за околицу. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, видимъ нашего пана, съ скрученными веревкою руками и безъ шляпы, ведутъ казачки, имѣя пикн на перевѣсѣ. Приказавъ развязать, я подозвалъ его къ себѣ. Вяло слѣзъ онъ съ коня и пошатываясь подходитъ. Что я наговорилъ ему и какими угостилъ эпитетами,—не помню, но вѣроятно достойными его поступка и заключилъ такъ:

— За то, что вы такъ подло нарушили объясненное вамъ правило военного времени, я васъ арестовываю какъ шпиона и отправлю въ цитадель.

Завылъ панъ какъ школьникъ, котораго собираются сѣчь и бросаясь передо мною на колѣни, кричитъ:

— Помилуйте, змилуйтесь, пане генерале! Били меня, я родовитый дворянинъ, а меня вотъ какъ били!

Съ этими словами онъ поворачивается къ намъ спиною. Его венгерка была такъ исполосована ногайками, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлось бѣлье.

— Нельзя было иначе, ваше превосходительство, заговорилъ урядникъ;—не хотѣли, упирались; мы сначала по чести, всего два раза стегнули; но онъ пытался ускакать отъ насъ, такъ нагнавши маленько подбавили,—досада взяла, что изъ-за этакой дряни коней мучили.

И смѣшно и жалко было видѣть гостепріимнаго хозяина въ такомъ растрепанномъ видѣ.

— Такъ какъ вы—сказалъ я ему—уже получили должное за твердость вашихъ убѣжденій и доказали вашу любовь къ военнымъ, то я васъ прощаю, идите.

Полковникъ генеральнаго штаба былъ нѣсколько возмущенъ своеручной расправой казаковъ, говоря, что нельзя имъ позволять, безъ суда, бить благороднаго человѣка нагайками.

— Вы называете этого господина благороднымъ? По моему урядникъ вѣрнѣе опредѣлитъ его, назвавъ дрянью. Хотите, я приглашу его обѣдать и онъ придетъ.

— Ну, нѣтъ; уже до такой то степени онъ вѣроятно не уронить себя.

— Василий! крикнулъ я моему деньщику;—скажи пану, что я прошу его въ 5 часовъ обѣдать.

Часа черезъ два, чины моего небольшого отряднаго штаба собрались въ столовую и когда я вошелъ туда, то панъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговаривалъ съ офицерами, а затѣмъ весь обѣдъ болталъ о томъ, что повстанцы не стоятъ, чтобы гоняться за ними и подъ конецъ клялся, что ѣздилъ къ ксендзу достать старой вудки, чтобы угостить насъ.

На слѣдующій день оказалось, что находившаяся за дѣсомъ банда была извѣщена, тѣмъ же ксендзомъ, о нашемъ прибытіи и ушла за Бугъ. Впослѣдствіи я часто встрѣчалъ того же пана въ Саксонскомъ саду и онъ всегда очень мило раскланивался со мною; на вопросы—кто это? я отвѣчалъ—это казачій крестникъ, а потомъ, конечно, приходилось объяснять, чѣмъ онъ заслужилъ подобный титулъ.

Этимъ эпизодомъ заканчиваю мои воспоминанія объ экспедиціяхъ, почти всегда кончавшихся пораженіемъ повстанцевъ.

Дабы отнять у поляковъ средства къ дальнѣйшей поддержкѣ возстанія и укрѣпиться въ большемъ числѣ пунктовъ, въ концѣ іюля приказано было расквартировать полки такъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ было по 2 роты. Это давало возможность охранять жителей отъ агентовъ революціи и отъ грабежей, а также лишало средствъ формировать или укомплектовать банды, что было признано и самими поляками. Одинъ изъ вожakovъ доносилъ ржонду: „Занятіе войсками множества новыхъ пунктовъ, и налагаемыя контрибуціи, ставятъ революцію въ безвыходное положеніе“.

Къ началу августа возстаніе видимо ослабло. Крестьянское населеніе открыто начало дѣйствовать противъ революціонеровъ, образуя изъ своей среды сельскую стражу, усердно помогавшую войскамъ арестовывать отдѣльныхъ агентовъ и разыскивать склады оружія.

6-го августа полку предстояло въ первый разъ справлять въ Варшавѣ свой полковой праздникъ. Въ этотъ день Великій князь посѣтилъ лагерь полка, разбитый противъ казармъ,

на эспланадѣ цитадели. Во время молебствія въ походной церкви, Его Высочеству понравилось пѣніе. Обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— У тебя славный хоръ; такіе свѣжіе голоса рѣдко встрѣчаются между нижними чинами.

Стоявшій возлѣ генераль Корфъ не упустилъ случая отвѣтить:

— Это я сформировалъ ихъ, когда командовалъ полкомъ.

А онъ никогда имъ не командовалъ, а былъ всего 3 мѣсяца за полковаго командира, и то ровно 30 лѣтъ назадъ.

Въ половинѣ августа Великій князь поѣхалъ въ Петербургъ. Въ его отсутствіе получено было приказаніе о командированіи нѣсколькихъ лицъ на маневры въ Пруссію. Изъ Варшавскаго округа были назначены: командиръ Литовскаго уланскаго полка флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Дризенъ и я, какъ командиръ Прусскаго полка. На этотъ разъ я взялъ съ собою жену, а она пригласила, для компаніи, дочь полковаго доктора г-жу Шахтингеръ. Наканунѣ отъѣзда мы были въ замкѣ, откланяться Великой княгинѣ, не предчувствуя, что по возвращеніи уже не застанемъ ея въ Варшавѣ. Подъѣзжая къ Берлину, госпожѣ Шахтингеръ захотѣлось увидѣть городъ издали. Какъ я ей ни доказывалъ, что съ той стороны откуда подходитъ нашъ поѣздъ, городъ закрытъ тянущимся цѣлую станцію лѣсомъ, она все-таки выглянула въ опущенное окно.

— Стойте, стойте! кричитъ она, хватаясь за голову, — у меня сорвало вѣтромъ шляпу.

Мы не могли удержаться отъ смѣха; но чтобы наказать ее за неосторожность, я сталъ поддразнивать, что безъ шляпки ей уже нельзя ѣхать съ нами въ придворной коляскѣ, а потому ей остается повязать голову платочкомъ, и въ видѣ горничной, помѣститься съ багажемъ, въ наемномъ фіакрѣ.

Она готова была заплакать; но оказалось, что за нами были высланы кареты.

Для всѣхъ приглашенныхъ на маневры иностранцевъ были приготовлены квартиры, въ знакомомъ читателямъ „Британскомъ отелѣ“, о которомъ я говорилъ въ предшествовавшей главѣ моихъ воспоминаній. Тамъ мы нашли уже прибывшихъ изъ Петербурга на маневры: генераль-адъютанта Гильден-

Изъ Прошлаго.

штуббе, артиллеріи полковника Петерса, командира Калужскаго полка Вернера и г.-гв. Финляндскаго полка капитана Засса. Въ тотъ же день въ вечеру прибыли и командированные изъ другихъ государствъ. Между ними были: отъ Баваріи — генераль Тоонъ, тотъ самый, который командовалъ баварскимъ корпусомъ въ франко-прусскую войну; отъ Вюртемберга — генераль Вердеръ, осаждавшій и взявшій въ ту же войну Страсбургъ; отъ Австріи — полковникъ Бенедекъ, сынъ того генерала Бенедека, котораго три года спустя такъ нещадно разбили пруссаки подъ Кенигсрейцомъ. Франція и Англія официальныхъ представителей не имѣли, но изъ послѣдней былъ, какъ туристъ, молодой лейтенантъ Браунъ, очень веселый и пріятный юноша. Со всѣми пришлось познакомиться; но ближе другихъ я сошелся съ Бенедekomъ, какъ посояннымъ моимъ сосѣдомъ за обѣдами въ отелѣ, въ дни, когда не было приглашеній во дворецъ. Въ этотъ пріѣздъ насъ не такъ баловали въ этомъ отношеніи, какъ въ мартѣ.

Прибывъ въ Берлинъ 20 августа, мы на другой день представились королю, затѣмъ наслѣдному и другимъ принцамъ. Приѣмъ имѣлъ характеръ полной официальности и для насъ, русскихъ, покуда не было никакихъ исключеній передъ иностранцами, такъ разительно выразившихся, когда я пріѣзжалъ въ мартѣ съ депутаціею отъ полка. Состоящій при насъ ротмистръ гвардейскаго уланскаго полка далеко не походилъ на милаго Эркерта, въ это время уже командовавшаго батальономъ.

Выданное каждому изъ насъ распisanіе смотровъ и ученій въ присутствіи короля, на которыхъ мы должны были находиться, указало, что почти каждое утро намъ предстояла служба. Верховыя лошади были для насъ назначены отъ придворнаго вѣдомства. Не знаю, что думали и какъ судили о нихъ кавалеристы, я же замѣчу, что онѣ были выѣзжаны крайне плохо и до того ложились въ поводъ, что возвратясь съ ученья, всякій разъ, бывало, не чувствуешь рукъ. Чѣмъ больше ее сдерживаешь, тѣмъ она дѣлается упрямѣе, а не сдерживать нельзя, потому что всѣ онѣ до того рвутся впередъ, что всякую минуту можно попасть въ свитѣ не на подобающее по чину мѣсто, или опередить тѣхъ, кто долженъ находиться непосредственно за королемъ. Подобная выѣздка была

причиною, что въ продолженіи двухъ недѣль я долженъ былъ перемѣнить четырехъ лошадей, наконецъ догадался дать конюшенному 10 талеровъ, и тогда только получилъ доброѣзжаго коня, съ мягкимъ поводомъ.

По возвращеніи съ ученій всѣ мы обыкновенно обѣдали за особымъ общимъ столомъ, въ парадной залѣ гостиницы. Сосѣдъ мой Бенедекъ оказался очень забавнымъ собесѣдникомъ. Однажды у насъ зашелъ съ нимъ споръ объ обмундированіи войскъ, при чемъ я выразилъ удивленіе, что австрійская пѣхота до сихъ поръ сохранила бѣлые мундиры. Многие изъ принявшихъ участіе въ нашемъ разговорѣ соглашались со мною:

— Видите ли, господа, — сказалъ тогда Бенедекъ, — предположимъ, что впервые принявъ бѣлые мундиры мы сдѣлали глупость. Можно было не догадаться, что это глупо 5 или 10 лѣтъ, но согласитесь, что придерживаться одного и того же 50 лѣтъ и не замѣтить неудобства — было бы экстра-глупостью. Я самъ команду пѣхотнымъ полкомъ и увѣряю васъ, что нѣтъ ничего практичнѣе и опрятнѣе бѣлаго мундира. Сколько разъ случалось, что на маневрахъ, отъ пыли и грязи, мундиры испачкаются до того, что люди кажутся трубочистамъ; но стоитъ воспользоваться двумя часами отдыха и приказать вымыть мундиры въ прудѣ или въ любой рѣчкѣ, — и полкъ выйдетъ въ строй чистенькимъ, такъ что весело смотреть на него.

Вечера мы проводили большею частью въ городскихъ или загородныхъ театрахъ. Впрочемъ послѣдними Берлинъ въ то время похвастать не могъ; кромѣ Кроля не было ничего порядочнаго. У послѣдняго всегда было множество военныхъ, что дало намъ возможность замѣтить, какую разницу представляло появленіе офицеровъ въ общественныхъ собраніяхъ въ Пруссіи и у насъ. Тамъ они первенствовали, являлись между публикою съ сознаниемъ этого первенства, всякій давалъ имъ дорогу, никто не осмѣлился бы взглянуть на офицера двусмысленно, или съ выраженіемъ враждебности. То ли было въ 60 годахъ у насъ? Зная, что нѣмцы вообще народъ разчетливый, мы удивлялись, что прусскіе офицеры въ такомъ числѣ наполняютъ театры, тогда какъ у насъ военные теряются въ общей массѣ публики. Завидно было видѣть и то, что тамъ офицеры повсюду являются щеголями. Въ ихъ обращеніи

другъ къ другу, даже на гуляньи, или въ фойѣ театра, сейчасъ видно кто говоритъ съ старшимъ, или съ равнымъ себѣ. Въ первомъ случаѣ вы тотчасъ замѣтите отгѣнокъ подчиненности, во второмъ—отсутствіе грубаго панибратства и притомъ ни малѣйшей натянутости. Интересно было бы знать, какого сословія молодые люди составляютъ главный контингентъ укомплектованія прусскихъ офицеровъ и доступно ли тамъ достигнуть офицерскаго званія людямъ безъ воспитанія, которое во многихъ случаяхъ жизни и службы, гораздо важнѣ всякаго спеціальнаго образованія.

27 августа, рано утромъ, мнѣ принесли изъ посольства повѣстку, что Великій князь Константинъ Николаевичъ, со всѣмъ семействомъ, приѣзжаетъ въ этотъ день въ Берлинъ. Это сильно удивило насъ, потому что при нашемъ выѣздѣ, всего недѣлю назадъ, не было не только слуха, но и намека на то, что онъ оставляетъ Варшаву. Поспѣть встрѣтить приходящій въ 6 ч. утра поѣздъ было уже невозможно, поэтому я отправился представиться въ зданіи нашего посольства, гдѣ Его Высочество остановился. Тамъ мы узнали, что намѣстникомъ Польши назначенъ графъ Бергъ, и что Константинъ Николаевичъ уѣзжаетъ совсѣмъ. Тутъ же я представлялся и Великой княгинѣ, причемъ просилъ назначить часъ, когда она могла бы принять мою жену, желающую лично благодарить Ея Высочество, за постоянно благосклонное къ ней вниманіе.

— Передайте ей,—сказала Великая княгиня, что мы ѣдемъ обѣдать къ наслѣдному принцу въ Потсдамъ, а вечеромъ пьемъ чай у вдовствующей королевы въ Шарлотенбургѣ, поэтому пусть она приѣдетъ на дебаркадеръ къ нашему отъѣзду, въ 11 часовъ вечера; мнѣ самой хочется проститься съ нею.

Въ это время вошелъ король. Я тотчасъ сталъ откланиваться; но онъ остановилъ меня и, принявъ серьезный видъ, обратился ко мнѣ съ словами:

— А я недоволенъ вами. Великій князь сейчасъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я не по формѣ одѣтъ въ вашемъ мундирѣ: португепу слѣдуетъ носить черезъ плечо, а не на поясѣ.

— Смѣю доложить Вашему Величеству—отвѣчалъ я, что эта перемѣна сдѣлана два мѣсяца назадъ, и потому я полагаю, что вашъ военный агентъ въ Петербургѣ, генераль Лоонъ, уже давно сообщилъ объ этомъ; я же не имѣлъ еще

случая видѣть Васъ, въ этотъ приѣздъ, въ мундирѣ моего полка.

— Совершенно вѣрно—сказалъ король уже улыбаясь, Лоонъ прозѣвалъ,—и давъ мнѣ руку, крѣпко пожалъ мою.

Часовъ въ 10 вечера всѣ находившіеся въ Берлинѣ русскіе были уже въ дебаркадерѣ. Вскорѣ прибыли туда принцы Карлъ и Альбертъ съ сыновьями, а вслѣдъ за ними вошла и Великая княгиня. Увидавъ жену мою и поцѣловавъ ее, она сѣла на диванъ и начала говорить съ нею о томъ, что ея здоровье заставляетъ ее провести осень въ Крыму и что Великому князю необходимо отдохнуть. Принцъ Альбертъ, видя подобное обращеніе, спросилъ стоявшаго возлѣ полковника барона Дризена, кто дама, съ которою говоритъ Великая княгиня? Баронъ отвѣтилъ, что это жена моя. Тогда принцъ выразилъ мнѣ желаніе быть ей представлену, а затѣмъ уже самъ представилъ своего брата, принца Карла. По отходѣ поѣзда они оба провели мою жену до кареты. Упоминаю объ этомъ для того, чтобы послѣдующій рассказъ о нашемъ пребываніи на маневрахъ былъ яснѣ читателямъ.

30 августа, по случаю именинъ нашего Государя, былъ большой обѣдъ во дворцѣ. Въ концѣ его, сюрпризомъ для всѣхъ насъ, король поздравилъ А. И. Гильденштуббе съ производствомъ въ полные генералы и съ назначеніемъ командиромъ гренадерскаго корпуса. Это доказывало, что всѣ важнѣйшія перемѣны въ русской арміи моментально, по телеграфу, передаются въ Берлинъ. Въ этомъ я имѣлъ случай еще болѣе убѣдиться, когда у меня, въ Варшавѣ, во время обѣда, зашла рѣчь о генералѣ Хитрово, только что назначенномъ начальникомъ 32 дивизіи. Кто-то изъ офицеровъ спросилъ меня, гдѣ штабъ этой дивизіи? Я, съ полной увѣренностію, говорю, что въ Житомирѣ.

— Нѣтъ, въ Луцкѣ,—возразилъ обѣдавшій съ нами прусскій офицеръ Верди-де-Варнуа, о которомъ я уже писалъ, говоря, что онъ состоялъ при намѣстникѣ. Начался споръ. Я велѣлъ подать послѣднее квартирное росписаніе арміи и тамъ значилось, что 32 дивизія стоитъ въ Житомирѣ.

— Все это такъ, но я вчера получилъ бумагу изъ нашего генеральнаго штаба—возразилъ Верди, что 10 дней назадъ 32 дивизія переведена въ Луцкъ, и уже отмѣтилъ это на моей картѣ.

Черезъ мѣсяцъ и мы узнали, что она дѣйствительно переведена. Выходитъ, что прусскіе офицеры раньше насъ знаютъ что у насъ дѣлается. Когда присутствовавшіе удивились почему Верди такъ упорно стоитъ на своемъ, то онъ сказалъ:

— Напрасно вы этому удивляетесь. Я вамъ скажу болѣе: у насъ ведутся особые списки всѣхъ генераловъ сосѣднихъ государствъ, съ отмѣткою ихъ способностей къ военному дѣлу, дабы въ случаѣ войны знать, чего можно ожидать отъ каждаго.

— Какіе вы милые и заботливые сосѣди,—шутя, отвѣтилъ я ему.

2-го сентября, вечеромъ, всѣмъ приглашеннымъ на маневры, было приказано, къ 10 часамъ слѣдующаго утра, прибыть на вокзалъ Сѣверной желѣзной дороги, для присутствія на парадѣ 3-му корпусу, въ Франкфуртъ на-Одерѣ. По приѣздѣ въ этотъ городъ, приготовленные экипажи отвезли каждаго на отведенную квартиру, чтобы переодѣться въ парадную форму. По странной случайности, мнѣ дана была квартира въ домѣ бывшаго лейбъ-медика Императора Николая Павловича. Это былъ прекрасный, небольшой отель, переполненный рѣдкими картинами и разными подарками покойнаго Государя. Узнавъ, что я русскій, вдова Манта угостила меня вкуснымъ завтракомъ.

Третьимъ корпусомъ командовалъ тогда принцъ Фридрихъ-Карлъ. Парадъ, имъ данный, происходилъ при громадномъ стеченіи публики и народа, собравшагося изъ окрестностей. Для удержанія ихъ въ приличномъ отдаленіи отъ войскъ, къ полиціи были приданы строевые нижніе чины. Здѣсь мнѣ пришлось видѣть, какъ въ конституціонномъ государствѣ полиція распоряжается съ тѣми, кто противится ея приказаніямъ. Если бы у насъ случилось что либо подобное этому, что я описываю, то Богъ знаетъ, какой бы вопль подняли газеты и поборники свободы и равенства. Стоящая лѣвѣе свиты публика, исподоволь подавалась впередъ и наконецъ перешла линію, обозначенную полиціантами. Маленькій, коренастый солдатикъ, взятый изъ фронта, весьма энергично говоритъ: „Осади назадъ!“ „Мы никому не мѣшаемъ“, отвѣчаетъ ему нѣсколько голосовъ, подаваясь еще впередъ. „Не разсуждать!“ крикнулъ солдатъ, взявъ ружье за середину и ставя его горизонтально, такъ

что оно коснулось напиравшей группы. Одинъ изъ молодыхъ людей, оттолкнувъ ружье, началъ браниться, другіе поддержали его; поднялся шумъ. Блюститель порядка хладнокровно произнесъ: „Говорю вамъ, назадъ!“ Повторилъ эти слова еще разъ, а послѣ третьяго раза, когда публика начала окружать его, оборотя ружье, такъ хватилъ прикладомъ въ грудь бывшаго противъ него господина, что тотъ какъ снопъ повалился на землю. Нѣсколько подоспѣвшихъ къ этому мѣсту полицейскихъ оттѣснили народъ, а ревностный исполнитель своей обязанности занялъ свое мѣсто, какъ будто ничего не случилось.

Былъ на этомъ парадѣ и другой, подобный же примѣръ. Когда кончилось прохожденіе пѣхоты, то между нею и кавалеріею образовался значительный интервалъ. Публика, стоявшая на сторонѣ музыкантовъ, противоположной той гдѣ былъ король и свита, начала перебѣгать на ихъ сторону. Нѣсколько полицейскихъ пробовали остановить, но толпа окружила ихъ; тогда явились на подмогу конные жандармы, что еще болѣе взволновало народъ, пустившій въ дѣло трости и зонтики. Нѣсколько лицъ изъ свиты, въ томъ числѣ и маститый фельд-маршалъ Врангель, бросились водворять порядокъ; между тѣмъ жандармы обнажили сабли и фухтелями угощали безъ разбора всѣхъ, кто только намѣревался прорываться черезъ линію, что и прекратило сумятицу. Затѣмъ парадъ продолжался своимъ порядкомъ.

Въ 5 часовъ городъ Франкфуртъ угощалъ короли обѣдомъ, къ которому были приглашены всѣ иностранные гости. Передъ тостомъ за Его Величество, принцъ Карлъ сказалъ сильную рѣчь о заслугахъ Гогенцолерновъ отечеству и томъ величій, на которое возвели они прусскую націю. Къ вечеру мы возвратились въ Берлинъ.

5-го сентября утромъ всѣмъ приглашеннымъ на маневры было прислано подробное ихъ росписаніе по днямъ, и въ тотъ же день, въ 11 часовъ, мы выѣхали по желѣзной дорогѣ на станцію, откуда они начинались. Росписаніе это, въ видѣ пригластительнаго билета, на четверть-листѣ толстой бумаги, можетъ служить образчикомъ нѣмецкой аккуратности. Привожу его въ переводѣ.

„5-го сентября: Прибытіе на дебаркадеръ Сѣверной до-

роги въ 11 ч. утра. 12 ч. 15 м.—станція Шенбергъ, коляска № 8. Часть дня—прибытіе на поле маневра,—верховая лошадь № 10. Ночлегъ: мѣстечко Вейсенфельдъ.—Квартира—улица такая-то. № 17. Обѣды ежедневно, въ 6 часовъ, у Его Величества Короля—замокъ такой-то.

Получивъ подобную карту, всякій былъ совершенно покоенъ, ни о чемъ не приходилось ни спрашивать, ни заботиться. Предупредительность и вниманіе къ каждому были такъ велики, что, напримѣръ, я, войдя въ мою квартиру, состоявшую изъ двухъ прекрасныхъ комнатъ съ коврами, нашелъ на письменномъ столѣ бумагу, конверты разныхъ форматовъ, карандаши, перья, даже печатныя бланки для телеграммъ и послѣдній номеръ газеты; затѣмъ тончайшее постельное бѣлье, туалетъ съ полнымъ приборомъ и проч. Было ли это сдѣлано по распоряженію придворнаго вѣдомства, или знакомъ радупія хозяина квартиры,—не знаю, но во всякомъ случаѣ выражало рѣдкое гостепріимство.

Не входя въ подробное описаніе каждаго дня маневровъ, скажу о нихъ въ общихъ чертахъ. Въ теченіи всѣхъ семи дней намъ пришлось быть въ полномъ смыслѣ на службѣ и довольно тяжелой. Маневръ начинался обыкновенно въ 8 часовъ утра, когда король и садился на коня, у ближайшаго бивака. Туда же заблаговременно приводили и нашихъ верховыхъ лошадей, а это приходилось въ верстахъ въ 7, а иногда и 10 отъ квартиръ. Значитъ, надо было встать часовъ въ 6. Маневръ длился обыкновенно часовъ до трехъ. По отбою всѣ мы бѣжали къ своимъ коляскамъ, спѣшили на квартиры, чтобы успѣть привести себя въ порядокъ, переодѣться въ другую форму и быть къ 6 часамъ, тоже верстъ за 10, въ замкѣ короля. Обѣдъ кончался въ 8 часу. Полчаса его величество оставался среди приглашенныхъ, затѣмъ уходилъ въ свои апартаменты, причемъ, обращаясь ко всѣмъ, говорилъ: „Надѣюсь, господа, видѣть васъ всѣхъ черезъ часъ внизу“. Понятно, что послѣ этого уѣхать домой было неловко, а потому мы проводили этотъ часъ сидя на террасѣ, или бродя по парку, а къ 9 часамъ собирались въ комнаты нижняго этажа, гдѣ были разставлены карточные столы, разложены газеты, журналы, иллюстраціи, альбомы, шахматы, домино и т. д. Здѣсь всякій, не смотря на присутствіе короля, занимался чѣмъ хо-

тѣлъ. Его величество появлялся часовъ въ 10, въ сюртукѣ. Онъ переходилъ отъ одной группы къ другой, а въ это время одинъ изъ чиновъ двора составлялъ партіи виста. Считаю неудобнымъ отказываться, и я однажды попалъ въ число играющихъ. Моими партнерами оказались: нѣкій англичанинъ посольства, генералъ вюртембергской службы и какой-то камергеръ. Сѣли не условливаясь въ цѣнѣ. У меня было съ собою не болѣе 30 червонцевъ. Что если они обыкновенно играютъ—думалось мнѣ—по талеру и не хватитъ денегъ для расплаты? Когда кончили, то оказалось, что столь важныя персоны всегда играютъ по грошу и при большомъ счастьи я выигралъ всего полтора талера.

Въ одинъ изъ подобныхъ вечеровъ, стою я у камина и говорю о чемъ-то съ А. И. Гильдештуббе. Подходить король и улыбаясь спрашиваетъ меня:

— Какія извѣстія имѣете вы изъ Варшавы?

— Ничего особеннаго, ваше величество, тамъ кажется все спокойно.

— А что вамъ пишетъ ваша жена о моей крестницѣ?

— Жена моя здѣсь, въ Берлинѣ.

— Да! произносить король съ удивленіемъ и затѣмъ, обращаясь къ Гильдештуббе, продолжаетъ:

— Какъ странно, что братья мои были представлены женѣ генерала и командира моего полка, а я, ея кумъ и его шефъ, незнакомъ съ нею.

На это я возразилъ, что, зная объ отсутствіи изъ Берлина королевы, не считалъ себѣ въ правѣ просить о представленіи жены моей ко двору.

— Я шучу,—продолжалъ король, впрочемъ, я еще надѣюсь видѣть ее до вашего отъѣзда.

Послѣднія слова были для меня неразрѣшимой задачей. Что значитъ „я еще надѣюсь видѣть ее“? Означало-ли это необходимость представиться—и тогда: когда и гдѣ? Спрашиваю слышавшаго нашъ разговоръ графа Н. В. Адлерберга и прошу его совѣта. Онъ отвѣчаетъ, что въ отсутствіи королевы дамы обыкновенно не представляются и что слова „надѣюсь видѣть“ не болѣе какъ *façon de parler* и могутъ означать мысль уви-
дѣть въ театрѣ, или на парадѣ. Всѣ, къ кому я ни обращался,

отвѣчали въ томъ же родѣ; только одинъ Гильденштуббе ска- залъ мнѣ:

— Мое мнѣніе то, что вашей женѣ слѣдуетъ эти дни, отъ 4 до 6 часовъ, быть всегда дома. Короли никогда и ничего не говорятъ даромъ.

Общій характеръ дѣйствій прусскихъ войскъ на маневрахъ, совершенно такой же какъ и нашихъ; но сами войска носили на себѣ отпечатокъ той юности, которая заставляла сомнѣваться въ ихъ выносливости. За исключеніемъ унтеръ-офицеровъ, баталіоны, по наружному виду людей, походили на кадетскіе. Къ концу маневра въ нихъ проявлялась замѣтная усталость и отсталыхъ бывало не мало; на ночь же на биваки привозили массу соломы для подстилки и дровъ для костровъ. Это намъ казалось излишнею нѣжностью и порождало убѣжденіе, что войско, воспитанное такимъ образомъ, можетъ хорошо драться лишь тогда, когда его подвезутъ на поле сраженія въ вагонахъ, а приведись ему недѣлю побродить по осенней грязи, или остаться нѣсколько ненастныхъ ночей подъ открытымъ небомъ, то оно сильно растаетъ. Высказываю подобное мнѣніе на основаніи того, что видѣлъ на маневрахъ; но очень можетъ быть, что тѣ же баталіоны, пополненные при мобилизаціи призывными, произведутъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Другая особенность, замѣченная въ прусскихъ войскахъ та, что ихъ кавалерія, гораздо слабѣйшая нашей по конскому составу, гораздо болѣе развита въ отношеніи инициативы младшихъ начальниковъ, чего въ то время у насъ не было. Я на примѣръ видѣлъ гусарскій полкъ, рысью наступавшій развернутымъ фронтомъ по данному направленію. Командиръ лѣвофланговаго эскадрона, увидя, что въ верстѣ влѣво, двѣ роты слѣшатъ занять ближайшій лѣсокъ, не ожидая приказанія, дѣлаетъ заѣздъ налѣво и несется въ атаку на эти роты, хотя другіе эскадроны полка продолжаютъ идти въ прежнемъ направленіи.

Король принималъ видимое участіе во всемъ происходившемъ и быстро переносился съ одного пункта на другой. Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ замѣчаніи проявлялась любовь къ военному дѣлу и желаніе поощрить войска. Припоминаю какое впечатлѣніе произвела на насъ та манера, съ которою король объявилъ, знакомому читателямъ офицеру, даруемую

ему награду. Послѣ горячей, но отбитой атаки одной горы, занятой 2-мъ гвардейскимъ полкомъ, король, давъ отбой, приказалъ составить ружья и взѣхавъ на гору, гдѣ солдаты и офицеры окружили его, сказалъ имъ въ переносномъ смыслѣ слѣдующее:

— Да, горячее было дѣло; много пало храбрыхъ, но есть и отличившіеся, и первый между ними капитанъ Эркертъ, а потому я поздравляю его майоромъ.

Несомнѣнно, что Эркертъ зналъ о предстоящемъ ему по линіи чинѣ, но большая разница прочесть о своемъ производствѣ въ газетѣ или въ мертвомъ, заурядномъ приказѣ, или узнать объ этомъ изъ устъ своего государя, который еще при этомъ обнялъ производимаго. Подобныя минуты никогда не забываются, и вѣроятно Эркертъ помнилъ ихъ, умирая черезъ 7 лѣтъ на поляхъ Гравелота.

Въ одинъ изъ маневренныхъ дней пришлось воскресенье. По этому случаю на бивакахъ происходило богослуженіе, въ присутствіи Короля, съ простотою присущей лютеранскимъ священнодѣйствіямъ. По окончаніи церковнаго парада, его величество подозвалъ къ себѣ Гильденштуббе и меня; отведя насъ въ сторону, онъ тихо сообщилъ, что наканунѣ, въ Варшавѣ, совершено покушеніе на жизнь новаго намѣстника графа Берга, и спросилъ меня, не имѣю ли я объ этомъ какихъ либо свѣдѣній? Я отвѣчалъ, что даже не зналъ о случившемся; король же добавилъ, что ему извѣстно только, что покушеніе было сдѣлано на Краковскомъ предмѣстьи и обошлось безъ послѣдствій.

Въ послѣдній день маневровъ, по ихъ окончаніи, 10 сентября, всѣ мы къ 3 часамъ съѣхались на ближайшую станцію желѣзной дороги, чтобы возвратиться въ Берлинъ. Наслѣдний принцъ, отбѣзжавшій на слѣдующій день въ Англію, вошелъ въ нашъ вагонъ проститься съ русскими офицерами, что избавило насъ отъ обязанности представляться ему передъ нашимъ выѣздомъ, назначеннымъ на 12 число. Наканунѣ, въ 12 час. дня, мы откланивались королю, вмѣстѣ съ другими иностранцами, бывшими на маневрахъ. Выслушавъ обычныя въ подобныхъ случаяхъ выраженія признательности за присылку депутацій, мы уже выходили изъ залы, какъ его величество, подзвавъ меня къ себѣ, поручилъ передать полку, что онъ съ

особеннымъ интересомъ слѣдилъ за его дѣйствіями, и радовался его отличіямъ, что онъ крайне сожалѣетъ, что не имѣлъ случая лично выразить ему свое благоволеніе, но надѣется исполнить это въ будущемъ; потомъ, обнявъ меня, сказалъ: „Посылаю съ вами благословеніе моей крестницѣ“. Последними же его словами были вопросы: когда я выѣзжаю и обѣдаю-ли сегодня у Убри? Оказалось, что это было спрошено не безъ умысла.

По возвращеніи изъ дворца, я объявилъ женѣ, что теперь она спокойно можетъ укладываться, что король простился со мною и, вспоминая крестницу, ни чѣмъ не намекнулъ на происходившій на маневрахъ разговоръ. Въ 6 часу я отправился къ посланнику на обѣдъ, даваемый имъ для отъѣзжавшихъ соотчичей. Изъ прусскихъ властей къ нему были приглашены только Бисмаркъ и фельдмаршалъ баронъ Врангель, занявшіе мѣста возлѣ хозяина, а противъ него сидѣли А. И. Гильденштуббе и я. Въ концѣ обѣда, одинъ изъ прислуги, нагнувшись, тихо говоритъ мнѣ: „Васъ просятъ скорѣе домой“. Не считая возможнымъ выйти изъ-за стола и думая, что жена вѣроятно прислала не за мною, а за экипажемъ, который ей былъ нуженъ, я отвѣтилъ: „Хорошо, послѣ“. Минуты черезъ двѣ, тотъ же человѣкъ уже погромче произнесъ: „У васъ въ отели король“. Не успѣлъ я обратиться къ Гильденштуббе за совѣтомъ что предпринять, какъ Бисмаркъ говоритъ мнѣ: „Поѣзжайте, генераль, поѣзжайте скорѣе“. Какъ я ни торопился, но, подѣзжая къ отелю, увидѣлъ издали только отъѣзжающую коляску Короля; на крыльцѣ, въ сѣняхъ и въ корридорѣ гостиницы, столько было народа, что я едва могъ пробраться къ своимъ комнатамъ.

Визитъ, сдѣланный Его Величествомъ женѣ моей, происходилъ при слѣдующей обстановкѣ. Она, вмѣстѣ съ своею спутницею госпожею Шахтингеръ, занималась укладкою вещей; сундукъ и чемоданъ были открыты, а на комодѣ, среди разныхъ вещей и картонокъ, стоялъ мраморный бюстъ короля, только что присланный изъ дворца мнѣ въ подарокъ, на память о бытности на маневрахъ. Черезъ стеклянную дверь, выходившую изъ передней въ корридоръ, жена видитъ полковника, въ полной формѣ, говорящимъ съ бывшимъ при мнѣ придворнымъ лакеемъ. Слыша, что первый произноситъ ея фамилію, она выходитъ, и спрашиваетъ пол-

ковника что ему угодно? Тотъ отвѣчаетъ, что Его Величество желаетъ знать, можетъ ли генеральша принять его? Женѣ пришлось принять Короля въ простомъ дорожномъ платьи и среди безпорядка, присущаго всякой квартирѣ, изъ которой готовятся выѣхать. Визитъ длился минутъ 20, въ продолженіи коихъ жена моя не могла достаточно надивиться простотѣ обращенія и любезности Его Величества. Онъ спрашивалъ ее о моей прежней службѣ, о томъ въ какихъ городахъ ей, какъ женѣ военнаго, приходилось жить, до приѣзда въ Варшаву, какія должности занималъ ея отецъ, и узнавъ, что онъ ветеранъ Отечественной войны и Георгіевскій кавалеръ, интересовался подробностями его жизни. Прощаясь, Его Величество вынулъ изъ каски и подалъ женѣ моей футляръ, въ которомъ оказались брошь, серьги и браслетъ съ его портретомъ, прося передать это крестницѣ, а куда она вырастетъ, носить самой, на память о его посѣщеніи.

Визитъ Короля русской дамѣ, не имѣвшей чести быть предварительно представленной, произвелъ неописанную сенсацию въ отелѣ. Все ея населеніе сбѣжалось изъ всѣхъ этажей видѣть его отъѣздъ: когда онъ уѣхалъ, то многіе, особенно дамы, безпереромно влетали въ наше помѣщеніе, взглянуть на ту, которая удостоилась такой чести. Одни поздравляли ее, другіе, рекомендуясь, жали ей руки, третьи до того восторгались, что обнимали жену мою, совершенно растерявшуюся отъ подобныхъ овацій и не понимавшею, что всѣмъ имъ надобно и изъ-за чего они въ такомъ восторгѣ. Съ сіяющимъ лицомъ встрѣтилъ меня старикъ Крюгеръ, говоря, что въ теченіи 40 лѣтъ, что онъ владѣетъ Британской гостиницей, только второй разъ Король посѣтилъ ее. Впослѣдствіи Крюгеръ, ту комнату гдѣ жена принимала Его Величество, не отдавалъ въ наемъ, но устроилъ въ ней, у окна, возвышеніе, на которомъ поставилъ два кресла и прибилъ на нихъ золоченныя дощечки съ надписями, кто сидѣлъ на нихъ. Проѣзжая черезъ Берлинъ 12 лѣтъ спустя, мы зашли къ Крюгеру; старикъ, со слезами на глазахъ, вспоминалъ объ описанномъ визитѣ, а спустя 24 года, сынъ мой видѣлъ тѣ же кресла съ надписями, у наслѣдника Крюгера, умершаго только четыре года назадъ.

Всѣ наши, бывшіе на обѣдѣ у Убри, знавшіе о причинѣ моего отъѣзда, вечеромъ собрались у насъ, узнать подроб-

ности, причем почтенный Гильденштуббе былъ особенно доволенъ тѣмъ, что предсказалъ этотъ визитъ и нѣсколько разъ повторялъ: „А помните, я говорилъ, что Короли ничего не говорятъ даромъ“. Разбирая детали происходившаго, онъ же находилъ, что жена моя сдѣлала непростительную ошибку противъ этикета тѣмъ, что поцѣловала Короля въ голову, когда онъ цѣловалъ ея руку. Это до такой степени казалось ему важнымъ, что онъ упрекалъ себя за тѣмъ заранѣе не предупредилъ жену мою: „qu'on ne baise pas des têtes couronnées“ (Что коронованныхъ головъ не цѣлуютъ).

Въ 11 часовъ всѣ составлявшіе русскую депутацію отправились на желѣзную дорогу. При дальнѣйшемъ путешествіи обѣ мои дамы отличились. Подѣзжая къ Бромбергу, гдѣ слѣдовало пересѣсть на поѣздъ, идущій въ Варшаву, я предупредилъ ихъ, чтобы онѣ сами позаботились о бывшихъ при нихъ вещахъ, потому что буду занятъ передачей на другой путь нашего багажа. Исполнивъ это, прихожу въ вокзалъ и вижу моихъ дамъ благодушествующими за кофеемъ. Выпивъ наскоро свой стаканъ, я пошелъ хлопотать объ отдѣльномъ купе и, получивъ его, жду дамъ у вагона. Второй звонокъ—ихъ нѣтъ; проходитъ еще 2—3 минуты—ихъ и не видно на длинной галлерей дебаркадера. Оберъ кондукторъ объявляетъ мнѣ, что болѣе минуты послѣ третьяго звонка онъ ждать не можетъ; раздается этотъ звонокъ, и только тогда мои спутницы показываются изъ какой-то двери. На мой крикъ онѣ побѣжали и мнѣ, уже во время свистка, пришлось подсаживать ихъ на высокія ступеньки вагона. Отпышавшись, минуты черезъ 3, одна изъ нихъ спрашиваетъ: „А гдѣ мой зонтикъ и пальто?“—Другая, оглядывая вагонъ, говоритъ: „Гдѣ же мой мѣшокъ и пледъ?“ Все это, несмотря на мое предвареніе, онѣ оставили въ вагонѣ берлинскаго поѣзда, который давнымъ-давно ушелъ въ Кенигсбергъ. Начались оханья, аханья, вопросы—что дѣлать? Изъ Торна я телеграфировалъ начальнику Кенигсбергской станціи, и тотъ отвѣтилъ, что никакихъ вещей не оказалось. Не оказалось же ихъ, какъ выяснилось потомъ, потому, что ѣхавшій съ нами въ вагонѣ Гильденштуббе, замѣтивъ оставленные вещи, сдалъ ихъ начальнику одной изъ промежуточныхъ станцій. Благодаря нѣмецкой аккуратности и содѣйствію военнаго агента Верди, все забытое было потомъ возвращено черезъ таможену, по принадлежности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1863 — 1865.

Предложеніе новыхъ назначеній.—Противодѣйствіе террору.—Мѣры новаго оберъ-полиціймейстера.—Генералъ говоритъ.—Возрожденіе общественной жизни.—Почему гвардейскій отрядъ остался въ Варшавѣ.—Путанница изъ за назначеній.—Поѣздка въ Петербургъ.—Паны дерутся, а у хлопцовъ чумы болятъ.—Нѣсколько словъ о графѣ Бергѣ.—Таинственное убійство.

Послѣдовавшее во время моего отсутствія назначеніе новаго намѣстника и покушеніе на его жизнь были причиною, что, по возвращеніи въ Варшаву, мы нашли всѣхъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. На дебаркадерѣ встрѣтилъ меня полковой адъютантъ Таубе, съ словами, что начальникъ дивизіи, баронъ Меллеръ-Закомельскій, проситъ меня прямо съ желѣзной дороги, какъ есть, заѣхать къ нему. За тѣмъ такая экстренность, думаю я, когда въ полку все хорошо и благополучно, но ѣду.

— У меня есть вамъ предложеніе отъ намѣстника, говоритъ мнѣ баронъ. Не желаете-ли принять Литовскій полкъ?

— А что же съ Фуругельмомъ? спрашиваю я.

— Да ничего особеннаго, но слишкомъ замудрилъ, не понималъ духа полка и своимъ педантизмомъ до того раздражилъ общество, что приходится убрать его. Полкъ, вы сами знаете, превосходный.

— Несомнѣнно, прекрасный полкъ,—говорю я; но согласитесь, что для меня нѣтъ никакихъ причинъ мѣнять мой полкъ, на другой, въ той же дивизіи. Я четвертый годъ командую имъ, всѣ меня знаютъ и я всѣхъ, всѣ привыкли къ моимъ взглядамъ и требованіямъ.

— Ручаюсь, что тамъ васъ примутъ съ радостью и полюбятъ не меньше чѣмъ въ Прусскомъ полку.

— Богъ знаетъ. Но вѣдь отъ хорошаго хорошаго не ищутъ.

— Значитъ, вы отказываетесь?

— Отказываться не смѣю,—это мое служебное правило, но просилъ бы оставить меня на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что годъ назадъ, по тѣмъ же причинамъ, я отказался отъ Волынскаго полка, и было бы неловко принимать другой.

— Но кого же выбрать, вѣдь вы старшій?

— Предложите командиру Австрійскаго полка Каталею; онъ, бывши дивизионнымъ адъютантомъ, числился въ Литовскомъ полку,—ему это дѣло подходящее.

— Если это послѣднее ваше слово, то я такъ и доложу главнокомандующему.

По возвращеніи отъ начальника дивизіи, только-что я успѣлъ войти въ кабинетъ, подаютъ конвертъ отъ начальника отряда. Вскрываю,—просить меня немедленно прибыть къ нему, по важному, лично меня касающемуся дѣлу. Выходитъ сюрпризъ за сюрпризомъ; переодѣвшись, ѣду и дорогой думаю: „вѣрно Корфъ станетъ говорить о томъ же“. Но онъ встрѣтилъ меня такъ.

— Ну, любезнѣйшій, вы никакъ не ожидаете о чемъ я буду говорить съ вами.

— Вѣроятно о томъ же, отвѣчаю я, о чемъ мнѣ только-что сообщилъ начальникъ дивизіи.

— А что такое?

— Что не желаю-ли я принять Литовскій полкъ?

— Нѣтъ,—это уже старо. У насъ теперь, что часть то новое. Графъ Бергъ предлагаетъ вамъ мѣсто начальника округа внутренней стражи, вмѣсто генерала Ильинскаго.

— Это, признаюсь вамъ, до того для меня ново и неожиданно, что въ настоящую минуту я не могу сказать вамъ ни да, ни нѣтъ.

— Вполнѣ понимаю васъ, продолжаетъ Корфъ, и скажу откровенно, я заявилъ намѣстнику, что едва-ли вы согласитесь смѣнить строевую службу на гарнизонную. Онъ просилъ меня уговорить васъ, но я уговаривать не стану. По всему

видно, что имъ нужно на это мѣсто человѣка дѣятельнаго и распорядительнаго, а у нихъ выборъ-то не великъ.

— Позвольте мнѣ обдумать, навести справки о содержаніи, о квартирѣ и вообще о положеніи окружнаго начальника, и тогда, дня черезъ два, я дамъ положительный отвѣтъ.

— Хорошо; но мой совѣтъ—требуйте прибавки къ содержанію. Въ этихъ случаяхъ необходимо торговаться. Самое лучшее привезите записку, на какихъ условіяхъ вы примете предложеніе, а то на словахъ все обѣщаютъ, а потомъ жди.

На слѣдующій день я послалъ наводить справки, а получивъ ихъ отправился посовѣтываться съ помощникомъ начальника штаба, генераломъ Черницкимъ.

Вхожу къ нему съ словами: „Я къ вамъ, Дмитрій Ивановичъ, за совѣтомъ.“

— Догадываюсь, батинька, за какимъ,—отвѣчаетъ онъ,—въ гарнизонныя крысы приглашаютъ?..

— Отгадали; дѣло-то вѣдь щекотливое.

— Да и спѣшное, перебиваетъ Черницкій; бумажку-то отъ насъ получили?

— Нѣтъ, не получалъ еще.

— А мы ужъ настрочили. Минквицъ велѣлъ написать, что намѣстникъ ожидаетъ отъ васъ отвѣта на переданное черезъ барона Корфа предложеніе.

— Отчего же такая поспѣшность? спрашиваю я.

— Не догадываетесь? Оттого, что есть уже нюхающие, нѣтъ-ли мѣстечка.

— А если есть, такъ зачѣмъ же мнѣ и предлагаютъ?

— Да вы развѣ не желаете, отказываетесь?

— Конечно, на то содержаніе, которое получалъ Ильинскій, я не пойду. Вѣдь теперь окружной начальникъ получаетъ менѣе командира гвардейскаго полка, живетъ на наемной квартирѣ, а у меня прекрасный казенный домъ,—какой же мнѣ расчетъ.

— И не берите. Вы не знаете, что такое эта гарнизона? Неприятностей не оберетесь: кляузы, доносы на каждомъ шагу, и мало-ли что тамъ творится.

Возвратясь домой, я немедленно отвѣтилъ на присланную Минквицемъ бумагу, что могу принять предлагаемое мѣсто, только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы мнѣ сохранили по-

лучаемое мною содержаніе, съ прибавкою тѣхъ представительныхъ, которыя полагаются командиру гвардейскаго полка; 2) чтобы я имѣлъ казенную квартиру, не менѣе занимаемой мною теперь, и 3) чтобы мнѣ былъ оставленъ мундиръ полка, которымъ я команду. Черезъ день начальникъ штаба лично передалъ мнѣ, что намѣстникъ не можетъ согласиться на мои условія и потому назначается генераль Соболевскій, идущій на то же мѣсто безъ всякихъ условій.

Нужно замѣтить, что въ это время, въ военномъ министерствѣ уже было приготовлено къ утвержденію положеніе о преобразованіи внутренней стражи въ мѣстныя войска, которыя получали новые, весьма широкіе штаты, ставившіе ихъ даже выше дѣйствующихъ войскъ. Начальники мѣстныхъ войскъ въ военныхъ округахъ получали права и содержаніе одинаковыя съ начальниками дивизій, имѣли отдѣльные штабы и вообще обставлялись какъ нельзя лучше. Все это было отъ меня скрыто. Ни баронъ Корфъ, ни Черницкій ни слова не сказали мнѣ, первый—вѣроятно оттого, что первый желалъ удержать меня въ строю, а второй—умолчалъ по приказанію Минквица, которому пріятнѣе было имѣть человека болѣе подходящаго, чѣмъ меня, такъ какъ онъ зналъ, что я примусь за дѣло безъ расчета понравится-ли это или нѣтъ окружному штабу.

Покушеніе на жизнь графа Берга измѣнило взгляды на продѣлки кинжалистовъ и жандармовъ-вѣшателей. Съ домомъ Замоискаго поступлено было довольно круто. На 5-й день послѣ происшествія были еще видны слѣды расправы; въ немъ не осталось ни одной рамы, а по арестованіи жившихъ, все ихъ имущество было выброшено.

Желая показать, что пора однихъ стращаній прошла и что противъ террора надо дѣйствовать тѣмъ-же оружіемъ, черезъ два дня послѣ покушенія, графъ Бергъ приказалъ, въ одинъ и тотъ же день, на 7-ми площадяхъ Варшавы, въ 10 часовъ утра, повѣсить 7 человекъ, изъ числа содержавшихся въ цитадели, уличенныхъ въ убійствѣ. Самая казнь была произведена не секретно, гдѣ-нибудь во-рву и не тайкомъ, въ 6 часовъ утра, какъ дѣлалось доселѣ. Эта мѣра сразу положила конецъ тайнымъ убійствамъ. Организаторы ихъ, постепенно попадая въ руки полиціи, сами начали выдавать другъ-друга. Тотъ са-

мый жандармъ-вѣшатель Касперскій, о которомъ говорено въ началѣ IX главы, переодѣтый полиціантомъ, былъ, вмѣстѣ съ настоящимъ жандармомъ, поставленъ на мосту черезъ Вислу, съ обязанностію указывать всѣхъ агентовъ прежней своей профессіи и извѣстныхъ вожаковъ и организаторовъ.

Экспедиціи, происходившія осенью 1863 года, были принимаемы не столько противъ шаекъ, которыхъ уже почти не было, сколько для розыска складовъ оружія, зарываемаго разбѣжавшимися бандами въ лѣсахъ. Эти поиски походили на военные прогулки, во время которыхъ офицерство, какъ всегда молодежь, находило предлоги къ различнымъ продѣлкамъ, въ родѣ слѣдующей. Во время одной изъ дневокъ, приводятъ ко мнѣ взятаго развѣздомъ человека, въ карманахъ котораго нашли множество писемъ и конвертовъ, посланныхъ изъ сосѣдней мызы въ Варшаву, частію для сдачи на почту, частію для разноса по адресамъ. Я приказалъ тремъ знающимъ польскій, французскій и нѣмецкій языки офицерамъ, подъ надзоромъ бывшаго при мнѣ офицера генеральнаго штаба, разобрать эту тайную почту. Надзирающій оказался еще болѣе шалуномъ чѣмъ его подчиненные. Нашли они два письма, писанныя гувернанткою: одно въ Швейцарію, настоятельница монастыря, въ которомъ она воспитывалась, а другое—своей пріятельницѣ, тоже гувернанткѣ, въ Варшаву. Первое переполнено было благодареніями за тѣ нравственные и религіозные принципы, которые внушала настоятельница и которыми авторша письма клянется руководствоваться всю жизнь; во второмъ описывается, во всѣхъ деталяхъ, ухаживание за нею ея патрона, его соблазнительная наружность, противъ достоинствъ которой она не могла устоять, и полное сознаніе въ своихъ къ нему отношеніяхъ. Повѣсы, разбиравшіе почту, рѣшили, что эти письма не подлежатъ конфискаціи, но что ихъ надо переложить изъ одного конверта въ другой, т. е. писанное настоятельница—отправить къ подругѣ въ Варшаву, а адресованное послѣдней — послать въ Швейцарію. Можно вообразить, что произошло отъ этого съ настоятельницей монастыря.

Не смотря на замѣтный упадокъ революціоннаго духа въ странѣ, возстаніе затихало не сразу. Какъ затушенное пожарище, оно по временамъ вспыхивало то здѣсь, то тамъ. Предзнаменованіемъ предстоявшаго умиротворенія было появленіе

при намѣстникѣ генерала Трепова, съ его проектомъ о военно-полицейскомъ управленіи краемъ. Одни говорили, что онъ былъ вызванъ графомъ Бергомъ, другіе—что онъ самъ явился просить назначенія. Последнее менѣе вѣроятно, потому что ищущій и еще не получившій мѣста, не перевозитъ съ собою семьи, а онъ пріѣхалъ съ нею. Вскорѣ по прибытіи, при возвращеніи О. О. Трепова съ старшею дочерью изъ церкви, на самой людной „Сенаторской“ улицѣ, на него сдѣлано было покушеніе. Трое негодяевъ слѣдили за нимъ, и одинъ изъ нихъ, небольшимъ топоромъ, ударилъ его сзади по головѣ. Ударъ скользнулъ и только слегка ранилъ шею возлѣ уха. Генералъ имѣлъ на столько присутствіе духа, что погнался за преступникомъ, который успѣлъ скрыться черезъ проходной дворъ, но къ вечеру былъ разысканъ и на другой-же день повѣшенъ.

Къ началу наступавшаго 1864 года начали съѣзжаться въ Варшаву сотрудники будущихъ преобразователей и администраторовъ Польши, пионеры того дѣла, которое взяли на себя Н. Милютинъ и князь Черкасскій. Тогда-же по указанію и рекомендаціи О. О. Трепова, вызванъ былъ въ Варшаву, бывший командиръ сначала кievскаго, а потомъ петербургскаго гарнизоннаго баталіона, молодой полковникъ баронъ Фредериксъ. Появленіе его въ 1-й день Рождества 1864 года въ замкѣ намѣстника и видимо близкое отношеніе къ Трепову, удивило многихъ, но не меня, знавшаго Фредерикса съ давнихъ поръ, по службѣ въ Петербургѣ. Всѣ спрашивали: кто это, зачѣмъ онъ прибылъ, куда назначается? Когда же, черезъ нѣсколько дней, последовалъ приказъ о назначеніи его варшавскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, то толкамъ и предположеніямъ не было конца. Одни находили, что на подобную должность слѣдовало назначить человѣка знающаго Польшу, знающаго обычаи и духъ города; другіе осуждали выборъ, говоря, что развѣ гарнизонный командиръ годится на подобное мѣсто; третьи ворчали только потому, что взять человѣкъ со стороны, тогда какъ при штабахъ и управленіяхъ не мало торчало охотниковъ, караулящихъ хорошее мѣстечко. Необходимо замѣтить, что Фредериксъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гарнизонныхъ командировъ, которыхъ генералъ Лауницъ заманивалъ къ себѣ изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Вступивъ въ должность оберъ-полиціймейстера, онъ на пер-

выхъ же порахъ, обнаружилъ, кромѣ служебной дѣятельности, не мало свѣтскаго такта и ловкости. Дѣлая визиты всѣмъ занимавшимъ извѣстное положеніе въ русскомъ обществѣ, въ томъ числѣ и командирамъ полковъ гвардейскаго отряда, онъ просилъ насъ помочь ему, въ трудномъ дѣлѣ преобразованія варшавской полиціи. Первою для этого мѣрою онъ считалъ возможно скорѣйшее удаленіе изъ нея всѣхъ поляковъ и замѣну ихъ людьми, выбранными изъ полковъ. Понимая, что главнымъ условіемъ выбора должна быть честность и затѣмъ развитие, мы охотно дали все, что было лучшаго, не жалѣя даже фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. За тѣмъ новый оберъ-полиціймейстеръ началъ окружать себя людьми лично ему извѣстными, преимущественно изъ бывшихъ своихъ корпусныхъ товарищей, вызывая ихъ въ Варшаву изъ всѣхъ концовъ Россіи. Въ должность полицейскихъ чиновниковъ стали охотно идти къ нему офицеры гвардіи, съ единственнымъ условіемъ оставаться въ мундирѣ своего полка и съ правомъ возвратиться въ него во всякое время. Обставя себя такимъ образомъ и имѣя постоянную поддержку въ единственномъ своемъ начальникѣ Треповѣ, скорѣ назначенномъ генералъ-полиціймейстеромъ царства, Фредериксъ началъ круто вводить въ городѣ наружный и внутренній порядокъ. Первое, конечно, было легче втораго. Не проходило недѣли, чтобы обновленная полиція не дѣлала какого-либо серьезнаго открытія: то ловили важнаго политическаго преступника, то открывали тайную типографію, то перехватывали ѣдущаго изъ-заграницы эммисара. Прекратились убійства, прекратилось появленіе прокламацій. Нарушенія постановленій генералъ-полиціймейстера, или распоряженій полиціи, преслѣдовались строго и моментально. Не заперта въ указанное время калитка, не передѣлана на русскій языкъ надпись вывѣски, вышелъ кто-либо на улицу въ траурѣ, или имѣлъ на себѣ запрещенные эмблематическіе знаки, въ родѣ польскаго орла, или сломаннаго креста,—за все это налагались чувствительные денежные штрафы, доходившіе иногда, смотря по состоянію и образу жизни виновныхъ, до значительныхъ размѣровъ. При этомъ не дѣлалось ни малѣйшихъ исключеній, ни для вельможныхъ пановъ, ни для еврейскихъ банкировъ. О всѣхъ денежныхъ взысканіяхъ еженедѣльно печатались въ приказахъ по полиціи подробныя вѣдомости, а

собранный штрафная сумма поступала на усиление полицейского надзора.

Переводъ вывѣсокъ съ польскаго на русскій языкъ порождалъ презабавные курьезы. Напримѣръ, вывѣска надъ какимъ-то гаденькимъ рестораномъ, гласившая, что въ немъ готовятъ кушанье „фляги господарски“, т. е. рубцы, была переведена такъ: „здѣсь хозяйскія внутренности“. Въ другомъ мѣстѣ, надъ конторою для справокъ о гувернанткахъ, красовалась вывѣска: „Контора строченія гувернантокъ“. Потомъ было дознано, что такіе переводы не всегда дѣлались по незнанію русскаго языка, а нарочно, чтобы дразнить полицію. Русская пословица: „не бей кнутомъ, а бей рублемъ“ вполне оправдалась. Поупрямились поляки полгода, а затѣмъ увидѣли, что лучше подчиниться тому, что приказано, чѣмъ платить за свои выходки. Не мало были благодарны новому оберъ-полицеймейстеру и русскія дамы. До его назначенія онѣ терпѣли постоянныя непріятности въ польскихъ магазинахъ, гдѣ съ заговорившей по русски покупательницы или запрашивали неслыханную цѣну, или нарочно подсовывали дурной товаръ, а при возраженіи говорили дерзости. Былъ, наприимѣръ, случай, что модистка, основываясь на томъ, что о цѣнѣ не было сдѣлано условія и что работа заказана къ сроку, за работу платя изъ данной ей матеріи, безъ всякаго приклада, потребовала 80 рублей. Нѣсколько наложенныхъ за подобные счета штрафовъ, въ двойномъ размѣрѣ того, что по рѣшенію экспертизы было приписано лишняго, положили конецъ подобнымъ продѣлкамъ.

Дѣятельность Фредерикса вскорѣ была оцѣнена и начальствомъ и обществомъ. Онъ представлялъ одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ поразительно быстрого повышенія и полученія награды. Прибывъ въ Варшаву молодымъ полковникомъ, съ Анной въ петличкѣ, онъ черезъ три мѣсяца получилъ прямо Владиміра на шею и въ томъ же году произведенъ въ генералы и взятъ въ свиту. Кромѣ заслугъ передъ обществомъ по официальной своей дѣятельности, его любили еще и за то, что онъ никогда не отказывался быть участникомъ общественныхъ удовольствій: обѣдовъ, пикниковъ и гуляній и, несмотря на массу служебныхъ занятій, часто самъ становился во главѣ подобныхъ предпріятій. По поводу даваемыхъ имъ иногда ве-

черовъ и обѣдовъ, не могу не вспомнить случая, характеризовавшаго личность одного изъ состоявшихъ при графѣ Бергѣ господъ. Кто изъ современниковъ описываемаго періода не зналъ, извѣстнаго и въ Петербургѣ и въ Варшавѣ, Петра Семеновича Лебедева, когда-то редактора „Русскаго Инвалида“, потомъ профессора администраціи въ военной академіи, перешедшаго изъ Вильны отъ Муравьева въ Варшаву, по особымъ порученіямъ къ графу Бергу. Давалъ Фредериксъ обѣды, по случаю своего производства. Приглашены были всѣ генералы, находившіеся въ Варшавѣ, въ томъ числѣ и Лебедевъ, до страсти любившій говорить спичи. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неподражаемъ и могъ говорить сколько угодно и о чемъ угодно, и говорить красно и забавно, но безъ всякаго внутренняго содержанія. Наканунѣ назначеннаго для обѣда дня, онъ, вечеромъ, влетаетъ при мнѣ въ кабинетъ Фредерикса и проситъ его не сердиться, что завтра, при тостѣ за здоровье графа Берга, онъ ни слова не скажетъ въ его пользу.

— Да я вовсе и не желаю, чтобы говорились какія либо рѣчи, отвѣтилъ Фредериксъ.

— Я потому предупреждаю васъ, продолжалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Лебедевъ, — что Бергъ сдѣлалъ со мною гадость. Зачѣмъ онъ вызвалъ меня изъ Вильны, зачѣмъ даетъ мнѣ массу работы, зачѣмъ поручаетъ самыя трудныя слѣдствія? и за все это какая же благодарность? Развѣ онъ не могъ представить меня къ наградѣ? Многіе получили, а я ничего. Послѣ этого у меня языкъ не повернется восхвалять его.

— Успокойтесь, любезнѣйшій; вѣрьте, что я буду очень радъ, если у меня никого не будутъ ни хвалить, ни бранить. Приѣзжайте въ числѣ прочихъ друзей и сослуживцевъ откупать, а больше ни о чемъ не беспокойтесь.

— Хорошо, что Бергъ боленъ; но если бы онъ былъ у васъ, то откровенно скажу, что я бы не приѣхалъ, чтобы не встрѣчаться съ нимъ.

На слѣдующій день, когда разлили шампанское, кто-то изъ сидѣвшихъ возлѣ князя Бебутова, обращается къ нему, какъ къ старшему изъ присутствовавшихъ, и напоминаетъ, что пора провозгласить тостъ за намѣстника. Бебутовъ встаетъ, провозглашая своимъ армянскимъ нарѣчіемъ: „За здоровье главнокомандующаго“ и сряду прибавляетъ: „Ну, Лебедевъ, ты, братъ

мастеръ, валяй дальше". Лебедевъ, ни мало не затрудняясь, начинаетъ такъ:

"Господа! Когда при Елизаветѣ Петровнѣ наша отступающая армія бѣдствовала и голодала въ Литвѣ, и Императрицѣ доложили объ этомъ, то она спросила: „а что Каменскій"? Узнавъ, что онъ здоровъ, она, прибавила: „все будетъ хорошо, лишь бы былъ здоровъ главнокомандующій". А такъ какъ въ настоящую минуту нашъ глубокопочитаемый главнокомандующій боленъ, то..." и пустился высчитывать достоинства и заслуги графа Берга, а кончилъ желаніемъ ему скорого выздоровленія. Мы съ Фредериксомъ переглянулись и только пожалы плечами. Былъ ли боленъ Каменскій, говорила ли что либо о немъ Императрица Елизавета,—все это никому не извѣстно, но Лебеву это рѣшительно все равно, лишь бы было къ чему придратъся для темы.

Вспомнивъ о немъ, не могу не привести другаго случая его смѣлыхъ ораторскихъ выходокъ. Въ 1853 году, передъ началомъ войны съ турками, Лебедевъ читалъ въ гвардейскомъ штабѣ лекцію объ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ числѣ слушателей былъ Государь Цесаревичъ и многіе заслуженные генералы. Описывая расположеніе войскъ передъ боемъ, Лебедевъ говоритъ: „До сихъ поръ никто не приводилъ факта, чтобы князь Кутузовъ, подобно другимъ военачальникамъ, обращался къ войскамъ передъ боемъ съ рѣчью, чего онъ не сдѣлалъ даже передъ Бородинымъ. Но мнѣ удалось найти документъ, указывающій, что передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, Кутузовъ, подъѣхавъ къ Низовскому и Симбирскому полкамъ, сказалъ имъ:“ далѣе лекторъ говоритъ довольно длинную рѣчь. По окончаніи лекціи раздается громкій аплодисментъ, многіе изъ почетныхъ слушателей спѣшатъ позать руку торжествующему оратору. Вдругъ изъ заднихъ рядовъ кто-то громко спрашиваетъ:

— Скажи пожалуйста, Петръ Семеновичъ, кто же у кого укралъ рѣчь, Кутузовъ у Омеръ-паши, или Омеръ-паша у Кутузова?

Вопросъ этотъ задалъ товарищъ Лебедева по корпусу и по мундиру генеральнаго штаба, капитанъ Талызинъ.

— Ты всегда съ неумѣстными шутками, проговорилъ лекторъ, среди общей тишины и торопясь сойти съ кафедры.

— Нѣтъ, дай кончить, говоритъ Талызинъ и продолжаетъ, обратясь уже къ остановившейся публикѣ. Во-первыхъ, ни одного изъ названныхъ полковъ подъ Аустерлицомъ не было, а во-вторыхъ—приведенная рѣчь была вчера мною слово въ слово прочитана во французской газетѣ, гдѣ сказано, что ее говорилъ Омеръ-паша турецкимъ войскамъ, стянутымъ къ Дунаю, а онъ увѣряетъ, что ее говорилъ Кутузовъ.

Послѣдняго Лебедевъ уже не слыхалъ, потому что успѣлъ проскользнуть въ ближайшую дверь.

Если вспоминать всѣ подобныя продѣлки знаменитаго говоруна, то можно бы было написать цѣлые томы. Достаточно сказать, что однажды, между Лебедевымъ и другимъ профессоромъ, такимъ же говоруномъ, какъ-то состоялось пари о томъ, кто долѣе проговоритъ на заданную тему. Первому назначено было говорить о чернильницѣ, второму о перѣ. Послѣ полутора-часоваго говоренья, Лебедевъ не дошелъ еще до чернилъ; тогда конкурентъ его, признавъ себя побѣжденнымъ, отказался отъ состязанія.

Къ числу курьезныхъ эпизодовъ жизни нашей въ Варшавѣ принадлежитъ балъ, данный отъ города намѣстнику, на 1-е января 1864 года. Онъ былъ устроенъ по инициативѣ бывшаго въ то время президента города, генерала Витковского. Цѣль этой затѣи состояла въ желаніи показать, будто жители Варшавы, по случаю умиротворенія города и всего края, которое въ сущности далеко еще не было достигнуто, раскаяваются во всемъ прошломъ и выражаютъ свою покорность правительству. Неблаговиднѣе всего было то, что этотъ балъ устраивался по подпискѣ, собираемой со всѣхъ жителей безъ разбора, такъ что всякій еврей имѣлъ право внести 3 рубля и везти своихъ цурокъ. Само собою разумѣется, что интеллигентная часть польскаго населенія, хотя и вносила плату, но уклонялась отъ личнаго участія, подъ разными предлогами, такъ что исключительный контингентъ публики, за исключеніемъ русскихъ, составляли: мастеровые, ремесленники и купцы. За недѣлю до бала въ русскомъ обществѣ много толковали—ѣхать ли на этотъ балъ или не ѣхать? Но въ виду политической подкладки дѣла, лицамъ, занимавшимъ оффиціальное положеніе, нельзя было манкировать, тѣмъ болѣе, что само начальство заявило объ этомъ. Помню, что баронъ П. И. Корфъ,

узнавъ, будто нѣкоторыя военныя дамы уклоняются отъ бала, пріѣхалъ къ намъ уговаривать всѣхъ быть на немъ.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, что происходило въ этотъ вечеръ, замѣчу, что балъ состоялся въ намѣстниковскомъ палацѣ, гдѣ жилъ Витковскій. Тамъ же, какъ и въ другихъ казенныхъ зданіяхъ, въ виду предупрежденія поджоговъ, была помѣщена рота моего полка. Въ день бала, часу въ 8 вечера, является ко мнѣ дежурный офицеръ съ докладомъ, что намѣстниковскій палацъ горитъ. Оказалось, что не смотря на охрану, злоумышленники, несомнѣнно изъ числа чиновниковъ магистрата, успѣли облить деревянную лѣстницу одного изъ флигелей керосиномъ и поджечь ее. Къ счастью огонь былъ скорѣе замѣченъ однимъ изъ унтеръ-офицеровъ роты и пожаръ потушили въ самомъ началѣ. Страшно и подумать, чтобы произошло, еслибы то же самое успѣли сдѣлать съ парадною лѣстницею главнаго зданія во время бала.

Когда я съ женою вошелъ въ ярко освѣщенные залы, то они уже были полны такой публикой, которой, конечно, никто изъ насъ не встрѣчалъ, не только на балахъ даваемыхъ въ честь представителей власти, но гдѣ бы ни было. Тутъ были личности, у которыхъ наши кухарки покупали провизію, портные—шившіе наши мундиры, каретники—чинившіе наши экипажи, евреи съ своими женами, сидѣвшими вдоль стѣнъ, въ своихъ разноцвѣтныхъ парикахъ;—однимъ словомъ всевозможный сбродъ, въ перемежку съ тѣми офицерами и семействами русскихъ, которые явились потому, что балъ давался въ честь намѣстника, да еще съ цѣлью выраженія, хотя и мнимой, но все-таки выставляемой преданности правительству. Вслѣдствіе полученнаго президентомъ свѣдѣнія, что гр. Бергъ прибудетъ только къ 12 часамъ, танцы начались ранѣе его пріѣзда. Какъ ни остерегались наши дамы отъ приглашеній кавалерами, смахивающими на лавочниковъ, все-таки, въ силу того, что надо было дѣлать видъ будто вѣрять въ ихъ примиреніе, имъ приходилось танцовать и съ ними.

Около 12 часовъ, въ аванзалѣ собрались лица назначенныя для встрѣчи намѣстника. Впереди ихъ стоялъ президентъ съ адресомъ отъ города. Интересуясь взглянуть на эту церемонію, я пробрался туда же и былъ удивленъ, что позади Витковского, кромѣ десятка пожилыхъ людей, знакомыхъ всѣмъ намъ кон-

дитеровъ, парикмахеровъ и содержателей ресторановъ, стоитъ масса видныхъ кавалеровъ, въ совершенно одинаковыхъ фракамъ и бѣлыхъ галстукахъ.

— Откуда явилось столько польской молодежи? спросилъ я стоявшаго возлѣ меня Фредерикса.

— Хороша польская!—отвѣтилъ онъ. Изъ за этихъ чукулъ я три дня хлопоталъ, чтобы одѣть ихъ фрагментами.

Оказалось, что это были передѣтые агенты и полиціанты, наряженные для увеличенія свиты Витковского и для охраны властей.

Графъ Бергъ вошелъ въ сопровожденіи двухъ флигель-адъютантовъ, какъ-бы представителей того, кому устроители бала хотѣли показать, что Варшава покойна и Польша усмирена. Выслушавъ рѣчь, сказанную Витковскимъ по французски и адресъ на томъ же языкѣ, намѣстникъ появился въ большомъ залѣ, гдѣ пробылъ полчаса, смотря на танцы, а съ хоръ на нихъ же смотрѣли солдаты въ амуниціи, готовые, по первому знаку, очистить зданіе отъ публики.

Теперь, по прошествіи 24 лѣтъ отъ описываемаго эпизода, невольно рождается вопросъ: кого хотѣли обмануть эти господа подобнымъ баломъ? Въ Польшѣ всѣ знали, что все это дѣлается въ надеждѣ убѣдить Петербургъ въ усмирении края, но трудно вообразить, чтобы и тамъ вѣрили подобной комедіи.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ столь курьезнаго бала, составленная Витковскимъ депутація, явилась благодарить намѣстника за посѣщеніе, причемъ просила графа Берга разрѣшить городу отблагодарить своего президента, за его труды по водворенію порядка и заботы о населеніи. Благодарность эта должна была выразиться въ подаркѣ президенту городской земли, находившейся на Прагѣ, на берегу Вислы, влѣво отъ новаго моста. Въ то время эта земля не давала никакого дохода, такъ какъ состояла изъ песчанной, часто заливаемой полосы, покрытой ямами, изъ которыхъ брали песокъ и глину. Но Витковскій смотрѣлъ далеко впередъ. Сначала онъ, въ видѣ одолженія городу, разрѣшилъ свозить на подаренную ему землю всякія нечистоты и мусоръ. Черезъ это въ одинъ годъ ямы были зарыты, грунтъ поднялся и удобренъ. Когда же на границѣ отмежеваннаго президенту участка, начали строить казармы мѣстныхъ войскъ и потомъ православный соборъ, то

онъ предложилъ обратить прилегающій берегъ Вислы въ городской паркъ. Это украсило-бы,—говорилось въ представленномъ проектѣ, лежащій противъ замка берегъ рѣки и дало бы жителямъ разрастающагося предмѣстья возможность, въ лѣтнее время, пользоваться тѣнистыми аллеями новаго парка. Но что-бы осуществить столь полезное предложеніе, городу надо было купить подъ паркъ землю, а какъ она уже принадлежала Витковскому, то онъ и изъявилъ благосклонное согласіе продать изъ нея 30 тысячъ локтей, по существовавшей для Праги справочной цѣнѣ, т. е. по рублю за квадратный локоть ¹⁾.

Наступившій 1865 годъ былъ для русскихъ годомъ возрожденія общественной жизни въ Варшавѣ. Русскій клубъ весною былъ переведенъ въ одинъ изъ конфискованныхъ и передѣланныхъ домовъ Замойскаго, но такъ какъ въ немъ не было залы для баловъ, концертовъ и спектаклей, то рѣшено было пристроить таковую со стороны сада, съ крытою вокругъ нее верандою. Черезъ это клубъ получилъ прекрасное и удобное для всякаго рода общественныхъ удовольствій помѣщеніе. Въ лѣтніе дни центромъ соединенія русскаго общества были: утромъ извѣстный Саксонскій садъ, а по вечерамъ—Швейцарская долина. Въ первомъ, отъ 6 до 9 утра, игралъ оркестръ Левандовскаго, а отъ 2 до 4—одинъ изъ полковыхъ хоровъ. Если я говорю о русскомъ обществѣ, то слѣдуетъ подразумѣвать преимущественно военное и немногихъ изъ варшавскихъ старожиловъ. По вечерамъ всѣ отправлялись въ Швейцарскую долину, находящуюся въ верстѣ отъ города. Путь къ ней идетъ по замѣчательной своими пирамидальными тополями Иерусалимской аллеѣ, по сторонамъ которой уже тогда начинали возводиться, среди садовъ, красивыя дачи. Въ хорошо устроенномъ воксалѣ и въ саду Швейцарской долины по вечерамъ игралъ оркестръ Бильзе, восхищавшій потомъ петербургскую публику въ Павловскѣ, гдѣ это удовольствіе стоить рубли, а мы платили всего 30 к. Вообще надо сказать, что при завидныхъ климатическихъ условіяхъ, Варшава мало по малу начала нравиться нашимъ офицерамъ, такъ что они уже переставали сожалѣть о Петербургѣ.

Между тѣмъ вопросъ о возвращеніи гвардіи былъ нѣсколько

¹⁾ Польскій локоть на 3 вершка менѣе аршина

разъ поднимаемъ официально. Почти послѣ cadaго свиданія графа Берга съ Государемъ, намѣстникъ говорилъ намъ, что Его Величество выражалъ ему подобное желаніе; между тѣмъ удержать гвардейскую дивизію при себѣ было постоянно заботою графа Берга; онъ очень ловко велъ это дѣло. Не смѣя прямо возражать Государю, онъ дѣлалъ это косвенно, затягивая дѣло до тѣхъ поръ, покуда въ Петербургѣ привыкли видѣть на парадахъ только двѣ дивизіи, а въ Варшавѣ офицеры перестали желать возвращенія. Однажды, послѣ свиданія съ Государемъ въ Вержболовѣ, графъ пригласилъ полковыхъ командировъ гвардейскаго отряда обѣдать.

— Государь вновь выразилъ желаніе,—сказалъ онъ,—взять ваши полки въ Петербургъ. По этому поводу я посылаю Его Величеству письмо, которое прошу васъ выслушать.

Письмо это начиналось всевозможными похвалами офицерамъ арміи, восхваленіемъ ихъ трудовъ, преданности долгу и Государю, а потомъ сводилось къ тому, что въ Варшавѣ, какъ въ центрѣ польскаго общества и въ городѣ близкомъ къ границѣ, необходимо имѣть такія части и такихъ офицеровъ, которые, кромѣ служебныхъ достоинствъ, не навлекли-бы порицаній за недостатокъ воспитанія, были-бы представительны, поддерживали-бы связи въ обществѣ и которые вселяли-бы, даже враждебному населенію, уваженіе къ мундиру. Однимъ словомъ, расхваливъ офицеровъ арміи въ началѣ письма, по его прочтеніи выходило, что они не вполне пригодны для Варшавы. Нѣсколькими подобными письмами, графъ Бергъ достигъ того, что дѣло возвращенія гвардейскаго отряда откладывалось съ года на годъ, а потомъ и совсѣмъ забыли о немъ.

Гвардейскіе полки были дѣйствительно необходимы намѣстнику, не только для одной представительности, но потому, что онъ извлекалъ изъ нихъ силы и для гражданскаго устройства края. Когда пришлось закрывать католическіе монастыри, какъ притоны фанатизма и противодѣйствія поляковъ законной власти, то многое, что стоявшими близко къ намѣстнику приписывалось себѣ, проектировалось и составлялось прикомандированными къ этимъ господамъ офицерами. Могу на примѣръ назвать поручиковъ моего полка Козина и Глушкова, дѣятельно работавшихъ по закрытію монастырей, за что они не получили и спасибо, тогда какъ тотъ, кто выдавалъ ихъ ра-

боты за свои, былъ осыпанъ наградами. Что-же касается крестьянской реформы, то и въ этомъ дѣлѣ, безъ содѣйствія офицеровъ гг. Милютину и Черкасскому, едва-ли бы удалось найти столько дѣльныхъ комисаровъ, сколько они получили изъ полковъ. Но и въ этомъ случаѣ всѣ заслуги были приписаны гражданскому элементу.

Изъ дѣлъ о лицахъ, участвовавшихъ въ мятежѣ было видно, что главнымъ притономъ революціи служили монастыри, а потому осенью 1864 года рѣшено было занять ихъ войсками. Эта доля выпала по преимуществу на мой полкъ, 6 ротъ котораго были размѣщены по различнымъ монастырямъ Варшавы. Пребываніе въ нихъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ не лишено интереса. Завѣдываніе всѣми расквартированными по монастырямъ частями я поручилъ майору Полю, котораго офицеры прозвали „кардиналомъ“. Впрочемъ и ихъ можно было назвать пріорами, такъ какъ въ ихъ обязанность входило: слѣдить за монахами, знать каждаго въ лицо, наблюдать за ними и за ихъ посѣтителеми. Сначала жизнь офицеровъ въ монастыряхъ была незавидна. Святые отцы думали разными шиканами выжить незваныхъ гостей: отвели имъ самыя темныя псырыя кельи, безъ мебели, не давали освѣщенія и дровъ; но такъ какъ русскій человѣкъ способенъ обжиться гдѣ и съ кѣмъ угодно, то мало-по-малу и здѣсь все обошлось какъ нельзя лучше. Не прошло и мѣсяца, какъ хозяева сошлись со своими постояльцами и посѣщали ихъ. Въ офицерскихъ кельяхъ появилась не только приличная мебель, но и фортепіано, и бутылочки „вингжины“ изъ монастырскаго погреба. Нижнимъ чинамъ, хорошо оплачивая ихъ трудъ, монахи доставляли работы въ своихъ садахъ и огородахъ.

Идя однажды по Медовой улицѣ, вижу у монастырской калитки нѣсколькихъ солдатъ моего полка.

— Какъ живетъ, ребята?

— Очень хорошо, ваше превосходительство,—по праздникамъ даже водку отпускаютъ.

— Знаю; а вы все-таки приглядывайте, дѣлайте свое дѣло какъ приказано. Чѣмъ же занимаются ваши хозяева.

— Да то въ костелѣ молятся, то въ саду съ книжками ходятъ, а по утрамъ подъ деревьями плетками хлещутся.

— И больно сѣкутъ себя?

— Никакъ нѣтъ, больше для близиру, чтобъ спина не чесалась,—отвѣчалъ одинъ, а другой прибавилъ:

— Насъ бы попросили, такъ въ другой разъ не захотѣли бы.

Въ монастырѣ капуциновъ былъ монахъ Левчакъ, который до того сблизился съ постояльцами, что солдаты звали его Левчаковъ. Однажды онъ попросилъ ихъ перенести изъ монастырской оранжереи, къ знакомому кзендзу, 40 горшковъ превосходныхъ розъ въ полномъ цвѣту. Команда съ розами вѣроятно встрѣтилась какому-нибудь корреспонденту, который обрадовался случаю напечатать въ иностранныхъ газетахъ, что русскіе солдаты расхищаютъ монастыри, и днемъ, цѣлыми командами, выносятъ изъ оградъ вещи монаховъ.

Закрытіе монастырей, подготовленное ихъ занятіемъ, послѣдовало тайно, въ одну и ту-же ночь во всей Польшѣ. Въ опредѣленный день, когда монахи разошлись спать, поставлены были часовые къ колокольнѣ, у ризницъ и по два у каждой кельи, всѣ выходы заперли, а залы и корридоры освѣтили. По прибытіи въ каждый монастырь лицъ, назначенныхъ совершить актъ закрытія, монаховъ разбудили, велѣли одѣться и собраться въ трапезу. Здѣсь имъ объявили указъ объ упраздненіи монастыря и предложили: или перейти въ одинъ изъ незакрываемыхъ монастырей въ провинціи, или выѣхать за-границу, или наконецъ перечислиться въ первобытное состояніе. Все это совершилось тихо и спокойно, безъ всякаго сопротивленія и волненій въ городѣ.

Лѣто 1865 года было уже проведено нами вполне по мирному. Полки въ полномъ составѣ выступали въ свои лагеря, устроенные по близости ихъ казармъ. Занятія представляли болѣе интереса, чѣмъ при разбросанности ротъ: производились полковыя ученія, дѣлались смотры, а въ свободное время всѣ могли пользоваться тѣми общими удовольствіями, которыя всегда бываютъ оживленнѣе при значительныхъ сборахъ войскъ. По возвращеніи изъ лагеря, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, я находился въ неопредѣленномъ служебномъ положеніи, вслѣдствіе слѣдующаго. Въ одну изъ субботъ, послѣ обычнаго въ этотъ день обѣда въ клубѣ, подають мнѣ записку отъ дежурнаго адъютанта намѣстника, такого содержанія: „Его сіятельство просить васъ немедленно къ себѣ“. Зная, что графъ Бергъ

никогда не претендовалъ на то въ какой формѣ являются къ нему въ экстренныхъ случаяхъ, я отправился, какъ былъ, въ сюртукѣ.

— Войдите сюда, говоритъ мнѣ намѣстникъ, черезъ отворенную дверь кабинета, и дайте телеграмму отъ военного министра, въ которой говорилось, что Государю угодно назначить меня командующимъ 2-ю пѣхотною дивизіею, и спрашивалось нѣтъ-ли на это препятствій?

— Что вы на это скажете? проговорилъ графъ, когда я возвращалъ ему депешу. Я отвѣчалъ, что мнѣ остается только благодарить за это, что дивизія эта старая и боевая, наконецъ, что она стоитъ въ Казани, гдѣ, какъ въ университетскомъ городѣ, есть всѣ средства для воспитанія дѣтей; а это для меня весьма важно.

— Во всякомъ случаѣ—продолжалъ намѣстникъ—предлагаю вамъ обдумать. Посовѣтуйтесь съ барономъ Корфомъ, переговорите объ этомъ съ вашею супругою и дайте мнѣ завтра утромъ окончательный отвѣтъ.

Къ Корфу я совѣтоваться не поѣхалъ, а на утро, передъ обѣденою въ замкѣ, отправился къ начальнику дивизіи барону Меллеръ-Закомельскому, заявить ему, что мнѣ вскорѣ предстоитъ сдать полкъ. Порадовавшись за меня, баронъ спросилъ, говорилъ-ли намѣстникъ, кого онъ избираетъ на мое мѣсто? Такъ какъ объ этомъ не было сказано ни слова, то мы начали вмѣстѣ обдумывать, кто-бы могъ быть избранъ въ командиры полка; и когда, въ числѣ прочихъ, я назвалъ полковника Аллера, то на немъ и остановились. По приѣздѣ въ замокъ, я засталъ тамъ, какъ бывало всегда по воскресеньямъ, въ сборѣ всѣхъ генераловъ и командировъ частей. Дверь въ кабинетъ Берга оставалась запертою; минутъ черезъ 10, графъ выглянувъ изъ нея, громко произнесъ фамилію генерала Черницкаго и мою. Мы вошли.

— Чѣмъ-же вы рѣшили? спрашиваетъ онъ меня.

— Я остаюсь при вчерашнемъ,—было моимъ отвѣтомъ.

— А я имѣю другія соображенія, замѣтилъ главнокомандующій, и, обращаясь къ Черницкому, указалъ ему на лежавшія на столѣ бланки телеграммъ.

— Садитесь и пишите военному министру. Самъ же, съ сложенными за спиною руками, началъ ходить по комнатѣ, дик-

туя: „Желая удержать командира Прусскаго полка въ командуемомъ мною округѣ, прошу назначить его начальникомъ 10 дивизіи, а генерала Глѣбова—въ Казань“.

• Хотя я тутъ-же поблагодарилъ графа за выраженное въ отношеніи меня желаніе, но сразу понялъ, что оно можетъ не понравиться въ Петербургѣ, а потому, возвратясь домой, тотчасъ-же написалъ письмо министру, въ которомъ, изложивъ какъ все происходило, просилъ его поступить со мною по его усмотрѣнію, независимо отъ заявленій дѣлаемыхъ изъ Варшавы.

Прошла недѣля, проходитъ и другая, наконецъ состоялось нѣсколько назначеній, но о мнѣ ни слова. Между тѣмъ, 30 августа, во время молебствія въ соборѣ, баронъ Корфъ по секрету передалъ мнѣ, что намѣстникъ получилъ отъ министра не совсѣмъ пріятный отвѣтъ, въ такомъ родѣ: „Если генераль Глѣбовъ не годится въ Варшавѣ, то онъ бесполезенъ и въ Казани, представьте его къ отчисленію, тогда командиръ Прусскаго полка будетъ назначенъ на его мѣсто“. Вижу я—дѣло не ладно, что еще болѣе подтвердилось, когда приѣхавшій изъ Петербурга генераль-адъютантъ Шварцъ передалъ мнѣ, что министръ выразился при немъ такъ: „Видно у васъ, въ Варшавѣ, хорошо командовать полками, что полковые командиры отказываются отъ дивизій“. Надо замѣтить, что въ полку и въ городѣ всѣ знали о сдѣланномъ о мнѣ запросѣ, но назначенія не выходило. Это ставило меня въ фальшивое положеніе и передъ подчиненными, и передъ обществомъ, такъ какъ многіе могли думать, что я кѣмъ-либо забракованъ. Чтобы разъяснить дѣло, я хотѣлъ немедленно проситься въ Петербургъ, но какъ на зло, въ началѣ сентября, меня назначили командовать на маневрахъ одною изъ сторонъ, а потому пришлось отложить поѣздку на нѣсколько дней.

Въ послѣдній день маневра произошелъ случай, доказывавшій, до какой степени графъ Бергъ, не смотря на свои 74 года, былъ еще выносливъ и крѣпокъ. По ходу маневра, мнѣ представилась возможность атаковать батарею уланскимъ полкомъ, скрыто поставленнымъ за рощею. На томъ мѣстѣ вспаханнаго поля, гдѣ должна была произойти атака, находился главнокомандующій со свитою. Опасаясь столкновенія съ этою

группою, я послалъ къ нему адъютанта доложить, что сію минуту уланы развернутся изъ-за роши и пойдутъ въ атаку.

„Очень радъ; мы полюбуемся на нихъ“, отвѣчалъ намѣстникъ.

Полкъ на рысяхъ вышелъ изъ-за прикрытія, развернулся и первый дивизіонъ понесся прямо на свиту. Пыль отъ вспаханной земли закрыла поле. Передовые люди раздалися, но замыкавшій за эскадрономъ офицеръ, на полномъ карьерѣ, ударилъ грудью своего коня графа Берга въ лѣвую ногу. И офицеръ, и его лошадь полетѣли кубаремъ, а старикъ остался какъ монументъ, до конца маневра не слѣзъ съ лошади, а потомъ имѣлъ еще силы пройти пѣшкомъ версты 4 до заставы. Ушибъ ноги былъ до того силенъ, что на ней образовались кровяные подтеки, которые пришлось разрѣзать, что заставило графа провести цѣлый мѣсяцъ въ постели. Но это нисколько не остановило его занятій: онъ продолжалъ принимать всѣхъ лежа, выслушивалъ доклады, собиралъ у себя комисіи и проч. На другой день описаннаго случая, прося разрѣшенія ѣхать въ Петербургъ, я засталъ графа въ кровати, подписывавшимъ бумаги. Не сказавъ, конечно, ни слова о полученномъ отъ министра отвѣтѣ, онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ и не понимаетъ, почему такъ замѣшкалось мое назначеніе.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ моимъ было явиться къ военному министру. Въ то время это происходило проще, чѣмъ впослѣдствіи, когда пріѣзжавшимъ изъ провинціи дѣлалось все труднѣе и труднѣе добиться пріема, и когда можно было видѣть министра только въ извѣстный день недѣли, и, частенько, за отмѣною пріемовъ, ждать мѣсяцъ. Я пріѣхалъ къ министру въ 9 часовъ утра на его квартиру и былъ немедленно принятъ.

— По какому случаю пожаловали? было первымъ его вопросомъ.

— Пріѣхалъ просить васъ разъяснить мое неопредѣленное положеніе.

— Это на счетъ вашего назначенія въ Казань? Признаюсь, до полученія вашего письма, я полагалъ, что вы сами не желаете этого назначенія.

— Я собственно потому и писалъ, чтобы вы поступили въ этомъ дѣлѣ по личному усмотрѣнію.

— За то, что вы до сихъ поръ не назначены, поблагодарите вашего главнокомандующаго. Подъ благовиднымъ предлогомъ, онъ хотѣлъ спустить того, кто ему не нуженъ, другому.

— Но, согласитесь, что я тутъ не причемъ.

— Очень можетъ быть, но и я понимаю, чего хочется графу Бергу. Я настолько былъ къ нему внимателенъ, что когда 10 дивизія шла въ Варшавскій округъ, то писалъ графу, желаетъ ли онъ, чтобы генераль Глѣбовъ привелъ ее. Тогда онъ ничего не возражалъ, а теперь думаетъ отъ него отдѣлаться. Теперь же я представилъ вмѣсто васъ Зотова, и такъ какъ онъ генераль-лейтенантъ, то вы не можете считать себя обойденнымъ. Но если Государю угодно будетъ все-таки назначить васъ, то конечно, такъ и будетъ. Въ противномъ случаѣ вамъ остается ждать.

Отпуская меня, министръ прибавилъ: „Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали; теперь я буду знать, что вы не желаете быть пришитымъ къ варшавскому округу. Передайте отъ меня все, что слышали, графу Бергу и скажите ему, что если онъ непременно желаетъ удержать васъ, то пусть откроетъ вакансію“.

„Паны дерутся, а у холоповъ чубы болятъ“, подумалось мнѣ, выходя отъ министра.

По возвращеніи въ Варшаву, я—конечно въ мягкой формѣ—передалъ намѣстнику все мнѣ сказанное.

— Не спрашивалъ ли васъ министр о строевомъ образованіи войскъ округа? произнесъ графъ, выслушавъ мой отчетъ о бытности въ Петербургѣ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, выразилъ удивленіе, что тамъ такъ мало обращаютъ вниманія на его распоряженія и заботы о войскахъ.

— Я избралъ, продолжалъ онъ,—состоящихъ при мнѣ генерала Фуругельма и полковника Ляхницкаго, лучшихъ строевыхъ офицеровъ Семеновскаго полка, наблюдать за строевою частью и посылаю ихъ провѣрять фронтовое образованіе полковъ. Они даютъ имъ указанія и инструкціи, и я совершенно покоенъ за строевое дѣло въ округѣ.

Оставалось удивляться, какъ графъ Бергъ, при своемъ умѣ, могъ думать, что всякую заднюю мысль можно такъ прозрачно прикрывать увертками, да еще вѣрилъ при этомъ, что онъ

всѣхъ морочить и что никому не понятны его цѣли. Кому же не было извѣстно, что Фуругельмъ, хотя человекъ и весьма образованный, вовсе не обладаетъ способностью обучать войска. Педантизмъ въ мелочахъ и оригинальное упрямство не составляютъ умѣнья вести строевое дѣло. Когда пришлось взять отъ Фуругельма Литовскій полкъ, графу Бергу хотѣлось показать, что это дѣлается не по необходимости, а потому, что этотъ генераль ему нуженъ. И вотъ онъ сочиняетъ новую при себѣ должность—повѣряющаго строевыя занятія, и пристраиваетъ къ нему своего зятя, человека, нервно разстроеннаго и только что возвратившагося изъ лечебницы въ Вѣнѣ. Эти два довѣренныя лица главнокомандующаго раздѣзжали по округу и производили смотры, которые только тормазили дѣло. Не мало ходило анекдотовъ о ихъ пребываніи въ полковыхъ штабахъ, а между тѣмъ графъ Бергъ повторялъ всѣмъ и каждому, что это были лучшіе фронтовики Семеновскаго полка. Мнѣ, знавшему обоихъ съ прапорщичьяго ихъ чина, однополчанину, оставалось только улыбаться и думать, кого же это онъ обманываетъ?

Вообще графъ Бергъ представлялъ собою какое-то странное соединеніе ума, энергіи, быстроты соображенія, съ фальшивостью и эгоизмомъ. Если человекъ былъ ему почему-либо нуженъ, то онъ обворожалъ его своею любезностью и вниманіемъ; но избави Богъ повѣрить этому. Разъ, что нужда проходила, разъ, что изъ этого человека было извлечено все, что считалось необходимымъ, онъ выбрасывался какъ лишній, всѣ заслуги его забывались, графъ отворачивался отъ него. Если же попадался сюжетъ, который могъ постоять за себя и съ нимъ приходилось считаться, то, подъ благовиднымъ предлогомъ, его спускали изъ округа, говоря, что это дѣлаютъ съ крайнимъ сожалѣніемъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, въ полку произошелъ прискорбный случай, который, не смотря на все свое значеніе, остался загадочнымъ. Часовъ въ 9 утра входятъ ко мнѣ старшій докторъ и дежурный по полку и докладываютъ, что подпоручикъ Мелехъ оказался въ своей постели мертвымъ. Въ первую минуту я подумалъ, что смерть послѣдовала отъ удара, но докторъ заявилъ, что на шеѣ умершаго видны багровыя полосы и у кровати найдено измятое вдоль полотенце. Это ясно указывало на задушеніе. Мелехъ жилъ въ нанятомъ

подъ офицерскія квартиры домѣ, въ одномъ корридорѣ съ нѣсколькими товарищами. Каждый изъ нихъ занималъ отдѣльный номеръ, а прислуга помѣщалась вмѣстѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, на концахъ корридора. Она обыкновенно поднималась часовъ въ 6 утра, а офицеры около 8. Деньщикомъ у Мелеха былъ старый солдатъ, человекъ угрюмый и молчаливый, но ни въ чемъ не замѣченный. Одинъ изъ офицеровъ, умываясь, услышалъ два глухіе отрывистые крика. „Вѣрно кто-нибудь изъ господъ зоветъ деньщика“, замѣтилъ стоявшій возлѣ умывальника слуга этого офицера. Въ это-же время, возвращавшійся изъ булочной вѣстовой, увидя, что въ квартирѣ Мелеха еще заперты ставни, замѣтилъ это его деньщику, спокойно чистившему въ корридорѣ сапоги, а подававшій умываться прибавилъ къ этому: „Развѣ ты не слышалъ, что баринъ звалъ тебя?—„Ничего, поспѣетъ“, отвѣтилъ тотъ, потомъ пошелъ отворять ставни, а затѣмъ вошелъ въ комнату Мелеха и тотчасъ-же, выйдя изъ нея, прошелъ въ квартиру подпоручика Россинскаго, которому сказалъ; „Пожалуйте посмотрѣть, баринъ, кажется, померъ“. При этомъ въ его голосѣ не было замѣтно ни волненія, ни испуга. Подозрѣніе, конечно, пало на деньщика. При первомъ разслѣдованіи дѣла оказалось, что Мелехъ послѣдніе дни ждалъ значительной суммы денегъ изъ имѣнія, въ кошелкѣ же его найдено всего 17 руб. Значитъ, убійства съ цѣлью грабежа предполагать было невозможно. Какая же могла быть цѣль его? Между тѣмъ изъ дѣлъ же полка мнѣ было извѣстно, что у Мелеха велся процессъ съ дальними родственниками, за землю значительной цѣнности, и что за 4 дня до происшествія получена была бумага, что сенатъ рѣшилъ дѣло въ его пользу, съ уплатою ему нѣсколькихъ тысячъ, за неправильное пользованіе его наслѣдствомъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ тянулось слѣдствіе, не выяснившее ничего опредѣленнаго. Дѣло это окончилось тѣмъ, что деньщикъ убитаго, по сильному подозрѣнію, былъ сосланъ въ арестантскія роты. Главнымъ мотивомъ къ подозрѣнію было то, что во время арестованія, когда караулившіе его полиціанты стали уговаривать его сознаться, то онъ однажды проговорилъ: „Ну, такъ и быть, мнѣ все равно“, а подумавши, произнесъ потомъ: „Нѣтъ, не скажу“,—на чемъ упорно стоялъ, отказываясь давать показанія. Вѣрнѣе

всего можно было предполагать, что убійство было совершено по подкупу наслѣдниковъ, проигравшихъ процессъ, но кѣмъ?—осталось тайною.

Происшествіе это было для меня тѣмъ прискорбнѣе, что случилось въ послѣдніе дни моего командованія полкомъ,—командованія крайне пріятнаго, счастливаго и благополучнаго. По случаю новаго назначенія, въ первой половинѣ ноября 1865 г., мнѣ предстояло сдать полкъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1865—1866.

Двойственность обязанностей. — Предварительная поѣздка въ Радомъ. — Приѣмъ гражданскихъ властей. — Сдача полка. — Прощальный балъ и рѣчи. — Проводы и переѣздъ въ Радомъ. — День начальника отдѣла. — Мѣстное общество. — Первый объѣздъ отдѣла. — Переписка съ генераль-полиціймейстеромъ. — Одинъ изъ моихъ предмѣтниковъ и его взгляды. — Переходъ войскъ къ кадровому составу. — Ликвидация полковыхъ хозяйствъ. — Новыя губерніи. — О Николаевскомъ пріютѣ солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ. — Пожалованіе маіората. — Австро-прусская война. — Объѣздъ границы. — Ойцевская пещера. — Постройка казармъ въ Кѣльцахъ. — Ихъ освидѣтельствованіе. — Командованіе сводною дивизіею. — Смотръ Государя. — Прежніе резервные баталіоны. — Переводы старо-служащихъ.

Въ первыхъ числахъ ноября состоялся приказъ о назначеніи меня командующимъ 7-ю пѣхотною дивизіею, штабъ которой находился въ 90 верстахъ отъ Варшавы, въ г. Радомѣ. Эта вакансія открылась потому, что бывшій начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Бельгардтъ, получилъ мѣсто коменданта въ Динабургѣ. Такъ какъ вмѣстѣ съ командованіемъ этою дивизіею совпадало начальствованіе Радомскимъ военнымъ отдѣломъ, то попасть прямо изъ полковыхъ командировъ на должность равную, по правамъ и кругу обязанностей, званію военнаго губернатора, было для меня нѣкоторымъ испытаніемъ въ моихъ административныхъ способностяхъ. Пришлось одновременно—дѣлать дѣло и учиться ему. Но, при Божьей помощи и при содѣйствіи тогда еще, сравнительно, молодыхъ силъ, не надорванныхъ различными испытаніями жизни, мнѣ удалось оправдать оказанное отличіе. Бывъ всего 3 года генераломъ, лестно было, помимо должности помощника, стать прямо во главѣ старой, боевой дивизіи, да еще съ придачею

начальствованія надъ двумя губерніями и войсками, въ нихъ расположенными. Мнѣ помнилось то время, когда званіе начальника дивизіи стояло настолько высоко, что мы, бывши молодыми гвардейскими офицерами, смотрѣли на него какъ на нѣчто недостижимое. Начальники армейскихъ дивизій, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, лѣтъ 40 назадъ, возбуждали общее вниманіе: всякій интересовался знать, кто онъ, гдѣ стоитъ его дивизія, гдѣ онъ началъ службу. На разводахъ, на выходахъ, въ лагерѣ—пріѣзжіе начальники дивизій были видными гостями. О пріѣздахъ корпусныхъ командировъ мы знали всегда заранее. Смотря на значеніе начальника дивизіи съ этой точки зрѣнія, какъ было не радоваться, получая это званіе?

По объявленіи приказа, я поѣхалъ въ замокъ представиться графу Бергу; при этомъ представленіи находился и баронъ Корфъ. Намѣстникъ встрѣтилъ меня словами:

— Поздравляю, очень, очень радъ, что вы останетесь у насъ; будемъ продолжать службу вмѣстѣ.

Затѣмъ, обратясь къ Корфу, прибавилъ:

— Вѣдь не сегодня-завтра генералъ-лейтенантъ?

— Да, обгоняютъ насъ, стариковъ, обгоняютъ, проговорилъ Корфъ.

Какъ увидимъ ниже, этого „не сегодня-завтра“ пришлось ожидать—таки долго.

Изъ замка я оправился къ О. О. Трепову, въ управленіи котораго, какъ генералъ-полиціймейстера царства, сосредоточивались всѣ дѣла и доклады по отдѣлу; принимая его я поступалъ если не подъ прямое, то подъ косвенное его начальство. Хотя мнѣ тогда и впервые приходилось имѣть съ нимъ служебныя отношенія, но, зная его за человѣка правдиваго и преданнаго дѣлу, да притомъ всегда готоваго дать добрый и полезный совѣтъ, я былъ увѣренъ, что мы сойдемся съ нимъ во взглядахъ на управленіе отдѣломъ. Тогда между намѣстникомъ и представителями гражданской реформы, Милютинымъ и княземъ Черкасскимъ, уже начинался замѣтный разладъ. Зная, что по новой должности начальника отдѣла, мнѣ придется быть въ постоянныхъ отношеніяхъ къ той и другой партіи, я чувствовалъ, что попадаю между двухъ огней. Служить нашимъ и вашимъ я не умѣлъ, да и не желалъ; идти противъ которой-нибудь партіи, безъ явныхъ причинъ, было

нельзя,—поэтому совѣты и поддержка такого близко-стоящаго къ намѣстнику дѣятеля, какъ Треповъ, мнѣ была необходима.

При всякомъ полученіи новой части, я всегда старался, до ея принятія, хотя поверхностно ознакомиться съ нею, т. е. получить о ней и о главныхъ ея дѣятеляхъ нѣкоторыя свѣдѣнія. А такъ какъ всѣ дѣла дивизіи сосредоточивались въ рукахъ начальника дивизіоннаго штаба, который, въ то же время, завѣдывалъ и дѣлами отдѣла, то меня крайне интересовало знать, что за личность полковникъ Добровольскій, бывший тогда начальникомъ штаба полученной мною дивизіи. Мнѣ рекомендовали его какъ человѣка весьма умнаго и ловкаго, но въ то же время очень избалованнаго отношеніями къ нему бывшаго начальника дивизіи, генерала Ушакова. Говорили, что Добровольскій такъ забралъ въ свои руки бразды правленія, что онъ *все* въ дивизіи и въ отдѣлѣ.

По всей вѣроятности и Добровольскій старался получить свѣдѣнія обо мнѣ. Вѣроятно до него дошли слухи, что я не допускаю въ части, которая мнѣ подчинена, ничьего доминирующаго надъ собою вліянія и двойственности власти. Надо полагать, что это и было причиною тому, что онъ, сряду по напечатаніи о моемъ назначеніи въ газетахъ, явился ко мнѣ въ Варшаву, чтобы лично убѣдиться, съ кѣмъ ему предстоитъ имѣть дѣло. Какъ человѣкъ смѣтливый, изъ нѣсколькихъ обмѣненныхъ нами фразъ, онъ понялъ, что пробовать меня напрасно и заявилъ, что намѣренъ хлопотать о полученіи полка, на что, какъ начальникъ штаба дивизіи, имѣетъ право. Я отвѣтилъ, что въ моихъ правилахъ никогда не удерживать при себѣ тѣхъ, кто имѣетъ причины уходить куда-либо, но прошу, до моего прибытія, оставаться въ Радомѣ, дабы я могъ при немъ провѣрить дѣла отдѣла. Такимъ образомъ, съ Добровольскимъ мы покончили наши отношенія при первомъ же свиданіи.

Только что разнеслась молва о новомъ моемъ назначеніи, какъ явились уже завистники, пустившіе слухъ, будто мнѣ трудно сдать полкъ. Начальникъ штаба, Минквицъ, на столько былъ наивенъ, что повѣрилъ ему и даже доложилъ графу Бергу. Къ счастью, при этомъ находился баронъ Корфъ, успокоившій обоихъ, ругаясь, что ничего подобнаго быть не можетъ, такъ какъ онъ отлично знаетъ состояніе полковаго

хозяйства, находящагося въ полномъ порядкѣ. Мнѣ не разъ приходилось убѣждаться, что зависть скорѣе всего является у людей, которымъ, казалось бы, нѣтъ никакого повода завидовать человѣку вовсе не стоящему поперекъ ихъ дороги.

Преемникъ мой довольно долго не прибывалъ къ полку, чѣмъ я и воспользовался, чтобы на нѣсколько дней съѣздить въ Радомъ, принять дивизію и дѣла отдѣла. Тамъ я уже не засталъ генерала Бельгарда. Сдавъ дивизію своему помощнику, генералу Ченгеры, онъ поспѣшилъ уѣхать въ Петербургъ. В. А. Бельгардъ начальствовалъ ею не долго, — всего полтора года. Поглощенный дѣлами отдѣла, онъ оставлялъ въ ней все въ томъ видѣ и направленіи, какъ было при генералѣ Ушаковѣ. Не имѣя возможности получить непосредственно отъ бывшаго начальника дивизіи рекомендаціи полковыхъ командировъ, что было для меня необходимо, я заявилъ объ этомъ сожалѣніе Добровольскому. На слѣдующій же день онъ представилъ мнѣ объемистую тетрадь, съ подробною, собственно-ручною аттестаціею не только полковыхъ командировъ, но всѣхъ штабъ-офицеровъ, уѣздныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, а также чиновъ штаба и управленія отдѣла. Долго я хранилъ этотъ документъ, какъ образчикъ того, до чего можетъ дойти самоувѣренность и пристрастіе. Узнавъ потомъ каждаго изъ аттестованныхъ, я убѣдился въ этомъ.

По приѣздѣ въ Радомъ, я впервые лично познакомился съ почтеннымъ К. О. Чингеры, увидѣлъ въ немъ ту прямую и честную натуру, которая съ перваго раза вселяетъ къ себѣ полное довѣріе. Онъ зналъ дивизію, дѣла отдѣла, всѣхъ занимавшихъ въ губерніи гражданскія должности и самый край до тонкости; зналъ отношенія служащихъ между собою, ихъ продѣлки и причины вражды и дружбы. Не вдаваясь въ мелочи, со всѣмъ этимъ онъ ознакомилъ меня въ главныхъ чертахъ (безъ всякаго намѣренія очернить кого либо), настолько, что еслибы кто и попробовалъ потомъ провести свой взглядъ, то я уже зналъ почему и съ какою цѣлью это дѣлается. Радомскій губернаторъ, узнавъ о моемъ приѣздѣ, подъ какимъ-то предлогомъ выѣхалъ изъ города, чтобы не являться мнѣ въ роли подчиненнаго и не представлять гражданскихъ чиновниковъ. Уже одно это не предвѣщало ничего хорошаго и явно указывало, что мнѣ предстоитъ не мало непріятностей съ

этимъ господиномъ въ будущемъ. На слѣдующій день, всѣ чины различныхъ губернскихъ учрежденій были мнѣ представлены, старшимъ по губернаторѣ, начальникомъ учебной дирекціи Престюкомъ. Къ чести его, надо замѣтить, что, говоря объ управленіи губерніею, онъ старался сгладить впечатлѣніе, произведенное не на одного меня, но и на всѣхъ, отсутствіемъ губернатора. Каждый изъ присутствовавшихъ, конечно, понялъ цѣль подобной выходки, хотя я наружно отнесся къ ней съ полнымъ равнодушіемъ, какъ равно и къ тому, что на слѣдующее утро губернаторъ, будучи военнымъ, приѣхалъ ко мнѣ въ визитной, а не въ парадной формѣ. Еслибы я предвидѣлъ дѣлаемое имъ впоследствии, то могъ бы дать его поступкамъ офиціальное значеніе; но мнѣ хотѣлось, всѣми зависящими отъ меня средствами, показать, что для сохраненія добрыхъ отношеній, я охотно жертвую формальностями. Поступивъ впервые на административный постъ, и еще не наученный опытомъ узнавать людей, я считалъ необходимымъ не обнаруживать передъ польскимъ чиновничествомъ, что между русскими правительственными лицами могутъ быть враждебныя отношенія и счеты изъ-за подчиненности. Не зная я и того, что возбуждать и поддерживать вражду входило въ программу лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ гражданского управленія, какъ протестъ противъ военной диктатуры. Очень можетъ быть, что вмѣшательство военныхъ властей въ гражданское дѣло представляло неудобства; но надо вспомнить то, чѣмъ оно было вызвано, какъ мѣра чрезвычайная. Положеніе объ управленіи военными отдѣлами подчиняло ихъ начальникамъ только личный составъ гражданской администраціи, въ отношеніи принятія на службу, отстраненія отъ должности, переводовъ и наградъ. Все это, черезъ губернатора же, входило на разрѣшеніе начальника отдѣла; въ рѣшеніе же дѣлъ гражданского свойства, если въ нихъ не было политическаго оттѣнка, мы не входили.

Дѣлопроизводителемъ отдѣла былъ подполковникъ Гулевичъ, человѣкъ очень умный и въ полномъ смыслѣ дѣловой. Не смотря на то, что переписка въ управленіи была громадная, онъ велъ ее весьма аккуратно. Обиліе переписки зависѣло отъ того, что выдача билетовъ на отлучку, хотя бы въ сосѣдній уѣздъ, наложеніе и взысканіе штрафовъ, переписка по

нарушенію военнаго положенія, разборъ жалобъ на духовенство и помѣщиковъ, на притѣсненія гражданскихъ властей, нарядъ слѣдствій, преданіе суду, дѣла по участию въ возстаніи, отчетность штрафныхъ суммъ,—все это велось въ управленіи отдѣла.

По возвращеніи въ Варшаву я засталъ моего преемника, полковника Аллера, уже прибывшимъ къ полку, и потому немедленно приступилъ къ его сдачѣ. Вопреки пущенному слуху, она нетолько произошла безъ затрудненій, но была окончена въ сутки. Получивъ объ этомъ донесеніе, баронъ Корфъ, въ приказѣ по отряду, выразилъ мнѣ особую благодарность, какъ за скорую сдачу полка, доказавшую, что онъ находится въ примѣрномъ порядкѣ, такъ и вообще за 5-лѣтнее имъ командованіе. Тяжело было мнѣ расставаться съ офицерами полка, послѣ нашихъ взаимныхъ отношеній. Ихъ общество представляло тогда сплоченную, дружную, единомышленную семью, близко принимавшую всѣ интересы полка, его успѣхи и отличія, горе и радости своего командира. Впослѣдствіи мнѣ приходилось сдавать три дивизіи, гдѣ, съ гордостью могу сказать, многіе любили меня и гдѣ я оставлялъ не мало людей, до сихъ поръ мнѣ преданныхъ; но можно ли сравнить ощущенія при разлукѣ съ дивизіею съ тѣми, которыя испытываешь прощаясь съ полкомъ? Въ послѣднемъ случаѣ теряешь какъ бы нѣчто родное, точно что-то отрывается отъ сердца, долго-долго потомъ тоскующаго. Замѣчательно, что въ теченіи 5 лѣтъ, при довольно частыхъ перемѣнахъ въ составѣ полковаго общества, я ни разу не замѣтилъ въ комъ-либо, не только ни малѣйшаго противодѣйствія моимъ распоряженіямъ, или заглазнаго осужденія моихъ дѣйствій, но даже тѣни чего-либо подобнаго. Въ средѣ состоявшей изъ 60—70 человѣкъ, всегда могутъ найтись люди противоположныхъ съ командиромъ мнѣній и взглядовъ, а между тѣмъ въ Прусскомъ полку этого никогда не было. Стоило мнѣ сказать *да*—и всѣ единогласно говорили тоже; стоило сказать *нѣтъ*—и я былъ увѣренъ, что этого не будетъ. Могутъ сказать, что это естественно; разъ что *да* и *нѣтъ*, исходятъ отъ командира части, они равносильны приказанію. Отвѣчу, что въ служебномъ смыслѣ такъ и должно быть; но я говорю о частныхъ отношеніяхъ къ офицерскому обществу.

Да простятъ мнѣ читатели, если, изъ чувства благодарно-

сти къ прошлому, назову тѣхъ изъ офицеровъ полка, которыми я преимущественно былъ обязанъ и дружбой, и службой. Имѣя во главѣ баталіоновъ такихъ личностей, какими были: баронъ Корфъ, Крыловъ и Росси, мнѣ легко было вести служебное дѣло, потому что каждый изъ подчиненныхъ уважалъ ихъ и дорожилъ ими. Ни одного изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но память о нихъ навсегда сохранится въ сердцахъ бывшихъ товарищей. Штабные полка, т. е. адъютантъ Таубе, казначей Будкинъ и квартирмейстеръ Ширмо-Щербинскій, представляли собою рѣдкое соединеніе людей, для которыхъ полкъ былъ—все. Дружные, почти неразлучные между собою, они составляли центръ, вокругъ котораго группировалась молодежь, послушная тому камертону, который держали штабъ-офицеры. Между ротными командирами назову: Фреймана, Никитина, Галлера, Дауделя, Нащокина, Охтерлоне, Смѣльского, Росси 2,—все это были личности, при которыхъ можно было оставаться вполнѣ покойнымъ за ихъ части. Изъ бывшихъ при мнѣ юными, только-что вышедшими въ полкъ офицерами, какъ напримѣръ: Ивановъ, Миліусъ, Мячковъ, Гофманъ, Веге, Зашукъ, Тимофеевъ, Мацкевичъ, Шищенко, Тимошенко,—вышли потомъ прекрасные дѣятели на различныхъ поприщахъ службы. Нѣкоторые изъ нихъ сошли въ могилу; но гдѣ остальные? Въ то время, когда бывший командиръ вашъ пишетъ эти строки, мысленно переносясь въ счастливѣйшіе годы своей жизни, вы, разсѣянные по простанству земли Русской, вѣрно вспоминаете о полкѣ съ тѣми же чувствами любви и привязанности къ нему, которыя руководили нами, когда мы вмѣстѣ служили въ немъ.

Хотя дальнѣйшій разсказъ мой о проводкахъ, которые были сдѣланы мнѣ и моему семейству обществомъ офицеровъ, можетъ показаться самохваленіемъ, но не могу умолчать о нихъ въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ о фактѣ, доказывающемъ, что сердечность отношеній между командиромъ и подчиненными, не только не умаляетъ служебныхъ достоинствъ части, но напротивъ, помогаетъ имъ. Офицеры, желая выразить мнѣ и женѣ моей свое сочувствіе, дали намъ блестящій прощальный балъ. Въ числѣ приглашенныхъ, кромѣ лицъ знакомыхъ со мною домами, были всѣ военные и гражданскіе начальники различныхъ учрежденій: князь Черкасскій, Соловьевъ, Самаринъ, Брауншвейгъ, директоръ театровъ Гауке и т. д. Изъ город-

скаго общества были всѣ, кто имѣлъ какое-либо отношеніе къ полку, или былъ близокъ къ моему семейству. За ужиномъ много было предложено прощальныхъ тостовъ, высказано пожеланій и произнесено рѣчей, въ которыхъ очерчивались мои отношенія къ полку и къ обществу. За исключеніемъ сказаннаго старшимъ по мнѣ полковникомъ, официального въ рѣчахъ офицеровъ было немного. Даже и онъ закончилъ свою такъ: „Едва ли найдется другой, кто бы такъ вѣрно осуществлялъ пословицу: „служба—службой, а дружба—дружбой“. Благодаримъ васъ за ту и другую“.

Изъ всѣхъ прочихъ рѣчей, выпускаю все, что имѣло служебный характеръ, но не могу не привести того, что указывало на отношенія командира къ обществу и общества къ командиру. Капитанъ В. В. Будкинъ между прочимъ говорилъ ¹⁾:

.... „Въ теченіи 5 лѣтъ мы были окружены вашею любовью, пользовались вашимъ довѣріемъ. Гостепріимство и радушіе ваше, ваше участіе къ горю и радости каждаго,—все это оценено нами. Разстаемся съ вами какъ съ опытнымъ и справедливымъ руководителемъ, благимъ совѣтчикомъ, скажу болѣе—какъ съ отцомъ семьи, нынѣ сиротѣющей. Да послужить намъ послѣдній приказъ вашъ заповѣдью; пусть онъ поможетъ намъ слить прошедшее съ будущимъ и тѣмъ нравственно не разлучаться съ вами. Благодаримъ васъ отъ имени всѣхъ и за все...“

Капитанъ Щербинскій сказалъ: „Многіе изъ товарищей, выставляя сдѣланное вами для полка, говорили о васъ, какъ о командирѣ. Позвольте мнѣ сказать о человѣкѣ: кому, какъ не намъ, судить объ этомъ? кому, какъ не намъ, знать, какъ вы чистосердечно любили насъ и полкъ нашъ? Хотя вы строго и высоко держали принципы службы и достоинства мундира,—многіе изъ насъ не боялись повѣрять вамъ даже семейныя свои тайны. Мы знаемъ, что вы говорили про наше общество тѣмъ, чье мнѣніе для насъ дорого; знаемъ, какъ горячо вы отстаивали тѣхъ, кто нуждался въ этомъ... Ваше семейство было нашимъ. Среди него мы были свои, чувствовали себя дома, какъ бы въ кругу родныхъ; въ его средѣ мы учились жизни и тому взгляду, который дѣлаетъ человека преданнымъ

¹⁾ Во время минувшей войны онъ былъ командиромъ полка и умеръ въ Болгаріи.

долгу и чести... Не ограничиваясь добрыми дѣлами для полка, послѣдніе дни вашего имѣ командованія, вы дали приютъ и кровъ несчастнымъ сиротамъ русскихъ солдатъ,—сиротамъ, забывшимъ даже свой языкъ и вѣру. Дай Богъ, чтобы вездѣ умѣли цѣнить васъ и любить такъ, какъ мы цѣнимъ и любимъ, за все для насъ сдѣланное“...

На слова Намѣстника и лицъ постороннихъ полку, я отвѣчалъ съ тою сдержанностью, которая и въ самыя патетическія минуты не должна давать волю сердечнымъ порывамъ. Но, сдерживать ихъ, отвѣчая офицерамъ, я не могъ. Привожу сказанное мною имъ всѣмъ вмѣстѣ:

„Изъ всего, что вы сказали мнѣ отъ своего имени и отъ имени вашихъ товарищей, я принимаю на себя только то, что относилось къ истинной и горячей любви моей къ вамъ и къ нашему полку. Все остальное дѣлалъ не я, а вы сами. Развѣ, узнавъ васъ, я могъ не цѣнить васъ, не отстаивать вашихъ интересовъ? Развѣ тѣ, уважавшіе мои ходатайства, дѣлали это для меня? Наконецъ, если Богъ помогалъ мнѣ быть полезнымъ и въ частной жизни, то зачѣмъ вспоминать объ этомъ? Благодарю васъ за то, что умѣряете горечь разлуки сказаннымъ вами отъ души и сердца. Вѣрьте, что у моего сердца только двѣ главныя, святыя привязанности: одна—это собственная семья моя, а другая—ваша, полковая семья. Поручаю вашей памяти ту, которую увожу съ собою. Пройдутъ годы, не станетъ меня, но останутся мои дѣти, выученныя мною любить и уважать васъ. Быть можетъ вы встрѣтите ихъ на пути жизни. Вспомните тогда ихъ отца, вспомните его любовь къ вамъ... Завѣщаю вамъ слѣдующее: стремитесь всегда къ тому единодушію, къ той любви и преданности полку, которыя составляли цѣль всѣхъ моихъ дѣйствій, и которыя были душою нашихъ отношеній. Берегите новаго вашего командира и не забывайте стараго...“

Въ числѣ отвѣтовъ, которые мнѣ приходилось дать на рѣчи гражданскихъ представителей, надо было отвѣчать и Я. А. Соловьеву, отъ котораго зависѣло принятіе офицеровъ на богато-оплачиваемыя должности комисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Вотъ, что сказалъ это по этому поводу.

„Не далѣе недѣли назадъ, я обратился къ присутствующему здѣсь лицу, съ просьбою за одного изъ вашихъ товари-

щей. Просьба моя была уважена, но при этомъ мнѣ было сказано: „Не могу надивиться неисчерпаемости Прусскаго полка. Кого ни возьмешь—одинъ другого лучше. Гдѣ вы берете офицеровъ такого образованія и направленія?“ Лестнѣе оцѣнки сдѣлать было нельзя. Дорожите ею, а говорилъ это Яковъ Александровичъ Соловьевъ“¹⁾.

За два дня до описанныхъ проводовъ, мы были приглашены на прощальный обѣдъ, данный намъ городскимъ обществомъ. Въ громадной залѣ дома Паца, имѣя во главѣ графа Берга, соединились для этого всѣ наши знакомые, но были и личности, принявшіе въ этомъ обѣдѣ участіе только потому, что на немъ былъ намѣстникъ, внутренне же завидовавшій мнѣ до озлобленія.

6 января 1866 года было послѣднимъ днемъ пребыванія моего въ полковой семьѣ. На слѣдующее утро, послѣ напутственнаго молебствія, усадивъ жену и пятерыхъ дѣтей въ дорожные экипажи, я выѣхалъ въ Радомъ. За заставою мы замѣтили, что по окраинамъ шоссе скачутъ двое верховыхъ, къ которымъ присоединилось потомъ еще нѣсколько. Это были офицеры полка, вздумавшіе проводить насъ до первой станціи, гдѣ мы уже окончательно простились съ ними. Но такъ какъ Радомъ находится всего въ 90 верстахъ отъ Варшавы, куда мнѣ частенько приходилось ѣздить по службѣ, то, во все время командованія 7-ю дивизіею, связь моя съ Прусскимъ полкомъ поддерживалась личными свиданіями. Стоило одному изъ офицеровъ узнать о моемъ приѣздѣ моемъ или жены моей, какъ объ этомъ узнавалъ весь полкъ, и покуда мы оставались въ Варшавѣ,—все свободное время проходило въ кругу полковаго общества.

На границѣ Радомской губерніи, въ мѣстечкѣ Бѣлобжегахъ, куда пришлось подѣзжать уже въ сумерки, я былъ встрѣченъ, какъ начальникъ отдѣла, мѣстными властями и чиновниками. Военный и гражданскій уѣздные начальники, жандармскій офицеръ, начальники участковъ, черезъ которые предстояло

¹⁾ Я могъ привести подлинныя слова рѣчей потому, что, по ихъ для меня значенію, онѣ были мнѣ слишкомъ дороги, и я тогда же просилъ дать мнѣ копіи, которыя храню у себя, какъ отрадные воспоминанія.

ѣхать, управляющій почтовою частью, мѣстный бургомистръ и войты гминъ,—всѣ въ парадной формѣ ожидали у станціи. Все было для меня ново, и сознаюсь, нѣсколько стѣсняло меня. Что могъ я сказать людямъ, которыхъ вижу впервые, кромѣ того, что надѣюсь на ихъ содѣйствіе.

Первый мѣсяцъ моей жизни въ Радомѣ былъ весь поглощенъ знакомствомъ съ дѣлами отдѣла и съ лицами служебнаго персонала какъ управленія, такъ и штаба дивизіи. При множествѣ работы по политическимъ и административнымъ процессамъ въ отдѣлѣ, дѣла дивизіи невольно отходили на второй планъ, такъ что занятіе ими казались отдыхомъ. Изъ слѣдующаго перечня того, что приходилось дѣлать въ теченіи дня, видно, много ли у начальника отдѣла оставалось свободнаго времени. Въ 9 часовъ утра моя пріемная, даже лѣстница, ежедневно наполнялась множествомъ всякаго рода посѣтителей. Тутъ были и ксендзы, съ просьбами о позволеніи выѣхать въ сосѣдній уѣздъ, и помѣщики—желающіе видѣться съ арестованными родственниками, и чиновники—просящіе перевода или зачисленія на службу, и крестьяне—нуждавшіеся въ заступѣ отъ притѣсненія пановъ, но больше всего было евреевъ и евреекъ съ жалобами, доносами, разными дразгами и сплетнями. По записной книгѣ о просителяхъ, въ которую ежедневно заносились ихъ имена и просьбы, оказывалось, что среднимъ числомъ приходилось принимать и выслушивать, при каждомъ утреннемъ приѣмѣ, до 50 лицъ и затѣмъ еще чловѣкъ 10, приходившихъ между 2 и 3 часами. Этотъ вторичный приѣмъ былъ назначенъ мною съ тою цѣлью, чтобы тотъ, кто приѣзжалъ изъ ближайшихъ окрестностей, не былъ вынужденъ ждать слѣдующаго утра, но могъ бы въ тотъ же день возвратиться домой. Утренний приѣмъ обыкновенно кончался около 11 часовъ, когда приходили съ рапортами комендантъ и полиціймейстеръ. Время отъ 12 до 2 часовъ проходило въ объѣздѣ тюремъ, въ посѣщеніи гимназіи, городской больницы или военнаго лазарета, въ осмотрѣ казармъ той или другой части. Въ 3 часа приходилъ начальникъ штаба, по дѣламъ дивизіи и отдѣла; послѣднихъ поступало такъ много, что пересмотръ ихъ и наложеніе резолюцій длилось часовъ до 5, а въ 7 часовъ начинались доклады предсѣдателей слѣдственныхъ и военно-судныхъ комисій, съ ихъ аудито-

рами. Это была самая продолжительная и тяжелая работа. От нея зависѣла участь, а иногда и жизнь арестованныхъ за тяжкія политическія преступленія. Чтобы не сдѣлать ошибки или недосмотра, нерѣдко приходилось прочитывать все дѣло, вникать въ свидѣтельскія показанія, въ справки объ общественномъ и семейномъ положеніи и о прошлой жизни подсудимаго. Въ началѣ смуты начальники отдѣловъ сами конфирмовали смертные приговоры, но въ мое время это право возвратилось къ намѣстнику. Разборъ докладовъ и дѣлъ этого сорта длился часовъ до 11 вечера, такъ что для необходимыхъ, собственноручныхъ отвѣтовъ нѣкоторымъ лицамъ и для частной переписки приходилось оставаться за письменнымъ столомъ далеко за полночь. По этому можно судить въ какой мѣрѣ справедливы тѣ гражданскіе дѣятели, которые, печатая свои мемуары и статьи въ журналахъ, старались доказать, что начальники военныхъ отдѣловъ ничего не дѣлали.

Кромѣ служебныхъ занятій, необходимо было соблюсти и свѣтскія условія, т. е. познакомиться съ тѣми изъ мѣстнаго общества, съ которыми приходилось быть въ сношеніяхъ. Это были исключительно русскія семейства служащихъ, между которыми первое мѣсто принадлежало губернатору. Несмотря на указанную мною съ его стороны выходку, о небытности при представленіи мнѣ чиновниковъ, наши съ нимъ отношенія, въ теченіи полугода, были хороши, чему много содѣйствовали симпатичность и личныя достоинства его семьи. Что-же касается до характера ея главы, то лучше умолчу объ этомъ, такъ какъ факты будутъ говорить сами за себя.

Большимъ ресурсомъ для частной жизни нашей въ Радомѣ служили семейства артиллерійскихъ полковниковъ Шпилиотова и Козелло и начальника жандармскаго управленія Вунша. Послѣдній былъ весьма интересною личностью. При началѣ севастопольской обороны, какъ исправлявшій должность начальника штаба при князѣ Меншиковѣ, онъ много рассказывалъ интереснаго о распоряженіяхъ, предшествовавшихъ высадкѣ союзниковъ, о подробностяхъ Альминскаго сраженія и о знаменитомъ фланговомъ движеніи нашей арміи, заставившемъ непріятеля перейти на южную сторону города. Хотя зависть и клевета и коснулась Вунша, указывая будто онъ употреблялъ во-зло довѣріе Меншикова и обезпечилъ себя,—но я, не знаю

въ какой мѣрѣ справедливо первое, могу вполне опровергнуть второе. Какъ въ Радомѣ, такъ потомъ и въ Варшавѣ, гдѣ онъ и умеръ, Вуншъ жилъ весьма скромно, даже нуждался и ничего, кромѣ пенсіи, не оставилъ женѣ своей. Оригинальною личностью былъ командиръ 7 артиллерійской бригады, генералъ Ладанъ. То затворникъ, то общительный, интересный и милый собесѣдникъ, онъ былъ иногда нервенъ до рѣзкости. Однажды пріѣзжалъ въ Радомъ, для осмотра войсковыхъ помѣщеній, состоящій при министрѣ генералъ Аничковъ. Артиллеристы занимали въ то время старыя каменные казармы, передѣланныя изъ бывшихъ магазиновъ и конюшенъ, тѣсныя и сырыя. Не успѣлъ Аничковъ войти, какъ ничего еще не видя, началъ хвалить помѣщенія и этимъ лишилъ Ладана возможности заявить о ихъ негодности. Отъѣзжая, посѣтителъ сталъ извиняться, что обезпокоилъ бригаднаго командира. Тогда Ладанъ не выдержалъ.

— Напротивъ, сказалъ онъ Аничкову—намъ остается благодарить, что хотя кого-нибудь присылаютъ къ намъ, а тѣмъ болѣе человека, который съ одного взгляда рѣшаетъ, что мы помѣщены отлично. Все-таки вашъ пріѣздъ доказываетъ, что мы еще не совсѣмъ забыты.

Изъ числа полковыхъ командировъ дивизіи, прежде другихъ мнѣ пришлось ознакомиться съ командиромъ стоявшаго въ Радомѣ Могилевскаго полка, полковникомъ Аленичемъ. Какъ полковой командиръ, онъ представлялъ собою два крайне противоположные типа. Знатокъ строеваго дѣла, обладающій большимъ умѣньемъ обучать полкъ, молодецъ передъ строемъ, лихой въ бою,—онъ никакъ не могъ справляться съ внутреннимъ управленіемъ полка. Завѣдующій хозяйствомъ, казначей и квартирмейстеръ распоряжались у него какъ хотѣли, и внѣ строя онъ точно боялся сдѣлать замѣчаніе даже прапорщику. Всю свою продолжительную службу онъ провелъ въ 7-й дивизіи. Въ Венгерскую кампанію — командиръ роты въ Полоцкомъ полку, въ 1854 году, на Дунаѣ, — баталіонный командиръ въ Витебскомъ полку, командующимъ котораго былъ уже въ Севастополѣ, а затѣмъ и принялъ этотъ полкъ. За его беззаветную храбрость, его называли въ арміи „Львомъ 7-й дивизіи“, и съ этимъ-то львомъ передъ строемъ и ягненкомъ дома—произошелъ слѣдующій казусъ: Во время возстанія, вслѣдъ за

описанною мною экспедицію Корфа¹⁾, Великій князь, бывъ недоволенъ командиромъ Полоцкаго полка, полковникомъ Островскимъ, приказалъ начальнику штаба написать министру о замѣнѣ его другимъ. Генералъ Минквицъ перепуталъ, пере-забылъ и полки, и фамиліи. Первою пришла ему на мысль фамилія, кончающаяся на *ичъ*, а не на *скій*, онъ и велѣлъ составить представленіе объ отчисленіи отъ командованія полкомъ полковника Аленича. Мирно живетъ Аленичъ въ мѣстечкѣ Пилицѣ, усердно занимаясь своимъ дѣломъ, вдругъ читаетъ въ „Инвалидѣ“, что онъ зачисляется по армейской пѣхотѣ, а на его мѣсто назначается полковникъ Эрнротъ. Почему, за что, за какую провинность?—неизвѣстно.

Спѣшить Аленичъ въ Радомъ, узнать причину невзгоды отъ своего начальника дивизіи; но оказывается, что и тотъ ничего не знаетъ.

— Я самъ—говоритъ ему генералъ Ушаковъ—развелъ руками, прочтя о вашемъ отчисленіи; поѣзжайте въ Варшаву, авось тамъ все узнаете.

Вдѣтъ Аленичъ въ Варшаву, въ штабъ округа, является Минквицу.

— Да развѣ не вы командовали Полоцкимъ полкомъ?—спрашиваетъ послѣдній.

— Нѣтъ, я командовалъ Витебскимъ,—отвѣчалъ Аленичъ.

— Странно, Вѣроятно тутъ вышло недоразумѣніе,—продолжалъ виновникъ путаницы,—но вы не тревожьтесь, мы постараемся разяснить это. Возвращайтесь въ Радомъ,—мы васъ пристроимъ.

Почти годъ ожидалъ Аленичъ этого „мы васъ пристроимъ“, покуда командира Могилевскаго полка не произвели въ генералы и его не назначили на открывшуюся вакансію.

Начальникъ штаба Добровольскій былъ замѣненъ назначеннымъ на его мѣсто полковникомъ Шулешкинымъ, человекомъ весьма хорошимъ, но до крайности болѣзненнымъ. Страдая органическимъ порокомъ сердца, онъ часто былъ въ такомъ нервномъ состояніи, что не могъ заниматься дѣлами; но, къ счастью, въ старшемъ адъютантѣ Шарнгорстѣ, я имѣлъ прекраснаго замѣстителя. Съ нимъ, въ первой половинѣ февраля, я предпринялъ объѣздъ западной половины отдѣла, съ цѣлью

¹⁾ См. Глава 7-я этой книги.

ознакомиться съ дѣлами уѣздныхъ и участковыхъ начальниковъ и произвести ревизію магистратовъ. За одно съ этимъ я интересовался видѣть командира Полоцкаго полка Нильсона—въ Конскѣ, Витебскаго—Эрнрота въ Пилицѣ и Шульмана—въ Кѣльцахъ. Такъ какъ полки въ то время были расквартированы по-баталіонно и частію по-ротно, то, не желая зимою стягивать ихъ въ полковые штабы, я приказалъ собрать въ нихъ только унтеръ-офицеровъ, по виду и развитію которыхъ можно было судить и о рядовыхъ.

Для ревизіи дѣлъ въ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ и въ мѣстечкахъ, которыхъ по пути было множество, приходилось останавливаться черезъ каждыя 10 или 12 верстъ, вслѣдствіе чего объѣздъ длился двѣ недѣли, тогда какъ маршрутъ мой, въ сложности, составлялъ не болѣе 500 верстъ. Не смотря на то, что край въ это время былъ уже вполне умиротворенъ и что вся администрація была въ военныхъ рукахъ, мнѣ все еще приходилось встрѣчать чиновниковъ, въ дѣлахъ и поступкахъ которыхъ обнаруживались, съ предвзятою цѣлью, нарушенія предписанныхъ правилъ. Но болѣе всего надоѣдали встрѣчи, устраиваемыя евреями. Встрѣчи же мѣстными властями были мною заранѣе отмѣнены, но удержать жидовъ отъ шумныхъ овацій, которыми они думали доказывать свою преданность законной власти, не было возможности. По пріѣздѣ въ мѣстечко, даже въ ночное время, все жидовское населеніе собиралось на край селенія, гдѣ—съ доморощеннымъ оркестромъ, а гдѣ и съ балдахиномъ, думая, что я пойду подъ нимъ мимо ихъ лачугъ; но я нигдѣ не выходилъ изъ экипажа, что, впрочемъ, не мѣшало толпѣ бѣжать возлѣ коляски съ криками „ура! нехъ жіе Цесаржъ Александръ другій“. Ксендзы постоянно находились между представлявшимися, имѣя видъ какихъ-то униженныхъ и оскорбленныхъ. На лицѣ каждаго изъ нихъ какъ-бы было написано: „Я исполняю то, чего не исполнить нельзя, но больше отъ меня ничего не ожидайте“. Въ Кѣльцахъ, при общемъ пріемѣ, находился и мѣстный епископъ, со всѣмъ своимъ штатомъ. Онъ видимо умышенно сталъ ниже всѣхъ гминныхъ войтовъ изъ крестьянъ.

„Смотрите-дескать—какъ мы покорно переносимъ наше униженіе“.

Понявъ это, прежде чѣмъ начать пріемъ, я обратился къ епископу съ словами:

— Потрудитесь, ваше преосвященство, стать на подобающее вашему сану мѣсто, во главѣ представляющихся, и не забывать, что русское правительство обращаетъ прежде всего свое вниманіе на служителей алтаря, если только они не допускаютъ въ своемъ духовномъ стадѣ политическихъ соблазновъ и своимъ поведеніемъ не даютъ примѣра двуличію.

Затѣмъ я попросилъ епископа обождать въ кабинетѣ, пока кончу пріемъ, чтобы побесѣдовать съ нимъ наединѣ, что продолжалось добрыхъ полчаса.

Сначала хитрый старецъ думалъ отдѣлаться непониманіемъ русскаго языка и отвѣтами въ родѣ *да* и *нѣтъ*; но когда я попросилъ его подробно разсказать мнѣ о томъ, на какомъ основаніи и какъ онъ, передъ возстаніемъ, освящалъ знамена, шитыя польскими помѣщицами и кѣлецкими дамами, для повстанскихъ бандъ,—то заговорилъ. Остановивъ его оправдательныя рѣчи, я такъ пробралъ его, сопоставляя прошлое его поведеніе, съ тѣмъ, что потребуется отъ него въ будущемъ, что онъ не разъ обтиралъ лобъ отъ выступавшаго пота.

При представленіи гражданскихъ властей больше всего приходилось говорить съ гминными войтами и выборными изъ крестьянъ, потому что съ другими говорить не стоило. Разсуждать съ польскимъ чиновникомъ или шляхтою было-бы напрасною тратою времени. Преданными ихъ ничѣмъ не сдѣлаешь, а потому съ этимъ сортомъ людей я говорилъ тономъ начальника, отдающаго приказаніе, „чтобъ было, а не будетъ такъ вонъ!“ Крестьянамъ же надо было выставить себя ихъ защитникомъ отъ произвола пановъ и ухищреній ксендза, поддерживать въ нихъ довѣріе къ власти и благодарность къ правительству. Тутъ всякое слово могло имѣть значеніе и принести пользу, потому что падало на добрую почву. Для польскаго крестьянина слово „Царь“ имѣетъ ту же обаятельную силу, что и для русскаго,—надо только, чтобы онъ не видѣлъ въ представителѣ власти колебаній и влеченій то въ одну, то въ другую сторону.

Перебирая переписку прежнихъ давноминувшихъ лѣтъ, я нашелъ нѣсколько бумагъ, касающихся управленія Радомскимъ отдѣломъ. Описываемые въ нихъ факты характеризуютъ

ту переменѣ во взглядахъ на дѣла въ Польшѣ и въ направленіи, которое произошло въ графѣ Бергѣ, черезъ два года послѣ возстанія. Изъ нихъ же видно, какъ нѣкоторые изъ русскихъ дѣятелей, поставленные во главѣ управленій для поддержанія русскихъ интересовъ, первые заискивали популярности. Въ доказательство этого приведу нѣсколько выписокъ изъ моихъ бумагъ къ бывшему генералъ-полицеймейстеру О. О. Трепову, которыя лучше всего обрисовываютъ политическое состояніе края.

1) „По объѣздѣ западныхъ уѣздовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что Радомскій отдѣлъ, въ политическомъ отношеніи, не можетъ быть сравниваемъ съ прочими. Здѣсь былъ зародышъ и разгаръ возстанія, здѣсь оно питалось и существовало долѣе и разгаръ возстанія, здѣсь оно питалось и существовало долѣе чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, здѣсь и теперь еще много затаенной злобы. Несмотря на все мое стараніе, чтобы дѣла рѣшались скорѣе и число арестованныхъ уменьшалось, въ январѣ оно удлинилось. Даже крестьяне прилегающихъ къ Австріи уѣздовъ, далеко не тѣ, что въ уѣздахъ сѣверныхъ. Я увѣренъ, что графъ Бергъ недоволенъ, почему у меня и болѣе арестованныхъ, и болѣе слѣдственныхъ дѣлъ; увѣренъ, что онъ будетъ еще болѣе недоволенъ за то, что я говорю о положеніи ввѣреннаго мнѣ отдѣла. Но неужели онъ желаетъ, чтобы ему только доносили о спокойствіи и преданности, которыхъ не существуетъ?“

2) „Губернаторъ препроводилъ ко мнѣ копію съ отзыва дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кошелева, о томъ, чтобы онъ не запрашивалъ болѣе военно-полицейскія власти о благонадежности въ политическомъ отношеніи лицъ, поступающихъ на службу въ его вѣдомство. Распоряженіе объ этомъ отмѣнено не было. Кто-же далъ г. Кошелеву право отмѣнять приказанія намѣстника? Подобное исключеніе для комисіи финансовъ угрожаетъ такими послѣдствіями въ будущемъ, за которыя я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Пусть ужъ лучше объявятъ общую амністію. Не явное ли это открытіе пути, всѣмъ корифеямъ бывшаго мятежа, пробраться на лучшія мѣста, требующія наибольшаго довѣрія правительства. Скорѣе можно-бы было предоставить подобную льготу всякому другому вѣдомству, но не финансовому, съ г. Кошелевымъ во главѣ. Горные заводы и лѣсная стража дали первый матеріалъ въ

банды, и до сихъ поръ многіе преступники скрытно проживаютъ на заводахъ и у лѣсниковъ, подъ чужими именами, покровительствуемые кошелевскими чиновниками“.

3) „Управляющій комисією финансовъ Кошелевъ препроводилъ ко мнѣ два слѣдственные дѣла о крестьянахъ, скотъ которыхъ, всего въ числѣ 15 коровъ, пасся на казенной дачѣ, требуя при этомъ или преданія крестьянъ суду, или взысканія съ нихъ штрафа въ размѣрѣ 10 руб. за каждую. Изъ дѣла видно, что скотъ этотъ не пасся, а по недосмотру пастуха забрелъ въ казенный лѣсъ, гдѣ оставался не болѣе двухъ часовъ, тогда какъ помѣщичій скотъ постоянно заходитъ на казенные участки, безъ всякаго за это взысканія съ пановъ. Сопоставляя эти данныя, вижу въ требованіи г. Кошелева какъ-бы явную придирку къ сословію, остававшемуся вѣрнымъ правительству во время мятежа, а въ дѣйствіяхъ финансовыхъ чиновниковъ—какъ-бы отместку за эту вѣрность. Отказавъ г. Кошелеву въ первомъ его требованіи, относительно преданія крестьянъ суду, я приказалъ оштрафовать ихъ по 1 рублю за каждую голову скота, о чемъ сообщилъ ему и доношу вамъ, дабы вы видѣли направленіе дѣлъ въ комисіи г. Кошелева и цѣли подвѣдомственныхъ ему польскихъ чиновниковъ“.

4) „На-дняхъ я получилъ, черезъ начальника штаба округа, конфирмацію намѣстника, по дѣлу революціонной организаціи Опочинскаго уѣзда, о двухъ важныхъ политическихъ преступникахъ, помѣщикахъ Даманскомъ и Родванѣ. Изъ приговора военно-судной комисіи видно, что оба они явно уличены, присягою 30 свидѣтелей, въ совершенныхъ ими злодѣяніяхъ, въ понужденіи крестьянъ къ возстанію, въ повѣшеніи тѣхъ, которые не исполняли ихъ преступныхъ приказаній. Судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни; я же, въ виду распоряженія объ ея отмініи, опредѣлилъ сослать ихъ въ каторжныя работы безъ срока; но намѣстникъ конфирмовалъ: Даманскаго—къ 6-ти мѣсячному заключенію въ крѣпости, а Родвана водворить въ имѣніи подъ надзоръ полиціи. Не явное-ли это нарушеніе справедливости и гдѣ-же уваженіе къ закону? Какой-же послѣ этого держаться системы? Важнаго государственнаго преступника, вѣщающаго людей за вѣрность Царю и присягѣ, прощаютъ и въ то же время выгоняютъ честнаго

чиновника, 35 лѣтъ усердно служившаго правительству, за то, что дочь его не была на свадьбѣ подруги, вышедшей за офицера,—и безъ суда, даже безъ опроса, ссылаютъ въ другую губернію. Чего-же послѣ этого держаться? Представьте себѣ, какое впечатлѣніе произведетъ появленіе Родвана среди крестьянъ и семей повѣшенныхъ имъ отцовъ! Какое мнѣніе получаютъ эти преданные правительству люди о нашихъ судахъ? Подобныя конфирмаціи бросаютъ тѣнь на все военно-полицейское управленіе. Измѣнить рѣшеніе намѣстника уже невозможно, но необходимо указать, какой подрывъ власти и закону производить кассированіе рѣшеній суда, и какой вредъ это приносить правительству и русскому дѣлу въ Польшѣ. Въ Варшавѣ это не такъ замѣтно; но надо быть здѣсь, чтобы видѣть впечатлѣніе, произведенное въ Радомѣ и Кѣльцахъ прощеніемъ Родвана. На другой-же день по появленіи его на свободѣ, въ обоихъ городахъ были разбросаны прокламаціи, воспрещающія полякамъ посѣщать русскія семейства и входить въ сближеніе съ москалями“.

При первомъ знакомствѣ съ полковыми командирами, мнѣ довелось слышать отъ нихъ не мало странностей, о бывшихъ въ дивизіи порядкахъ. Надо замѣтить, что она, 15 лѣтъ сряду была подъ начальствомъ генерала Ушакова. Казалось-бы, что въ столь продолжительное время можно было все устроить и вести правильно и солидно. На дѣлѣ-же, въ смыслѣ внутренняго порядка, я встрѣтилъ крайнее разнообразіе и распушенность. Желая узнать этому причину, я разспрашивалъ о прошломъ, не только полковыхъ командировъ, но и другихъ, заслуживавшихъ полнаго довѣрія старожиловъ дивизіи. Изъ ихъ словъ выходило, что Ушаковъ представлялъ изъ себя двѣ крайности: до начала реформъ въ военномъ вѣдомствѣ—это былъ консерваторъ, требовательный до педантизма и строгій до излишества; но какъ только во главѣ министерства стало другое лицо и ощутились другія вѣянія, Ушаковъ круто измѣнилъ свои взгляды и убѣжденія и сдѣлался либераломъ. Подъ конецъ это дошло до того, что по утвержденіи новыхъ, къ счастью, недолго существовавшихъ правилъ ротнаго хозяйства, онъ ввелъ въ ротахъ нѣчто въ родѣ самоуправленія; требовалъ, чтобы ротные командиры ни во что, кромѣ обу-

ченія, не входили, и чтобы нижніе чины сами распоряжались своимъ хозяйствомъ. На одномъ изъ инспекторскихъ смотровъ, вызвавъ къ себѣ всѣхъ артельщиковъ и отдаливъ ихъ начальниковъ, Ушаковъ говорилъ, чтобы они никого не допускали къ котлу. Слыша это отъ одного изъ полковыхъ командировъ, я не вѣрилъ своимъ ушамъ, покуда, проѣздомъ черезъ мѣстечко Шидловцы, не зашелъ въ отведенный для солдатъ домъ. Это было ночью. Оказалось, что всѣ спятъ на голыхъ доскахъ. Требую ротнаго командира, чтобы распечь и разыскать съ него; но онъ докладываетъ, что нижніе чины, по общему ихъ рѣшенію, занесенному въ учрежденную новымъ положеніемъ книгу приговоровъ, постановили: отпущенную на постели солому продать, а деньги употребить на водку.

Прежде Ушаковъ строго взыскивалъ съ солдата за не ярко вычищенную пуговицу, а потомъ сердился зачѣмъ требуютъ опрятности. Любимыми его фразами ротнымъ командирамъ, въ послѣднее время, было: „Что вы приводите ко мнѣ вашихъ людей приглаженными? Давайте мнѣ солдата какъ онъ есть, а не накрахмаленнымъ! Я хочу его видѣть такимъ, какъ онъ дома, а не въ гостяхъ“.

Послѣ осмотра Витебскаго полка, въ квартирѣ его командира, у насъ зашелъ съ нимъ такой разговоръ:

— Въ нашей службѣ, говоритъ полковникъ, все зависитъ не отъ постановленій закона, а отъ взгляда начальника.

— Изъ чего вы это заключаете? спрашиваю я.

— Да вотъ, на примѣръ сегодня, вы замѣтили, что мои унтеръ-офицеры небрежно одѣты, а выведи я ихъ такъ при генералѣ Ушаковѣ, такъ онъ прогналъ бы ихъ за то, что вышли такъ чисто.

— Извините, я васъ не понимаю; полагаю, что за чистоту сердиться трудно.

— А между тѣмъ у насъ такъ было. Бывшій начальникъ дивизіи говорилъ, что всѣ прежнія требованія мирнаго времени идутъ въ ущербъ боевыхъ качествъ войскъ.

На это я отвѣтилъ, что только тогда можно бы было дать значеніе подобной мысли, если бы генералъ Ушаковъ доказалъ, что невымытый и оборванный солдатъ дерется лучше, чѣмъ чистый; а такъ какъ этого никто доказать не можетъ, то буду строго требовать порядка и опрятности.

При первомъ посѣщеніи Витебскаго полка, я былъ удивленъ встрѣчею тамъ съ товарищемъ дѣтства. При поименномъ представленіи полковымъ командиромъ офицеровъ, вижу не большаго роста маіора, лицо котораго мнѣ необыкновенно знакомо. Вглядываюсь и невольно вскрикиваю: „Зайчикъ!“ Это было прозвище, данное кадетами одному изъ товарищей, — Мельническому. Болѣе 25 лѣтъ мы не видались и, несмотря на разницу чиновъ и положеній, тутъ же обнялись съ нимъ. Черезъ годъ бѣдняга умеръ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Въ Кѣльцахъ мнѣ пришлось пребыть нѣсколько дней, такъ какъ тамъ, кромѣ Смоленскаго полка, квартировали: артиллерія, казачій полкъ, былъ военный госпиталь, гимназія и отдѣльный учебный округъ. Все это надо было осмотрѣть и кромѣ того, ознакомиться съ нѣсколькими лицами, занимавшими должности по крестьянской реформѣ. Между послѣдними были два молодые человѣка, служившіе въ гвардіи, — Искрицкій и Петровъ. Первый только-что женившійся на красавицѣ, дочери К. О. Ченчеры, а второй прибылъ въ Польшу съ молоденькою и симпатичною женою. Обѣ они были украшеніемъ русскаго кружка въ Кѣльцахъ, центромъ котораго долго оставался домъ Ченчеры, гдѣ всѣ мы собирались въ свободные вечера.

По возвращеніи въ Радомъ, я нашелъ тамъ распоряженіе о приведеніи арміи въ кадровый составъ и объ утвержденіи для полковъ четырехъ различныхъ штатовъ: военнаго, усиленнаго мирнаго, обыкновеннаго и кадроваго и, въ то же время, объ учрежденіи резервныхъ баталіоновъ. Все это кореннымъ образомъ измѣняло организацію полковъ. Дабы не принадлежашіе къ военному званію читатели поняли суть этихъ военныхъ реформъ, позволяю себѣ коснуться ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Со времени Крымской кампаніи и до 1863 г., т. е. продолженіи 7 лѣтъ, у насъ не было рекрутскихъ наборовъ; черезъ это въ полкахъ были люди только 4-хъ сроковъ службы, а именно: поступившіе на службу до 1856 г. и затѣмъ 1863, 1864 и 1865 г. Кадровый составъ опредѣлялъ имѣть въ ротѣ всего 60 рядовыхъ и 8 унтеръ-офицеровъ. Послѣдніе принадлежали исключительно старшему сроку, а такъ какъ при при-

веденіи въ кадры приказано было уволить всѣхъ поступившихъ до 1856 г., то и ушли почти всѣ лучшіе и опытные унтеръ-офицеры, вмѣсто которыхъ, по неожиданности распоряженія, не было подготовлено надежныхъ замѣстителей. Но съ этимъ кое-какъ справились, потому что люди набора 1863 года, перваго послѣ продолжительнаго промежутка, представляли прекрасный матеріалъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ штатовъ вводилось и измѣненіе въ системѣ хозяйственнаго управленія полками, которые, изъ единоличнаго управленія полковаго командира, переходили къ коллегиальному, комитетскому. Привести въ исполненіе подобную мѣру было не легко. Это доказывается тѣмъ, что спустя два года, я нашелъ въ Московскомъ округѣ полки, управляемые еще по прежней системѣ. Надо было имѣть основательное знаніе хозяйства и особенную настойчивость, чтобы столь радикальная перемѣна совершилась съ соблюденіемъ справедливости и выгодъ казны; но въ 7-й дивизіи мнѣ удалось сдѣлать это довольно скоро. Тогда въ каждомъ полку существовали особыя, образованныя изъ экономическихъ средствъ, суммы, на обезпеченіе сдачи полковъ. Нормальный ихъ размѣръ опредѣлялся въ 5 тысячъ; но какъ за этимъ не было тщательнаго надзора, то въ однихъ полкахъ было меньше, а въ другихъ нѣсколько больше. Являлись вопросы: 1) насколько имѣющаяся въ полку сумма обезпечиваетъ недостатки по хозяйству? 2) если существующая сумма не достаточна—кто долженъ ее пополнить; а если она болѣе чѣмъ ей нужно—куда причислить остатокъ? 3) кому принадлежитъ то полковое имущество, которое содержится сверхъ штатовъ и табелей и которое было заведено при прежней системѣ хозяйства, на экономическія средства, составлявшія собственность полковаго командира? Вопросы видимо крайне существенные и сложные. Предвидя что рѣшеніе ихъ, черезъ официальные запросы высшимъ инстанціямъ, поведетъ къ безконечной перепискѣ, я взялъ все на себя и, никого не запрашивая, образовалъ ликвидационныя комиссіи въ каждомъ полку, въ томъ составѣ, какой считалъ самымъ практичнымъ. Предсѣдателями комиссіи были назначены штабъ-офицеры другихъ полковъ, а членами: казначей, квартирмейстеръ и два ротные командира, одинъ изъ своего, а другой—изъ чужаго полка, по моему избранію. Каж-

дая комиссія обязана была, въ теченіи мѣсяца, тщательно пересмотрѣть все полковое имущество, составить подробныя вѣдомости, какъ о недостающемъ и требующемъ исправленія, такъ и о томъ, что имѣется въ полку излишняго противъ табелей, т. е., что не составляетъ казенной собственности, съ оцѣнкою какъ того, такъ и другого. Справедливость оцѣнки, или другими словами, согласіе или несогласіе на нее, скрѣплялось подписью полковаго командира. По представленіи этихъ вѣдомостей ко мнѣ, въ дивизионномъ штабѣ составлялся балансъ между цѣнностями недостающаго или неисправнаго и излишняго, и опредѣлялось: сколько полковой командиръ обязанъ приплатить сверхъ имѣющейся суммы на обезпеченіе сдачи, или сколько получить изъ этой суммы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ полка находилъ оцѣнку несогласною съ дѣйствительною стоимостью недостающаго, назначались посредники изъ штабъ-офицеровъ, и ихъ рѣшеніе было безапелляционнымъ. Результатомъ этихъ распоряженій было то, что въ двухъ полкахъ суммы на обезпеченіе оказались вполне достаточными, въ одномъ—полковому командиру пришлось приплатить, а въ остальномъ—онъ получилъ до 800 руб. въ личное свое распоряженіе.

Введеніе новой системы хозяйства и занятія съ кадровымъ составомъ, вызывавшія усиленную работу, требовали частыхъ поѣздокъ въ полки. При стремленіи къ уничтоженію прежняго, преобразователи не хотѣли дать времени чему либо устроиться и приказанія упразднять старое и заводить новое получались одно за другимъ. Музыкантскіе хоры полковъ велѣно было распустить, а горнистовъ снабдить такими инструментами, которые замѣняли бы и рожокъ и трубу. Такія дудки носили названіе инструментовъ Вурма. Бывъ съ давнихъ поръ лично знакомъ съ этимъ артистомъ, при первой поѣздкѣ въ Петербургъ, я спросилъ его, зачѣмъ онъ придумалъ горнистскіе хоры? — „Я доказывалъ,—отвѣчалъ Вурмъ, что изъ этого ничего не выйдетъ; но что же было дѣлать, когда мнѣ было приказано что-либо выдумать, во что бы ни стало“. Чтобы осуществить это распоряженіе, полки должны были за ничто продать дорого стоившіе имъ инструменты и заказывать ни къ чему не годные новые. Къ веснѣ они были готовы; но что это была за музыка! Когда я впервые услыхалъ

ее, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, то выходя изъ манежа, онъ сказалъ: „Теперь я понимаю, что стѣны Іерихона могли рухнуть отъ трубныхъ звуковъ“. Вмѣсто прежнихъ полковыхъ хоровъ, былъ заведенъ одинъ, общій на всю дивизію. Какъ на него, такъ и на вурмскіе хоры, полки израсходовали по 1,200 р. Слѣдовательно, эта новая затѣя, придуманная ради экономіи, сразу потребовала на всю армію болѣе двухсотъ тысячъ непроизводительнаго расхода и, кромѣ того, принесла полкамъ чувствительные убытки, такъ какъ лишила ихъ того, что заигрывали музыканты, а новыхъ, іерихонскихъ хоровъ, конечно нигде не нанимали. Они были способны только разгонять, а не привлекать публику. Надо было совершенно не знать духа арміи, чтобы не понимать, какое значеніе имѣетъ военный хоръ въ провинціи, какое вліяніе онъ имѣетъ на внутреннюю жизнь полка и на его отношеніе къ мѣстному обществу. Не смотря на всѣ заявленія, нужно было 6 лѣтъ, чтобы побороть упрямство, и только послѣ этого полкамъ возвращены были прежніе музыкантскіе хоры, на что снова затрачены большія суммы.

Праздникъ Пасхи 1866 года былъ ознаменованъ упраздненіемъ военныхъ отдѣловъ и раздѣленіемъ царства польскаго, вмѣсто четырехъ, на 8 губерній. То и другое послѣдовало по настояніямъ представителей гражданскихъ реформъ въ краѣ, Н. Милютина и князя Черкаскаго, вопреки желаній намѣстника, хотя онъ и дѣлалъ видъ, что раздѣляетъ пользу подобной мѣры. Сущность ея состояла лишь въ томъ, что губернаторы, выйдя изъ-подъ вліянія начальниковъ отдѣловъ, приняли на себя ихъ обязанности, но собственно военно-полицейское управленіе осталось въ полной силѣ, чего только и хотѣлось преобразователямъ. Впрочемъ это существовало не долго. Вслѣдъ за событіемъ 4-го апрѣля, генераль Треповъ былъ вызванъ въ Петербургъ; его замѣнилъ оберъ-полицеймейстеръ Варшавы баронъ Фредериксъ. Какъ онъ ни боролся, какъ ни отстаивалъ свои права, противная партія брала верхъ и значеніе генераль-полицеймейстера постепенно умалилось, а затѣмъ это званіе было упразднено. Къ чести О. О. Трепова нужно сказать, что, оставляя свой постъ, онъ не забылъ усердной службы своихъ подчиненныхъ. Какъ человѣкъ, близко знавшій сколько пользы приносили служившіе въ отдѣлахъ,

онъ настоялъ о выдачѣ имъ значительныхъ денежныхъ наградъ, изъ состоявшихъ въ распоряженіи намѣстника штрафныхъ суммъ, такъ что ни одинъ изъ чиновъ управленія отдѣломъ не остался безъ вниманія.

Съ упраздненіемъ военныхъ отдѣловъ, нѣкоторые изъ губернаторовъ, какъ бы въ отместку за прошлое подчиненіе, старались дать почувствовать военнымъ начальникамъ, что теперь—все въ ихъ власти. Въ Радомѣ такое направленіе было замѣчено съ перваго же дня по объявленіи новаго административнаго положенія. Не прошло недѣли, какъ получена была бумага, что городъ слишкомъ дорого платитъ за наемъ моей квартиры и потому губернаторъ предлагаетъ мнѣ пріискать другое помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что занимаемый мною домъ онъ предназначилъ для вновь учреждаемой казенной палаты. Замѣьте, что это писалъ человѣкъ, съ которымъ я старался, даже съ нѣкоторыми уступками, поддерживать хорошія отношенія. Квартира, конечно, осталась за мною, потому что я написалъ объ этомъ начальнику штаба и намѣстникъ приказалъ пріискать для казенной палаты другой домъ. Взглянувъ на подобную попытку губернатора какъ на мелочность не заслуживающую пререканій, я и въ слѣдующую зиму, чтобы не дать полякамъ повода къ толкамъ и сплетнямъ, поддерживалъ съ нимъ приличныя отношенія, но и это не помогало.

Забываясь о будущности устроеннаго мною, въ бытность командиромъ полка, Николаевского пріюта для солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ, я и въ Радомѣ продолжалъ дѣлать въ его пользу все, что можно: входилъ въ сношенія съ православными священниками о разысканіи солдатскихъ дѣтей, брошенныхъ въ городахъ и мѣстечкахъ Польши, собиралъ пожертвованія, устраивалъ въ пользу пріюта спектакли. Последнему много способствовали тѣ изъ русскихъ, которые прибыли во вновь вводимыя гражданскія учрежденія, особенно управляющій акцизомъ г. Погодинъ и жена его. Наплывъ русскихъ чиновниковъ замѣтно повліялъ на монотонность жизни, такъ что явилась даже возможность устроить городской клубъ.

Коснувшись устройства Николаевского пріюта для солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ, считаю не лишнимъ, хотя вкратцѣ ознакомить читателей съ этимъ полезнѣйшимъ изъ всѣхъ на-

шихъ пріютовъ, тѣмъ болѣе, что о немъ весьма мало знаютъ въ Россіи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1863 года, въ самый разгаръ революціонной пропаганды въ Польшѣ, посѣщая занимаемая моимъ полкомъ казармы, я замѣтилъ, что всякій разъ, когда я во время обѣда нижнихъ чиновъ подходилъ къ ихъ столамъ, устроеннымъ на казарменномъ дворѣ, къ заднимъ воротамъ бросалась масса нищихъ дѣтей обоого пола, отъ 7-ми до 12-ти-лѣтняго возраста. Они собирались къ солдатскому обѣду съ надеждою получить отъ „москалей“ кусокъ хлѣба, а подчасъ и мяса. Солдатики охотно удѣляли этимъ несчастнымъ свои остатки. Однажды я вошелъ во дворъ съ заднихъ воротъ. Услыша команду „встать“, дѣти бросились, и прямо наткнулись на меня. Изъ распроса тѣхъ, которые казались по смысленнѣе и менѣе робкими, я узналъ, что это по преимуществу сыновья и дочери русскихъ солдатъ, или умершихъ въ Польшѣ, или ушедшихъ съ полками въ Россію, куда матери-польки не хотѣли слѣдовать за своими мужьями. Тѣ, съ которыми я говорилъ, отвѣчали по-польски; никто изъ нихъ не зналъ какого онъ вѣроисповѣданія, православный, или католикъ, а одинъ даже сказалъ, что онъ „жолнерской (т. е. солдатской) вѣры“. Матери и родственники этихъ несчастныхъ эксплуатировали ихъ, посылая собирать подаяніе и били, или не пускали на ночь домой тѣхъ, кто приносилъ меньше злота. Грустно стало мнѣ при мысли, что дѣти людей, отстаивавшихъ своею грудью и кровью русское дѣло въ Польшѣ, предоставлены подобной участи.

Спустя нѣсколько дней, у меня былъ домашній спектакль. Какъ теперь помню, мы играли „Ревизора“. При разѣздѣ публики, въ числѣ ожидавшихъ экипажа, находился князь Черкасскій. Благодаря меня, онъ выразился такъ:

— Зачѣмъ вы насъ балуете и не соединяете пріятнаго съ полезнымъ. Всякій изъ насъ, за удовольствіе слышать русскую рѣчь со сцены, да еще при такомъ мастерскомъ исполненіи, съ радостію готовъ бы былъ заплатить въ пользу добраго дѣла.

Я тутъ же вспомнилъ о бѣдствующихъ дѣтяхъ русскаго солдата; а на другой день побѣхалъ къ Черкасскому переговорить о томъ, нельзя ли устроить въ Варшавѣ пріютъ для

солдатскихъ дѣтей. Князь отнесся къ моей мысли съ большимъ сочувствіемъ и мы тутъ же условились, что я привезу ему записку о необходимости подобнаго заведенія, какъ средства къ спасенію русской народности отъ ополяченія, а онъ доложить ее намѣстнику и постарается заинтересовать его къ этому дѣлу. Графъ Бергъ не только нашелъ мою мысль полезною, но приказалъ немедленно приступить къ ея осуществленію. Вслѣдствіи этого составлена была, подъ предсѣдательствомъ генерала барона Меллеръ-Закомельскаго, комисія, въ которой я принялъ на себя обязанность дѣлопроизводителя, для обсужденія основаній и средствъ, необходимыхъ для устройства пріюта и для составленія положенія о его организации и управленіи.

Въ поданной мною запискѣ были предложены слѣдующіе источники, могущіе образовать ту сумму, которая дала бы возможность, хотя исподволь, приступить къ дѣлу, а именно: 1) устройство любительскихъ спектаклей и военнаго концерта въ родѣ инвалиднаго, даваемого въ Петербургѣ; 2) сборъ пожертвованій взамѣнъ пасхальныхъ и новогоднихъ визитовъ; 3) приглашеніе русскихъ членовъ общества къ поступленію въ дѣйствительные члены устраиваемаго заведенія, съ опредѣленнымъ ежегоднымъ взносомъ въ его пользу; 4) пожертвованіе расположенными въ Варшавѣ полками извѣстнаго количества дровъ на отопленіе зданія; 5) назначеніе въ прислугу по одному нестроевому изъ каждой стоящей въ городѣ части и 6) предложеніе нижнимъ чинамъ всѣхъ войскъ, находящихся въ Польшѣ, въ періодъ вольныхъ работъ, пожертвовать одинъ день заработка въ пользу пріюта.

Нельзя умолчать, что послѣдняя мѣра была нѣкоторыми командирами частей оспариваема, какъ принудительная и что вообще дѣло учрежденія пріюта не обошлось безъ тайныхъ интригъ тѣхъ личностей, которыя вообразили, что моя цѣль выслужиться передъ графомъ Бергомъ.—Много надо было настойчивости и терпѣнія для противодѣйствія подобнымъ взглядамъ, но Богъ видимо помогалъ мнѣ.

Покуда накоплялась сумма, изъ указанныхъ источниковъ и отъ пожертвованій, я, черезъ комендантовъ городовъ и черезъ уѣздныхъ начальниковъ, собиралъ свѣдѣнія о всѣхъ солдатскихъ сиротахъ, находящихся въ Польшѣ. Доставленные

ими списки указывали, что не считая деревень ихъ набиралось болѣе 300. Нечего было и разсчитывать на устройство такого заведенія, которое вмѣстило бы такую массу дѣтей, а потому было рѣшено устроить пріютъ первоначально только на 50 сиротъ. Что особенное покровительство Божіе осѣняло задуманное мною дѣло и что оно было дѣйствительно необходимо, это доказало общее къ нему сочувствіе. Не говоря о быстро поступавшихъ пожертвованіяхъ, отъ одного гулянья въ Саксонскомъ саду, съ лоттереею-аллегри, было выручено до 8 тысячъ рублей. Главными жертвователями были намѣстникъ и архіепископъ варшавскій Іоанникій, внесшіе каждый по тысячѣ рублей. Когда же графъ Бергъ испросилъ высочайшее соизволеніе на наименованіе будущаго пріюта, въ память царственнаго первенца, Николаевскимъ, то Императрица Марія Александровна, принимая заведеніе подъ свое покровительство пожаловала 2000 руб. на его обустройство. Къ концу 1864 года сдѣлалось несомнѣннымъ, что устройство пріюта возможно и надо было подумать о его помѣщеніи. Въ этомъ отношеніи главная помощь была оказана тѣмъ же княземъ Черкасскимъ. Съ соизволенія намѣстника, онъ отдалъ подъ пріютъ помѣщеніе упраздняемаго монастыря и католической духовной академіи, переводимой въ другое зданіе. Болѣе полугода пришлось употребить на исправленіе и примѣненіе монастыря, поступившаго, вмѣстѣ съ садомъ, въ вѣчную собственность устраиваемаго заведенія; на это затрачивалась почти вся собираемая сумма. Благодаря помощи полковъ мастеровыми, къ концу 1865 года все было окончено. На 50 дѣтей заготовлена мебель, одежда, бѣлье, въ зданіе проведена вода, оно освѣщено газомъ, устроены были баня и небольшой лазаретъ, закуплены классныя и мастерскія принадлежности, наняты надзирательница и ея помощница, а равно женская прислуга для дѣвочекъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ представленія моею записки, когда не было еще ни копѣйки денегъ, пріютъ былъ совершенно готовъ, имѣлъ собственный домъ и 8 тысячъ рублей на расходы перваго года; въ день же открытія, 6-го декабря 65 года, онъ получилъ, въ даръ отъ намѣстника, 13 тысячъ запаснаго капитала, отчисленнаго изъ инвалиднаго бывшихъ ветерановъ царства Польскаго.

Въ настоящее время Николаевскій пріютъ призрѣваетъ

полтора ста солдатскихъ дѣтей, расходуетъ на нихъ отъ 18 до 20 тысячъ въ годъ и имѣетъ до 70 тысячъ запаснаго капитала. Но капиталъ этотъ далеко еще недостаточенъ для того, чтобы считать существованіе пріюта навсегда обеспеченнымъ. Потребуйся полное исправленіе стариннаго зданія—и его не достанетъ. Вотъ почему я и сказалъ, что о Николаевскомъ пріютѣ мало кто знаетъ въ Россіи. Еслибы цѣль его учрежденія и существенная нужда въ немъ была распространена въ народѣ, то несомнѣнно явились бы крупныя пожертвованія и образовали бы неприкосновенный капиталъ такого размѣра, который далъ бы возможность содержать пріютъ одними процентами.

Для удовлетворенія тѣхъ, кто пожелалъ бы знать, какую пользу принесъ пріютъ въ теченіи 23-лѣтняго существованія, скажу, что его питомцы подвизаются на различныхъ путяхъ частной и общественной дѣятельности. По выпускѣ 17 лѣтъ изъ заведенія, они, болѣею частію, поступаютъ въ услуженіе: мальчики—въ писаря, прикащики, фельдшера, въ музыканты и кондуктора, дѣвочки служатъ: няньками, горничными, бѣлошвейками и о всѣхъ слышны самыя похвальные отзывы. Не мало было примѣровъ поступленія дѣтей изъ пріюта въ гимназіи. Я знаю мальчика паспаго свиное стадо еврея въ Сандомирѣ, присланнаго ко мнѣ тамошнимъ священникомъ, для опредѣленія въ пріютъ. Теперь онъ начальникомъ одной изъ главныхъ телеграфныхъ станцій. Не наведи меня Богъ на мысль объ устройствѣ пріюта и всѣ эти дѣти русскихъ людей или погибли бы, или были бы ополячены.

Въ день бракосоченія Наслѣдника, главнымъ военнымъ дѣятелямъ въ періодъ возстанія, были пожалованы маіораты, изъ казенныхъ земель въ Польшѣ. Въ числѣ прочихъ и я удостоился этой существенной награды. Намъ было предоставлено право самимъ выбирать имѣнія, съ условіемъ, чтобы ихъ доходность не превышала той суммы, въ какую данъ маіоратъ. Лица въ чинѣ генераль-лейтенантовъ получили маіораты въ 3 тысячи, генераль-маіоры, стоявшіе поближе къ намѣстнику, въ 2 тысячи, прочіе въ полторы. Я былъ доволенъ послѣднимъ и счастливъ какъ нельзя болѣе, потому что полученная награда хотя нѣсколько обезпечивала будущность семьи, что, при неизмѣннѣ состояніи, имѣло для меня громадное

значение. Теперь главное состояло въ умѣнїи выбрать имѣніе. Не имѣя никакого понятія гдѣ лучше и доходнѣе земли, я уже думалъ предоставить это вѣдавшей казенныя имѣнія комисіи финансовъ, какъ судьба послала мнѣ добраго и опытнаго совѣтника, въ лицѣ бывшаго при Паскевичѣ радомскимъ губернаторомъ, отставнаго полковника Бѣлостоцкаго, случайно, въ качествѣ мѣстнаго помѣщика, прїѣхавшаго ко мнѣ съ визитомъ. Онъ-то и рекомендовалъ мнѣ, жившаго въ Радомѣ, отставнаго комиссара Боландовича, завѣдывавшаго при немъ казенными имѣніями губерніи. Боландовичъ на другой же день явился ко мнѣ, со спискомъ нѣсколькихъ фольварковъ, находящихся на границѣ Илженскаго и Кѣлецкаго уѣздовъ, въ 60 верстахъ отъ Радомы. Мнѣ слѣдовало-бы немедленно ѣхать съ этимъ спискомъ въ Варшаву, чтобы подать тамъ заявленіе въ комисію финансовъ, но ожиданіе прибыли въ семьѣ задержало меня недѣли на три. Этимъ временемъ чиновники комисіи, зная, что никто не пожалѣетъ наградить ихъ за указаніе и содѣйствіе, включили лучшія имѣнія въ заявленія тѣхъ, кто жилъ въ Варшавѣ и могъ ранѣе меня войти съ ними въ сношеніе. Такимъ образомъ, два лучшіе фольварка изъ моего заявленія были уже отданы и надо было выбрать другіе. Самое бы лучшее было просить замѣнить ихъ лѣснымъ участкомъ, какъ многіе и сдѣлали, но я не понималъ тогда выгоды подобной замѣны и взялъ то, что мнѣ предложили. Черезъ это мой маіоратъ оказался безлѣснымъ, тогда какъ обмѣнявшіе малоходныя усадьбы на лѣсъ были въ большой выгодѣ, потому что за проданныя тогда же частицы лѣса получили большія деньги, а земля изъ подъ него все-таки осталась ихъ собственностью. Лучшіе маіораты конечно попали въ собственность тѣхъ, къ кому былъ расположенъ управлявшій комисіею финансовъ Кошелевъ и его коллеги: князь Черкасскій и Соловьевъ. Эти господа сильно негодовали, что военнымъ даютъ маіораты; они увѣряли, что негодуютъ не изъ зависти, а потому, что считаютъ подобную мѣру вредною въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ; но когда, черезъ годъ, разрѣшено было представить къ маіоратамъ и гражданскихъ дѣятелей, то никто изъ нихъ не только не отказался, а напротивъ, другъ передъ другомъ рвались какъ бы получить по больше, и по лучше.

Такъ какъ и теперь случается читать статьи противъ маіоратовъ, то позволяю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ. Едва-ли справедливо смотрѣть на маіораты какъ на средства для обрусѣнія Польши. Они были даны генераломъ, прослужившимъ много лѣтъ и занимавшимъ должности, по которымъ получали гораздо болѣе, чѣмъ доходъ съ ихъ маіората; слѣдовательно нельзя было и рассчитывать на то, чтобы они поселились въ пожалованныхъ имѣніяхъ. Выходить для этого въ отставку было-бы съ ихъ стороны и невыгодно и неблагоприятно. Всякій понимаетъ, что служить и въ то же время жить въ имѣніи невозможно. Изъ этого ясно, что на пожалованіе маіоратовъ надо смотрѣть, какъ на существенную награду, а не какъ на средства обрусѣнія края. Хотя всякая награда дается за прошлую службу, но съ надеждою, что она будетъ поощреніемъ и для будущей, а не съ желаніемъ, чтобы награжденный выходилъ въ отставку и поселялся бы въ своемъ маіоратѣ. Есть и другія причины, почему получившіе маіораты не могутъ лично управлять ими, за исключеніемъ конечно тѣхъ, кои, по какимъ либо поводамъ оставляя службу, имѣютъ значительные наличные капиталы. Чтобы самому вести хозяйство маіората, необходимо, сряду по его полученіи, пріобрѣсти въ фольварки весь живой и мертвый инвентарь, т. е. купить лошадей, рогатый скотъ, сбрую, земледѣльческія орудія, принадлежности скотоводства, обзавестись посудой, утварью, мебелью,—не только для собственнаго жилища, но и для всѣхъ служащихъ при фольваркахъ. На это, при самомъ скромномъ размѣрѣ, въ маіоратъ оцѣненный полутора-тысячнымъ доходомъ, надо употребить по меньшей мѣрѣ отъ 15 до 20 тысячъ. У всякаго-ли изъ награжденныхъ могутъ быть такія деньги?—вѣрнѣе ни у кого. Вотъ причина, почему нельзя требовать, чтобы маіоратные владѣльцы сами управляли пожалованнымъ имѣніемъ. Многіе писали, будто генералы потому не живутъ въ маіоратахъ, что для русскаго землевладѣльца скучно жить въ Польшѣ. Разъ что у человѣка есть интересующее его занятіе и дѣло, да еще собственное, приносящее пользу, скучно быть не можетъ. Но для начала этого дѣла нужны средства, а нѣтъ ихъ,—такъ и мачинать его немислимо.

Кто же изъ маіоратныхъ владѣльцевъ не понимаетъ, что

при личномъ управленіи маіоратъ далъ бы вдвое и втрое противъ того, что получается отъ арендатора; да что же дѣлать, когда иначе поступать нельзя. Если-бы можно было получить кредитъ подъ землю маіората, въ количествѣ достаточномъ для заведенія инвентаря, то всякій, свободный отъ службы владѣлецъ, съ радостью поселился-бы въ пожалованномъ имѣніи.

Въ концѣ мая мѣсяца 1866 г. я былъ неожиданно вытребованъ графомъ Бергомъ изъ Радома въ Варшаву. Тамъ я узналъ, что политическія отношенія между Пруссіею и Австріею предвѣщали близкую войну между ними. Чтобы обезпечить нейтральность нашей границы, со стороны воюющихъ, намѣстникъ счелъ необходимымъ усилить ея охраненіе, для чего нѣкоторыя войска должны были придвинуться къ Галиціи. Уѣзды, прилегающіе къ ней и къ Силезіи, были раздѣлены на два района, и я получилъ назначеніе командовать войсками, усиливающими кардоны въ Сандомірѣ, Олькушѣ и Мѣховѣ. Для этого были назначены полки: Волинскій уланскій, 9 Казачій и Витебскій пѣхотный; штабу же моей дивизіи приказано было перейти изъ Радома въ Кѣльцы. По полученіи личныхъ наставленій намѣстника о томъ, чтобы оказывать возможное снисхожденіе австрійцамъ, если они будутъ вынуждены искать убѣжища въ нашихъ предѣлахъ, я возвратился въ Радомъ, а черезъ 3 дня переѣхалъ съ семьею въ Кѣльцы. Тамъ мнѣ отвели квартиру въ домѣ вдовы Зеленской. Ея мужъ устроилъ себѣ въ подгорной части города маленькій раекъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ составилъ коллекцію превосходныхъ картинъ и разныхъ старинныхъ вещей, скупая ихъ исподоволь, послѣ революціи 1830 г., у эмигрировавшихъ магнатовъ. Этотъ, походящій на музей, домъ находился въ саду, со всевозможными затѣями.

Проведенное въ Кѣльцахъ лѣто было лучшимъ временемъ моей службы въ Польшѣ. Кромѣ прекраснаго климата и удобствъ, мы имѣли тамъ нѣсколько семейныхъ домовъ, среди которыхъ дружески и пріятно проводили свободное отъ службы время. Этому не мѣшало и то, что въ теченіи іюня и іюля мѣсяцевъ, мнѣ приходилось часто ѣздить въ Мѣховъ и Олькушъ, для осмотра и провѣрки пограничныхъ кордоновъ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій между Австріею и Прус-

сіею, я отправился въ Олькушъ, какъ ближайшій къ границѣ городъ. Обѣзжая посты, мнѣ не разъ довелось быть въ мѣстности, называемой польскою Швейцаріею. Въ одной изъ ея долинъ находится деревня Ойцово, та самая, по имени которой названъ извѣстный польскій балетъ „Веселье въ Ойцовѣ“, даваемый у насъ подъ названіемъ „Крестьянская свадьба“. Почти вся прелестная, прилегающая къ этой деревнѣ мѣстность принадлежит иностранцамъ, настроившимъ тамъ громадныя фабрики и заводы. Въ бытность мою всѣ хозяева ихъ были въ большомъ страхѣ, какъ бы ихъ, какъ принадлежащихъ къ ландверу, не потребовали въ войска. Черезъ нѣсколько дней такъ и случилось, что заставило ихъ обратиться къ русскимъ властямъ съ просьбою, о принятіи въ русское подданство, или о выдачѣ свидѣтельствъ о болѣзни. На первое имъ отвѣчали, что поздно спохватились, а на второе—посоветовали ѣхать для освидѣтельствванія въ Варшаву, къ своему консулу.

Южнѣе Ойцова идетъ горный перевалъ, съ вершины котораго открывается долина Вислы и за нею равнина, на которой, верстахъ въ 10 отъ нашей границы, расположенъ Краковъ, а за нимъ, въ дальней синевѣ, видны снѣжныя вершины Карпатъ. Въ одной изъ горъ мнѣ показывали замѣтательной величины пещеру, входъ въ которую прикрытъ громаднымъ камнемъ и растущими вокругъ него и по всей покатости горы вѣковыми дубами, такъ что войти въ пещеру можно только совершенно пригнувшись къ землѣ, но сряду за входомъ начинается высокій и широкій корридоръ, пересѣкаемый, черезъ каждые 25 шаговъ, громадными залами. Мѣстные крестьяне, провожавшіе меня съ факелами, говорили, что подобныхъ залъ они насчитываютъ до 10; но ихъ вѣроятно больше, и что никто не знаетъ гдѣ кончается пещера, потому что далѣе, вслѣдствіе удушливости воздуха, никто пройти не могъ и факелы гаснуть. Даже въ 5-й залѣ они едва свѣтили, а потому далѣе я не пошелъ. По словамъ провожавшихъ, существуетъ цѣлая легенда, будто бы въ этихъ пещерахъ, въ древности, долго скрывался какой-то завоеватель, съ десяти тысячнымъ войскомъ. Старожилы говорили, что прежде корридоры и залы были выше, теперь же высота постепенно уменьшается, потому что полы всякую зиму покрываются слоями помета летучихъ мышей, летающихъ въ пещеру въ такомъ количествѣ, что онѣ не только

въ сплошную покрываютъ своды, но, цѣпляясь, одна за другую, висятъ цѣлыми гирляндами.

Съ вершины горы, къ югу, представляется прекрасная панорама. Передъ солнечнымъ закатомъ, пятидесяти-верстное разстояніе до Карпатъ сокращается на столько, что на нихъ простымъ глазомъ видна всякая деревушка между лѣсами, покрытыми золотистыми лучами солнца, а общій фонъ картины, образуемый дальними снѣговыми высями, дѣлается фіолетовымъ. Въ описываемое время Краковъ еще не былъ окруженъ тѣми громадными фортами, которые теперь заслоняютъ его со стороны нашей границы. Спусти 8 лѣтъ, мнѣ вновь случилось быть въ тѣхъ мѣстахъ, и съ тѣхъ пунктовъ, откуда городъ былъ какъ на ладони, теперь виднѣлись однѣ колокольни. Милые сосѣди, не теряя времени и не жалѣя денегъ, заботятся встрѣтить насъ съ этой стороны въ надежномъ оплотѣ.

Военныхъ дѣйствій по близости нашей границы не было; неслышно было даже о появленіи разбѣздовъ, а между тѣмъ австрійцы, на всякій случай, перевезли изъ пограничныхъ городовъ къ намъ всѣ свои казначейства и архивы. Длинные ряды ихъ запечатанныхъ вагоновъ занимали всѣ запасные пути нашей станціи—„Граница“. Даже семейства ихъ чиновниковъ жили въ нашихъ таможенныхъ зданіяхъ. Такая, нарушающая нейтралитетъ, льгота была допущена съ негласнаго разрѣшенія графа Берга, большого партизана австрійцевъ. Видя, по ходу военныхъ дѣйствій, что противъ нашей границы не можетъ быть ничего мало-мальски серьезнаго, я въ половинѣ іюля возвратился въ Кѣльцы.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи, я вновь былъ потребованъ въ Варшаву, но уже съ мирными цѣлями. Съ давнихъ поръ намѣстника заботила необходимость постройки въ Кѣльцахъ казармъ, но представляемые инженерами смѣты казались слишкомъ высокими, не утверждались, и дѣло тянулось годъ-за-годъ. Вспомнивъ, что во время мятежа Смоленскій пѣхотный полкъ своими средствами построилъ въ Кѣльцахъ, изъ бревенъ проводимыхъ въ лѣсахъ просѣкъ, бараки на двѣ роты, намѣстнику захотѣлось доказать, что онъ обойдется и безъ инженеровъ. Когда я по приѣздѣ представлялся ему, то онъ объявилъ, что поручаетъ мнѣ постройку деревянныхъ казармъ барачной системы; что возлагаетъ на меня вы-

боръ мѣста и заготовку матеріаловъ, съ тѣмъ, чтобы работали взятые изъ полковъ мастеровые. И такъ, изъ строевого меня обращали въ инженера-строителя. Какъ я ни отговаривался неопытностію въ подобномъ дѣлѣ, ничего не помогало,—пришлось согласиться, но съ условіемъ, чтобы я никому, кромѣ самого намѣстника не представлялъ никакихъ отчетовъ, и чтобы отъ меня не требовали ни справочныхъ цѣнъ, ни урочнаго положенія, о которомъ я не имѣю ни малѣйшаго понятія. Деньги на постройку мнѣ были отпущены, примѣрно, авансомъ изъ штрафныхъ суммъ. Черезъ двѣ недѣли въ Кѣльцахъ было собрано изъ полковъ 150 плотниковъ, 50 каменщиковъ и печниковъ, а мѣстные крестьяне уже подвозили, за условленную плату, бревна и бутовую плитку для фундаментовъ. 6-го августа сдѣлана была, въ присутствіи губернатора, закладка—и работа закипѣла. Для составленія плана и главнаго руководства работами былъ приглашенъ мною, за опредѣленное вознагражденіе, губернский архитекторъ, а для постоянного надзора нанятъ, за 50 р. въ мѣсяцъ, гражданскій кондукторъ. Въ отношеніи пріисканія техниковъ, не ученыхъ, а практичныхъ и работающихъ, знающихъ дѣло не по курсу, а по опыту, въ Польшѣ затрудненій не встрѣчается. Найти человека для надзора за полевыми работами, знающаго обращеніе съ хозяйственными машинами, хорошаго садовника, опытнаго овцевода, или лѣсничаго, тамъ весьма легко и все это люди, идущіе за весьма умѣренную плату. Они не будутъ, какъ у насъ, требовать особенныхъ помѣщеній или особой для себя прислуги и стола, а довольствуются опредѣленнымъ по условію количествомъ продуктовъ и угломъ возлѣ рабочихъ.

При постройкѣ казармъ всѣ хозяйственные расчеты, веденіе книгъ прихода и расхода, расплата съ возчиками и рабочими, покупка матеріаловъ и казарменныхъ принадлежностей—все это было возложено на особаго офицера. Такъ какъ солдаты за всякій рабочий день получали задѣльную плату, то трудились изъ всѣхъ силъ, и весело было смотрѣть какъ живо шло дѣло. Мѣсто постройки сдѣлалось для жителей Кѣльць любимую загородною прогулкою; особенно же ихъ занимала каменная ломка, производимая тутъ же, изъ ближайшей горы, посредствомъ пороха. Два первые бревенчатые

барака были уже подъ крышею, какъ при кладкѣ фундамента для третьяго, приходящагося на значительномъ скатѣ, я замѣтилъ, что со стороны склона пришлось вывести фундаментъ на сажень выше горизонта. Это дало мнѣ мысль, нельзя ли построить остальные зданія каменными. Спрашиваю кондуктора; онъ тутъ же дѣлаетъ расчетъ и оказывается, что бараки изъ мѣстнаго плитняка будутъ стоить не дороже деревянныхъ. Я немедленно спросилъ на это разрѣшеніе графа Берга; но онъ, усумнясь не будутъ ли они сыры, запросилъ мнѣнія губернатора. Инженеръ-полковникъ Хлѣбниковъ отвѣтилъ, что въ Кѣльцахъ всѣ дома, не исключая и казеннаго губернаторскаго, построены изъ мѣстнаго камня. Такимъ образомъ четвертая казарма была возведена каменная. Ровно черезъ 3 мѣсяца по закладкѣ, 6-го декабря, всѣ постройки были окончены, освящены и заняты баталіономъ Смоленскаго полка. Стоимость ихъ простиралась всего до 19 тысячъ, т. е. въ четыре раза дешевле смѣты инженернаго вѣдомства; но, въ благодарность за усердіе, намѣстникъ прибавилъ еще 3 тысячи въ награду архитектору, кондуктору, офицеру и всѣмъ унтеръ-офицерамъ, бывшимъ при постройкѣ. Такимъ образомъ, 4 казармы, на 200 человѣкъ каждая, съ четырьмя квартирами для ротныхъ командировъ и кухнями, погребами и конюшнею, стоили 22 тысячи.

Постройка эта не обошлась для меня безъ непріятностей. Одни смотрѣли на это дѣло какъ на желаніе выказаться, другіе — какъ на намѣреніе доказать свое безкорыстіе, а нѣкоторые сплетничали просто изъ зависти, видя въ данномъ порученіи особое ко мнѣ расположеніе графа Берга. Однажды, за обѣдомъ въ клубѣ, я слышу такую фразу: „Теперь намъ, инженерамъ, надо учить уставъ, а строевымъ офицерамъ—архитектуру; потому что начальники дивизій будутъ строить казармы, а мы станемъ командовать“. Другой разъ одинъ изъ инженеровъ, мой товарищъ по корпусу, спрашиваетъ меня:

— Скажи, пожалуйста, неужели правда, что ты построилъ кѣлецкіе бараки за 22 тысячи?

— Правда,—отвѣчалъ я.

— Вотъ чудакъ! Да вѣдь тебѣ съ радостію дали бы 50, да еще въ ножки бы поклонились.

Пришлось и бывшему однокашнику объявить, что у меня не было ни подрядчиковъ-евреевъ, ни вахтеровъ, ни пріемщиковъ.

— У васъ,—продолжалъ я,—по смѣтнымъ цѣнамъ за дерево извѣстной длины и толщины назначено 3 р., а я за то же дерево, привезенное крестьянами, платилъ 1 р. 60 к. въ обдѣлкѣ; у васъ кирпичъ цѣнится 18 руб. тысяча — я платилъ 9. Все это отъ того, что у меня деньги выдавались въ тотъ же день, а у васъ подрядчику приходится ждать цѣлыя годы, платить писарямъ, вахтерамъ, подавать прошенія, нѣсколько разъ ѣздить въ Варшаву, а то такъ и въ Петербургъ.

Дешевизна постройки кѣлецкихъ барачныхъ дошла до военного министра совершенно случайно. Тотъ же самый генералъ Аничковъ, о которомъ говорено выше, бывши въ Кѣльцахъ, осматривалъ ихъ и въ своемъ отчетѣ помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Кѣлецкіе бараки построены непосредственнымъ распоряженіемъ командующаго 7-ю пѣхотною дивизіею, на примѣрно отпущенную ему сумму въ 19 тысячъ. Они состоятъ: изъ трехъ деревянныхъ и одного каменнаго зданія, каждый на роту военного состава, съ квартирою для ротнаго командира и фельдфебеля, съ ротною кухнею; гауптвахты съ карцерами, цейхауза съ каменнымъ подваломъ для провизіи и конюшни для артельныхъ лошадей. Бараки очень хороши и просторны, воздухъ прекрасный. Въ нихъ устроены гимнастическія лѣстницы и канаты, для ежедневнаго упражненія солдатъ. Каменный баракъ построенъ изъ мѣстнаго камня и обошелся не дороже деревяннаго. По изумительной дешевизнѣ и тщательности постройки, кѣлецкіе бараки представляютъ явленіе весьма замѣчательное, доказывающее, съ какими незначительными расходами могутъ быть устраиваемы воинскія помѣщенія и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, попеченіемъ самихъ войскъ. Надобно принять во вниманіе, что лѣсъ и другіе матеріалы были куплены, а въ самой постройкѣ войска участвовали съ платою имъ того, что они могли бы заработать на другихъ вольныхъ работахъ. Значить, если лѣсъ будетъ данъ на постройку казармъ даромъ и всѣ работы будутъ произведены войсками, то постройка обойдется еще дешевле¹⁾).

¹⁾ Репортъ генерала Аничкова отъ 22 февраля 1867 г. № 5.

Военный министр, какъ видно изъ его резолюціи на приведенномъ рапортѣ, доложилъ о постройкѣ кѣлепкихъ баракъ Государю. Встрѣтивъ въ Царскомъ Селѣ генерала Тотлебена, Его Величество сказалъ, что находить удобнѣе передать постройку казармъ войскамъ, такъ какъ они возводятъ ихъ и скорѣе, и дешевле. Достаточно было этого, чтобы для освидѣтельствованія кѣлепкихъ баракъ снарядили изъ Петербурга комисію, подъ предсѣдательствомъ инженернаго полковника Алексѣева. Она прибыла въ Кѣльцы по выступленіи полковъ въ лагерь, а потому депутатомъ отъ войскъ, при освидѣтельствovanіи, былъ назначенъ майоръ Краевичъ, которому я далъ предписаніе: допустить освидѣтельствованіе во всѣхъ подробностяхъ, сообщить всѣ свѣдѣнія о способахъ постройки и донести мнѣ о результатахъ въ Варшаву, гдѣ я находился во время лѣтняго сбора. Черезъ нѣсколько дней получены были мною отъ комисіи запросы о томъ, сколько человѣкъ ежедневно находилось на каждомъ родѣ работъ, какихъ размѣровъ и сколько было употреблено разнаго рода бревенъ и досокъ, по какой цѣнѣ покупались: кирпичъ, желѣзо, известь и проч. На все это я отвѣчалъ, что принялъ на себя постройку съ условіемъ, никому, кромѣ намѣстника, не предъявлять никакихъ отчетовъ и свѣдѣній, а потому не угодно ли комисіи обратиться прямо къ графу Бергу. Обращалась ли она и какой дала отзывъ о моихъ постройкахъ въ Петербургъ — не знаю, но Краевичъ рассказывалъ много интереснаго о способахъ освидѣтельствovanія. Для того, чтобы убѣдиться, сколько оборотовъ въ печахъ, ломали по двѣ печи въ каждомъ баракѣ; чтобы узнать есть-ли смазка въ полахъ, вынимали половники въ каждой комнатѣ; чтобы провѣрить глубину фундаментовъ — ихъ отрывали не только снаружи, но и съ внутренней стороны, снимая плинтусы и полы. На вопросъ Краевича, затѣмъ это дѣлаютъ? — предсѣдатель отвѣтилъ: „Вы думаете, мы не знаемъ, что можно выложить фундаментъ такъ, что снаружи онъ будетъ въ аршинъ, а внутри въ вершокъ“.

— А мы и не подозревали этого — замѣтилъ Краевичъ, — вѣкъ живи — вѣкъ учись.

Думается, что если бы вмѣсто присылки комисіи, деньги, которыя получили ея предсѣдатель и члены, въ видѣ прогоновъ,

порціонныхъ и суточныхъ, отпустили полку, то можно было бы выстроить ему еще цѣлый баракъ.

Противъ испытываемыхъ въ подобныхъ дѣлахъ непріятностей можно сказать, что это всегда и вездѣ общая доля людей, чуждыхъ той среды, которая смотритъ на свою специальность какъ на нѣчто неприкосновенное. Всякое отступленіе отъ принятаго ею рутиннаго порядка составляетъ, въ глазахъ специалистовъ, посягательство на ихъ достоинство. Приведу такой примѣръ:

Тотъ же кѣлепкій губернаторъ, обративъ особенное вниманіе на дороги, проектировалъ нѣсколько шоссе между городами и уже распорядился заготовкою матеріаловъ. Мѣстные жители сильно обрадовались, охотно собирали и подвозили камни; вдругъ послѣдовало приказаніе прекратить работу. Начались запросы, потребовались смѣты, отчеты; на человѣка, желавшаго сдѣлать благодѣяніе краю, пошли всевозможныя сплетни и нареканія, заставившія его все бросить. Теперь только обросшія травой кучи щебня и груды вросшаго въ землю камня, собраннаго съ полей, указываютъ на благое намѣреніе губернатора и на правленіе проектированныхъ шоссе.

Весною 1867 года получено было извѣстіе, что Государь, на обратномъ пути съ парижской выставки, будетъ въ Варшавѣ. Поэтому случаю тамъ былъ назначенъ большой лагерный сборъ войскъ. Въ половинѣ мая туда же была направлена и моя дивизія, подъ именемъ 2 сводной, такъ какъ въ ней придавали еще два полка: Кременчугскій — изъ 8-й и Тобольскій — изъ 10 дивизіи. Первымъ командовалъ полковникъ Мальмъ, вторымъ — Бремзенъ. Между этими двумя командирами была громадная разница. Первый представлялъ собою образецъ знанія, солидности, умѣнья отлично вести полкъ, второй — совершенную противоположность, съ примѣсью той болтливости и самоувѣренности, которыя сильно вредятъ дѣлу. Къ счастью, что полкъ-то его былъ отличный самъ по себѣ и полонъ тѣхъ историческихъ традицій, которыя трудно пошатнуть даже самому неспособному командиру. Стоило взглянуть на вступленіе обоихъ полковъ въ лагерь, чтобы видѣть разницу между ихъ командирами.

Пріѣздъ Государя ожидался въ половинѣ іюня, но совершился нѣсколько ранѣе. Приготовить къ смотрамъ только что

собравшуюся 6-ти-полковую дивизию, въ теченіи нѣсколькихъ дней, было не легко. Тогда еще требовались: и стройное движеніе цѣлой дивизіи въ резервномъ порядкѣ, и сохраненіе равненія нѣсколькими баталіонами, и сложная перемѣна фронтовъ линіи, состоящей изъ шести или 9 баталіоновъ. При подобныхъ перестроеніяхъ все зависитъ отъ ловкости и сноровки баталіонныхъ командировъ; а чтобы узнать ихъ, надо было пересмотрѣть всѣ полки отдѣльно: въ одномъ придать энергіи, въ другомъ уничтожить робость или уменьшить суетливость, а затѣмъ уже сводить ихъ вмѣстѣ. А тутъ пришлось подъ рядъ нѣсколько праздниковъ и какъ на зло — нѣсколько ненастныхъ дней. Все это, вмѣстѣ съ присущими всѣмъ большимъ лагерямъ препятствіями, въ родѣ занятія учебнаго поля полками другихъ дивизій, стрѣльбою, практикою артиллеріи, — привело къ тому, что до пріѣзда Государя мнѣ удалось сдѣлать только одно дивизионное ученіе.

Благодаря существовавшему въ Варшавѣ порядку, каждому начальнику дивизіи отводили близъ лагеря особую дачу, въ которой можно было удобно размѣститься съ семьею. Нанятая для меня дача находилась на „Повонзкахъ“. Во времена Цесаревича Константина Павловича, этотъ лагерь былъ превосходно устроенъ и служилъ любимымъ гульбищемъ лучшаго варшавскаго общества, а теперь оказался сильно запущеннымъ.

Кромѣ служебнаго дѣла, графъ Бергъ возложилъ на меня еще устройство для Государя русскаго спектакля изъ любителей, въ придворномъ театрѣ, до котораго изъ лагеря было верстъ 10, такъ что утромъ и послѣ обѣда — на ученяхъ, а вечеромъ, часовъ до 12 — на репетиціяхъ. Вспоминая прошлое, теперь не вѣрится, какъ это тогда на все хватало силъ и не считалось тягостію, а напротивъ — удовольствіемъ.

Государь пробылъ въ Варшавѣ только два дня. Въ первый — былъ общій нарядъ, а во второй — общее двухъ-стороннее ученіе. Тѣмъ и другимъ онъ остался доволенъ, за исключеніемъ одного случая на маневрахъ, именно позднимъ появленіемъ обходной колонны и нерѣшительностію ея наступленія. Графъ Бергъ, долго ея ожидавшій не выдержалъ и поскакалъ самъ къ лѣсу, изъ котораго она должна была дебушировать. Офицеръ генеральнаго штаба Кн... И...., желая его успокоить, рѣшился замѣтить, что колонна виднѣется и ему не стоитъ беспокоиться са-

тому, а не угодно ли послать его. „Нѣтъ, — отвѣчаетъ графъ, — вы видите, что она ползетъ какъ черепаха: Avec de pareils imbeciles on perd les batailles“.

Маневръ пріостановился. Государь, сойдя съ коня, взопелъ на укрѣпленіе, занятое 7 стрѣлковымъ баталіономъ, и увидя Берга пронесшимся въ карьеръ, обратился къ намъ съ улыбкою: „Каковъ старикъ, все еще думаетъ, что онъ подъ Остроленкою *)...“

Предполагавшійся спектакль былъ замѣненъ баломъ, даннымъ въ честь Государя, въ новомъ русскомъ клубѣ.

Въ отношеніи баловъ какъ-то вообще не счастливилось графу Бергу. Сколько разъ онъ ни затѣвалъ ихъ, всегда выходила какая-нибудь неловкость. Такъ случилось и теперь. Захотѣлось ему показать Государю будто польское общество облизилось съ русскимъ; поэтому онъ потребовалъ, чтобы старшины клуба разослали приглашенія на балъ въ семейства польской интеллигенціи. Старшины отвѣтили, что во-первыхъ до сихъ поръ ни одинъ полякъ не переступалъ еще порога русскаго собранія, а во-вторыхъ, что они вовсе незнакомы съ польскими помѣщиками и потому считаютъ неловкимъ приглашать ихъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ пановъ не заявилъ даже желанія быть на балѣ. Какъ намѣстникъ ни настаивалъ, старшины не поддавались, но заявили, что онъ можетъ получить сколько угодно билетовъ и разослать ихъ отъ своего имени кому хочетъ. Вслѣдствіе этого на балъ явилось нѣсколько поляковъ съ своими женами; но какъ они не были ни съ кѣмъ знакомы, то никто не обращалъ на нихъ вниманія, а потому имъ пришлось оставаться въ сторонѣ, составляя отдѣльную группу.

Въ кругу смотрѣвшей на танцующихъ публики, Государь замѣтилъ одну изъ русскихъ дамъ, представленную ему, 7 лѣтъ назадъ, на балѣ въ Псковѣ. Вспоминая объ этомъ Его Величество спросилъ ее, гдѣ она теперь и узнавъ, что живетъ

*) Тридцать шесть лѣтъ назадъ, въ 1831 году, въ сраженіи подъ Остроленкою, гр. Бергъ совершилъ извѣстный подвигъ, проведя по балкамъ горѣвшаго моста Новоигерманландскій пѣхотный полкъ, и бросившись съ нимъ на непріятельскую батарею. Взявъ ее, онъ вырвалъ побѣду изъ рукъ польскаго главнокомандующаго Скрженецкаго. Въ память этого событія, въ 1872 г., когда исполнилось 60 лѣтъ службы гр. Берга въ офицерскихъ чинахъ, онъ былъ назначенъ шефомъ Новоигерманландскаго полка.

внѣ Варшавы, поинтересовался о жизни русскихъ въ польскихъ городахъ.

— Живемъ мы, Ваше Величество—отвѣчала она, хотя и не всегда весело, но дружно, въ своей военной средѣ.

— Почему же вы не знакомитесь съ польскимъ обществомъ?

— Мы пробовали, Государь, сходитьсь съ нимъ, но всѣ попытки оказались напрасными. Напримѣръ въ Радомѣ мы условились встрѣчать Новый годъ вмѣстѣ съ польскими семействами, которымъ клубъ разослалъ приглашенія. Всѣ приняли ихъ, отвѣтили что непременно будутъ и ни одна изъ дамъ не пріѣхала.

— Странно! возразить Государь, — между тѣмъ я вижу здѣсь нѣсколько дамъ польскаго общества.

— Ихъ присутствіе вызвано особымъ случаемъ и не можетъ считаться добровольнымъ.

— Почему это?

— Имъ были посланы билеты самимъ намѣстникомъ.

— Да? Стало быть не все то справедливо, что мнѣ говорить,—замѣтилъ Императоръ.

Разговоръ этотъ слышали многіе изъ близъ стоявшихъ. Онъ дошелъ до старшинъ клуба, дошелъ и до намѣстника. Первые благодарили даму совершенно неумышленно рассказавшую дѣло, какъ оно было; но графъ Бергъ съ той поры замѣтно косился какъ на нее, такъ и на ея мужа.

По отъѣздѣ Государя, получено было распоряженіе о немедленной отправкѣ изъ каждой дивизіи по 250 чел. старшихъ сроковъ службы, на укомплектованіе мѣстныхъ войскъ восточной Сибири. Какъ ни охали полковые командиры, что приходится разставаться съ лучшими людьми, но все-таки надо было отправить ихъ. Послѣ Царскаго смотра, войска оставались въ сборѣ дней 10. Въ это время произошелъ случай, заставившій меня 7 недѣль ходить на костыляхъ. Отправившись однажды съ женою и съ чинами штаба гулять, мы подошли къ гимнастическимъ машинамъ, у которыхъ кончалъ занятія стрѣлковый баталіонъ, офицеры же его продолжали забавляться взбѣганіемъ на досчатую горку. Видя что нѣкоторые изъ нихъ неправильно исполняютъ это упражненіе, я вздумалъ похвастать своимъ искусствомъ, говоря имъ: „Позвольте-ка старому стрѣлку показать вамъ какъ надо взбѣгать“. Побѣжалъ, да

забылъ, что со мною мой пудель, никогда ни на шагъ не отстававшій отъ меня. Сбѣгая внизъ, вижу подъ ногами моего „Картуша“, стараюсь не наступить на него и на серединѣ горки падаю. Спутники мои хохочутъ, а я не могу подняться. Воображая, что необходимо тотчасъ же размяться, я отправился домой пѣшкомъ. На слѣдующій день уже трудно было спустить ногу съ постели, а призванный докторъ, найдя вытянутость жилъ въ подъемѣ, потребовалъ безусловнаго покоя. Между тѣмъ графъ Бергъ, чтобы труды по приготовленію любительскаго спектакля не пропали, просилъ мнѣ дать его черезъ нѣсколько дней. И вотъ мнѣ пришлось, всякій день, съ вытянутою ногою, ѣздить на прерванные репетиціи. Это такъ раздражило ее, что ни компрессы, ни бинтованіе не помогли. Въ такомъ положеніи я возвратился въ Радомъ, гдѣ наложили гипсовую повязку.

Лагерный сборъ кончился въ половинѣ іюня. Какъ только войска прибыли на свои квартиры, послѣдовалъ обычный, ежегодный приказъ: о распредѣленіи молодыхъ солдатъ послѣдняго набора, изъ резервныхъ баталіоновъ въ полки. Чтобы дальнѣйшій рассказъ мой объ этомъ былъ яснѣе, необходимо сказать, что жажда ломки всего прежняго измѣнила упроченный временемъ и не представлявшій ни малѣйшихъ неудобствъ методъ образованія рекрутъ. До начала реформъ, точно также какъ въ настоящее время, рекруты поступали прямо въ тѣ части, гдѣ имъ предстояло служить. Тамъ они учились, тамъ начинали, продолжали и кончали службу. Кажется, что могло быть лучше и разумнѣе этого, и кому не извѣстно, что всякій лучше и охотнѣе работаетъ для себя, чѣмъ для другихъ. Нѣтъ,—новаторамъ надо было придумать что-либо иное, и они придумали, чтобы всѣ рекруты, съ мѣста набора, поступали сначала въ особые резервные баталіоны и, по истеченіи полугода, переводились-бы въ полки, подъ именемъ, уже обученныхъ молодыхъ солдатъ. На дѣлѣ же выходило, что это были не рекруты, а испорченные для будущаго недоучки. Въ резервныхъ баталіонахъ на нихъ смотрѣли какъ на временно-прикомандированныхъ, не заботились ни о ихъ бытѣ, ни о ихъ развитіи и нравственности, а обучали настолько, чтобы сбыть только смотръ. Ни о дисциплинѣ и отвѣтственности, ни о сознаніи долга и преданности службѣ, — ни о чемъ

этомъ не было и въ поминѣ. Такъ называемые молодые солдаты являлись въ полки съ мнѣніемъ, что ихъ образованіе кончено, и когда ихъ начинали переучивать, что гораздо труднѣе чѣмъ учить, то смотрѣли на это какъ на придирки, обнаруживали неохоту и ропотъ: „Тамъ насъ хвалили, а здѣсь говорятъ, что мы ничего не знаемъ“—думали они. Извѣстно, что впечатлѣніе производимое на солдата въ первые дни служенія, и приобрѣтенныя имъ привычки, остаются неизгладимыми, и надо много умѣлаго труда, чтобы измѣнить ихъ. Что обученіе рекрутъ въ чужой части вредно отражалось на дальнѣйшей ихъ службѣ, было признано во всей арміи, но несмотря на это, подобная система существовала, изъ-за упрямства ея автора, лѣтъ десять.

Когда наступало время отправлять мнимо-обученныхъ молодыхъ солдатъ по полкамъ, то въ то же время изъ полковъ, цѣлыми сотнями, брали лучшихъ людей старшихъ сроковъ службы въ мѣстные команды, учрежденныя тогда-же, вмѣсто упраздненныхъ баталіоновъ внутренней стражи. Такихъ людей, съ границъ царства польскаго, переводили въ Сибирь, въ Туркестанъ и во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ, въ періодъ переводовъ, обыкновенно въ августѣ мѣсяцѣ, несмотря на вполне мирное время, цѣлые поѣзда съ переводимыми сновали изъ одного конца Имперіи въ другой: изъ Казани въ Варшаву, изъ Варшавы въ Саратовъ, изъ Вятки въ Тифлисъ, изъ Кіева въ Пермь и тому подобное. Кто-то сдѣлалъ вычисленіе, что вслѣдствіе переводовъ, болѣе 100 тысячъ чело­вѣкъ совершенно напрасно переѣзжали съ мѣста на мѣсто на счетъ казны. Можно вообразить что стоили подобныя распоряженія правительству! Но, кромѣ денежныхъ расходовъ, переводы приносили громадный вредъ и образованію, и нравственному воспитанію солдата. Побывъ полгода въ резервномъ баталіонѣ, потомъ 2—3 года въ полку, затѣмъ столько-же въ мѣстныхъ войскахъ, солдатъ вездѣ считалъ себя временнымъ гостемъ; начальство смотрѣло на него какъ на чужаго, и онъ самъ точно-такъ-же смотрѣлъ на начальство, не стараясь узнать его. Никто не заботился о его бытѣ, да и самъ-то онъ ничѣмъ не обзаводился, жилъ цыганомъ. Товарищество, любовь къ своей части, желаніе узнать ея традиціи, ея прошлое, привязаться къ ней,—все это сдѣлалось, для переводимыхъ съ мѣ-

ста на мѣсто, совершенно чуждымъ. Съ другой стороны, ближайшее начальство, видя, что отъ него берутъ людей, на образованіе которыхъ положено имъ столько труда и заботъ, теряло энергію, у него опускались руки,—оно невольно дѣлалось равнодушнымъ. При такихъ порядкахъ, сердечнаго участія къ дѣлу службы существовать не могло. Кто изъ близко стоящихъ къ образованію солдата не знаетъ, чего стоитъ, на примѣръ, довести его до званія стрѣлка перваго разряда. На это надо не одинъ годъ, и въ то время, когда это вами достигнуто, его берутъ отъ васъ и обращаютъ въ конвойнаго, а вмѣсто взятаго присылаютъ полу-неуча. Еще бѣльшаго труда стоитъ образовать хорошаго унтеръ-офицера и музыканта. Способныхъ къ этому людей намѣчаютъ заранѣе, испытываютъ, готовятъ, чтобы изъ нихъ вышли надежные учителя, и только что является надежда на успѣхъ—ихъ переводятъ. Оставаться равнодушнымъ къ подобнымъ распоряженіямъ, вызывавшимъ со всѣхъ сторонъ жалобы, не было возможности. Невозможно было молчать уже потому, что иногда назначали къ переводу такое число людей старшихъ сроковъ службы, котораго въ части не оказывалось, даже считая всѣхъ фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ. Намъ извѣстно, что кое-кто заявляли о томъ, что происходитъ отъ переводовъ, думая помочь дѣлу, и только повредили себѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1867—1868 гг.

Упраздненіе военныхъ отдѣловъ. — Объ офицерскихъ обществахъ того времени. — По поводу обмундировальныхъ мастерскихъ. — Записка о переводахъ. — Совѣщаніе у генерала Рамзая. — Поѣздка въ Петербургъ — Представленія тамъ. — Въ Зимнемъ дворцѣ. — Желаніе возвратиться въ Россію. — Новое назначеніе. — Приготовленіе къ отъѣзду. — На перепутьи въ Варшавѣ. — Представленіе Государю. — Неосновательныя слухи. — Проѣздъ черезъ Москву и Козловъ до Тамбова.

По упраздненіи военныхъ отдѣловъ, большая половина дѣла отпала, и явилась возможность заняться прямою своею обязанностью — по начальствованію дивизіею. При вторичномъ ея объѣздѣ, въ началѣ великаго поста, я встрѣтилъ въ Мѣховѣ священника Витебскаго полка, прибывшаго туда для исповѣди и причащенія 3-го баталіона. Желая присутствовать при служеніи, я былъ пораженъ тѣмъ, что столь великое таинство совершается не въ церкви, а въ одномъ изъ жилыхъ покоевъ, такъ какъ ни въ этомъ городѣ, ни въ штабѣ полка — Пилицѣ, нѣтъ православнаго храма.

— Почему-же вы, — спрашиваю я полковаго командира, — не поставите вашей походной церкви?

— У насъ въ дивизіи нѣтъ полковыхъ церквей, отвѣчалъ полковникъ.

— Какъ нѣтъ церквей! Вспомните, вы стоите въ католическомъ краѣ. Стало быть, ваши люди никогда не бываютъ въ храмѣ Божіемъ, даже въ Свѣтлое Воскресенье?

— Они ходятъ въ костелы. Вся служба въ этотъ день ограничивается тѣмъ, что священникъ, вмѣстѣ съ солдатами, пропоетъ „Христосъ Воскресе“, — благословить розговѣнье и этимъ все кончается.

Я не могъ опомниться отъ удивленія. Что-же дѣлали мои предмѣстники? Неужели они не знали о подобномъ положеніи? При дальнѣйшихъ разспросахъ разъяснилось, что полки уже нѣсколько лѣтъ находятся безъ церквей, что они еще при выступленіи въ 1853 году на Дунай, оставили ихъ на Волыни, въ мѣстахъ своего прежняго квартированія: въ Луцкѣ, Дубнѣ и Ровно. Возмущенный подобнымъ равнодушіемъ къ дѣлу религіи, я немедленно просилъ разрѣшенія графа Берга отправить въ эти города полковыя подводы, для перевозки походныхъ церквей къ полкамъ, на ихъ средства. Къ празднику Пасхи церкви были привезены; но многое въ нихъ было растрачено, такъ какъ иконостасы оказались въ какихъ-то сараяхъ, перекладывались не разъ съ мѣста на мѣсто и никто не охранялъ ихъ. Потерянное и попорченное вскорѣ было исправлено, и въ день Свѣтлаго Воскресенья, нижніе чины, послѣ 10-ти лѣтъ, впервые, имѣли утѣшеніе услышать на чужбинѣ православное богослуженіе.

Производимыя непрерывно нововведенія и реформы въ военной сферѣ потребовали усиленной работы со стороны младшихъ и неусыпнаго надзора со стороны старшихъ начальниковъ. Тѣ и другіе занялись дѣломъ съ энергіею и усердіемъ, несмотря на то, что имъ приходилось бороться съ неодолимыми препятствіями. Обращеніе полковъ въ кадровый составъ и безпрестанные переводы людей цѣлыми массами, весьма часто ставили даже тѣхъ, которые всею душею были преданы своему дѣлу, въ крайнее положеніе. Во всѣхъ европейскихъ арміяхъ принято называть кадрами тѣ части войскъ, которыя состоятъ изъ опытныхъ и надежныхъ учителей. При такомъ составѣ доведеніе арміи до крайняго наличнаго минимума не страшно, потому что, въ случаѣ мобилизаціи, какъ молодые новобранцы, такъ и призываемые изъ запаса, вливаются въ среду твердую и надежную. Что-же представлялъ, за взятіемъ всѣхъ старослужащихъ, нашъ кадровый составъ описываемаго времени? Онъ состоялъ изъ солдатъ, прослужившихъ годъ или два, изъ переведенныхъ за пороки и неспособность изъ гвардіи и жандармовъ, изъ возвращенныхъ въ строй деньщиковъ, пожарныхъ, сторожей и изъ только что прибывшихъ изъ резервныхъ баталіоновъ рекрутъ, хотя и называвшихся молодыми солдатами, но ни къ чему основательно не подготовлен-

ныхъ. Было отчего призадуматься, особенно находясь на границѣ. Мало этого: всѣ лучшіе офицеры были взяты: одни въ военно-полицейское управленіе, другіе — на гражданскія должности по крестьянской реформѣ. Возможность получать мѣста съ большимъ содержаніемъ привела къ тому, что въ теченіи двухъ лѣтъ изъ дивизіи вышло 107 лучшихъ офицеровъ.

„Да и какъ было не идти имъ въ другія вѣдомства,—доносили министру генералъ Аничковъ,—если взаимно скуднаго жалованья армейскаго офицера, имъ предлагаютъ мѣста, напримеръ: военно-уѣзднаго начальника съ 2,400 руб. въ годъ содержанія, начальника земской стражи въ губерніи — съ 2,500 р., комиссара по крестьянскимъ дѣламъ — съ 3,000 р.; даже офицера таможенной стражи съ 1,200 р.“¹⁾

Необходимо замѣтить, что это писалъ человѣкъ всецѣло преданный новаторству. Казалось-бы, что если хотѣли, во что-бы ни стало, ломать все прежнее, то не слѣдовало-бы открывать возможности къ выходу изъ строевой среды лучшихъ ея силъ, а напротивъ—привлекать въ нее, предоставивъ, не побочнымъ и постороннимъ для военнаго вѣдомства, а строевымъ должностямъ, большія средства къ жизни. Дѣлали напротивъ: различными льготами открыта была возможность достигать офицерскаго званія выходцамъ изъ разныхъ сословій, лишь бы они выдерживали экзамены, по крайне ограниченной программѣ! Исключенные изъ семинарій, выгнанные изъ гимназій, или изъ писцовъ различныхъ гражданскихъ учрежденій брались въ полки, а оттуда пробирались въ юнкерскія училища, безъ всякаго разбора и справокъ о прежней средѣ, о родѣ занятій, о семейномъ бытѣ. Развѣ даваемые полиціею удостовѣренія о поведеніи могли служить гарантіею? Не пьянствуетъ, не дебоширствуетъ, не находится подъ слѣдствіемъ—значитъ хорошъ; а какія идеи, привычки и взгляды занесетъ онъ съ собою въ офицерское общество,—какое кому дѣло? Достигши офицерскаго званія, эти лица составляли въ полкахъ сначала отдѣльныя группы меньшинства; но когда лучшіе представители прежняго состава повышлись, то соста-

вили, если не большинство, то все-таки такую по численности партію, съ которою пришлось считаться и принимать мѣры, чтобы она не сдѣлалась преобладающею. Для этого необходима была поддержка сверху, и такъ какъ ее не являлось, то ближайшимъ руководителямъ полковъ самимъ пришлось принимать мѣры для лучшаго направленія молодыхъ офицеровъ. Приведу по этому поводу выдержку изъ конфиденціального письма, съ которымъ я обратился къ полковымъ командирамъ.

„Незавидное положеніе, въ которомъ находятся нѣкоторые изъ младшихъ офицеровъ, неоднократно заставляло меня думать о томъ—нѣтъ-ли средства помочь этому, и не разъ оставливаясь надъ вопросомъ: почему наши офицеры, получая въ Польшѣ все-таки нѣсколько болѣе чѣмъ въ Имперіи, въ наружномъ видѣ, въ манерахъ, въ способѣ держать себя въ обществѣ, далеко не тѣ, чѣмъ были прежде.

„Вникая въ причины заставляющія ихъ скрываться даже отъ своего общества и впадать въ неряшество, я узналъ, что рѣдкій изъ офицеровъ живетъ одинъ, что большая часть имѣетъ при себѣ женщину, конечно польку, которая, совершенно овладѣвая имъ, заставляетъ входить въ долги. Не смѣя ни въ чемъ противорѣчить ей, офицеръ жертвуетъ всѣмъ: она радится, а онъ ходитъ въ изношенномъ. Понемногу втягиваясь въ подобную жизнь, молодой человѣкъ дѣлается циникомъ во всѣхъ отношеніяхъ. На него и находятъ быть можетъ минуты, когда онъ хотѣлъ-бы оторваться отъ зла, но у него недостаетъ ни средствъ, ни характера. Главными причинами этого грустнаго состоянія я нахожу то, что полковые командиры не имѣютъ свѣдѣній о частной, домашней жизни офицеровъ, о средѣ, въ которой они вращаются, и мало вліяютъ на ихъ нравственное направленіе. Мнѣ нерѣдко доводилось слышать мнѣніе, что полковому командиру нѣтъ дѣла, кто съ кѣмъ и какъ живетъ, лишь бы былъ исправенъ по службѣ. Отъ этого и происходитъ, что офицеръ, связавшись съ полькою, начинаетъ опускаться, дѣлается сначала равнодушенъ къ своей наружности, не взвѣшиваетъ своихъ поступковъ, совершаетъ служебныя упущенія и наконецъ доходитъ до того, что его приходится удалять. Придите къ нему на помощь вовремя,—и онъ можетъ быть спасенъ. Развѣ мы не видимъ, что юноша, полный силъ и

¹⁾ Рапортъ генерала Аничкова военному министру, 22 февраля 1867 г. № 5.

энергіи, черезъ 2—3 года дѣлается неузнаваемъ и носитъ на себѣ отпечатокъ какъ наружнаго, такъ и нравственнаго упадка. Прошу васъ принять мѣры, чтобы субалтернъ-офицеры были постоянно заняты дѣломъ, пользовались бы только тѣмъ обществомъ, въ которомъ нѣтъ дурныхъ примѣровъ, и не попадали-бы подъ вліяніе тѣхъ, кто уже погрязъ въ дурной жизни и безповоротно потерялъ самолюбіе. Къ этому побуждаетъ насъ не только духъ узаконеній, но и нравственный долгъ, такъ какъ тотъ начальникъ, который не предупреждаетъ зла, содѣйствуетъ его развитію“.

Открытіе доступа къ офицерскому званію людямъ всѣхъ сословій и происхожденій, крайне невыгодно отзывалось на составѣ полковыхъ обществъ. Были даже попытки, ради пополненія некомплекта, дать возможность всякому сдаточному достигъ производства, не продолжительнымъ испытаніемъ, или выслугою извѣстнаго срока въ унтеръ-офицерскомъ званіи; а путемъ прохожденія черезъ юнкерскія училища. На совѣщаніи, бывшемъ по этому предмету у графа Берга, изъ всѣхъ генераловъ нашелся только одинъ, который, желая попасть въ тонъ новаторовъ, заявилъ, что считаетъ подобную мѣру полезною; всѣ же другіе высказали противное, а именно, что если это осуществится, то въ училища скорѣе всего упадутъ выгнанные изъ службы чиновники, сельскіе писаря и грамотные лакеи и приказчики. Неужели-же желательно, чтобы они сдѣлались офицерами? Извѣстно, что въ войскахъ самый лучший и неиспорченный элементъ составляютъ люди, поступающіе изъ хлѣбопашцевъ. Какой же крестьянинъ, какъ бы онъ ни былъ способенъ, въ состояніи, безъ подготовки съ дѣтства, удовлетворить требованіямъ программы юнкерскаго училища и держать экзаменъ изъ алгебры? Если и явится такой феноменъ, то онъ будетъ одинъ изъ тысячи. Кому же новый законъ дать дорогу? Людямъ, завѣдомо нравственно испорченнымъ, которымъ некуда дѣваться. Прикинувшись на два года исправными и нравственными, они одолѣютъ программы, но получа эполеты, примутся за прежнее, и, давъ волю своимъ порочнымъ инстинктамъ, конечно, не пощадятъ ни чести мундира, ни репутаціи своей части.

Вспомню кстати и другое совѣщаніе происходившее, у графа Берга, по поводу учрежденія военно-обмундировальной мастер-

ской въ Брестѣ. Сколько помнится, это было въ 1866 году. Прибывшій для этого въ Варшаву главный интендантъ открылъ засѣданіе рѣчью, что мастерскія учреждаются для того, чтобы войска не были заняты никакими работами; чтобы солдатъ получалъ все готовое, а командиры полковъ не были бы отвлекаемы никакими хозяйственными заботами отъ прямыхъ своихъ обязанностей. Но какъ производить постройку одежды на Варшавскій округъ вольно-наемными портными сразу, покуда мастерская не вполнѣ еще устроена,—трудно и дорого, то онъ просилъ, чтобы на первое время полки дали бы по нѣсколько портныхъ каждый. Изъ этой рѣчи было видно, что съ перваго же шага начались противорѣчія. Только-что сказано, что мастерскія учреждаютъ для того, чтобы не отвлекать солдата отъ службы, и сразу же дѣлаютъ это. Затѣмъ графъ Бергъ спросилъ: „согласны-ли войска дать по 10 чел. портныхъ съ полка?“ Начальники кадровыхъ дивизій отвѣчали, что это возможно; но кавалеристы возстали на томъ основаніи, что мастерская не будетъ шить мундировъ для кавалеріи, для чего же брать изъ нея и портныхъ? То же самое говорилось и въ отношеніи гвардейскихъ полковъ. Затѣмъ начальникъ мѣстныхъ войскъ заявляетъ, что ему предстоитъ одѣть 40 тысячъ рекрутъ, и потому онъ отъ своихъ частей ни одного человѣка дать не можетъ. Вышло, что армейскимъ дивизіямъ приходилось дать уже не по 10, а по 30 человѣкъ съ полка. Начинаются пререканія, во время которыхъ представитель интендантства выразилъ мысль, что онъ удивляется спорамъ, и что не все ли равно для полка дать 10 или 30 человѣкъ. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ ему:

„А намъ остается удивляться, что хозяинъ арміи не знаетъ ея положенія. Не знаетъ, что, за разными сокращеніями штатовъ и вслѣдствіе послѣднихъ нововведеній, полки находятся въ такомъ положеніи, что если полковому командиру надо подковать лошадь, то онъ посылаетъ ее къ вольному кузнецу; что для окраски телѣги приходится нанимать маляра. Неужели же необходимо довести и до того, чтобы для передѣлки мундировъ полкъ нанималъ портныхъ“.

Графъ Бергъ хотя и понималъ нужды войскъ, но, не желая идти противъ интендантства, не зналъ, какъ соблюсти

первыя и угодить второму. Чтобы прекратить споры, я рѣшился сказать графу:

— Разъ, что вы признаете нужнымъ, чтобы портные были даны,—прикажете, и мы дадимъ. Найдете, что мало 30,—дадимъ 40. Развѣ можно не исполнять приказанія? Но кому это принесетъ пользу, войскамъ или интендантству — это другой вопросъ“.

Конечно, такъ и случилось, а потомъ всѣ лучшіе изъ данныхъ полками портныхъ были не временно удержаны, какъ говорилъ главный интендантъ, а навсегда оставлены въ обмундировательной мастерской. Не значило-ли это чужими руками жаръ загребать? О той организаціи, которую получили эти мастерскія, объ ихъ хозяйственной части и о мнимои ихъ пользѣ, наконецъ о тѣхъ милліонахъ, которые были на нихъ затрачены, можно бы было сказать многое.

Вообще трудно понять, съ какою цѣлью принимались мѣры къ замѣнѣ полковыхъ мастерскихъ центральными, которыя всегда обходятся дороже, а между тѣмъ лишаютъ полки хозяйственной самостоятельности. То, что русскій солдатъ на все способенъ и что прежде всякая часть нашихъ войскъ, бросьте ее хоть въ Сахару или на необитаемый островъ, не пропала-бы, составляло всегдашнюю зависть всѣхъ европейскихъ армій. Русская рота прошлаго времени не нуждалась ни въ какихъ центральныхъ мастерскихъ. Она могла сама себѣ построить жилище, обути, одѣться, прокормиться, сдѣлать паромъ, лодку, телѣгу; ей не надо было ни инженеровъ, ни интендантовъ. Казалось бы, что слѣдовало дорожить этимъ, а не уничтожать подобную самостоятельность части, возможность найти въ самой себѣ и кузнеца, и повара, и садовника, и плотника. Такое свойство въ военное время еще важнѣе, чѣмъ въ мирное. Въ минувшую войну мы видѣли, какъ центральныя учрежденія, быть можетъ, при всемъ своемъ желаніи и при громадныхъ затратахъ, не могли удовлетворить самыхъ насущныхъ нуждъ арміи. Склады были переполнены, а войска нуждались даже въ медикаментахъ. Та же война указываетъ, что тамъ, гдѣ войска останавливались, хотя на нѣсколько дней, они сами исправляли мельницы, обращали зерно въ муку, устраивали пекарни, даже бани, чинили мундиры и обувь. Чѣмъ подобныя свойства арміи болѣе развиваются, безъ ущерба ея образованію, тѣмъ лучше, тѣмъ

она менѣе будетъ стоить правительству; а что развитіе мастерства не можетъ вредно вліять на обученіе, доказывается тѣмъ, что 30 лѣтъ назадъ, строевое образованіе было доведено до совершенства и мастерства процвѣтали. Могутъ сказать, что тогда не требовалось ни стрѣльбы, ни самоокапыванія. Согласенъ; но стрѣльбѣ и при мастерствахъ можно обучать всѣхъ поголовно, какъ это и дѣлается теперь съ кашеварами и хлѣбопеками, которымъ это нисколько не мѣшаетъ варить щи и печь хлѣбы, а самоокапываніе ни что иное какъ мода, на которую напрасно затрачивается время. Какой же русскій человѣкъ не окопается, дайте только ему не скребокъ, а хорошую лопату. Развѣ сотни тысячъ народа, построившаго у насъ десятки тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, были обучаемы какъ рыть землю, обдѣлывать насыпи и т. д. Если спрашивать о самоокапываніи профессоровъ фортификаціи, и о гимнастикѣ какого-нибудь Шмидта и Комп., да еще слушаться ихъ, то они какъ дважды два докажутъ, что Россія погибнетъ, если вся армія не обратится въ землекопателей и акробатовъ. Все это увлеченія, подобныя увлеченію плаваніемъ, проѣздками на сотенныя разстоянія, военными велосипедистами и т. п.

Возрастъ дѣтей, требовавшій уже нѣсколько серьезнаго обученія, заставлялъ меня подумывать о переселеніи въ Россію, такъ какъ въ Радомѣ не было никакой возможности имѣть учителей. Съ этою цѣлью, въ январѣ 1868 г., я взялъ отпускъ въ Петербургъ, чтобы заявить о моемъ желаніи получить перемѣщеніе во внутреннія губерніи. Но передъ этимъ графъ Бергъ въ августѣ мѣсяцѣ 1867 г. приказалъ мнѣ составить записку о послѣдствіяхъ переводовъ нижнихъ чиновъ изъ однихъ мѣстъ въ другія, но повелѣ это дѣло совершенно не такъ, какъ слѣдуетъ, и привелъ его къ самымъ непріятнымъ для меня послѣдствіямъ въ будущемъ.

Такъ какъ въ полкахъ не доставало того числа людей старшаго срока службы, которое приказано было отправить въ Московскій округъ, то въ іюлѣ 1867 г. я, частнымъ письмомъ, просилъ начальника штаба похлопотать, чтобы перевели меньше. На это я получилъ приказаніе графа Берга составить подробную записку о томъ, въ какое положеніе приводятся кадровыя части, черезъ переводъ изъ нихъ самыхъ лучшихъ и твердыхъ людей. Записку, какъ говорилъ мнѣ потомъ баронъ Рамзай,

намѣстникъ хотѣлъ отправить прямо къ Государю; но баронъ упросилъ его не дѣлать этого, а обсудивъ, представить министру. Между тѣмъ я получаю депешу прибыть къ 30-му августу въ Варшаву. Приѣзжаю и узнаю, что туда созваны всѣ начальники дивизій. Являясь фельдмаршалу думаю, что вѣроятно онъ что-либо скажетъ по поводу моей записки, но вмѣсто этого слышу, на французскомъ языкѣ, такую фразу: „Очень радъ, mon cher, видѣть васъ, и прошу завтра ко мнѣ обѣдать, чтобы вмѣстѣ выпить стаканъ шампанскаго за здоровье Государя“. Изъ замка ъду являться барону Рамзаю. У него совѣтъ другая встрѣча. Только что я вошелъ въ кабинетъ, какъ онъ замыкаетъ его на ключъ и, обнимая меня, говоритъ: „Позвольте мнѣ поцѣловать васъ за то, что вижу въ васъ человѣка рѣшившагося высказать то, что всѣ знаютъ, но заявлять бояться. Намѣстникъ хотѣлъ отправить вашу записку Государю, но я отстранилъ это, поэтому онъ поручилъ мнѣ обсудить ее вмѣстѣ со всѣми начальниками дивизій“.

— Едва-ли будетъ удобно, отвѣчалъ я, —выставлять меня авторомъ записки. Между начальниками дивизій есть старѣйшій генералъ-лейтенантъ во всей арміи, Карлъ Александровичъ Бельгардъ, я же всего 5 лѣтъ генералъ-маіоромъ и только командующіей дивизіей. Не вышло бы изъ этого, что яица курицу учать.

— Да, это правда. Ну, такъ мы прочтемъ эту записку, какъ составленную въ окружномъ штабѣ, хотя и долженъ вамъ сказать, что, по возвращеніи моемъ съ осмотра, по Высочайшему повелѣнію, кадровой дивизіи въ Пензѣ, я докладывалъ, что она въ томъ же самомъ положеніи, какое вы описываете въ вашей запискѣ.

На обѣдѣ у намѣстника не было и рѣчи о чемъ-либо служебномъ; но на другой день у барона Рамзая записка была прочтена помощникомъ начальника штаба, и всѣ тогда же заявили, что все въ ней сказанное до того вѣрно, что каждый готовъ подписать ее. Покойный Д. И. Черницкій тотчасъ же смекнулъ, что если записка пойдетъ дальше, какъ составленная въ штабѣ, которымъ онъ тогда временно управлялъ, то едва ли это понравится въ Петербургѣ, и потому повелъ такую рѣчь:

— Хотя всѣ и заявили, что прочтенное вполнѣ справедливо,

но было бы еще убѣдительнѣе, если бы сказанное подтвердить цифрами: сколько куда и когда переведено, какіе люди и откуда прибыли для замѣны и т. д.

Баронъ согласился; я же хотя и видѣлъ, что этимъ дѣло затягиваютъ надолго, но не возражалъ, потому что сдѣланнаго уже нельзя было поправить. Только въ половинѣ сентября дивизионные штабы получили запросы о доставленіи свѣдѣній по извѣстнымъ формамъ; штабы написали въ полки, полки прислали съ ошибками, пришлось возвращать, — и пошла обычная канцелярская канитель, длившаяся всю осень. Въ началѣ ноября приѣзжаетъ въ Радомъ начальникъ жандармскаго округа, баронъ Фредериксъ; какъ старый пріятель, онъ останавливается у меня, и, между разговорами заявляетъ, что онъ послалъ копію съ моей записки шефу жандармовъ.

Совершенно уже забывъ о происходившемъ два мѣсяца назадъ, я спрашиваю:

— О какой запискѣ вы говорите?

— О той, что была читана у Рамзая въ августѣ.

— Зачѣмъ же она нужна шефу жандармовъ и почему вы даже не спросили меня?

— Да, видите ли почему: по моей инструкціи требуется, чтобы я еженедѣльно доносить обо всемъ, что дѣлается въ Варшавѣ. Въ августѣ я и донесъ, что собраны для совѣщанія всѣ начальники дивизій. Дней 10 назадъ получаю отъ шефа такую записку: „Сообщите въ чемъ состояли совѣщанія и чѣмъ они кончились?“ Я сначала и хотѣлъ написать вамъ, да потомъ подумалъ, —покуда письмо пойдетъ, покуда вы отвѣтите; не проще ли достать копію съ вашей записки и написать, что я ничего не знаю, чѣмъ кончилось совѣщаніе, а посылаю то, что было на немъ читано. Такъ я и сдѣлалъ.

— Удружили, нечего сказать! Увидите, что изъ-за этого выйдетъ что-нибудь весьма для меня непріятное.

И вышло потомъ не мало, не только непріятнаго, но даже горькаго. Но, не желая навязывать собственную горечь другимъ, перехожу къ вышеупомянутой поѣздкѣ въ Петербургъ.

Тамъ, первымъ дѣломъ, было явиться къ кому слѣдуетъ и посѣтить старыхъ знакомыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стояли у военныхъ дѣлъ довольно высоко. Отъ нихъ узнаю, что су-

ществуетъ мнѣніе, будто я самъ отправилъ свою записку къ Государю.

— Да что вы здѣсь съ ума что ли сошли, говорю я, раздосадованный подобною нелѣпостью. Кто же мнѣ далъ право, по служебному дѣлу, писать прямо къ Государю, помимо фельдмаршала и министра? Да знаете ли, что если у меня ротный командиръ, помимо полковаго, напишетъ мнѣ, то я посажу его подъ арестъ. Право, у васъ тутъ умъ за разумъ заходитъ.

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, а здѣсь въ этомъ убѣждены, возражаетъ мой знакомый, а если такое убѣжденіе извѣстной личности разъ запало въ голову, то вѣрьте, что это вамъ никогда не забудется.

— И не забылось оно! Несмотря на все мое стараніе разъяснить истину, меня къ этому не допустили, говоря, что это дѣло не имѣло никакого вліянія, что напротивъ, меня считаютъ однимъ изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ, и что возобновлять объ этомъ разговоръ совершенно напрасно.

На слѣдующій день я представлялся Государю. Во время ожиданія пріема входитъ въ залъ генералъ Эггертъ, крайне взволнованнымъ.

— Вы представлялись такому-то? спрашиваетъ онъ меня. Отвѣчаю—представлялся.

— Спрашивалъ онъ васъ о чемъ-либо, говорилъ съ вами?

— Какже; мы говорили о Варшавѣ, о предстоящемъ приѣздѣ графа Берга, о моемъ здоровьѣ, о моемъ находящемся за границею братѣ, мало-ли о чемъ.

— И ни слова о службѣ, о войскахъ и ихъ нуждахъ?

— Ни слова.

— Нѣтъ, это невыносимо! Я четыре года не былъ здѣсь; бѣду, чтобы переговорить о дѣлахъ, о службѣ, а меня принимаютъ какъ какого-нибудь фланера, съ которымъ вчера видѣлись, не интересуются ничѣмъ, даже не спрашиваютъ меня не имѣю-ли я о чемъ либо доложить, а когда я самъ началъ, то заминаютъ, протягиваютъ руку, — значить—„проваливай, мнѣ не до тебя!“

— Напрасно вы горячитесь; вѣдь не васъ однихъ такъ принимаютъ, а всѣхъ.

— Да помилуйте, продолжалъ кипятиться Эггертъ, еслибы я это предвидѣлъ, я бы не пріѣхалъ, не тратился-бы.

Въ это время генерала Краснокутскаго, Эггерта и меня позвали въ кабинетъ Государя.

Его Величество разспросилъ каждого изъ насъ о чемъ-либо, касающемся нашихъ частей. Съ первымъ говорилъ о зимнихъ занятіяхъ кавалеріи и о манежахъ; со вторымъ — о составѣ офицеровъ; меня спросилъ о санитарномъ состояніи дивизіи, и когда я отвѣтилъ, что въ 4 полкахъ всего 130 больныхъ, то удивился что такъ мало. На это я доложилъ:

— Мы въ кадровомъ составѣ, Ваше Величество.

Лицо Государя вдругъ сдѣлалось серьезнѣе. Махнувъ рукою, онъ сказалъ:

— Я все забываю. *объ этомъ вашемъ кадровомъ составѣ*, и съ этими словами направился къ двери, ведущей въ общую пріемную; но вдругъ остановился и, обратясь ко мнѣ, серьезнымъ тономъ спросилъ меня:

— Ну, а что же, этотъ кадровый-то составъ твердъ?

— Послѣ того, что вы изволили видѣть его въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ, всѣхъ старослужащихъ взяли отъ насъ въ мѣстныхъ войска

— Слышалъ, знаю. Это оправдываютъ необходимостью уровнять сроки службы въ частяхъ; но я надѣюсь, что такихъ переводовъ впередъ не будетъ. — Съ этими словами Государь прошелъ въ залъ общаго пріема.

Ну, слава Богу, — подумалось мнѣ; что бы тамъ ни было, а я все-таки оказалъ пользу дѣлу. Съ тѣхъ поръ дѣйствительно изъ полковъ переводили не сотнями, а только десятками.

Спускаясь вмѣстѣ въ швейцарскую, Эггертъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Вотъ видите, сказалъ онъ, какъ Государь всѣмъ интересуется и всякаго разспрашиваетъ, а тамъ ни о чемъ ни слова.

Чтобы обезпечить за собою полученіе назначенія въ Польшу, я проѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, съ цѣлью узнать тамъ отъ А. И. Гильденштуббе, не будетъ-ли скорѣе вакансія на дивизію въ его округѣ. Какъ бывший мой полковой командиръ, онъ очень былъ радъ моему заявленію и обѣщалъ содѣйствіе.

По возвращеніи въ Радомъ, я засталъ тамъ все общество въ большомъ волненіи. Одинъ изъ молодыхъ артиллерійскихъ офицеровъ, въ настоящее время даровитый военный писатель, накропалъ стишки сатирическаго содержанія, въ сущности совершенно безвинные, въ которыхъ весьма мѣтко обрисовалъ все гражданское и военное общество. Особенно возстали барыни. Однѣ хвастали, что знаютъ автора; другія злились, что не называютъ его, и всѣ перебрались и перессорились. Такъ какъ виновникъ кутерьмы былъ хорошимъ моимъ знакомымъ и часто бывалъ въ моей семьѣ, то многія надулись на насъ, зачѣмъ я принимаю его.

Передъ Пасхою 1868 г. я получилъ официальное предвѣреніе о томъ, что буду перемѣщенъ начальникомъ 18 дивизіи, потому, — какъ сказано въ хранящемся у меня документѣ, — что для командованія ею нуженъ человекъ, „отличающійся знаніемъ службы и извѣстный своими административными способностями“; къ этому было прибавлено, что графъ Бергъ согласился на мой переводъ „съ крайнимъ сожалѣніемъ и только въ виду заявленной необходимости“, — однимъ словомъ, въ похвалахъ недостатка не было. Вскорѣ послѣдовалъ приказъ о новомъ моемъ назначеніи и о томъ, что вмѣсто меня 7 дивизія переходитъ къ генералу Батезатулу. Онъ былъ мнѣ товарищемъ по корпусу, вышелъ въ Литовскій полкъ; откуда поступилъ въ академію, а затѣмъ я потерялъ его изъ вида. Казалось бы, что встрѣтись съ одноклассникомъ, можно было бы проявить желаніе вновь сойтись ближе; но онъ, принявъ дивизію, не спросилъ меня даже ни объ одномъ полковомъ командирѣ, ни объ одномъ служебномъ дѣлѣ. Болѣзненный, носившій постоянно, даже въ комнатѣ, ватную шапочку, онъ всегда выѣзжалъ въ каретѣ и съ костью. Оригинальность его взглядовъ на занятія высказалась скоро и рѣзко. Не смотря на май мѣсяць, — самое горячее время для приготовления полковъ къ лагерю, Батезатулъ сердился, зачѣмъ они занимаются фронтowymi ученіями, заявляя, что онъ признаетъ только стрѣльбу и грамотность; однимъ словомъ проповѣдывалъ совершенно въ духѣ новыхъ теорій. Во время одного изъ полковыхъ ученій, въѣзжаетъ онъ на плацъ въ каретѣ. Полковникъ Аленичъ, увидя, что изъ нея выходитъ генералъ съ костью, командуетъ полку „смирно“. „Зачѣмъ эти китайскія

церемоніи! кричитъ генералъ, — вы здѣсь ховяинъ, я зритель“. Такъ какъ строевое ученіе было уже окончено, то полковой командиръ думалъ завершить его церемоніальнымъ маршемъ. Только что произнесли предварительную команду, какъ Батезатулъ снова закричалъ, что все это вздоръ, и чтобы онъ никогда болѣе не слышалъ этой команды; что надо учить только тому, что дѣлается на войнѣ и т. д. — въ тонѣ и теперь повторяемой иногда пѣсенки. Видимо было, что дивизія попадаетъ въ руки одного изъ гонителей фронтowych упражненій, что сдѣлалось тогда, для вводителѣй новыхъ системъ обученія, моднымъ сюжетомъ порицанія прежняго. Къ сожалѣнію это повторяется и теперь любителями новыхъ проэктовъ. Они язвительно критикуютъ всѣ требованія поддерживающія порядокъ и стройность, а сами ничего не говорятъ положительнаго. Писать общими фразами: о находчивости, о развитіи, о воинственномъ духѣ, или говорить о томъ, что надо учить только тому, что требуется на войнѣ, безъ указанія, чему же именно, — все равно что повторять избитыя фразы, красивыя по формѣ, пріятныя для уха, но въ сущности не приносящія пользы, потому что ни отваги, ни храбрости учить нельзя, а порядку, стройности и стойкости можно.

Вмѣсто строевыхъ занятій, Батезатулъ велѣлъ ежедневно производить военные прогулки, а чтобы солдаты привыкали къ походнымъ снарядамъ, приказалъ имъ имѣть въ сапогахъ стельки изъ соломы и, встрѣчая людей на улицѣ, провѣрять, исполняется ли его приказаніе. Все это можетъ служить примѣромъ, какъ часто самыя полезныя требованія, не вовремя примѣняемыя, обращаются въ самыя глупыя. Въ это время многія роты стояли верстахъ въ 5 отъ города, по деревнямъ. Чтобы придти въ городъ на ученіе и возвратиться, солдату приходилось сдѣлать 10 верстъ, а когда ученіе два раза въ день — то и 20. Прибавьте къ этому, что для обѣда и ужина онъ идетъ за полверсты на солдатскую кухню, и составитъ уже 22 версты. Кажется это достаточная практика въ ходьбѣ, безъ военныхъ прогулокъ. Затѣмъ, развѣ въ сапогѣ, сшитый не для похода, всегда взойдетъ соломенная стелька, да и нужна ли она среди лѣта?

По полученіи Высочайшаго приказа о новомъ назначеніи, я началъ собираться къ переселенію, что съ семьей, состояв-

шею тогда уже изъ 7 дѣтей, было не легко. Переѣздъ представлялъ изъ Радома въ Тамбовъ, слишкомъ на 2 тысячи верстъ, такъ какъ надо было ѣхать изъ Варшавы на Петербургъ и Москву, чтобы въ первомъ представиться Государю, а во второй—новому окружному начальству. Такимъ образомъ, отъ тѣхъ поръ, что я получилъ первую отдѣльную часть, т. е. въ теченіи 10 лѣтъ, мнѣ приходилось 6 разъ переселяться, разорять домъ и снова его устраивать. Не смотря на это, перемѣщеніе мое изъ 7 дивизіи въ 18-ю, было принято мною радостно. Пора было наконецъ разстаться съ Польшей, гдѣ, судя по ходу дѣлъ, все повернулось на старый ладъ и русское вліяніе приняло рутинное направленіе, въ духѣ уступчиваго примиренія. Дѣятелямъ эпохи возстанія, такъ много испытавшимъ, трудно было примѣняться къ новой политикѣ; проявлявшейся во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ графа Берга, при увѣренности, что она не приведетъ русское дѣло къ желаемому результату. Новымъ администраторамъ дана была полная свобода, если не совсѣмъ уничтожать, то ослаблять значеніе военныхъ властей, съ такимъ трудомъ введенное генераломъ Треповымъ. Пользовавшимся этимъ значеніемъ не легко было переносить его паденіе и видѣть, что ему нѣтъ поддержки, и что всякая придирчивость и интрига бывшихъ подчиненныхъ беретъ верхъ. Мнѣ могутъ задать вопросъ: какое дѣло военному начальнику, имѣющему свой отдѣльный кругъ дѣйствій, до того, что и какъ дѣлается въ гражданскомъ вѣдомствѣ? Отвѣчу, что дѣйствительно не было-бы дѣла, если бы агенты послѣдняго не проявляли, на каждомъ шагу, желанія вымѣщать на бывшихъ начальникахъ свою досаду за свое прежнее имъ подчиненіе. Писать и жаловаться во всякомъ случаѣ непріятно, а когда знаешь, что справедливости и заступы не будетъ, то самое лучше уйти,—что я и сдѣлалъ.

Привыкнувъ всегда; при перемѣнѣ жительства и служебнаго положенія, все обдумать и всѣмъ распорядиться заранее, въ этотъ разъ я тоже составлялъ заблаговременно планъ моего переселенія, и до пріѣзда моего преемника Батезатула имѣлъ время сообразить что изъ имущества слѣдовало продать и что взять съ собою. Для перевозки вещей, подлежащихъ отправкѣ до Варшавы, я нанялъ еврейскія фуры, а далѣе онѣ пошли по желѣзнымъ дорогамъ. Укупорка посуды и мебели произво-

дилась евреями, изъ специалистовъ этого дѣла, явившихся откуда-то издали, предложить свои услуги, какъ только прошла вѣсть о моемъ переводѣ. Въ этомъ отношеніи Западный край имѣетъ преимущество передъ нашими внутренними губерніями. Не угодно-ли въ какомъ-нибудь Темниковѣ или Демянскѣ найти укладчиковъ, или возчиковъ, съ фургонами?—а если и найдешь, то милые соотчичи заломятъ такую цѣну, что поневолѣ все продашь за безцѣнокъ. Тамъ же, гдѣ есть евреи, подобные предприниматели сами являются съ предложеніями.

Единственно, съ чѣмъ мнѣ жаль было разстаться,—это съ заведенными еще въ Варшавѣ экипажами и лошадьми. Первые пришлось продать за безцѣнокъ, вторыхъ-же раскупили на расхватъ. Долго я не могъ простить себѣ, что продалъ ихъ, особенно верховыхъ, и что послушалъ совѣта тѣхъ кто, смѣялся надъ моимъ намѣреніемъ вести лошадей въ Тамбовъ. „Помилуйте—говорили они, да на васъ будутъ тамъ пальцами показывать; въ разсадникъ коннозаводства—да вести лошадей изъ Польши“. На дѣлѣ же оказалось потомъ, что я сдѣлалъ великую глупость, повѣривъ, будто въ Тамбовѣ можно купить лучшихъ и гораздо дешевле. Ровно мѣсяцъ искалъ я по всѣмъ заводамъ и у барышниковъ пару выѣзжанныхъ и не нашелъ, покуда не представился случай купить въ городѣ. Верховой-же лошади не могъ пріобрѣсти цѣлую зиму, ни за какую цѣну.

Давно ли я описывалъ въ моихъ воспоминаніяхъ прощанье съ полкомъ, какъ приходится говорить о прощаньи съ дивизіею. Добрые командиры полковъ, не исключая и тѣхъ, которые не входили въ ея составъ, а были у меня въ отдѣлѣ, по полученіи извѣстія о моемъ перемѣщеніи, самыми сочувственными ко мнѣ письмами, выражали свое сожалѣніе о томъ, что расстаются со мною. Письма командировъ: Витебскаго полка Журавлева, Полоцкаго—Нильсона, Смоленскаго—Ольдероге, казачьяго—Кузнецова, до сего времени хранятся у меня въ подлинникѣ. Я горжусь ими, и если бы не опасеніе, что меня могутъ счесть самохваломъ, то привелъ бы ихъ цѣликомъ,—столько въ нихъ лестнаго и душевнаго. За нѣсколько дней до моего отъѣзда, всѣ полковые и батарейные командиры, а также многіе изъ баталіонныхъ и ротныхъ, съѣхались въ Ра-

домъ и вмѣстѣ съ чинами штаба чествовали меня обѣдомъ. Не могу при этомъ вновь не вспомнить вѣлѣрѣчиваго Лебедева, бывшаго въ то время моимъ помощникомъ. Отвѣчая на прощальныя рѣчи, я высказалъ, что мнѣ довелось быть начальникомъ боевыхъ полковъ въ такое время, когда строевая моя дѣятельность ограничивалась самыми обыденными вещами, и что, обучая стрѣльбѣ и шагу, нельзя было доказать, какимъ бы я былъ передъ ними въ тѣ моменты, когда примѣръ начальника увлекаетъ массы и ведетъ къ побѣдамъ. Какъ только я произнесъ слово *шагъ*, Лебедевъ ухватился за него, какъ за тему для длинной отвѣтной рѣчи, которую заключилъ такъ: „Великій Суворовъ говорилъ: шагъ—это побѣда! слѣдовательно, и вы, требуя шага живаго и молодецкаго, безъ оглядки, безъ сомнѣнія въ успѣхѣ, вели насъ къ побѣдѣ въ будущемъ, вдохнули въ полки тотъ духъ, который рождаетъ побѣды и т. д.“. Изъ этого видно, какъ надо быть осторожну, чтобы не дать словоохотливому оратору повода къ выводамъ, неподходящимъ къ дѣлу, и грѣшить противъ логики. Во время этого обѣда мнѣ поднесли альбомъ съ портретами офицеровъ не только своей дивизіи, но и полковъ Кременчугскаго и Тобольскаго, входившихъ въ составъ той сводной, которою я командовалъ въ прошломъ году, въ лагерѣ подъ Варшавою.

По отправкѣ вещей, пришлось провести послѣдніе дни въ Радомѣ какъ на бивакѣ, что обыкновенно чувствительнѣе для взрослыхъ членовъ семьи, чѣмъ для малолѣтнихъ, которыхъ всегда занимаетъ все выходящее изъ вседневной колеи. Спать на сѣнѣ въ повалку, пить чай изъ большой чашки, знать, что не будетъ урока — все это для нихъ въ родѣ праздника. Не малою для меня задачею было перевезти до Варшавы семерыхъ дѣтей, съ двумя гувернантками, нянькою, кормилицею и двумя людьми, всего съ женою 15 человѣкъ. Свои экипажи были проданы, найти наемныхъ не было возможности. Къ счастью, въ лицѣ варшавскаго почтъ-директора, я имѣлъ стараго пріятеля, написалъ ему—и онъ выслалъ въ Радомъ громаднѣйшую почтовую карету, или лучше дилижансъ, изъ ходившихъ когда-то между Варшавою и Брестомъ. Это былъ цѣлый ковчегъ. На первой станціи, въ Едлинскѣ, мы были пріятно удивлены, увидя, что тамъ насъ ожидали семейства добрыхъ знакомыхъ и многіе изъ офицеровъ, съ полковымъ хо-

ромъ музыки. Произошла невольная остановка часа на два, такъ какъ нельзя было не принять приготовленнаго ими завтрака. Въ городкѣ Гроицахъ, во время перекладки лошадей, 6-ти-лѣтній сынъ мой незамѣтно забрался въ садикъ станціоннаго дома; когда всѣ усѣлись, никто не обратилъ вниманія на отсутствіе столь крупнаго пассажира, и только, отъѣхавъ сажень 50, услышали крикъ гнавагося ребенка. Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ въ будущемъ, я раздѣлилъ семью на партіи, назначилъ на каждаго двухъ дѣтей наблюдательницу, съ выдачею ей впередъ денегъ для расплаты въ станціонныхъ буфетахъ, такъ какъ самому невозможно было усмотрѣть, что кто просилъ и кому что подано.

Въ Варшавѣ мы остановились у моего пріятеля, барона Фредерикса, который, по обширности своей квартиры, могъ отдѣлать для насъ три комнаты, обративъ ихъ въ своего рода пансіонъ, съ приготовленными кроватами для дѣтей, ихъ гувернантокъ и нянекъ. Тамъ состоялись крестины новорожденнаго моего сына, появившагося на свѣтъ за четыре недѣли до нашего выѣзда изъ Радомы. Это задержало насъ въ Варшавѣ на три дня; въ теченіи ихъ предстояло проститься съ многими знакомыми и откланяться графу Бергу, которому, несмотря на его ко мнѣ въ послѣднее время охлажденіе, я все-таки считалъ себя обязаннымъ. Не говоря о его къ намъ вниманіи, при бытности моей полковымъ командиромъ, ни одно мое представленіе, ни одна просьба о помощи моимъ подчиненнымъ не оставались, съ его стороны, безъ удовлетворенія. Онъ же помогъ мнѣ и при настоящемъ переѣздѣ. На сдѣланное имъ представленіе, о выдачѣ мнѣ пособія на подъемъ, изъ Петербурга было отказано, хотя другимъ, переѣзжавшимъ не за 2,000 верстъ, а изъ одной улицы въ другую, давали тысячи. Графъ такъ разсердился за этотъ отказъ, что, прочтя бумагу, сказалъ начальнику штаба: „Передайте ему, что если изъ Петербурга отказываютъ подъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, то у меня онѣ найдутся: выдайте полторы тысячи изъ состоящихъ въ моемъ распоряженіи“. Такая помощь семейному человѣку великое дѣло и немногіе изъ начальниковъ поступаютъ подобнымъ образомъ.

Къ часу нашего отъѣзда въ Петербургъ, въ вокзалѣ желѣзной дороги собрались почти всѣ офицеры бывшаго моего

полка и многіе изъ знакомыхъ. Я оставилъ Варшаву не безъ сожалѣнія. Слишкомъ много было тамъ испытано и не мало оставалось лицъ, съ которыми мы переживали вмѣстѣ и тяжелыя, и радостныя минуты, а это сильно связываетъ людей между собою. Русскія семейства, сблизившіяся другъ съ другомъ въ 63 и 64 годахъ, навсегда сохранили дружескія къ намъ отношенія. Знакомства же, сдѣланныя послѣ возстанія, были уже далеко не тѣ; чѣмъ больше наѣзжало новыхъ дѣятелей, тѣмъ русское общество дѣлалось разрозненнѣе. Наконецъ и сама Варшава, по своему климату и удобствамъ жизни, доставляла много пріятнаго.

Двухдневный переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Петербурга не представлялъ ничего особеннаго. Такъ какъ петербургскіе наши родные были въ то время уже на дачѣ, то мы размѣстились въ ихъ городской квартирѣ. Здѣсь остановка была продолжительна. Послѣ долгаго отсутствія хотѣлось повидать всѣхъ, съ кѣмъ мы были связаны старинною дружбою, хотѣлось показать подраставшимъ дѣтямъ кое-что въ столицѣ и ея окрестностяхъ. Лица, которымъ мнѣ предстояло являться по службѣ, находились при Государѣ въ Красномъ Селѣ. Тамъ-же, по-близости, жили на дачѣ родители моей жены, а потому каждая поѣздка моя въ Красное соединяла въ себѣ и служебную и родственную обязанность.

Представленіе Государю состоялось въ саду, передъ дворцомъ, безъ всякаго предварительнаго записыванія. Зная, что утренніе смотры обыкновенно кончаются около 11 ч., я къ тому времени былъ уже у подъѣзда веранды. Выходя изъ коляски, Его Величество, увидя меня, сказалъ:

— Здравствуй! ты пріѣхалъ, чтобы быть на моихъ смотрахъ?

— Я прибылъ представиться Вашему Величеству по случаю назначенія командующимъ 18 дивизіею.

— Ну, съ этимъ-то я тебя не поздравляю, продолжалъ Государь, потому что тамъ порядочные беспорядки, особенно въ Рязани, въ стрѣлковомъ баталіонѣ. Надѣюсь, что ты это поправишь. Старому семеновцу это не трудно.

— Постараюсь, Ваше Величество, оправдать ваше довѣріе.

— Не сомнѣваюсь. Если желаешь знать подробности, обра-

тись къ брату Николаю Николаевичу, онъ тебѣ можетъ передать ихъ. Отправляйся съ Богомъ на мѣсто, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; ты застанешь полки въ сборѣ и увидишь что въ нихъ хромаетъ.

Отъ Государя я прошелъ прямо, садомъ, во дворецъ Великаго князя Николая Николаевича. Крайне было интересно узнать, въ чемъ именно заключаются беспорядки въ полкахъ, которыми мнѣ предстояло начальствовать. На это уже былъ намекъ въ письмѣ ко мнѣ начальника главнаго штаба, полученномъ еще въ Радомѣ, и если Государю извѣстно о распущенности, значитъ есть что-либо серьезное, думалось мнѣ. Но почему же никто не говоритъ фактовъ?

Представлялось его высочеству, я передалъ ему слова Государя.

— Мнѣ, любезнѣйшій, сказалъ Великій князь, извѣстно только то, что дошло до меня въ послѣднюю бытность въ Рязани. Я не знаю въ какомъ состояніи полки по строевой части и по хозяйству; это, конечно, передастъ тебѣ Александръ Ивановичъ Гильденштуббе въ Москвѣ, но что касается внутренняго порядка, то онъ долженъ быть очень плохъ. Достаточно тебѣ сказать, что ко мнѣ являлась депутація изъ Зарайска, съ просьбою о выводѣ изъ города стрѣлковаго баталіона, до того онъ тамъ безчинствуетъ.

— Позвольте мнѣ, Ваше Высочество,—отвѣчалъ я на это—по прибытіи на мѣсто, вникнувъ въ дѣло, донести вамъ о всемъ, что окажется.

— Для чего же? Я до тамошнихъ войскъ не касаюсь и у Тебя есть свой командующій округомъ. Наконецъ, вѣроятно министръ передастъ тебѣ все болѣе подробно, чѣмъ я.

Но ни министромъ, ни въ главномъ штабѣ мнѣ не было сказано ничего особеннаго, кромѣ общихъ фразъ о моемъ предмѣстникѣ. Оставалась одна надежда узнать, въ чемъ именно обвиняютъ дивизію, отъ начальника округа въ Москвѣ, но и тамъ всѣ полученныя мною свѣдѣнія заключались въ слѣдующемъ:

— Ничего особеннаго—говорилъ Гильденштуббе—тамъ не было. Конечно, дивизія съ самаго возвращенія своего съ Кавказа, часто переходила изъ рукъ въ руки, а въ твердыхъ рукахъ не была. Полковые командиры—такъ себѣ: одинъ, какъ

произведенный въ генералы, только ждетъ преемника, другой по болѣзни въ отпуску, третій добрый малый, но небольше.

— Я что-то слышалъ, продолжалъ командующій войсками, про жалобу, поданную Великому князю въ Рязани; но полагаю, что это не важно, иначе я получилъ-бы официальное донесеніе. Вы не беспокойтесь, особеннаго труда подтянуть вамъ не будетъ, если возьметесь по нашему, по семеновски. Вотъ хозяйство въ полкахъ дѣйствительно плохо, много контрольных начетовъ. Вдругъ это поправить трудно, но исподоволь и это сдѣлается; вамъ, уже командовавшему тремя частями, не учиться этому дѣлу.

Выходило, что и тутъ мнѣ все-таки нельзя было добиться, въ чемъ-же именно заключаются тѣ безпорядки и та расущенность, о которой всѣ только намекаютъ и никто не представляетъ факта, указывающаго, на что именно жаловались жители Зарайска. Наконецъ, они могли жаловаться на одинъ стрѣлковый баталіонъ, — причемъ же тутъ дивизія? Начальникъ штаба округа передалъ мнѣ только то, что во всѣхъ слухахъ и толкахъ, не побывавъ на мѣстѣ, трудно добиться истины, потому что пріѣзжающіе изъ Тамбова говорятъ одно, а изъ Рязани другое, но что, по его мнѣнію, все происходило отъ того, что мой предмѣстникъ ни на что не обращалъ вниманія, кромѣ переписки, вѣдь жизнь отшельника, отворачивался отъ солдата, когда встрѣчалъ его.

По прибытіи въ Тамбовъ, я наконецъ узналъ причины взведенныхъ на дивизію нареканій. Начало всему заключалось въ слѣдующей пустѣйшей интригѣ. Предводитель Зарайскаго уѣзда просваталъ свою дочь за командира одного изъ запасныхъ эскадроновъ, стоящаго въ другомъ уѣздѣ. И тесть и зять нашли, что было-бы недурно жить въ одномъ городѣ, а это оказывалось возможнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы стрѣлковый баталіонъ вывели изъ Зарайска, а на его мѣсто перевели-бы эскадронъ жениха. Сначала пробовали доказывать неудобства стоянки кавалерійской части тамъ, гдѣ находился эскадронъ; писали въ округъ, но оттуда послѣдовалъ отказъ; писали въ штабъ инспектора кавалеріи уже съ прибавками, что городъ готовъ построить манежъ и конюшни; но и это не подѣйствовало. Тогда предводитель и его пріятель изъ уѣздной администраціи, стали возводить самыя обыкновенныя солдат-

скія продѣлки въ преступленія, пошли сплетни, доносы, подбиваніе жителей жаловаться за всякіе пустяки; распускали слухи, что отъ стрѣлковъ нѣтъ житья и что они чуть не грабятъ по дорогамъ. Тѣ же личности, воспользовавшіеся прѣздомъ Великаго князя черезъ Рязань, нашли охотниковъ подписать просьбу и быть депутатами, для ходатайства о выводѣ баталіона изъ Зарайска. — Вотъ примѣръ, какъ часто до Петербурга многое доходитъ въ превратномъ видѣ и какъ, изъ-за личныхъ видовъ и интригъ, бросается тѣнь не только на отдѣльныхъ лицъ, но на цѣлыя полки, ни въ чемъ не повинные. Ниже я приведу еще болѣе сильный примѣръ подобнаго рода, по поводу извѣстнаго моршанскаго пожара, въ 1875 году.

Въ Москвѣ я долженъ былъ провести три дня, чтобы познакомиться съ чинами окружнаго штаба, сдѣлать необходимыя визиты: генераль-губернатору, губернатору, предводителю дворянства, митрополиту, такъ какъ со всѣми этими лицами предстояло потомъ встрѣчаться, при пріѣздахъ по службѣ.

Каждый день утромъ я имѣлъ какъ-бы приказаніе являться къ Гильденштуббе. Отпуская меня, онъ обыкновенно прибавлялъ: „Пріѣзжайте завтра; еще найдется о чемъ поговорить“. Однажды онъ спрашиваетъ меня:

— Вы знаете Преображенскаго Т....

— Знаю — отвѣчалъ я, — мы одновременно командовали ротами, я у васъ, а онъ у генерала Катенина.

— А знаете-ли, что вѣроятно онъ получитъ у васъ полкъ вмѣсто Крауза.

— Какъ-же это? — возразилъ я. Вѣдь онъ у васъ-же въ округѣ командуетъ резервнымъ баталіономъ. Онъ хорошій человекъ, но какой-же это полковой командиръ, да еще послѣ Крауза?

— Да вы пожалуйста не подумайте, что это мой выборъ, продолжалъ Гильденштуббе, — и не вините меня, если подобное назначеніе состоится. На дняхъ былъ здѣсь тотъ, отъ кого идутъ всѣ представленія о назначеніяхъ, и спрашиваетъ меня: Ну что, каковъ Т...? Плохъ — отвѣчаю я. Да я и самъ знаю что плохъ — говоритъ онъ; но вы уже пожалуйста не препятствуйте; я хочу дать ему полкъ; какъ нибудь справится.

И вѣдь дали, а черезъ годъ пришлось отнять. Закупивъ въ Москвѣ необходимое для дома, мы отправились далѣе. На Рязанской дорогѣ намъ оказали неожиданное вниманіе. Узнавъ, что мнѣ приходится брать 12 билетовъ и 4 для прислуги, управляющій приказалъ дать отдѣльный, инспекторскій вагонъ, въ нѣсколько отдѣленій, съ зеркальными окнами, такъ что и прислуга моя преважно возсѣла на бархатъ.

Въ Козловѣ предстояло оставить желѣзную дорогу, потому что далѣе къ Тамбову она только начинала строиться; хотя до цѣли нашего странствія, длившагося уже мѣсяцъ, оставалось 70 верстъ, но какъ проѣхать ихъ съ семьею, ставило меня въ затрудненіе. Вести маленькихъ дѣтей на перекладныхъ не было возможности, нанять рессорные экипажи негдѣ, а потому пришлось остановиться въ Козловѣ на цѣлый день, чтобы приискать извозчиковъ, имѣющихъ тарантасы; это удалось только на слѣдующее утро. Отъ вокзала до лучшей гостиницы, носившей названіе „Дворянской“, съ вывѣскою „*Al gout de la noblesse*“, пришлось идти пѣшкомъ. Полученіе багажа задержало меня на станціи; придя же въ гостиницу, застаю жену чуть не въ слезахъ.

— Что случилось? спрашиваю я съ удивленіемъ.

— Да помилуй — отвѣчаетъ она. Тутъ ни къ чему нельзя прикоснуться: хотѣла уложить дѣтей, но кровати и диваны кишатъ клопами.

Вотъ такъ *gout de la noblesse*! Пришлось принести сѣна и уложить дѣтей на полу. Спускаясь въ нижній этажъ, гдѣ была обѣденная зала, на поворотѣ лѣстницы, красовалось громадное зеркало въ золоченой рамѣ, до того загаженное мухами, что стекло уже ничего не отражало. Встрѣтя тутъ же засаленнаго лакея, правящаго должность швейцара, жена моя говорить ему:

— Безсовѣстный вы народъ! Даже зеркала протереть отъ грязи не хотите.

— Ничего, сударыня, не подѣлаешь, все дожди да дожди.

— Не правда-ли, вполне логичное оправданіе.

Благодаря отличной погодѣ, переѣздъ 70-ти верстъ въ тарантасахъ оказался не на столько неудобнымъ, какъ ожидалось. Раза три дѣтей выпускали пройти версты двѣ пѣшкомъ;

они бѣгали, ловили бабочекъ, рвали васильки и находили, что ѣхать въ тарантасѣ лучше чѣмъ въ вагонѣ. На половинѣ пути между Козловомъ и Тамбовомъ, дорогу пересекаетъ большой земляной валъ, вродѣ бруствера. Не бывъ до того внутри Россіи, къ югу отъ Москвы, я былъ удивленъ, когда на мой вопросъ, что это за валъ?—ямщикъ отвѣтилъ—татарскій. Изъ собранныхъ мною свѣдѣній объ этомъ валѣ оказалось, что онъ тянется отъ Пензы до Воронежа и былъ дѣйствительно построенъ противъ татарскихъ набѣговъ.

Степная мѣстность, съ ея необъятными засѣвами, поражала меня тѣмъ, что на разстояніи 25-ти-верстнаго перегона между станціями встрѣчаешь всего одну или двѣ деревни и не видишь ихъ даже на краяхъ горизонта, точно находишься въ ненаселенной мѣстности, а между тѣмъ она одна изъ самыхъ многочисленныхъ. Только на послѣдней станціи передъ Тамбовомъ догадываешься, гдѣ руки, обрабатывающія эти безконечныя степи. Спустившись въ балку, мы увидѣли, что по ея оврагу, версты на двѣ въ обѣ стороны отъ дороги, тянется громадное село. Точно также и другія деревни, невидимыя покуда не вѣдешь въ нихъ, расположены въ балкахъ. Всѣ онѣ въ то время были настолько богаты хлѣбомъ, что каждая усадьба окружена была множествомъ скирдъ необмолоченной ржи и пшеницы. У иного двора ихъ насчитывалось до 20 и нѣкоторыя принадлежали не только прошлогоднему, но и болѣе отдаленному урожаю. Зажиточность этого края, доходившая до того, что у рѣдкаго хозяина было менѣе 6 лошадей, вовсе не соответствовала ни наружному виду построекъ, ни внутреннему ихъ устройству. Плохія, крытыя соломой избы, полуразвалившійся дворъ, грязный входъ, хата безъ пола, дѣти въ оборванныхъ рубашкахъ,—вотъ что представлялось глазу проѣзжаго, въ этой въ высшей степени плодородной мѣстности. Проѣзжая ее 8 лѣтъ спустя, не осталось и десятой доли прежней зажиточности. Кабакъ и земскіе порядки постарались объ этомъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

1868—1870 гг.

Приѣздъ въ Тамбовъ.—Новыя лица и власти.—Члены общества.—Общественная жизнь и клубы.—Примѣры превратностей.—Театры въ провинціи.—Объѣздъ подковыхъ штабовъ.—Оригинальная командирша.—Земскія дороги.—Устройство новаго лагеря.—Служебная и семейная потери.—Мой тестъ П. П. Чайковский.—Поѣздка въ Петербургъ.—Среди свѣжыхъ заносовъ.—Постройка желѣзной дороги.—Еще объ общественной жизни въ Тамбовѣ.

Въ прелестный лѣтній вечеръ, 7 іюля 1868 года, въѣзжали мы въ Тамбовъ, раскинувшійся среди садовъ, по лѣвому, на горному берегу Цны. Возлѣ города, вправо отъ дороги, виднѣлся лагерь трехъ полковъ моей новой дивизіи. Множество церквей, вмѣстѣ съ расположенными въ центрѣ города монастыремъ и стариннымъ соборомъ, придавали ему прекрасный видъ издали, но по мѣрѣ въѣзда выгодное впечатлѣніе постепенно исчезало. Убогіе докими предмѣстья, немощеныя улицы, обычная ихъ неопрятность, большія площади, въ видѣ пустырей съ грязью,—и все это покрытое густою черноземною пылью, стоявшею неподвижно, не располагало въ пользу города, въ которомъ предстояло жить. Только на Большой и Дворянской улицахъ оказалось нѣсколько хорошихъ зданій, какъ то: институтъ, присутственные мѣста, губернаторскій домъ, гимназіи, дворянское собраніе и проч.

Квартира для насъ была нанята заранѣе, въ Дворянской улицѣ, въ домѣ соборнаго протопопа. Тамъ мы застали наши вещи, мѣсяцъ назадъ отправленные изъ Радомы и прибывшія только наканунѣ нашего приѣзда. По рассказамъ лицъ, знавшихъ Тамбовъ нѣсколько лѣтъ назадъ, я воображалъ, что найду въ немъ просторное и удобное казенное помѣщеніе. Въ

Варшавѣ мнѣ говорили, что тамъ есть казенный домъ для корпуснаго командира, съ квартирами для всѣхъ чиновъ его штаба, со службами и садомъ. Все это дѣйствительно было, но благодаря щедрости и великодушію военнаго министерства того времени, былѣмъ и поросло. Съ упраздненіемъ корпусовъ, не нашли ничего лучшаго, какъ раздарить опроставшіяся военныя зданія разнымъ вѣдомствамъ. Въ Тамбовѣ дома корпуснаго штаба были подарены духовному вѣдомству, а три года спустя, когда пришлось поставить тамъ дивизію, то не знали куда пристроить ея штабъ, и надо было выпрашивать помѣщенія какъ милости, даже за плату. Тоже самое повторилось потомъ повсемѣстно и въ особенности въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ дома военнаго вѣдомства продавали за безцѣнокъ, или дарили. Какіе расчеты руководили подобными распоряженіями, понять трудно.

На другой день по приѣздѣ, при представленіи чиновъ дивизіоннаго штаба, я узналъ, что въ этотъ-же день полковой праздникъ стоящаго въ лагерѣ Тульскаго полка. Тамъ, послѣ церковнаго парада, я впервые увидѣлъ три полка дивизіи. Наружный видъ и составъ людей оказались лучше ожиданій, но, и при бѣгломъ взглядѣ на остальное, было очень замѣтно, что внутренняго порядка и должнаго образованія мало. На всемъ отражалось, что дивизія не имѣла руководителя, твердо держащаго общее ея служебное направленіе. Это впрочемъ не пугало меня, такъ какъ я не разъ убѣждался, что подобные недостатки могутъ быть скоро исправлены, лишь-бы не было чего либо вреднаго относительно дисциплины и нравственнаго направленія.

Хозяинъ моей квартиры, хотя и лицо духовное, былъ человѣкъ весьма хитрый и скупой. Имѣя по близости города собственный хуторъ, онъ хотѣлъ быть моимъ поставщикомъ фуража и продуктовъ, и, зная, что я ищу лошадей, какъ занимавшійся барышничествомъ, рассчитывалъ продать мнѣ пару громаднхъ клячъ, за баснословную цѣну. Между тѣмъ онъ пользовался въ городѣ нѣкоторымъ вѣсомъ въ обществѣ. Послѣ законоучительства въ кадетскомъ корпусѣ, онъ въ короткое время попалъ въ соборные протоіереи, потомъ въ члены консисторіи и наконецъ былъ сдѣланъ викарнымъ.

Наскоро устроившись, первымъ дѣломъ было поскорѣ сдѣ-

лать сначала официальные, а потом и частные визиты. Къ числу первыхъ принадлежали посѣщенія губернатора и губернскаго предводителя дворянства. Это были личности, представлявшія настолько два совершенно противоположные типа, насколько важничавшій педантъ-чиновникъ не похожъ на радужнаго хлѣбосола-помѣщика. Для перваго не существовало другихъ отношеній, кромѣ официальной бумаги за номеромъ. Отъ подобныхъ отношеній страдало дѣло, потому что то, что можно было, при личныхъ объясненіяхъ, кончить въ день, при перепискѣ тянулось недѣлю. Сначала я пробовалъ объясниться лично, но всегда слышалъ: „потрудитесь, ваше превосходительство, написать объ этомъ“.

Прочее городское общество, по случаю лѣта, было въ разбѣдѣ по деревнямъ и городъ казался до осени опустѣвшимъ. Если-бы не семейства военныхъ и тамбовскаго исправника И. И. Величко, въ сестрѣ котораго жена моя встрѣтила свою институтскую подругу, то первое время намъ, привыкшимъ всегда жить, какъ говорится съ людьми, не съ кѣмъ было-бы дѣлать досуга. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: чрезъ это я имѣлъ возможность посвятить все свободное время на болѣе близкое знакомство съ полками. Первое инспектированіе ихъ показало, что куда я не поставлю всего на свой ладъ, дѣла будетъ не мало. Болѣе всего удивило меня то, что я нашелъ хозяйство въ старой системѣ одиночнаго имъ управленія, тогда какъ уже прошло два года со времени введенія новаго положенія о полковомъ хозяйствѣ. Хотя ликвидація имуществъ и была произведена, но не было сдѣлано расчетовъ, кто кому долженъ, полкъ-ли командиру, или командиръ полку; между тѣмъ противъ ликвидационныхъ вѣдомостей были заявлены претензіи, пререканія не были разобраны, однимъ словомъ, хозяйственная часть представляла полнѣйшую путаницу. Внутренній порядокъ былъ тоже не лучше. Въ доказательство приведу то, что въ одномъ изъ полковъ я нашелъ 3-хъ чело-вѣкъ, не принадлежащихъ никакому капральству, и никто изъ унтеръ-офицеровъ не признавалъ ихъ своими. Въ другомъ полку оказался такой ротный командиръ, который изъ 8 своихъ унтеръ-офицеровъ могъ назвать по фамиліи только двоихъ; субартернъ-офицеры удивлялись, когда я спрашивалъ у нихъ имена находящихся изъ ихъ взводовъ въ командиров-

кахъ. О подобныхъ вещахъ мнѣ никто не заявлялъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, а тому, будто-бы люди обижаютъ жителей въ Зарайскѣ, чего вовсе не было, повѣрили. Конечно, при перечисленныхъ мною безпорядкахъ могло бы дойти и до этого, но къ удивленію, поведеніе нижнихъ чиновъ было безукоризненно, что надо отнести не къ надзору за ними, а къ существовавшимъ въ полкахъ традиціямъ.

Въ военномъ быту нерѣдко приходится наталкиваться на вещи трудно объясняемыя. Почему иное идетъ такъ, а не иначе, почему и когда завелся въ полку тотъ или другой обычай,—никакъ не добьешься, а между тѣмъ онъ существуетъ и держится. Напримѣръ, замѣчаешь, что такой-то баталіонъ всегда лучше и чище выходитъ въ строй, чѣмъ другой, хотя командиръ его менѣе понимаетъ дѣло и менѣе заботливъ, чѣмъ другіе. Почему у ротнаго командира А., усерднаго и энергичнаго, чаще случаются происшествія, чѣмъ у ротнаго командира Б., который завѣдомо сибаритничаетъ и ни за чѣмъ не смотритъ? Вникая въ подобныя явленія, оказывается, что это ничто иное, какъ переходящія изъ года въ годъ, изъ одного состава къ другому, традиціи; что когда-то, быть можетъ очень давно, былъ въ полку такой баталіонный командиръ, который вкоренилъ въ своей части любовь къ щегольству, или ротный командиръ, поставившій свою роту такъ, что она гордилась передъ другими порядкомъ и отсутствіемъ происшествій,—такъ оно и пошло. Но какъ все это держится и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, когда давно уже нѣтъ ни одного чело-вѣка, знавшаго этихъ командировъ,—это остается тайною. Замѣчаютъ-ли что-либо подобное теперешніе начальники,—я не знаю, но прежде это было и поддерживалось можетъ быть продолжительностью службы и постоянствомъ системы и взглядовъ. При непрерывныхъ преобразованіяхъ и реформахъ, вѣроятно, подобныя традиціи исчезли, какъ исчезло многое, считаемое нововводителями несовременнымъ.

Какъ ни трудно, въ первое время по переселеніи изъ одного края въ другой, начинать новыя знакомства и приобретать связи, но я все-таки считалъ себя счастливымъ, что выбрался изъ Польши въ центръ Россіи. Ужъ одно то, что здѣсь не встрѣчаешь, на каждомъ шагу, то непріязненныхъ взглядовъ, то лъстиво-лукаваго обращенія, много значить. Здѣсь

находишь болѣе радушія, менѣе разсчета и эгоизма. За то я предпочитаю жизнь въ провинціи жизни въ столицѣ, гдѣ рѣдко кто безъ маски, не только въ обществѣ, но даже и дома. При всемъ этомъ я замѣтилъ, что начальствовать частью тамъ, гдѣ нѣтъ земства и нѣтъ городскихъ положеній, гораздо легче, менѣе столкновений, менѣе отношенія ко всевозможнымъ учрежденіямъ. Что касается полковыхъ командировъ, то, исключая одного, они далеко уступали оставленнымъ мною въ прежней дивизіи. Этихъ надо было безотступно руководить и слѣдить за ихъ дѣйствіями. Я говорю о томъ составѣ, который былъ въ первый годъ моего начальствованія, но потомъ многое измѣнилось. Только одного изъ нихъ никакъ нельзя было убѣдить, что все происходящее въ полку не должно быть отъ меня скрываемо. Это былъ нѣкто С..., только и думавшій о томъ, какъ-бы чего не узналъ начальникъ дивизіи. Шесть лѣтъ я возился съ нимъ, и все-таки не достигъ того, чтобы онъ понималъ, что собственная его польза быть откровеннымъ со мною. На всякій въ полку безпорядокъ, даже на всякое происшествіе, открытое самимъ полковымъ командиромъ, я всегда смотрѣлъ какъ на доказательство его дѣятельности. Только тамъ не бываетъ ошибокъ и промаховъ, гдѣ ничего не дѣлается, а гдѣ больше работаютъ, тамъ всегда больше узнаютъ и видятъ. Терпѣть я не могъ, когда кто-либо изъ подчиненныхъ являлся ко мнѣ съ словами „несчастіе случилось“. Большою частью это несчастіе сводилось къ тому, что или пьяный солдатъ сломалъ себѣ ногу, или замотался артельщикъ. Разъ что при разборѣ дѣла не обнаруживалось ни слабости надзора, ни упущеній со стороны ближайшихъ начальниковъ виновнаго, что за безнадзорность и бездѣйствіе власти, раскрытыхъ полковымъ командиромъ, имъ-же уже взыскано,—это не несчастіе, а случайность. Въ службѣ весьма часто причины, породившія безпорядокъ, гораздо важнѣе самаго безпорядка.

Чины дивизионнаго штаба принятой мною дивизіи оказались достойными личностями, много содѣйствовавшими мнѣ для достиженія тѣхъ результатовъ, которыя я поставилъ цѣлью моихъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи я болѣе всего былъ обязанъ старшему адъютанту штаба Кривицкому и дивизионному доктору Лагарсико. Первый былъ правою моею рукою въ образовательной и административной части, второй по надзору за

санитарнымъ и гигиеническимъ содержаніемъ нижнихъ чиновъ. Какъ о томъ, такъ и о другомъ сохраняю самыя отрадныя и благодарныя воспоминанія.

Постепенный входъ нашъ въ мѣстное общество начался съ тѣхъ его членовъ, которые оставались на лѣто въ городѣ. Между ними первое мѣсто занимала, въ то время весьма еще бодрая старушка, Анна Ивановна Козакова. Это былъ типъ теперь почти исчезнувшій даже въ провинціи, и потому я позволяю себѣ нѣсколько долѣе остановиться на немъ. Почтенная, весьма умная женщина, съ независимыми средствами, ни передъ кѣмъ не заискивавшая, она пользовалась въ городѣ большимъ авторитетомъ. Всѣ боялись ея, потому что знали прямоу ея нрава. Кто-бы изъ вліятельныхъ лицъ ни пріѣзжалъ въ Тамбовъ, хотя бы по службѣ, — дѣлалъ ей визитъ, иначе навлекъ на себя ея гнѣвъ, а кто разъ подвергался ему, тотъ лучше не показывался въ обществѣ. Я называлъ ее тамбовскимъ комендантомъ. Жила она одна, ежедневно принимала по утрамъ, любила ѣздить на обѣды и вечера, иногда приглашала и къ себѣ на партію. Ыздила она не иначе какъ въ каретѣ и всегда шагомъ, чтобы удобнѣе было разглядывать проходящихъ. Кучеръ и лошади ея были едва-ли не сверстниками своей госпожи. Всякій день, въ извѣстный часъ, эту карету можно было видѣть на Большой улицѣ. Стоило проходить кому-либо изъ знакомыхъ, какъ карета останавливалась, знакомый подзывался къ спущенному окну и, поцѣловавъ протянутую руку, обязанъ былъ доложить: гдѣ былъ вчера, что слышалъ и кого видѣлъ. Черезъ нѣсколько шаговъ карета останавливалась у другой стороны улицы, къ ней подзывалась дама, или офицеръ, или монахъ съ книжечкой. Подзываніе считалось знакомъ благоволенія, а проѣздъ мимо—гнѣвомъ. Разъ кто-то спросилъ:— „Что это вы, Анна Ивановна, не изволили сегодня поговорить со мной?“

— Да что тебя подзывать, когда ты ничего никогда не знаешь.

Срѣзать, озадачить кого-либо изъ зазнающихся—было для нея ни-по-чѣмъ.

Зная французскій языкъ, она не переносила его въ обществѣ: „Пожалуйста не французить“, говорила она, входя въ гостиную, если слышала французскую рѣчь; а въ русской ея

рѣчи были особенно любимыя слова въ родѣ: таперича, оном-
няся, въ тупору, слѣдство—вмѣсто слѣдствіе и т. д. У Анны
Ивановны было нѣсколько интимныхъ подругъ, подходившихъ
къ ея годамъ. Много анекдотовъ ходило про нее, особенно за
время эмансипаціи, введенія земства и новыхъ судовъ. Все
это она ненавидѣла, а между тѣмъ всегда засѣдала на хорахъ
при земскихъ выборахъ и въ первомъ ряду—при всѣхъ ин-
тересныхъ процессахъ: „Ну ужъ вашъ Плевако—говорила она,
ничего особеннаго я въ немъ не вижу“; а про другаго знаме-
нитаго адвоката отзывалась такъ: „Этотъ хоть и плюгавый по-
лячишка, да говорить проще, безъ завитушекъ“.

Въ противоположность Козаковой и ея подружекъ суще-
ствовалъ въ Тамбовѣ другой кружокъ, тоже старушекъ, но
благотворительницъ: Угрюмова, Байкова и Рѣткина. Эти вы-
ражали свою религіозность обожаніемъ архіереевъ, что застав-
ляло ихъ бросать деньги на ряссы и облаченія. Если одна под-
носила къ Рождеству рясу въ тысячу рублей, то другая да-
рила къ Пасхѣ въ двѣ.

До открытія Саратовской желѣзной дороги, въ Тамбовѣ
охотно сѣзжались семейства помѣщиковъ на время декабрь-
скихъ собраній дворянства и земства. Многие оставались на
всю зиму, жили открыто, давали званые обѣды и танцеваль-
ные вечера. Это было то время, когда помѣщики доживали
свой золотой вѣкъ. Между ними помню людей весьма бога-
тыхъ, напримѣръ: Циммерманы, Соловые, Бабины, Ознобишины,
Рахманиновы. Вообще двѣ первыхъ зимы жилось въ Тамбовѣ
до того весело, что бывало радуешься услыша великопостный
колоколъ. Мы застали тамъ, кромѣ дворянскаго собранія, два
клуба: Коммерческій и Англійскій, возродившіяся, какъ это
всегда бываетъ, вслѣдствіе несогласія партій и походившія
столько же на англійскій, какъ на китайскій. Первый давалъ
два раза въ мѣсяцъ танцевальные вечера, то обильно посѣ-
щаемые, то безлюдные; устраивалъ субботніе обѣды по под-
пискѣ, имѣлъ прекраснаго повара, выписывалъ стерлядей и
осетровъ изъ Саратова. Англійскій клубъ только два года вла-
чилъ свое существованіе, а Коммерческій, то упавая, то не-
много возвышаясь, говорятъ до сихъ поръ коротаетъ свои дни.

Попробовалъ я разъ поддаться баллотировкѣ въ старшины
и почти годъ состоялъ таковымъ, но болѣе не выдержалъ.

Одинъ изъ старшинъ вздумалъ присвоить себѣ распорядитель-
ную роль, держалъ тонъ повелителя. Уродится же на свѣтъ
такой нѣмецъ, который всюду, къ чему ни прикоснется, все
портить. Бывало, въ частномъ-ли домѣ или въ собраніи, идетъ
вечеръ весело, оживленно, но входитъ онъ—и точно всѣхъ
холодной водой облило, всѣ сторонятся отъ него. Особенно
забавно было смотрѣть на это, вездѣ и всюду разыгрываемое
величіе, зная, что этотъ господинъ находится въ рукахъ двухъ
ничтожныхъ лицъ, которыхъ трусить до того, какъ-будто ме-
жду ними тремя есть какая-нибудь преступная тайна.

Въ теченіи жизни въ Тамбовѣ, мнѣ довелось быть свидѣте-
лемъ нѣсколькихъ примѣровъ превратностей судьбы. Одинъ
дававшій пиры—остался безъ куска хлѣба; другой, хваставшій
рысаками—вздилъ въ долгъ на извозчикахъ; третій, проигры-
вавшій нѣсколько сотъ въ вечеръ, уклонялся отъ копѣечной
партіи. Многие изъ таковыхъ, напримѣръ братья Е... весьма
добрые люди, угощавшіе весь городъ обѣдами, потомъ очути-
лись въ крайней бѣдности. Грустно было видѣть человѣка,
имѣвшаго отличный домъ, поселившимся въ лачужкѣ, вросшей
въ землю. Барынь, блиставшихъ красотою и брилліантами,
встрѣчали потомъ въ поношенныхъ платьяхъ съ чужаго плеча.
взятыхъ въ долгъ отъ торговли. Но ни чей помѣщичій крахъ
не произвелъ такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ
губернскаго предводителя Леона. Нѣсколько лѣтъ онъ счи-
тался Крезомъ, для котораго не было ничего невозможно. Его
состояніе росло не по днямъ, а по часамъ: фабрики, заводы,
парки, сады,—все это появлялось какъ-бы по волшебству.
Всякій, имѣвшій тысячу рублей въ запасѣ, считалъ себя сча-
стливымъ, если Леонъ соглашался принять такую ничтожность
для своихъ оборотовъ, и былъ увѣренъ, что пристроилъ свой
капиталецъ самымъ выгоднымъ образомъ. Многие до того вѣ-
ровали въ твердость Леоновскаго состоянія, что за нѣсколько
лѣтъ не брали процентовъ. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день,
разносится слухъ, что Леона нѣтъ ни въ городѣ, ни въ имѣ-
ніи. Началось волненіе въ обществѣ, вскорѣ превратившееся
въ отчаяніе. Оказалось, что Крезъ исчезъ навсегда. Онъ
скрылся за границу и масса его кредиторовъ остались разо-
ренными. Мнѣ случилось видѣть людей, потерявшихъ десятки
тысячъ и довѣрчивыхъ маменекъ, пустившихъ дѣтей по міру.

Фабрики, картинныя галлерей, дорогіе сервизы, гобелены, старья вина, все это, вмѣстѣ съ домами и тысячами десятинъ, пошло съ молотка.

Былъ и другой предводитель Е..., но уѣздный, который въ 5 лѣтъ спустилъ на обѣды, балы и рысаковъ все, что имѣлъ—и дома, и имѣніе жены; но этотъ поступилъ честнѣе. Съ громадной семьей, онъ переселился въ другой городъ, поступилъ на частное мѣсто, и исподволь расплачивался съ долгами. Замѣчательное явленіе представляло это семейство, состоявшее изъ нѣсколькихъ сыновей и дочерей. Тѣ и другіе росли дѣтьми природы, почти безъ надзора. Старуха нянька, полуцыганъ лакей, да семинаристъ для обученія грамотѣ—вотъ каковъ былъ составъ ихъ воспитателей, куда можно было отдать дочерей въ институтъ и въ женскую гимназію; но когда и туда нечѣмъ было платить, то пришлось взять до окончанія курса. Несмотря на это, изъ дочерей вышли премилыя дѣвушки, сами себя образовавшія, развитыя и умныя. Одна, по смерти матери, взяла на свои руки всю семью, другія сдѣлались замѣчательными музыкантами. Часто видѣлъ я примѣры, что изъ дѣтей, вполнѣ предоставленныхъ судьбѣ, выходили дѣльные люди, тогда какъ изъ тѣхъ, о которыхъ заботились, для которыхъ родители ничего не жалѣли,—не выходило ни малѣйшаго прока.

Къ числу выдающихся личностей принадлежалъ тамбовскій исправникъ Величко, отставной гусаръ, бывшій въ бою подъ Альмою и раненный подъ Балаклагою; это былъ чело-вѣкъ, обладавшій всѣми достоинствами лицъ, про которыхъ говорятъ: онъ честная, прямая натура, онъ душа общества. Весельчакъ, первый танцоръ, первый комикъ между любителями сцены, первый дамскій кавалеръ, онъ былъ любимъ всѣми и при этомъ имѣлъ громадный авторитетъ между крестьянами. Во время ихъ освобожденія, въ его уѣздѣ не было ни одного серьезнаго случая, тогда какъ въ сосѣднихъ не разъ прибѣгали къ содѣйствію войскъ. Выбранный въ исправники дворянствомъ, онъ пробылъ въ этой должности безсмынно 27 лѣтъ и, выходя въ отставку, не имѣлъ ничего, кромѣ 30-ти рублевой пенсіи въ мѣсяцъ, но за то былъ оцѣненъ дворянствомъ. Оно составило капиталъ для стипендіи имени Величко въ мѣстной гимназіи. Это едва-ли не единственный примѣръ въ Рос-

сіи подобной оцѣнки службы исправника. Бывало гдѣ Величко—тамъ и весело. Какъ кадетъ временъ Императора Николая, онъ боготворилъ его и, какъ кавалеристъ въ душѣ, никогда не оставилъ бы военной службы, еслибы полученная тяжелая рана въ голову, во время рубки съ англійскою кавалеріею, не помѣшала ему нести строевую службу, что и заставило согласиться на просьбу дворянъ, принять должность по выборамъ. Много интереснаго рассказывалъ онъ про свое исправничество, при знаменитыхъ въ своемъ родѣ тамбовскихъ губернаторахъ Булгаковѣ и Данзасѣ. Про послѣдняго говорили, что онъ управлялъ губерніею спустя рукава, что много разъ собирались смѣнить его, но онъ до того былъ любимъ обществомъ, что все кончалось въ его пользу. Для раскрытія происходившихъ въ губерніи безпорядковъ, были не разъ прислаемы самые строгіе ревизоры. Нѣкоторые изъ нихъ, сряду по прибытіи, не скрывали, что пріѣхали смѣнить губернатора, но, проживъ мѣсяцъ въ Тамбовѣ, уѣзжали очарованные Данзасомъ, и дѣлались въ Петербургѣ первыми его защитниками. Пріѣзжалъ ли въ городъ генералъ для смотровъ, или флигель-адъютантъ по рекрутскому набору, или попечитель учебнаго округа ревизовать училища, каждый тотчасъ попадалъ въ руки Данзаса, умѣвшаго такъ обставить его жизнь въ мѣстномъ обществѣ, что пріѣхавшій на день оставался недѣлю, а думавшій окончить порученіе въ недѣлю, жилъ цѣлый мѣсяцъ.

Говоря о Величко, не могу не вспомнить другаго друга моего И. И. Ознобишина. Больной много лѣтъ ногами, онъ почти никогда не выѣзжалъ изъ своего уютнаго домика на Тезековской улицѣ, или не выходилъ изъ своего садика. Снявъ военный мундиръ, Ознобишинъ нѣсколько лѣтъ занималъ различныя должности при театральной дирекціи въ Петербургѣ, что поставило его въ близкія отношенія съ артистами всѣхъ сценъ. Поэтому ни одинъ актеръ, ни одинъ литераторъ не проѣзжали черезъ Тамбовъ, не побывавъ въ уютномъ домикѣ на Тезековской. Тамъ я познакомился съ покойнымъ Васильевымъ, съ И. Ф. Горбуновымъ, съ Леоновою, Кольцовою, Вейнбергомъ, Венявскимъ, съ Н. Рубинштейномъ, съ писателями Бергомъ, Дьяченко и проч.

Среди собиравшихся у Ознобишина, прежняя моя страсть.

къ театру снова сильно разгорѣлась. Играть самому, какъ бывало въ Варшавѣ, по моему званію, я считалъ неудобнымъ, но не находилъ ничего предосудительнаго стать, по выбору любителей драматическаго искусства, во главѣ ихъ кружка и взять на себя обязанности распорядителя спектаклей съ благотворительною цѣлью. Въ первую же зиму вокругъ насъ сплотилась цѣлая группа такихъ талантливыхъ исполнителей различныхъ амплуа, какихъ я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ, ни на одной любительской сценѣ. Организациі дѣла много способствовало то, что у Ознобишина была весьма полная театральная библіотека съ нотами для водевилей и оперетокъ, не теперешнихъ, безсмысленныхъ, тенденціозныхъ, развращающихъ вкусъ и коверкающихъ искусство, а оперетокъ стараго времени, милыхъ и граціозныхъ, въ родѣ: Дезертира, Кетли, Сиротки Сусанны и проч.

Можетъ быть эти строки прочтеть кто-либо изъ членовъ нашего тамбовскаго кружка и ему будетъ пріятно вспомнить бывшее, вспомнить свою молодость и свои забавы. Пусть же онъ знаетъ, что авторъ этихъ записокъ не забылъ его, и съ чувствомъ любви и дружбы переименовываетъ нѣкоторыхъ участниковъ. Первыми сюжетами между любителями были: на драматическія роли—М. И. Сатинъ, молодой Шнейдеръ и графъ Саліасъ; комики Н. И. Величко, Строкинъ, Добровольскій; резонеры—Кржевицкій, Оленинъ, А. Ознобишинъ, Стеллихъ, Верховскій; для водевильныхъ ролей: Полубояриновъ, Давыдовъ, Ивановъ. Изъ дамъ: комическія роли исполнялись господами—Шульгиной и моею женою; свѣтскихъ дамъ играли:—Елагина, Кржевицкая, прочія амплуа занимали—двѣ сестры Полянскія, Вечослова, Оленина, Строкина, Николаева, молодыя роли въ драмѣ:—Яковлева; въ опереткахъ отличалась Брянцева и сестры Полянскія. Этотъ составъ кружка былъ до того сыгравшись, что ему ничего не стоило, въ 4 или 5 репетицій, при самой сложной обстановкѣ, ставить очень серьезныя піесы, разнообразить репертуаръ и давать до 10 благотворительныхъ спектаклей въ зиму. Всѣ переименованныя лица жили до того дружно, что, за исключеніемъ маленькихъ капризовъ барышень, не было никакихъ непріятностей, споровъ изъ-за ролей, а тѣмъ болѣе интригъ, столь присущихъ театальному дѣлу. Всѣ такъ вѣрили въ авторитетъ распоря-

дителей, что почти не было примѣра отказа отъ назначенной ими роли. Все, что было лучшаго въ текущемъ репертуарѣ того времени, въ обѣихъ столицахъ, появлялось и на тамбовской любительской сценѣ нашего кружка. Ревизоръ, Женитьба, Не въ свои сани, Доходное мѣсто, піесы Тургенева, а изъ переводныхъ—Мольера, лучшія драмы и комедіи Дьяченко и Александрова—все было исполняемо съ успѣхомъ. Лучшимъ доказательствомъ этого было то, что, несмотря на бытность въ Тамбовѣ одно время очень хорошей антрепренерской труппы, мѣста на любительскіе спектакли брались на расхватъ и почти всѣ ложи были абонированы. О каждомъ спектаклѣ, на оборотѣ афиши слѣдующаго, печатался подробный отчетъ, а такъ какъ постановка нѣкоторыхъ піесъ, на примѣръ—Записки Демона, Клара д'Обервиль и проч., требовала значительныхъ расходовъ, особенно по декоративной и костюмерной части, то велась особая приходо-расходная книга. Изъ нея видно, что въ 6-ть зимъ дано было 50 спектаклей, съ которыхъ выручено, за всѣми расходами, чистой прибыли, для благотворительныхъ цѣлей, 13 тысячъ рублей. Спектакли давались: въ пользу обѣихъ гимназій—мужской и женской, въ пользу публичной библіотеки, пріютовъ, Краснаго Креста, въ пользу бѣдныхъ города, на устройство общины сестеръ милосердія и. т. д.

Не говоря объ удовольствіи, доставляемомъ хорошею игрою любителей, одна матеріальная, помощь приносимая ими дѣлу благотворенія, должна-бы была расположить мѣстную администрацію къ подобному предпріятію; но выходило обратно. Во всѣхъ городахъ разрѣшеніе къ печатанію афишъ лежитъ на обязанности полиціеймейстера, но въ Тамбовѣ, въ отношеніи только любительскихъ представленій, взялъ этотъ трудъ на себя нашъ начальникъ губерніи и дѣлалъ затрудненія, лишь-бы показать свое вліяніе. Нельзя вообразить той мелочности, которая не была бы придумана для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь досадить распорядителямъ. Извѣстно, что всѣ существующія піесы раздѣлены цензурою на запрещенныя, дозволенныя съ исключеніями и безусловно дозволенныя. Имъ составлены списки, періодически разсылаемые во всѣ города. Прежде чѣмъ представлять афишу на утвержденіе, конечно, принимались въ соображеніе всѣ требуемыя закономъ условія, да и піесы-то да-

вались извѣстныя, всюду игранныя, слѣдовательно, всякая справка о томъ, дозволенныя онѣ или нѣтъ, была явнымъ знакомъ недовѣрія. Между тѣмъ нѣсколько разъ не разрѣшались піесы безусловно дозволенныя, подъ предлогомъ какого-то стариннаго циркуляра, въ которомъ будто-бы говорилось, что губернаторъ можетъ не разрѣшить къ представленію и дозволенную піесу, если находить ее не подходящею къ мѣстнымъ условіямъ. Однимъ словомъ, не было ни одного представленія, которое не сопровождалось бы подобными продѣлками, не говоря уже о томъ, что утвержденія афиши приходилось иногда ждать дня по три и болѣе. Когда, несмотря на все это, спектакли любителей шли своимъ порядкомъ, то придумана была новая комбинація. Въ концѣ сезона приказано было губернскому архитектору осмотрѣть прочность городского театра, и, конечно, послѣдовало донесеніе, что въ немъ нельзя допускать дальнѣйшихъ представленій. Такъ какъ слѣдующій спектакль назначался въ пользу пріюта, состоявшаго подъ покровительствомъ жены губернскаго предводителя, то послѣдній рѣшилъ устроить сцену въ залѣ дворянскаго собранія. На это затрачены были большія деньги, и когда все было окончено, то получена была бумага, что на хоры собранія, по ихъ будто-бы ветхости, публика допущена быть не можетъ, между тѣмъ какъ на этихъ-же хорахъ, при послѣднемъ засѣданіи суда, было болѣе 400 человекъ. Выведенный всѣмъ этимъ изъ терпѣнія, предводитель жаловался въ Петербургъ и, смѣшно сказать, для разбора подобныхъ дразгъ, оттуда были командированы два статскихъ совѣтника. Конечно, они не могли не понять въ чемъ причина пререканій; но, желая быть справедливыми и въ то же время поддержать представителя администраціи, они рѣшили дѣло такъ: допустить на хоры можно, но съ тѣмъ, чтобы съ нихъ былъ сдѣланъ второй выходъ. Вотъ какъ самое хорошее и полезное дѣло, можетъ быть испорчено изъ-за личности.

Прошу прощенія у читателей, что такъ распространенъ о театральномъ дѣлѣ, но они, вѣроятно, уже замѣтили мою слабость въ этомъ отношеніи. Что любишь, о томъ всегда говоришь чаще и больше.

Обращаюсь теперь къ моей служебной жизни въ Тамбовѣ. Первый объѣздъ дивизіонныхъ штабовъ, предпринятый осенью, начался съ Рязани. Тамъ я впервые встрѣтился съ губернато-

ромъ Н. А. Болдаревымъ, съ перваго знакомства выказавшимъ полную любезность и вниманіе. Здѣсь мнѣ передали всю сущность зарайской исторіи съ стрѣлковымъ батальономъ, и объяснили ее именно такъ, какъ я изложилъ выше.—Я радовался, что хоть одинъ изъ моихъ полковъ будетъ имѣть дѣло съ человекомъ, понимающимъ, что между людьми могутъ быть не одни канцелярскія и чиновничьи отношенія. Командиромъ этого полка былъ отлично знающій службу штабъ-офицеръ, примѣрный, но крайне скупой хозяинъ, что не мѣшало его полку быть самымъ богатымъ въ дивизіи, какъ по состоянію суммъ, такъ и по обилію вещей. Изъ Рязани я проѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Усмань, гдѣ квартировалъ 4 полкъ; имѣвшій командиромъ полковника Уфнярскаго, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе прослужить болѣе пяти лѣтъ и до сихъ поръ вспоминаю о немъ, какъ о личности, достойной полного уваженія. Соединяя въ себѣ всѣ качества образованнаго офицера, онъ обладалъ рѣдкимъ тактомъ командира, всесторонне зналъ строевое дѣло, былъ любимъ и полкомъ и городскимъ обществомъ.

Изъ Усмани, черезъ Липецкъ, надо было проѣхать въ Лебядянь, для осмотра 3-го полка. Командиръ его только номинально носилъ это званіе, въ сущности же я засталъ тамъ нѣсколькихъ командировъ, въ лицѣ полковыхъ: адъютанта, казначея и квартирмистра, а надъ ними верховною властью была супруга командира полка. До сей поры не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго на меня слѣдующимъ фактомъ. Во время обѣда, вспомнивъ что-то замѣченное мною при осмотрѣ цейхгауза, я говорю полковнику:

— Вамъ необходимо правильнѣе разсортировать вещи, а то, помните, рядомъ съ холстами, на той-же полкѣ, я видѣлъ полушубки, а рядомъ съ сапожнымъ товаромъ—мыло.

— Ну, я такъ и знала, перебиваетъ меня командирша. — Это, ваше превосходительство, произошло отъ того,—говоритъ она,—что я еще не побывала въ цейхгаузѣ. А въ лазаретѣ вы ничего не замѣтили.

— Можетъ быть и замѣтилъ,—отвѣчалъ я, но, во всякомъ случаѣ прошу извиненія, что началъ служебный разговоръ въ вашемъ присутствіи.

— Нѣтъ, ужъ вѣрно тамъ было все какъ слѣдуетъ, потому

что я вчера была тамъ, все осмотрѣла и велѣла переставить кровати отъ наружной стѣны на середину.

Супругъ этой особы, въ сущности добрякъ, до того былъ безхарактеренъ, что много мнѣ было труда заставить его отстранить влияние его дражайшей половины на полковныя дѣла. Черезъ это я приобрѣлъ въ ней яраго врага, но избавилъ себя отъ сценъ, подобныхъ описанной.

При объѣздѣ полковъ, мнѣ обыкновенно отводили квартиры въ домахъ богатыхъ купцовъ. Отведутъ, бывало, весь бельэтажъ: съ паркетомъ, зеркалами, вазами и мебелью, на которую, видимо, никогда никто не садился, кромѣ архіерея, губернатора, да приѣзжаго для осмотра генерала. Чѣмъ лучше отношенія полковаго командира къ купечеству и полиціи, тѣмъ квартира отводилась богаче. Въ ней меня всегда удивляла поразительная чистота, столь не присущая нашимъ бородатымъ уѣзднымъ коммерсантамъ. Потомъ я узналъ, что хозяева богатыхъ домовъ сами обыкновенно живутъ въ подвальномъ этажѣ, или во флигелѣ, гдѣ та-же духота и нечистота, какъ въ харчевнѣ, а въ чистую половину входятъ только въ дни своихъ тезоименитствъ, да въ храмовой праздникъ. Я какъ-то спросилъ одного изъ нихъ, почему онъ не занимаетъ верхняго помѣщенія, а тѣснится въ низу?

— Это намъ-съ непривычно, отвѣчалъ хозяинъ. Придешь по грязницу домой,—паркетъ попортишь, да и приткнуться отдохнуть неудобно-съ; а внизу, гдѣ ни растянешься все ладно.

Переѣзды изъ одного уѣзднаго города въ другой, происходили по такимъ дорогамъ, что до сихъ поръ, вспоминая о нихъ, дрожь пробѣгаетъ. Мосты, гати, спуски въ балки, все это было едва проѣзжимо. Какъ бывало ни стараешься узнать, кто ихъ исправляетъ, ни одинъ крестьянинъ не знаетъ. Общій отвѣтъ былъ таковъ: „А кто его знаетъ, говорятъ есть подрядчикъ, да никто не видалъ его“. Съ полкомъ, шедшимъ изъ Лебедяни въ лагерь, былъ такой случай: для проѣзда обоза черезъ полуразвалившійся мостъ, а за тѣмъ по гати, пришлось выпрягать его, провести лошадей отдѣльно, а повозки и ящики перетаскивать на рукахъ. Такъ какъ полкъ былъ впереди и обозъ шелъ особо, то надо было обратиться къ помощи

крестьянъ. Оказавъ ее безвозмездно, они обратились къ полковому командиру съ такою просьбою:

— Ты, ваше благородіе, идешь въ губернію ¹⁾, нельзя-ли тамъ постараться тебѣ, чтобы намъ самимъ чинить мостъ и гать, а то берутъ съ насъ деньги на какого-то земскаго подрядчика, а мы его, вотъ седьмой годъ, и въ глаза не видали. Кабы не брали денегъ, мы-бы, съ нашимъ удовольствіемъ, все сами справляли; вѣдь наши-же животы тутъ мучатся.

Подобныя явленія сдѣлались извѣстными только со введеніемъ земства. По этому поводу былъ у меня разговоръ съ губернаторомъ. Подъ самымъ Тамбовомъ, на астраханскомъ трактѣ находился мостъ, черезъ который, на предстоявшихъ маневрахъ, должна была пройти вся артиллерійская бригада, а на немъ были сгнившія балки и такія дыры въ настилкѣ, что немислимо было провезти ни одной пушки.

— Что-же мнѣ дѣлать? говоритъ губернаторъ,—я уже два раза писалъ въ земскую управу объ этомъ, а она, какъ видите, и не думаетъ приступать къ исправленію.

— Неужели-же, спрашиваю я,—нѣтъ никакихъ средствъ заставить управу исполнить ваше законное требованіе?

— Есть средство, да прибѣгать къ нему неудобно. Я могъ-бы произвести исправленіе, что-бы оно ни стоило, на счетъ управы, и донести о моемъ распоряженіи сенату. Разъ я такъ и сдѣлалъ, но вслѣдъ за тѣмъ получилъ указаніе, что къ подобнымъ мѣрамъ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Согласитесь, что послѣ этого получить вторичное наставленіе не захочешь.

Впечатлѣніе, произведенное на меня первымъ объѣздомъ полковыхъ штабовъ и осмотромъ матеріальнаго состоянія полковъ, было то, что, придавши однимъ энергіи и усиливъ контроль надъ другими, дѣло пойдетъ. Гораздо болѣе труда предстояло по введенію внутренняго порядка, большей исполнительности и отвѣтственности начальства за ихъ подчиненныхъ. Это, впрочемъ, со времени введенія преобразованій, сдѣлалось общимъ зломъ и разрослось въ 60-хъ годахъ эпидемически.

¹⁾ Въ той мѣстности, подъ словомъ *губерніи*, крестьяне разумѣютъ губернской городъ.

Въ слѣдующемъ 1869 году, вся дивизія, вмѣстѣ съ артиллерійскою бригадою, должна была собраться въ лагерѣ подѣ Тамбовомъ, для чего надо было выбрать подходящее и довольно обширное мѣсто. Въ концѣ апрѣля получена была объ этомъ бумага изъ округа, въ которой было сказано, что Высочайшее повелѣніе сообщено министру внутреннихъ дѣлъ, для зависящаго распоряженія объ отводѣ земли подѣ лагерь. Столь категорическая Высочайшая воля была передана министромъ губернатору; но послѣдній въ бумагѣ городскому головѣ уже прибавилъ: „о чемъ сообщаю для отвода мѣста, *буде на это не встрѣтятся законныхъ препятствій*“. Достаточно было этого крючковатаго намека, чтобы нашлось препятствіе. Городской голова началъ доказывать, что, съ проведеніемъ Саратовской желѣзной дороги, у него нѣтъ свободной земли и указывалъ, что ее должно отвести земству. Послѣднее отписывалось, говоря, что пригородныя деревни имѣютъ малый надѣлъ. Между тѣмъ время уходило; до прихода полковъ оставалось всего недѣли четыре, въ теченіи которыхъ надо было возвести пекарни, кухни, канцелярію, лазареты, устроить плотины для запруды. иначе лагерь остался-бы безъ воды. Предоставляю читателю судить, каково положеніе военнаго начальника, обязаннаго выполнить Высочайшую волю, когда со стороны представителя гражданской администраціи не только нѣтъ содѣйствія, но дѣлаются всевозможныя препятствія. И такъ-то у насъ вездѣ и во всемъ, точно войска, города и земства не слуги одного государя, а враждебныя другъ другу учрежденія. Чтобы скорѣе добиться отвода земли, пришлось лично поклониться городскому головѣ, богатому, необразованному купчинѣ и ѣздить съ поклономъ къ предсѣдателю земской управы. Наконецъ удалось склонить ихъ на то, что городъ далъ 150 и земство 250 десятинъ, необходимыя подѣ лагерь и учебное поле. Тогда я выбралъ возвышенность, лежащую на югъ отъ города, въ полутора верстѣ отъ заставы. Затѣмъ предстояло опредѣлить, за какую цѣну крестьяне и городъ уступаютъ землю подѣ лагерь военному вѣдомству. Благодаря содѣйствію исправника и вліянію, которое онъ имѣлъ на населеніе, крестьяне согласились получить въ годъ по 19 р. за десятину, а городъ взялъ за выгонъ по 25 руб., тогда какъ земля крестьянъ была распаханая. При отмежеваніи лагер-

наго участка, мнѣ случилось говорить съ выборными отъ деревни.

— Какъ вамъ, ребята, не грѣшно, говорилъ я, брать съ казны по 19 руб., когда вы за лучшую землю подѣ пшеницу платите помѣщикамъ по 10 и 12 р. въ годъ?

— Эхъ, баринъ, отвѣчали мужички, если бы намъ получать деньги-то отъ твоей милости, такъ мы отдали бы эту землю и по 8 рублей, а то поди-ка, получи ихъ отъ земства, аль черезъ полицію. Дай Богъ, чтобы и черезъ 5 годовъ онѣ вышли; а другой хозяинъ помретъ прежде чѣмъ получить, — какъ же намъ не запрашивать?

Впослѣдствіи я убѣдился въ истинѣ этихъ словъ, потому что года три спустя мнѣ прислали толстѣйшее дѣло, озаглавленное: „Объ уплатѣ денегъ за землю подѣ лагерь при городѣ Тамбовѣ“. Хотя изъ веденной три года переписки ясно было видно, что земля была отведена и войска пользовались ею, но все-таки министерство финансовъ требовало, чтобы я выдалъ особое удостовѣреніе о томъ, что дивизія, въ 1869 году, *фактически* находилась въ лагерѣ на отведенной землѣ.

Изъ моей палатки, поставленной на самомъ высокомъ мѣстѣ лагеря, открывался превосходный видъ на утонувшій въ садахъ городъ и далѣе верстъ на 5, на низменный берегъ Цны, извивавшейся по заливнымъ лугамъ, вплоть до лѣса, въ опушкѣ котораго виднѣлись главы Трегуляевского монастыря. Между лагеремъ и городомъ, ближе къ нему, шла лента Саратовской желѣзной дороги, что оживляло общую картину. По окончаніи устройства лагеря, онъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ прогулки горожанъ, особенно въ тѣ дни, когда назначались: церковный парадъ, заря съ церемоніею, или общее ученіе съ артиллеріею. Въ праздники, когда по вечерамъ играла музыка и выходили на линейки пѣсенники, народъ приходилъ слушать ихъ, не только изъ города, но и изъ окрестныхъ деревень.

Вскорѣ послѣ лагеря, 1-й полкъ дивизіи отъ полковника Т..., оказавшагося непригоднымъ, перешелъ въ руки новаго командира и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ переродился. Тѣхъ же самыхъ людей нельзя было узнать, такъ они измѣнились къ лучшему. Офицеры стали появляться въ обществѣ; казармы, въ которыя прежде противно было войти, сдѣлались

чище и свѣтлѣе. Говорю объ этомъ, въ подтвержденіе непреложной истины, что въ нашей службѣ все зависитъ отъ того, кто стоитъ во главѣ полка. Хотя и существуетъ поговорка, что „новая метла всегда мететъ чище“, но вновь принявшій полкъ велъ дѣло до конца одинаково. Единственнымъ недостаткомъ этого командира было его самообольщеніе. Ему казалось, что лучше, распорядительнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ, а между тѣмъ частенько приходилось сдерживать его увлеченія, указать ему предѣлы его власти и подобающій тонъ отношеній. Я часто ему говаривалъ, что быть его начальникомъ очень пріятно, но находиться въ подчиненіи ему не желалъ бы.

Пріѣздъ въ Тамбовъ осенью этого года Принца Ольденбургскаго былъ причиною перваго моего знакомства съ тамошнимъ институтомъ, куда Его Высочеству угодно было приглашать меня. Потомъ знакомство съ начальницей и съ многими изъ родителей воспитанницъ дало возможность ближе узнать это заведеніе. Сравнивая его съ подобными въ Петербургѣ, нахожу, что въ послѣднихъ болѣе свѣтскаго лоска, но направленіе воспитанія въ провинціальномъ институтѣ ближе подходитъ къ домашнему. Въ немъ дѣти какъ-то натуральнѣе, менѣе стараются казаться большими. Въ продолженіи всей моей бытности въ Тамбовѣ, я доставлялъ институткамъ зависѣвшія отъ меня удовольствія: по воскресеньямъ въ институтскомъ саду игралъ хоръ военной музыки, въ святки и на масляной устраивались живыя картины, а для тѣхъ которыя при выпускѣ не имѣли средствъ экипировать себя, удѣлялась часть сбора съ благотворительныхъ спектаклей. Оказалось, что и въ этомъ отношеніи театральное дѣло принесло пользу. Одна изъ бывшихъ институтокъ, Брянцева, отличавшаяся прекраснымъ голосомъ, участвовала въ спектаклѣ, который былъ устроенъ для пріѣзда Принца и пѣла въ опереткѣ „Кетли“. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы представить нашу примадонну Его Высочеству. Онъ такъ былъ доволенъ ея игрою, что предложилъ ей поступить на его счетъ въ консерваторію и далъ вспомошествованіе.

Начало наступившаго года сопровождалось для меня потерями, какъ въ служебномъ, такъ и въ семейномъ отношеніи. Въ февралѣ скончался мой помощникъ, генераль-маіоръ Чер-

кесовъ, примѣрный служака, отличный собесѣдникъ, но записной волокита. Преданный службѣ, онъ былъ правою моею рукою. Сочувствуя всему, что я желалъ и требовалъ, онъ строго слѣдилъ за исполненіемъ моихъ распоряженій, и при немъ я могъ быть вполне увѣренъ, что все ему порученное будетъ усвоено. Всѣ въ дивизіи и особенно Тульскій полкъ, которымъ онъ командовалъ до Уфнярскаго, настолько любили и уважали его, что на свой счетъ поставили ему памятникъ, въ оградѣ Казанскаго монастыря.

Вслѣдъ за смертью Черкесова я былъ вызванъ въ Петербургъ, по случаю тяжелой болѣзни моего тестя, отставнаго генерала Чайковскаго, желавшаго, чтобы я взялъ съ собою трехъ старшихъ дочерей, которымъ было тогда всего, 12, 8 и 6 лѣтъ. Въ Москвѣ я узналъ, что онъ уже скончался, а потому, оставивъ дѣтей у родныхъ, поспѣшилъ въ Петербургъ съ женою.

Скончавшійся 83 лѣтъ отъ роду, Петръ Петровичъ Чайковскій принадлежалъ къ числу людей рѣдкихъ правилъ. Въ 1811 году, имѣя всего 16 лѣтъ, бывши юнкеромъ, онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ смерти сына генералиссимуса Суворова, утонувшаго въ рѣкѣ Рымникъ. Состоя въ тотъ день ординарцемъ у начальника дивизіи князя Суворова, онъ ѣхалъ на перекладной, съ писаремъ, позади коляски князя.

— Въ это время, рассказывалъ мнѣ покойный тесть, князь объѣзжалъ полки, стоявшіе въ Молдавіи. День былъ дождливый, а наканунѣ была гроза съ страшнымъ ливнемъ. Подъѣзжая къ рѣкѣ Рымнику, которую за нѣсколько дней можно было переходить въ бродѣ, мы увидѣли ее сильно поднявшеюся. При спускѣ, коляска генерала остановилась; верхъ ея былъ поднятъ и фартукъ застегнутъ. Я соскочивъ съ перекладины, подбѣжалъ, думая не будетъ ли какихъ приказаній, и услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Не лучше ли выйти? спрашиваетъ князь кучера.

— Не извольте беспокоиться, ваша свѣтлость, отвѣтилъ онъ, такія ли мѣста переѣзжали, а здѣсь я знаю каждый камешекъ.

— Ну, такъ трогай, приказалъ генералъ, но осторожнѣе.

Глубина рѣки, продолжалъ покойный тесть, оказалась гораздо больше, чѣмъ можно было думать, смотря съ берега, гдѣ

я и мой спутникъ выжидали покуда коляска подымется на противоположную сторону. Вдругъ мы видимъ, что кучеръ вскакиваетъ на козлы, ударяя по лошадамъ, лихая четверка подхватываетъ, экипажъ какъ будто бы пошатнулся, и вслѣдъ затѣмъ опрокидывается, а быстрое теченіе поворачиваетъ его колесами вверхъ. Будь коляска открыта, быть можетъ князь, хорошо плававшій, успѣлъ бы спастись; но поднятый вверхъ и застегнутый запанъ не допустили. Такимъ образомъ сынъ великаго Суворова погибъ въ волнахъ той самой рѣки, которую отецъ прославилъ побѣдою, имя которой носилъ въ своемъ титулѣ—Рымникскаго.

Въ 1814 году П. П. Чайковский, состоя уже дивизионнымъ адъютантомъ, въ сраженіи при Фершампенуазѣ, былъ раненъ пулею въ грудь и штыкомъ въ ребро. Счастливое излеченіе дало ему возможность продолжать службу въ строю. Въ турецкую кампанію 1828 году, онъ, командуя Шлиссельбургскимъ егерскимъ полкомъ, вызвался вести охотниковъ на ночной штурмъ крѣпости Исаки, причемъ обѣ его ноги были перебиты картечью. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ выдать ему 1,000 червонцевъ и отправить на казенный счетъ лечиться въ Теплицъ. Тамъ онъ провелъ полтора года, изъ которыхъ 8 мѣсяцевъ пробылъ въ постели, съ подвязанными на блокахъ ногами. Возвратясь въ Россію на костыляхъ, онъ потомъ настолько поправился, что въ 1830 году получилъ мѣсто коменданта въ Севастополѣ и былъ свидѣтелемъ извѣстнаго арестантскаго бунта. Затѣмъ Чайковский былъ назначенъ строителемъ вновь возводимыхъ на западномъ берегу Чернаго моря укрѣпленій, съ подчиненіемъ ему собранныхъ для работъ у Геленджика войскъ, а по окончаніи этого порученія былъ переведенъ комендантомъ и управляющимъ минеральными водами въ Пятигорскѣ. Одиннадцать лѣтъ пробылъ онъ въ этой должности, но, наконецъ, не могъ перенести тѣхъ непріятностей, которыя возникли вслѣдствіе интригъ нѣкоторыхъ личностей, изъ числа окружавшихъ князя Воронцова. Гоненія на честнаго и вѣрнаго слугу начались изъ-за того, что онъ всѣми силами возсталъ противъ замысла возвести у источниковъ каменные галлерей, въ родѣ заграничныхъ, чего хотѣлось и князю, а между тѣмъ это привело-бы къ уничтоженію источниковъ. Желаящіе выслужиться и нажиться архитекторы-ино-

странцы представляли Воронцову проектъ за проектомъ, одинъ грандіознѣе другаго; но какъ только они попадали въ руки Чайковского, то онъ, разбивая эти затѣи, доказывалъ, что тяжелыя зданія изъ гранита задавятъ подземныя жилы минеральныхъ водъ, лежащія такъ близко къ поверхности земли, что только легкія, деревянные зданія могутъ служить галлерейми, а не гранитныя колоннады, красивыя на видъ, но гибельныя для источниковъ. Князь Воронцовъ сердился, писалъ выговоры, присылалъ изъ Тифлиса архитекторовъ и медиковъ, но ничто не помогло побороть гражданскаго мужества Чайковского. Многіе изъ друзей совѣтовали ему покориться волѣ вельможнаго начальника; противная сторона пробовала подсылать своихъ агентовъ, съ намеками на благодарность и на великія выгоды, но честный старикъ рѣшился лучше выйти въ отставку, чѣмъ продать дѣло, приносящее громадную пользу человѣчеству. Чайковский оставилъ мѣсто, на которомъ его преемники въ 2—3 года составили себѣ состоянія; онъ-же, съ семьей въ 8 дѣтей, послѣ одиннадцатилѣтняго директорства, выѣхалъ изъ Пятигорска безъ гроша, только съ пенсіею за 40-лѣтнюю службу и за раны. Всѣ его дѣти, по особому Высочайшему повелѣнію, были приняты—сыновья въ кадетскіе корпусъ, а дочери—въ институты, пансіонерками Его Величества. Послѣ отъѣзда Чайковского изъ Пятигорска, проектъ возведенія каменныхъ зданій начали-было приводить въ исполненіе; но едва только кончили фундаментъ надъ цѣлительнѣйшимъ Елизаветинскимъ источникомъ, какъ онъ исчезъ и впослѣдствіи открылся, но уже въ меньшемъ видѣ, верстахъ въ 10 отъ города. Пришлось прекратить работы, и тогда вспомнили Чайковского, но уже поздно.

По отданіи послѣдняго долга его праху, вслѣдствіе полученной депеши, что 5-лѣтняя дочь моя заболѣла дифтеритомъ, мы на другой же день поспѣшили выѣхать обратно въ Тамбовъ. Въ Москвѣ узнаю, что, вслѣдствіе снѣжныхъ заносовъ, проѣздъ къ Рязани и далѣе крайне затруднителенъ. Несмотря на это, взявъ остававшихся тамъ трехъ дочерей, мы выѣжаемъ, но верстахъ въ 70 отъ Рязани поѣздъ останавливается, и мы 10 часовъ ждемъ на маленькой станціи. Не зная, что меня ожидаетъ дома и застану-ли я ребенка въ живыхъ, пришлось еще два раза переносить остановки. Думаю, что рѣдкій

изъ читателей не испытать удобства зимнихъ странствованій по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ въ степныхъ губерніяхъ, но едва-ли кому приходилось перенести то, что выпало тогда на нашу долю. Въ вагонахъ ни топлива, ни свѣта; дѣти проголодались до того, что сжались надъ ними, одна дама отправилась по вагонамъ просить для нихъ куска булки или хлѣба, и нашла какую-то сердобольная купчиха изъ Саратова, удѣлившая моимъ дѣвочкамъ три сухіе баранка.

Въ Козловѣ поѣздъ былъ задержанъ, но тамъ, уже съ нѣкоторымъ спокойствіемъ на душѣ, можно было ожидать расчистки пути, потому что полученная телеграмма гласила, что наша больная внѣ опасности. Въ 6 верстахъ отъ Тамбова снова остановка, съ объявленіемъ, что надо выходить изъ вагоновъ и идти поторы версты до поѣзда, высланнаго на встрѣчу. Это было въ 3 часа февральской ночи. Явился вопросъ: какъ при 15 градусахъ мороза, среди вѣтра съ метелью, перенести дѣтей? Но, благодаря вниманію и распорядительности управляющаго дорогою, милѣйшаго М. П. Верховскаго, и чиновъ моего штаба, выѣхавшихъ на встрѣчу въ пошевняхъ, жена и дѣти были перевезены благополучно, но я поплатился. Торопясь пройти изъ I класса въ III, за человѣкомъ, чтобы онъ поспѣшилъ перенести вещи на подводу, я сталъ съ усиліемъ отворять примерзшую дверь, въ темнотѣ попалъ рукою въ дверную пружину и сорвалъ себѣ палецъ, который тутъ же отрѣзали простыми ножницами. Такъ какъ другой подводы не оказалось, то до выѣхавшаго на встрѣчу поѣзда, два жандарма вели меня по сугробамъ подъ руки.

Черезъ два часа мы были дома, гдѣ нашъ другъ и докторъ П. Ф. Лазаренко встрѣтилъ насъ радостною вѣстью, что больной гораздо лучше. Это заставило забыть и боль руки и все перенесенныя въ пути невзгоды.

Позднею осенью 1869 года послѣдовало открытіе Тамбово-Козловской желѣзной дороги. Почти большая ея половина отъ Тамбова была построена трудами нижнихъ чиновъ моей дивизіи. Двумя пунктами, на которыхъ происходили самыя интересныя и большія работы, были выемки и насыпи, въ 2-хъ верстахъ отъ Тамбова и возлѣ села Лысыхъ-горъ, гдѣ дорога пересѣкала балку и строился мостъ. Такъ какъ послѣдній пунктъ былъ въ 18 верстахъ отъ города, то для пробы пиши

нижнихъ чиновъ, для осмотра бараконъ и шалашей, въ которыхъ они жили, и для проверки состоянія ихъ здоровья, я часто ѣздилъ туда, сначала въ экипажѣ, а потомъ на дрезинѣ. Кромѣ исполненія служебной обязанности, меня интересовалъ и самый ходъ работъ. При ихъ производствѣ не разъ приходилось убѣждаться, что и въ самомъ простомъ дѣлѣ известная опытность и сноровка часто замѣняютъ силу. Солдатамъ за земляную работу платили 3 р. за каждую вынутую и отвезенную кубическую сажень земли. Обыкновенно ставили на кубикъ двоихъ, и если они вынимали его въ теченіи дня, то получали полтора рубля каждый. Это не все могли выполнить, но меньше рубля никто не выработывалъ. Такая плата, при продовольствіи отъ подрядчика, можетъ считаться отличною; но въ каждой ротѣ мнѣ случалось видѣть двухъ-трехъ такихъ искусниковъ землекопанія, которые ухитрялись одолѣть въ одиночку цѣлый кубикъ и получать 3 руб. Замѣчательно, что таковыми были вовсе не казавшіеся сильными, а напротивъ люди средняго роста и сухіе.

Нѣкоторые изъ начальниковъ того времени, а теперь и многіе изъ нихъ, того убѣжденія, что вольныя работы не должны быть допускаемы, такъ какъ онѣ отнимаютъ время отъ обученія, уничтожаютъ одежду и обувь, и вредятъ здоровью нижнихъ чиновъ. Ни съ однимъ изъ этихъ доводовъ я не могу согласиться. Прослужа 35 лѣтъ въ строю, половину въ гвардіи и столько же въ арміи, я никогда не раскаивался въ томъ, что развивалъ въ полкахъ стремленіе къ вольнымъ работамъ. На все противъ нихъ возраженія скажемъ, что самое полезное дѣло можетъ сдѣлаться вреднымъ, если поведется кое-какъ, безъ знанія и надзора за нимъ. Шестинедѣльный періодъ работъ, назначаемый обыкновенно послѣ усиленныхъ лѣтнихъ занятій, служить для людей отдыхомъ; они любятъ его, потому что избавляются отъ однообразной казарменной жизни, проводятъ дни и ночи на чистомъ воздухѣ, что напоминаетъ имъ ихъ прежній бытъ и привычныя занятія. Удержатъ людей отъ того, чтобы они, во время рабочаго періода, не опускались въ смыслѣ порядка и дисциплины, вполне зависитъ отъ ихъ начальства. Если офицеры будутъ находиться при своихъ людяхъ на мѣстѣ работъ, и не предоставятъ ихъ полной свободѣ, или въ безконтрольное распоряженіе унтеръ-офицеровъ, то распушенно-

сти быть не может. Работа, не вредная для здоровья, не изнуряющая силы, нисколько не вредит и образованію. При должномъ ей размѣрѣ и при улучшенномъ довольствіи, нижніе чины поправляются на работахъ, которыя развиваютъ силы и обновляютъ энергію. Что же касается порчи одежды, то на работѣ носятъ обыкновенно старую, никуда уже негодную, которую не жаль и бросить. Вольныя работы не приносятъ пользы только тамъ, гдѣ къ нимъ относятся съ предвзятою мыслью, что онѣ вредны, гдѣ солдатъ не увѣренъ, что заработанные деньги будутъ распределены правильно, или гдѣ ему не объявляютъ подробнаго о нихъ расчета. Взглянувъ на то же дѣло съ другой стороны, видимъ, что увольненіе нижнихъ чиновъ для заработка часто приноситъ замѣтную пользу и сельскому хозяйству. Сотня лишнихъ рукъ для полевой работы, для землевладѣльца—великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ рукъ мало, что бываетъ почти повсемѣстно во время уборки хлѣбовъ и травъ. Сколько разъ случалось, что сахарозаводчикъ, при внезапномъ наступленіи мороза, чтобы спасти свекловицу, умоляетъ дать ему людей за какую угодно плату, лишь бы убрать во время. То же самое бываетъ и на рѣкахъ, когда надо быстро нагрузить или разгрузить къ сроку, а нанять, кромѣ солдатъ, некого. Тогда за цѣною не стоятъ. Къ сожалѣнію, у насъ только на югѣ время увольненія солдатъ на вольныя работы соображено съ нуждами населенія. Тамъ періодъ работъ совпадаетъ съ уборкою хлѣбовъ, въ прочихъ же военныхъ округахъ работы разрѣшаются съ 1-го сентября, когда полевныя работы уже окончены. Черезъ это теряютъ войска и жители, что, несомнѣнно, отражается на благосостояніи края. Не одна сотня тысячъ четвертей и сотня тысячъ рублей пропадаетъ въ Россіи, отъ несобраннаго съ полей хлѣба и отъ нескошенной во время травы.

Съ открытіемъ желѣзной дороги, общественная жизнь въ Тамбовѣ сильно измѣнилась. Отъ нее ожидали оживленія, а вышло наоборотъ. Не говоря о томъ, что многія семейства перѣѣхали на зиму въ Москву, и лѣтняя общественная жизнь съ каждымъ годомъ дѣлалась все тише и тише. Въ первые два года нашего пребыванія въ Тамбовѣ, извѣстная его весенняя ярмарка, въ 10 воскресенье послѣ Святой, длящаяся двѣ недѣли, отличалась многолюдствомъ, громаднымъ приводомъ

лошадей и съѣздомъ ремонтеровъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ концѣ ярмарки открывался сезонъ бѣговъ и скачекъ, длившійся обыкновенно двѣ-три недѣли, что привлекало въ городъ окрестныхъ помѣщиковъ, изъ коихъ многіе были коннозаводчиками. Къ этому же времени и клубъ переселялся въ городской садъ, гдѣ имѣлъ лѣтнее помѣщеніе, называвшееся вокзаломъ. Туда по вечерамъ собирались всѣ съ бѣговъ и скачекъ, одни поиграть въ карты, другіе послушать музыку, а большая часть поужинать и покутить, причемъ не обходилось и безъ скандальчиковъ. Прислушиваясь къ говору, спорамъ и разсужденіямъ коннозаводчиковъ, невольно являлось сравненіе ихъ съ охотниками. Какъ послѣдніе не могутъ ничего рассказать безъ прикрасъ, такъ и эти, какъ пустятся въ разсужденія о рыскахъ и скакунахъ, и въ рассказы какъ кто кого провелъ при продажѣ или покупкѣ, то точно слушаешь эпизоды изъ „Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай“. Между ними много было типичныхъ представителей старины, какъ на примѣръ: генераль Жихоревъ, ветеранъ временъ Александра I, силачъ Воейковъ, носившій монашескій подрясникъ, отставной гусаръ Сипягинъ, красившій лошадей. Распорядителемъ бѣговъ былъ всегда членъ коннозаводства и бывшій глава ремонтеровъ всей Россіи, А. И. Сабуровъ.

Посѣщеніе бѣговъ и вокзала для дамъ тамбовскаго общества составляло предметъ необходимости. Тамъ онѣ, одна передъ другою, хвастали своими нарядами, пріобрѣтали ухаживателей, спорили чья лошадь проиграетъ или выиграетъ. Были и такія, которыя слишкомъ близко входили въ коннозаводское дѣло: для нихъ было ни почемъ громогласно произносить самыя щекотливыя термины, въ родѣ того, что такая-то матка больше не принимаетъ, или такой-то производитель негоденъ для завода; а одна была и такая, которая съ гордостію заявляла, что постоянно присутствуетъ на случаяхъ и руководить ими на заводѣ своего мужа.

Впослѣдствіи, съ каждымъ годомъ, какъ ярмарка такъ и бѣга постепенно упали, число посѣтителей и пріѣзжихъ уменьшалось, помѣщики видимо бѣднѣли. Въ клубѣ уже не было прежней крупной игры, субботніе обѣды прекратились и публику лучшаго общества замѣнила сѣренькая публика бѣднаго чиновничества, дочери котораго отплясы-

вали въ вокзалѣ съ купчиками и юнкерами. Чтобы составить себѣ подходящую партію, приходилось сговариваться заранѣе, иначе трудно было встрѣтить въ вокзалѣ кого-либо изъ своего круга.

Окрестности Тамбова не представляли ничего привлекательнаго; на городъ пріятно было взглянуть издали, но изъ города некуда было выйти. Единственнымъ для этого, и то въ сущности весьма убогимъ, мѣстомъ была Инвалидная слобода, предмѣстие города, тянувшееся отъ него къ югу, по берегу Цны. Бывшій возлѣ него лугъ служилъ мѣстомъ прогулки въ экипажахъ. Тамъ же, по воскресеньямъ, собирався народъ посидѣть на травкѣ, поглазѣть на развалившихся въ коляскахъ, съ своими супругами, купчиковъ, хваставшихъ рысакими. Въ концѣ города, при началѣ слободы, находится единственный прелестный уголокъ, дача г. Соболевскаго, родственника И. И. Величко. Владѣтель состоялъ на службѣ, а потому хозяиномъ дачи оставался Величко. Послѣдній, перейдя во вновь выстроенный домъ, уступилъ намъ старый домикъ въ саду, гдѣ семья моя прожила два лѣта, вдали отъ городской пыли, дѣлавшейся въ вѣтряный день невозможною. Жизнь въ Инвалидной оставила самыя пріятныя впечатлѣнія. Она соединяла въ себѣ и близость къ городу и лагерю, и прелесть дачной жизни, представляя возможность проводить прекрасные лѣтніе вечера въ саду, на берегу рѣки, вмѣстѣ съ милою, дружескою семьею, съ которою мы были неразлучны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

1870 — 1871.

Поѣздка за границу.—Леченье въ Карлсбадѣ.—Разговоръ генерала съ священникомъ.—Вѣсти о разрывѣ Германіи съ Франціей.—Визитъ къ Мольке.—Австрійскіе офицеры на балѣ.—Споры о томъ, кто побѣдитъ.—Поѣздка въ Швейцарію.—Черезъ Симплонъ въ Миланъ и Венецію.—Возвращеніе черезъ Вѣну.—Русскій купецъ о Седанской катастрофѣ.—Холера 1881 года въ Тамбовѣ.—Ея свирѣпость.—Корреспондентъ „Голоса“.—Освященіе знаменъ въ Рязани.—Преосвященный Алексѣй.—Смотръ во время эпидеміи.—Завѣденіе въ полкахъ инвентарей и послѣдствіи этой мѣры.—Приготовленія къ походу въ Московскій лагерь.

Въ наступившемъ 1870 году мнѣ снова довелось быть за границую, но уже не по служебнымъ обязанностямъ. Со времени польскаго возстанія, я сильно страдалъ грудною невралгіею, обратившеюся въ хроническую. Думая избавиться отъ недуга, часто мѣшавшаго даже службѣ, по совѣту врачей, я отправился въ концѣ мая въ Карлсбадъ. Поѣздка была принята совмѣстно съ однимъ близкимъ знакомымъ, что должно-бы было сдѣлать ее вдвойнѣ пріятною. Но мой спутникъ при всѣхъ его достоинствахъ, оказался, для совмѣстной ежедневной жизни, крайне тяжелымъ и нерѣшительнымъ. Никогда нельзя было узнать, чего онъ хочетъ. Берешь въ отелѣ номеръ въ 2 комнаты и спрашиваешь, которую вы хотите занять? „Мнѣ все равно“, отвѣчаетъ онъ.—Ну, такъ скажите, которою?—„Я не знаю“. Даже подходя къ кассѣ брать билеты, трудно было добиться, въ какомъ классѣ онъ желаетъ ѣхать. И такъ постоянно въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.

Въ этотъ разъ какъ-то странно было вѣзжать въ Берлинъ, зная, что никто не встрѣтитъ и что будешь тамъ совершенно незамѣтнымъ путешественникомъ, тогда какъ въ прежнія поѣздки встрѣчали съ почетомъ, ни о чемъ не приходи-

лось заботиться, все было готовое. Только владѣлец *Britisch-отеля*, старикъ Крюгеръ, обрадовался мнѣ, какъ родному. Въ Дрезденѣ, гдѣ не былъ съ 1847 года, я нашелъ огромную перемѣну. Старый городъ остался въ прежнемъ видѣ, но форштадты были неузнаваемы, равно какъ и правый берегъ Эльбы. Тамъ, гдѣ были каменоломни и пустыри,—воздвиглись великолѣпныя виллы, похожіе на дворцы, съ садами и парками. Отдохнувъ сутки, мы взяли путь на Теплицъ. Желѣзная дорога, извиваясь параллельно теченію Эльбы, проходила по живописнымъ ея берегамъ: Бастей, Кенигштейнъ, Лилиенштейнъ промелькнули, возбуждая воспоминанія молодости и тѣ восторги, которые ощущались при первомъ посѣщеніи этихъ мѣстъ.

Такъ какъ желѣзная дорога отъ Теплица до Карлсбада только начинала строиться, то дальнѣйшій путь предстоялъ въ экипажѣ. Въ Кометау, во время покормки лошадей, мнѣ удалось видѣть ученье стоявшаго тамъ австрійскаго стрѣльковаго батальона. Хотя оно не представляло ничего особеннаго, но все-таки доставило развлеченіе, сократившее скуку остановки. Тогда впервые мнѣ пришлось видѣть австрійскія войска, показавшіяся, сравнительно съ прусскими, мѣшковатыми. Въ Карлсбадѣ мы вѣзжали подъ вечеръ. Невозможность искать квартиру ночью заставила остановиться въ отелѣ *Russischer-Hof*. Слѣдующій день былъ посвященъ осмотру города и знакомству съ нимъ, что съ перваго раза произвело самое пріятное впечатлѣніе. Лечебный сезонъ былъ въ разгарѣ и съѣздъ посѣтителей былъ самый полный, что затрудняло пріисканіе квартиры и возвышало цѣны; но все-таки, сравнительно съ нашими русскими, ихъ нельзя было считать высокими. За двѣ большія, прекрасно меблированныя комнаты, въ бель-этажѣ, на одной изъ лучшихъ улицъ „*Neue viese*“, мы платили 25 гульденовъ въ недѣлю, что составляло, по курсу на наши деньги, съ небольшимъ 13 руб.

Не говоря о прелестномъ мѣстоположеніи, о восхитительныхъ видахъ и безчисленныхъ загородныхъ прогулкахъ, одна другой лучше, самая жизнь въ Карлсбадѣ и существовавшіе тогда въ немъ обычаи мнѣ чрезвычайно нравились. Многіе находятъ эту жизнь монотонною и даже скучною; я же, не смотря на то, что кромѣ двухъ семействъ не имѣлъ никого зна-

комыхъ, не скучалъ ни минуты. Да и можно ли скучать, когда занять всякую минуту. Встаешь въ 5½ часовъ, къ 6-ти уже у источника, гдѣ остаешься до 8, среди массы самой разнообразной публики, слушаешь музыку, зайдешь на почту, которая тутъ же. Въ 8, по превосходнымъ тѣнистымъ дорожкамъ, идешь въ горы, поднимаешься на сотни футовъ надъ городомъ, любуешься имъ съ птичьяго полета, или уходишь въ лѣсъ. Вездѣ ступенями обдѣланныя подъемы, разнообразныя бесѣдки, скамьи для отдыха. Къ 9½ возвращаешься въ свой садикъ, съ такимъ аппетитомъ, о которомъ, при нашей обычной жизни, не имѣешь и понятія. Двѣ чашки вкуснаго кофе, съ прославившимся карлсбадскимъ печеньемъ, удовлетворяютъ его. Затѣмъ два, только два часа отдыха, употребляемы на переписку или чтеніе газеты; въ 12—уже время брать ванну, а затѣмъ версты за двѣ или за полторы идешь обѣдать, въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Путь лежитъ по великолѣпной улицѣ *Alte Viese*, преполненной богатыми магазинами. Затѣмъ вы выходите на „*Променаду*“. Такъ называется дивная каштановая аллея, идущая по берегу рѣчки; съ одной стороны она окаймлена почти отвѣсною лѣсистою скалою, съ другой—цѣлую версту тянутся временные магазины, съ самыми разнообразными товарами. Тамъ богемскій хрусталь, тутъ—кружева, тамъ инкрустаціи, тутъ полотна, цвѣты, бездѣлушки изъ янтаря и пѣнки и т. д. Вы и не замѣчаете, какъ прошли версты 2 до ресторана, гдѣ вамъ, за гульденъ или полтора, дадутъ три блюда, правда не важныхъ, но непременно такихъ, которыя соотвѣтствуютъ вашему леченію. Послѣ обѣда, въ 4 часа, начинается концертъ въ одномъ изъ загородныхъ садовъ. Тамъ бесплатно, и изрѣдка за нѣсколько крейцеровъ (копѣекъ), вы слушаете прекрасный оркестръ *Лабицкаго*, или вмѣсто этого, возвратись въ городъ, идете въ театръ, начинающійся въ 5 и кончающійся въ 8 часовъ, а не то направляетесь, въ *Kaiser-паркъ* или *Posthof*, любоваться чудными карлсбадскими розами, гдѣ спрашиваете себѣ молока или чаю. Въ 10 часовъ вы уже дома и засыпаете богатырскимъ сномъ. „Все это хорошо, но изрѣдка—возразятъ мнѣ—а всякій день одно и то же наскучитъ“. Въ томъ-то и дѣло, что не одно и то же, потому что разнообразить цѣль и направленіе прогулокъ можно сколько угодно; въ какую бы сторону вы ни по-

шли; увидите иныя картины, такъ что въ мѣсяцъ онѣ повторяются передъ вами не болѣе двухъ разъ.

Въ Карлсбадѣ встрѣтился я съ добрымъ варшавскимъ моимъ знакомымъ, генераломъ В. М. Шварцемъ. Это былъ человѣкъ правды, не измѣнявшій своихъ честныхъ убѣжденій и правилъ ни изъ угожденія сильнымъ міра сего, ни изъ житейскихъ видовъ и почестей. Во время нашихъ прогулокъ съ нимъ, много рассказывалъ онъ мнѣ интереснаго изъ своей продолжительной службы и особенно о непріятностяхъ и столкновеніяхъ, которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, отъ лже-либеральныхъ представителей нашей администраціи. Современную противоположность прогулокъ съ Шварцемъ представляли встрѣчи съ княземъ Суворовымъ, имѣвшимъ страсть болтать безъ умолка, о чемъ и съ кѣмъ угодно. Онъ могъ заговорить до обморока, такъ что, завидя его, не разъ приходилось повернуть назадъ, или скрыться въ переулокъ.

Въ одно изъ воскресеній, послѣ обѣдни, Шварцъ, зайдя ко мнѣ, встрѣтился съ нашимъ русскимъ священникомъ Г., весьма молодымъ, но видимо образованнымъ и умнымъ человекомъ. Между ними завязался слѣдующій, тогда же мною занесенный въ дневникъ, разговоръ:

— Мнѣ говорили, спрашиваетъ Шварцъ—что вы, батюшка, изъ Петербурга? гдѣ же вы тамъ служите?

— Я законоучителемъ въ такомъ-то институтѣ, отвѣчаетъ священникъ.

— Да? въ такомъ случаѣ мнѣ особенно интересно поговорить съ вами. Скажите пожалуйста, въ институтѣ-то вашемъ теперь благополучно? говоритъ Шварцъ, дѣлая особенное удареніе на послѣднее слово.

— Я понимаю, почему вы спрашиваете такимъ тономъ. Теперь, кажется, все благополучно.

— Не думаю, возразилъ генералъ, разъ что у васъ тоже начальство, которое было 4 года назадъ.

Затѣмъ, обращаясь къ намъ обоимъ, онъ рассказалъ слѣдующее:

— Я былъ членомъ комиссіи, подъ предсѣдательствомъ М. Н. Муравьева, по поводу преступленія Каракозова. Нить разслѣдованій и показаній дошла до того, что пришлось по-

требовать къ допросу одну изъ воспитанницъ этого института; забылъ теперь ея фамилію.

Священникъ подсказалъ ее.

— Если бы вы могли только вообразить, что она рассказывала намъ, продолжалъ Шварцъ. Слова и названія, которыя и мужчина произносилъ бы съ смущеніемъ, 17-ти лѣтняя дѣвушка произносила, нисколько не стѣсняясь. Когда одинъ изъ членовъ выразилъ этому невольное удивленіе, то она весьма откровенно замѣтила ему:

„Вы напрасно удивляетесь и спрашиваете меня съ осторожностію, говорите прямо. Я уже прошла черезъ все, что рано или поздно приходится почти всякой испытать въ жизни. Да какъ же вы хотите чтобы было иначе, когда многое въ нашемъ воспитаніи подготавливаетъ къ этому. Возьмите хоть гимнастику, въ которой нѣкоторые приемы не только возбуждаютъ воображеніе, но и самыя ощущенія; чрезъ это практически проводили насъ. Что же до теоріи, то поприще для порчи было еще шире. Все, что было писано Чернышевскимъ и Огаревымъ,—все это прочтено нами, и Ренанъ былъ нашею настольною книгою. Ее можно было найти подъ подушкою каждой дѣвицы старшаго класса“.

На мой вопросъ, продолжалъ Шварцъ—откуда же вы доставали эти книги? она отвѣчала:

— А на что-же двоюродные и троюродные братцы, подъ видомъ которыхъ являлись къ намъ студенты или технологи, на глазахъ классныхъ дамъ приносившіе въ конфектныхъ корзинкахъ все что угодно, не исключая романовъ Поль-де-Кока.

Молча слушалъ священникъ этотъ рассказъ, опустил голову, и со вздохомъ сказалъ:

— Да, дурное, тяжелое и даже непонятное было время. Все, что говорили вамъ, могло быть, и удивляться этому нечего. А что я-то вынесъ и испыталъ тогда, вы поймете изъ слѣдующаго факта. Передъ великимъ постомъ приглашаетъ меня начальница. Вхожу; проситъ садиться и очень нѣжно, мягкимъ голосомъ начинаетъ:

— У меня къ вамъ просьба, батюшка. Нельзя-ли, чтобы тѣ изъ дѣтей, особенно старшія, которыя, по понятной стыдливости, стѣсняются, т. е. не желаютъ исповѣдываться у васъ, исполнили это у постороннихъ священниковъ?

Пораженный подобнымъ предложеніемъ, я смотрю на нее во всѣ глаза; она же ни мало не смутясь, продолжаетъ:

— Исповѣдь вѣдь дѣло совѣсти, а въ этомъ дѣлѣ надо предоставить дѣтямъ полную свободу, пусть онѣ исповѣдуются у кого желаютъ.

Допустить это я, конечно, не нарушая долга службы, не могъ, и потому возразилъ начальницѣ:

— Я отвѣчаю за нравственное и религіозное направленіе моихъ духовныхъ дѣтей передъ Богомъ, а за уклоненіе отъ опредѣленныхъ закономъ постановленій,—передъ моимъ начальствомъ, и потому исполнить вашего желанія не могу.

Директрисса разсердилась; я же на другой же день отправился доложить объ этомъ, кому слѣдовало, и испросить приказанія. Категорическаго отвѣта не послѣдовало, но въ видѣ совѣта мнѣ было сказано:

— Оставь; не вмѣшивайся, только наживешь себѣ непріятности, а дѣла не поправишь.

Выслушавъ рассказъ обоихъ гостей моихъ, я не могъ удержаться, чтобы, пожавъ плечами не сказать:

— Да что-же это такое! Чѣмъ все это кончится?

— Да ужъ и кончилось, отвѣтилъ Шварцъ. Разслѣдованіе зашло такъ далеко, что въ его сѣть стали попадать уже не мелкая рыба, а осетры и щуки, а потому приказано было прекратить дѣло. Ну, а что будетъ впереди, то одному Богу извѣстно.

Въ половинѣ іюня газеты указали на возможность разрыва Пруссіи съ Франціею, а пріѣзжавшіе изъ Эмса рассказывали подробности происходившаго тамъ между королемъ Вильгельмомъ и французскимъ посланникомъ Грамономъ. Все это производило сильную сенсацію въ Карлсбадѣ. На улицахъ, у источниковъ, въ ресторанахъ, въ концертахъ—вездѣ только и говорили о предстоящей войнѣ. Больше другихъ интересовались новостями, конечно, военные, между которыми было нѣсколько находившихся въ отпуску на водахъ прусскихъ офицеровъ. Какъ только получена была телеграмма о томъ, что король Вильгельмъ выѣхалъ изъ Эмса, всѣ пруссаки, въ ту же ночь, выѣхали къ своимъ полкамъ. Подобное отношеніе къ своему долгу крайне поучительно. Въ немъ вся сила и весь секретъ тѣхъ побѣдъ, которыя черезъ мѣсяцъ удивили Евро-

пу. Видя подобный фактъ, съ грустью подумалось, такъ ли бы поступили наши? чувствуется, что нашлись бы такіе, которые сказали бы „зачѣмъ торопиться; потребуютъ—успѣю пріѣхать“.

Описываемое время было крайне интересно: самыя замѣчательныя событія быстро шли одно за другимъ и, наконецъ, пришла вѣсть о мобилизаціи прусской арміи. Въ отношеніи мобилизаціи не безъинтересенъ слѣдующій фактъ, переданный мнѣ прибывшимъ въ Карлсбадъ знакомымъ генераломъ. Онъ проѣзжалъ черезъ Берлинъ на другой день по объявленіи войны. Зная, что въ Берлинѣ любятъ, чтобы тѣ изъ нашихъ, которые извѣстны въ официальномъ военномъ кругу и бывали представляемы, заявляли о себѣ визитомъ главнымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, генералъ, поѣхалъ и къ Мольтке, конечно съ цѣлью не беспокоить его въ подобное время лично, а только расписаться. Войдя въ переднюю, онъ спрашиваетъ у ординарца книгу посѣтителей, но послѣдній очень привѣтливо приглашаетъ его войти въ залъ, говоря, что его начальникъ принимаетъ безъ доклада всѣхъ, кто желаетъ видѣть его. Въ залѣ онъ видитъ Мольтке преспокойно ходящимъ по комнатѣ, съ заложенными за спиною руками. Посѣтитель началъ извиняться, что беспокоитъ его своимъ визитомъ, когда ему дорога всякая минута.

— Напротивъ,—говоритъ Мольтке, приглашая гостя садиться,—въ настоящее время я свободнѣе, чѣмъ когда-либо; я даже второй день не былъ въ моемъ департаментѣ, потому что тамъ нечего теперь дѣлать. Всѣ распоряженія сдѣланы заранѣе и корпуснымъ командирамъ послано приказаніе распечатать находящіяся у нихъ конверты. Вотъ у нихъ теперь много дѣла, а я до отъѣзда короля на Рейнъ совершенно свободенъ.

Завидно положеніе государства, въ которомъ дѣла устроены подобнымъ образомъ, и гдѣ при намекѣ на что либо выходящее изъ ряда, не начинается суеты и на самый серьезный вопросъ не говорятъ: „ахъ, оставьте пожалуйста, намъ теперь все не до того“.

Австрійскіе офицеры въ Карлсбадѣ казались гораздо болѣе суетившимися, чѣмъ пруссаки, съ полнымъ спокойствіемъ уѣхавшіе въ свои части, безъ всякаго вызова и приказанія. Кстати объ австрійцахъ. Ихъ было на водахъ довольно много,

особенно пѣхотныхъ, но не такихъ, которые являются въ Петербургъ съ своими принцами, или въ Красное село на маневры. То выборные, молодецъ къ молодцу, а тамъ мы видѣли заурядныхъ. Между ними что субъектъ, то типъ. На улицахъ, желая подражать молодцоватости пруссаковъ, они напускали на себя особенную важность, нисколько не подходившую къ ихъ фигурамъ, а на танцевальныхъ вечерахъ, даваемыхъ въ курзалѣ, были уморительны. Короткія, собранныя сзади на резину курточки и панталоны въ обтяжку, сильно потертыя на мѣстѣ сидѣнья, слишкомъ обрисовывали природное ихъ дородство. И въ этомъ-то костюмѣ офицерство почтенныхъ лѣтъ пускалось въ плясъ. При нѣсколькихъ парахъ танцующихъ, оно бы и ничего, но тамъ обычай вальсировать и полкиривать на дистанціи и все время, покуда играетъ музыка, танцовать съ одною и тою же дамою. Чтобы дать танцующимъ нѣкоторый отдыхъ, музыка, не переставая играть, измѣняетъ кадансъ, переходя отъ обыкновеннаго такта къ самому рѣдкому, и, покуда онъ длится, танцующія пары этимъ рѣдкимъ тактомъ покачиваются на мѣстѣ. Представьте себѣ лысую голову на дородномъ корпусѣ, облеченномъ въ курточку и панталоны colant, покачивающуюся такимъ образомъ, обхвативъ станъ чопорной нѣмочки, сохраняя при этомъ самую серьезную фizioномію, точно онъ священнодѣйствуетъ. Когда я увидалъ подобную гимнастику первый разъ, то на меня напалъ такой смѣхъ, что пришлось уйти изъ залы.

Съ объявленіемъ войны многіе были того мнѣнія, что французы расправятся съ Пруссіею въ два-три мѣсяца. Нѣкоторые держали даже пари объ этомъ, въ томъ числѣ и почтенный В. М. Шварцъ со мною: но, близко зная духъ прусской арміи и ея состояніе, я былъ увѣренъ, что побѣда будетъ на сторонѣ Пруссіи. Державшіе сторону французовъ увѣряли, что стоитъ Наполеону перебросить изъ Страсбурга три дивизіи за Рейнъ и занять Баденъ, какъ вся южная Германія, чтобы отмстить за 1863 годъ, отложится отъ Пруссіи. Можетъ быть такъ-бы и случилось, если-бы не былъ упущенъ моментъ для подобной диверсіи; но на дѣлѣ оказалось, что покуда французы стягивались къ границѣ, два Баварскіе и Вюртенбергскій корпуса уже были въ Баденѣ, а черезъ 2 недѣли по объявленіи войны,

сраженіе при Вертѣ открыло рядъ тѣхъ побѣдъ, которыя въ два мѣсяца привели Вильгельма къ стѣнамъ Парижа.

Война помѣшала мнѣ, по совѣту докторовъ, ѣхать изъ Карлсбада на морскія купанья, такъ какъ въ концѣ іюля не было уже никакой возможности пробраться ни въ Трувиль, ни въ Аркашонъ, ни въ Біарицъ. Пришлось перемѣнить маршрутъ и отдыхать, послѣ строгаго курса водъ, въ Швейцаріи.

Путь въ Швейцарію былъ предпринятъ нами, черезъ Егеръ и Мюнхенъ, на Нюрнбергъ къ Констанскому озеру. Въ Мюнхенѣ мы попали въ тотъ знаменательный день, когда наслѣдный принцъ прусскій неожиданно явился въ засѣданіи баварской палаты, уже отказавшей своему правительству въ кредитъ на войну; но энергическая рѣчь принца произвела переворотъ въ пользу Пруссіи. Дѣло было ведено съ такою настойчивостію и такъ рѣшительно, что на другой же день баварскіе драгуны выступили въ походъ. Вскорѣ мы на себѣ испытали, какъ въ Германіи безцеремонно обращаются съ публикою, разъ что желѣзныя дороги попадаютъ въ распоряженіе военныхъ. Несмотря на то, что мы имѣли билеты прямого сообщенія отъ Мюнхена до Линдау, нашъ поѣздъ остановили за версту отъ Нюрнберга и объявили, что онъ дальше не пойдетъ, покуда не будутъ отправлены военные поѣзда и чтобы мы очистили вагоны. Надежда попасть на станцію оказалась напрасною. Двое изъ пассажировъ думали пробраться къ буфету и уже вскочили на платформу, гдѣ строились солдаты, но ихъ безцеремонно столкнули на рельсы. Оставалось издали смотрѣть на ту суету, которая происходила у вагоновъ: солдаты, офицерство, желѣзно-дорожная прислуга, все это бѣгало, кричало, таскало вещи, ставило лошадей. Не извѣстно, долго-ли еще пришлось-бы намъ любоваться такой картиной, если-бы сжалившійся кондукторъ, подойдя къ нашей группѣ, не шепнулъ намъ, что съ товарной станціи скорѣй пойдетъ смѣшанный поѣздъ въ Линдау. Тѣ, кто подобно намъ, успѣли выручить свой багажъ и найти носильщиковъ, воспользовались этимъ, но большая часть прибывшихъ изъ Мюнхена осталась въ Нюрнбергѣ.

Вспоминая быстрые успѣхи пруссаковъ въ войну 1870 года и непостижимыя пораженія французовъ, не могу не вспомнить разговора, происходившаго уже по возвращеніи моемъ въ Там-

бовъ, между мною и купцомъ Сергѣевымъ, въ день получения извѣстія о Седанской катастрофѣ. При входѣ въ лавку онъ спрашиваетъ меня:

— Изволили, ваше превосходительство, слышать, будто Наполеонъ со всею арміею сдался въ плѣнъ?

— Какъ же, читалъ депешу.

— Да неужели же это въ самомъ дѣлѣ случилось?

— Конечно, есть даже вторая телеграмма, съ нѣкоторыми подробностями.

— Какъ-то сомнительно, продолжалъ купецъ, покачивая головой.

— Да почему же вы не вѣрите? спрашиваю я.

— Да помилуйте! Вѣдь если собрать 100 тысячъ барановъ, а не солдатъ, да окруживши, начать палить въ нихъ, такъ, положимъ, 80 тысячъ будутъ убиты и ранены, либо забраны, а ужъ двадцать-то тысячъ безпремѣнно прорвется и убѣжить; а тутъ сто тысячъ народа съ ружьями, да съ пушками, сдались живьемъ! Воля ваша, это неслыхано. Тутъ что нибудь да не ладно.

Простой, русскій человѣкъ понять не могъ, какъ можно вооруженному солдату сдаться непріятелю.

Проѣзжая по Швейцаріи, я имѣлъ значительныя остановки въ Цюрихѣ, Люцернѣ, Тунѣ, Бернѣ, Лозанѣ и Женевѣ. Къ сожалѣнію, хотя и теплая, но дождливая погода, длившаяся двѣ недѣли, съ перерывами на нѣсколько часовъ, мѣшала любоваться красотами природы съ высотъ Кульма, Монблана и Симплона, вершины которыхъ были въ постоянномъ туманѣ. Не смотря на это, поѣздки по озерамъ, нѣсколько дней, проведенныхъ въ Интерлакенѣ, осмотръ поименованныхъ городовъ и смѣняемая одна другою горныя картины доставляли мнѣ большое удовольствіе. Болѣе всего удивляло меня безчисленное количество отелей въѣзжающихъ. Не было ни озера, ни горы, съ мало-мальски привлекательнымъ видомъ, чтобы на нихъ, или противъ нихъ не красовался многоэтажный отель. По пути изъ Костанца въ Цюрихъ, я остановился на нѣсколько часовъ въ Шафгаузенѣ, чтобы видѣть его знаменитый водопадъ. Изъ оконъ находившагося у самой станціи громаднаго отеля, черезъ спускающійся къ Рейну садъ, открывался великолѣпный видъ на водопадъ и на противоположный

берегъ рѣки, поднимающійся террасами. По одной изъ нихъ, среди виноградниковъ, вилась лентою желѣзная дорога, съ перекинутымъ черезъ рукавъ Рейна висячимъ мостомъ. Въ отелѣ меня удивила необычайная тишина и полное отсутствіе посѣтителей. Спросивъ служившаго намъ кельнера о причинѣ безлюдья, мы узнали, что въ настоящее время у нихъ, на сотню нумеровъ, всего два семейства: одно—находящагося на войнѣ прусскаго полковника, поселившагося, чтобы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій, а другое — купца изъ Иркутска, бѣжавшее на морское купанье въ Біарицъ и остановившееся за невозможностью пробраться во Францію. Остается дивиться, на какія средства содержатся эти безчисленные и громадныя гостиницы въ Швейцаріи?

Не мало забавляло насъ въ пути то комическое участіе, которое принимала Швейцарія въ военныхъ предосторожностяхъ. Какъ государство, сосѣднее съ воюющими сторонами, она поставила на каждой станціи десятокъ солдатъ съ трубачемъ. Къ приходу поѣзда, это грозное воинство выстраивалось на платформѣ; по остановкѣ вагоновъ, трубачъ давалъ какой-то сигналъ, по которому солдаты подбѣгали къ вагонамъ, отпирали ихъ, взглядывали на сѣтки съ ручнымъ багажемъ и подъ скамьи сидѣній, а затѣмъ, запирая, вскрикивали: „fertig“; труба снова выпускала звуки—и поѣздъ несея далѣе. Подобная продѣлка, повторяясь черезъ 5 минутъ, такъ какъ станціи очень часты, всякій разъ вызывала улыбку или забавное замѣчаніе пассажировъ. Казалось, что сами исполнители этой комедіи понимали всю ея глупость, хотя и исполняли ее крайне отчетливо. Спрошенный мною кондукторъ, тоже съ улыбкою, объяснилъ, что это дѣлается съ цѣлью осмотра, не провозится ли къ одной изъ воюющихъ армій оружія, или вообще какая-либо военная контрабанда.

Видѣли мы въ Швейцаріи и другіе факты, доказывавшіе, что пресловутая республиканская свобода существуетъ болѣе въ воображеніи нашихъ либераловъ, чѣмъ въ дѣйствительности. При остановкѣ поѣзда въ Лозанѣ, всѣ носильщики багажа были выстроены на платформѣ въ шеренгу, и ни одинъ изъ нихъ не двигался. Не зная, что пассажиру надо подойти самому къ тому, кого онъ избираетъ и вести его въ вагонъ за вещами, я, стоя въ дверяхъ вагона, подождалъ одного, выкрик-

Изъ Прошлаго.

нубъ находившійся на его фуражкѣ номеръ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ какой-то блюститель порядка хватаетъ его и ударами по шеѣ осаживаетъ на мѣсто. Въ Бернѣ я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Гуляя за городомъ, вижу, что по полю, съ котораго былъ свезенъ сжатый хлѣбъ, бродитъ нѣсколько дѣтей, имѣющихъ видъ нищихъ, подбирающихъ оставшіеся на жнивѣ колосья. Одна изъ дѣвочекъ зашла въ примыкавшій къ полю лѣсокъ, гдѣ успѣла собрать нѣсколько сухихъ прутьевъ. Вдругъ на нее налетаетъ съ поднятою дубиною сторожъ. Бѣдняжка бросаетъ прутья и бѣжитъ къ городу; но лѣсникъ нагоняетъ ее, хватая за волосы и начинаетъ бить палкою. У насъ, по крайней мѣрѣ, кто-нибудь вступился бы за ребенка, а тамъ гулявшіе по аллеѣ смотрѣли на подобное варварство какъ на дѣло обыкновенное, такъ что я не выдержалъ и издалъ крикнулъ республиканцу: „Какъ вамъ не стыдно такъ обращаться съ ребенкомъ“, что быть можетъ и заставило его отпустить дѣвочку. Вотъ такъ *liberté, égalité u fraternité*, подумалось мнѣ.

Висячіе мосты Фрибурга и видъ на Женевское озеро по дорогѣ къ Лозаннѣ, при выѣздѣ изъ послѣдняго туннеля, поразили меня болѣе всего. Въ Женевѣ мы прожили три дня въ *hôtel Metropole*, въ ожиданіи свѣдѣній съ театра военныхъ дѣйствій. Я все еще не терялъ надежды пробраться какъ нибудь во Францію, къ морскимъ купаньямъ. На желѣзной дорогѣ намъ объявили, что могутъ выдать билеты только до Макона, а посланная мною туда начальнику станціи телеграмма съ отвѣтомъ гласила, что далѣе путешественники отправляются только съ разрѣшенія военного начальства. Не рискуя подвергаться случайностямъ, или быть гдѣ либо приняту за прусскаго шпіона, я рѣшился проѣхать въ сѣверную Италію и оттуда предпринять обратный путь въ Россію. Три дня, проведенные нами въ Женевѣ, были скучнѣйшими изъ всего путешествія. Постоянный дождь мѣшалъ предпринять какую-либо прогулку за городъ, а въ городѣ, кромѣ очень плохаго цирка, не было никакихъ развлеченій, такъ что приходилось просиживать вечера въ отелѣ, наполненномъ англичанами.

Проѣхавъ Женевское озеро на пароходѣ, мы въ дилижансѣ поднялись на Симпломъ, спустились къ Аронѣ, чтобы тамъ сѣсть на желѣзную дорогу. Постоянное ненастье лишило насъ

возможности хотѣ издали видѣть извѣстные Веве, Монтре, Шильонскій замокъ, закрытые туманомъ. Тоже самое было и при шести-часовомъ подъемѣ на Симпломъ, черезъ вершину котораго мы перевалили уже за облаками; но какъ только начался спускъ на южную сторону, насъ поразила замѣтная перемѣна въ воздухѣ. Его теплая, влажная мягкость чувствовались не только при вдыханіи, но и при прикосновеніи къ лицу. Столь же замѣтно измѣнялась и растительность.

При спускѣ въ долину предстоялъ переѣздъ черезъ итальянскую границу и таможенный осмотръ. Здѣсь мнѣ сильно пригодился добрый совѣтъ варшавскаго моего пріятеля Фредерикса. Оставивъ у него свою военную форму, я хотѣлъ оставить и ордена, но онъ потребовалъ, чтобы я взялъ ихъ и непосредственно положилъ бы въ сундукъ сверхъ всего, особенно ленту, говоря, что это произведетъ полезный эффектъ. Такъ и случилось. Какъ только открыли сундукъ и чиновникъ увидѣлъ ленту и двѣ звѣзды, то тотчасъ же велѣлъ закрыть, говоря, что тутъ не можетъ быть ничего запрещеннаго. На послѣдней станціи передъ Ароной, въ нашъ громадный дилижансъ заложили шестерикъ прекрасныхъ коней, но править ими посадили совершенно пьянаго почтальона. Не разбирая ни спусковъ, ни подъемовъ, онъ такъ гналъ, что дилижансъ кидало изъ стороны въ сторону. Переночевавъ въ Аронѣ, на слѣдующее утро мы сѣли на желѣзную дорогу и въ полдень были въ Миланѣ.

Бывшая столица Ломбардіи произвела на насъ несравненно лучшее впечатлѣніе чѣмъ Женева, а ея жители были куда привѣтливѣе швейцарцевъ. Первымъ дѣломъ было конечно осмотрѣть знаменитый соборъ. Это 500-лѣтъ строющееся зданіе, возводимое исключительно изъ желѣза и мрамора, можетъ быть оцѣнено только при подробномъ осмотрѣ его деталей вблизи; въ общемъ оно далеко не кажется такъ грандіозно, какъ напр., соборы въ Кельнѣ и Страсбургѣ. Только обходя его выступы, карнизы, безчисленныя башенки, ниши и колоны, можно разсмотрѣть массу скульптурныхъ украшеній, изъ которыхъ каждое представляетъ по своей отдѣлкѣ совершенство. Въ безчисленныхъ углубленіяхъ, по карнизамъ и гребнямъ крышъ, вы видите статуи или бюсты знаменитыхъ царей и императоровъ, героевъ, ученыхъ, художниковъ, не только христіанскаго, но и

языческаго міра. Разсматривая каждый предмет внимательно, замѣчается, какъ искусство и отношенія художниковъ къ дѣлу постепенно упадаетъ. На это указалъ намъ и провожавшій насъ: „Взгляните на эту виноградную кисть—говорилъ онъ, сдѣланную 300 лѣтъ назадъ, и посмотрите вотъ на эту, которая на 200 лѣтъ моложе. Тамъ ягода кажется прозрачною, живою, видна каждая жилка листиковъ, а здѣсь ни нѣжности, ни отдѣлки. Все, что вышло изъ подъ рѣзца художниковъ прошлыхъ столѣтій, дышетъ натурою, все же нынѣшнее—работа каменщиковъ“. То, надъ чѣмъ прежде художники трудились полжизни, теперь работаютъ въ два-три года, отъ того и выходитъ грубо и аляповато. Постройка миланскаго собора давала средства къ существованію нѣсколькимъ поколѣніямъ скульпторовъ, одной и той же семьи: дѣдъ передовалъ свое мѣсто сыну и внуку, внукъ правнуку, который, работая, видѣлъ произведенія своего отца, дѣда и прадѣда.

Изъ Милана мы рѣшили возвращаться черезъ Венецію и Вѣну. Такъ какъ срокъ моего отпуска приближался, то пришлось ограничиться наружнымъ осмотромъ Венеціи, потому что для знакомства съ достопримѣчательностями этого историческаго города не было уже времени. Его наружность, за исключеніемъ площади св. Марка, мнѣ показалась только оригинальною, но далеко не привлекательною. Для тѣхъ, кому мило все, кромѣ своего, подобный отзывъ покажется дерзкимъ, но, не боясь прослыть профаномъ, сознаюсь, что знаменитый Grand-canal, съ его черными гондолами, не только не прельщалъ меня, но напротивъ: окаймляющіе его дома, съ вѣчно закрытыми жалюзи, закоптѣлые, съ слѣдами по стѣнамъ выливаемыхъ изъ оконъ нечистотъ,—имѣли мрачный, тюремный видъ. Можетъ быть во время празднествъ, когда эти дома освѣщены, когда по каналамъ скользятъ иллюминированныя гондолы, управляемыя разряженными гондольерами, это и красиво, но въ обыкновенный день надо много притворства, чтобы восхищаться этимъ. При этомъ не могу не вспомнить какъ въ Киссингѣ мнѣ посоветовали ѣхать за 2 мили, смотрѣть охотничій домъ баварскаго короля, говоря, что это замѣчательная прогулка. Потомъ мнѣ было стыдно самого себя, что повѣрилъ, и я думалъ, что надо мною посмѣялись. На небольшой полянѣ, среди холмовъ, поросшихъ соснами, стоялъ довольно старый сельскій домикъ

въ 4 комнаты и караулка сторожа, обнесенная вмѣстѣ съ огородомъ плетнемъ, а возлѣ, на горкѣ, среди роши, два придѣланные вокругъ деревьевъ столики съ скамейками,—вотъ и все, съ прибавкою двухъ паръ собакъ и двухъ дикихъ козъ, запертыхъ въ сараѣ. Между тѣмъ во всѣхъ магазинахъ продавались фотографіи этого Jäger Haus'a, и о немъ упоминалось въ гидахъ. У насъ вѣроятно возлѣ любого уѣзднаго городка найдутся такіе охотничьи дома, но о нихъ никто не знаетъ. Спросите нашихъ туристовъ, видали-ли онѣ Москву съ Воробьевыхъ горъ, или Нижегородскій откосъ, гдѣ сливается Ока съ Волгою, и половина изъ нихъ не имѣетъ понятія объ этихъ дѣйствительно очаровательныхъ видахъ, а отъ какого-нибудь Егергауза приходятъ въ восторгъ.

Мнѣ очень хотѣлось проѣхать изъ Венеціи въ Триестъ моремъ, но оно, какъ нарочно, такъ бурлило, что пришлось сѣсть въ вагонъ, о чемъ я вовсе не сожалѣлъ, потому что путь по знаменитому Зиммерингу представлялъ рядъ восхитительныхъ видовъ. Все время вы видите то надъ собою, то подъ собою, на нѣсколько сотъ футовъ ниже и выше, города и селенія и не замѣчаете какъ подымаетесь или спускаетесь къ нимъ зигзагами, по террасамъ. Не мѣшало бы только при этомъ правленіямъ желѣзныхъ дорогъ заграницею позаботиться объ удобствѣ пассажировъ. Не говоря объ отсутствіи того приспособленія, безъ котораго обойтись невозможно, чтобы утолить голодъ, надо впередъ записаться у оберъ-кондуктора и тогда, на одной изъ станцій, вамъ дается 10 минутъ на обѣдъ и только при этомъ вы получаете приборъ и стулъ, иначе 16 часовъ голодаете.

Въ Вѣнѣ мы пробыли три дня, чтобы отдохнуть и сдѣлать нѣкоторыя покупки. Въ послѣднія 10 лѣтъ, что я не былъ въ ней, городъ сильно измѣнился къ лучшему. Тамъ, гдѣ были постройки старинной архитектуры, воздвигались отели, не уступающія дворцамъ. Вообще Вѣна одинъ изъ самыхъ веселыхъ городовъ; нѣтъ въ году сезона, чтобы половина ея театровъ не была открыта; лѣтнихъ гуляній множество, ежедневно нѣсколько концертовъ и всюду, даже въ маленькихъ общественныхъ садахъ, слышится музыка.

Заручившись нѣкоторой протекціей противъ таможенныхъ строгостей, я закупилъ въ Вѣнѣ много разныхъ вещей, для

подарковъ семьѣ и сослуживцамъ; но, несмотря на это, все-таки не безъ страха подѣзжалъ къ нашей границѣ. Оказалось, что при умѣнны держать себя, всегда можно избѣжать слишкомъ придирчиваго осмотра. Служащіе при таможенѣ такъ присноровились, что по наружности видятъ кто провозить что-либо для себя и кто для аферы, а потому знаютъ кого можно осматривать снисходительно и кого строго. Малѣйшая безтактность, или неумѣстная обидчивость, непременно вызоветъ затрудненія, что и случилось съ моимъ спутникомъ. Онъ везъ своей женѣ кусокъ бархата и два или три готовых, неношенныхъ платья, что воспещается. Осматривавшій чиновникъ, увидя ихъ, безъ всякаго намѣренія сдѣлать непріятное, проговорилъ какъ бы самъ про себя: „ну, эти платья-то кажется ненадѣванные“. Вдругъ раздается изъ толпы голосъ: „Моя жена обносковъ не носитъ“. Тогда чиновникъ, бросивъ строгій взглядъ по направленію моего спутника, шепнулъ помогавшему ему служителю: „вынимай все“. Бархатъ, платья, куски полотна—все было открыто и за все, неумѣстно обидившемуся, пришлось заплатить пошлину и большой штрафъ какъ бы за скрытіе контрабанды.

Прибывъ въ Варшаву и узнавъ, что бывшая моя 7 дивизія въ Повонзковскомъ лагерѣ, я поѣхалъ навѣстить старыхъ сослуживцевъ. Три полковые командиры и многіе изъ офицеровъ были еще моего времени, и какъ только узнали о моемъ пріѣздѣ въ первый полкъ, собрались туда. Начальствовалъ въ то время этою дивизіею, бывший мой помощникъ и знакомый читателямъ по одной изъ предшествовавшихъ главъ моихъ воспоминаній, П. С. Лебедевъ, а начальникомъ штаба у него оставался бывший и при мнѣ, полковникъ Громанъ. Послѣдній разсказалъ мнѣ много неутѣшительнаго о ходѣ дѣлъ въ дивизіи и просилъ устроить переводъ его куда-либо, лишь бы не оставаться въ настоящемъ положеніи при Лебедевѣ. Полковые командиры упросили меня принять отъ нихъ, на другой день, обѣдъ въ англійской гостинницѣ.

По возвращеніи въ Тамбовъ, я нашелъ семью свою на дачѣ, въ 25 верстахъ отъ города, въ имѣніи нашей доброй знакомой, Е. А. Болдыревой, предложившей занять одинъ изъ свободныхъ флигелей ея усадьбы, выходявшій въ старинный тѣнистый садъ, раскинувшійся по берегу Цны. Тамъ и былъ

проведенъ мною остатокъ лѣта. Такъ какъ въ этомъ году полки дивизіи стояли лагеремъ въ мѣстахъ своего расположенія, а не въ общемъ сборѣ, то я былъ свободнѣе и объѣхалъ всѣ полки въ концѣ августа. Жизнь въ Воронцовкѣ (такъ называлось имѣніе) была крайне пріятною. Къ нашей хлѣбосольной хозяйкѣ часто пріѣзжали сосѣди, общіе наши знакомые, гостили по нѣсколькимъ днямъ, устраивали общія прогулки. Встрѣчаемое въ Воронцовкѣ гостепріимство, вниманіе и радушіе дѣлали домъ Елизаветы Александровны самымъ посѣщаемымъ и пріятнымъ въ губерніи. Съ наступленіемъ осеннихъ непогодъ, надо было возвратиться въ Тамбовъ.

Зима 1871 года не была похожа на прежнія веселыя зимы. Желѣзная дорога, соединивъ этотъ городъ съ Саратовымъ и Москвою, оказала самое неблагоприятное вліяніе на общественную жизнь. Семейные помѣщики, имѣвшіе средства, уѣхали на зиму, одни въ столицы, другіе за границу. Клубъ тоже постепенно упалъ: на танцевальныя вечера и субботніе обѣды являлись только по уговору. Охотно были посѣщаемы только балы въ Дворянскомъ собраніи, устраиваемые наканунѣ новаго года. Обычай встрѣчать новый годъ всѣмъ обществомъ вмѣстѣ избавлялъ отъ обязанности дѣлать потомъ визиты.

Весна этого года началась дурными предзнаменованіями. Вскорѣ послѣ Святой разнеслась молва о нѣсколькихъ случаяхъ заболѣванія холерою въ Орлѣ и Воронежѣ. Сѣздъ на ярмарку, на ѡбѣга и скачки былъ самый ограниченный, а передъ сборомъ полковъ въ лагерь стали поступать изъ полковъ свѣдѣнія о заболѣваніи нижнихъ чиновъ желудочными расстройствами, что обыкновенно предшествуетъ эпидеміи. Вмѣстѣ съ дивизіоннымъ докторомъ были мною сдѣланы распоряженія о предупредительныхъ мѣрахъ и составлены санитарныя инструкціи. Въ концѣ мая начали появляться въ городѣ одиночные случаи заболѣваній, но мѣстная администрація почему-то скрывала ихъ; въ войскахъ же, до 1 іюня, все было благополучно. Съ этого числа эпидемія въ сѣверной половинѣ города начала развиваться съ необыкновенною быстротою, и скорѣ смертность дошла до неимоверныхъ размѣровъ. Это произвело общую панику и поголовное бѣгство тѣхъ, кто долженъ бы былъ показывать примѣръ твердости и распорядительности; всѣ разѣхались и въ городѣ остались архіерей, предсѣдатель земской

управы Бланкъ и я. Въ первые же дни эпидеміи земская больница была переполнена. Чтобы помочь населенію, я распорядился устройствомъ въ городѣ особыхъ холерныхъ отдѣлений, для чего, при содѣйствіи предсѣдателя управы, было нанято четыре большіе частные дома, куда принимали заболѣвающихъ всѣхъ сословій. Независимо отъ этого, для нижнихъ чиновъ былъ построенъ въ лагерѣ, въ теченіи 8-ми дней, большой холерный баракъ. Собственно въ лагерѣ заболѣвало очень мало, но изъ числа людей, ходившихъ въ городской караулъ, поступало ежедневно нѣсколько человекъ. Всего во время эпидеміи, въ 3-хъ полкахъ, находившихся въ общемъ лагерѣ, заболѣло 140 человекъ, изъ коихъ умерло 39. Такое число заболѣвшихъ, на $7\frac{1}{2}$ тысячный отрядъ, можно назвать весьма умереннымъ, сравнительно съ тѣмъ, что происходило въ городѣ. Впрочемъ, свирѣпствованію холеры въ Тамбовѣ нечего было и удивляться, такъ какъ не только передъ ея появленіемъ, но и во время разгара эпидеміи, къ оздоровленію города со стороны мѣстной администраціи не было принимаемо никакихъ мѣръ. Накопившаяся годами на площадяхъ, въ боковыхъ улицахъ и во дворахъ, нечистота гнила, заражая воздухъ, а объ удаленіи ея никто не думалъ. Равнодушіе къ общему бѣдствію и безнадзорность доходили до того, что на кладбищахъ рыли могилы не глубже аршина, и только осенью, когда отъ дождей земля осѣла, вспомнили, что надо поправить зло. Эти факты подтверждаются тѣмъ, что въ Козловѣ, находящемся всего въ 60 верстахъ, и въ Воронежѣ, сообщаемся тремя поѣздами въ день, холера была весьма легкою. Не ясно-ли, что Тамбовъ, вслѣдствіе своей запущенности, представлялъ для нея готовую почву.

Чтобы не дать эпидеміи развиваться въ войскахъ, кромѣ гигиеническихъ мѣръ, какъ-то: улучшеннаго довольствія, выдачи винныхъ порцій, сухарной воды для питья и предосторожностей противъ простуды, было сдѣлано все, клонившееся къ поддержанію въ людяхъ бодрости духа и отстраненія малѣйшаго унынія. Умеренныя занятія утромъ и послѣ обѣда, выводъ полковъ на биваки, по возможности, подальше отъ зараженнаго города, общія ученья съ кавалеріею и артиллеріею, игры въ мячъ и городки, по вечерамъ музыка и пѣсенники въ полкахъ,—все это вмѣстѣ сильно содѣйствовало малому числу

заболѣвавшихъ. Независимо отъ этого, въ то самое время, когда число умиравшихъ въ городѣ дошло до наибольшей цифры, я вывелъ полки на нѣсколько дней на маневры и держалъ ихъ съ недѣлю въ окрестностяхъ, дѣлая небольшія передвиженія и маневрированія, по возможности разнообразными и занимательными. Замѣчательно, что во время военныхъ прогулокъ и маневрированій не было ни одного заболѣваго.

Въ какой мѣрѣ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ нашей періодической печати, продолжалось еще направленіе предшествовавшаго десятилѣтія, осуждать и перетолковывать въ дурную сторону все, что дѣлается въ войскахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта.

Нѣкто господинъ Забѣлинъ, инспекторъ или начальникъ института сельскихъ учителей, помѣстилъ въ газетѣ „Голосъ“ корреспонденцію изъ Тамбова, въ которой писалъ, что бѣдные солдаты, во время свирѣпствующей эпидеміи, несмотря на жару, выводятся на долгія ученья; что ученья эти производятся безъ отдыха; что отъ ранняго утра до поздней ночи онъ слышитъ барабаны и пальбу, изъ чего и выводилъ заключеніе, что холера уноситъ людей вслѣдствіе ихъ крайняго изнуренія и т. д. Теперь трудно и припомнить всю умышленную ложь, помѣщенную въ этой корреспонденціи; но тогда ея инсинуаціи вызвали съ моей стороны опроверженіе, и я потребовалъ, чтобы „Голосъ“ напечаталъ его.

Въ то время, когда холера доходила до высшей степени своего озлобленія, мнѣ необходимо было ѣхать въ Рязань, на прибывку и освященіе новыхъ знаменъ, данныхъ квартировавшему тамъ Тульскому полку, въ ознаменованіе столѣтняго его существованія. Не смотря на близость отъ Тамбова, въ Рязани холеры вовсе не было, а потому на меня смотрѣли какъ на прибывшаго изъ чумнаго города. Торжественное освященіе знаменъ совпало, 8 іюля, съ днемъ полковаго праздника. Водосвятіе и обрядъ присяги совершалъ архіепископъ Алексѣй. Это былъ еще весьма не старый и крайне умный пастырь, лично извѣстный Императорской Фамиліи. Онъ рассказывалъ мнѣ, почему пользовался особымъ благоволеніемъ Императрицы Маріи Александровны. Во время перваго своего пріѣзда въ Сергіевскую лавру, гдѣ Алексѣй былъ тогда кончающимъ курсъ студентомъ, Ея Величеству угодно было ви-

дѣть обрядъ постриженія въ монахи. Настоятель лавры спросилъ академиковъ, не желаетъ-ли кто быть постриженъ. Алексѣй вызвался; обрядъ совершился въ присутствіи Императрицы, и юный монахъ тогда же былъ рукоположенъ въ священники. Дальнѣйшія повышенія Алексѣя не заставили себя ждать, такъ какъ Государыня постоянно интересовалась его карьерою.

По возвращеніи моемъ въ Тамбовъ, эпидемія начинала уже нѣсколько терять свою силу. Тогда же рассказывали, что время ея ослабленія было предсказано какимъ-то нищимъ евреемъ, который пророчилъ, что въ день праздника Владимірской Божіей Матери будетъ сильная гроза, послѣ которой холера начнетъ прекращаться.

Былъ-ли дѣйствительно такой пророкъ—не знаю,—но что 8 іюля дѣйствительно была первая отъ начала эпидеміи гроза и что съ этого дня эпидемія начала ослабѣвать,—это вѣрно. Впрочемъ, уменьшеніе это было только относительное. Когда въ половинѣ іюля командуящій войсками округа Гильденштуббе пріѣхалъ смотрѣть дивизію, то, обходя съ нимъ холерныя отдѣленія, мы видѣли еще до 50 больныхъ и въ пригородныхъ слободахъ умирало много. Помню я между прочимъ такой случай. Когда полки, построившись на лагерномъ полѣ, ожидали Гильденштуббе, то въ теченіи четверти часа, мимо фронта, изъ ближайшей деревни, пронесли три гроба одинъ за другимъ. Впечатлѣніе, производимое этимъ шествіемъ, тутъ-же было разсѣяно никогда не унывающею натурою русскаго солдата. И въ подобныя минуты въ каждой ротѣ всегда найдется нѣсколько человѣкъ, умѣющихъ разсѣять и даже разсмѣшить товарищей. Я стоялъ тогда, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба, передъ серединою первой линіи, шагахъ въ 15 отъ фронта, и мы слышали слѣдующій разговоръ. Увидя покойниковъ, одинъ изъ солдатъ, перекрестясь, говоритъ:

— Это, братцы, къ добру, — значить смотръ будетъ хорошъ.—Другой отвѣчаетъ:

— То какъ во свѣ гробъ увидишь, а это вѣдь на яву.

— А вѣдь и они тоже на смотръ пошли, — замѣчаетъ третій.

— Тамъ, говорятъ, построже будетъ,—слышится изъ второй шеренги.

— А что, ребята, есть тамъ начальство, аль нѣтъ?

— Еще-бы! развѣ безъ начальства можно? Я безпремѣнно капитаномъ буду...

Ближайшіе засмѣялись. Въ это время показалась коляска Гильденштуббе, и команда „смирно“ прекратила разговоръ.

Въ августѣ я поѣхалъ въ Москву, куда ожидали Государя для смотровъ. Послѣ одного изъ обѣдовъ въ Петровскомъ дворцѣ, обходя присутствовавшихъ, Его Величество обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ твою дивизію?

— Она со времени вступленія вашего на престолъ не имѣла еще счастія представляться намъ,—отвѣчалъ я, — но при покойномъ Государѣ, вы изволили ее видѣть въ 51 году, когда подъ Москвою были маневры 6-го корпуса.

— Да, припоминаю—продолжалъ Императоръ, этому ровно 20 лѣтъ; дивизія была послѣ того на Кавказѣ.

Затѣмъ, подозвавъ къ себѣ командуящаго войсками, Его Величество прибавилъ:

— Надо устроить, чтобы на будущій годъ 18 дивизія была въ общемъ сборѣ; я еще ни разу не видалъ ее.

Это очень меня обрадовало. Для армейскихъ войскъ, удаленныхъ отъ столицъ, Царскій смотръ всегда ожидается какъ свѣтлый праздникъ. Одна надежда увидѣть Государя одушевляетъ ихъ, удваиваетъ усердіе, служитъ для всѣхъ поощреніемъ. Когда я ночью возвратился въ Тамбовъ, и, проѣхавъ прямо въ лагерь, объявилъ вызваннымъ по тревогѣ полкамъ эту новость, то раздалось такое „ура“, которое въ городѣ заставило предполагать, что произошло что-либо необыкновенное; лагерь же ликовалъ отъ радости.

По окончаніи лагеря я перемѣнилъ квартиру. Изъ центра города мы переселились на его окраину, гдѣ, возлѣ Инвалидной слободы, на берегу Цны, я нанялъ большой домъ, особнякъ, съ огромнымъ садомъ. Кромѣ того, что это помѣщеніе обходилось дешевле, оно было особенно пріятно близкимъ сообществомъ съ дружественною намъ семьею И. И. Величко, съ которымъ я уже познакомилъ читателей. Онъ былъ страшнымъ охотникомъ прогулокъ на водѣ, для чего построилъ собственнаго изобрѣтенія лодку съ двумя колесами, на подобіе паровыхъ, приводимыхъ въ движеніе двумя рабочими. Почти каждый вечеръ мы предпринимали въ ней прогулки

версты за двѣ, на островъ, къ такъ называемой „Казиміровой избушкѣ“, гдѣ какой-то предприимчивый нѣмецъ держалъ небольшой ресторанчикъ.

Желаніе ввести въ дивизіи прочный хозяйственный порядокъ, бережливость и отвѣтственность какъ за казенное, такъ и за собственное имущество полковъ, заставило меня отдать приказъ о заведеніи въ нихъ инвентарей, т. е. подробныхъ описей всему, что въ нихъ находится, и составить инструкцію какъ вести ихъ. Въ инвентаряхъ слѣдовало обозначать: когда вещь куплена и выдана въ употребленіе, сколько она стоила, на чьихъ рукахъ находится и кто за нее отвѣчаетъ. Занесеніе въ инвентарь новыхъ вещей и исключеніе пришедшихъ въ негодность, указано было производить приказомъ по полку, разъ въ годъ, именно въ теченіи сентября мѣсяца, послѣ подробнаго осмотра и провѣрки хозяйства полковымъ командиромъ. Такимъ образомъ, то, что вошло въ положеніе о полковомъ хозяйствѣ только послѣ войны, было заведено мною 8-ю годами раньше. Подобный же примѣръ былъ и съ другимъ вопросомъ. Тогда еще не было и въ поминѣ о какихъ-либо общихъ мѣрахъ для мобилизаціи полковъ; у меня же была дана полковымъ командирамъ подробная инструкція, что должно быть исполнено въ каждый день мобилизаціи.

Съ введеніемъ инвентарей, небрежность обращенія и произвольные расходы замѣтно уменьшились; а экономическія суммы въ полкахъ стали возрастать. Здѣсь кстати замѣтить, что въ нашихъ военныхъ кружкахъ, даже у людей опытныхъ, практически прошедшихъ различныя степени начальствованія, стало проявляться убѣжденіе, что не только не слѣдуетъ заботиться объ экономическихъ остаткахъ, но даже и допускать ихъ. Полагаемъ, что они заразились подобнымъ мнѣніемъ отъ тѣхъ проповѣдниковъ новыхъ системъ и принциповъ, которые не понимаютъ ни внутренней жизни войскъ, ни дѣйствительныхъ нуждъ арміи. Какъ бы ни была исправна часть, какъ бы строго ни наблюдали за ея хозяйствомъ, попробуйте мобилизовать ее—и вы увидите, какъ у нее посыплются деньги на разныя мелочныя потребности для похода, какъ многого не окажется для него необходимаго и какъ многое, что ей слѣдовало бы имѣть или получить, не получится во-время. Начинать тогда переписку и жаловаться некогда, а необходимое

приобрѣсти нужно. Разъ, что на подобный случай есть деньги,—часть вывернется изъ затрудненій; разъ, что ихъ нѣтъ,—ей предстоитъ бѣдствовать. Наконецъ экономія необходима и на случаи указанные въ законахъ. Въ положеніи о полковомъ хозяйствѣ существуетъ особый 23 отдѣлъ, озаглавленный такъ: „Расходы, на что нѣтъ отпуска отъ казны.“

Мысль, что заботиться объ экономическихъ средствахъ полка не слѣдуетъ, одна изъ тѣхъ ошибокъ кабинетныхъ идеалистовъ, которая доказываетъ ихъ полное непониманіе жизни. Полкъ—та же семья. Если глава семьи, хотя бы и выполнѣ достаточной, не станетъ заботиться, чтобы имѣть запасъ на непредвидѣнное, то рано или поздно испытаетъ горе. То же самое произойдетъ и съ полкомъ, чему было много примѣровъ. Само собою разумѣется, что забота объ экономіи не должна быть направлена во вредъ настоящаго благосостоянія части и въ особенности въ ущербъ какому-бы ни было рода довольствія солдата. Умѣть извлекать экономію не значитъ злоупотреблять. Дайте плохому хозяину что хотите, у него не только не будетъ остатка, но всегда окажется дефицитъ, тогда какъ у человѣка практичнаго, знающаго какъ сберечь, какъ наблюдать за расходомъ, какъ организовать отвѣтственность, и при уменьшенныхъ отпускахъ, всегда образуется остатокъ. Въ этомъ вся причина тѣхъ примѣровъ, что, при одинаковости условій, въ одномъ полку все въ отличномъ видѣ, люди лучше одѣты, казармы чище содержаны и значительныя экономическія суммы, а въ другомъ—повсюду безпорядокъ, дурная пища, лошади не въ тѣлѣ, и нѣтъ ни копѣйки хозяйственной экономіи.

Въ теченіи зимы, въ виду предстоявшихъ Высочайшихъ смотровъ, на которыхъ полки впервые должны были представиться Государю, спустя 17 лѣтъ по его воцареніи, чины дивизіи употребляли всю свою энергію, чтобы заслужить похвалу. Въ полкахъ происходила усиленная дѣятельность: строили новое обмундированіе, ремонтировали лошадей, обновляли обозы, офицеры цѣлые дни проводили въ своихъ ротахъ. Между тѣмъ полки находились далеко не въ комплектѣ, потому что старослужащіе были уволены осенью, а назначенные вмѣсто нихъ изъ ближайшихъ губерній рекруты начали прибывать только въ февралѣ, а изъ дальнихъ, какъ на примѣръ изъ Вятской,

откуда было назначено 900 человекъ, они ожидались только въ концѣ апрѣля. Больше всего озабочивало то, что мы не могли дожидаться оффиціального увѣдомленія дѣйствительно-ли дивизія будетъ въ лагерьъ подъ Москвою, когда именно она должна выступить, какимъ способомъ направлять полки, по желѣзнымъ-ли дорогамъ или походнымъ порядкомъ? На всѣ просьбы о скорѣйшемъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, изъ Москвы отвѣчали, что ничего еще не извѣстно, и только 15 апрѣля получена была бумага, что дивизія должна слѣдовать по грунтовымъ дорогамъ и прибыть въ лагерь къ 1 июня. Маршруты пришлось составить такъ, чтобы полки тронулись изъ Усмани 20, изъ Тамбова—25 и изъ Лебедяни—26 апрѣля, а между тѣмъ вятскіе рекруты только 19 прибыли въ Тамбовъ. Ихъ предстояло обмундировывать, обучать стрѣльбѣ, учить обращенію съ ружьемъ, предстояло дать имъ хотя элементарныя понятія о чинопочитаніи и дисциплинѣ, все это необходимо было сдѣлать во время похода, потому что, черезъ недѣлю по приходѣ въ Москву, предстоялъ парадъ въ Высочайшемъ присутствіи. Зная усердіе полковыхъ командировъ, уже вполне усвоившихъ мои взгляды и требованія, я не горевалъ объ этомъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, ничто такъ не развиваетъ солдата и такъ быстро не втягиваетъ рекрута въ общій составъ строя, какъ походъ. Тутъ, онъ, безъ обученія, поневолѣ выучивается идти въ ногу, разъ что ему въ теченіи 5 или 6 недѣль, поставленному между старыми солдатами, приходится ежедневно отмахать переходъ верстъ въ 20. Тутъ онъ живо втягивается, живо свыкается съ массою, подчиняется ея обычаямъ, чувствуетъ себя ея членомъ, а не тѣмъ отчужденнымъ неучемъ, какимъ новобранецъ считается первое время въ казармѣ. То, что въ настоящее время новобранцевъ успѣваютъ въ 4 мѣсяца приготовить въ строй, считаютъ чѣмъ-то особеннымъ, ставятъ это въ примѣръ, въ укоръ тому времени, когда солдатъ, состоявшій годъ на службѣ, считался еще рекрутомъ. Все это пустыя рѣчи. Когда было нужно, то и мы, не въ 4 мѣсяца, а въ 6 недѣль похода готовили вотяковъ и черемисовъ въ строй, и никто не кричалъ объ этомъ, не удивлялся этому; видѣли необходимость и умѣли сдѣлать, да не какъ попало, а основательно, что докажетъ послѣдующій мой рассказъ. То же, что годъ прослужившій считался рекрутомъ, зависѣло отъ долгаго срока службы и было

простымъ обычаемъ. Въ наше время даже и не спрашивалось, сколько въ ротѣ рекрутъ, а по извѣстному списочному числу требовалось извѣстное число рядовъ, а кто въ этихъ рядахъ, рекруты ли, молодые ли, или старые солдаты,—этого не разбирали. Конечно, въ строй плохо обученныхъ не ставили, ихъ во время смотровъ оставляли въ различныхъ домашнихъ должностяхъ, что дѣлается и теперь.

Трудно понять, въ какихъ видахъ приказано было направить полки походнымъ порядкомъ, а не по желѣзнымъ дорогамъ, когда ротамъ приходилось нѣсколько разъ переходить рельсы. Что при этомъ не имѣлось въ виду той пользы, какую я объяснилъ выше—это несомнѣнно, такъ какъ все, что дѣлалось въ отношеніи дивизіи потомъ, не облегчало, а затрудняло всѣ шансы на ея успѣхи при смотрахъ. Но расчеты тѣхъ, которые, надо полагать, думали: пускай-ка онъ теперь покажетъ свое умѣнье вывернуться при подобной обстановкѣ—оказались ошибочными. Я лично всегда радовался, когда служба выходила изъ обыкновенной рутины, когда условія осложнялись и когда предстояла возможность показать, что и при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, во что бы ни стало, надо исполнить требуемое. Только тогда военному человеку и есть возможность показать умѣнье, энергію и распорядительность.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

1872.

Походъ въ московскій лагерь. — Неожиданный сюрпризъ. — Военная желѣзная дорога. — Интересная депеша. — Политехническая выставка. Первый парадъ. Приготовление къ смотрамъ. — Учене 6-ти полковой дивизіи. — Отзывъ о немъ Государя. — Случай на смотровой стрѣльбѣ. — Маневры и ихъ результатъ. — Слова Его Величества на плану. — Передъ обѣдомъ у генераль-губернатора. — Отъѣздъ Государя. — Конецъ вѣнчаетъ дѣло.

Чтобы прибывшіе передъ выступленіемъ въ лагерь рекруты могли быть во время похода подготовлены къ строю, мною даны были полковымъ командирамъ подробныя инструкции, какъ вести занятія во время дневокъ. Въ 4-мъ и 1-мъ полку, которой долженъ былъ проходить черезъ Рязань, я могъ во второй половинѣ мая провѣрить, въ какой мѣрѣ исполняются мои указанія, и потому нарочно поѣхалъ осмотрѣть 4-й полкъ. Полковникъ Уфнярскій, о которомъ я уже имѣлъ случай упомянуть, представилъ мнѣ своихъ рекрутъ въ общемъ строю ротъ, нисколько не портящими ни построений, ни разсыпнаго ученія. Не доказываетъ ли это, что при усердіи и умѣньи можно сдѣлать и то, что кажется недостижимымъ.

Въ Рязани былъ полученъ мною такой сюрпризъ, который ставилъ дивизію въ крайне затруднительное положеніе. Начальникъ окружнаго штаба сообщалъ мнѣ, что приказано 1 и 4 полки направить отъ Рязани по желѣзной дорогѣ, такъ какъ дивизія, сряду по прибытіи въ Москву, назначена на постройку временной желѣзной дороги, отъ Химокъ до Петровскаго дворца, съ тѣмъ, чтобы къ пріѣзду Высочайшаго Двора на выставку, Государь могъ-бы 10-го іюня проѣхать по ней; иначе говоря, чтобы 13 верстъ было готово въ 9 дней. Пре-

доставляю читателю судить, каково было дивизіи, получившей 900 рекрутъ наканунѣ выступленія въ пятисотъ-верстный походъ, сряду по прибытіи въ лагерь, стать на 10 дней на земляныя работы и послѣ этого представиться на Высочайшій смотръ, не имѣя ни одного дня не только для приготовленія, но даже для постановки лагеря. Когда полки успѣли поставить палатки и привести все въ должный видъ, трудно и объяснить. Это совершилось вслѣдствіе существовавшего еще въ то время стараго правила: приказано—сдѣлано.

Почему для постройки дороги назначена была моя дивизія прямо съ похода, тогда какъ въ Москвѣ находилась постоянно тамъ стоящая гренадерская, имѣвшая устроенный лагерь, предоставляется догадываться. Когда я потомъ добивался узнать причину, то въ Петербургѣ говорили, что тамъ не могутъ знать и помнить мѣстныхъ условій, а если это находили неудобнымъ, то дѣло округа было просить о перемѣнѣ. Въ окружномъ же штабѣ объясняли, что если ему было прямо указано назначить 18-ю дивизію, значитъ на это были причины и штабъ не считалъ себя въ правѣ спрашивать объ этомъ. Остается признать, что причины точно были, но какія?... Не было даже допущено, чтобы мои полки работали очередясь съ грендерами. Мало того, въ то же время вступили въ лагерь два полка 1-й дивизіи; хотя ихъ и прикомандировали къ моей, но дали свободу 10 дней готовиться къ параду, тогда какъ мои полки эти 10 дней, съ 5 часовъ утра до черней зари, рыли землю и таскали тачки.

Получивъ распоряженіе о направленіи 1-го и 4-го полковъ отъ Рязани по желѣзной дорогѣ, я далъ командирамъ ихъ предписанія, войти отъ себя въ сношеніе съ правленіемъ дороги, о распредѣленіи баталіоновъ по поѣздамъ, о времени посадки, о нагрузкѣ обозовъ и проч., самъ же возвратился въ Тамбовъ, чтобы оттуда, вмѣстѣ съ дивизіоннымъ штабомъ, прибыть въ Москву къ 1-му іюня. Дня черезъ четыре получаю я изъ Москвы, отъ завѣдывающаго передвиженіемъ, подполковника генеральнаго штаба, такую телеграмму: „4-й полкъ направить изъ Рязани завтра въ 6 часовъ вечера; 1-й полкъ—двумя часами позже“. Какъ вамъ нравится, читатель, тонъ этой депеши? Что это—совѣтъ или приказаніе подполковника генералу? Но посмотрите, что вышло потомъ. Полученная де-

пеша была мною повторена обоимъ полковымъ командирамъ въ Рязань. Каково же было мое удивленіе, когда я получаю отвѣтъ, что 4-й полкъ еще наканунѣ прибылъ въ Москву. Значить, завѣдующій передвиженіемъ, живя въ томъ же городѣ, даже не зналъ, что полкъ въ лагерѣ и считалъ его еще въ Рязани. При этомъ невольно вспоминается, что 25 лѣтъ назадъ, когда не было никакихъ завѣдывающихъ передвиженіемъ и комендантовъ станцій, изъ Петербурга было спѣшно перевезено въ Сѣверо-западный и Привислянскій край 7 дивизій, безъ всякихъ затрудненій и случайностей.

Когда полки разошлись по линіи на свои участки, я сдѣлался совершенно свободенъ и могъ на-досугъ подробно осмотрѣть выставку, до ея официальнаго открытія. Впрочемъ, въ видѣ прогулки, я посѣщалъ иногда тотъ или другой участокъ строившейся желѣзной дороги. Собраннымъ на ея постройку съ разныхъ концовъ инженерамъ и кондукторамъ рѣшительно нечего было дѣлать, такъ какъ работа, на совершенно ровной мѣстности, была не хитрая. На мои вопросы офицерамъ, что имъ указываютъ инженеры? всѣ единогласно отвѣчали, что ровно ничего: „ходятъ да покрикиваютъ: разбивай комья, откидывай дерновину, утрамбовывай крѣпче, не задѣвай рейку“. Неужели же это не могъ бы сдѣлать любой фельдфебель? За то какъ было эффектно, когда главный распорядитель постройки выѣзжалъ верхомъ изъ воротъ Петровскаго дворца, окруженный громадною свитою изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, собранныхъ учиться новому дѣлу чужими руками. Тутъ были и артиллеристы пѣшіе и конные, и гусары въ перемежку съ уланами, драгуны, казаки, саперы, былъ даже морякъ и нѣсколько статскихъ. Все это переважно направлялось по линіи, съ видомъ совершающихъ великое государственное предпріятіе, тогда какъ стоило только пробить линію, да поставить рейки для профили и безъ всякихъ специалистовъ насыпь была бы сдѣлана точно также, какъ и при нихъ. У насъ на Руси часто какъ-то странно стали относиться къ самому простому дѣлу. Допустите инженера хоть провести садовую дорожку или прорыть канаву, онъ непременно придастъ этому дѣлу важность, явится съ мѣнзулой и цѣпью, а простой мужичекъ, съ веревкой и колышками, сдѣлаетъ то же, нисколько не хуже. Мнѣ не разъ приходилось

испытывать подобныя спеціальныя продѣлки. Напримѣръ: полкъ, безъ всякихъ указаній, но согласно напечатаннаго наставленія, сѣлъ на желѣзную дорогу въ Москвѣ, проѣхалъ 500 верстъ и выгрузился въ Тамбовѣ. Черезъ два дня является ко мнѣ капитанъ, состоящій при комитетѣ о передвиженіи войскъ, и проситъ назначить ему баталіонъ для указанія правиль, какъ садиться въ вагоны и разгружаться.

— Не будетъ-ли это—говорю я ему—лишнимъ. Вѣдь тотъ же самый баталіонъ только три дня назадъ и грузился, и выгружался-же при мнѣ, по всѣмъ правиламъ „Наставленія“.

— Я это знаю, ваше превосходительство, но мнѣ приказано, вотъ предписаніе.

— Если приказано—дѣлайте.

Конечно, ничего новаго спеціалистъ не показалъ, да и показывать-то нечего, потому что дѣло самое простое; пробылъ онъ на платформѣ минутъ 20, доложилъ мнѣ, что все дѣлалось правильно, и съ первымъ же поѣздомъ укатилъ дальше. Неужели-же можно предположить, чтобы любой баталіонный или ротный командиръ не могъ понять такой простой вещи, какъ посадка въ вагоны, когда для этого подробно и толково составлены и напечатаны правила. Дѣлать изъ обыкновенной вещи нѣчто хитрое и возводить бездѣлицу въ важное—сдѣлалось теперь модою.

Въ день открытія выставки состоялась церемонія прибытія на нее ботика Петра Великаго, доставленнаго изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, а къ морскому отдѣлу выставки—по Москвѣ рѣкѣ. Почетный караулъ для встрѣчи ботика былъ отъ Рязанскаго полка моей дивизіи, основаннаго Петромъ I. Встрѣча происходила въ присутствіи Великаго князя Константина Николаевича, которому наканунѣ представлялись всѣ командиры частей. Здѣсь я впервые встрѣтился съ его высочествомъ, послѣ службы при немъ въ Варшавѣ. „А! это мой, варшавскій“, сказалъ Великій князь, увидя меня, и сталъ спрашивать о тѣхъ изъ бывшихъ сослуживцевъ (такъ онъ называлъ насъ), которыхъ мнѣ случалось встрѣчать послѣ 63-го года.

Пріѣздъ Государя состоялся 11-го іюня. Отъ Химокъ его провозили по выстроенной моими полками желѣзной дорогѣ. Его Величество вышелъ на платформѣ у Петровскаго дворца,

имѣвшей видъ павильона въ русскомъ стилѣ. Такъ какъ ни мнѣ, ни полковымъ командирамъ, по поводу работъ не было сказано ни слова, то для насъ осталось неизвѣстнымъ, доложено-ли Государю кто и при какихъ обстоятельствахъ строилъ дорогу.

На слѣдующій день происходилъ общій парадъ. При произведенной наканунѣ командующимъ войсками репетиціи, я впервые, послѣ похода, увидѣлъ мои полки и то безъ стрѣлковыхъ ротъ, оставленныхъ на работѣ. Репетиція успокоила меня, потому что многіе баталіоны проходили такъ хорошо, какъ только можно желать при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а не при тѣхъ, въ которыя была поставлена дивизія. Самый парадъ кончился блистательно. Сравнивая полки, Государь выразился такъ: „Гренадеры прошли хорошо, но я привыкъ видѣть ихъ безъ тѣхъ шероховатостей, которыя кое-гдѣ были. Что же касается 18-й дивизіи, то я никакъ и не думалъ, чтобы армейская кадровая дивизія могла такъ превосходно представиться“ — и затѣмъ, взглядывая по очереди на каждого изъ моихъ полковыхъ командировъ, добавилъ: „отлично, отлично, отлично и отлично“.

Видимо было, что сдѣланная Государемъ оцѣнка не всѣмъ пришлась по вкусу. Мое начальство отнеслось къ высказаннымъ похваламъ, какъ будто и не слышало ихъ. Я же болѣе всего радовался тому, что все требуемое мною отъ полковыхъ командировъ и мои взгляды на способы обученія вполнѣ оправдались. Пусть, понимающій строевое дѣло читатель, взвѣситъ слѣдующія условія: полки выступаютъ въ концѣ апрѣля, съ рекрутами, не имѣвшими другой одежды кромѣ полушубковъ, они идутъ 500 верстъ, дѣлая ученья только на дневкахъ; сряду послѣ похода становятся, на 9-ть дней, на тяжелую земляную работу, затѣмъ выходятъ прямо на царскій смотръ и представляются не хуже тѣхъ, которые готовятся цѣлый мѣсяцъ. Гдѣ же секретъ подобнаго явленія? Онъ заключается въ правильномъ, снаряженномъ и практичномъ одиночномъ обученіи, въ систематичномъ и постоянномъ наблюденіи за внутреннимъ порядкомъ въ ротахъ, въ неотступномъ требованіи, чтобы солдатъ въ казармѣ, въ походѣ, на работѣ былъ бы вездѣ, какъ на глазахъ, такъ и за глазами, всегда солдатомъ. Если при этомъ ротный командиръ сумѣетъ воз-

будить въ солдатѣ желаніе быть щеголемъ и молодцомъ, будетъ безъ мелочной привязчивости требовать на маршѣ бодрости, будетъ знать когда надо подтянуть и когда дать свободу, то парадное дѣло всегда будетъ хорошо, безъ учений и репетицій.

Послѣ выставки Высочайшій Дворъ возвратился въ Петербургъ. Отъѣзжая, Государь объявилъ, что въ концѣ іюля приѣдетъ въ Москву, смотрѣть стрѣльбу, линейное ученье и маневрированіе. Обратясь ко мнѣ, Его Величество прибавилъ: „Надѣюсь, что во всемъ этомъ, твоя дивизія представится такъ же, какъ на парадѣ“.

Мнѣ предстояло въ 5 недѣль пройти съ полками весь курсъ стрѣльбы, который, по раннему выступленію съ квартиръ, они могли только начать и то урывками, во время дневокъ, пройти маневрированіе малыми частями, полковые ученья, сторожевую службу. На меня же была возложена и подготовка двухъ полковъ 1 дивизіи, прикомандированныхъ къ моей, превратившейся чрезъ это въ шести-полковую, съ двумя бригадами артиллеріи. Полки 1 дивизіи, прекрасные по своему составу, оказываясь слабо подготовленными въ одиночномъ образованіи, такъ что рѣдкій батальонъ могъ сохранять тактъ, или не сбиваться при ломкѣ фронта. Ссылаюсь въ этомъ на бывшихъ полковыхъ командировъ Гоштова и Владимірскаго. Стоило только указать, что упущено, что и почему я требую, и въ одну недѣлю многое было поправлено. Они даже обрадовались моимъ требованіямъ и откровенно сознавались, что недостатки привились съ того времени, когда начальство приняло за правило не обращать вниманія на одиночное обученіе и непременно за все хвалить и благодарить.

Любимымъ препровожденіемъ свободныхъ лагерныхъ вечеровъ было посѣщеніе скачекъ и выставки, на которую часто приѣзжали изъ Петербурга партіи иностранныхъ офицеровъ, приглашенныхъ въ Красносельскій лагерь. Почти каждую такую партію, хлѣбосольный хозяинъ Москвы, князь В. А. Долгоруковъ, угощалъ обѣдами, приглашая и старшихъ начальниковъ лагеря. Военное общество вообще любило князя, за его всегдѣшнее къ нему вниманіе. По вечерамъ случалось иногда заглянуть въ Петровскій паркъ, гдѣ тогда процвѣталъ Chateau des fleurs. Особенно любилъ посѣщать его Уфлярскій, носив-

шій большіе усы и баки. Надъ нимъ другіе полковые командиры подтрунивали, будто одна изъ пѣвицъ собственно для него прибавляла къ своимъ куплетамъ припѣвъ: „ахъ, какъ было мнѣ пріятно съ этимъ милымъ усачемъ!“

Шести-полковой составъ дивизіи требовалъ особыхъ снарововъ учить ее съ двумя бригадами артиллеріи, на относительно тѣсномъ Ходынскомъ полѣ. Такъ какъ въ то время уже начинало входить въ обыкновеніе производить ученье съ тактическимъ заданіемъ, не ожидая приказаній старшаго начальника, то надо было къ пріѣзду Государя составить такое предположеніе, которое дало бы возможность, въ часъ времени, показать Его Величеству каждый изъ полковъ въ 1-й линіи.

Вторичный пріѣздъ Государя состоялся 19 іюля. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, онъ смотрѣлъ стрѣльбу линейныхъ ротъ всѣхъ войскъ, а на слѣдующее утро были назначены дивизіонныя ученья гренадерской и моей дивизіи, одной послѣ другой. Вмѣстѣ съ первою, построенною у Петровскаго дворца, должно было представиться и Александровское военное училище. Моя дивизія, при началѣ ученья гренадеръ, уже строилась въ резервный порядокъ, на противоположной сторонѣ поля, у самаго лагеря. Покуда полки собирались, все наше вниманіе было обращено къ сторонѣ дворца, такъ какъ результатъ ученья гренадеръ могъ повліять на расположеніе духа Государя, а слѣдовательно и на ученье моей дивизіи. Черезъ четверть часа по выѣздѣ Его Величества изъ дворца, вижу, что кто-то несется ко мнѣ маршъ-маршемъ. Подскакавшій адъютантъ передаетъ слѣдующее: „Начальникъ штаба прислалъ доложить вашему превосходительству, что Его Величество недоволенъ училищемъ, дабы вы имѣли это въ виду“. Дурное предзнаменованіе—подумалъ я, но никому не передалъ сообщеннаго.

Во время половины ученья гренадеръ, громадная, черная туча надвигалась изъ-за лагеря; всѣ думали, что нашъ смотръ будетъ отмѣненъ. Когда издали донеслись отвѣтные крики на похвалы гренадерамъ, у меня отлегло отъ сердца;—значить Государь доволенъ и подъѣдетъ къ дивизіи въ хорошемъ расположеніи. Дѣйствительно, впереди громадной свиты, большимъ галопомъ подъѣзжалъ онъ веселый и радостный. По-

куда я рапортовалъ, нѣсколько крупныхъ капель дождя упали на подаваемую строевую записку. Проѣзжая на перерѣзъ линій глубокаго резервнаго порядка, Государь здоровался съ каждымъ изъ 6 полковъ и съ свойственнымъ только ему добродушіемъ и ласковостію тона, замѣтилъ мнѣ: „А насъ, кажется, порядочно смочить“. Возвращаясь отъ стоявшихъ въ послѣдней линіи батарей, Его Величество пустилъ лошадь шагомъ и въ это время сказалъ:

— Разсказывай, въ чемъ состоитъ твое предположеніе и какъ ты намѣренъ дѣйствовать?

Такъ какъ не всѣмъ читателямъ извѣстна мѣстность, на которой происходило ученье, то я не привожу его подробной программы, переданной мною въ короткихъ словахъ Государю. Выслушавъ меня, Его Величество замѣтилъ:

— Только пожалуйста не растягивай ученья, веди его поживѣе.

Въ это время уже шелъ сильный дождь и начались порядочные удары грома. Не успѣла, бывшая впереди, 2-я бригада развернуть боеваго порядка, какъ Государь началъ самъ подавать сигналы и отдавать приказанія, что хотя и измѣняло программу, но не произвело недоразумѣній, потому что оба полковые командиры были предварены мною, какъ поступать, если Государь лично поведетъ ученье. Между тѣмъ гроза усиливалась, дождь превратился въ ливень, что не мѣшало полкамъ получить уже нѣсколько похвалъ и быстро окончить атаку Ваганьковского кладбища. Когда она подходила къ концу, я подъѣхалъ къ Гильденштуббе, котораго едва отыскалъ въ заднихъ рядахъ свиты, и говорю ему:

— Потрудитесь доложить Государю, что здѣсь дѣйствія 2-й бригады кончаются, и что не угодно-ли Его Величеству обратить вниманіе на 1-ю бригаду, которая начнетъ наступленіе по направленію парка.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше доложите сами,—отвѣтилъ онъ.

Въ этомъ отвѣтѣ вполнѣ выразился характеръ Гильденштуббе: быть подальше, покуда еще не выразилось, будетъ ли смотръ удаченъ.

Дождь, лившій какъ изъ ведра, не давалъ пушечному дыму расходиться; онъ густою пеленою висѣлъ надъ полемъ, засти-

лая его такъ, что въ 20 шагахъ невозможно было разглядѣть ни всадника, ни пушку. Молнія и удары грома слѣдовали безъ промежутковъ. Темнота была настолько велика, что я наугадъ скакалъ впереди свиты, чтобы провести Государя къ тому мѣсту, гдѣ должна была развернуться 1-я бригада. Покуда совершалось ея перестроеніе и батареи выѣзжали на позицію, гроза быстро начинала проходить, и какъ только батальоны, выславъ стрѣлковъ открыли огонь, солнце освѣтило поле. Увидя, что 6 батальоновъ, сохраняя линію и интервалы батарей, идутъ стройно, Государь нѣсколько разъ поблагодарилъ ихъ. Не доходя парка, я соединилъ 6 батарей въ центрѣ боевой линіи, для его обстрѣла, а затѣмъ, выждавъ прихода къ лѣвому флангу 2-й бригады, направилъ 3-ю сводную бригаду (два полка 1 дивизіи) на тѣсныхъ интервалахъ, въ атаку на паркъ, сквозь громившую его артиллерию. Этимъ было закончено ученіе. Объѣхавъ полки, Его Величество по нѣсколько разъ благодарилъ каждый батальонъ. Единственное замѣчаніе, которое было имъ сдѣлано, состояло въ томъ, что при современномъ развитіи огня, не слѣдуетъ слишкомъ массировать войскъ. Покуда съѣзжались начальники и командиры частей, чтобы выслушать разборъ ученія, Государь, въ присутствіи всѣхъ, взявъ мою руку и держа ее, изволилъ сказать:

— Всѣмъ, что я видѣлъ, я чрезвычайно доволенъ. Вижу, насколько ты и твои полковые командиры сдѣлали то, чего я даже и не ожидалъ. Я знаю въ какое положеніе была поставлена дивизія и потому тѣмъ болѣе всѣмъ вамъ чести. Отъ души благодарю всѣхъ и прошу передать это твоимъ офицерамъ.

Затѣмъ, обращаясь къ генералу Гильденштуббе, Его Величество прибавилъ:

— Какова 18-я то дивизія, да и командиры полковъ ея молодцы!

Вышеприведенныя слова Императора, въ тотъ же день, были объявлены мною въ приказѣ по дивизіи.

Вслѣдъ за Государемъ подъѣзжаетъ ко мнѣ военный министръ Д. А. Милютинъ, и снимая, какъ теперь вижу, зубами мокрую перчатку, протягиваетъ мнѣ руку, говоря: „И радуюсь, и поздравляю, и благодарю“.

Дальнѣйшій рассказъ покажетъ степень этой благодарности.

Въ тотъ же день, вечеромъ, происходилъ смотръ стрѣлбы стрѣлковыхъ ротъ съ неопредѣленныхъ дистанцій. Покуда считали пули и производили оцѣнку, Государь проѣхалъ къ артиллеріи, выведенной тоже на смотровую стрѣлбу. Я, съ прочими старшими начальниками, направился туда же, а на обратномъ пути, возвращаясь къ своимъ мишенямъ, встрѣчаю Великаго князя Николая Николаевича.

— А ты знаешь,—говоритъ онъ мнѣ—какой у тебя въ дивизіи вышелъ оригинальный казусъ? Въ мишени 1-й стрѣлковой роты Рязанскаго полка нѣтъ ни одной пули.

Я такъ и ахнулъ! Эта рота всегда была первою по стрѣлбѣ во всей дивизіи; ея отличнаго командира, молодого поручика Асѣва, лично зналъ и всегда благодарилъ Гильденштуббе, и вдругъ у него ни одной пули ¹⁾. Подскакавъ къ мишенямъ, вижу, что дѣйствительно нѣтъ ни одной, даже шальной. Асѣвъ стоитъ блѣдный, какъ полотно, и на всѣ мои вопросы только молча пожимаетъ плечами, готовый заплакать. Замѣтивъ, что сосѣдняя мишень 2 полка вся испещрена пробоинами, я поспѣшилъ предупредить Гильденштуббе, чтобы онъ доложилъ Государю, что, по всей вѣроятности, рота, вмѣсто своей мишени, по ошибкѣ стрѣляла въ сосѣднюю. Вообще-же стрѣлба была отличною. Проѣзжая мимо мишеней, Его Величество благодарилъ каждую роту и вдругъ видитъ совершенно нетронутую мишень 1-й стрѣлковой роты.

— Это что за фокусъ? спрашиваетъ онъ.

Гильденштуббе передалъ сказанное мною, а я рѣшился еще прибавить:

— Эта рота, Ваше Величество, лучшая во всей дивизіи, а ея командиръ, поручикъ Асѣвъ, отличный офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣроятно они стрѣляли не въ свою мишень, иначе хоть одна бы пуля да попала.

Взглянувъ на Асѣва, у котораго закапали съ рѣсницъ слезы, Государь изволилъ произнести:

— Успокойтесь. При такой аттестаціи и вина прощается, а тутъ видимая ошибка.

Чтобы не возвращаться болѣе къ чрезвычайно важному во-

¹⁾ Въ настоящее время Асѣвъ командуетъ ротою Московскаго юнкерскаго училища.

просу стрѣльбы, имѣющему громадное вліяніе на весь ходъ занятій въ войскахъ, скажу о немъ подробнѣе. Многіе пристрастно у насъ смотрятъ на дѣло, такъ что и не поймешь, чего другому хочется. Послѣ неоднократныхъ опытовъ и совѣщаній съ лицами практики, признано было необходимымъ, чтобы стрѣльба имѣла опредѣленную оцѣнку, соответствующую тѣмъ или другимъ условіямъ ея производства. Казалось-бы, что эта оцѣнка и должна охранять достоинство стрѣльбы отъ произвольнаго взгляда начальства. Что-же мы видимъ сплошь и рядомъ въ дѣйствительности? Смотритъ начальство полкъ; одна рота дала 71 процентъ, другая 64, третья 60,—значитъ всѣ, по оцѣнкѣ, на эту дистанцію стрѣляли очень хорошо. Первой говорятъ—„спасибо“, второй—порядочно, но впередъ прошу чтобъ было лучше“, а третью начинаютъ бранить. Какъ-же это такъ, думаетъ потомъ солдатъ,—оцѣнка гласитъ, что рота стрѣляла очень хорошо, а насъ ругаютъ? Несомнѣнно, что всѣ занимающіеся стрѣльбою должны стремиться достигнуть отличной оцѣнки; но почему-же не отдать каждому того, что онъ заслужилъ, чѣмъ, добиваясь идеаловъ, быть явно несправедливымъ. Что-же выходитъ изъ подобныхъ увлеченій? Выходитъ то, что, видя ненасытность желаній, войска не упускаютъ случая, гдѣ только мало-мальски возможно, схитрить, выпустить лишнія пули, прибавить при счетѣ число пробоинъ, однимъ словомъ потѣшить начальство. Такъ потѣшаютъ не только старшихъ начальниковъ, которымъ трудно услѣдить за ухищреніями ловкаго фельдфебеля или взводнаго, но и самыхъ ближайшихъ, особенно если они имѣютъ дурную привычку возбуждать соревнованіе посредствомъ наградъ деньгами или чарками водки. Пять лѣтъ я возился съ стрѣлковымъ дѣломъ и въ гвардіи и въ арміи, пять лѣтъ боролся противъ всевозможныхъ ухищреній, и пришелъ къ убѣжденію, что только та стрѣльба вѣрна, при которой каждый стрѣляетъ при мнѣ, по одиночкѣ. Мнѣ всегда было странно видѣть тѣхъ начальниковъ, которые восхищаются баснословными результатами стрѣльбы. Помню такой случай. Смотрѣлъ А. И. Гильденштуббе стрѣлковыя роты цѣлой дивизіи, и въ тотъ-же вечеръ, встрѣтивъ меня въ паркѣ, говоритъ мнѣ:

— А каково сегодня стрѣляли-то? Ваша третья стрѣлковая рота Бѣлевскаго полка дала 83 процента на 900 шаговъ.

— Васъ это радуетъ? спрашиваю я его.

— Еще-бы! вѣдь это куда выше отличнаго.

— А меня нисколько, потому что такихъ результатовъ не должно быть.

— Это почему?

— Да очень просто: эта-же самая рота, по журналу домашней стрѣльбы, имѣетъ на 900 шаговъ всего 52 процента, что тоже результатъ прекрасный; а извѣстно, что на смотру люди, отъ ажитации, отъ излишняго старанія, наконецъ отъ того, что иначе одѣты, стрѣляютъ всегда на 3—4 процента ниже курсовой стрѣльбы. Не ясно-ли, что тутъ или было выпущено больше пуль, чѣмъ приказано, или невѣрно сосчитаны пробоины.

— Вы всегда и во всемъ находите что либо черное, даже своихъ не падаете,—возразилъ старикъ недовольнымъ тономъ. Наконецъ если вы предполагаете фальшь, почему-же вы ее допускаете?

— А не угодно-ли вамъ научить меня, какъ я могу предупредить ее, и какое имѣю право вмѣшиваться въ порядокъ при старшемъ? Вы смотрите разомъ 24 роты; я стою за одною изъ своихъ и вижу только ее, да и то покрытую дымомъ. Слышу вправо и влѣво отъ меня безконечную стрѣльбу; понимаю, что выпускаютъ не по двѣ пули, какъ приказано, а сколько кто успѣетъ. Еще удивительно, что при такомъ способѣ смотрѣть, у кого-нибудь не оказалось болѣе 100 процентовъ.

— Но согласитесь, что не могу же я смотрѣть каждую роту особо; на это потребовалось-бы болѣе мѣсяца.

— Совершенно согласенъ. Я только хотѣлъ сказать, что не слѣдуетъ судить о стрѣльбѣ по смотровымъ результатамъ и отчетамъ, и гоняться за тѣмъ, чтобы всѣ стрѣляли выше отличнаго.

Возвращаюсь къ смотрамъ Государя. На слѣдующее утро предстоялъ двухсторонній маневръ гренадерской дивизіи противъ сводной, состоявшей, какъ было выше сказано, изъ моей и двухъ полковъ 1 пѣхотной. Предположеніе для него было объявлено заранѣе и заключалось въ томъ, что гренадеры (западный отрядъ) не должны были допустить въ Москву, черезъ Ваганьевскую заставу непріятеля, наступающаго отъ с. Тушина. Ими командовалъ генераль Моллеръ, а наступающими—

пишущій эти воспоминанія... У меня (въ восточномъ отрядѣ) было 18 батальоновъ, а у гренадеръ 13, но за то они имѣли большой перевѣсъ въ кавалеріи: мнѣ былъ данъ всего одинъ Сумскій гусарскій полкъ, а Моллеру 5 полковъ, съ двумя конными батареями, что давало ему возможность знать каждое мое движеніе. Когда, наканунѣ вечеромъ, составленная мною диспозиція была готова для отправленія къ Государю, въ баракъ дивизіоннаго штаба взойшелъ начальникъ штаба Моллера, полковникъ Лабунскій, и спрашиваетъ моего начальника штаба Нарбута, кто у насъ везетъ диспозицію во дворецъ?

Удивленный подобнымъ вопросомъ, я говорю ему: „Разумѣется, самъ начальникъ штаба.“

— Затѣмъ же — возражаетъ Лабунскій — мы всегда отправляли съ офицеромъ; вѣдь конвертъ передается обыкновенно камердинеру и уже онъ относитъ его въ кабинетъ.

— Если у васъ такъ принято, то такъ и дѣлайте, а я смотрю иначе. Можетъ быть Государю угодно будетъ принять того, кто привезъ конвертъ адресованный въ собственныя руки, и спросить о чемъ-либо касающемся маневра. Что можетъ отвѣтить строевой офицеръ?

Видимо было, что Лабунскій пришелъ съ цѣлью что-либо вывѣдать, потому что обратился потомъ ко мнѣ съ такой фразой:

— Мнѣ поручилъ генералъ Моллеръ условиться съ Нарбутомъ, нельзя ли завтра намъ дѣйствовать такъ, чтобы все шло поглаже?

— Скажите генералу, — отвѣчалъ я, что я составилъ самую простую диспозицію и что мои дѣйствія будутъ вполнѣ зависеть отъ него. Весь мой отрядъ сосредоточивается въ Тушинѣ, что мнѣ донесутъ мои разъѣзды о вашемъ расположеніи, сообразно съ этимъ я и направляю мои колонны, а потому впередъ ничего сказать не могу. Впрочемъ, и разъѣздамъ-то мнѣ трудно будетъ что-либо высмотрѣть, такъ какъ вы, имѣя массу кавалеріи, можете заслониться и не отогнать ихъ.

Кажется, я достаточно намекнулъ этимъ не только на свои намѣренія, но и на то какъ слѣдуетъ помѣшкать имъ; но Лабунскій, какъ потомъ самъ сознавался мнѣ, принявъ мои слова за хитрость, вообразилъ, что я сдѣлаю совершенно противоположное.

Кто знаетъ ближайшія окрестности Москвы, къ сѣверу отъ

нея, для того и безъ чертежа будетъ понятно мое краткое описаніе маневра, происходившаго между Петербургскимъ шоссе и рѣкою Москвою, въ пространствѣ, на которомъ обѣ Всесвятскія рощи, села—Всесвятское и Покровское и деревня Тушино. По распоряженію посредника, въ 9 ч. утра, отрядъ мой тронулся съ бивака тремя колоннами: правая (3 полка съ 6-ю батареями) берегомъ рѣки—Москвы, на артиллерійское поле, съ приказаніемъ наступать черезъ правый флангъ лагеря; лѣвая (2 полка съ 4-мя батареями)—лѣсомъ, въ обходъ с. Всесвятскаго на Петербургское шоссе, съ приказаніемъ демонстрировать противъ малой рощи, но не вступать въ рѣшительный бой,—и средняя (1 полкъ съ двумя батареями)—по ильинскому шоссе на с. Покровское. Я находился при средней колоннѣ. Не прошло и получаса, какъ пущенные впередъ, по всѣмъ направленіямъ, разъѣзды Сумскихъ гусаръ доставили мнѣ болѣе 10 донесенія, изъ которыхъ я узналъ, что непріятель занимаетъ двумя полками пространство отъ большой рощи до рѣки, а двумя другими Всесвятское, что ни переправа у Покровскаго, ни село это не занято даже разъѣздами. Такое разединеніе силъ было первою и весьма важною ошибкою, давашею мнѣ возможность направить среднюю колонну въ оставленное непріателемъ незанятое двухверстное пространство между его бригадами.

Около 10 часовъ, мы услышали сильную канонаду справа, а затѣмъ и жаркій ружейный огонь моей правой колонны. Не смотря на все желаніе, я никакъ не могъ узнать что въ ней происходитъ, потому что насъ раздѣляла большая роща, считавшаяся непроходимой. Я сильно опасался, чтобы эта колонна не пострадала отъ кавалеріи противника, такъ какъ она до сихъ поръ нигдѣ не обнаружилась, и имѣла на артиллерійскомъ полѣ прекрасную мѣстность для дѣйствій. Завидя наступленіе средней моей колонны, непріятельская бригада выслала противъ нее изъ Всесвятскаго всего одинъ батальонъ съ двумя орудіями. Сбить ихъ цѣлымъ полкомъ съ 12 орудіями было дѣломъ одной минуты. Отступая, батальонъ этотъ, вмѣсто того, чтобы занять интервалъ между лазаретными бараками и лагеремъ, ушелъ въ малую рощу. Это дало мнѣ возможность проѣхать къ баракамъ, чтобы взглянуть, что дѣлается на артиллерійскомъ полѣ, противъ правой колонны. Я увидѣлъ, что

верстахъ въ двухъ въправо идетъ бой, а за нимъ, посреди поля, стоятъ въ общей колоннѣ 5 кавалерійскихъ полковъ, не принимающіе никакого участія. Государь Императоръ со всею свитою смотрѣлъ на происходившее съ высоты стрѣлковыхъ валовъ. Тогда я моментально разослалъ всѣхъ бывшихъ при мнѣ ординарцевъ, чтобы всѣ батареи и роты, которыхъ они встрѣтятъ, сѣдѣли ко мнѣ. Не прошло и 10 минутъ, какъ двѣ батареи средней колонны, съ посаженною прислугою, неслись въ интервалъ между бараками и лагеремъ, а за ними бѣжали и роты. Снятыя съ передковъ орудія открыли огонь въ тылъ непріятельской линіи. Это до того ошеломило кавалерійскую колонну, что она не только не выставила противъ насъ своихъ конныхъ батарей, но, повертѣвшись въ разныя стороны, сочла за лучшее уйти на рысяхъ изъ-подъ выстрѣловъ и скрыться изъ вида. Между тѣмъ, стоило только начальнику этой кавалеріи пустить хоть одинъ полкъ на первую мою батарею, прискакавшую сначала безъ прикрытія, и она должна бы была сняться, а другія не успѣли бы къ ней пристроиться, и все было бы поправлено.

Канонада, открытая мною отъ госпитальныхъ барачковъ, обратила на себя вниманіе Государя. Онъ такъ былъ далекъ отъ случившагося, что счелъ мои орудія за принадлежащія правой колоннѣ Моллера; но, видя, что кавалерія его уходитъ, съѣхалъ съ возвышенія, откуда смотрѣлъ на ходъ маневра, и крупнымъ галопомъ направился къ намъ.

Я выѣхалъ передъ орудія съ рапортомъ.

— Ты какимъ образомъ очутился здѣсь? спрашиваетъ меня Государь.

Я рассказалъ все, какъ было.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Что же теперь дѣлать Моллеру? Вѣдь онъ отрѣзанъ отъ 2-й бригады и путь къ заставѣ открытъ; маневръ въ сущности оконченъ, а между тѣмъ я еще не видалъ и половины войскъ. Что ты теперь предпримешь?

— Я оставляю здѣсь одну батарею съ Тульскимъ и гусарскимъ полками, самъ же займу тремя полками въ тылу непріятеля артиллерійскій лагерь, а остальнымъ частямъ прикажу поспѣшно идти къ полотну Смоленской дороги.

— Надо дать гренадерамъ—сказалъ Государь—возможность поправиться. Прекрати наступленіе на часъ, пропусти ихъ за

лагерный оврагъ и затѣмъ увидимъ, что предприметъ Моллеръ.

Вслѣдъ за этимъ Его Величество послалъ гренадерамъ приказаніе отступить на Ходынское поле. Первый изъ отступавшихъ батальоновъ, проходя мимо нашихъ орудій, давно прекратившихъ огонь, вздумалъ стрѣлять по нимъ. Это разсердило Государя до того, что онъ приказалъ этому батальону уходить бѣгомъ; вслѣдъ за нимъ потянулись мимо моихъ 12 орудій еще 5 батальоновъ съ своими батареями. Бывшіе же противъ нихъ 3 полка присоединились ко мнѣ.

Послѣ этого, съ противной стороны, послѣдовала вторая, самая капитальная ошибка. Вмѣсто того, чтобы направить всѣ свои части къ городу, такъ какъ защита Москвы составляла ихъ главную цѣль, онѣ были присоединены къ бригадѣ, занимавшей Всесвятское, что и послужило къ окончательному проигрышу маневра. Чтобы отстранить всякое предположеніе о томъ, что я возобновилъ бой ранѣе назначеннаго срока, по прошествіи часа, я послалъ полковника Нарбута спросить Государя, прикажетъ ли онъ начать наступленіе. По полученіи разрѣшенія, мною сдѣланы были слѣдующія распоряженія: средняя колонна, усиленная полкомъ изъ правой, направлена черезъ лѣвый флангъ лагеря, съ приказаніемъ атаковать малую рошу во флангъ, одновременно съ сводной бригадой, которой послано приказаніе дѣйствовать рѣшительнѣе; остальнымъ частямъ правой колонны, перейдя лагерный оврагъ, идти прямо на Ваганьковское кладбище. Для противодѣйствія послѣднему, непріятель хотя и отдѣлилъ два батальона, но было уже поздно. Они не могли помѣшать мнѣ, такъ какъ послѣдовательная атака Сумскихъ гусаръ заставляла ихъ безпрестанно останавливаться, а въ это время мои два полка успѣли занять насыпь желѣзной дороги, кладбище и находящуюся за нимъ заставу. Получивъ объ этомъ донесеніе, Государь приказалъ дать отбой. Съ насыпи дороги Его Величество, не говоря ни слова, долго вглядывался въ общее расположеніе войскъ. Затѣмъ, давъ сигналъ для сбора начальниковъ, молча, шагомъ направился къ Петровскому дворцу. Видно было, что онъ недоволенъ. Постоянно увеличивающаяся подѣзжавшими начальниками свита безмолвно слѣдовала позади. Такъ мы проѣхали все Ходынское поле. Остановясь у шоссе, Государь вызвалъ

въ середину образовавшагося круга генерала Моллера и меня, и началъ слѣдующій, памятный отъ слова до слова разборъ маневра.

— Диспозиціи по обоимъ отрядамъ были составлены правильно, но на сколько въ восточномъ она была выполнена толково и дѣльно, на столько у васъ (обращеніе къ Моллеру), съ перваго же движенія начались ошибки. Если бы вы, вмѣсто того, чтобы направить 2-ю бригаду во Всесвятское, заняли Покровское и его мостъ и задержали бы тамъ среднюю колонну противника, то не дали бы ему возможности врѣзаться между вашими бригадами, чѣмъ онъ (указаніе на меня) такъ находчиво воспользовался, явившись въ тылу вашей 1-й бригады съ 3-мя батареями. Что же въ это время дѣлаютъ ваши 5 кавалерійскихъ полковъ? Вмѣсто того, чтобы обрушиться на нихъ и прикрыть ваше отступленіе къ Москвѣ, они, не сдѣлавъ даже выстрѣла, куда-то скрылись. Слѣдовало кончить маневръ, но я хотѣлъ дать вамъ возможность поправиться и приказалъ восточному отряду пропустить вашу отрѣзанную бригаду. Что же вы дѣлаете потомъ? Вмѣсто того, чтобы занять прекрасную позицію по линіи Смоленской желѣзной дороги, притянувъ туда и 2-ю бригаду, вы отступаете къ малой рощѣ и открываете доступъ къ городу. Вы даже ни разу не воспользовались громаднымъ перевѣсомъ вашей кавалеріи, которой я и не видалъ ни въ одной атакѣ, тогда какъ въ восточномъ отрядѣ былъ всего одинъ полкъ, а между тѣмъ Сумскіе эскадроны нѣсколько разъ задерживали ваши два баталіона. Посмотрите, чѣмъ же все кончилось. Кромѣ того, что вы пропустили непріятеля въ городъ, вы дали ему возможность со всѣхъ сторонъ окружить васъ кольцомъ.

Затѣмъ Его Величество, обратясь ко мнѣ, продолжалъ:

„А тебѣ, въ полномъ смыслѣ побѣдителю, полное спасибо Всѣмъ твоими распоряженіями и дѣйствіями твоихъ полковъ я чрезвычайно доволенъ. Господа полковые командиры, благодарю васъ. Передайте мою благодарность всѣмъ и каждому. Сумскій полкъ и артиллерія особенно отличались. Жаль, что я не видалъ полковъ сводной бригады, но и она видимо исполнила свое назначеніе, притянувъ на себѣ всѣ силы оплошавшаго противника. Еще разъ благодарю всѣхъ“.

Такой разборъ маневра произвелъ на побѣжденных гру-

стное впечатлѣніе; съ понуримъ видомъ, молча поѣхали они къ своимъ частямъ. Но и побѣдители боялись слишкомъ замѣтно проявлять свою радость, видя какъ внутренне досадовало главное московское начальство на то, что излюбленные его гренадеры оплошали. Оплошали не полки, ничѣмъ невиноватые, а тотъ кто былъ во главѣ ихъ.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, происходилъ парадный обѣдъ у князя Долгорукова, къ которому были приглашены всѣ начальники и командиры полковъ. Едва я успѣлъ войти въ пріемную, какъ подходитъ ко мнѣ старый знакомый, генералъ-адъютантъ баронъ Ливень, беретъ подъ руку, и, отводя въ нишу окна, говоритъ:

— Расскажи, пожалуйста что за особенный маневръ былъ сегодня. Такъ досадно, что я не могъ быть на немъ изъ-за австрійцевъ, которымъ долженъ былъ показывать выставку. Изъ свиты мнѣ говорили, что они такого интереснаго маневра не запомнятъ.

— Маневръ — отвѣчалъ я — былъ дѣйствительно замѣчательнъ, по оригинальности ошибокъ моихъ противниковъ.

— Слышалъ я это; но расскажи все по порядку, я вѣдь знаю мѣстность и мнѣ интересны подробности.

Я рассказалъ все, какъ было. Въ концѣ разсказа тихо подошелъ къ намъ военный министръ, прислушался и, когда я кончилъ, говоритъ:

— Да, дѣйствительно (называетъ меня по имени) дѣйствовалъ отлично; но если судить строго, тактически, то и у васъ были рискованныя движенія. Вѣдь вы растянули ваши 18-ть баталіоновъ версты на 4, такъ что противникъ могъ бы легко прорвать вашу линію.

— Позвольте вамъ сказать на это — отвѣчалъ я, что для 18-ти баталіоновъ съ 48 орудіями, при нынѣшнихъ дистанціяхъ, четырехверстную позицію нельзя считать растянутою. Неужели вы полагаете, что еслибы противъ меня былъ кто-либо другой, то я дѣйствовалъ бы такъ, какъ сегодня? Я думаю, что одна изъ обязанностей всякаго распоряжающагося боемъ, знать характеръ и способности своего противника.

— Это вѣрно, — сказалъ министръ улыбаясь, а я отошелъ къ моимъ полковымъ командирамъ, собравшимся у другого окна, противъ входной двери.

Изъ Прошлаго.

Вскорѣ вошелъ Государь, въ мундирѣ своего Петербургскаго уланскаго полка и остановясь, прикрылъ глаза рукою.

— Со свѣта никого не узнаю,—сказалъ онъ, и затѣмъ направился прямо къ намъ, съ словами: „А, вотъ и побѣдители“. Потомъ, положи руку мнѣ на плечо и смотря на полковыхъ командировъ, Его Величество продолжалъ:

— Я все время любовался вашими тремя полками, дѣйствовавшими на правомъ флангѣ. Не говоря о томъ, что все дѣлалось правильно и въ примѣрномъ порядкѣ, мнѣ особенно пріятно было видѣть, какъ дѣльно распоряжались не только ротные командиры и офицеры, но даже унтеръ-офицеры. Въ каждомъ было видно полное знаніе дѣла. Я знаю какъ вамъ это въ нынѣшнее время не легко достается, а вы должны знать, что я тѣмъ болѣе цѣню это. Очень радъ, что имѣю случай еще разъ поблагодарить васъ.

Послѣ обѣда Государь изволилъ принять предложеніе хозяина послушать цыганъ, хоръ которыхъ ожидалъ въ особой залѣ. Ихъ пѣніе продолжалось часовъ до 9, такъ что мы возвращались въ лагерь уже въ сумерки. За заставою А. И. Гильденштуббе, на лихой четверткѣ, обгоняетъ меня, приказываетъ каретѣ остановиться и приглашаетъ пересѣсть къ нему, гдѣ между нами начинается слѣдующій разговоръ:

— Зачѣмъ вы, любезнѣйшій, сегодня, такъ сильно напирали на гренадеръ. При Государѣ, да и вообще, надо вести маневры по возможности менажируя своего противника.

— Изъ вашихъ словъ, отвѣчалъ я, видно, будто вы того мнѣнія, что я умышленно старался повредить генералу Моллеру.

— Я этого не говорю, но видите ли что: въ подобныхъ случаяхъ, если вы и видите, что на непріятельской сторонѣ ошибки, надо дать ей возможность поправиться, а не сразу пользоваться оплошностью товарища.

— Но вѣдь у противной стороны были такія ошибки, не воспользоваться которыми было бы непростительно. Пропустить ихъ, значило бы обнаружить полное незнаніе и совершенную неспособность къ дѣлу. Вы видѣли изъ разбора Государемъ хода маневра, въ какой степени онъ все видитъ и все замѣчаетъ. За что же, изъ-за другихъ, я буду подвергать себя его гнѣву?

— Все это такъ, продолжалъ начальникъ округа, но все-таки слѣдовало имѣть въ виду, что Государю было бы пріятнѣе, если бы дивизія, которую онъ такъ любитъ, маневрировала успѣшно.

— Вы, ваше высокопревосходительство, напрасно удивляетесь, что гренадеры, при всѣхъ ихъ строевыхъ достоинствахъ, проигрываютъ маневры. Это всегда такъ будетъ.

— Это почему? сердито спрашиваетъ Гильденштуббе.

— Угодно, чтобы я говорилъ откровенно?

— Пожалуйста.

— Потому, что ихъ командиры, исключая, впрочемъ, полковника Э...., на маневрахъ вовсе не думаютъ о томъ, что дѣлается противъ нихъ; для нихъ общая цѣль — постороннее дѣло. Они только оглядываются, не близко ли вы, и заботятся только о равенствѣ и стройности баталіоновъ, сами подсчитываютъ имъ тактъ, а что предпринимаетъ противъ нихъ непріятель, объ этомъ и не заботятся. Кто же не выигрывалъ противъ нихъ маневра? Въ этотъ лагерь вы дѣлали ихъ три раза, и всякій разъ они кончались не въ ихъ пользу.

Далѣе мы ѣхали уже молча. Старикъ не могъ не сознавать истины высказаннаго, но все-таки она была ему непріятна. Онъ чувствовалъ, что всѣ потраченные имъ труды, на образование любимыхъ его полковъ, были односторонни. Обращаясь къ давно прошедшему, припоминаю, что и во время командованія полкомъ Гильденштуббе не любилъ маневровъ.

22 іюля, послѣ церковнаго парада и развода съ церемоніею Екатеринославскому полку, предстоялъ отъѣздъ Государя на югъ. Въ ночь на это число разосланы были во всѣ части награды. Оба мои бригадные и всѣ полковые командиры получили тѣ ордена, къ которымъ были представлены, всѣ бывшіе въ лагерь генералы—тоже, но я не получилъ ничего, хотя и несомнѣнно, что былъ тоже представленъ, такъ какъ еще передъ Пасхою, начальникъ окружнаго штаба, по приказанію командующаго войсками, писалъ мнѣ, что я представленъ къ очередному ордену, но что всѣ награды отложены до лѣтняго Высочайшаго смотра. Какъ прошли смотры и маневры, видно изъ вышесказаннаго; гдѣ же причина тому, что я обойденъ? Что Государь былъ вполне и даже исключительно доволенъ дивизіею—это не подлежало сомнѣнію. Увидя меня на разводѣ,

начальникъ штаба не могъ не выразить удивленія сдѣланному со мною. „Я два раза, говорилъ онъ, сегодня ночью требовалъ къ себѣ адъютанта для справки, не произошло ли въ штабѣ ошибки съ представленіемъ наградныхъ списковъ, и не наша ли вина въ томъ, что вамъ не присланъ орденъ, но оказалось, что представленіе о васъ послано вмѣстѣ съ другими, такъ что я и понять не могу, что все это значитъ“. Какъ мнѣ ни было тяжело, послѣ всѣхъ похвалъ и благодарностей, перенести случившееся, но я искалъ утѣшенія въ томъ, что Государь видимо доволенъ мною и, конечно, не могъ знать и помнить, подлежалъ ли я очередной наградѣ или еще не выслушалъ для этого опредѣленнаго срока.

Сряду послѣ развода, всѣ генералы и командиры частей собрались къ часу отъѣзда Государя, на курскомъ дебаркадерѣ. Случилось такъ, что Его Величество пріѣхалъ туда получасомъ ранѣе, чѣмъ было назначено, и во все оставшееся до отъѣзда время обходилъ присутствовавшихъ. Я, вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи Леманомъ, стоялъ въ концѣ линіи съѣхавшихся. Государь приблизился къ намъ и, подавъ обоимъ руку, сказалъ:

— Еще разъ, на прощанье, спасибо вамъ обоимъ. Артиллеріей я чрезвычайно доволенъ: и на маневрахъ, и на стрѣльбѣ, она показала именно такъ, какъ я желаю. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ: „Что касается твоей дивизіи, то я увѣренъ, что куда она останется въ такихъ рукахъ, всегда будетъ радовать меня такъ-же, какъ теперь“.

Эти слова настолько ободрили меня, что я осмѣлился отвѣтить:

— Если Ваше Величество такъ милостиво относитесь къ нашимъ трудамъ, то позвольте просить васъ о вспоможеніи офицерамъ дивизіи. Они совершили сюда походъ въ 500 верстъ и имѣли счастье впервые, во все ваше царствованіе, представиться вамъ. Въ ознаменованіе этого и вашихъ милостивыхъ отзывовъ, дерзаю просить о пожалованіи имъ третнаго не въ зачетъ жалованья.

Государь выслушалъ меня, куря папиросу; какъ теперь вижу, что по лицу его не промелькнуло и тѣни неудовольствія, а напротивъ—оставалась все время та же улыбка, съ которою онъ началъ говорить со мною и Леманомъ. Когда я кончилъ,

Его Величество громко подзвалъ къ себѣ министра и сказалъ ему, указывая на меня:

— Вотъ онъ проситъ о вспоможеніи для своихъ офицеровъ; я ничего не имѣю противъ, напротивъ—очень радъ.

Какъ ни смѣло было съ моей стороны рѣшиться на подобный шагъ, но я думалъ: если меня обошли безъ всякаго повода, то пусть всѣ знаютъ это, и если Государь соизволилъ на испрашиваемое, то это послужитъ лучшею для меня наградою. Предоставляю читателю судить, какой эффектъ произвело все это и какими удивленными глазами смотрѣлъ на меня Гильденштуббе и тотъ, кто былъ виною сдѣланной мнѣ обиды. Сознаюсь, что, дѣйствуя помимо непосредственнаго начальника, я нарушилъ служебный порядокъ. Совѣсть моя оправдывала меня тѣмъ, что если допущено поступить со мною такъ несправедливо, то почему же и мнѣ не воспользоваться случаемъ доказать передъ всѣми, что Государь доволенъ мною и что случившееся произошло помимо его воли и неизвѣстно ему.

Дня черезъ два я поѣхалъ къ Гильденштуббе для объясненій. На мою просьбу сообщить мнѣ причину почему я обойденъ, онъ же спросилъ меня:

— А увѣрены ли вы, что дѣйствительно были представлены?

— Полагаю, отвѣчалъ я, что вамъ это должно быть лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. У меня 64 ротныхъ командира, и если вы спросите, кто изъ нихъ былъ представленъ, я назову каждаго, у васъ же всего 6 начальниковъ дивизій и вы меня же спрашиваете представленъ ли я, когда три мѣсяца назадъ сообщали мнѣ, черезъ начальника штаба, что я удостоенъ представленія.

— Ну, такъ я долженъ вамъ сказать, что для меня совершенно непонятно, почему все это случилось; только могу васъ увѣрить, что я тутъ не причемъ.

Если бы у старика достало энергіи отстоять свое представленіе или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобы ему разъяснили, почему оно не уважено, то дѣло бы выяснилось. Я же не только хлопотать, но даже заявлять что-либо—не хотѣлъ. Это было бы мелочью, сравнительно съ тѣми благодарностями, которыя три раза, при всѣхъ, были мнѣ высказаны Его Величествомъ. Впослѣдствіи, при одной изъ поѣздокъ въ Петербургъ, я узналъ, что было приказано представленіе меня къ

наградѣ не включать въ число бумагъ, назначаемыхъ въ Москву.

По возвращеніи въ Тамбовъ, я вскорѣ получилъ письмо отъ брата изъ Чугуева, гдѣ происходили смотры войскъ харьковскаго округа. По пути къ Кременчугу Государь вспомнилъ о мнѣ; разговаривая съ братомъ, онъ сказалъ ему:

— Дивизія твоего брата доставила мнѣ истинное удовольствіе, она въ отличномъ состояніи. Особенно мнѣ понравился его отвѣтъ министру, что всякому генералу весьма важно знать характеръ и способности своего противника.

Значитъ, Государю былъ переданъ разговоръ съ барономъ Ливеномъ, происходившій передъ обѣдомъ у генералъ-губернатора.

Описывая кончавшійся лагерь, упомяну, что въ теченіи его Александровское военное училище, по наружному командованію, было подчинено мнѣ. Много въ то время ходило толковъ о духѣ и направленіи его воспитанниковъ. На это мнѣ указывалъ и командующій войсками, говоря, что молодежь этого училища и по наружности носить отпечатокъ, производящій непріятное впечатлѣніе.

Что эти толки имѣли основаніе, скоро пришлось убѣдиться фактами. Въ 1872 г. было выпущено въ дивизію 5 человѣкъ изъ этого училища. Не получая нѣскольکو лѣтъ сряду ни одного офицера изъ военно-учебныхъ заведеній, командиры полковъ обрадовались; но радость ихъ была непродолжительна. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ четверо оставили военную службу, а затѣмъ подаетъ въ отставку и послѣдній. Видя въ немъ порядочно воспитаннаго и способнаго офицера, я написалъ полковому командиру, чтобы онъ склонилъ юношу не мѣнять карьеры. Что же отвѣчаетъ этотъ господинъ своему полковнику: „Я не вижу никакого расчета продолжать службу, тѣмъ болѣе, что намъ учителя съ кафедры говорили, что не стоитъ быть военнымъ, и что всякій, мало-мальски образованный человѣкъ, долженъ идти другою дорогою“. Въ другомъ полку, въ концѣ 60-хъ годовъ, былъ такой примѣръ: объ отличномъ, бывшемъ при мнѣ цѣлое лѣто ординарцемъ офицерѣ, поступаетъ запросъ, — нѣтъ-ли препятствія къ переводу его въ жандармы? Я призываю его и спрашиваю, что заставляетъ его оставлять строй? Онъ откровенно

высказалъ, что скудность содержанія, не позволяющая ему содержать при себѣ сестру, послѣ недавно умершей матери.

— Понимаю, сказалъ я, что для васъ, въ настоящее время, это крайне трудно, но потерпите; чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ легче. Неужели вы думаете, что всѣ мы начали службу иначе. Многіе точно также нуждались какъ и вы, но служили и, какъ видите дослужились до того званія, при которомъ правительство даетъ достаточныя средства жить безъ нужды, даже съ семействомъ.

— Позвольте сказать вамъ, ваше превосходительство, что вы начали службу въ то время, когда военное званіе было почетнѣйшимъ, когда передъ военнымъ мундиромъ отворялась всюду дверь и офицеръ, всегда и вездѣ, принимался съ вниманіемъ и ласкою. Теперь же всякій журналистъ, всякій газетчикъ безнаказанно глумится надъ офицерами, выдумываетъ и печатаетъ всякія небылицы на военное сословіе, лишь бы осмѣять его. Въ ваше время стоило терпѣть нужду въ виду будущаго...

Не думаю, чтобы кто-либо могъ возразить на эту, всѣмъ въ то время чувствованную, истину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

1872—1874.

Тамбовскій дамскій комитетъ Общества Краснаго Креста.—Помощь самарцамъ и герцеговинцамъ.—Литературные вечера и спектакли.—Балы съ лоттерейми.—Эпизодъ съ китайцемъ.—Оппозиція нововведеніямъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Опредѣленіе сыновей.—Въ Ярославлѣ и Тулѣ.—Пріѣздъ въ Тамбовъ министра.—Храбрый полиціймейстеръ.—Лагерь 1874 г.—Смотръ послѣ смотра.—Заступа за подчиненнаго.—Поѣздка въ Воронежъ.

Осенью 1872 г. мы случайно узнали, что въ Тамбовѣ существуетъ мѣстное управленіе общества Краснаго Креста, подъ предсѣдательствомъ губернатора; но кто его члены, гдѣ оно засѣдаетъ, какъ идутъ его дѣла,—все это было какъ бы тайною для публики и вообще для жителей города. Цѣль подобной скрытности объяснить было трудно, тѣмъ болѣе, что въ сочувствіи народонаселенія къ интересамъ общества сомнѣваться было грѣшно. Это потомъ выразилось весьма ощутительно. Нѣкоторыя изъ дамъ, слыша что во многихъ городахъ существуютъ дамскіе комитеты, печатающіе свои отчеты въ газетахъ, послѣ долгихъ усилій, успѣли склонить жену начальника губерніи разослать приглашенія собраться къ ней для выбора предсѣдательницы. Но и тутъ не обошлось безъ промаховъ. Пригласили только знакомыхъ, обойдя многихъ извѣстныхъ благотворительницъ и вліятельныхъ дамъ, чѣмъ надолго повредили дѣлу. Обойденныя долго игнорировали существованіе комитета, избраннаго не всѣми, а только извѣстнымъ кружкомъ. Выборъ въ предсѣдательницы палъ на жену мою. Не прошло недѣли, какъ дамскій комитетъ имѣлъ больше членовъ, чѣмъ мѣстное управленіе. Это было не совсѣмъ пріятно тому, кто надѣялся, что комитетъ будетъ въ полномъ

ему подчиненіи, и собираемыя дамами пожертвованія и взносы поправятъ тощую кассу мѣстнаго управленія.

Послѣ долгой борьбы съ чиновничьимъ упрямствомъ, дамскому комитету удалось достигнуть возможности начать свою самостоятельную дѣятельность, принесшую, какъ будетъ выяснено, такъ много пользы обществу. По просьбѣ дамъ, я взялъ на себя обязанность дѣлопроизводителя ихъ комитета, въ чемъ, говоря откровенно, потомъ не разъ раскаивался. Если я имѣлъ терпѣніе 3 года добровольно оставаться въ этой должности, то только потому, что видѣлъ, какихъ результатовъ можно достигнуть при энергіи и сердечномъ отношеніи къ дѣлу. Быть дѣлопроизводителемъ въ комитетѣ, гдѣ засѣдаетъ 9 дамъ, дѣло вовсе не легкое. Привести 9 барынь къ соглашенію, прекратить ихъ споры и неидущія къ разсуждаемому вопросу разсужденія, гораздо труднѣе, чѣмъ справиться съ оркестромъ несыгравшихся музыкантовъ. Бывало скажешь: „Позвольте,—то, что вы изволите говорить, вовсе не касается вопроса“.—А она на это:—„А, вамъ угодно, чтобы я молчала, слушаю-сь,—я буду молчать“.—Стоило бывало двумъ или тремъ согласиться съ предложеніемъ предсѣдательницы, чтобы остальные были противъ, единственно изъ желанія показать, что и онѣ что-либо значать. Самыми полезными оказались наименѣе говорящія, но, къ сожалѣнію ихъ было только двѣ.

Къ числу выдававшихся дѣйствій Тамбовскаго дамскаго комитета принадлежали: учрежденіе общины сестеръ милосердія, сборъ пожертвованій въ пользу герцеговинцевъ, помощь голодающимъ самарцамъ, и въ особенности—моршанскимъ горѣльцамъ. Въ то время въ провинціи не имѣли еще яснаго понятія о томъ, что такое сестры милосердія. Кое-кто, конечно, читалъ о существованіи ихъ въ столицахъ, но масса была совершенно чужда ихъ дѣятельности. Поэтому мысль объ основаніи общины долго казалась странною, даже для интеллигенціи, и надо было почти въ каждомъ домѣ объяснять ея цѣль и пользу. Въ самомъ комитетѣ долго спорили, нужны-ли сестры въ мирное время, будетъ ли война или не будетъ, какое опредѣлить сестрамъ содержаніе, кому завѣдывать ими и наконецъ договорились до того, что надо было объяснять, какая разница между сестрою милосердія и наемною сидѣлкою.

Одна изъ барынь подняла цѣлую бурю изъ-за того, что председательница помѣстила въ смѣту расходъ по устройству общины стоимость стору и теплыхъ сапогъ. „Помилуйте — шумѣла эта госпожа, вы хотите изъ нихъ барышень сдѣлать, простыхъ дѣвокъ обращаете въ мамзелей; другая босою бѣгала, а тутъ мало ей башмаковъ, еще теплые сапоги заводите“.

Не смотря на всѣ препятствія, община основалась, окрѣпла и достигла своей цѣли. По ознакомленіи сестеръ съ ихъ обязанностями и по обученіи ихъ уходу за больными, чѣмъ безвозмездно занимался докторъ Ноговиковъ, служба сестеръ началась съ дежурствъ въ мѣстной земской больницѣ. Но и это не обходилось безъ непріятностей и сплетенъ. Изъ досады, что сестры заставляютъ сидѣлокъ исполнять свое дѣло, а надзирательницъ во время перемѣнъ бѣлье, сполна отпускать пищу, требуя ея доброкачественности, — тѣ и другія всѣми силами старались вредить сестрамъ, выдумывали на нихъ разныя небылицы, и не проходило недѣли, чтобы председательница комитета не ѣздила въ больницу разбирать столкновенія. Но какъ приносимая сестрами польза была видима, то медицинскій персоналъ былъ на ихъ сторонѣ.

Прощенію общины и вообще предпріятіямъ дамскаго комитета много содѣйствовалъ преосвященный Палладій І, епископъ тамбовскій и шацкій (нынѣ экзархъ Грузіи), по благословенію котораго она была основана. Съ чувствами глубокаго почитанія и благодарности вспоминается объ этомъ, рѣдкой души, святителѣ. Онъ представлялъ собою соединеніе строгой монашеской жизни, лично для себя и жизни общественной, для добра и пользы своей паствы. Сочувствуя учрежденію общины, онъ разрѣшилъ, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ ея пользу, производился кружечный сборъ во всѣхъ церквахъ города; самъ привелъ выдержавшихъ годичное испытаніе сестеръ къ присягѣ, по нарочно составленному имъ на этотъ случай тексту, и своеручно возложилъ на нихъ кресты, самую же общину благословилъ образомъ. Слово, сказанное послѣ присяги священникомъ Хитровымъ, при всей своей краткости, было до того сильно, что многіе плакали, а когда одна изъ присягнувшихъ пошла потомъ съ кружкой, то народъ наперерывъ опускалъ въ нее свою ленту.

Пожертвованія въ пользу герцеговинцевъ и помощь, оказанная дамскимъ комитетомъ голодавшимъ самарцамъ, были вызваны распоряженіями главнаго управленія Общества, которое особымъ циркуляромъ призывало къ этому всѣ мѣстные управленія и дамскіе комитеты. Въ Герцеговину была послана только вещественная помощь. Съ разрѣшенія преосвященнаго Палладія, дамскій комитетъ, чрезъ мѣстную консисторію, разослалъ отъ себя воззваніе ко всѣмъ жителямъ Тамбовской губерніи, о посильномъ пожертвованіи бѣльемъ, одеждою, непортящимися продуктами: чаемъ, сахаромъ, сухарями и проч. По прочтеніи воззванія въ приходахъ, со всѣхъ концовъ губерніи начали присылать въ комитетъ платки, рубахи, фуфайки и холсты: послѣдніе поступали въ такомъ количествѣ, что еженедѣльно отвозили на желѣзную дорогу по нѣскольکو тюковъ съ этими предметами.

Въ пользу голодающихъ самарцевъ дамскимъ комитетомъ былъ устроенъ концертъ и литературный вечеръ, первый—въ дворянскомъ собраніи, второй—въ залѣ клуба. Успѣхи подобныхъ предпріятій всегда зависѣли отъ умѣнья председательницы и ея помощницъ привлечь къ сочувствію нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ своими средствами, и раздать знакомымъ возможно больше билетовъ. Помню такой случай. Во время одного изъ спектаклей въ театрѣ, подходитъ къ ложѣ председательницы молодящійся старичекъ-помѣщикъ, А. П. Ивановъ, частенько бывавшій навеселѣ. Любитель поселядонничать, онъ началъ разсыпаться въ сожалѣніяхъ, что, по случаю отъѣзда въ Москву, не можетъ полюбоваться ея игрою въ слѣдующемъ благотворительномъ спектаклѣ. Председательница отвѣтила, что ей вдвойнѣ непріятенъ его отъѣздъ, потому что черезъ нѣсколько дней она устраиваетъ концертъ въ пользу самарцевъ, и бѣдные голодающіе лишатся той помощи, которую онъ навѣрное бы оказалъ имъ, взявъ нѣсколько билетовъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте, сударыня, и мнѣ быть вдвойнѣ полезнымъ,—говоритъ Ивановъ, подавая сторублевую бумажку.—Это плата за билеты, которые вамъ было бы угодно пожаловать мнѣ, а самые билеты вы можете продать кому угодно.

На одномъ изъ литературныхъ вечеровъ произошелъ ка-

зусь, характеризующій отношенія представителя мѣстной власти къ дѣлу благотворительности вообще и къ дамскому комитету въ особенности. Лучшій изъ чтецовъ выбралъ для себя стихи, лѣтъ пять назадъ напечатанные въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и безчисленное число разъ читанные въ различныхъ городахъ Россіи. Глава администраціи вычеркнулъ эти стихи изъ проекта афиши. Замѣнить ихъ другими читающій не хотѣлъ, а пополнить чѣмъ-либо инымъ уже не было времени. Тогда распорядитель вечера, тѣмъ же самымъ стихамъ дать другое названіе, они были прочтены, и строгій цензоръ любительскихъ афишъ сильно аплодировалъ тому, что считалъ неудобнымъ для прочтенія. Желая подразнить его, одна изъ дамъ комитета спрашиваетъ его въ антрактѣ:

— Какъ же вамъ, ваше превосходительство, понравились стихи, которые читалъ такой-то?

— Очень, очень хороши; прекрасно были подобраны для цѣли вечера, да и прочитаны превосходно,—отвѣчаетъ онъ.

— И неправда-ли, что въ нихъ нѣтъ ничего противоцензурнаго?

— Рѣшительно ничего.

— А вѣдь это тѣ самые стихи, которые вы вычеркнули изъ афиши.

Юпитеръ вспылалъ гнѣвомъ и, для поддержанія собственного достоинства, не придумалъ ничего лучшаго, какъ приказать полиціи составить протоколъ и принести на распорядителя жалобу мировому судѣ. Претензія его была удовлетворена за весьма сходную цѣну: судья приговорилъ распорядителя къ рублевому штрафу. Фактъ нѣсколько школьнический, но что же было дѣлать съ тѣмъ, кто выводилъ изъ терпѣнія своими придирками.

Участіе, принятое дамскимъ комитетомъ въ помощи моршанскимъ погорѣльцамъ, войдетъ въ описаніе этого страшнаго пожара, когда до него дойдетъ очередь.

Денежныя суммы комитета росли съ каждымъ годомъ и были гораздо болѣе суммъ мѣстнаго управленія, которое не несло никакихъ расходовъ, тогда какъ комитетъ содержалъ общину сестеръ милосердія, осуждалъ бѣдныхъ, посылалъ вспомошествованія погорѣльцамъ. Изъ всѣхъ предпріятій комитета, первое мѣсто, по количеству дохода, занимали балы

съ лотереєю-аллегри, даваемые ежегодно, въ первыхъ числахъ декабря, во время дворянскихъ и земскихъ выборовъ. Предварительная работа комитета по этому поводу обыкновенно начиналась въ половинѣ сентября, съ того, что предсѣдательница отправляла письма секретарю Государыни Императрицы и старшимъ фрейлинамъ великихъ княгинь, прося ихъ доложить о цѣли устраиваемой лотереи и оказать ей вниманіе присылкою вещей. Въ томъ же родѣ писалось известнымъ банкирамъ и концессионерамъ желѣзныхъ дорогъ, предводителямъ дворянства всѣхъ уѣздовъ губерніи, архіерею и многимъ изъ помѣщиковъ. Затѣмъ члены комитета распредѣляли между собою всѣ лучшіе магазины и лавки Тамбова и лично обращались къ ихъ владѣльцамъ, съ просьбою пожертвовать для лотереи вещицы изъ своего товара.

Такимъ образомъ получалось до трехъ-сотъ болѣе или менѣе цѣнныхъ вещей, между которыми первенство принадлежало конечно присланнымъ лицами Императорской Фамиліи; но и нѣкоторые изъ частныхъ лицъ жертвовали предметы, служившіе приманкою.

За нѣсколько дней до бала, вещи выставлялись въ квартирѣ предсѣдательницы, гдѣ члены комитета сами ихъ нумеровали, составляли описи, лично всыпали билеты въ колесо и запечатывали его. Наканунѣ лотереи все переносилось въ малую залу дворянскаго собранія, смежную съ танцевальною. Послѣдняя украшалась флагами и щитами, съ эмблемами и атрибутами общества попеченія о раненыхъ. Двѣ дамы, изъ числа членовъ комитета, во все время розыгрыша находились возлѣ колеса, а двѣ другія—при пирамидахъ и столахъ съ разложенными вещами, имѣя каждая по два ассистента изъ офицеровъ. Благодаря цѣнности выигрышей, а отчасти и сочувствію публики, обыкновенно колесо быстро пустѣло, такъ что часу во 2-мъ ночи не оставалось ни одного билета. Несмотря на незначительную плату за билетъ, выручка отъ лотереи всегда раза на 4 и болѣе превышала сдѣланные на нее и на балъ расходы; въ среднемъ она доставляла ежегодно отъ 1,200 до 1,800 р. чистой прибыли.

Въ одну изъ подобныхъ лоттерей произошелъ слѣдующій случай.

Главнымъ выигрышемъ шелъ № 100. Подъ нимъ значилась

полутора-аршинная фарфоровая фигура сидящего на подушкѣ китайца, съ качающеюся головою, присланная великою княгиніею Маріею Николаевною. Много денегъ доставилъ этотъ китаецъ. Одинъ изъ проѣзжихъ ремонтеровъ взялъ до двухъ сотъ билетовъ, чтобы выиграть его, но не добился. Но вотъ подходитъ къ выставкѣ одна изъ примировавшихъ въ Тамбовѣ молодыхъ дамъ, подъ руку съ пріѣхавшимъ изъ дальняго уѣзда молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ видъ тѣхъ фатящихъ юношей, которые являются задавать шикъ.

— Однако какія у васъ хорошенькія вещицы на лотереѣ — обращается онъ, на французскомъ языкѣ, къ случившейся тутъ же предсѣдательницѣ и хозяйкѣ бала.

— Не хотите-ли попробовать счастья?—спрашиваетъ она.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣчиваетъ онъ;—во-первыхъ, я несчастливъ вообще, а во-вторыхъ—на всѣхъ подобныхъ затѣяхъ лучшія вещи не попадаютъ въ колесо; вотъ и вашъ китаецъ по всей вѣроятности будетъ сидѣть до слѣдующей лотереи.

— Вы вѣроятно, забываете, что говорите съ хозяйкой бала, устраивающею эту лотерею! Кто вамъ далъ право дѣлать подобные выводы?—возразила предсѣдательница.

Бывшая съ франтикомъ дама отошла отъ него, а онъ забормоталъ:

— Mais pardon, madame... я право не думалъ... я... я...

— Если вы сомнѣваетесь—продолжала предсѣдательница, что сотога нумера нѣтъ въ колесѣ, то можете стоять возлѣ него, куда китаецъ не будетъ выигранъ. Затѣмъ, обратясь къ бывшему у колеса ассистенту, прибавила: потрудитесь сказать мнѣ, когда сотый номеръ будетъ взятъ и кѣмъ именно.

Въ это время франтикъ успѣлъ нырнуть въ толпу, но имѣлъ неосторожность остаться ужинать.

Между тѣмъ лотерея продолжалась; въ колесѣ оставалось уже немного билетовъ, а сотый номеръ все еще не выходилъ. Предсѣдательница и члены комитета начинали беспокоиться. Наконецъ всѣ билеты были проданы, а китаецъ сидитъ себѣ да помахиваетъ головою, какъ-будто подтверждая, что его въ колесѣ дѣйствительно не было. Это окончательно взволновало хозяйку, хотя волноваться было напрасно, потому что многіе, взявъ билеты по порученію знакомыхъ, не ѣдущихъ на балъ,

передаютъ ихъ не развертывая, другіе же предоставляютъ это удовольствіе тѣмъ изъ своихъ дѣтей, на счастье которыхъ берутъ билеты, зная что выигрышъ можно получить и завтра. Сѣли за ужинъ. Въ срединѣ его одинъ изъ офицеровъ подводитъ къ предсѣдательницѣ чиновника Густова, объявляя что онъ предъявилъ сотый билетъ, чтобы получить китайца. Тогда она проситъ Густова дать ей руку и идетъ съ нимъ между столами. За однимъ изъ нихъ, въ обществѣ господъ интриговавшихъ противъ комитета, она находитъ франта, выразившаго сомнѣніе къ дѣйствіямъ распорядительницъ лотерей.

— Потрудитесь — говоритъ она выигравшему китайца, показать вашъ номеръ вотъ этому господину, такъ какъ онъ имѣлъ смѣлость сомнѣваться, что сотый билетъ въ колесѣ.

Сконфуженный франтъ привстаетъ, говоря заикаясь... mais je... mais... moi... madame...

— Оставьте ваше je и mais при себѣ и будьте впередъ осторожнѣе, заключила предсѣдательница.

Когда спросили Густова, почему онъ не предъявилъ своего билета ранѣе, то онъ разсказалъ, что жена его, взявъ нѣсколько билетовъ, и держа ихъ на ладони, пробиралась между танцующими къ знакомой дамѣ, чтобы при ней развернуть ихъ. Кто-то изъ вальсирующихъ подтолкнулъ ее подъ руку, билеты подскочили и разсыпались по полу. Изъ числа подобранныхъ одинъ что-то выигралъ. Получивъ вещь, супруги Густовы черезъ полчаса уѣхали домой, и тамъ, когда, жена раздѣваясь, растегнула корсажъ, изъ подъ него выпалъ неразвернутый лотерейный билетъ. Увидя, что это сотый номеръ и помня, что онъ принадлежитъ китайцу, г-жа Густова упросила мужа возвратиться въ собраніе и немедленно взять выигрышъ. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ разсѣять сомнѣнія неосторожнаго критика лотерей, надѣлавшій такую кутерьму китаецъ, заочно, провелъ часа два за дамскимъ корсажемъ.

Въ слѣдующемъ 1873 г. общаго лагернаго сбора дивизія не имѣла. Два же полка, именно Рязскій и Белевскій, были назначены для содержанія карауловъ, первый—въ Ярославлѣ, второй—въ Тулѣ. Четвертый полкъ оставался для той же цѣли въ Рязани, а затѣмъ въ Тамбовскомъ лагерѣ стоялъ только Рязанскій полкъ. Это дало мнѣ возможность пользоваться въ теченіи лѣта нѣкоторою свободою и провести съ семьей недѣли

четыре на датѣ, возлѣ первой отъ Тамбова желѣзнодорожной станціи, въ имѣніи Сабуровыхъ, Александровкѣ. Въ то время два моихъ сына усиленно готовились къ поступленію въ Пажескій корпусъ, кандидатами котораго они были уже 5-й годъ. Два года сряду я надѣялся, что они будутъ приняты, но всякій разъ получалъ увѣдомленіе, что до нихъ не дошла очередь. Странно было только то, что первый разъ мнѣ писали, будто они состоятъ 28 и 29 кандидатами, а черезъ годъ увѣдомили, что сдѣлались почему-то 40 и 41. Видя, что при такомъ непонятномъ отдаленіи отъ очереди, а не приближеніи къ ней, мальчики никогда не достигнутъ приѣма, я написалъ письмо къ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, прося его войти въ положеніе человѣка, послѣ 30 лѣтъ службы, неимѣющаго надежды, чтобы сыновья его, зачисленные въ пажи, поступили когда-либо въ комплектъ корпуса. На это послѣдоваль отвѣтъ, чтобы я привезъ дѣтей къ 10-му августа въ пансіонъ, существовавшій тогда при Николавскомъ кавалерійскомъ училищѣ, куда они, по выдержаніи экзамена, будутъ приняты на пажескія вакансіи, съ правомъ быть потомъ переведенными въ корпусъ. Я такъ и сдѣлалъ; и не смотря на то, что одному было всего 11 лѣтъ, а другому 13, оба такъ хорошо выдержали экзаменъ, что ихъ помѣстили въ 4-й классъ. Дня черезъ 4 послѣ этого, встрѣчаю я въ знакомомъ домѣ одного изъ самыхъ важныхъ лицъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, завѣдывавшаго кандидатскими списками и опредѣленіями въ корпусъ. Мы были старыми знакомыми и когда-то однополчанами. Но въ Петербургѣ старыя связи не долговѣчны, особенно въ глазахъ попадающихъ на высокія должности.

— Какого это вы привезли въ намъ феномена, спрашиваетъ онъ меня, что въ 11 лѣтъ выдерживаетъ экзаменъ въ 4-й классъ?

— Не феномена, говорю я, а того самаго мальчика, о которомъ два раза просилъ васъ, и вы два года подрядъ отказывали.

— Что же мнѣ было дѣлать, когда онъ не попадалъ въ очередь?

— Да онъ никогда и не могъ бы попасть, хотя бы ждалъ 20 лѣтъ, потому что первый разъ вы писали мнѣ, что онъ 29 кандидатъ, а черезъ годъ сдѣлался 41-мъ. Кто же мнѣ ру-

чается, что на третій годъ онъ не сдѣлался бы 60-мъ, а потомъ сотымъ?

— Могло и это случиться, потому что мы часто получаемъ приказаніе свыше—принять того или другаго не въ очередь, или перечислить въ экстренные кандидаты, которые становятся тогда старше.

Продолжать разговоръ, разъ что вводятъ въ него слово *свыше*, я считалъ бесполезнымъ, зная, что это любимая манера господъ желающихъ отдѣлаться. Они очень хорошо знаютъ, что никто не можетъ справиться о томъ, что приказывается *свыше*, а потому и сваливаютъ на подобное приказаніе, что хотятъ.

Вѣроятно, прекращеніе мною разговора было понято, потому что при прощаніи, тотъ же, ссылающійся на *свыше*, говоритъ мнѣ.

— А вы желали бы, чтобы ваши сыновья были теперь же переведены въ корпусъ?

— Станный вопросъ, отвѣчалъ я,—какъ же мнѣ не желать этого? Для мальчиковъ большая разница, попасть ли прямо въ заведеніе, гдѣ имъ предстоитъ окончить образованіе, или перейти въ него, когда на нихъ будутъ смотрѣть какъ на чужихъ, гдѣ они никого и ихъ никто не знаетъ.

— Въ такомъ случаѣ это можно сдѣлать. Я знаю, что одного изъ вызванныхъ къ поступленію не представили къ экзамену, значитъ одна вакансія есть, а другую мы какъ-нибудь найдемъ. Привозите сыновей послѣ завтра въ корпусъ, а я сегодня же напишу директору, чтобы ихъ приняли.

Я поблагодарилъ, думая про себя: не есть ли это доказательство, что когда захотятъ—все сдѣлаютъ, все возможно, а не захотятъ—всегда найдутъ чѣмъ отговориться или отписаться.

Черезъ два дня я сдалъ мальчиковъ въ корпусъ и въ тотъ же вечеръ поспѣшилъ уѣхать изъ Петербурга, гдѣ безпрестанно натыкаешься на непостижимыя перемѣны въ людяхъ. Съ инымъ былъ вмѣстѣ въ корпусѣ, съ другимъ служилъ въ полку, третьяго встрѣчалъ въ обществѣ милымъ, скромнымъ и обязательнымъ; затѣмъ проходитъ лѣтъ 15—20, пріѣзжаешь изъ провинціи и никого не узнаешь, особенно тѣхъ, кого судьба вознесла во вліятельные. Одинъ, съ тономъ протектора, едва

Изъ Прошлаго.

протягиваетъ два пальца, другой проходитъ мимо, притворяясь, что онъ не узнаетъ, или не видитъ васъ, а третій на вашу просьбу отвѣчаетъ: „Извините, я занятъ, приходите въ другой разъ“. Въ какія-нибудь 15 лѣтъ измѣнились люди, измѣнились вкусы, измѣнились обычаи. Кто отдавалъ честь—тотъ толкается, кто былъ вѣжливъ—тотъ задираетъ носъ, а всѣ вмѣстѣ прикидываются либералами, браня и рубя сплеча все прежнее.

Чтобы осмотрѣть полки, занимавшіе въ теченіи лѣта караулы въ губернскихъ городахъ, мнѣ пришлось съѣздить въ Ярославль и въ Тулу. Тогда мнѣ довелось быть впервые въ этихъ городахъ и они произвели на меня совершенно различное впечатлѣніе. Было ли тому причиною лѣтнее время, когда помѣщики разѣзжаются по деревнямъ, или уже такъ измѣнилась жизнь въ провинціи, но Ярославль казался какимъ-то мертвымъ городомъ. Даже на городскомъ бульварѣ и на набережной Волги, несмотря на прекрасный видъ другаго берега, было пусто. Только высокія ограды монастырей и древніе храмы стояли нѣмыми памятниками старины. Губернаторъ былъ тоже въ отъѣздѣ. Изъ полученнаго потомъ отъ него письма, я узналъ, что онъ сожалѣлъ, что не могъ лично засвидѣтельствовать мнѣ, о примѣрномъ поведеніи нижнихъ чиновъ Рязскаго полка и потому письменно просилъ выразить полку благодарность жителей Ярославля, за то спокойствіе, которое они испытывали во время лѣтней стоянки рязцевъ въ ихъ городѣ.

Тула показала совершенно иную. Постоянное движеніе къ желѣзной дорогѣ и дѣятельность на знаменитомъ оружейномъ заводѣ давали городу сильное оживленіе. Лагерь Бѣлевскаго полка былъ прекрасно расположенъ и устроенъ. Его офицеры успѣли сойтись съ мѣстнымъ обществомъ, были вездѣ радушно принимаемы. Данный ими при мнѣ вечеръ, въ офицерской столовой, былъ весьма многолюденъ и оживленъ. Управляющимъ заводомъ былъ тогда генералъ Нотбекъ, доставившій мнѣ возможность видѣть все оружейное производство въ полномъ ходу.

На обратномъ пути изъ Тулы, я остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ въ то время происходили Высочайшіе смотръ и маневры. Хотя я и былъ при этомъ постороннимъ зрителемъ, но меня не миновалъ фактъ, вновь подтверждаю-

щій какъ важно, когда старшій начальникъ ставитъ подчиненнаго въ весьма неловкое положеніе. По окончаніи маневра, уже садясь въ коляску, Государь, замѣтивъ меня стоящимъ возлѣ Гильденштуббе, изволилъ обратиться ко мнѣ съ словами:

— Ну, а что твои полки? Надѣюсь, что такіе же, какими я видѣлъ ихъ въ прошлое лѣто.

— Быть, самому себѣ судьею своего дѣла трудно—отвѣчалъ я; командуя войсками смотрѣлъ два полка, оставшіеся въ Рязани и Тамбовѣ.

— Вы смотрѣли ихъ? спрашиваетъ Государь, смотря на Гильденштуббе.

Тотъ, приложивъ руку въ каскѣ, низко кланяется... и больше ни слова.

Меня такъ и передернуло. Молчаніе могло быть принято за то, что было уже такъ плохо, что и говорить не стоитъ.

Вообще, покойный А. И. Гильденштуббе часто заставлялъ не понимать себя. Служа съ нимъ 5 лѣтъ, какъ съ полковымъ командиромъ и 8 лѣтъ—какъ съ командующимъ войсками, я-ли не могъ изучить его, а между тѣмъ онъ часто заставлялъ меня задавать себѣ вопросъ: Какихъ же онъ убѣжденій и взглядовъ? Сегодня онъ представитель прежнихъ порядковъ, поклонникъ стараго режима, а завтра поборникъ новыхъ вѣяній и реформаторъ. Говоря съ нимъ глазъ на глазъ, бывало не знаешь какъ отвѣчать ему, и чего онъ желаетъ? Однажды онъ спрашиваетъ, какого я мнѣнія о распоряженіи завести при полковыхъ штабахъ домашнія дисциплинарныя команды,—распоряженіи крайне не практичномъ, чтобы не сказать болѣе. Разговоръ происходилъ при начальникѣ штаба. Я смотрю на послѣдняго и отвѣчаю неопредѣленно, лишь бы отдѣлаться отъ вопроса. Старикъ слушаетъ улыбаясь и затѣмъ говоритъ:

— Посмотрите,—онъ, кажется, воображаетъ, что это мы выдумали эти команды.

Ясно, что онъ сознавалъ весь вредъ сведенія въ одно мѣсто всѣхъ негодяевъ полка, всю невозможность не только исправить ихъ, разъ что они вмѣстѣ, но и усмотрѣть за ними; но все-таки требовалъ, чтобы подобное распоряженіе было исполнено. Между тѣмъ, по своей опытности, по своему положенію

и званію, могъ бы отстранить его, и тѣмъ принести несомнѣнную пользу войскамъ и службѣ.

Съ наступленіемъ 1873 года начали появляться въ печати публичныя заявленія опасеній, на счетъ послѣдствій нѣкоторыхъ изъ преобразованій, совершенныхъ въ военномъ вѣдомствѣ въ предшествовавшее десятилѣтіе. Опасенія эти были болѣе или менѣе раздѣляемы людьми компетентными, опытными и занимавшими видныя должности въ военной администраціи. „На дняхъ я прочелъ—писалъ мнѣ одинъ изъ нихъ—приказъ о введеніи окружной системы и объ упраздненіи корпусовъ. Послѣднее большая ошибка. Не знаю какъ пойдетъ теперь хозяйственная часть войскъ, но строевому его образованію я внутренно пропѣлъ вѣчную память“. Газета „Русскій Міръ“ въ каждомъ своемъ номерѣ касалась какого нибудь нововведенія, резюмировала его и доказывала, что многимъ изъ упраздняемаго слѣдовало-бы дорожить. Направление этой газеты было исключительное. Она была единственною, рѣшившеюся смѣло говорить о военныхъ преобразованіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ. Частенько приходилось удивляться храбрости ея сотрудниковъ, видимо стоявшихъ близко къ тѣмъ вопросамъ, о которыхъ они трактовали. Впрочемъ слово „преобразование“ не вполне подходитъ къ тому, противъ чего ратовалъ „Русскій Міръ“ и что, хотя и робко, но все-таки осуждалось въ строевой средѣ. Тамъ не столько сѣтовали на новое, сколько скорбѣли о хорошемъ старомъ. И какъ было не скорбѣть, видя что строевымъ элементомъ жертвуютъ бюрократизму. Многіе осуждали и то, что представители строевой среды, т. е. старшіе фронтовые начальники, извѣстные своими знаніями и опытностію и завѣдомо несочувствовавшіе многому изъ вводимого, молча переносили ломку прежняго и не возражали противъ того, что не обѣщало никакой пользы, тогда какъ спрашивали ихъ мнѣній и заключеній. „Затѣмъ я стану возражать—писалъ мнѣ одинъ изъ таковыхъ,—когда убѣжденъ, что сдѣлается такъ, какъ имъ хочется и возраженіями только навлеку на себя гоненіе, а пользу не принесу“. Многіе изъ заслуженныхъ личностей того времени, видя какъ иное измѣненіе прежняго тревожило и волновало людей желавшихъ пользы, совѣтывали имъ не принимать всего близко къ сердцу. Это легко было совѣтовать, но исполнять трудно. Надо быть слиш-

комъ гибкимъ и слишкомъ владѣющимъ собою, чтобы равнодушно относиться къ тому, что идетъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями, укоренившимися съ молодыхъ лѣтъ. Вотъ почему тѣ изъ нововведеній, которыя, не внося ничего существеннаго, дѣлались только ради ломки прежняго, задѣвали за живое и казались болѣе вредными, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Это-то и порождало невольное осужденіе совершившагося и винить за это естественное побужденіе не слѣдовало, а между тѣмъ многіе потерпѣли за него, тогда какъ дѣлали это изъ любви къ службѣ и изъ преданности долгу.

Въ мартѣ мѣсяцѣ описываемаго года я ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать тамъ о перемѣщеніи одного изъ полковыхъ штабовъ изъ захолустья въ городъ, находящійся на желѣзной дорогѣ, гдѣ, за упраздненіемъ резервныхъ баталіоновъ, оставались свободныя казармы. Я засталъ въ военномъ обществѣ столицы большое оживленіе. Все толковали о какихъ-то совѣщаніяхъ и спорили чье возьметъ. Оказалось, что въ то время находились въ Петербургѣ всѣ командующіе войсками въ округахъ, созданные для обсужденія записки противъ окружной системы, поданной фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ. Совѣщанія эти были секретными, но все-таки многое изъ того, что происходило на нихъ, дѣлалось извѣстнымъ. Въ какой мѣрѣ ходъ борьбы интересовалъ тогда военное общество и какъ боялись за ея исходъ тѣ, которые на побѣдѣ новаторовъ основывали свои карьеры, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Когда я заявилъ мою просьбу о переводѣ полка изъ Лебедяни въ Козловъ, то лицо, которое вѣдало подобныя дѣла, сказала мнѣ: „Ахъ, оставьте пожалуйста! развѣ вы не знаете какіе теперь рѣшаются вопросы? У насъ голова кругомъ, а вы пристааете съ какимъ-то полковымъ штабомъ“.

— Вольно же вамъ имѣть такую голову, которая кругомъ ходитъ, — отвѣчалъ я, и обратился къ начальнику болѣе авторитетному, который и рѣшилъ вопросъ по моему желанію.

Близко знавшіе происходившее говорили мнѣ потомъ, что одно время шансы сторонниковъ окружной системы и связанныхъ съ нею преобразованій были очень слабы, и если-бы не опасенія, что съ перемѣною системы придется снова все пере-

дѣлывать, то очень можетъ быть, что она не устояла-бы. Въ подобной борьбѣ, какъ и всегда при столкновеніи партій, многіе явно обнаружили свою двуличность. Все это съ различными добавленіями и комментаріями передавалось въ общественные кружки города, дѣлалось злобою дня, и, какъ всякая неизвѣстность о томъ что будетъ, сильно волновало военныхъ. Но все кончилось тѣмъ, что въ виду наступленія Пасхи и ожидаемаго вслѣдъ за нею пріѣзда императора германскаго, совѣщанія вскорѣ были прекращены.

Ради пріѣзда маститаго гостя, въ Петербургъ были приведены всѣ три полка, которыхъ онъ былъ шефомъ, въ томъ числѣ и Прусскій полкъ, сданный мною 8 лѣтъ назадъ. Мнѣ было крайне жаль, что весеннія занятія и приготовления къ лагерю лишили меня возможности быть въ это время въ Петербургѣ, чтобы поблагодарить императора за рескриптъ, присланный мнѣ по сдачѣ полка, за 5-лѣтнее имъ командованіе.

Къ числу характеризующихъ провинціальную жизнь явлений слѣдуетъ отнести пріѣздъ, весною 1874 года, въ Тамбовѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Приготовленія къ этому событію начались за нѣсколько недѣль: чинили мостовыя, красили казенныя зданія, обмундировали полицію и конечно суетился больше всѣхъ полиціймейстеръ Адапъ, собиравшій и сообщавшій свѣдѣнія о томъ, какія у министра привычки, гдѣ и какъ встрѣчали и провожали его. Мѣстной администраціи хотѣлось, чтобы военные чины приняли участіе въ фетированіи многозначущаго для нея гостя, а между тѣмъ ея представитель, не желая показывать, что онъ лично озабоченъ предстоящею ре-визіею и придаетъ ей значеніе, подсылалъ Адапа узнавать, не думаютъ-ли я поставить почетный караулъ, буду-ли представлять военныхъ чиновъ, не выѣду-ли на встрѣчу министру по желѣзной дорогѣ и т. п. На всѣ эти, какъ-бы стороною задаваемые вопросы, я отвѣчалъ, что мы имѣемъ опредѣленные правила кому какія дѣлать встрѣчи и потому будетъ сдѣлано только то, что указано въ уставѣ.

Узнавъ въ которомъ часу состоится пріѣздъ, я приказалъ прибыть къ тому времени, въ губернаторскую квартиру, начальнику штаба и командиру квартировавшаго въ городѣ полка. Министръ вошелъ въ сопровожденіи губернатора, его лю-

бимаго чиновника особыхъ порученій и полиціймейстера. Увидя меня, онъ сказалъ, что радъ возобновить давнишнее знакомство, спросилъ довольны-ли войска мѣстными властями и удобно-ли расположены онѣ? Зная, что чтобы ни было сказано мною, все останется по старому и только возбудить бесплодную переписку, я отвѣчалъ, что мы народъ покладливый и особыхъ претензій не имѣемъ, а что касается помѣщеній, то просилъ-бы его высокопревосходительство посѣтить казармы. Обѣщавъ быть въ нихъ вечеромъ, министръ тутъ же весьма внушительно замѣтилъ, что Высочайшая воля и обоюдная польза требуетъ, чтобы мѣстныя власти города оказывали войскамъ содѣйствіе и поддерживали бы взаимное между жителями и постояльцами согласіе. Вѣроятно до него уже дошли слухи, что, при существовавшемъ составѣ мѣстныхъ администраторовъ, войскамъ поддерживать должныя отношенія весьма трудно. По возвращеніи домой, я нашелъ у себя приглашеніе на даваемый губернаторомъ обѣдъ. Къ этому очень памятнаму обѣду были приглашены: губернский и уѣздный предводители дворянства, предсѣдатель управы, предсѣдатели палатъ,—всего человѣкъ 20, между которыми былъ и полиціймейстеръ. Съ нимъ-то, вслѣдствіе распушенности и любви къ братьямъ Елисеѣвымъ, и произошелъ весьма курьезный эпизодъ. Въ серединѣ обѣда, не помню по какому поводу, зашелъ разговоръ сначала о направленіи молодежи, потомъ о сельскомъ хозяйствѣ, причемъ кто-то упомянулъ Петровскую земледѣльческую академію.

— Это заведеніе, сказалъ министръ, давно бы слѣдовало закрыть; что же касается молодежи, то въ ней, слава Богу, замѣчается перемѣна къ лучшему, именно съ тѣхъ поръ какъ мальчиковъ заставили учиться, введя классическое образованіе, и можно надѣяться...

Вдругъ полиціймейстеръ прерываетъ министра:

— Ну, нѣтъ, ваше высокопревосходительство, это классическое образованіе... Богъ съ нимъ...

Министръ, въ свою очередь, бросивъ взглядъ удивленія на храбраго полиціймейстера, желалъ продолжать и уже произносилъ:

— Можно надѣяться, что...

— Нѣтъ, позвольте-съ, перебиваетъ его снова блюститель порядка, проглотивъ для храбрости большую рюмку хереса,—

я вамъ сейчасъ докажу-сь. Напримѣръ здѣсь, прекраснаго мальчика исключили изъ гимназіи за какую-то латинскую басню.

Представьте тебѣ, читатель, весь эффектъ этой сцены! министръ оглядываетъ всѣхъ присутствующихъ, какъ-бы спрашивая—да что же это такое? Губернаторъ съ досады блѣднѣетъ, его чиновникъ—церемоніймейстеръ, стиснувъ зубы, пожимаетъ плечами, сосѣдъ горластаго полиціймейстера—толкаетъ его локтемъ, всѣ другіе, опустивъ глаза въ тарелки, такъ и замерли. Послѣ паузы министръ обращается ко мнѣ, сидѣвшему противъ него, съ слѣдующими словами:

„Вѣроятно, вашему превосходительству, впервые приходится быть свидѣтелемъ, чтобы мѣру, которую правительство рѣшилось ввести послѣ долгаго испытанія, чтобы систему, которой 200 лѣтъ слѣдуетъ вся Европа, рѣшился осуждать и критиковать—и кто же?—кто не имѣетъ о ней понятія и вообще едва ли что смыслить, не исключая даже общепринятыхъ приличій“. Эта тирада была начата *pianissimo*, потомъ шла *crescendo* и закончилась сильнымъ *forte*.

Все смолкло, всѣ притаили дыханіе.

Понятно, что послѣ этого было очень трудно возобновить разговоръ.

Только минутъ черезъ 5, у присутствовавшихъ началъ проходить испугъ, произведенный выходкою полиціймейстера, а виновникъ общаго смущенія, по окончаніи обѣда, какъ будто ничего не случилось, оставался въ залѣ, улыбаясь поглядывалъ на министра, до тѣхъ поръ, пока чиновникъ-распорядитель не убралъ его, подъ предлогомъ вызова по службѣ. Когда разносили кофе, въ залѣ образовались группы. Оба предводителя дворянства, губернскій воинскій начальникъ и я говорили съ министромъ. Послѣдній, увидя подошедшаго къ намъ губернатора, сказалъ ему:

— Однако, ваше превосходительство, вашъ полиціймейстеръ слишкомъ рѣчистъ.

— У него нѣсколько живой характеръ, а впрочемъ это чиновникъ...

— Чиновникъ—перебиваетъ министръ, который осмѣливается, при своемъ губернаторѣ и его министрѣ, осуждать дѣйствія высшаго правительства. Передайте ему, что если я не

велѣлъ ему выйти изъ-за стола, то единственно изъ уваженія къ обществу, въ которомъ находился.

Приведу кстати другой случай. Заболѣла у полиціймейстера рука, такъ что онъ не могъ быть въ соборѣ и на обычномъ послѣ молебствія съѣздѣ у губернатора, къ которому обыкновенно, въ торжественные дни, собирались представители различныхъ административныхъ учреждений. Среди общаго говора, начальникъ губерніи обращается къ присутствовавшимъ.

— Не знаетъ ли кто, господа, какъ здоровье нашего полиціймейстера?

Выступаетъ городской голова, толстый, бородатый купчина, и говоритъ:

— Да ничего особеннаго, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться. У нихъ ручка заболѣла, такъ *взять-то и не чѣмъ-сь*.

Послѣ обѣда мы поѣхали въ городскія казармы. Чтобы судить, какое онѣ сдѣлали впечатлѣніе, достаточно упомянуть, что, обойдя ихъ, министръ сказалъ:

— Въ такихъ казармахъ совѣстно было бы держать арестантовъ, а не то что солдатъ.

Лѣто 1874 года опять пришлось проводить въ лагерѣ подъ Москвою, на извѣстномъ Ходынскомъ полѣ, вмѣстѣ съ гренадерами, и опять командовать шести-полковою дивизіею, такъ какъ къ моей прикомандировали изъ 1-й полки Софійскій и Нарвскій. Этотъ годъ лагерь былъ крайне скученъ и однообразенъ. Чтобы избавить гренадеръ отъ повторявшихся неудачъ на маневрахъ, А. И. Гильденшуббе устроилъ такъ, что отдѣльныхъ смотровъ по дивизіямъ не было, а Государю, вмѣсто двѣхсторонняго маневра, было показано общее одностороннее ученіе. Сряду по отъѣздѣ Его Величества получено было распоряженіе, что насъ будетъ еще смотрѣть членъ военнаго совѣта, генераль-адъютантъ Кознаковъ. Оно было какъ-то странно, почти на другой день послѣ Царскаго смотра, представлять полки кому-либо другому. Инспектированіе это въ хозяйственномъ отношеніи еще могло имѣть основаніе, но строевая повѣрка какъ бы умаляла предшествовавшую оцѣнку. Хорошо, что все прошло удачно; но представьте, что инспектировавшій нашелъ бы по своему мнѣнію что-либо дурнымъ. Раз-

вѣ онъ могъ бы заявить объ этомъ, разъ что полки, почти наканунѣ, заслужили похвалу Государя? Подобное распоряженіе ставило и смотрящаго и осматриваемыхъ въ неловкое положеніе, а потому имъ приходилось исполнять одну формальность.

Никто не станетъ оспаривать пользу осмотра войскъ знающими строевое дѣло и опытными генералами, въ особенности если это дѣлается внезапно; но и тутъ надо сообразоваться съ временемъ и обстоятельствами.

Такъ какъ значительная часть моей строевой службы прошла подъ начальствомъ А. И. Гильденштуббе, то мнѣ слишкомъ часто приходится въ моихъ воспоминаніяхъ возвращаться къ этой, во многомъ почтенной личности. Прошу за это извиненія у моихъ читателей, предваряя, что и въ будущемъ мнѣ не разъ предстоитъ возвращаться къ тому же.

Однимъ изъ полковъ дивизіи командовалъ полковникъ П...., человекъ, отлично знавшій службу, рѣдкій хозяинъ и строевикъ. Полкъ его всегда былъ въ замѣчательномъ порядкѣ, но Гильденштуббе, съ давнихъ поръ, за что-то не любилъ его. Смотритъ онъ, однажды, бригаду; покуда 1-й полкъ въ линіи, за все и про все похваляемъ нѣтъ конца; но какъ только выходитъ впередъ полкъ П...., нисколько не уступавшій первому, пойдетъ, какъ говорится, всякое лыко въ строку. Видя, что придраться не къ чему, старикъ разсердится, на примѣръ, за то, что одинъ изъ батальонныхъ командировъ (замѣтимъ лучшій въ дивизіи) произноситъ команду не пробѣжавши за батальонъ, а пробѣжая за него.

— Что вы, полковникъ, — вспыхнулъ Гильденштуббе, привели вашъ полкъ сюда для того, чтобы я училъ вашихъ батальонныхъ командировъ? и пойдетъ все громче и круче. По окончаніи ученія, на которомъ больше никакихъ ошибокъ и не было, командующій войсками, отзывая меня въ сторону, говорить:

— Послушайте, отъ него надо взять полкъ.

Хотя это и было мнѣ въ высшей степени досадно, но, не желая объясняться при другихъ, молчу. Молчаніе мое было понято.

Отъѣзжая еще дальше, Гильденштуббе снова обращается ко мнѣ.

— Вы, кажется, не раздѣляете моего мнѣнія?

— Совершенно не раздѣляю, — отвѣчалъ я.

— Почему же это, позвольте узнать?

— Потому, что этотъ полковникъ одинъ изъ лучшихъ полковыхъ командировъ.

— Чѣмъ же вы это докажете?

— Тѣмъ, что, кромѣ примѣрнаго хозяйства и внутренняго порядка въ полку, онъ найдется при всякой неожиданности, и въ то время, когда рѣдкій бы не растерялся на его мѣстѣ и изъ пустяковъ довелъ бы дѣло до криминальнаго происшествія, онъ всегда распорядится какъ слѣдуетъ.

— Развѣ вы имѣли случай убѣдиться въ этомъ?

— Имѣлъ, и вотъ одинъ изъ нихъ. Во время похода въ Москву, одинъ изъ его ротныхъ командировъ приказалъ поставить подъ ружье трехъ молодыхъ солдатъ, за лѣность и невниманіе во фронтѣ. Въ ротѣ нашелся порочный солдатъ, обманомъ подговорившій пристроиться къ наказаннымъ всѣхъ новобранцевъ, а затѣмъ и всю роту. Приказанія разойтись рота не исполнила. Командиръ полка немедленно явился самъ и, безъ всякаго шума и угрозъ, приказалъ развести роту повзводно, отдѣлилъ молодыхъ солдатъ отъ старыхъ, а черезъ 5 минутъ подговаривавшій къ неповиновенію былъ узнавъ, арестованъ и преданъ суду. Въ тотъ же день всѣ унтеръ-офицеры и нѣкоторые изъ старыхъ солдатъ были переведены въ разныя роты полка, а на слѣдующемъ-же привалѣ, передъ цѣлымъ полкомъ, приведенъ былъ въ исполненіе и приговоръ суда. Я не докладывалъ вамъ объ этомъ, потому что происшествіе было разобрано безъ всякихъ слѣдователей и прокуроровъ, и покончено самимъ полковымъ командиромъ. Согласитесь, что будь на его мѣстѣ другой, — такъ этотъ случай былъ бы возведенъ въ бунтъ, чему было много примѣровъ, а тутъ преступленіе наказано, съ соблюденіемъ закона и все обошлось безъ огласки.

— Да, это дѣйствительно сдѣлано находчиво и разумно, — сказалъ Гильденштуббе, и сряду-же, на происходившемъ послѣ ученія церемоніальномъ маршѣ, усиленно расхваливалъ полкъ того, кого только-что находилъ нужнымъ смѣнить. Мало того, до происходившаго между нами разговора, онъ никогда не принималъ полковника П...., когда тотъ, дежуря по войскамъ,

являлся съ вечернимъ рапортомъ, а потомъ принималъ его постоянно, и однажды говорить мнѣ:

— Я на дняхъ довольно долго говорилъ съ вашимъ П... Оказывается, что онъ отлично знаетъ своихъ штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками.

— Я это давно знаю, отвѣчалъ я.

Въ августѣ мѣсяцѣ желаніе видѣться съ братомъ, осматривавшимъ части своего округа, заставило меня быть въ Воронежѣ. Происходившіе тамъ смотры интересовали меня потому, что давали возможность сравнить свои части съ чужими. Тамъ же я воспользовался случаемъ отдать визитъ инспектору классовъ Воронежской гимназіи, полковнику Мамичу, бывшему у меня по зимѣ въ Тамбовѣ. Онъ доставилъ мнѣ возможность видѣть и самую военную гимназію, что было кстати потому, что, по уничтоженіи кадетскихъ корпусовъ, я еще не видалъ ни одной изъ нихъ. Воспитаники въ это время были въ саду, но ихъ дортуары оказались въ неимоверномъ безпорядкѣ. Видя постели измятыми, мебель стоящую какъ попало, а книги и тетради разбросанными по столамъ и табуретамъ, я спросилъ Мамчича, что все это значитъ?

— Таковы нынѣ порядки, отвѣчалъ онъ, — воспитаникамъ, между классными занятіями, дозволяется теперь отдыхать, ложась на кровать, и вообще имъ предоставлена полная свобода въ камерахъ.

Видѣнное въ Воронежской гимназіи напомнило мнѣ рассказъ одного начальника военного училища, которому осматривающій заведеніе замѣтилъ, что у него *приторная чистота*. Впоследствии я убѣдился, что распушенность была общаю.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

1875 г.

Вторичное леченіе въ Карлсбадѣ. — Пензенскій купецъ на водахъ. — Извѣстіе о моршанскомъ пожарѣ. — Черезъ Кельнъ въ Парижъ. — Его рестораны, театры и магазины. — Домъ Инвалидовъ. — Возвращеніе. — Подробности и послѣдствія моршанскаго пожара. — Помощь погорѣльцамъ. — Интересный документъ исправника. — Поѣздка въ Москву. — Разговоръ съ министромъ. — Представленіе Государю. — Знакомство съ новымъ губернаторомъ. — Назначеніе въ Казань и потомъ въ Нижній-Новгородъ. — Прощанье съ Тамбовомъ.

Съ весны 1875 года давнишняя моя болѣзнь (грудная жаба) начала замѣтно усиливаться, что заставило меня ѣхать въ Москву совѣтоваться съ докторами. Какъ они, такъ особенно А. И. Гильденштуббе, настаивали, чтобы я отправился лѣтомъ за границу. На мое возраженіе о неимѣніи на это средствъ, послѣдній говорилъ: „Неужели вы думаете, что начальнику дивизіи, прослужившему болѣе тридцати лѣтъ, откажутъ въ вспоможеніи на леченіе? подавайте записку — я представлю“. Какъ я ему ни предсказывалъ неудачу, онъ все-таки сдѣлалъ представленіе, на которое послѣдовалъ отвѣтъ, что, за израсходованіемъ всей опредѣленной на подобныя надобности суммы, ходатайству не можетъ быть дано дальнѣйшаго хода. Несмотря на отказъ въ вспоможеніи на леченіе, докторъ отправилъ меня въ Карлсбадъ. Въ этотъ разъ я поѣхалъ одинъ, но прежнимъ путемъ, черезъ Варшаву, откуда заѣхалъ взглянуть на свой маіоратъ, находящійся между Кѣльцами и Радомомъ. Проѣзжая Кѣльцы, мнѣ любопытно было взглянуть, на построенныя мною 8 лѣтъ назадъ казармы. Онѣ оказались не требовавшими еще ни малѣйшаго ремонта. Выѣхавъ изъ маіората утромъ, въ 6 часовъ вечера я вѣзжалъ въ Краковъ. Австрійская таможня, вмѣсто всякаго осмотра, ограничилась

полученіемъ гульдена. Работы на возводимыхъ вокругъ города фортахъ были въ полномъ разгарѣ. Ближайшія къ нашей границѣ, вправо и влѣво отъ дороги, были громадны; всѣ они соединялись между собою особымъ шоссе, идущимъ вокругъ всего города.

Ночлегъ въ Краковѣ нѣсколько напомнилъ мнѣ Варшаву 1862 года. Въ гостинницѣ, на городскомъ бульварѣ, въ вокзалѣ желѣзной дороги, тѣ-же недоброжелательныя лица, сморѣвшія такъ, какъ будто онѣ уже знаютъ, что я русскій.

Переѣздъ отъ Кракова до Карлсбада потребовалъ ровно сутки. Отъ вокзала уже видна была перемѣна, совершившаяся за послѣдніе 5 лѣтъ. Дебаркадеръ, строившійся тогда въ полѣ, соединился съ городомъ, а вправо на высотахъ, гдѣ были тоже поля, видѣлись отели, окруженные садами. Въ этотъ разъ мнѣ удалось очень скоро отыскать себѣ хорошую квартиру, въ лучшей части города, именно на площадкѣ, гдѣ Salon Sahe, такъ, что, два раза въ недѣлю, я изъ своей квартиры слушалъ концерты, даваемые оркестромъ Лабицкаго на эстрадѣ, окруженной каштанами. Черезъ нѣсколько дней я замѣтилъ, что насколько разросся и украсился Карлсбадъ, на столько же измѣнилась его внутренняя жизнь. По горѣ, надъ военнымъ госпиталемъ, явилась новая улица, а надъ общественнымъ садомъ красовались великолѣпныя виллы. вмѣстѣ съ этимъ измѣнилась и почти исчезла прежняя патриархальность тихаго, спокойнаго Карлсбада. Пять лѣтъ назадъ на его улицахъ можно было, въ теченіи цѣлаго дня, встрѣтить, двѣ-три кареты дѣлавшихъ визиты докторовъ, — другой ѣзды, кромѣ ручныхъ колясочекъ, не было; теперь-же появились не только наемныя коляски, но множество собственныхъ экипажей. Въ гостинницахъ и ресторанахъ подавали не одно *gemässig* (невредящее), но все что угодно, и желающіе покутить оставались тамъ до утра; бывало, театръ кончался въ 8 часовъ и въ 10 весь городъ предавался Морфею, а теперь слушаютъ „Прекрасную Елену“ или „принцессу Герольштейнъ“ до 11 часовъ. Однимъ словомъ, скромный и мирный Карлсбадъ заравился соблазнами всякаго большого, моднаго города. Что въ немъ осталось еще неизмѣнившимся, это наплывъ жидовъ, съ ихъ тучными супругами. Русскихъ въ этотъ пріѣздъ было не особенно много, но за то между ними оказался очень ори-

гинальный сюжетъ, — купецъ изъ Пензы, почти ни слова не понимавшій по-нѣмецки. Онъ рассказывалъ о себѣ удивительныя вещи, начиная съ того, что 6-й годъ подъ рядъ пріѣзжаетъ въ Карлсбадъ, пьетъ самый сильный источникъ „Шпрудель“, и никогда не совѣтовался съ докторами. На мое по этому поводу удивленіе, онъ отвѣтилъ:

— Да за что я буду имъ деньги платить, когда и безъ нихъ можно. Вотъ ужъ 6-й годъ пью, и скажу вамъ-съ, большую пользу приносить. Изъ Пензы выѣдешь, едва пыхтишь, а попьешь Божьяго дара — полегчаетъ. Сюда ѣдешь — петли рвутся, а теперь посмотрите-ка — пола на полу заходитъ.

— И много вы пьете? спрашиваю я.

— Да, благодареніе Господу, нынѣшній годъ одолѣваю по 6 стаканчиковъ; ну, а прежде пивалъ съ осторожкою.

Шесть стакановъ Шпруделя! Выговорить страшно, а ему ни почемъ. Скучалъ онъ, бѣдный; являлся къ источнику въ 4 часа утра и выпивалъ послѣдній стаканъ, когда другіе только подходили къ первому. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ русскихъ любилъ подтрунивать надъ нимъ, когда онъ гулялъ съ нами, а это случалось довольно часто, потому что старикъ искалъ всякой возможности поговорить порусски.

— Какіе же вы повезете домой подарки? спрашиваетъ мой знакомый купца.

— Да надо бы что-нибудь захватить для дочекъ, отвѣчалъ онъ.

— Возьмите кружевъ, здѣсь есть отличныя.

— Нѣтъ-съ, батюшка, это намъ не подѣла, — я ужъ прицѣнился: за платишко, которымъ я носъ не прикрою, ломаю 60 гульденовъ. Отъ кружевъ у дочекъ, пожалуй, голова закружится; имъ бы гульденчика въ 3 — и то бы ладно.

Когда мы заходили втроемъ въ какой-либо ресторанъ, гдѣ обѣдъ стоилъ полтора или два гульдена, онъ никогда не садился съ нами.

— Почему вы не потребуеете себѣ прибора? спросишь его.

— Благодаримъ покорно-съ. Здѣсь, видите, какія цѣны; а у меня въ городѣ, на той сторонѣ рѣчки, есть кухмистерша, — тамъ посходнѣе-съ. Заплатишь крейцеровъ 50 и все равно, что здѣсь, тоже голодный встанешь.

Вскорѣ покойная моя жизнь на водахъ была нарушена не-

приятнымъ извѣстіемъ изъ Тамбова: начальникъ штаба телеграфировалъ о случившемся въ Моршанскѣ пожарѣ, истребившемъ все имущество Бѣлевскаго полка. Вслѣдъ за тѣмъ, я прочелъ въ „Голосѣ“ всѣ ужасы этого бѣдствія, со всевозможными инсинуаціями и клеветами на чиновъ полка, что сильно меня огорчало. Я предчувствовалъ, что ими воспользуются тѣ личности, которыя только и караулили какого-либо повода, чтобы взвести на дивизію и на меня, все, что угодно, лишь бы повредить мнѣ. Дальнѣйшіе факты вполне подтверждаютъ это. Но, чтобы быть послѣдовательнымъ, отложу ихъ описаніе до моего возвращенія и обращусь къ моему дальнѣйшему пребыванію за границею.

Пяти-недѣльное леченіе принесло мнѣ видимую пользу. То же самое было и при первой моей поѣздкѣ въ Карлсбадъ, а какъ возвратился домой къ прежнимъ занятіямъ и къ прежнему образу жизни, со всѣми ея заботами и съ неизбѣжными служебными столкновеніями, такъ все, сдѣланное водами и регулярною жизнію, быстро исчезло. Карлсбадскій докторъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать на морское купанье въ Трувиль, но, въ виду совершившагося въ Бѣлевскомъ полку, я спѣшилъ возвратиться, чтобы скорѣе узнать истину и не дать интригамъ и злобѣ очернить полкъ. Въмѣсто полутора мѣсяца, оставшагося до окончанія моего отпуска, я рѣшился остаться за границею только три недѣли, чтобы видѣть Рейнъ и побывать впервые въ Парижѣ.

Выѣхавъ 20-го іюня изъ Карлсбада, на другой день я былъ въ Франкфуртѣ, а на третій—утромъ, сѣвъ въ Майнцѣ на пароходъ, къ вечеру былъ въ Кельнѣ. Послѣ того, что 5 лѣтъ назадъ я видѣлъ въ Швейцаріи и Тиролѣ, берега Рейна не произвели на меня и десятой доли того впечатлѣнія, котораго я ожидалъ, судя по восторженнымъ описаніямъ путешественниковъ. Въ Кельнѣ я употребилъ цѣлый день на осмотръ тамошняго собора и новыхъ укрѣпленій, внутрь которыхъ меня не впускали, а потому пришлось ограничиться наружнымъ осмотромъ, и то большею частію издали. Оставивъ въ отелѣ лишній багажъ, я налегкѣ, со скорымъ поѣздомъ, пустился далѣе. Такъ какъ онъ выходилъ въ 10 часовъ вечера, то Ахенъ и другіе города мы проѣзжали ночью. Часа въ четыре утра, съ нѣкоторою досадою пришлось выходить изъ спаль-

наго вагона, со всѣми ручными пожитками, для ихъ осмотра на пограничной таможнѣ. Насъ ввели въ пустой, грязноватый залъ, гдѣ, кромѣ голыхъ скамеекъ и обитыхъ клеенкою столовъ, не было никакой мебели. Осмотръ вещей былъ одною проформою; тутъ-же намъ объявили, что до Парижа будутъ только минутныя остановки, а между тѣмъ въ буфетѣ не оказалось ничего кромѣ кофе. Его подали не въ чашкахъ, а разливали, уже подслащеннымъ и разбавленнымъ молокомъ, изъ огромной миски, по тарелкамъ. Въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось не пить, а хлебать кофе ложкою. Въ 10 часовъ утра поѣздъ остановился на дебаркадерѣ Сѣверной дороги.

И такъ я въ Парижѣ,—въ этомъ современномъ Вавилонѣ, про который каждый русскій, съ дѣтства, слышался всевозможныхъ чудесъ и восторговъ. Я велѣлъ фіакру вести меня на „улицу Мира“, въ отель „Британскіе острова“, которую мнѣ рекомендовалъ покойный мой сослуживецъ по Варшавѣ, Татищевъ, какъ очень тихую и носящую семейный характеръ, каковою она и оказалась.

Съ перваго-же дня моего пребыванія въ Парижѣ, я уже замѣтилъ, что онъ не то, чего я ожидалъ. Меня рѣшительно ничто не поражало и, кромѣ магазиновъ, я ни въ чемъ не видалъ ни блеска, ни элегантности. Такъ какъ „улица Мира“ съ одной стороны выходитъ на Вандомскую площадь, а другимъ концомъ упирается въ Avenue de l'Opera, то первымъ дѣломъ было взглянуть на то и другое. На Вандомской площади, представляющей четырехугольный ящикъ изъ громаднѣхъ домовъ средневѣковой архитектуры, я невольно подумалъ: неужели этотъ ящикъ лучше нашей Дворцовой площади? Зданіе Большой Оперы, видимое только съ одного фасада, дѣйствительно хорошо, но до того близко обстроено домами, что общаго оцѣнить невозможно. Знаменитый Тюллерійскій дворецъ въ то время носилъ еще на себѣ слѣды пожара; садъ его оставался запущеннымъ: ни одного цвѣтника, ни одной скамейки для отдыха.

Десять дней подрядъ, каждое утро, отъ 6 до 12 часовъ, было употребляемо мною на осмотръ лучшихъ пунктовъ Парижа, и повсюду я спрашивалъ себя: о чемъ-же такъ кричатъ и чѣмъ такъ восхищаются? Что дѣйствительно заслуживало удивленія, такъ это не зданія и виды, а утренній туалетъ города, кото-

рый отъ 5 до 7 часовъ утра чистится и моется, какъ какая-нибудь гостиная. Такъ по крайней мѣрѣ было на лучшихъ улицахъ. Огромные ящики, запряженные прекрасными першеронами, останавливались у каждаго дома; по звонку, женская прислуга выносить въ корзинкахъ весь соръ, за день накопившійся въ квартирахъ и кухняхъ, въ этотъ ящикъ. Въ то-же время открывались краны вѣдланыхъ въ стѣны трубъ и изъ нихъ спускались изъ всѣхъ этажей помой и грязная вода въ общую, идущую подъ тротуарами и мостовую, трубу. Когда ящики приближались къ концу улицы, въ различныхъ ея пунктахъ открывали водопроводные краны и вода текла по ней; между тѣмъ, съ противоположнаго конца появлялась на парѣ лошадей особая повозка, которая, имѣвшими позади раздвинутыми во всю ширину дороги лопастями изъ щетокъ, по мѣрѣ движенія, сгоняла воду въ ренштоки и люки, терла макадамъ, и такимъ образомъ мыла и тротуары и мостовую. Къ 8 часамъ все было сухо и чисто.

Все, что возможно видѣть въ 10 дней, было мною осмотрѣно: Лувръ, церкви, Палероаль, Люксембургъ, Ботаническій садъ, домъ Инвалидовъ и проч.

За исключеніемъ послѣдняго, ничто не возбуждало моего удивленія и на мой взглядъ не многими превосходило видѣнное въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Восхваляемый Jardin des plantes, не смотря на то, что послѣ войны прошло уже 4 года, былъ въ самомъ жалкомъ видѣ: деревья поломаны, дороги заросли, кромѣ остова двухъ китовъ, скелета слона, медвѣдя и нѣсколькихъ кроликовъ, ничего тамъ не было. Хозяйка моего отеля пресерьезно оправдывала это тѣмъ, что, во время осады, всѣхъ звѣрей поѣли Гамбета, съ Викторомъ Гюго и Жюль-Фавромъ. Вообще она почти со слезами рассказывала мнѣ объ упадкѣ Парижа и о прошломъ, цвѣтущемъ его состояніи при имперіи. Была-ли она права въ отношеніи послѣдняго—не знаю, но что въ 1875 году Парижъ ни чѣмъ не могъ блеснуть передъ иностранцемъ—это вѣрно!

Проводя всѣ дни на бульварахъ и лучшихъ улицахъ, я не встрѣтилъ ни одного экипажа, который бросился-бы мнѣ въ глаза, какъ попадаются они десятками на Невскомъ проспектѣ и по набережнымъ,—въ Берлинѣ „подъ Липами“, или въ „Пра-терѣ“ Вѣны. Лучшею закладкою оказалась пара орловскихъ

рысаковъ, обогнавшая меня въ Булонскомъ лѣсу. Это была коляска съ русской упряжью и бородатымъ, толстымъ кучеромъ на козлахъ, въ которой неслась кокотка богатаго московскаго купчика. Самъ Булонскій лѣсъ, о которомъ такъ кричать у насъ, ничѣмъ не лучше Царскосельскаго или Гатчинскаго парка. Можетъ быть, во время скачекъ, или въ извѣстные дни года онъ оживляется и украшается; но и наши парки, оживляются не менѣе; а того, что происходило въ былые годы въ Петергофѣ, 1 или 22 іюля, конечно не видали въ Парижѣ даже и при Наполеонахъ. Привыкши къ своему, при несчастной страсти восхвалять чужое, у насъ дивятся тому заграничному, что часто не стоитъ вниманія. Въ южной Италіи я не былъ, не видалъ Неаполя и Палермо, не знаю красоть Греціи и востока, но пусть мнѣ укажутъ въ европейскихъ столицахъ виды подобные тому, что представляетъ Нева, если стать на серединѣ Троицкаго моста, лицомъ къ заливу, или отъ биржи взглянуть на дворецъ и набережную; пусть найдутъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ, что либо подобное картинѣ съ Воробьевыхъ горъ на Москву. Любители восхвалять иностранное восхищаются фонтанами Версаля, тогда какъ они миниатюры Петергофскихъ.

Утомленный осмотромъ разныхъ зданій, галлерей и музеевъ, я проводилъ обѣденное время въ различныхъ кафе, ресторанахъ и отеляхъ, отыскивая восхваляемые нашими туристами чудеса кулинарнаго искусства. Я пробовалъ все, отъ обѣда въ 4 франка (diner de Paris), въ 2 франка (Boullion), до 12 франковыхъ (тогда 5 р. нашими деньгами),—въ Grand Hôtel, въ Луврѣ и въ Café d'Angleterre, и откровенно скажу, что нигдѣ нельзя пообѣдать такъ, какъ за 3 р. у Olivier, въ московскомъ Эрмитажѣ. Конечно, у насъ не поставятъ вамъ въ стоимость обѣда полубутылки вина и не подадутъ абрикосовъ, но это вино стоитъ тамъ франкъ, а абрикосы—тоже, что у насъ огурцы въ іюлѣ. И такъ, и въ отношеніи ѣды я не нашелъ въ Парижѣ ничего особеннаго.

Обращаюсь теперь къ удовольствіямъ, т. е. преимущественно къ театрамъ, потому что всѣми этими bal mabile и café chantant могутъ восхищаться только юноши, въ родѣ гимназистовъ и купеческихъ сынковъ, или пресыщенные старички. Мнѣ говорили, что лѣтомъ половина театровъ закрыта

и что многие артисты въ отсутствіи, однако я былъ въ Большой оперѣ, въ Théâtre français, въ Палероялѣ, въ Gymnase и въ Водевиль; видѣлъ Брессона, Краузетъ, слышалъ Жюдикъ, первую пѣвицу Решко и лучшаго тенора оперы, и скажу вотъ что: въ общемъ французы играютъ гораздо лучше нашихъ; ихъ опера, безъ всякаго сравненія, хуже нашей итальянской, обстановка превосходитъ петербургскую только въ фееріяхъ (напримѣръ въ Chatte blanche я видѣлъ всѣ декорации изъ хрусталя и стекла). Но все, чѣмъ парижскіе театры превосходятъ наши, уничтожается ихъ неудобнымъ устройствомъ и нелѣпыми обычаями. Даже въ Большой оперѣ и въ Comédie française, заплативши 12 и 9 франковъ въ 4-мъ и 8-мъ ряду, вы жметесь на узенькомъ стулѣ, съ подъемнымъ сидѣньемъ, которое обязаны приподнимать для каждаго проходящаго мимо васъ. Въ прочихъ театрахъ къ вамъ всякую минуту пристаётъ женщина, замѣняющая капельдинера, съ предложеніемъ: то скамьи подъ ноги, то бинокля, то афиши, или цвѣтка въ бутоньерку. Попробуйте отказать,—она непременно заворчитъ и обратитъ на васъ вниманіе сосѣдей. Въ антрактахъ вы оглушены криками врывающихся во всѣ входы разнощиковъ: одинъ кричитъ—газеты, другой—мороженое, третій—лимонадъ, четвертый—пирожки и такимъ образомъ партеръ превращается въ толкучку. Если вы уйдете изъ этого хаоса въ фойе, или на подъѣздъ выкурить папироску (другаго мѣста для этого не полагается), то по возвращеніи вамъ предстоитъ новое испытаніе, пройти на свое мѣсто. То же самое дѣлается даже въ Большой оперѣ, несмотря на ея мраморныя лѣстницы, золоченныя двери и зеркальныя стѣны въ фойе. Крайне оригинальнымъ показался мнѣ въ оперѣ способъ пропуска зрителей. Войдя въ сѣни, вы поражены ихъ великолѣпіемъ и обширностью. Прямо противъ входныхъ дверей передъ вами возвышенная ниша, въ которой, на громадныхъ стульяхъ, засѣдаютъ въ рядъ три господина во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; швейцаръ знакомъ руки показываетъ, что вы должны подойти къ нимъ и предъявить вашъ билетъ. Одинъ изъ господъ поддержитъ его, посмотритъ и, отдавая, указываетъ на другую нишу, гдѣ тоже засѣдаютъ трое, но уже съ болѣе внушительнымъ видомъ, люди солидные. Тамъ опять повертятъ вашъ билетъ и кивкомъ головы укажутъ на тяжелую

бархатную портьеру, къ которой вы и направляетесь, думая: „если такъ обставленъ входъ, то что же за удобства и чудеса я испытаю и увижу далѣе“? Но вотъ стоящій у портьеры, весь въ галунахъ, лакей пропускаетъ васъ и въ двухъ шагахъ передъ вами стѣна, а вправо узенькая лѣсенка въ 6—7 ступеней. Поднявшись по ней въ прекрасный по отдѣлкѣ зрительный залъ, вамъ невозможно пробраться до вашего ряда, такъ какъ впереди нѣсколько рядовъ скамеекъ, на которыхъ сидитъ публика. Вы должны просить того, кто передъ вами, встать, затѣмъ дѣлаете шагъ впередъ и встрѣчаете то же препятствіе; опять просите и проходите, когда сидѣнье откинуто въ бокъ. Такимъ образомъ вы пробираетесь на свое мѣсто, а между тѣмъ всякій, кого вы потревожили, невольно проворчитъ сквозь зубы что-либо на вашъ счетъ.

Что дѣйствительно поражаетъ въ Парижѣ,—это обиліе и великолѣпіе магазиновъ и ихъ администрація. Лувръ, Bon Marché, Le Blanc — все это магазины, занимающіе цѣлые кварталы. Чтобы судить, каковъ въ нихъ дневной оборотъ, достаточно сказать, что, напримѣръ, въ Луврѣ содержится 10 громадныхъ фургоновъ-каретъ, прекрасной закладки, для развоза по городу, раза три въ день, того, что куплено въ магазинѣ.

Изъ всего мною осмотрѣннаго, самое лучшее впечатлѣніе произвелъ на меня Домъ Инвалидовъ, въ которомъ болѣе всего поражаетъ самый строгій порядокъ и видимое уваженіе къ старымъ строевымъ традиціямъ. Я видѣлъ тамъ представителей трехъ поколѣній: старика, лѣтъ 95, бывшаго съ Наполеономъ въ Москвѣ, его сына, лишившагося ноги въ Алжирѣ, и 12-лѣтняго внука, обучаемого тутъ же, вмѣстѣ съ другими сыновьями инвалидовъ, барабанной наукѣ. Когда протрубили къ обѣду,—и старые и малые построились по наружной галлерей внутренняго двора; они исполняли команду дежурнаго, шли въ величайшемъ порядкѣ, въ рядахъ и въ ногу, несмотря на то, что болѣшая часть ихъ были ветераны. Столь серьезное отношеніе къ строю и уваженіе къ нему, со стороны людей преклонной старости, казалось чѣмъ-то удивительнымъ, указывало, какимъ духомъ были проникнуты войска прежнихъ поколѣній. Можно вообразить, какъ имъ тяжело смотрѣть на современную изнѣженность и распущен-

ность нынѣшняго солдата. Нѣтъ сомнѣнія, что гуманное начальство настоящаго времени охотно дозволило бы этимъ старикамъ всякое облегченіе и отступленіе отъ педанческаго исполненія внутренняго порядка, еслибы только замѣтило, что они тяготятся имъ. Но изъ разговора съ однимъ изъ инвалидовъ я узналъ, что они какъ бы гордятся и дорожатъ тѣмъ, что еще могутъ исполнять хотя ничтожныя служебныя требованія, и всякая переменѣна въ новомъ духѣ, вводимая въ ихъ среду, огорчила бы ихъ. Внутреннее устройство Дома Инвалидовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Тамъ не упущено ничего, что можетъ напоминать ветеранамъ ихъ славное прошлое. Въ залахъ и дортуарахъ множество портретовъ маршаловъ и генераловъ, съ которыми они служили; вся галлерей внутри двора представляетъ въ фрескахъ сплошной рядъ громадныхъ картинъ военнаго содержанія, начиная отъ временъ Людовика I, до послѣднихъ битвъ въ Алжирѣ и подъ Севастополемъ. Въ этихъ фрескахъ вся военная исторія Франціи.

Чтобы покончить съ Парижемъ, упомяну о случаѣ, ясно указывающемъ, до какой исправности доведено тамъ телеграфное вѣдомство, и какъ оно внимательно къ публикѣ. 29-го іюня, по случаю именинъ, я получилъ нѣсколько телеграммъ изъ Россіи. Нѣкоторые изъ знакомыхъ, не зная, что я измѣнилъ намѣреніе быть на морскомъ купаньи, адресовали свои депеши въ Трувилъ. Я не давалъ знать туда, что нахожусь въ Парижѣ, не относился ни на почту, ни въ полицію, о пересылкѣ чего-либо изъ Трувиля, а между тѣмъ три направленные туда телеграммы были, того же 29-го іюня, переданы въ Парижъ и принесены въ мой номеръ. Какимъ образомъ телеграфная служба Трувиля узнала гдѣ я, и отыскала мой адресъ, это остается загадкой.

Обратный путь въ Россію я предпринималъ черезъ Кельнъ на Берлинъ, Варшаву, Брестъ и Москву. По возвращеніи въ Тамбовъ, первымъ дѣломъ было узнать о подробностяхъ моршанскаго пожара, собрать свѣдѣнія о происшедшемъ въ Бѣлевскомъ полку, и затѣмъ осмотрѣть его. Пожаръ этотъ представлялъ нѣчто ужасное, не поддающееся никакому описанію. Довольно большой городъ, съ многими каменными

постройками, расположенный по берегу значительной рѣки, исчезъ въ теченіи какихъ нибудь 3-хъ часовъ. Пламя, показавшееся въ одной изъ пригородныхъ слободъ, разомъ охватило нѣсколько улицъ. Очевидцы рассказывали, что горѣло все: церкви, ограды, дома, заборы, мостики, сады, тумбы,—*земля горѣла*, говорилъ мнѣ одинъ изъ старожиловъ. Пламя охватывало такъ быстро, что въ воздухѣ образовался какъ-бы огненный вихрь, захватывавшій дыханіе, такъ что многіе падали и ползкомъ искали спасенія. Былъ примѣръ, что цѣлое семейство, бросившееся въ садъ, сгорѣло, или вѣрнѣе, задохлось подъ собственной яблонею. Силою урагана относило за рѣку и въ поле загорѣвшіеся строипла и головни. Офицеръ, бѣжавшій черезъ соборную площадь, былъ сбитъ съ ногъ и опаленъ раскаленнымъ листомъ кровельнаго желѣза. Спасти что-либо оказалось не мыслимымъ, такъ какъ все выносимое изъ домовъ на площади, улицы и даже въ сады, тамъ-же загоралось. Полкъ потерялъ все свое имущество: обозъ, цейхгаузъ, склады неприкосновеннаго запаса, лазаретъ, мастерскія, казарменные дома,—все погибло. Многое погибло и отъ недостатка распорядительности, а еще болѣе отъ того, что полковой командиръ растерялся болѣе всѣхъ. Знамена, хранившіяся въ его квартирѣ, были спасены благодаря находчивости ординарца: схвативъ всѣ три знамени и видя, что все кругомъ охвачено пламенемъ, онъ бросился къ мосту черезъ рѣку и отнесъ знамена въ находящуюся на другомъ берегу рощу. Казенный денежный ящикъ уцѣлѣлъ только потому, что завѣдывающій полковымъ хозяйствомъ приказалъ затопить его въ рѣкѣ. Лазаретъ полка находится на высокомъ берегу Цны. Изъ него успѣли вынести всѣ вещи, не исключая кроватей, сложили ихъ у самой воды, но и это не спасло,—все сгорѣло до-тла.

Исправлявшій во время поѣздки моей за границу мою должность, генералъ Жуковъ, по полученіи перваго извѣстія о пожарѣ, поѣхалъ въ Моршанскъ, куда отправился и начальникъ губерніи. Послѣднему сильно не понравилось заявленіе полиціеймейстера о томъ, что чины полка дѣлали все, чтобы помочь жителямъ, хотя и не успѣли въ этомъ, такъ какъ никакія человѣческія силы не могли бы ничего сдѣлать противъ разсвирѣпѣвшей стихіи. Мѣстныя мелкія власти, изъ желанія уго-

доть, доводили до свѣдѣнія своего начальства всякую ходящую по городу сплетню, пущенную противъ полка, а между отрепьями городского населенія нашлись личности, дѣлавшія самыя нелѣпыя заявленія. Узнавъ, что въ слѣдственной комисіи слушаютъ кого угодно, въ нее являлись праздношатающіеся, заявлявшіе одинъ—что онъ видѣлъ, какъ солдаты тащили изъ лавокъ всякія сласти, другой — что онъ видѣлъ солдатъ, бѣжавшихъ по улицѣ съ подушками; нашелся и такой свидѣтель, изъ спившихся мѣщанъ, не разъ бывшій подъ судомъ, который показалъ, будто у одного изъ офицеровъ изъ-подъ пальто торчалъ кусокъ шелковой матеріи. Всѣ подобныя инсинуаціи подхватывались корреспондентами газетъ, сообщались, какъ неопровержимые факты, и прикрашивались ими на разныя манеры. Выходило такъ, что мѣстная администрація, вмѣсто того, чтобы заняться раскрытіемъ причины пожара и помощью погорѣльцамъ, заботилась о собраніи уликъ противъ чиновъ полка и ихъ разслѣдованіемъ. Оффиціальныя защитники военныхъ, полиціймейстеръ, которому ближе чѣмъ кому-либо могло быть извѣстно поведение солдатъ, былъ немедленно отрѣшенъ губернаторомъ отъ должности, а на его мѣсто назначенъ чиновникъ особыхъ порученій, употребившій всѣ средства для поддержанія взводимыхъ на полкъ выдумокъ. Между тѣмъ, ни со стороны домовладѣльцевъ, ни со стороны полиціи не было подано ни одной оффиціальной жалобы. Это еще болѣе сердило того, кто желалъ этихъ жалобъ. Въ угоду ему, юные дѣятели прокуратуры съ рвеніемъ принялись за разслѣдованіе слуховъ и сплетенъ; но, какъ ни старались, не могли отыскать ни одного виновнаго.

По прибытіи къ полку, я засталъ его въ лагерѣ, на зарѣчной сторонѣ города, и нашелъ офицерское общество до крайности взволнованнымъ, а полковаго командира сконфуженнымъ. Офицеры заявили, что во время пожара никто не только не получалъ отъ него никакихъ приказаній, но и не видалъ его. Болѣе всего оскорбило общество то, что, по требованію слѣдователя, полковой командиръ допустилъ очную ставку офицеровъ съ тѣмъ мѣщаниномъ, который заявлялъ о шелковой матеріи, съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ, у кого видѣлъ ее, и, конечно, указать не могъ. Послѣ этого вполне было понятно то раздраженіе, въ которомъ я засталъ общество. Надо было,

прежде всего, успокоить его и затѣмъ принять мѣры для прекращенія разбора взводимыхъ на полкъ произвольныхъ обвиненій. Какъ только я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы командиръ полка безъ депутата отъ штаба дивизіи не высылалъ ни одного челоука для допроса, всякая переписка о дѣйствіяхъ полковыхъ чиновъ прекратилась. Между тѣмъ, въ письмѣ командующему войсками я подробно изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и просилъ, для убѣжденія въ невинности полка, прислать въ Моршанскъ довѣренное отъ него лицо. Для этого былъ немедленно командированъ помощникъ начальника штаба, генералъ Корево, который и убѣдился, что все взводимое на полкъ ни что иное, какъ интрига и личности.

Бѣдствія, порожденныя моршанскимъ пожаромъ, дошли до свѣдѣнія Императрицы Маріи Александровны. Генералъ-адъютантъ Баумгартенъ писалъ женѣ моей, какъ предсѣдательницѣ тамбовскаго дамскаго комитета общества „Краснаго Креста“, что Ея Величество повелѣла оказать помощь погорѣльцамъ и взять на попеченіе комитета получившихъ ожоги и увѣчья. Вслѣдствіе этого, была немедленно командирована въ Моршанскъ М. Ф. Шилова, съ крупною суммою денегъ, для распредѣленія ихъ между нуждающимися. Свѣдѣнія о нихъ были собраны чрезъ предводителя и городского голову, а выдача пособій происходила въ присутствіи гласнаго думы и чиновника полиціи. Вслѣдъ за тѣмъ туда же были отправлены двѣ сестры милосердія, съ перевязочными средствами и нѣсколькими тюками бѣлья и платья, собранными, какъ пожертвованія, дамами комитета. Сестры разыскивали увѣчныхъ на ихъ пенелищахъ, ежедневно обходили ихъ, дѣлали необходимыя перевязки, покупали для нихъ лекарства, ухаживали за наиболѣе пострадавшими. Но этимъ не кончилась помощь погорѣльцамъ со стороны дамскаго комитета. Его предсѣдательница разослала болѣе 500 писемъ ко всѣмъ губернаторамъ, епархіальнымъ архіереямъ, во всѣ полки округа, въ банкирскія конторы и ко всѣмъ извѣстнымъ своею благотворительностью лицамъ, съ просьбою о посильной помощи оставшимся безъ крова и имущества моршанцамъ. Результатъ этой мѣры былъ поразительный. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ поступило въ комитетъ, сколько помнится, болѣе 8 тысячъ рублей. Особенно щедро отозвалось военное сословіе Московскаго округа,

а въ немъ самыя крупныя пожертвованія были сдѣланы мѣстными войсками и моею дивизіею, за что мнѣ и было объявлено благоволеніе Ея Величества.

Присланныя въ пользу погорѣльцевъ деньги утвердили меня въ мнѣніи, что у насъ всѣ слои общества всегда готовы къ пожертвованіямъ, если только видятъ, что ихъ взносы идутъ на опредѣленную имъ мѣстную и для всѣхъ видимую цѣль, а не въ общую кассу того главнаго учрежденія, отъ котораго зависить дать пожертвованію хотя и благотворительное, но произвольное назначеніе. По поводу этого я нѣсколько разъ писалъ бывшему предсѣдателю А. К. Баумгартену, что напрасно главное управленіе требуетъ къ себѣ всѣ суммы, собираемыя въ провинціи, и что было бы гораздо полезнѣе оставлять ихъ при мѣстныхъ органахъ общества; буде же это считается неудобнымъ, то все-таки было бы лучше, если бы главное управленіе имѣло эти суммы на особомъ счету, по губерніямъ, ежегодно публикуя, сколько въ какой комитетъ поступило пожертвованій. И въ дѣлѣ благотворенія соревнованіе—великій двигатель. Говорю это на основаніи слышаннаго мною отъ самихъ жертвователей. Они говорили:

— Я далъ бы вдвое, если бы зналъ, что мои деньги пойдутъ на раненыхъ солдатъ, уроженцевъ нашей губерніи. Или:

— Мы готовы бы были записаться въ члены, если бы были увѣрены, что наши взносы будутъ употреблены для больныхъ и раненыхъ здѣшной дивизіи. Или:

— Для своего полка (т. е. для полка, стоящаго въ уѣздѣ) крестьяне съ радостью пожертвовали бы, а то для чего они будутъ жертвовать на чужихъ, а свои, быть можетъ, останутся безъ помощи.

Я убѣжденъ, что и во время войны собиралось бы гораздо болѣе пожертвованій, если бы жертвователи знали, что ихъ лепты пойдутъ въ пользу той части, которая стояла у нихъ, съ которою они свыклись и сроднились, гдѣ служатъ ихъ родные и знакомые. Это подтверждается и учрежденіемъ при тамбовскомъ комитетѣ общины сестеръ милосердія. Сначала пожертвованія шли, вообще, довольно туго; всегда надо было особенное стараніе и умѣнье склонить къ нему, а какъ только сдѣлано было предложеніе жертвовать въ пользу учреждаемой на мѣстѣ общины сестеръ милосердія,—отказа не было, и, ме-

нѣе чѣмъ въ полгода, собрано было столько, что явилась возможность открыть общину, не тратя ни копѣйки изъ общихъ суммъ комитета.

Въ концѣ августа описываемаго года я собрался въ Москву, гдѣ предстоялъ Высочайшій смотръ собраннымъ на Ходынскомъ лагерѣ войскамъ. Передъ самымъ отходомъ поѣзда изъ Тамбова, является на станцію начальникъ штаба дивизіи и докладываетъ, что командиръ Бѣлевскаго полка препроводилъ ко мнѣ отзывъ къ нему новаго моршанскаго полиціймейстера (изъ губернаторскихъ чиновниковъ). Пробѣгаю бумагу и не вѣрю своимъ глазамъ. Вотъ содержаніе этого курьезнаго и многообъясняющаго документа:

„Командиру 71 пѣхотнаго Бѣлевскаго полка.

„Дошло до моего свѣдѣнія, что на сихъ дняхъ въ лагерь вѣреннаго вамъ полка пріѣзжали: начальникъ дивизіи и помощникъ начальника штаба Московскаго округа, о чемъ вы не сообщили мнѣ. Примѣняясь къ статьѣ (такой-то) Свода Законовъ, о *безпаспортныхъ и бѣглыхъ*, прошу о всѣхъ прибывающихъ въ полкъ доводить до свѣдѣнія полиціи“. Подписалъ за полиціймейстера—такой-то.

Вѣроятно, со времени существованія въ Россіи полиціймейстеровъ, не было примѣра подобной дерзости со стороны чиновника, обязаннаго закономъ знать о пріѣздѣ и являться всякому генералу, пріѣзжающему въ городъ по дѣламъ службы.

Спрашивается, чѣмъ былъ вызванъ подобный поступокъ и какое побужденіе руководило вовсе неглупымъ человѣкомъ, чтобы сдѣлать такую выходку? Не ясно ли, что онъ хотѣлъ угодить этимъ своему патрону и заслужить его благодарность, дѣйствуя въ его духѣ. Не имѣя возможности отвѣчать на полученную бумагу изъ вокзала, я приказалъ препроводить ея копію губернатору и написать ему отъ моего имени, что прошу принять мѣры, чтобы его чиновники не смѣли писать полковымъ командирамъ дерзкихъ бумагъ.

По прибытіи въ Москву, я немедленно поѣхалъ въ лагерь явиться командующему войсками, жившему по близости дворца, на дачѣ; но онъ въ это время обѣдалъ у Государя, и потому я зашелъ ждать его возвращенія въ баракъ начальника штаба. А. И. Гильденштуббе черезъ полчаса заѣхалъ туда-же;

увидя меня, онъ нѣсколько удивился, и прямо началъ разговоръ о моршанскомъ пожарѣ.

— Государь весьма серьезно смотритъ на это происшествіе. Онъ, видимо, не доволенъ поведеніемъ Бѣлевскаго полка, а потому я совѣтывалъ бы вамъ не представляться и вообще не быть на смотре, чтобы не попадать на глаза, покуда не пройдетъ впечатлѣніе этого грустнаго событія.

— Я болѣе для того и пріѣхалъ—отвѣчалъ я,—чтобы разъяснить дѣло и снять съ полка тѣ клеветы, которыя взведены на него. Наконецъ, позвольте сказать, что для меня легче получить выговоръ, хотя я, какъ бывший въ отпуску, ничѣмъ не виноватъ, нежели уѣхать не представляясь, и затѣмъ цѣлый годъ знать, что Государь недоволенъ мною. Полагаю, что Его Величество позволить мнѣ объяснить нѣкоторые обстоятельства, ясно указывающія, что мнимая виновность полка умышленно раздута съ предвзятою цѣлью.

— Какія же вы приведете данныя, продолжалъ Гильденштуббе, для доказательства, что извѣстное Государю несправедливо?

— Лучшимъ доказательствомъ того, что мѣстныя гражданскія власти, не имѣя къ чему придратъ, сами вызываютъ столкновенія, можетъ служить полученная мною вчера бумага. Я могу привести ее слово въ слово, и не угодно-ли послѣ того рѣшить, возможно-ли жить въ ладу съ подобными личностями и можно-ли вѣрить тому, что пишется по ихъ наущенію.

Когда я передалъ содержаніе отзыва моршанскаго полиціе-мейстера, Гильденштуббе довольно долго, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на меня, и затѣмъ говорить:

— Позвольте! Я не понимаю; пожалуйста повторите еще разъ.

Я повторилъ, а онъ снова задумался. Въ это время начальникъ штаба спрашиваетъ, со мною-ли эта бумага? Я отвѣчалъ, что оставилъ ее въ Тамбовѣ.

— Какая досада,—продолжалъ онъ; теперь было бы такъ кстати показать ее военному министру; пусть бы онъ видѣлъ, до чего доходятъ дерзости въ отношеніи военныхъ.

— Если угодно—замѣтилъ я,—можно сегодня же телеграфировать, чтобы бумагу выслали съ нарочнымъ, и завтра къ обѣду она будетъ здѣсь.

— Пожалуйста телеграфируйте—добавилъ начальникъ штаба—и пришлите немедленно ко мнѣ. Подобныя вещи спускать невозможно, иначе у насъ дойдетъ до того, что становые будутъ писать выговоры генераламъ.

На слѣдующій день, въ 9 часовъ утра, я представлялся Государю въ Петровскомъ дворцѣ, передъ выѣздомъ его на смотръ. Зная, что можетъ зайти рѣчь о Бѣлевскомъ полкѣ, я считалъ необходимымъ, прежде представленія, видѣть военнаго министра, для чего прибылъ во дворецъ къ 8 часамъ. Министръ принялъ меня и, съ первыхъ же словъ разговоръ перешелъ на тему о моршанскомъ пожарѣ.

— Скажите, говоритъ онъ, какимъ образомъ вы оставляете полковника С..... до сихъ поръ во главѣ полка, послѣ того, что происходило въ Моршанскѣ?

— Съ моей стороны я сдѣлалъ все, что считалъ своимъ долгомъ; я подробно написалъ о положеніи полка командующему войсками, а остальное не въ моей власти, такъ какъ отчисленія и назначенія отъ меня не зависятъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите отъ меня Александру Ивановичу, что я жду его представленія. Такихъ господъ, какъ С....., нельзя оставлять командирами.

— Но позвольте вамъ сказать, что въ газетныхъ толкахъ нѣтъ и сотой доли правды о Бѣлевскомъ полкѣ. Все это умышленно раздута, и я имѣю въ рукахъ доказательство, какъ мѣстная администрація относится къ военной средѣ и какъ она третируетъ ее начальниковъ.

Затѣмъ я рассказалъ какъ собирались противъ полка обвиненія и свидѣтели; какъ слѣдователь допрашивалъ солдатъ и дѣлалъ очную ставку цѣлаго общества офицеровъ съ пьяницей-мѣщаниномъ, а наконецъ передалъ и содержаніе отзыва полиціе-мейстера, примѣнившаго начальника дивизіи и помощника начальника окружнаго штаба къ безпаспортнымъ и бѣглымъ.

Министръ улыбнулся. „Нѣтъ—говоритъ онъ—вы вѣрно не такъ поняли; тамъ вѣроятно другія выраженія; не думаю, чтобы въ бумагѣ были именно эти слова“.

— Могу васъ увѣрить—продолжалъ я, что передаю ей текстъ слово въ слово. Впрочемъ, этотъ отзывъ будетъ сегодня

привезенъ изъ Тамбова, а вечеромъ представленъ вашему высокопревосходительству.

— Интересно будетъ взглянуть. Вы вѣроятно представляетесь Государю,—такъ вамъ пора: онъ сейчасъ уѣзжаетъ на ученье.

Видя, что въ сѣняхъ дворца собираются лица свиты и у дверей ждетъ линейный казакъ съ шинелью Государя, я не пошелъ наверхъ, а остался внизу, противъ ведущей изъ внутреннихъ залъ лѣстницы. Черезъ 2—3 минуты Его Величество спускается и, увидя меня, еще не дойдя до нижней ступени, съ милостивымъ взглядомъ говоритъ мнѣ:

— А, здравствуй! Затѣмъ, подойдя и давая руку, спрашиваетъ: ну, что у тебя дѣлается?

— Кромѣ Бѣлевскаго полка—отвѣчалъ я—въ прочихъ все благополучно.

— То-то, кромѣ Бѣлевскаго полка! Я очень, очень недоволенъ имъ. Развѣ можно было распустить полкъ до того, чтобы онъ во время пожара не только не помогъ жителямъ, но далъ-бы сгорѣть всему казенному имуществу?

— Смѣю доложить Вашему Величеству, что, разобравъ дѣло на мѣстѣ, я могу ручаться, что все, о чемъ писали въ газетахъ, выдуманно, и что какъ офицеры, такъ и нижніе чины ни въ чемъ не виноваты.

— А полковой командиръ, который допустилъ, что у него все сгорѣло, кромѣ собственнаго его имущества, тоже ни въ чемъ не виноватъ?

— Вполнѣ оправдывать его я не смѣю; но считаю долгомъ доложить, что полковникъ С.... восемь лѣтъ командуетъ полкомъ и всегда представлялъ его въ хорошемъ состояніи. Что же касается его имущества, то оно не сгорѣло только потому, что, по случаю передѣлки въ квартирѣ, было убрано въ сарай, который случайно остался цѣлъ. Вся вина полковника въ томъ, что, когда надо было моментально распорядиться, онъ совершенно растерялся.

— Что же это за командиръ, который теряется во время пожара? Хорошъ онъ будетъ въ бою! Что же сдѣлано, чтобы скорѣе пополнить сгорѣвшее? вѣдь полкъ остался безъ обоза и безъ всего?

— Сгорѣло все, кромѣ знаменъ и денежнаго ящика. Я былъ

заграницею; но еще ранѣ моего возвращенія отправлены требованія на снабженіе полка всѣмъ необходимымъ.

— Я знаю, что тебя не было; а что же смотрѣлъ заступившій твое мѣсто? Все это происходитъ отъ того, что бригадные командиры относятся къ своимъ полкамъ не такъ, какъ слѣдуетъ, а я хочу, чтобы они были не номинальными, а дѣйствительными начальниками полковыхъ командировъ. Во всякомъ случаѣ, хлопочи, чтобы все было скорѣе приведено въ порядокъ. Никто не знаетъ, что будетъ весною.

Оказалось, что желая представиться, я былъ вполнѣ правъ. Государь не только не гнѣвался на меня, но въ этотъ же день, послѣ ученья, два раза милостиво обращался ко мнѣ, спрашивая, видѣлъ-ли я заграницею иностранныя войска, и былъ-ли въ Эмсѣ, во время пребыванія тамъ бывшаго моего шефа, Императора Вильгельма.

На слѣдующій день были маневры 35-й дивизіи противъ гренадеръ, на которыхъ я былъ назначенъ посредникомъ. Въ 8 часовъ, пасмурнаго утра, начальство и свита ожидали Государя на шоссе, за Всесвятскимъ. Туда же пріѣхалъ и военный министръ, уже получившій курьезный полиціймейстерскій отзывъ. Онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующей фразой:

— Ну, извините меня, я долженъ откровенно сознаться, что вчера усумнился въ вашихъ словахъ. Да и не мудрено:—даже Государь, которому я только что докладывалъ отзывъ храбраго полиціймейстера, не вдругъ повѣрилъ такой храбрости.

Результатомъ всей этой продѣлки было увольненіе изъ службы многосемейнаго чиновника, потерявшаго мѣсто изъ-за желанія дѣйствовать въ духѣ своего начальника.

Бывши въ началѣ наступившаго 1876 года въ Петербургѣ, на выходѣ во дворцѣ, я познакомился съ вновь назначеннымъ губернаторомъ. Черезъ нѣсколько дней, въ тотъ самый часъ, какъ я готовъ былъ ѣхать на желѣзную дорогу, чтобы возвратиться домой, онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ. Вновь назначенный былъ человекъ военный и къ тому-же очень богатый, а потому всѣ надѣялись, что, послѣ 10-ти-лѣтняго чиновничьяго рутинерства, наступаетъ новая эра, и что открытый домъ губернатора оживитъ общество. Считаю, что новый губернаторъ уже былъ у меня въ Петербургѣ, по его прибытіи въ Тамбовъ,

я поѣхалъ къ нему первымъ. На половинѣ пути мы встрѣтились. Остановивъ сани, онъ объявилъ, что только заѣдетъ къ архіерею и сейчасъ-же будетъ у меня, а я сказалъ, что ѣду къ нему, но дабы онъ засталъ меня, немедленно возвращаюсь и буду ждать его; забрасывать карточку на его квартиру я уже не поѣхалъ. Въмѣсто немедленного пріѣзда, губернаторъ прибылъ ко мнѣ въ 5 часовъ, когда я обѣдалъ, и были уже сумерки. Болѣе получаса мы проговорили вполнѣ дружески, при чемъ я старался ознакомить его съ моимъ взглядомъ на отношенія, которыя должны существовать между представителями военного и гражданского общества; старался доказать, что намъ слѣдуетъ соблюдать взаимные интересы и жить дружно, потому что служимъ одному и тому-же Государю. Увы! все это ни къ чему не послужило, и опять судьба столкнула меня съ человѣкомъ самаго страннаго взгляда на наши отношенія.

На слѣдующее утро новому начальнику губерніи представлялись чины всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учреждений. Хотя офицеры дивизионнаго штаба, по закону, и не обязаны-бы были являться гражданскому начальнику, но, желая соблюсти военную вѣжливость, я приказалъ начальнику штаба и старшимъ адъютантамъ быть у губернатора. По окончаніи общаго пріема, послѣдній, въ рѣзкой формѣ высказалъ начальнику моего штаба свое неудовольствіе на то, что я наканунѣ не отвѣтилъ на его визитъ. Это было немедленно мнѣ передано, и крайне удивило меня. Чтобы съ перваго шага не становиться въ непріятныя отношенія и вмѣстѣ дать человѣку понять, если онъ самъ не понималъ, что по ночамъ визитовъ не дѣлаютъ и напомнить о вчерашней встрѣчѣ, изъ которой онъ могъ знать о моемъ къ нему визитѣ, слѣдовательно и претендовать не имѣлъ ни малѣйшаго повода, я поѣхалъ къ нему. При первыхъ-же словахъ, распѣтушившійся нѣсколько сконфузился, не зная что говорить, но потомъ казалось понялъ, что сдѣлалъ безтактность, и всячески старался измѣнить разговоръ. Не понравилось мнѣ еще то, что, когда я пріѣхалъ, то губернаторъ, бывъ въ сюртукѣ, бросился изъ кабинета въ уборную, и возвратился оттуда въ мундирѣ. Что за китайщина и къ чему былъ сдѣланъ этотъ фарсъ чинопочитанія, когда впослѣдствіи выяснилось, что онъ и послѣ моего пріѣзда жаловался, что я

не отдалъ ему визита. Изъ изложеннаго видно, отвѣчала-ли эта жалоба истинѣ. Нужно, впрочемъ, сказать, что потомъ онъ всячески старался поправить дѣло и съ каждымъ днемъ дѣлался со мною любезнѣе. Ничего не зная о посланной въ Петербургъ жалобѣ, я съ своей стороны отвѣчалъ тѣмъ-же; мы познакомились домами, и отношенія наши были самыя пріятныя.

Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ на это пустое дѣло взглянули серьезно и рѣшили разлучить меня съ обидчивымъ губернаторомъ. Въ половинѣ марта, пробѣгая „Инвалидъ“, я прочелъ въ немъ, что назначаюсь начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, въ Казань, а на мое мѣсто переведенъ изъ Казани генералъ Набеля. Не столько перемѣна дивизіи и предстоящій переѣздъ огорчили меня, какъ то, что это было сдѣлано безъ всякой справки, безъ запроса и объясненій. Даже мой ближайшій начальникъ, генералъ Гильденштруббе писалъ мнѣ, что онъ крайне удивленъ и ничего не знаетъ о причинѣ перевода. Что же касается виновника всей этой исторіи, то онъ не зналъ, какъ смотрѣть мнѣ въ глаза, старался изысканнымъ вниманіемъ загладить сдѣланное, и, когда, по случаю внезапной смерти Набеля, дивизія сдѣлалась снова вакантною, то спрашивалъ меня, нельзя ли какъ-нибудь устроить, чтобы я вновь принялъ ее и остался въ Тамбовѣ? Я отвѣтилъ ему: „Пусть объ этомъ хлопочетъ тотъ, кто виноватъ въ моемъ переводѣ, я же не скажу ни слова“.

Странныя бывають личности между губернаторами: иной, вотъ какъ напримѣръ и тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ сущности человѣкъ хорошій, но непремѣнно воображаетъ, что всѣ ему манкируютъ и что представители военного сословія желаютъ первенствовать передъ нимъ, тогда какъ никто объ этомъ и не думаетъ. Разъ что, по существующимъ правиламъ объ отношеніяхъ между гражданскими и военными начальниками, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старшинство чиновъ въ расчетъ не принимается,—кому охота заводить столкновенія изъ-за того, кому быть впереди въ соборѣ, или первому подходить къ кресту? Презабавно смотрѣть, когда видишь, что человѣкъ, занимающій серьезный постъ, такъ и караулитъ, чтобы кто не сталъ выше его. Казалось бы, что отданіе во всѣхъ случаяхъ первенства тому, кто старше въ чинѣ, устранило-бы

всѣ эти мелочности. Если же строго соблюдать существующія правила, то выходитъ нѣчто странное. Напримѣръ: въ соборѣ губернаторъ—полковникъ или статскій совѣтникъ—выше стараго генералъ-лейтенанта, а выйдя изъ собора къ церковному параду, командующій дивизією, генералъ-маіоръ, первенствуетъ передъ губернаторомъ—генералъ-лейтенантомъ.

Въ концѣ апрѣля я началъ готовиться къ переѣзду въ Казань, для чего списался съ начальникомъ штаба 2-й дивизіи. Но въ это самое время въ Московскомъ округѣ открылась вакансія 3-й дивизіи—въ Нижнемъ-Новгородѣ. А. И. Гильденштуббе, желая удержать меня у себя, немедленно сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня въ Нижній, что вскорѣ и состоялось. Такимъ образомъ, два раза я былъ назначаемъ начальникомъ 2-й дивизіи, и ни разу не принималъ ее.

Остальные дни мая мѣсяца были послѣдними днями моего пребыванія въ Тамбовѣ. Хотя я лѣтомъ два раза и пріѣзжалъ въ него, но только для того, чтобы навѣстить, а потомъ перевезти семью въ новое мѣсто моего служенія. Нигдѣ еще, въ теченіи 25-ти лѣтней, скитальческой, армейской жизни, не доводилось мнѣ оставаться такъ долго какъ въ Тамбовѣ. Хотя тамъ, какъ видно изъ сказаннаго, и случались непріятныя столкновенія, но въ общемъ, 8 лѣтъ проведенныя въ этомъ городѣ, воспоминаются съ удовольствіемъ. Много въ немъ сдѣлано связей, много оставлено привязанностей и друзей, разставаться съ которыми было не легко. Но особенно тяжела мнѣ была разлука съ полками дивизіи, въ которую было вложено немало труда и заботъ. Тамъ всѣ знали меня и я всѣхъ. Всѣ мои требованія были усвоены, все шло стройно, по укоренившемуся порядку, и я надѣялся, что самъ воспользуюсь плодами моихъ трудовъ, когда придется вести дивизію въ дѣло: но судьба опредѣлила иначе. Ровно черезъ годъ пришлось вести въ бой полки иные, но все-таки мною снаряженные и подготовленные.

Воспользовавшись временнымъ моимъ пребываніемъ въ Тамбовѣ городское общество, сослуживцы и друзья дали мнѣ прощальные обѣды. Обѣдъ отъ города былъ вполне официальнымъ: на немъ присутствовали представители различныхъ учреждений, съ губернаторомъ во главѣ. Двѣ личности изъ числа игравшихъ служебныя роли К... и Н..., радовавшіеся всякому про-

исходившему между военными и гражданскими властями столкновенію, старались на этомъ обѣдѣ казаться мнѣ сочувствующими. Противно было видѣть, когда они подходили чокаться бокалами и выражать свое сожалѣніе, что расстаются со мною. Одинъ началъ-было рѣчь о томъ, что теряетъ общество съ отъѣздомъ моего семейства, но я поспѣшилъ прервать слова Гуды благодарностью.

Обѣдъ, данный сослуживцами, былъ совсѣмъ иного характера. Къ нему съѣхались изъ Рязани, Козлова и Усмани полковые командиры и большая часть штабъ-офицеровъ дивизіи. Каждого изъ нихъ я зналъ въ теченіи многихъ лѣтъ, и многіе мною же были выдвинуты на занимаемые ими должности. Скажу не хвастаясь, что въ теченіи многолѣтней службы, мнѣ рѣдко приходилось ошибаться въ служебныхъ достоинствахъ моихъ подчиненныхъ. Большею частью тѣ, кого я отличалъ, оказывались достойными повышеній и, до послѣднихъ дней нашего взаимнаго служенія, были мнѣ помощниками. Назову тѣхъ изъ штабъ-офицеровъ дивизіи, имена которыхъ, съ чувствомъ уваженія и благодарности, навсегда сохраню въ своей памяти. Таковыми были: въ 1-мъ полку Стояновъ и Рейнгардъ, во 2-мъ—Акинфіевъ и Ракитинъ, въ 3-мъ—Коростылевскій, Ретунскій и Охтерлоне и въ 4-мъ—Миліусъ и Гординскій.

Такъ какъ дамы тамбовскаго общества не могли принимать участія въ официальномъ чествованіи отъ города, то онѣ дали отдѣльный обѣдъ женѣ моей, на который рѣшили не приглашать ни одного мужчины, кромѣ меня. Подъ впечатлѣніемъ предстоявшей разлуки, вначалѣ всѣ были приунывши, но по мѣрѣ рѣчей и тостовъ оказалось, что на прекрасный полъ шампанское дѣйствуетъ такъ же, какъ и на мужчинъ. Его представительницы постепенно развеселялись, такъ что послѣ обѣда дошло дѣло до танцевъ. Полькированіе и вальсъ молодыхъ произвели заразителное дѣйствіе на старушекъ. Анна Ивановна Казнакова и г-жа Комсина, годы которыхъ, взятые вмѣстѣ, далеко превосходили столѣтіе, не выдержали, велѣли музыкѣ играть „русскую“ и пустились плавно, помахивая платочками.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

страниц.

- ГЛАВА I (1830—1834).** Вступленіе. — Бунтъ военныхъ поселеній. — Поѣздка въ Петербургъ. — Въ Михайловскомъ дворцѣ. — Опредѣленіе въ корпусъ. — Начало кадетскихъ воспоминаній. — Торжественное открытіе Новгородскаго кадетскаго корпуса. — Графъ Аракчеевъ. — Великій князь Михаилъ Павловичъ. 1
- ГЛАВА II (1834—1842).** Первые дни корпусной жизни. — Офицеры и учителя и характеристика нѣкоторыхъ. — Кадетскія развлеченія. — Первый смотръ В. Кн. Михаила Павловича. — Переводъ изъ корпуса въ Дворянскій полкъ. — Командиръ его генераль Пушинъ. — Его характеристика и система управленія. — Преобразование Дворянскаго полка. — Я. И. Ростовцевъ. — Значеніе для кадетъ Петергофскаго лагеря. — Присяга выпускныхъ прежде и теперь. — Прощанье Михаила Павловича съ отправляемыми на службу. — Его наставленіе для образованія кадетъ. 32
- ГЛАВА III (1842—1853).** Производство въ офицеры. — Представленіе на службу. — Разводы и ученія того времени. — Генераль Арбузовъ. — Липранди, какъ командиръ полка. — Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ зачисляется въ нашъ полкъ. — Начаянный выстрѣлъ — Счастье спасаетъ отъ несчастія. — Походъ 1849 г. въ Литву — Проѣздъ Государя Наслѣдника и Вел. Кн. Михаила Павловича. — Пожалованіе новыхъ знаменъ. — На юбилей коронаванія въ Москвѣ. — Эпизодъ въ Петергофѣ 58
- ГЛАВА IV (1854—1857).** Первый литературный трудъ. — Описаніе событія 1820 года. — Лѣто 1854 года въ Петергофѣ. — Англо-французскій флотъ у Кронштадта. — Походъ въ Литву. — Бѣдствіе отъ тифа. — Иавѣстіе о кончинѣ Императора Николая I. — Новые лица и новые взгляды. — Развитіе стрѣлковаго дѣла. — Учебныя карабинерныя полки. — Упраздненіе кантонистскихъ заведеній. — Сформированіе гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. — Въ Москвѣ на коронаціи. — Командованіе графа А. С. Строгонова. — Причины его отставки. — Переходъ на службу въ армію. 90

ГЛАВА V (1857—1860). Первое знакомство съ армейскою службою.— Какъ прежде сдавали и принимали части.—Проездъ черезъ Гродно.—Принятіе баталіона.—Его общество.—Г. Волко- выскъ.—Рѣдкій еврей.—Чего тогда желали въ Литвѣ.—Смо- тры начальства.—Оригинальный корпусный командиръ.— Православное духовенство въ Литвѣ.—Новое назначеніе.— Сдача баталіона.—Мой преемникъ.—Проездъ въ с. Мед- вѣдъ.—Солдаты-дворяне.—Новый начальникъ.—Красносель- скіе лагеря.—Эпизодъ на маневрахъ.—Поѣздки въ Петер- бургъ.—Разговоръ съ министромъ.—Частная и обществен- ная жизнь въ мѣстѣ стоянки.	124
ГЛАВА VI (1860—1862). Какъ составляютъ служебныя репутаціи.— Назначеніе полковымъ командиромъ.—Балъ въ Псковѣ.— Нѣчто о ремонтѣ зданій. Комитетское управленіе полка- ми.—Пріемъ полка.—Переѣздъ въ Нарву.—Разговоръ съ дежурнымъ генераломъ.—Первый годъ командованія.—От- стаиваніе полковыхъ интересовъ.—Перемѣщеніе въ Вар- шаву.—Сборы къ нему.—Смотръ и завтракъ въ Гатчинѣ.— Знаменательныя слова Государя.—Переѣздъ по желѣзной дорогѣ.—Вступленіе въ Варшаву.—Обзоръ событій въ Польшѣ въ 1860 и 1861 годахъ.—Подробности безпоряд- ковъ.—Управленіе графовъ Ламберта и Лидерса.—Смерть ген. Герштенцвейга.—Маркизь Велепольскій.—Покушеніе на жизнь Вел. Кн. Константина Николаевича.	158
ГЛАВА VII (1862—1863) Первые дни въ Варшавѣ.—Пріемъ част- ныхъ приставовъ.—Осмотръ полковыхъ помѣщеній Вели- кимъ княземъ.—Спускъ лодки.—Мѣры предосторожности.— Рауты въ замкѣ.—Полиція того времени.—Рекрутскій на- боръ въ городѣ и въ губерніяхъ.—Начало вооруженнаго возстанія.—Тревога въ Кѣльцахъ.—Генераль Ченгеры.— Ночное нападеніе въ Бодзентинѣ.—Плѣнъ русскаго офи- цера у Лангевича.—Освобожденіе.—Экспедиція полковника барона Корфа.—Тайна его самоубійства.—Фальшивыя тре- воги въ Варшавѣ.—Весеннія экспедиціи и плѣнныя.—Нача- ло преобразованій въ арміи.—Пріѣзжіе изъ Петербурга.— Новый способъ инспектированія.—Графъ Бергъ—помощ- никъ главнокомандующаго.—Эпизодъ изъ его жизни.	193
ГЛАВА VIII (1863). Командировка въ Берлинъ.—Представленіе королю.—Визиты.—Празднества и закладка памятника.— Обѣдъ въ замкѣ.—Новый шефъ.—Осмотръ казармъ.—На придворномъ концертѣ.—Смотръ полку Александра I.—Рѣ- чи на обѣдѣ.—Находчивость русскаго солдата.—Парадъ кавалеріи.—Интимный вечеръ у принца Фридриха-Карла.— Обѣдъ у фельдмаршала Врангеля.—О рѣчи Императора Николая своему полку.—Поѣздка въ Шпандау.—Въ стрѣл-	

ковой школѣ.—Въ ложѣ короля. Поѣздка въ Потсдамъ.— Русская колонія и церковь.—Выѣздъ изъ Берлина.	240
ГЛАВА IX (1863) Усиленіе войскъ въ Варшавѣ.—Обозная рефор- ма.—Праздники на чужбинѣ.—Лѣтнія экспедиціи.—Жан- дармъ-вѣшатель.—Хорошо задуманное—дурно исполнено.— Дѣло въ лѣсу, у деревни Шуги.—Солдаты герой и фана- тикъ.—Полковой праздникъ.—Командировка на маневры въ Пруссію.—Проводы Великаго князя изъ Берлина.—Па- радъ 3-го корпуса.—Описаніе маневренной жизни.—Визитъ короля.—Возвращеніе въ Варшаву.	272
ГЛАВА X (1863—1865) Предложеніе новыхъ назначеній.—Противо- дѣйствіе террору.—Мѣры новаго оберъ-полиціймейстера.— Генераль-говорунъ.—Возрожденіе общественной жизни.— Почему гвардейскій отрядъ остался въ Варшавѣ.—Пута- ница изъ за назначеній.—Поѣздка въ Петербургъ.—Паны дерутся, а у хлоповъ чумы болятъ.—Нѣсколько словъ о графѣ Бергѣ.—Таинственное убійство	303
ГЛАВА XI (1865—1866) Двойственность обязанностей.—Предвари- тельная поѣздка въ Радомъ.—Пріемъ гражданскихъ вла- стей.—Сдача полка.—Прощальный балъ и рѣчи.—Проводы и переѣздъ въ Радомъ.—День начальника отдѣла.—Мѣст- ное общество.—Первый объѣздъ отдѣла.—Переписка съ ге- нераль-полиціймейстеромъ.—Одинъ изъ моихъ предмѣстни- ковъ и его взгляды.—Переходъ войскъ къ кадровому со- ставу.—Ликвидация полковыхъ хозяйствъ.—Новыя губер- ніи.—О Николаевскомъ пріютѣ солдатскихъ дѣтей въ Вар- шавѣ.—Пожалованіе маіората.—Австро-прусская война.— Объѣздъ границы.—Ойцовская пещера.—Постройка казармъ въ Кѣльцахъ.—Ихъ освидѣтельствованіе.—Командованіе сводною дивизіею.—Смотръ Государя.—Прежніе резервные баталіоны.—Переводы старослужащихъ.	327
ГЛАВА XII (1866—1868) Упраздненіе военныхъ отдѣловъ.—Объ офи- церскихъ обществахъ того времени.—По поводу обмунди- ровальныхъ мастерскихъ.—Записка о переводахъ.—Совѣ- щаніе у генерала Рамзая.—Поѣздка въ Петербургъ.— Представленія тамъ.—Въ зимнемъ дворцѣ.—Желаніе воз- вратиться въ Россію.—Новое назначеніе.—Приготовленіе къ отъѣзду.—На перепутьи въ Варшавѣ.—Представленіе Го- сударю.—Неосновательныя слухи.—Проездъ черезъ Москву и Козловъ до Тамбова	372
ГЛАВА XIII (1868—1870) Пріѣздъ въ Тамбовъ.—Новыя лица и власти.—Члены общества.—Общественная жизнь и клубы.— Примѣры превратностей.—Театры въ провинціи.—Объѣздъ полковыхъ штабовъ.—Оригинальная командирша.—Земскія дороги.—Устройство новаго лагеря.—Служебная и семей- ная потери.—Мой тестъ П. П. Чайковскій.—Поѣздка въ	

Петербургъ.—Среди снѣжныхъ заносовъ.—Постройка желѣзной дороги.—Еще объ общественной жизни въ Тамбовѣ. 396

ГЛАВА XIV (1870—1871) Поѣздка за границу.—Лечение въ Карлсбадѣ.—Разговоръ генерала съ священникомъ.—Вѣсти о разрывѣ Германіи съ Франціей.—Визитъ къ Мольтке.—Австрійскіе офицеры на балѣ.—Споры о томъ, кто побѣдитъ.—Поѣздка въ Швейцарію.—Черезъ Симплонъ въ Миланъ и Венецію.—Возвращеніе черезъ Вѣну.—Русскій купецъ о Седанской катастрофѣ.—Холера 1871 года въ Тамбовѣ.—Ея свирѣпость.—Корреспондентъ „Голоса“.—Освященіе знаменъ въ Рязани.—Преосвященный Алексѣй.—Смотръ во время эпидеміи.—Заведеніе въ полкахъ инвентарей и послѣдствія этой мѣры.—Приготовленія къ походу въ Московскій лагерь. 423

ГЛАВА XV (1872) Походъ въ московскій лагерь.—Неожиданный сюрпризъ.—Военная желѣзная дорога.—Интересная депеша.—Политехническая выставка.—Первый парадъ.—Приготовленія къ смотрамъ.—Ученье 6-ти полковой дивизіи.—Отзывъ о немъ Государя.—Случай на смотровой стрѣльбѣ.—Маневры и ихъ результатъ.—Слова Его Величества на плацу.—Передъ обѣдомъ у генералъ-губернатора.—Отѣздъ Государя.—Конечъ вѣнчается дѣло. 448

ГЛАВА XVI (1872—1874). Тамбовскій дамскій комитетъ Общества Краснаго Креста.—Помощь самарцамъ и герцеговинцамъ.—Литературные вечера и спектакли.—Балы съ лоттерейми.—Эпизодъ съ китайцемъ. Оппозиція нововведеніямъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Опредѣленіе сыновей.—Въ Ярославль и Туль.—Пріѣздъ въ Тамбовъ министра.—Храбрый полиціймейстеръ.—Лагерь 1874 г.—Смотръ послѣ смотра.—Заступа за подчиненнаго.—Поѣздка въ Воронежъ. 472

ГЛАВА XVII (1875) Вторичное леченіе въ Карлсбадѣ.—Пензенскій купецъ на водахъ.—Извѣстіе о моршанскомъ пожарѣ черезъ Кельнъ въ Парижъ.—Его рестораны, театры и магазины.—Домъ Инвалидовъ.—Возвращеніе.—Подробности и послѣдствіи моршанскаго пожара.—Помощь погорѣльцамъ.—Интересный документъ исправника.—Поѣздка въ Москву.—Разговоръ съ министромъ.—Представленіе Государю.—Знакомство съ новымъ губернаторомъ.—Назначеніе въ Казань и потомъ въ Нижній-Новгородъ.—Прощанье съ Тамбовомъ. 493